Серия «Великие реформы»

Основана в 2011 году

Главный редактор серии
профессор В. А. Томсинов

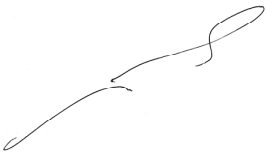
Серия «Великие реформы» является новым совместным проектом издательства «Зерцало» и компании «Гарант», ведущего производителя информационных систем в области права.

В соответствии с данным проектом предполагается в течение 2011–2014 годов издать книги, обобщающие и анализирующие опыт великих реформ 60–70-х годов XIX века в России: крестьянской, университетской, судебной, полицейской, земской, городской, военной, финансовой.

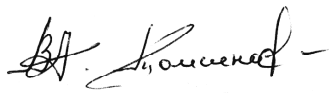
Система подготовки указанных реформ, методика разработки их планов, порядок осуществления реформаторских замыслов на практике, способы юридического оформления экономических, социальных и политических преобразований — все это представляет собой кладезь ценнейших для нашего современного общества идей.

Содержание книг серии «Великие реформы» составляют документальные и аналитические материалы, раскрывающие закономерности государственной политики общественных преобразований в России, показывающие, как готовились в нашем Отечестве полтора столетия назад проекты переустройства общества на новых началах и как они проводились в жизнь. Мы полагаем, что этот исторический опыт нельзя забывать: многое из него вполне может найти себе применение и в современной России.

Председатель
совета директоров компании «Гарант»
Д. В. Першеев



Генеральный директор
издательства «Зерцало»
В. А. Томсинов



Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
Юридический факультет
Кафедра истории государства и права

УНИВЕРСИТЕТСКАЯ РЕФОРМА 1863 года в России

Составитель
и автор вступительных статей
доктор юридических наук, профессор
В. А. Томсинов

Издательство
«Зерцало»

ГАРАНТ®
ИНФОРМАЦИОННО-ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ

Москва
2012

ББК 67.3

Книга посвящается
300-летию со дня рождения
великого русского ученого
Михаила Васильевича Ломоносова

Университетская реформа 1863 года в России / Составитель и автор вступительных статей В. А. Томсинов. М.: Зерцало, 2012. — 480 с. — (Серия «Великие реформы»).

ISBN 978-5-8078-0195-1 (в пер.)

Очередной том серии «Великие реформы» содержит аналитические статьи и документы, отражающие подготовку и осуществление Университетской реформы 1863 года в России. В нем публикуются записи дискуссий, которые велись по вопросам сущности и значения университетов, содержания нового Университетского устава, учебной программы юридического факультета; приводятся тексты Общего устава императорских российских университетов 1863 года и сопровождавшего его Именного указа Александра II, данного Правительствующему Сенату.

В книге публикуются также законодательные акты, регулировавшие организацию и деятельность Академического университета в Санкт-Петербурге и императорского Московского университета в XVIII веке, уставы императорских российских университетов 1804 и 1835 годов. Они позволяют более глубоко понять сущность изменений в систему российского университетского образования, внесенных Университетской реформой 1863 года.

Во вступительных статьях проф. В. А. Томсинова дается обзор истории университетского образования в России в XVIII — первой половине XIX века, показывается методика подготовки университетской реформы 1863 года, раскрывается смысл основных ее мер и их значение для дальнейшего развития российских университетов.

Книга рекомендуется для преподавателей и студентов юридических и исторических вузов.

ISBN 978-5-8078-0195-1

© В. А. Томсинов, предисловие вступительные статьи, составление, примечания, 2011
© Издательство «Зерцало», 2011

ОГЛАВЛЕНИЕ

Томсинов В. А. Предисловие IX

Томсинов В. А. Университетское образование в России в XVIII столетии XI

§ 1. Введение XI

§ 2. Академический университет в Санкт-Петербурге XII

§ 3. Учреждение императорского Московского университета XXII

§ 4. Планы открытия новых университетов в России в последней четверти XVIII века XXXI

Томсинов В. А. Российское университетское образование в первой половине XIX века XXXIV

§ 1. Реформа университетского образования в России в начале XIX века. Предварительные правила народного просвещения 1803 года XXXIV

§ 2. Учреждение новых императорских университетов в Вильно и Дерпте. Уставы Виленского и Дерптского университетов 1803 года XXXVIII

§ 3. Учреждение императорских университетов в Харькове и Казани. Утвердительные грамоты и уставы Московского, Харьковского и Казанского университетов 1804 года XLIII

§ 4. Учреждение императорского Санкт-Петербургского университета LI

§ 5. Учреждение Университета Св. Владимира в Киеве. Временный устав Университета Св. Владимира 1833 года LIV

§ 6. Общий устав императорских российских университетов 1835 года LXI

§ 7. Изменение порядка назначения ректоров и деканов LXV

Томсинов В. А. Подготовка и проведение университетской реформы 1863 года LXVIII

§ 1. Разработка нового Университетского устава LXVIII

§ 2. Дискуссия об учебной программе юридического факультета LXXXIV

§ 3. Введение в действие нового Университетского устава. Его значение для дальнейшего развития университетского образования в России XCVI

§ 4. Университетская организация по Общему уставу императорских российских университетов 1863 года C

§ 5. Учебная программа юридического факультета по Общему уставу императорских российских университетов 1863 года CXIII

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Университетское образование в России в XVIII – первой половине XIX века: законодательные акты

1724 год. 28 января. Именной, объявленный из Сената. «Об учреждении Академии и о назначении для содержания оной доходов таможенных и лицентных, собираемых с городов Нарвы, Дерпта, Пернова и Аренсбуга». С приложением проекта об учреждении Академии 3

1747 год. 24 июля. «Регламент Императорской Академии Наук и Художеств в Санкт-Петербурге» 10

1755 год. 24 января. Именной. «Об учреждении Московского Университета и двух Гимназий». С приложением Высочайше утвержденного проекта по сему предмету 24

1755 год. 12 января. Высочайше утвержденный проект об учреждении Московского Университета 27

1803 год. 24 января. Именной, данный Сенату. «Об устройстве училищ» 38

1804 год. 5 ноября. Высочайшее утвержденный Устав Императорского Московского Университета 44

1804 год. 5 ноября. Утвердительная Грамота
Московского Императорского Университета 70

1835 год. 26 июля. Высочайше утвержденный Общий устав
Императорских Российских Университетов 74

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Подготовка университетской реформы

Раздел 1
Дискуссия о сущности и значении университетов

Андреевский И. Е. О значении университетов в государственном,
ученом и учебном отношениях 94

Каченовский Д. И. Прежнее и новейшее положение
русских университетов 108

Никитенко А. В. Какое устройство должно быть дано
нашим университетам? 122

Костомаров Н. И. Замечание о наших университетах 127

Воронов А. С. Мысли о наших университетах 139

Пирогов Н. И. Дополнение к замечаниям на проект общего устава
императорских российских университетов. Университетский вопрос 151

Раздел 2
Замечания на проект Общего Устава Императорских Российских университетов

Замечания Совета Императорского Московского Университета 227

Замечания адъюнкта В. Д. Спасовича 249

Замечания Роберта фон Моля, из Франкфурта на Майне 259

Раздел 3
Дискуссия об учебной программе юридического факультета

Панов Ф. Н. О составе юридического факультета 289

Шнейдер В. В. О составе юридического факультета 309

Утин Б. И. О значении кафедры истории
иностранных законодательств для Русских университетов 323

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Законодательство университетской реформы

1863 год. 18 июня. Именной указ,
данный Правительствующему Сенату 336

1863 год. 18 июня. Высочайше утвержденный Общий устав
Императорских Российских университетов..... 337

ПРЕДИСЛОВИЕ

История университетов в России берет свое начало в XVIII столетии, однако основы современного российского университетского образования были заложены только университетской реформой 1863 года. Она обновила университетскую организацию, сложившуюся после принятия Общего устава императорских российских университетов 1835 года, и усовершенствовала учебные программы факультетов.

Ее главным действием была разработка и принятие нового *Общего устава императорских российских университетов*. Многие факты свидетельствуют, что данный устав оказался самым продуманным и наиболее удачно сформулированным законодательным актом подобного рода из всех, которые издавались до этого в России. Оценивая его, историк Санкт-Петербургского университета В. В. Григорьев писал: «За исключением крестьянского Положения 19-го февраля, никакое другое законоположение в Империи не обрабатывалось с принятием таких гарантий для успешности дела, как университетский устав 1863 года: зато и вышел он одним из совершеннейших у нас произведений законодательной деятельности»[1].

Важнейшим результатом университетской реформы 1863 года стало создание основ новой, более отвечавшей требованиям времени и условиям России, системы юридического образования. Университетская реформа готовилась одновременно с реформой судебной, которая призвана была создать новую систему судов, новые условия для юридической деятельности. Обе эти реформы были тесно взаимосвязаны одна с другой. Преобразование судебной сферы требовало обновления системы подготовки юристов, модернизации учебной программы юридического факультета. А для этого необходимо было более четко решить вопрос о предмете каждой из преподаваемых в университете юридических наук, о ее значении в юридическом образовании, месте в системе научной юриспруденции и соотношении с другими науками. Все это в конечном счете предполагало новое решение вопроса о сущности и общественном значении университетов.

---

[1] *Григорьев В. В.* Императорский С. Петербургский университет в течение первых пятидесяти лет его существования. СПб., 1870. С. 321.

В методике подготовки обеих реформ также было много сходного. Законодательные акты университетской и судебной реформ разрабатывались в течение нескольких лет, причем на виду у общества и с участием его представителей. Проекты университетского и судебных уставов выносились на широкое обсуждение. Материалы дискуссий специалистов по различным проблемам университетского юридического образования, судоустройства и судопроизводства публиковались в специальных сборниках, которые рассылались по учебным заведениям и государственным ведомствам. Полемические статьи по этим проблемам печатались в газетах и журналах. **Процесс подготовки университетской и судебной реформ являлся в сущности своей грандиозной научно-исследовательской работой в области высшего образования и правоведения**, проводившейся ведущими учеными, профессорами университетов, и образованными чиновниками. Данная работа предполагала в первую очередь обобщение исторического опыта развития в России университетского образования и судебной системы, изучение устройства и функционирования университетов и судебных систем в западноевропейских странах, осмысление целей и задач университетского образования, сущности и общественного значения суда, содержания основополагающих принципов правосудия.

Вступительные статьи и документы, публикуемые в настоящей книге, прежде всего показывают, как развивалось университетское образование в России на протяжении XVIII и первой половины XIX веков. Знание этой истории необходимо, чтобы понять сущность и глубину тех перемен в российском университетском образовании, которые произвела университетская реформа 1863 года и ее основной акт — новый Общий устав императорских российских университетов.

УНИВЕРСИТЕТСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В РОССИИ В XVIII СТОЛЕТИИ

§ 1. Введение

Первая попытка создать в России учебное заведение университетского типа была предпринята царем Федором Алексеевичем. Незадолго до своей кончины он подписал проект Привилеи (Привилегии) Московской Академии наук, в котором заявлялось от его имени: «И благоволим в царствующем нашем и богоспасаемом граде Москве при монастыре премудрости и смысла подателя Всемилостивого Спаса, иже в Китае на песках[1], нарицаемом *Старый*, на взыскание юных свободных учений мудрости и собрания общего ради от благочестивых и в писании божественном благоискусных дидаскалов, изощрения разумов, храмы чином Акадимии устроити; и во оных хощем семена мудрости, то есть науки гражданские и духовные, наченше от грамматики, пиитики, риторики, диалектики, философии разумительной, естественной и нравной, даже до богословии учащей вещей божественных и совести очищения постановити. При том же и учению правосудия духовного и мирского, и прочим всем свободным наукам, ими же целость Академии, сиречь училищ, составляется бытии»[2]. Из этого заявления видно, что учебная программа Академии предполагала изучение, помимо богословия, широкого круга светских гуманитарных наук, в том числе светской юриспруденции.

На обучение в Академию Федор Алексеевич указывал принимать людей всякого чина, сана и возраста, но только православной веры. Ее учащиеся и преподаватели наделялись рядом привилегий, характерных для

---

[1] То есть в Китай-городе.

[2] Привилегия Московской Академии // Древняя российская вивлиофика, содержащая в себе собрание древностей российских, до истории, географии и генеалогии российской касающихся, изданная Николаем Новиковым, членом Вольного Российского собрания при Императорском Московском университете. Издание второе. Часть 6. М., 1788. С. 401–402.

западноевропейских университетов[1]. Вследствие смерти царя данное учебное заведение так и не было создано. Открытая в 1686 году на территории Заиконоспасского монастыря «Эллино-греческая академия»[2] имела лишь внешнее сходство с той академией, которую намеревался учредить Федор Алексеевич.

§ 2. Академический университет в Санкт-Петербурге

В период правления Петра I была предпринята новая попытка создания в России учебного заведения университетского типа. Государь долго вынашивал эту идею. Несколько раз он обсуждал ее с немецким ученым Готфридом Лейбницем[3] и его учеником Христианом Вольфом[4].

В конце концов Петр I пришел к выводу о преждевременности открытия в России университета, подобного тем, которые существовали с эпохи Средневековья в Западной Европе, и принял решение о создании учреждения, соединявшего в себе Академию наук и университетское учебное заведение. Разработка проекта такого учреждения была завершена за год до смерти царя-реформатора.

28 января 1724 года был издан Именной указ, объявленный из Сената, в котором сообщалось, что его величество повелел «учинить Академию, в которой бы учились языкам, также прочим наукам и знатным художествам и переводили б книги»[5]. В приложенном к данному акту «Проекте учреждения Академии с назначением на содержание оной доходов» проводилось четкое различие между университетом и Академией наук. «Университет, — говорилось здесь, — есть собрание ученых людей, которые наукам высоким, яко феологии и юриспруденции (прав искусству), медицины, философии, сиречь до какого состояния оные ныне

---

1 См. об этом: *Томсинов В. А.* Царь Федор Алексеевич как государственный деятель и человек // Законодательство царя Федора Алексеевича: 1676–1682 годы. Законодательство царей Иоанна Алексеевича и Петра Алексеевича: 1682–1696 годы. М.: Зерцало, 2012. С. LII–LVIII.

2 С 1701 г. она именовалась «Славяно-латинской академией», а с 1775 г. — «Славяно-греко-латинской академией».

3 См. о встречах и беседах Петра I с Г. Лейбницем в книге: *Томсинов В. А.* Юридическое образование и юриспруденция в России в XVIII веке. М.: Зерцало, 2010. С. 50–57.

4 См.: Там же. С. 60.

5 Именной указ, объявленный из Сената 28 января 1724 года, «Об учреждении Академии и о назначении для содержания оной доходов таможенных и лицентных, собираемых с городов Нарвы, Дерпта и Аренсбурга» // Полное собрание законов Российской империи. СПБ., 1830 (далее: 1-ПСЗРИ). Том 7. № 4443. С. 220.

дошли, младых людей обучают. Академия же есть собрание ученых и искусных людей, которые не токмо сии науки в своем роде, в том градусе, в котором оные обретаются, знают, но и чрез новые инвенты (издания) оные совершить и умножить тщатся, а о обучении прочих никакого попечения не имеют»[1].

Далее в «Проекте» сообщалось, что в некоторых государствах университет и академия никакой связи друг с другом не имеют, и делался вывод о том, что в условиях России создание Академии наук и университета в качестве обособленных друг от друга учреждений не принесет пользы, поскольку отсутствует почва для самостоятельного существования каждого из них: нет еще в России школ, гимназий, семинарий, и не распространены в народе науки. А посему предлагалось придать Академии наук некоторые функции университета и гимназии, то есть обязать академиков наряду с научными исследованиями заниматься преподаванием наук — читать публичные лекции и готовить молодых людей к преподавательской деятельности.

Для более эффективного выполнения университетской функции Академию наук проектом предполагалось разделить на «три класса»: в первом классе должны были объединяться «все науки математические и которые от оных зависят», во втором — «все части физики» (к этому классу относились, кроме физики, также анатомия, химия и ботаника), а в третьем — «гуманиора, история и права»[2].

Третий класс предполагалось поручить «трем персонам», среди которых первая бы «элоквенцию и студиум антиквитатис обучала», вторая — «историю древнюю и нынешнюю», а третья — «право натуры и публичное купно с политикою и этикою (нравоучением)»[3].

В течение всего 1724 года шла подготовка к началу работы учрежденной Академии наук. Велись переговоры о приглашении иностранных ученых, создавалась канцелярия, обсуждались конкретные вопросы деятельности академиков. Петр I не дожил до торжественного открытия Академии наук. Оно случилось уже в царствование его супруги Екатерины I.

20 ноября 1725 года императрицей был издан Именной указ «Об открытии предположенной к учреждению императором Петром Великим Академии наук и о назначении в оную президентом лейб-медика Лаврентия Блюментроста».

---

1 «Проект учреждения Академии с назначением на содержание оной доходов» // 1-ПСЗРИ. Том 7. № 4443. С. 220.

2 Там же. С. 221.

3 Там же. С. 222.

27 декабря 1725 года состоялось первое торжественное публичное собрание Академии наук с участием зятя императрицы герцога Гольштинского, Феофана Прокоповича, князя А. Д. Меншикова и других видных представителей столичной знати. В полученных ими приглашениях посетить данное торжество Академия наук была названа Российской.

14 января 1726 года в Санкт-Петербургской типографии был напечатан каталог лекций академических профессоров: они начинались спустя десять дней — 24 января. Таким образом, Петербургская Академия наук официально начала действовать и в качестве учебного заведения.

Однако за два десятилетия существования императорской Академии наук университета в ее рамках так и не сложилось[1]. В 1743 году М. В. Ломоносову пришлось отвечать на вопрос Следственной комиссии Академии наук по делу И. Д. Шумахера, есть ли в составе Академии университет. Он ответил отрицательно и при этом постарался подкрепить свой ответ целым рядом убедительных аргументов, которые изложил на нескольких страницах и направил в «высокоучрежденную Следственную комиссию Академии наук»[2]. «Всем университетам, — отмечал Ломоносов, — бывают инавгурации и публичные учреждения, которые наперед за несколько месяцев по ученым собраниям и университетам программой публикованы бывают, к чему из разных мест профессоры и студенты съезжаются, при котором публичном собрании, по благодарственной Божией службе читается государева грамота и отдаются новоизбранному ректору надлежащие к университету признаки и привилегии и вольности с церемониями, а потом рассылаются по другим университетам о том печатные известия, чтобы оные новоучрежденный университет за университет почитали; а здесь при Академии наук, такой публичной инавгурации университета не было; и не токмо иностранные Академии и университеты, но и здешние обыватели, о ни каком С.-Петербургском университете не слыхали и не знают, и о том ни какие печатные известия никуды не рассыланы и здесь не раздаваны»[3]. «В каждом университете выбирают ежегодно ректора или проректора из профессоров поочередно, — продолжал Михаил Васильевич, — а из здешних профессоров ни

---

[1] См. о деятельности Академического университета во второй четверти XVIII в. в книге: *Томсинов В. А.* Юридическое образование и юриспруденция в России в XVIII столетии. М., 2010. С. 75–86.

[2] *Ломоносов М. В.* Нижайшее доказательство о том, что здесь, при Академии наук, нет университета // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1865. Кн. 1. Отд. 5. С. 56–59.

[3] Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1865. Кн. 1. Отд. 5. С. 56–57.

ректоры, ни проректор поочередно и погодно никогда не выбирались»[1]. Подводя итоги своей аргументации, Ломоносов писал: «Итак, понеже при здешней Академии наук ни какой инавгурации университета не бывало, профессоров, до университета принадлежащих, полного собрания нет, лекции почти порядочно не читаются, ни ректоров, ни профессоров ежегодно и поочередно из профессоров не выбирают, студентам ни какие университетские не даются публичные диспуты, и экзерциции никогда не бывают, и никого ни в докторы, ни в лиценциаты и ни в магистры не производят, и словом, ни каких порядков и поведений, по университетам обыкновенных, нет; следовательно, при здешней Академии наук не токмо настоящего университета не бывало, но еще ни образа, ни подобия университетского не видно»[2].

Приведенные оценки состоянию Академического университета М. В. Ломоносов повторит в обширной записке «О необходимости преобразования Академии наук», которая будет составлена им приблизительно в 1758–1759 годах. «С начала Академии наук, от 1725 по 1733 год, — отметит он, — ни единого российского студента при ней не было, который бы лекции у профессоров слушал. А приехавшие из Москвы тогда 12 человек из Спасских школ лучшие посланы в Камчатскую экспедицию, и там, кроме Крашенинникова, стали негодными, будучи без всякого призрения; оставшиеся в Санктпетербурге, скитавшись несколько времени в бедности, для худого содержания определились по художествам и в Канцелярию»[3].

Такое положение сохранялось и позднее — не только в 30-е, но и в 40-е годы XVIII в. «В Университете, — писал Ломоносов в указанной записке, — хотя по стату недоставало только одного профессора математики и физики, однако не было в нем ни подобия университетского по примеру других государств, не было факультетов, ни ректора, по обычаю выборного повсягодно, не было студентов, ни лекций, ниже лекциям — каталогов, ни диспуты, ниже формальные промоции в лиценциаты и в докторы, да и быть не могут, затем что Санктпетербургский университет и имени в Европе не имеет, которое обыкновенно торжественною инавгурациею во всем свете публикуется; и словом, главного дела не было — университетского регламента»[4].

---

1 Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1865. Кн. 1. Отд. 5. С. 58.

2 Там же. С. 59.

3 *Ломоносов М. В.* Полное собрание сочинений. Том 10. С. 36–37.

4 Там же. С. 41.

21 мая 1746 года на пост президента Академии наук был назначен Кирилл Григорьевич Разумовский (1728–1803) — брат фаворита императрицы Елизаветы Петровны Алексея Григорьевича Разумовского. Приступая к исполнению своих обязанностей, он вполне сознавал, что это учреждение нуждается в реформе. В первой же своей речи перед академиками, произнесенной 12 июня 1746 года, К. Г. Разумовский заявил: «За необходимо вам объявить нахожу, что собрание ваше такие меры от первого нынешнего случая принять должны, которые бы не одну только славу, но и совершенную пользу в сем пространном государстве производить могли. Вы знаете, что слава одна не может быть столь велика и столь благородна, ежели к ней не присоединена польза. Сего ради Петр Великий как о славе, так и о пользе равномерное попечение имел, когда первое основание положил сей Академии, соединив оную с университетом»[1]. При этом молодой президент обратил внимание академиков на то, что из двух целей, указанных Академии наук ее основателем, достигнута была только одна — ученая. Университетом же Академия так и не сделалась.

На достижение этой последней цели — создание в России университета — был направлен «Регламент Императорской Академии наук и художеств в Санктпетербурге», утвержденный императрицей Елизаветой Петровной 24 июля 1747 года[2]. Данный акт сохранял заложенное при основании Академии соединение ее с университетом, но для того, чтобы это учреждение стало по-настоящему действовать в качестве университета, он отделял обязанности академиков от функций профессоров.

В *первой* статье Регламента говорилось: «Академия собственно называется собрание ученых людей, которые стараются познать и разыскивать различные действия и свойства всех в свете пребывающих тел, и через свое испытание и науку, один другому показывать, а потом общим согласием издавать в народ. Сии люди, не только о том стараются, чтоб собрать все то, что уже в науках известно, но и далее трудятся в изобретениях поступать. Видно по сему, что такие люди заняты беспрестанным трудом, чтоб делать свои примечания, читать книги, и вновь сочинять их; чего ради им времени мало останется на то, чтоб обучать других публично. И так определяются особливые Академики, которые составляют Академию, и никого не обучают, кроме приданных им Адъюнктов и студентов, и особливые Профессора, которые учить должны в Университете, о которых под учреждением Университета определено будет. Но ежели нужда востребует и время допустит и Академику трудиться

---

[1] Цит. по: *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Кн. 11. С. 570.

[2] 1-ПСЗРИ. Том 12. № 9425. С. 730–739.

в Университете, в таком случае отдается на Президентское рассуждение, чтоб определить он мог и Академика, по усмотрению, для читания потребных лекций в Университете»[1].

Тридцать шестая статья Регламента Академии наук гласила: «Россия не может еще тем довольствоваться, чтоб только иметь людей ученых, которые уже плоды науками своими приносят; но чтобы всегда на их места заблаговременно наставлять в науках молодых людей, а особливо что за первый случай учреждение Академическое не может быть сочинено инако, как из иностранных по большей части людей, а впредь должно оно состоять из природных Российских; того ради к Академии другая ее часть присоединяется, Университет»[2]. В следующей, *тридцать седьмой* статье, пояснялось, что это такое. «Университет, — гласила она, — есть собрание учащих и учащихся людей. Первые называются Профессоры, а другие студенты. Профессоры не обучают языков, но обучают наук. Того ради студенты должны уже искусны быть в языке Латинском, дабы лекции в науках, которых на ином ни на каком языке давать не позволяется, как токмо на Латинском и Русском, могли они совершенно разуметь: сего ради надлежит выбрать из училищ Российских, где Президент за лучше усмотрит, тридцать учеников способных и знающих уже Латинский язык, и оных определить при Академии, дав им жалование и квартиру такую, чтоб они все могли быть в одном доме. А чтоб впредь сие число студентов могло всегда наполняться, то учредить Гимназию, при которой двадцать человек молодых людей содержать на коште Академическом, и годных производить в студенты, а негодных отдавать в Академию Художеств; только смотреть, чтобы как число студентов, так и число учеников в Гимназии, которые, как одни, так и другие содержатся имеют на коште Академическом, не превосходило положенного; ибо вольных людей принимать свыше сего позволяется, сколько случатся, и за науку ни от кого, как Академии, так Профессорам и учителям от учеников ничего не требовать»[3].

Согласно *сорок первой* статье Регламента Академии наук, в университет разрешалось принимать людей из всяких чинов, «смотря по способности, кроме положенных в подушный оклад». При этом предписывалось детей дворян не принимать в университет на академическое содержание, но обучать их только «на своем коште». Исключение делалось лишь для студентов из бедных дворянских семей[4].

---

1 1-ПСЗРИ. Том 12. № 9425. С. 731.

2 Там же. С. 735.

3 Там же. С. 735–736.

4 Там же.

В *сорок пятой* статье Регламента приводился список наук, которые надлежало преподавать в университете. В их числе назывались: латинский, греческий, французский и немецкий языки, «латинское красноречие», арифметика, «геометрия и прочие части математики», «география, история, генеалогия и гетаральдика», «логика и метафизика», «физика теоретическая и экспериментальная», «древности и история литеральная». Последними в этом списке стояли «права натуральные и философия практическая или нравоучительная»[1].

Придавая Академическому университету некоторые черты самостоятельного ученого заведения, «Регламент Императорской Академии наук и художеств в Санктпетербурге», принятый 24 июля 1747 года, не отделял его от Академии наук. В *тридцать восьмой* статье этого документа заявлялось, что «университет учрежден быть должен по примеру прочих европейских университетов», но дальше такого заявления дело не пошло: своего устава университет так и не получил. Вместо него в 1750 году была издана временная инструкция, определявшая организацию университетского учебного процесса.

Принятые меры по реорганизации Академии наук и существовавшего в рамках ее университета не исправили положения. В начале 1755 года М. В. Ломоносов был вынужден признать, что университета в рамках Санкт-Петербургской Академии наук до сих пор, в сущности, нет. «Больше всего препятствует приращению наук и размножению людей ученых, — отмечал он в записке об исправлении этого учреждения, — весьма малое число студентов и школьников в рассуждении толь великой суммы, на Академию положенной, и беспропорциональное разделение студентов и школьников, ибо всех их только 50 человек, которых число по примеру кадетских корпусов много больше быть должно... Посторонние вольные школьники тому не замена, затем что должны быть и студенты вольные и посторонние, безжалованные. Таковые студенты числятся по университетам в других государствах не токмо стами, но и тысячами из разных городов и земель. Напротив того, здесь почти никого не бывает. Причина сего весьма видна и явственна, ибо *здешний Университет не токмо действия, но и имени не имеет*»[2] (курсив мой. — *В. Т.*).

24 марта 1758 года президент Академии наук граф К. Г. Разумовский поручил коллежскому советнику господину Ломоносову «иметь особливое прилежное старание и смотрение, дабы в Академическом, Историческом

---

[1] 1-ПСЗРИ. Том 12. № 9425. С. 736–737.

[2] *Ломоносов М. В.* Всенижайшее мнение о исправлении Санктпетербургской императорской Академии наук. Январь–февраль 1755 года // Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. Том 10. С. 20.

и Географическом Собраниях, тако ж в университете и в гимназии все происходило порядочно, и каждой бы должность свою в силу регламента и данных особливых инструкций отправлял со всяким усердием, употребляя труды свои к настоящей пользе Академии»[1]. Одновременно с этим Михаилу Васильевичу было предложено разработать план преобразования Академии наук и находившихся при ней университета с гимназией.

Составленный Ломоносовым к июлю 1759 года план регламента и проект штата предполагали, что в юридическом факультете Академического университета будет три профессора: универсального права, российского права, истории и политики[2].

Предложенный ученым перечень привилегий включал следующие положения: «1. Чтобы Университет имел власть производить в градусы высочайшим монаршеским именем. 2. Чтобы по здешним законам назначить пристойные ранги и по генеральной табели на дворянство дипломы. 3. Снять полицейские тягости. 4. Уволять на каникулярные дни. 5. Сумму отпускать прежде всех и никакого не чинить изъятия, разве именным указом точно на оную будет указано. 6. Студентов не водить в полиции, но прямо в Академию. 7. Духовенству к учениям, правду физическую для пользы и просвещения показующим, не привязываться, а особливо не ругать наук в проповедях»[3].

10 января 1760 года Ломоносов представил Академическому собранию «Проект привилегии Академии наук». 19 января К. Г. Разумовский поручил Михаилу Васильевичу ведать учреждением и всем распорядком университета и гимназии в Санкт-Петербурге с тем, чтобы он действовал по сочиненным им регламентам. Признавая, что Ломоносов «привел своим старанием Гимназию во много лучшее состояние перед прежним», президент Академии наук выражал упование, что «он в произведении до цветущего состояния оных двух департаментов по должности сына отечества со всяким прилежанием и усердием поступать будет»[4].

14 февраля 1760 года К. Г. Разумовский подписал постановление о переустройстве Академического университета по плану М. В. Ломоносова.

---

1 Материалы к биографии Ломоносова. Собраны экстраординарным академиком Билярским. СПб., 1865. С. 368.

2 *Ломоносов М. В.* План регламента, Проект штата, Перечень привилегий и Программа инавгурации Академического университета. Не позднее 23 июля 1759 года / Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. Том 9. С. 537–538.

3 Там же. С. 539.

4 Определение Канцелярии АН о передаче Университета и Гимназии в единоличное ведение Ломоносова. 19 января 1760 года // Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. Том 9. С. 553–554.

В нем говорилось: «В учреждении Санктпетербургского Университета по примеру других в Европе процветающих, как в Академическом регламенте, в 38 пункте изображено, надлежит наблюдать все, что к поощрению учащих и учащихся для порядочного течения сего важного дела и что к славе государства служит... И понеже по прилежном и обстоятельном рассмотрении всех узаконений и обрядов, употребляемых по европейским университетам, надлежит принять к наблюдению и в Санктпетербургском университете нижеследующие пункты, того ради по указу Е[е] И[мператорского] В[еличества] Канцелярия Академии Наук приказали: 1-е. Быть в оном Университете трем факультетам: юридическому, медицинскому и философскому (не упоминая о богословском, который как духовное дело надлежит до Святейшего Синода); в оных трех факультетах быть определенному числу профессоров; в юридическом — 1-му профессору прав общих, 2-му прав российских, 3-му истории и политики»[1]. Далее назывались профессора и преподаваемые ими предметы по медицинскому и философскому факультетам, определялась система управления Университетом, говорилось о том, кто займет профессорские должности, устанавливался объем средств, отпущенных на Университет, а также размер жалованья профессоров, руководителей и чиновников.

17 февраля 1760 года Академия наук направила императрице Елизавете Петровне представление о рассмотрении в Конференции при императорском дворе составленного Ломоносовым проекта университетских привилегий. В представлении содержалось напоминание государыне о том, что в данном от ее императорского величества регламенте Академии наук, в 38 пункте, было повелено «учредить при оной Университет по примеру других, в Европе процветающих университетов», и что в настоящее время его «учреждение здесь действительно производится»[2]. Далее в этом документе констатировалось, что «без привилегий, каковыми университеты в других государствах пользуются, природные россияне и чужестранцы самопроизвольно и без в[ашего] и[мператорского] в[еличества] жалованья обучаться в Санктпетербургском университете не охотятся, и для такой причины не может оный придти в цветущее состояние, и нельзя чаять такой нашему отечеству пользы, каковую своим приносят иностранные», и что поэтому «Академическая канцелярия признает за необходимое дело иметь привилегию за собственным в[ашего]

---

1 Определение Канцелярии АН о переустройстве Университета. 14 февраля 1760 года // Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. Том 9. С. 556–557.

2 Представление АН на имя Императрицы о рассмотрении в Конференции при Императорском Дворе проекта университетских привилегий. 17 февраля 1760 года // Там же. С. 565.

и[мператорского] в[еличества] подписанием». Академия наук обращалась к Елизавете Петровне с просьбой издать указ, повелевающий Санкт-Петербургский университет «снабдить привилегиею»[1]. В конце данного представления давалось обещание, что такую милость государыни Академия наук и Университет постараются объявить всему свету пристойным публичным актом академическим и университетской инаугурацией.

Издание указа о даровании Санкт-Петербургскому университету императорской привилегии казалось Ломоносову лишь делом решенным, поэтому еще летом 1759 года он приступил к разработке программы инаугурации[2], а осенью начал писать текст своей инаугурационной речи[3]. Однако судьба оказалась неблагосклонной к Санкт-Петербургскому университету: императрица Елизавета Петровна ни в 1760-м, ни в течение следовавшего за ним года не нашла времени подписать необходимые для введения в действие университетских привилегий документы[4], а в конце 1761 года заболела и умерла. Ее преемник на императорском троне, Петр III, оказался менее податливым на благодеяния российскому университетскому образованию.

С переходом императорской власти в результате государственного переворота от Петра III к его супруге Екатерине Алексеевне М. И. Воронцов и И. И. Шувалов, посредством которых М. В. Ломоносов добивался высочайшего одобрения своих проектов, утратили при царском дворе прежнее влияние. Несмотря на это Михаил Васильевич не оставил своих попыток создать в Санкт-Петербурге настоящий университет.

Летом 1764 года им был разработан новый проект устройства Академии наук. В нем содержались предложения относительно и существовавшего в ее рамках университета. «Представляется уместным, — писал

---

1 Представление АН на имя Императрицы о рассмотрении в Конференции при Императорском Дворе проекта университетских привилегий. 17 февраля 1760 года // Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. Том 9. С. 565.

2 Сделанный Ломоносовым набросок порядка инаугурации Санктпетербургского университета опубликован в издании: *Ломоносов М. В.* Полное собрание сочинений. Том 9. С. 539–540.

3 Сохранился черновой набросок данной речи. См.: *Ломоносов М. В.* Слово благодарственное, Всепросветлейшей Великой Государыне Императрице Елисавете Петровне, Самодержице Всероссийской, на торжественной инавгурации Санктпетербургского университета говоренное 1760 года // Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. Том 8. Поэзия. Ораторская проза. Надписи. 1732–1764 гг. М.-Л., 1959. С. 677–684.

4 По некоторым сведениям М. В. Ломоносов самолично несколько раз ездил в Петергоф, дабы подвигнуть императрицу на подписание указа о даровании Санктпетербургскому университету привилегий.

он, — чтобы то, что в Академии именуется классами, называлось там по-университетски — факультетами. Так как во всех университетах деление на факультеты бывает сообразовано с государственными учреждениями, то и здесь, отказавшись от богословского круга наук в пользу Святейшего Синода, каковые науки преподаются только в подведомственных ему школах, необходимо по гражданской части для отправления правосудия и для ограждения прав каждого учредить факультет юридический. Для сохранения людского здоровья и для попечения о нем нужно основать факультет медицинский. Для увеличения общественного благосостояния и для создания разных жизненных благ необходимо устроить факультет философский. На юридическом факультете должны быть лекции: 1) исторические, для ознакомления с правом народов, что в других местах напрасно относят к ведению факультета философского; 2) по практической философии; 3) по политике; 4) по публичному и частному праву; 5) русское право»[1].

Смерть выдающегося русского ученого, последовавшая 4 апреля 1765 года, помешала исполнению его планов преобразования Академии наук и переустройства академического университета. Более того, с уходом Ломоносова из жизни данный университет вообще прекратил свое существование. Д. А. Толстой, исследовавший архивные документы, отражавшие деятельность академического университета, писал в своей книге, посвященной данному учреждению, о том, что после 25 ноября 1765 года в протоколах заседаний Конференции Академии наук не имеется «никаких распоряжений об университете, ни распределения профессорских лекций для студентов»[2]. Это могло означать только одно: деятельность академического университета во второй половине 60-х годов XVIII века, по существу, прекратилась. Сохранилось, правда, объявление о лекциях в данном учебном заведении на 1766 год, но нет никаких сведений о том, что эти лекции на самом деле читались.

§ 3. Учреждение императорского Московского университета

24 января 1755 года императрица Елизавета Петровна издала Именной указ «Об учреждении Московского университета и двух гимназий».

---

1 *Ломоносов М. В.* Предположения об устройстве и уставе Петербургской Академии // Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. Том 10. С. 123.

2 *Толстой Д. А.* Академический университет в XVIII столетии: По рукописным документам Архива Академии наук. СПб., 1885. С. 61.

Его текст начинался с изложения мотивов, побудивших государыню открыть в Москве императорский университет: «Когда бессмертные славы в Бозе почивающий, Любезнейший Наш Родитель и Государь Петр Первый, Император Великий и обновитель отечества своего, погруженную во глубине невежеств, и ослабевшую в силах Россию, к познанию истинного благополучия роду человеческому приводил, какие и коликие во все время Дражайшей Своей жизни монаршеские в том труды полагал, не толико Россия чувствует, но и большая часть света тому свидетель; и хотя во время жизни толь Высокославного Монарха, Отца Нашего и Государя, всеполезнейшие Его предприятия к совершенству и не достигли, но Мы Всевышнего благоволением, со вступления Нашего на Всероссийский Престол, всечасное имеем попечение и труд, как об исполнении всех Его славных предприятий, так и о произведении всего, что только к пользе и благополучию всего отечества служить может, чем уже действительно по многим материям все верноподданные Матерними Нашими милосердиями ныне пользуются, и впредь потомки пользоваться станут, что времена и действия повседневно доказывают. Сему, последуя, из Наших истинных Патриотов и зная довольно, что единственно Наше желание и воля состоит в произведении народного благополучия к славе отечества, упражняясь в том, к совершенному Нашему удовольствию прилежность свою и труд в общенародную пользу прилагали; но как всякое добро происходит от просвещенного разума, а напротив того зло искореняется, то следовательно нужда необходимая о том стараться, чтоб способом пристойных наук, возрастало в пространной Нашей Империи всякое полезное знание»[1].

Открытие императорского университета именно в Москве в Указе объяснялось целым рядом причин, как-то: 1) великим числом живущих в ней дворян и разночинцев; 2) срединным положением города на территории Российского государства; 3) тем, что содержание учащегося не будет здесь стоить дорого; 4) наличием у многих молодых людей, которые будут поступать на учебе, родственников или знакомых в Москве и, наконец, 5) тем, что в Москве было много находившихся на дорогом содержании у помещиков учителей, бóльшая часть которых не обладала ни знаниями, ни способностями, чтобы учить.

К приведенному Именному указу был приложен высочайше утвержденный 12 января 1755 года «*Проект об учреждении Московского Университета*». Названный документ не был университетским уставом

[1] 1-ПСЗРИ. Том 14. № 10346. С. 284–285. См. также: Законодательство императрицы Елизаветы Петровны / Составитель и автор вступительной статьи В. А. Томсинов. М.: Зерцало, 2009. С. 171–172.

в строгом смысле этого слова, но он содержал ряд положений, характерных для актов такого рода. Так, первым параграфом «Проекта» устанавливалось материальное содержание учреждавшегося университета. § 5 предусматривал создание в этом учебном заведении трех факультетов: юридического, медицинского и философского. Хотя Московский университет учреждался, как отмечалось в Указе, «по примеру европейских университетов», в нем не предполагалось наличия теологического или богословского факультета. Подготовкой священников ведал Святейший Синод, который имел для этого собственные учебные заведения.

Согласно § 5 указанного документа в *юридическом факультете* должны были состоять три профессора:

«1. Профессор всей юриспруденции, который учить должен натуральные и народные права и узаконения Римской древней и новой империи.

2. Профессор юриспруденции Российской, который сверх вышеписанных должен знать и обучать особливо внутренние государственные права.

3. Профессор политики, который должен показывать взаимные поведения, союзы и поступки государств и государей между собою, как были в прошедшие века и как состоят в нынешнее время».

В *медицинском* — также три профессора:

«1. Доктор и профессор химии должен обучать химии физической особливо и аптекарской.

2. Доктор и профессор натуральной истории должен на лекциях показывать разные роды минералов, трав и животных.

3. Доктор и профессор анатомии обучать должен и показывать практикой строение тела человеческого на Анатомическом театре, и приучать студентов в медицинской практике».

В *философском* — четыре профессора:

«1. Профессор философии обучать должен логике, метафизике и нравоучению.

2. Профессор физики обучать должен физике экспериментальной и теоретической.

3. Профессор красноречия для обучения оратории и стихотворства.

4. Профессор истории для показания истории универсальной и российской, также древности и геральдики»[1].

Указанные структуры факультетов и их учебные программы были построены по плану М. В. Ломоносова, начертанному им в июне — июле

[1] 1-ПСЗРИ. Том 14. № 10346. С. 289; Законодательство императрицы Елизаветы Петровны. С. 178.

1754 года в письме к И. И. Шувалову[1]. Михаил Васильевич писал в этом письме следующее: «Милостивый государь Иван Иванович! — обращался Ломоносов к фавориту императрицы Елизаветы Петровны. — Полученным от вашего превосходительства черновым доношением Правительствующему Сенату к великой моей радости я уверился, что объявленное мне словесно предприятие подлинно в действо произвести намерились к приращению наук, следовательно, к истинной пользе и славе отечества. При сем случае довольно я ведаю, сколь много природное ваше несравненное дарование служить может и многих книг чтение способствовать. Однако и тех совет вашему превосходительству не бесполезен будет, которые сверх того университеты не токмо видали, но и в них несколько лет обучались, так что их учреждения, узаконения, обряды и обыкновения в уме их ясно и живо, как на картине, представляются. Того ради, ежели Московский университет по примеру иностранных учредить намеряетесь, что весьма справедливо, то желал бы я видеть план, вами сочиненный. Но ежели ради краткости времени или ради других каких причин того не удостоюсь, то, уповая на отеческую вашего превосходительства ко мне милость и великодушие, принимаю смелость предложить мое мнение о учреждении Московского университета кратко вообще.

1) Главное мое основание, сообщенное вашему превосходительству, весьма помнить должно, чтобы план Университета служил во все будущие роды[2]. Того ради, несмотря на то что у нас ныне нет довольства людей ученых положить в плане профессоров и жалованных студентов довольное число. Сначала можно проняться теми, сколько найдутся. Со временем комплект наберется. Остальную с порожних мест сумму полезнее употребить на собрание университетской библиотеки, нежели, сделав ныне скудный и узкий план по скудости ученых, после, как размножатся, оный снова переделывать и просить о прибавке суммы.

2) Профессоров в полном университете меньше двенадцати быть не может в трех факультетах»[3].

Далее Михаил Васильевич перечислял предметы, преподавание которых необходимо было организовать в Московском университете. Для юридического и медицинского факультетов требовалось, по его мнению,

---

1 Текст указанного письма был впервые опубликован в журнале «Московский телеграф» (1825. Ч. 5. № 18. Сентябрь. С. 133–136).

2 То есть во все будущие поколения.

3 *Ломоносов М. В.* Полное собрание сочинений. Том 10. С. 508, 513. На стр. с 509 по 512 указанного издания напечатана фотокопия оригинального текста письма Ломоносова Шувалову.

по три профессора, а для философского — шесть[1]. И. И. Шувалов сократил число профессорских должностей в учреждавшемся Московском университете до 10.

В отличие от университетов, существовавших в Западной Европе, управление Московским университетом должно было осуществляться на основании «Проекта» о его учреждении не выборным ректором, а назначаемым государем директором, который мог и не входить в число университетских преподавателей. В соответствии с § 3 «Проекта» директору надлежало управлять доходами вместе с профессорами. В данном случае имелось в виду профессорское собрание, которое в соответствии с § 7 «Проекта» должно было созываться «по субботам в присутствии директора университета», чтобы «советовать и рассуждать о всяких распорядках и учреждениях, касающихся до наук и до лучшего оных произвожения»[2]. Елизавета Петровна определила на пост директора Московского университета коллежского советника Алексея Аргамакова, который не входил в число профессоров университета.

Помимо должности директора «Проект» предусматривал наличие одного или двух кураторов. Они должны были наблюдать за ходом дел в университете и докладывать о возникающих его нуждах ее величеству. По воле императрицы кураторами Московского университета стали: действительный камергер Иван Иванович Шувалов, названный в Указе за свои заботы об учреждении императорского университета в Москве «изобретателем того полезного дела», и действительный статский советник Лаврентий Блюментрост[3]. Последний занимал эту должность недолго:

---

[1] «I. Профессор философии. II. — физики. III. — оратории. IV. — поэзии. V. — истории. VI. — древностей и критики» (*Ломоносов М. В.* Полное собрание сочинений. Том 10. С. 514).

[2] Указанное собрание — «Конференция» или «Ученый совет» — начало свою работу 16 октября 1756 г. (См.: Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века. Том 1. М., 1960. С. 27). В первое время оно состояло из директора университета (А. М. Аргамакова) и трех ординарных профессоров (Н. Н. Поповского, Ф.-Г. Дильтея и И. Г. Фроммана). Приказом куратора Московского университета И. И. Шувалова от 16 февраля 1757 г. в состав университетской Конференции были включены в дополнение к названным членам три асессора канцелярии университета (М. Веревкин, П. Хованский и М. Херасков). См.: Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века. Том 1. С. 36. 7 января 1757 г. Аргамаков умер, и 18 апреля того же года новым директором Московского университета, а следовательно, и председателем Конференции, был назначен И. И. Мелиссино (1718–1795), который пребывал в этих должностях до 10 июля 1763 г.

[3] В тексте Именного указа от 24 января 1755 г. он был наименован как «статский действительный советник *Блюментрот*».

27 апреля 1755 года он скончался. И. И. Шувалов же носил звание куратора 42 с половиной года — до самой своей смерти 14 ноября 1797 года. Правда, в период с 1763 по 1777 год он пребывал за границей, будучи в опале, и не руководил Московским университетом.

Согласно первому пункту § 1 «Проекта» профессора и учителя университета не могли без ведома университетских кураторов и директора привлекаться к любому иному суду, кроме университетского.

§ 8 «Проекта об учреждении Московского университета» устанавливал: «Никто из профессоров не должен по своей воле выбрать себе систему или автора и по оной науку свою слушателям предлагать, но каждый повинен следовать тому порядку и тем авторам, которые ему профессорским собранием и от кураторов предписаны будут».

Согласно § 9 «Все публичные лекции должны предлагаемы быть либо на латинском, либо и на русском языке, смотря как по приличеству материи, так и по тому, иностранной ли будет профессор или природный русской».

В соответствии с § 22 «Проекта об учреждении Московского университета» обучение на всех его факультетах должно было длиться три года. Зачисление в студенты университета производилось, в соответствии с § 23, по результатам экзамена, во время которого желавший обучаться в университете должен был показать, что «способен к слушанию профессорских лекций»[1].

В качестве здания для Московского университета был выбран Аптекарский дом, располагавшийся рядом с Красной площадью у Курятных (ныне Воскресенских) ворот. Он был построен в конце XVII века и был похож своей конструкцией на знаменитую Сухареву башню[2]. Указ о передаче открывавшемуся Московскому университету Аптекарского дома императрица Елизавета подписала 8 августа 1754 года[3].

---

1 1-ПСЗРИ. Том 14. № 10346. С. 291.

2 См. подробнее о первом здании Московского университета: *Пенчко Н. А.* Основание Московского университета. М., 1953. С. 91.

3 Проект об учреждении Московского университета, представленный Сенатом императрице Елизавете 22 июля 1754 г., был подписан ее величеством до указанной даты, т. е. 8 августа 1754 года. Но по каким-то причинам (вероятно, из-за неготовности помещений для учебных занятий) экземпляр высочайше утвержденного документа был возвращен в Сенат. В настоящее время он хранится в архиве: место, где была подпись императрицы, вырезано и заклеено бумагой, в нижней части документа приписано «возвращен 2 декабря». С этого экземпляра была снята копия, которую императрица Елизавета подписала в «Татьянин день» — 12 января 1755 г. См. об этом: *Андреев А. Ю.* Лекции по истории Московского университета. 1755–1855. М., 2001. С. 61; *Белявский М. Т.* М. В. Ломоносов и основание Московского университета. М., 1955.

В этом доме, перестроенном под учебное заведение, 26 апреля 1755 года состоялось официальное открытие — «инавгурация», как тогда говорили, — гимназии Императорского Московского университета, а вместе с ней и самого университета. В «Санкт-Петербургских ведомостях» данное событие описывалось следующим образом: «В назначенный день в 8 часу поутру учители с учениками собраны были в Университете, куда и все знатные персоны, которые прошены были чрез печатные программы, во многом числе прибыли, также чужестранные и знатное купечество по их требованию допущены были: тогда в надлежащем порядке ученики разделены на классы, с учителями пошли в церковь Казанския богородицы и в присутствии директора отправлялся молебен соборной за высочайшее здравие Ее Императорского Величества и Императорской фамилии... Возвращались оттуда таким же порядком, как и в церковь шли, и вшед в большую залу говорены были речи: на российском языке магистром Антоном Барсовым, на латинском — магистром и конректором Николаем Поповским, на французском — учителем вышнего французского класса — ла Бомом, на немецком — учителем вышнего немецкого класса Литкеном. По окончании оных речей знатнейшие персоны прошены были во внутренние покои, где трактованы были разными ликерами и винами, кофеем, чаем, шоколадом и конфектами, и так все с удовольствием около второго часа пополудни разъехались. В шестом часу после обеда множество народа приезжали смотреть в университетские покои представленную иллюминацию, которая изображала Парнасскую гору, Минерва поставляет обелиск во славу Ее Императорского Величества. Вся оная иллюминация как днем, так и ночью делала преизрядный вид к удовольствию всех знающих и всего народа». Оная иллюминация освещена была многими тысячами ламп с такою приятностию, как бы огород с аллеями и деревьями казался. Все университетские покои и башня до самого верьха иллюминованы были внутри и снаружи. Музыка инструментальная, трубы и политавры слышны были чрез весь день, как звук радостного и всем любезного торжества»[1].

С. 151. На медали, отчеканенной в память основания Московского университета, в качестве его учреждения был обозначен 1754 (MDCCLIV) год. По словам С. П. Шевырева, на данной медали «год 1754 указывает на то, что мысль об Университете входила уже тогда в совещания государственные, и донесение Шувалова слушано было в Сенате 19-го июля 1754 года» (*Шевырев С. П.* История Императорского Московского университета, написанная к столетнему его юбилею. М., 1855. С. 20).

[1] Из «Санкт-Петербургских ведомостей». Из Москвы от 1 маия. Описание инавгурации при начинании гимназии Московского Императорского университета сего 1755 года, апреля 26 дня // Московский университет в воспоминаниях современников. Сборник / Составитель Ю. Н. Емельянов. М., 1989. С. 36–37.

Учреждение Московского университета представлялось в Указе императрицы Елизаветы Петровны от 24 января 1755 года исполнением замысла ее родителя и государя Петра I, связывавшего благополучие России с распространением полезных знаний среди ее населения. Университет мыслился в соответствии с такими взглядами в качестве **просветительского центра, который должен был подготовить достаточное количество «национальных достойных людей»**, способных преподавать науки в созданных «по знатным российским городам» училищах, «от которых и во отдаленном простом народе суеверие, расколы и тому подобные от невежества ереси истреблятся». Вместе с тем, в данном Указе выражалась надежда, что **воспитанные и обученные пристойным образом молодые люди станут пригодными для государственной службы и для умножения славы своего отечества**.

Очевидно, что главную роль в подготовке таких лиц призван был играть юридический факультет Московского университета. На философский факультет возлагалась вспомогательная функция. Обучаясь здесь в течение трех лет общеобразовательным наукам: логике, метафизике, нравоучению, красноречию, всеобщей и российской истории и т. п., студенты готовились тем самым к восприятию «высших наук» на юридическом или медицинском факультетах. О том, что обучению на юридическом факультете на практике действительно предшествовала учеба на факультете философском, свидетельствуют протоколы Конференции Московского университета. Так, 25 июня 1769 года Конференция рассуждала «о распределении и переводе студентов философского факультета на высшие факультеты, юридический и медицинский». При этом подчеркивалось, что «период времени, которое они должны употребить на изучение различных дисциплин на этих факультетах, устанавливается в три года для юридического и четыре года для медицинского»[1].

Первые студенты появились в Московском университете 25 мая 1755 года. Ими стали двое учащихся Заиконоспасской (Славяно-греколатинской) академии: Петр Вениаминов[2] и Семен Зыбелин[3], переведенные в университет по распоряжению Святейшего Синода. Они принесли с собой текст указа, в котором кроме них были названы еще четверо уча-

---

1 Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века. Том 3. М., 1963. С. 210.

2 Петр Дмитриевич Вениаминов (1733–1775), впоследствии профессор Московского университета, доктор медицины, преподаватель ботаники.

3 Семен Герасимович Зыбелин (1735–1802), впоследствие профессор Московского университета, доктор медицины.

щихся духовной академии, назначенных для зачисления на учебу в Московский университет. Эти студенты появились здесь позднее.

Занятия в Московском университете начались 1 июня 1755 года со вступительной лекции на русском языке ученика М. В. Ломоносова Н. Н. Поповского[1], посвященной роли философии в познании мира и необходимости преподавать эту науку в Московском университете на русском языке[2].

В сентябре–октябре 1755 года численность казеннокоштных студентов была увеличена до тридцати человек. Первый набор был на этом завершен: Московский университет начал действовать. Однако ни юридический, ни медицинский факультеты в то время еще не выделялись в качестве самостоятельных подразделений университета.

Распределение лекционных курсов по факультетам стало осуществляться в Московском университете, по всей видимости, только с 1758/1759 учебного года. На заседании Конференции, которое состоялось 22 августа 1758 года, было решено: «Так как между господами профессорами произошло маленькое пререкание по поводу того, чье имя должно стоять первым в каталоге лекций, то Конференция рассудила определить им места по факультетам»[3]. И действительно, в каталоге лекций 1759 года сначала перечислялись науки, преподававшиеся на юридическом факультете, и назывался их преподаватель — Ф.-Г. Дильтей, затем указывалось имя преподавателя медицинского факультета Керштенса (единственного в то время) и обозначались читавшиеся им лекционные курсы, затем назывались преподаватели философского факультета (среди них и Н. Н. Поповский) и преподававшиеся ими науки.

---

1 Николай Никитич Поповский (1728 или 1730 – 1760) по праву должен считаться первым профессором императорского Московского университета. Он происходил из семьи московского священника, образование получил в Славяно-греко-латинской академии и в Санкт-Петербургской Академии наук. До мая 1756 г. занимал должность ректора университетской гимназии, 10 мая 1756 г. был назначен профессором красноречия и философии. Ранняя смерть не позволила Поповскому реализовать свои таланты. По мнению специалистов, он был многообещавшим поэтом и мыслителем.

2 По настоянию М. В. Ломоносова текст этой лекции был напечатан в августе 1755 г. в журнале Академии наук «Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащие» под названием «Речь, говоренная в начатии философических лекций при Московском университете гимназии ректором Николаем Поповским» (1755. Т. 2. Август. С. 167–176).

3 Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века. Том 1. С. 126.

§ 4. Планы открытия новых университетов в России в последней четверти XVIII века

4 сентября 1784 года Екатерина II издала Именной указ, данный Екатеринославскому и Таврическому генерал-губернатору князю Потемкину «Об учреждении Университета в губернском городе Екатеринославского наместничества»[1]. Императрица повелела им основать в указанном месте университет, в котором бы преподавались не только науки, но и художества. Генерал-губернатору князю Потемкину было поручено представить штат и положение данному учебному заведению, с планами и сметами для постройки его здания. Вместе с тем «для приуготовления людей к удобнейшему понятию вышних наук» Екатерина II поставила задачу умножить в Екатеринославской губернии и Таврической области количество народных школ и с этой целью устроить в главных городах упомянутых губернии и области «по одному главному училищу для больших классов и для обучения школьных учителей».

Приведенный указ появился скорей всего по инициативе князя Г. А. Потемкина. Между тем императрица имела замысел открыть в России университеты и в других городах. В 80-е годы XVIII века разработкой плана открытия в России нескольких новых императорских университетов, в дополнение к Московскому, занималась Комиссия для заведения народных училищ, созданная 7 сентября 1782 года[2].

29 января 1786 года Именным указом императрицы Екатерины II этой Комиссии было поручено представить мнение о том, на каком пространстве устроить новые университеты и гимназии. При этом государыня предписывала руководствоваться следующими соображениями: «1) На первое время достаточным Мы почитаем иметь три университета, и именно: в Пскове, Чернигове и Пензе. 2) Богословский факультет не должен входить в университеты; ибо по правилам от предков Наших принятых и от Нас свято наблюдаемым учение богословии присвоено училищам духовным, из коих не токмо две духовные академии, Московская, Заиконоспасская и Киевская тем факультетом снабдены, но и всякая семинария может завести сие учение. 3) Медицинский факультет при означенных университетах непременно положен быть имеет в таком пространстве, колико то нужно для снабдения обширной Империи

---

1 См.: 1-ПСЗРИ. Том 22. № 16057. С. 207.

2 См.: Именной указ, данный тайному советнику Завадовскому и действительным статским советникам Эпинусу и Пастухову, от 7 сентября 1782 года «Об учреждении Комиссии для заведения в России народных училищ» // 1-ПСЗРИ. Том 21. № 16507. С. 663–664. П. В. Завадовский состоял в этой Комиссии до 1799 г.

Нашей искусными врачами. 4) Комиссия не оставит войти в рассмотрение, в которых именно местах сообразнее с пользою государственною и с состоянием жителей завести гимназии... 5) При сочинении проэкта об университетах и гимназиях Комиссия да имеет за правило, чтоб управление оных, подчиненность, их права и преимущества их соглашены были с учреждениями государственными»[1]. К этому Указу был приложен план австрийских учебных заведений, но Завадовский отнесся к нему прохладно и предложил членам Комиссии использовать последний проект устава Московского университета, не получивший еще высочайшего утверждения, но вполне законченный.

К февралю 1787 года Комиссия составила проект дальнейшего развития университетского образования в России. Он исходил из понимания университета как Храма Знаний, где все посетители столь же свободны и равны, как в Храме Божьем. В плане провозглашалось, в частности, что профессора университета «не подвергаются принуждению ни в рассуждении правил науки; ни в рассуждении книг учебных: *свобода мыслей способствует вообще знаниям*, но при такой науке, в коей ежедневно являются новые разрешения и новые открытия, нужна она особливо». Право учиться в университете проект предоставлял лицам всех сословий. «Несвободные люди, — подчеркивалось в нем, — также должны иметь право быть в университете: когда несвободные люди будут в университете учиться, как и прочие студенты, то сим науки и ученые люди ни мало не будут унижаемы, так как цари и князи не унижаются тем, когда несвободные бывают с ними вместе в храмах и слушают слово Божие. *Науки называются свободными для того, что всякому оставлена свобода их приобретать, а не для того, чтоб сие право предоставлялось только людям свободным*. История, как древняя, так и новая, доказывает, что люди самого низкого состояния приобрели себе науками бессмертную славу; в отечестве нашем стяжавший оную Ломоносов служит неоспоримым истины сей доказательством».

Данный проект был вполне продуманным и мог способствовать утверждению в российских условиях модели университета, весьма благоприятной для развития наук. Однако вспыхнувшая во Франции в 1789 году революция вызвала перемену в настроениях Екатерины II, отвратившую ее от каких-либо просветительских проектов. Движущей силой французской революции выступил образованный слой общества, и этот факт внушил российской императрице мысль о пагубности

---

[1] Именной указ, данный Комиссии об учреждении училищ, от 29 января 1786 года «О составлении плана для заведения университетов в Пскове, Чернигове и Пензе» // 1-ПСЗРИ. Том 22. № 16315. С. 526.

распространения образованности в какой-либо стране для устоев ее государственности[1].

Создавать в России новые университеты намеревался и сменивший Екатерину II на императорском престоле ее сын. В декабре 1800 года Павел I издал указ об учреждении университета в Митаве, но исполнить его не успели. Однако идея учреждения университета в Прибалтике не была похоронена вместе с Павлом I. Правда, новый император счел более удачным для него местоположением Дерпт. 12 апреля 1801 года он издал Именной указ, данный Сенату, в котором заявил: «Желая облегчить способы для процветания и просвещения юношества, обратили Мы внимание Наше на основание университета, прежде назначенного в Дерпте, потом перемещенного в Митаву, и находя назначение Дерпта несравненно выгоднейшим[2] по причине положения оного в средоточии трех губерний: Рижской, Ревельской и Курляндской, удобностей жизни, изобилия, обращения государственной монеты и других обстоятельств, не менее важных, Всемилостивейшее подтверждаем прежнее назначение университета в Дерпте, Правительствующий Сенат имеет принять в уважение надлежащие средства к благоуспешному совершению столь полезного заведения и предписать, кому следует, о исполнении сего Нашего соизволения»[3].

21 и 22 апреля 1802 года состоялась церемония торжественного открытия Дерптского университета, и 1 мая в нем начались занятия. Его статус в российской системе народного образования был окончательно определен «*Актом постановления для Императорского университета в Дерпте*», высочайше утвержденным 12 декабря 1802 года.

Этим актом император Александр I, по сути дела, начал свою реформу российского образования.

---

[1] На эту причину прекращения императрицей проекта развития университетского образования в России указывалось в докладе особого комитета, учрежденного для рассмотрения новых уставов Академии наук и Московского университета, который был представлен 8 августа 1802 года Александру I. В нем отмечалось, что в царствование Екатерины II были достигнуты большие успехи в развитии образования в России, однако «потрясение славного просвещением государства», «к несчастью слишком приписываемое философам и писателям, послужило, кажется, к остановлению сей монархини посреди ее таковых подвигов. С тех пор науки и произведения их представляются в некотором противуположении с общественным благосостоянием. Они понесли наказание за употребление их во зло несколькими извергами».

[2] В 1632–1656 гг. и с 1690 по 1699 г. в Дерпте существовал университет, в котором большинство преподавателей составляли шведы.

[3] Именной указ, данный Сенату, от 12 апреля 1801 года «Об утверждении прежнего назначения университета в Дерпте» // 1-ПСЗРИ. Том 26. № 19831. С. 610.

РОССИЙСКОЕ УНИВЕРСИТЕТСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Учреждение в 1755 году Московского университета с тремя факультетами: юридическим, медицинским и философским — стало важнейшим событием в культурной истории России. В российскую почву были посажены первые жизнестойкие ростки университетского юридического образования и научной юриспруденции. Первые же десятилетия их жизни показали, что превратиться в цветущий и плодоносящий сад русского высшего образования эти ростки могут только при условии, если под ними будет создана разветвленная корневая система любого высшего образования — сеть низовых школ, народных училищ и гимназий. Такая система начала создаваться в 80-е годы XVIII века. В результате к началу XIX века ростки университетского образования имели под собой почву для дальнейшего развития.

Первая треть XIX века оказалась по-настоящему революционной эпохой в истории российского образования в целом и юридического, в частности. В течение этого периода было открыто шесть новых императорских университетов: в Вильно, Дерпте, Харькове, Казани, Санкт-Петербурге и в Киеве. В России появились первые университетские уставы. Была создана солидная законодательная основа организации и деятельности учебных заведений.

§ 1. Реформа университетского образования в России в начале XIX века. Предварительные правила народного просвещения 1803 года

18 марта 1802 года император Александр I повелел господам тайным советникам и сенаторам Муравьеву и графу Потоцкому, а также статскому советнику академику Фусу, «составив особый комитет, рассмотреть в оном представленные Его Императорскому Величеству и при сем прилагаемые новые уставы С. Петербургской Императорской Академии наук, Академии Российской и Московского университета; и сообразив их с намерением сих учреждений и с истинным средством расширения

пользы их и действия на народное просвещение, сравнить с лучшими в сем роде иностранными заведениями, и по сему сравнению сделав надлежащие перемены и дополнения, какие к лучшему их устройству могут быть нужными, представить Его Императорскому Величеству положения их на утверждение»[1].

8 сентября 1802 года был издан высочайший Манифест «Об *учреждении министерств*». Среди созданных им восьми министерств значилось и Министерство народного просвещения. На пост его руководителя император определил графа П. В. Завадовского, который в то время возглавлял Комиссию составления законов. Товарищем Министра народного просвещения и одновременно Попечителем Московского университета Александр I назначил своего наставника в русском языке, словесности и нравственности Михаила Никитича Муравьева.

Седьмая статья Манифеста устанавливала, что «Министр Народного Просвещения воспитания юношества и распространения наук имеет в непосредственном ведении своем Главное Училищное Правление со всеми принадлежавшими ему частями, Академию Наук, Российскую Академию, Университеты и все другие училища, кроме предоставленных особенному попечению Любезнейшей Родительницы Нашей Императрицы Марии Федоровны, и находящимся по особенному повелению Нашему в управлении других особ или мест, Типографии частные и казенные, исключая из сих последних состоящие также под непосредственным чьимлибо ведомством Цензуру, издание ведомостей и всяких периодических сочинений, народные Библиотеки, собрания крепостей, натуральные кабинеты, музеи и всякие учреждения, какие впредь для распространения наук заведены быть могут»[2].

8 сентября 1802 года, в день издания Манифеста «Об учреждении Министерств», Александром I был принят также Именной указ, данный Сенату, «О *должности Комиссии училищ*». Он предписал присутствовать в этой Комиссии, «состоящей под управлением министра народного просвещения», тайным советникам князю Адаму Чарторыжскому и графу Северину Потоцкому, генерал-майорам Клингеру и Хитрову, академикам статским советникам Озерецковскому и Фусу. Правителем дел назначался коллежский советник В. Н. Каразин. Члены Комиссии должны были «разделять между собою ведение всех состоящих в империи верхних и нижних

---

[1] Высочайше утвержденная записка «Об учреждении Комитета для рассмотрения Уставов Академии наук, Академии Российской и Московского университета» // 1-ПСЗРИ. Том 27. № 20187. С. 76.

[2] Манифест «Об учреждении Министерств» от 8 сентября 1802 г. // 1-ПСЗРИ. Том 27. № 20406. С. 246.

училищ, по полосам или провинциям»[1]. Указ определил, что «главной целию, которую должны иметь члены тех отделений, где еще нет университетов, есть учреждение оных». По словам Указа, «университеты, расширяя круг познаний в своих отделениях, могут удобно принять на себя надзирание над всеми прочими училищами и вспомоществовать членам в управлении их отделений. Таким образом, не только облегчится и скорее совершенства достигать может важнейшая сия часть государственной попечительности, образуя повсеместно просвещенных и благонравных граждан для всех родов службы и должностей общественных»[2].

24 января 1803 года Именным указом, данным Сенату[3], император Александр I утвердил составленные Комиссией училищ под председательством графа Завадовского **«Предварительные правила народного просвещения»**[4]. Тем самым было положено начало созданию в России новой системы образования.

В первом параграфе этого документа говорилось: «Народное просвещение в Российской империи составляет особую государственную часть, вверенную Министру сего отделения и под его ведением распоряжаемую Главным училищ Правлением»[5]. Второй параграф «Правил» объявлял, что «для нравственного образования граждан соответственно обязанностям и пользам каждого состояния, определяются четыре рода училищ, а именно: 1, училища приходские; 2, уездные; 3, Губернские или Гимназии и 4 Университеты»[6].

По плану, начертанному в «Предварительных правилах народного просвещения», предполагалось создать на территории страны шесть учебных округов: Московский, Санкт-Петербургский, Казанский, Харьковский, Виленский и Дерптский. В каждом из них должен был существовать свой университет. «В округах учреждаются университеты для преподавания наук в вышней степени, — устанавливал план, — ныне назначается их шесть, а именно: кроме существующих уже в Москве, Вильне и Дерпте, учреждаются в округе Санкт-Петербургском, в Казани и в Харькове, в уважение патриотического приношения, предложенного

---

1 Именной указ, данный Сенату, от 8 сентября 1802 года «О должности Комиссии училищ» // 1-ПСЗРИ. Том 27. № 20407. С. 248.

2 Там же. С. 249.

3 Именной указ, данный Сенату, от 24 января 1803 года «Об устройстве училищ» // 1-ПСЗРИ. Том 27. № 20597. С. 437–438.

4 См.: Предварительные правила народного просвещения // 1-ПСЗРИ. Том 27. № 20597. С. 438–442.

5 Там же. С. 438.

6 Там же.

Дворянством и гражданством сей Губернии. Затем предназначаются для Университетов города: Киев, Тобольск, Устюг Великий и другие, по мере способов, какие найдены будут к тому удобными. Округи сих последних составятся в свое время из ближайших Губерний»[1].

В соответствии с § 15 «Правил» каждому университету полагалось иметь собственное правление. Его председателем становился ректор, который избирался общим собранием университета и затем представлялся Главным училищ правлением через министра народного просвещения на утверждение императору. Профессорам также было определено избираться на свое звание общим университетским собранием, но утверждаться они должны были, в отличие от ректора, по представлению Попечителя учебного округа министром народного просвещения. «Правила» повысили статус этих должностей, установив, что по Табели о рангах «ординарные профессора состоят в седьмом классе, а ректор в пятом, доколе в должности пребывают»[2].

Университеты призваны были действовать не только в качестве высших учебных заведений, но и как административные и методические центры для всех училищ округа. «Университет посылает ежегодно одного, или несколько своих членов для личного обозрения училищ своего ведомства, и исследования их успехов», — гласил § 17 «Правил». Согласно же § 18 устанавливался порядок, по которому «ректор, как начальник университета, получает донесения от гимназий обо всех предметах, касающихся до учебного и хозяйственного распоряжения училищ в округе того университета состоящих, и доносит о том члену Главного училищ правления, определенному от Императорского Величества попечителем того университета, и его округа»[3].

§ 25 «Правил» давал университетам право «давать ученые степени или достоинства, но не иначе, как по строгом испытании в знаниях». § 26 определял, что первой университетской степенью должно быть «достоинство кандидата», состоящее в 12 классе. Второй — «магистерское

---

1 Предварительные правила народного просвещения // 1-ПСЗРИ. Том 27. № 20597. С. 439.

2 Там же. Вопрос о присвоении профессорам «чинов знатных» поднимал еще М. В. Ломоносов. Эту идею поддерживал и И. И. Шувалов, предлагавший возводить профессоров в седьмой класс. На практике целый ряд профессоров имели такие чины еще до издания «Предварительных правил народного просвещения». Так, например, профессор Ф. Г. Баузе состоял в седьмом классе, а З. А. Горюшкин, М. И. Скидиан, С. Г. Зыбелин и др. — в шестом классе еще в 90-е годы XVIII в.

3 Предварительные правила народного просвещения // 1-ПСЗРИ. Том 27. № 20597. С. 439.

достоинство», состоящее в 9 классе. Третьей — «докторское достоинство», состоящее в 8 классе. Студенты университета, окончившие курс обучения, вступали в службу 14 классом[1].

«Правила» наделяли университеты определенными привилегиями. § 28 предусматривал, что им «исключительно предоставляется внутренняя расправа над подчиненными им лицами и местами. Апелляция, по приговорам Университетского совета, идет только в Правительствующий Сенат. В случае уголовного преступления университет, учинив предварительное исследование, виновного с мнением своим отсылает, куда следует, для суждения и поступления по законам». § 29 провозглашал, что «университеты в отношении к Присутственным местам сравниваются с Коллегиями». § 30 устанавливал, что «цензура всех печатаемых в губернии книг имеет принадлежать единственно Университетам, коль скоро они в округах учреждены будут». В § 31 объявлялось о том, что «для университетов, гимназий и прочих училищ, будут изданы частные уставы, в которых имеет быть изъяснено все до них принадлежащее»[2].

В «Правилах» не определялось, какие конкретно науки должны преподаваться в университетах, но цель обучения формулировалась вполне в § 36, который декларировал: «в университетах поступающим из гимназии в качестве студентов, или по испытании удостоенным сего имени, преподаются науки во всем пространстве, нужные для всех званий и разных родов государственной службы»[3].

§ 37 предусматривал, что «в университетах профессора, для порядка и ученых советований, составляют особые по роду наук отделения или факультеты, из коих каждый избирает по большинству голосов своего старейшину (*decanus*) на определенное время. Сии старейшины вместе с ректором составляют Правление Университета; профессоры же всех отделений вместе — общее собрание.

§ 2. Учреждение новых императорских университетов в Вильно и Дерпте. Уставы Виленского и Дерптского университетов 1803 года

К моменту издания «Предварительных правил народного просвещения» в России существовало два императорских университета — в Москве

---

1 Предварительные правила народного просвещения // 1-ПСЗРИ. Том 27. № 20597. С. 440. Степень «магистра философии и свободных наук» давалась в Московском университете уже в 60-е и 70-е годы.

2 Там же.

3 Там же. С. 441.

и Дерпте, а также близкая к университетскому уровню Главная Виленская школа — высшее учебное заведение, которое было создано на базе существовавших с 1578 года и упраздненных в 1781 году иезуитских Академии и университета[1]. Преобразовать эту школу в российский императорский университет намеревался еще Павел I. Во время посещения в 1797 году Вильно император осмотрел ее и поручил Виленскому генерал-губернатору князю Н. В. Репнину позаботиться о подготовке соответствующих документов.

4 апреля 1803 года император Александр I подписал «*Акт утверждения для императорского университета в Вильне*»[2]. Первая его статья гласила: «Университет сей, восприяв отныне наименование Императорского Виленского Университета, пребудет особенным сословием на основании Устава своего, свойственного заведениям сего рода»[3]. Подобной статьи не было в Акте для Дерптского университета. Но в остальном содержание Акта для Виленского университета было составлено, за некоторыми исключениями, по образцу последнего.

18 мая 1803 года император Александр I утвердил «**Устав или общие постановления Императорского Виленского университета и училищ его округа**»[4]. Он стал первым среди такого рода документов, изданных в течение 1803–1804 годов, и явился соответственно первым воплощением новой модели университета, которую предполагалось сделать общероссийской.

Главное назначение Виленского университета сводилось Уставом к трем направлениям его деятельности. Он должен был: *во-первых*, «заключать в себе полное и основательное наставление в науках»; *во-вторых*, «споспешествовать всеми возможными способами к распространению просвещения и к усовершенствованию знаний»; *в-третьих*, «иметь в непосредственном ведении и управлении все гимназии и все училища в округе его состоящие»[5].

В качестве начальника университета Уставом был определен ректор, «который чрез каждые три года избирается из действительных или

---

[1] До вхождения Вильно в состав Российской империи (1795 г.) это учебное заведение именовалось Главной школой Великого княжества Литовского (*Schola Princips Magni Ducatus Lithuaniae*).

[2] Акт утверждения для Императорского Университета в Вильне // 1-ПСЗРИ. Том 27. № 20701. С. 526–530.

[3] Там же. С. 526.

[4] Устав или общие постановления Императорского Виленского Университета и училищ его округа от 18 мая 1803 года // 1-ПСЗРИ. Том 27. № 20765. С. 610–620.

[5] Там же. С. 610.

заслуженных профессоров и по одобрении Главным правлением училищ представляется от онаго чрез Министра народного просвещения на Высочайшее утверждение»[1]. Статья 3 Устава объявляла, что «университет, будучи подчинен Министру просвещения, состоит со всем его округом под непосредственным управлением своего Попечителя, который определяется от Императорского Величества»[2].

Статья 4 устанавливала, что Виленский университет имеет четыре отделения или факультета, а именно: «1) отделение физических и математических наук; 2) отделение врачебных, или Медицинских знаний; 3) отделение наук нравственных и политических; 4) отделение словесных наук и свободных, или изящных художеств»[3]. В каждом отделении есть свой «старейшина (*decanus*), избираемый университетом через каждые три года из числа заслуженных или действительных профессоров и утверждаемый по представлению Попечителя университета Министром народного просвещения.

Действительные и заслуженные профессора университета, собираясь под председательством ректора, составляли Совет или Общее собрание университета. Согласно статье 6 Устава Виленского университета, этот орган должен был давать советы по таким вопросам, как «1) принятие мер относительно общего правления университета и училищ, состоящих в его округе. 2) Изыскание способов к усовершенствованию методы преподавания наук в университете и в училищах его округа. 3) Выбор способных людей на убылые места в университете, гимназиях и уездных училищах его округа». Кроме того, профессора могли рассмотреть в своем Совете «все то, что ректор предлагает им в непредвидимых случаях, или относительно исполнения правил и предписаний Министра Просвещения, или Попечителя»[4].

Управлением текущими делами университета занимался, по Уставу, Комитет под председательством ректора, состоявший из старейшин (деканов) четырех отделений (факультетов).

В августе и сентябре 1803 года окончательное юридическое оформление получило устройство и Дерптского университета.

Высочайше утвержденные 23 августа 1803 года «*Правила для учащихся в Императорском Дерптском университете*» установили деление этого

---

1 Устав или общие постановления Императорского Виленского Университета и училищ его округа от 18 мая 1803 года // 1-ПСЗРИ. Том 27. № 20765. С. 610.

2 Там же.

3 Там же.

4 Там же. С. 611.

учебного заведения на четыре факультета или отделения: философское, врачебное, богословское и юридическое.

12 сентября 1803 года император Александр I утвердил **«Устав Императорского Дерптского университета»**[1]. В первом его параграфе говорилось: «Императорский Дерптский университет учрежден в Российской империи для общего блага, в особенности же для пользы Лифляндской, Эстляндской, Курляндской и Финлядской губерний, и потому университет принимает в студенты людей всякого состояния российских уроженцов и иностранных, которые предъявят о своем состоянии письменные свидетельства»[2].

Состав университета определялся в Уставе двояким образом. В двадцатом параграфе сообщалось, что «университет, в пространном смысле, состоит из профессоров ординарных и экстраординарных, из учителей, чиновников и служителей, так же и из учащихся»[3]. Двадцать первый параграф добавлял к этому: «В ограниченном смысле университет составляется из всех его ординарных профессоров, которые образуют верхнюю его инстанцию, называемую собственно Университетским Советом. Сей то Совет из среды своей составляет прочие сословия, как-то: Университетское правление, Университетский суд, Ректорский суд, Цензурную комиссию, Экономический комитет и учебные отделения или факультеты»[4].

Порядок избрания и утверждения ректора, деканов и профессоров являлся для Дерптского университета таким же, как и для университета в Вильно.

В соответствии с § 23 при Университетском совете вводилась должность протосиндика. Он управлял канцелярией Совета и отвечал за порядок в делопроизводстве, за правильное составление различных документов, исходящих от Совета и ректора, которые он, впрочем, в большинстве сам и составлял. Кроме того, Уставом на протосиндика возлагалась обязанность представлять университет в судах в качестве истца или ответчика[5]. Понятно, что исправление такой должности требовало юридических знаний. Поэтому в соответствии с Уставом протосиндиком мог быть только «один из экстраординарных профессоров правоведения»[6]. При

---

1 См.: Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Том 1: Царствование императора Александра I. 1802–1825. СПб., 1864. Стлб. 124–186.

2 Там же. Стлб. 124–125.

3 Там же. Стлб. 128.

4 Там же. Стлб. 129.

5 См.: Там же. Стлб. 172–173.

6 Там же. Стлб. 129.

советах отделений или факультетов подобные обязанности исполнял синдик (§ 228, 230)[1].

В Уставе Дерптского университета, высочайше утвержденном 4 июня 1820 года, должности факультетских синдиков не были предусмотрены. Действовавший же при Университетском совете протосиндик стал именоваться синдиком университета. На него были возложены новым уставом все функции протосиндика и, кроме того, роль надзирателя за соблюдением законов. § 22 Устава Дерптского университета 1820 года установил, что «синдик университета должен присутствовать в заседаниях Совета. Ежели он найдет какое-либо решение Совета несообразным с законами, то обязан объявить против того свое мнение, с объяснением законных его причин, которое, если не будет принято Советом, внесется в протокол»[2]. § 162 указанного Устава предписал, что «в Университетском суде, под председательством ректора, заседают декан юридического отделения и Университетский синдик как непременный член, который также имеет решительный голос. Определенный нотариус смотрит за архивом, ведет протокол под надзором синдика, имеет входящую и исходящую книгу, и заготовляет всякого рода бумаги, а синдик сочиняет экстракты»[3].

Введение должности синдика в императорских университетах свидетельствует, что правительство Российской империи придавало огромное значение поддержанию в этих учебных заведениях режима строгой законности. Факты нарушения законов преподавателями или руководителями университетов пресекались самым решительным образом, а виновные в этом несли строгие наказания[4].

Структура Дерптского университета существенно отличалась от структуры университета в Вильно. Здесь, как и там, имелось медицинское отделение. Был и факультет для подготовки юристов. Правда, если в Виленском университете он именовался «отделением наук нравственных и политических», то в Дерптском — «юридическим отделением». В Виленском университете отсутствовал богословский факультет. Не было его, как известно, и в Московском университете. А вот в университете Дерпта богословский факультет имелся. Здесь постарались воспроизвести структуру университета, характерную для Западной Европы. Помимо

---

1 Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Том 1: Царствование императора Александра I. 1802–1825. Стлб. 172.

2 Высочайше утвержденный Устав Императорского Дерптского университета от 4 июня 1820 года // 1-ПСЗРИ. Том 37. № 28302. С. 256.

3 Там же. С. 272.

4 См. подробнее об этом: *Томсинов В. А.* Юридическое образование и юриспруденция в России в первой трети XIX века. М.: Зерцало, 2010. С. 23–26.

названных трех факультетов в Дерптском университете существовал, так же как и в Московском университете, факультет философский. В § 65 его устава о нем говорилось следующее: «Обыкновенное разделение преподавания всех наук на четыре отделения, употребляемое в иностранных университетах, удерживается и в Дерптском. Но философское отделение, в рассуждении разнообразия и различия предметов наук, его составляющих, разделяется на четыре особенные класса: 1-е, философских и математических наук; 2-е, естественных наук; 3-е, филолого-исторический и 4-е, технолого-экономический классы»[1].

Юридический факультет выступал в составе Дерптского университета не только в качестве учебного заведения, в рамках которого преподавались юридические науки, — он был важнейшим элементом всей его конструкции. Университет являлся по своему статусу и внутреннему устройству государством в государстве, причем государством с республиканской формой правления. Это была особого рода республика — университетская республика, но ее внутреннее содержание было аналогичным внутреннему содержанию любого настоящего республиканского государства: его сущность составлял правопорядок, поддерживаемый общественными институтами и судебными органами.

§ 3. Учреждение императорских университетов в Харькове и Казани. Утвердительные грамоты и уставы Московского, Харьковского и Казанского университетов 1804 года

5 ноября 1804 года император Александр I подписал Утвердительные грамоты и Уставы для императорских университетов в Москве, Харькове и Казани. Торжественное открытие Харьковского университета состоялось 17 января 1805 года,

Казанский же университет торжественно открывался дважды: 14 февраля 1805 года и 5 июля 1814 года. Дело в том, что первые десять лет своего существования он действовал в слиянии с Казанской гимназией. В здании этого учебного заведения размещались университетские аудитории. Лучшие из его учителей становились преподавателями университета. Его ректором выступал соответственно директор Казанской гимназии. Существование Казанского университета в качестве самостоятельного

[1] Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Том 1: Царствование императора Александра I. 1802–1825. Стлб. 137. Структура Дерптского университета, закрепленная Уставом 1803 г., была сохранена и в Уставе 1820 г.

высшего учебного заведения началось только в 1814 году и начало это было освящено торжественной церемонией, состоявшейся 5 июля.

Каждая из трех утвердительных грамот имела свою собственную преамбулу, но основные их тексты были составлены по одному образцу. Расхождений между ними было мало, и касались они только деталей.

Утвердительная грамота Харьковского императорского университета начиналась со следующего заявления Его Величества: «Божиею поспешествующею милостию Мы, *Александр Первый*, Император и Самодержец Всероссийский и прочая и прочая и прочая. Учреждая новый образ существования училищной части в империи, с сердечным удовольствием увидели Мы поревнование слободского украинского дворянства и гражданства, которые ускорив верноподданническим прошением о устроении в Харькове университета, в пользу онаго от собственных своих стяжаний принесли государству достойное признательности нашей и вечной памяти потомков пожертвование. Приятно Нам ныне утвердить навсегда основание сего высшего училища и даровать ему следующие права и преимущества»[1]. Далее излагался основной текст Утвердительной грамоты для Харьковского университета.

В преамбуле Утвердительной грамоты Казанского императорского университета говорилось о том, как появилась сама идея его создания. «Блаженной памяти августейшая Прабабка Наша Государыня Императрица Елисавета Петровна, — напоминал Александр I, — шествуя по стезям великого преобразителя России, между прочими славными подвигами благоволила основать в Казани 1758 года гимназию и даровать ей некоторые права, незадолго перед тем Московскому университету пожалованные. Предположив сообразно степени просвещения настоящих времен в сем самом месте учредить университет, дабы существование сего благотворного заведения соделать навсегда неприкосновенным и даровать ему возможность к достижению важного назначения, образования полезных граждан на службу отечества и распространения в нем нужных познаний, Мы соизволили Императорским Нашим словом за Нас и за преемников Наших постановить следующее»[2]. После этих слов следовал основной текст Утвердительной грамоты Казанского университета.

Московский университет, в отличие от Харьковского и Казанского, на момент издания для него Утвердительной грамоты существовал уже почти полвека. Поэтому в ее преамбуле речь шла не об учреждении этого

---

[1] Утвердительная грамота Харьковского Императорского университета от 5 ноября 1804 года // 1-ПСЗРИ. Том 28. № 21503. С. 650.

[2] Утвердительная грамота Казанского Императорского университета от 5 ноября 1804 года // 1-ПСЗРИ. Том 28. № 21504. С. 653.

учебного заведения, а о даровании ему «новых прав и преимуществ, более сообразных с просвещением текущего времени»[1].

Первая статья основного текста Утвердительной грамоты представляла университет в качестве «сословия ученых мужей», находящегося под покровительством императора и управляемого на основании высочайше утвержденного устава[2].

Вторая статья определяла, что в университете преподаваемы будут науки, «как общие, каждому человеку нужные, так и особенные, служащие к образованию гражданина для разных родов государственной службы»[3].

Третья статья устанавливала, что «университет состоит под главным начальством Министра народного просвещения и вверяется члену Главного училищ правления»[4].

В последующих статьях Утвердительной грамоты формулировались права и привилегии университета и его преподавателей.

Утвердительные грамоты Московского, Харьковского и Казанского университетов обеспечивали достаточно высокий общественный статус и прочное материальное положение университетским преподавателям. Ординарный профессор университета автоматически получал чин, соответствовавший седьмому классу по Табели о рангах, экстраординарный профессор, адъюнкт, а также лицо, удостоенное ученой степени доктора наук, зачислялись в восьмой класс, магистры — в девятый. Ректору университета присваивался чин пятого класса (ст. 16). Согласно статье *восемнадцатой* любой профессор и адъюнкт, «беспорочно и усердно в звании своем 25 лет прослуживший», удостаивался имени «заслуженного». Одновременно он получал право на пенсию в размере своего оклада, которою он мог пользоваться, «жительствуя где заблагорассудит, в государстве или вне онаго»[5]. В рассматриваемых документах были предусмотрены и меры по материальному обеспечению преподавателей, выходивших в отставку по болезни и до выслуги 25-летнего срока, также семей умерших преподавателей: их вдовам и детям назначались пенсии. Статьи Утвердительных грамот Московского, Харьковского и Казанского университетов, посвященные общественному статусу и материальному

---

1 Утвердительная грамота Московского Императорского университета от 5 ноября 1804 года // 1-ПСЗРИ. Том 28. № 21502. С. 647.

2 1-ПСЗРИ. Том 28. № 21502. С. 648; № 21503. С. 650; № 21503. С. 653.

3 Там же.

4 Там же. № 21502. С. 648; № 21503. С. 651; № 21503. С. 653.

5 Там же. № 21502. С. 649; № 21503. С. 652; № 21503. С. 655.

положению преподавателей, были аналогичны соответствующим статьям в уставах Виленского и Дерптского университетов.

Главные положения Утвердительных грамот Московского, Харьковского и Казанского университетов закреплялись в их уставах. Тексты этих документов были составлены по тому же образцу, по которому составлялся текст Устава императорского Дерптского университета. Вместе с тем специфика данного университета среди российских учебных заведений такого рода предопределила наличие в его Уставе норм и формулировок параграфов, свойственных исключительно ему и не повторявшихся в других университетских уставах.

Уставы Московского, Харьковского и Казанского университетов так же, как и Устав Дерптского университета, определяли университет как «вышнее ученое сословие, для преподавания наук учрежденное», в котором «приуготовляется юношество для вступления в различные звания государственной службы»[1]. Вместе с тем они представляли университет в качестве высшего учебного заведения, пребывающего под покровительством императора, а также состоящего «под главным начальством Министра народного просвещения и в особом ведении того из членов Главного училищ правления, на которого о нем попечение возложено» (§ 2)[2]. Наряду с этим Уставы придавали университетам характер самоуправленческой организации. В соответствии с § 4 названных уставов профессора университета составляли Совет, или Общее собрание, действовавший под председательством ректора в качестве высшей инстанции по делам учебным и судебным. § 5 предусматривал наличие в университете собственного Правления. Его председателем являлся ректор, а членами — деканы факультетов. В ведении Правления находилась вся хозяйственная часть университета, а также «суд и расправа между чинами, к университету принадлежащими»[3]. Помимо деканов, в состав этого органа входил также назначавшийся Попечителем из ординарных профессоров «непременный заседатель». § 135 Устава Московского университета и § 132 Уставов Харьковского и Казанского университетов[4] определяли его функции

---

1 1-ПСЗРИ. Том 28. № 21498. С. 571; № 21499. С. 589; № 21500. С. 607.

2 Там же.

3 Там же. № 21498. С. 571; № 21499. С. 589; № 21500. С. 608.

4 Это расхождение в нумерации параграфов между Уставом Московского университета, с одной стороны, и Уставами Харьковского и Казанского университетов, с другой, было вызвано тем, что в последних не воспроизводились два параграфа первого, а именно: § 9, в котором говорилось об Академической гимназии и Благородном пансионе, существовавших при Московском университете, и § 10, где шла речь о Ярославском высших наук училище, которое состояло «беспосредственно под ведением

следующим образом: «Непременный заседатель есть ближайший помощник ректору в делах, к Правлению и Университетскому суду принадлежащих. Он наипаче печется, чтоб в отправлении текущих дел соблюдаем был порядок, сохранены были законы и непоколебимы были полезные и опытом утвержденные постановления: в противном случае, учиня ректору благопристойное представление, доносит Попечителю»[1].

Из содержания приведенного параграфа очевидно, что «непременный заседатель» был в руках Попечителя университета и учебного округа инструментом для надзора за соблюдением законов в университетских делах.

При рассмотрении споров надзор за законностью осуществляло должностное лицо, называвшееся «синдиком». Согласно § 152 Устава Московского университета (§ 149 Уставов Харьковского и Казанского университетов) «синдик при разбирательстве в Правлении тяжебных дел, соображает оные с государственными законами и приуготовляет к решению»[2]. Отправление этой должности требовало знания действующего законодательства, не случайно Устав Дерптского университета прямо оговаривал, что на нее мог быть назначен только преподаватель юридических наук («один из экстраординарных профессоров правоведения»). Уставы Московского, Харьковского и Казанского университетов такого требования не содержали, но оно явно подразумевалось.

§ 13 Устава Московского университета (§ 11 Уставов Харьковского и Казанского университетов) устанавливал, что «ректор университета избирается ежегодно Общим собранием из ординарных профессоров и представляется Главным училищ правлением чрез Министра народного просвещения на высочайшее утверждение»[3]. Введением столь короткого срока пребывания в ректорской должности составители указанных уставов желали, во-первых, «предупредить и отвратить всякое злоупотребление власти, которое могло бы подрывать пользу сих вышних училищных заведений, как то дознано разными учеными особами во время пребывания их в подобных сословиях», а во-вторых, «облегчить каждого профессора в главной обязанности звания его преподавать возложенные на него предметы».

Эти причины были названы в докладе Главного правления училищ, высочайше утвержденном 16 сентября 1809 года. В нем излагалось

и покровительством Совета или общего собрания Московского университета» до 24 ноября 1824 г.

1 1-ПСЗРИ. Том 28. № 21498. С. 584; № 21499. С. 602; № 21500. С. 620.

2 Там же. № 21498. С. 585; № 21499. С. 604; № 21500. С. 622.

3 Там же. № 21498. С. 572; № 21499. С. 590; № 21500. С. 608.

предложение Попечителя Московского университета графа Разумовского сделать ректора «бессменным или, по крайней мере, через несколько лет сменяемым»[1]. Необходимость данного нововведения Попечитель обосновывал тем, что ежегодная перемена ректора в университете сопряжена с великими неудобствами, поскольку «должность сия требует неусыпного попечения, занятия множеством подробностей, строгого наблюдения и взыскания на учащих и учащихся и на всех чиновниках, по хозяйственной части употребляемых, к чему не инако достигнуть можно, как опытностию, чрез долговременное упражнение получаемою»[2]. По мнению графа Разумовского, при частой перемене ректор едва успеет «приглядеться ко всему, как уже наступает срок его смены. Во время ректорства, замечая разные неисправности, побуждаемый участием в общественной пользе, обращением на себя внимания начальства, он употреблял бы все старание к изобретению средств противу неисправностей; но все таковые побуждения ослабевают при краткости времени его начальства, рождающей опасения оставить другому плоды трудов его. Опасаясь оскорбить того, кто вскоре может заступить его место, он предпочтет снисхождением своим обрести и для себя подобное снисхождение. Наконец, долговременная привычка подчиненных видеть над собою одного и того же начальника усугубляет уважением к нему и повиновение»[3]. Приведенные доводы Попечителя Московского университета Главное правление училищ сочло достаточно убедительными и признало за полезное «вместо ежегодного избрания ректора учредить оное в сем университете чрез каждые три года»[4].

26 мая 1811 года император Александр I утвердил доклад А. К. Разумовского, выступавшего на этот раз в качестве министра народного просвещения, «Об избрании ректоров в Харьковского и Казанском университетах чрез каждые три года»[5]. Граф повторил в нем аргументы, которые приводил, отстаивая увеличение срока пребывание ректора на должности для Московского университета. При этом он сослался и на тот факт, что в этом университете, а равно и в Виленском, ректор избирается на три года.

---

1 Высочайше утвержденный доклад Главного правления училищ «Об избирании ректора в Московском университете чрез каждые три года» от 16 сентября 1809 года // 1-ПСЗРИ. Том 30. № 23841. С. 1154.

2 Там же. С. 1153.

3 Там же. С. 1154.

4 Там же.

5 См.: 1-ПСЗРИ. Том 31. № 24653. С. 665–666.

Утвердительные грамоты и уставы Московского, Харьковского и Казанского императорских университетов, принятые 5 ноября 1804 года, юридически оформили новую модель государственного учебного заведения высшего уровня. Российский университет являлся по этой модели корпорацией, которая действовала под строгим контролем государственной власти, но при этом сохраняла самостоятельность, обеспечивавшую поддержание духа свободы, необходимого для развития наук. «Внутреннее устройство университетов, — писал М. И. Сухомлинов, характеризуя статус данных учебных заведений в Российской империи начала XIX века, — давало им независимое и почетное положение в общественной среде и благотворно действовало на дух ученой корпорации. Ректор был не только на бумаге, но и в действительности представителем университета, и защищал его интересы с тем достоинством и энергиею, которые даются только сознанием своих прав и обязанностей и свободою действовать по своему убеждению и долгу. Каждому профессору предоставлена была свобода преподавания с обязанностью поставить его в уровень с современным состоянием науки. Всякое вмешательство в преподавание лиц менее компетентных было удалено как общим духом университета, так и действиями Главного правления училищ. Когда поднят был вопрос о праве деканов посещать лекции, защищавший это право потерпел решительное поражение в Совете; попечитель с своей стороны представил, что находит такое посещение унизительным для профессоров; а Главное правление училищ, заметив, что дело должно было покончить в самом университете, отказалось от вмешательства во внутреннее устройство университета. Попечители, принимая непосредственное участие в действиях Главного правления училищ, уважали права университетов, и достоинством своего поведения возвышали в глазах общества свое звание, которое, по выражению одного из первых попечителей, почитали “драгоценным для души благородной, любящей просвещение и благо отечества”. Автономия и права, дарованные университетам уставом, сохранялись долгое время неприкосновенными. По случаю беспорядков в одной гимназии, послан был на ревизию не член университета, а вопреки уставу, чиновник канцелярии министра. Профессора университета, к округу которого принадлежала гимназия, обратились в Петербург с жалобою на это нарушение. Комитет министров прислал им выговор, но они вошли с новым представлением, в котором опирались на устав университета, и Комитет министров, найдя доводы их совершенно законными, изменил свое решение»[1].

[1] *Сухомлинов М. И.* Материалы для истории просвещения в России в царствование императора Александра I. СПб., 1866. Том 1. С. 126–127.

Уставы Московского, Харьковского и Казанского университетов предусмотрели деление университетской организации на четыре факультета или отделения: 1) Отделение нравственных и политических наук, 2) Отделение физических и математических наук, 3) Отделение врачебных или медицинских наук, 4) Отделение словесных наук.

В соответствии с § 27 Устава Московского университета (§ 24 Уставов Харьковского и Казанского университетов) каждое отделение имело своего старейшину или декана, который ежегодно, в одно время с ректором, избирался Общим собранием университета из числа заслуженных или ординарных профессоров и затем представлялся Попечителем на утверждение Министра народного просвещения.

Наименование факультета, осуществлявшего подготовку правоведов, «отделением нравственных и политических наук» в университетских уставах 1803–1804 годов прежде всего отражало представление их составителей о научной юриспруденции как о совокупности знаний о поведении человека. Юридические науки в соответствии с таким пониманием их сущности считались науками «нравственными». Тесная связь их с науками «политическими» была очевидной: об этом писал, например, в своей записке «Пользы и затруднения государственного знания» составитель проекта устава Московского университета М. Н. Муравьев. По его словам, «знание законов, существенно занимающее одно состояние в государстве и необходимое всем другим, не может быть разлучено с градоправительством»[1].

Согласно университетским уставам, главное предназначение университетов заключалось в подготовке юношества «для вступления в различные звания государственной службы». В наибольшей степени соответствовала данному предназначению деятельность отделения нравственных и политических наук. Это отделение было ведущим в российских университетах начала XIX века, и не случайно оно стояло первым в перечне университетских отделений.

Наименование его «отделением нравственных и политических наук» было лишь вывеской, за которой скрывался прежний юридический факультет. Любопытно, что в «Положении о производстве в ученые степени», высочайше утвержденном 20 января 1819 года, использовалось именно это первоначальное название. § 1 этого документа гласил: «В отношении к производству испытания и к получению ученых степеней все роды наук и познаний для лучшей в том удобности разделяются вообще

[1] Цит. по: *Петров Ф. А.* Формирование системы университетского образования в России. Том 1: Российские университеты и Устав 1804 года. М., 2002. С. 143.

на 4 факультета следующим образом: а) Богословский, б) Философский, в) Юридический, г) Медицинский».

§ 4. Учреждение императорского Санкт-Петербургского университета

Идея создания в Санкт-Петербурге императорского университета в качестве самостоятельного учебного заведения высшего уровня лелеялась еще Петром I, но осуществилась лишь в царствование Александра I. Высочайше утвержденные 24 января 1803 года «Предварительные правила народного просвещения» предполагали учреждение университета не только в Харькове и Казани, но также в Санкт-Петербурге. Однако по ряду причин процесс создания этого университета растянулся на полтора десятилетия.

Первым шагом в этом направлении стало учреждение 20 июля 1803 года на базе Санкт-Петербургской Учительской семинарии, возникшей в 1786 году и прекратившей свою деятельность после выпуска последних учащихся в конце 1801 года, Учительской гимназии.

16 апреля 1804 года император Александр I утвердил доклад министра народного просвещения «Об учреждении Педагогического института в Санктпетербурге из бывшей прежде Учительской гимназии». В докладе говорилось, что Учительская гимназия «ныне совершенно устроена. По предмету своему, состоящему в образовании юношества к учительской должности, она составляет отделение имеющего учредиться в Санктпетербурге университета; по чему и принять должна название Педагогического института, сообразно тому как называются таковые отделения в других университетах»[1].

23 декабря 1816 года император Александр I утвердил новый Устав Педагогического института, придав этому учебному заведению наименование «Главного Педагогического института»[2]. Согласно § 38 данного Устава создавалось три отделения или факультета: 1) «Отделение наук философических и юридических», 2) «Отделение наук физических и математических», 3) «Отделение наук исторических и словесных»[3].

---

1 1-ПСЗРИ. Том 28. № 21265. С. 270.

2 Высочайше утвержденное новое образование Главного Педагогического института от 23 декабря 1816 года // 1-ПСЗРИ. Том 33. № 26573. С. 1133–1156.

3 Там же. С. 1136.

Институт получил право, которым обладали в России только университеты, а именно: производить по результатам испытаний во все ученые степени[1].

Руководящими органами Главного Педагогического института были директор, Конференция, или общее собрание профессоров, и правление. Согласно § 93 Устава директор избирался общим собранием на четыре года или «определялся особенным выбором начальства». В обоих случаях он представлялся на утверждение императора. В случае назначения начальством директор не подлежал смене в течение четырех лет[2].

Положения о порядке определения на должности профессоров, их статусе, о полномочиях общего собрания профессоров и многие другие нормы «Нового образования Главного Педагогического института» были сходны с аналогичными нормами университетских уставов. А. Воронов писал в связи с этим, что он образовал вполне высшее учебное заведение, которому «недоставало только названия университета»[3]. То же самое отмечал и В. В. Григорьев: по его словам, «институту, для того, чтобы совершенно стать университетом, недоставало только этого имени и тогдашних прав университетов на управление делами учебного округа»[4]. Данный факт признавался в «Учреждении Министерства духовных дел и народного просвещения», изданном 24 октября 1817 года[5]. В примечании к § 33 этого документа говорилось: «Главный Педагогический институт, хотя некоторым образом и заменяет собою университет, но не участвует в управлении Учебным округом, а управляет им один Попечитель»[6].

8 февраля 1819 года Александр I одобрил доклад министра духовных дел и народного просвещения князя А. Н. Голицына об учреждении университета на базе Главного педагогического института в Санкт-Петербурге. Высочайшее утверждение получил и составленный попечителем Санкт-Петербургского учебного округа (а также президентом Академии наук) С. С. Уваровым документ под названием «Первоначальное образование С.-Петербургского университета[7]», который

---

1 1-ПСЗРИ. Том 33. № 26573. С. 1151–1153.

2 Там же. С. 1142.

3 *Воронов А.* Историко-статистическое обозрение учебных заведений С.-Петербургского Учебного округа с 1715 по 1828 год включительно. С. 115.

4 *Григорьев В. В.* Императорский С.-Петербургский университет в течение первых пятидесяти лет его существования. С. 5.

5 См.: 1-ПСЗРИ. Том 34. № 27105. С. 814–834.

6 Там же. С. 819.

7 Первоначальное образование С.-Петербургского университета // 1-ПСЗРИ. Том 36. № 27675. С. 63–66. Наименование «императорский» Санкт-Петербургский универ-

должен был действовать до тех пор, пока не будет разработан и высочайше утвержден его устав. «С этого достопамятного дня, — писал о данном событии М. И. Сухомлинов, — начинается существование Петербургского университета как учреждения, поставленного в одинаковые условия со всеми другими русскими университетами, с теми же правами и обязанностями. Образование преподавателей, составлявшее главную цель Педагогического института, осталось в числе предметов университетской деятельности; но круг ее расширен двумя другими задачами: служить рассадником высшего образования для всех, желающих приобрести его, и быть средоточием учебного округа, приводя в благоустройство все учебные заведения края[1].

Торжественное открытие шестого из предусмотренных «Предварительными правилами народного просвещения» 1803 года российского университета состоялось 14 февраля 1819 года.

В учрежденном университете сохранялось разделение на три факультета, существовавшее в Главном Педагогическом институте, то есть на отделения «наук философических и юридических», «наук физических и математических», «наук исторических и словесных». Оставлялась в нем и должность директора — с одним, правда, очень примечательным нововведением: согласно § 11 «Первоначальное образование С.-Петербургского университета» директор отныне всегда назначался от правительства[2]. Ему вверялся «главный и ближайший надзор за всеми внутренними делами университета, исключая дел Конференции». Для них Конференция университета должна была избирать ежегодно из числа ординарных профессоров ректора, который председательствовал на ее заседаниях и заседал в Правлении университета.

Каждый факультет должен был избирать своего декана, полномочия которого длились также всего один год. На должность декана философско-юридического факультета был избран М. А. Балугьянский. Выборы ректора пришлось проводить дважды. При первых выборах равное количество голосов получили профессора Раупах и Балугьянский. Бросили жребий — он оказался благосклонным к Раупаху. Однако Комитет министров признал выборы ректора по жребию незаконными и постановил произвести новые выборы. На них победил Балугьянский, который и был утвержден императором в звании ректора. На должность

ситет получил 31 октября 1821 г. (см.: Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Том 1. Стлб. 1475).

[1] *Сухомлинов М. И.* Материалы для истории просвещения в России в царствование императора Александра I. СПб., 1866. Том 2. С. 73.

[2] Там же. С. 64.

директора Санкт-Петербургского университета был поставлен статский советник Д. А. Кавелин, занимавший этот пост в Главном Педагогическом институте.

В последнем — тридцать шестом — параграфе «Первоначального образования» сообщалось, что Министерство духовных дел и народного просвещения, согласив Устав Института с этим документом, «представит подробный Устав университета на Высочайшее утверждение»[1].

Однако в действительности сочинить Устав Санкт-Петербургского университета было не просто. «Составление устава чрезвычайно затянулось вследствие препятствий как невольных, так и умышленных: лица, которым было поручено дело, до того расходились во взглядах на него, что исчезала всякая надежда на соглашение противоположных начал»[2].

§ 5. Учреждение Университета Св. Владимира в Киеве. Временный устав Университета Св. Владимира 1833 года

Идея учреждения императорского университета в одном из городов Малороссии выдвигалась еще в период правления Елизаветы Петровны. Среди бумаг М. В. Ломоносова сохранился набросок его речи на торжественной инаугурации Санкт-Петербургского университета, которая должна была состояться в 1760 году. И в одном из примечаний, начертанных среди фраз этой речи, читается: «Графу говорить, что по сему может и в Малороссии учредить Университет»[3]. Спустя семь лет малороссийские депутаты Комиссии сочинения проекта нового уложения, созданной на основании Именного указа Екатерины II от 14 декабря 1766 года, ходатайствовали об открытии императорского университета именно в Киеве[4]. Однако государыня оставила данную просьбу без удовлетворения. В Именном же указе, данном Комиссии об учреждении училищ 29 января 1786 года, Екатерина II заявила, что на первое время достаточным

---

1 *Сухомлинов М. И.* Материалы для истории просвещения в России в царствование императора Александра I. Том 2. С. 66.

2 Там же. С. 75.

3 *Ломоносов М. В.* Слово благодарственное Всепресветлейшей, Державнейшей Великой Государыне, Императрице Елисавете Петровне, Самодержице Всероссийской. На торжественной инавгурации Санктпетербургского университета говоренное 1760 года // Сочинения Ломоносова. Том 1. СПб., 1847. С. 623.

4 См.: Киев и Университет Св. Владимира при императоре Николае I. 1825–1855. Киев, 1896. С. 52.

почитает «иметь три университета, и именно: в Пскове, Чернигове и Пензе»[1].

Вопрос об учреждении императорского университета в Киеве обсуждался в первые годы правления Александра I в процессе подготовки и проведения реформы университетского образования. Павел Григорьевич Демидов, пожертвовавший часть своего состояния на открытие в Ярославле Училища высших наук, выделил значительные деньги (50 000 руб.) и на основание университета в Киеве[2]. Министр народного просвещения граф П. В. Завадовский имел намерение раздробить огромный по территории Виленский учебный округ на два, выделив из него Киевский округ, и соответственно учредить в Киеве университет. Для решения этого вопроса он ездил в 1805 году в Киев. После разговора с Тадеушом Чацким, занимавшим с 1803 года должность ревизора училищ в Киевской, Подольской и Волынской губерниях, министр отказался от своего намерения открыть здесь университет.

Осуществляя надзор за деятельностью училищ в малороссийских губерниях, Тадеуш Чацкий старался насадить в них преподавание на польском языке, превратить в инструмент полонизации края, который, хотя и находился в составе Российской империи, рассматривался им в качестве части Польши. В этой своей деятельности он пользовался полной поддержкой Попечителя Виленского учебного округа Адама Чарторыжского — знатного поляка, который входил в круг ближайших сотрудников Александра I и поэтому имел большое влияние среди столичных сановников. Чарторыжский активно действовал во вверенном ему округе против русских интересов и при этом пользовался поддержкой со стороны не только отдельных русских сановников, но и самого российского императора. Проводившаяся им политика была направлена на недопущение распространения в северо-западных губерниях Российской империи русской образованности. Учебные заведения округа и в том числе императорский университет в городе Вильно, финансировавшиеся из российской государственной казны, оставались при попечительстве Адама Чарторыжского польскими по характеру своего образования и прививавшегося ученикам мировоззрения. Идею выделения из Виленского учебного округа Киевского округа и учреждения в Киеве русского императорского университета он вполне естественно воспринял как чрезвычайно опасную для

---

[1] Именной указ, данный Комиссии об учреждении училищ, от 29 января 1786 года «О составлении плана для заведения университетов в Пскове, Чернигове и Пензе» // 1-ПСЗРИ. Том 22. № 16315. С. 526.

[2] К 1833 г. данный капитал возрастет до 200 000 руб. Он будет использован на нужды открытого в указанном году Киевского университета.

польских интересов и приложил все старания для того, чтобы она не была осуществлена[1]. Отказываясь от этого плана, министр Завадовский уступал тем самым влиятельной польской партии при дворе Александра I.

Кровавое польское восстание 1830–1831 годов показало предельно выразительно опасность проводившейся до этого правительством Российской империи образовательной политики в западных губерниях. Молодые люди, воспитанные в университете города Вильно и в других учебных заведениях Виленского учебного округа, стали активными участниками польского восстания. Действуя в качестве пропагандистов, они внушали полякам ненависть ко всему русскому и тем самым втягивали их в бессмысленную бойню.

Михаил Николаевич Муравьев, выпускник Московского университета, участник Бородинского сражения, а с 1827 года губернаторствовавший в западных губерниях Российской империи (сначала — на должности витебского вице-губернатора, с 1828 г. — как могилёвский губернатор, с 1831 г. — в качестве гродненского губернатора), хорошо понимал, к каким тяжким последствиям могла привести практиковавшаяся в Виленском учебном округе система воспитания учащихся. В 1830 году он представил императору Николаю I записку, в которой предложил немедленно провести реформу учебных заведений в Западном крае, ввести в них преподавание на русском языке и отстранить латинское духовенство от какого-либо участия в образовании и воспитании юношества.

После подавления польского восстания российское правительство решительно взялось искоренять вредные последствия антирусской политики Александра I и приближенных к нему сановников-поляков в западных губерниях Российской империи. Учреждение в Киеве Университета Святого Владимира было в этих условиях не только образовательной, но и политической мерой. Российское правительство создавало в лице этого учебного заведения форпост русской культуры в западной части империи, призванный создать здесь слой образованных людей, воспитанных и способных воспитывать других в духе приверженности к Русскому

---

[1] Польский общественный деятель Гугон Коллонтай, живший в 1802–1806 гг. на Волыни и помогавший своими советами Адаму Чарторыжскому в делах по управлению Виленским учебным округом, писал в письме к ректору Виленского университета Яну-Баптисту-Владиславу Снядецкому: «Как поляк, кн. Чарторыжский не желает открытия университета в Киеве, где можно предвидеть неминуемый упадок нашей речи и неминуемые препятствия в местной *суперстиции* (т. е. суевериях. — *В. Т.*). Не желает он открыть нового округа также потому, чтобы не нарушить того объединения края, которое выражается в настоящее время в единстве образования» (цит. по: Киев и Университет Св. Владимира при императоре Николае I. 1825–1855. Киев, 1896. С. 36).

государству и Русской духовной культуре. Это предназначение Киевского университета было особо подчеркнуто присвоением ему имени Святого Владимира. Все остальные университеты Российской империи и в том числе первейший из них — Московский — именовались только «императорскими».

14 декабря 1832 года императором Николаем I был создан Киевский учебный округ, а 8 ноября 1833 года император Николай I подписал Именной, данный Сенату, Указ «Об *учреждении в Киеве Университета с наименованием Императорским Университетом Св. Владимира*»[1]. В нем говорилось: «Обращая беспрерывное внимание НАШЕ на успехи общего, истинно народного воспитания в Государстве, признали МЫ за благо по переводе Волынского лицея из Кременца в Киев, преобразовать оный в высшее учебное заведение, с надлежащим распространением и на твердых основаниях, преимущественно для жителей Киевской, Волынской и Подольской губерний, коих наследственное усердие в пользу просвещения упрочило и на будущие времена благосостояние учебных заведений того края. Таким образом, избрав город Киев, с давних лет к учреждению Университета предназначаемый, равно драгоценный для всей России, некогда колыбель Святой Веры НАШИХ предков и, вместе с сим, первый свидетель гражданской их самобытности, МЫ *Повелели* учредить в оном Университет под особым покровительством и в память Великого Просветителя Богом врученной НАМ страны, на следующих началах:

1. В Киеве открываемый Университет наименовать *Императорским* Университетом Св. Владимира.

2. Университет сей составить из двух факультетов: философского и юридического. Учреждение в оном факультета медицинского представляем МЫ впоследствии собственному НАШЕМУ усмотрению.

3. Университету Св. Владимира присвоиваются все доходы с фундушей и капиталов, пожертвованных дворянством Волынской, Подольской и Киевской Губерний для Волынского Лицея, кои и имеют составлять впредь неприкосновенную сего Университета собственность. Сверх того на содержание Университета Св. Владимира и на возведение зданий обращаются все источники и суммы, подробно исчисленные в утвержденном НАМИ сего числа в докладе Управляющего Министерством народного просвещения[2]. За сим недостающую на содержание Университета сумму пополнять из Государственного Казначейства.

---

[1] Опубликован данный Указ был только 14 ноября 1833 года.

[2] См. текст всеподданнейшего доклада управляющего Министерством народного просвещения С. С. Уварова в издании: ЖМНП. 1834. Ч. 1. № 2. С. LXXXIX–XCIII.

4. Министерство народного просвещения имеет под непосредственным руководством НАШИМ начертать ныне же Устав и Штат Университета Св. Владимира и поднести оные на НАШЕ утверждение»[1].

25 декабря 1833 года государем был утвержден Проект Устава Университета Св. Владимира. Подписанным в этот день и опубликованным 10 января 1834 года Именным указом, данным Сенату, его величество повелел: «Силу и действие сего проекта, считая со дня открытия Университета, постановить на четыре года[2], соответствующие продолжению первого учебного курса, по истечению коего все, подтвержденное и оправданное опытом, имеет войти в состав окончательного Устава, с надлежащим, по усмотрению Министерства народного просвещения, дополнением и изменением прочих распоряжений, в сем проекте изложенных»[3].

Временный характер этого документа заставил называть его «проектом» и после высочайшего утверждения и вступления в силу. Торжественное открытие Университета Св. Владимира состоялось 15 июля 1834 года[4]. В этот день проект его Устава получил юридическую силу.

Первый его параграф гласил: «Университет Св. Владимира состоит под особенным покровительством *Его Императорского Величества*»[5]. Четвертым параграфом проекта указанному университету предоставлялись все права и преимущества, какие были предоставлены прочим российским императорским университетам. Эти права и преимущества закреплялись в уставах 1804 года, в которых университет определялся как «вышнее ученое сословие, для преподавания наук учрежденное». Такого определения не было в проекте Устава Университета св. Владимира. Впрочем, существо такого явления, как университет, здесь вообще никак не определялось. По всей видимости, составители проекта, отойдя от взгляда на университет как на сообщество ученых, стали понимать его лишь в качестве учебного заведения.

Система управления университетом была по проекту Устава 1833 года почти такой же, как и по уставам 1804 года. Ее составляли университетский Совет, ректор и правление. Правда, в Совет Университета

---

1 2-ПСЗРИ. Том 8. № 6558. С. 648.

2 По истечении первого четырехлетия действия данного проекта в 1838 г. оно было продолжено еще на одно четырехлетие. А в 1842 г. был принят, наконец, Устав Университета Св. Владимира.

3 Именной указ, данный Сенату, от 25 декабря 1833 года // 2-ПСЗРИ. Том 8. № 6670. С. 790.

4 Чтение же лекций в Университете Св. Владимира началось 28 августа 1834 г.

5 Высочайше утвержденный устав Университета Св. Владимира. 25 декабря 1833 года // 2-ПСЗРИ. Том 8. № 6670. С. 790.

Св. Владимира, в отличие от Советов Московского, Харьковского и Казанского университетов, согласно § 10 проекта его Устава, входили, помимо ректора, только профессора, ординарные и экстраординарные. В соответствии же с § 4 уставов 1804 года Совет или Общее собрание университета составляли «профессоры всех отделений и адъюнкты под председательством ректора»[1]. Полномочия Совета по проекту Устава Киевского университета не включали в себя «рассмотрение тяжебных дел», что было возложено на университетский совет по уставам 1804 года.

Профессора и адъюнкты вновь учрежденного университета должны были избираться на свои должности в таком же порядке, как в Московском, Харьковском или Казанском университетах, то есть университетскими Советами. Но проект Устава Университета Св. Владимира, в отличие от уставов названных университетов, предоставлял министру народного просвещения «право и по собственному своему усмотрению назначать в профессоры или адъюнкты на вакантные кафедры» (§ 18)[2].

В отличие от всех других университетов Российской империи, Киевский университет имел при своем учреждении всего два факультета: философский и юридический.

Но самые большие изменения, по сравнению с университетскими уставами 1804 года, претерпела в проекте Устава Университета Св. Владимира программа преподавания юридических наук.

Прежде всего следует отметить, что проект отказался от наименования факультета, призванного вести обучение юриспруденции, «отделением нравственных и политических наук». И это изменение было вполне закономерным: оно в полной мере соответствовало содержанию учебной программы юридического факультета, предусмотренной проектом Устава Университета Св. Владимира.

Согласно § 34 этого документа здесь должны были преподаваться следующие юридические науки:

«1) Общее систематическое обозрение законоведения, или так называемая энциклопедия прав. 2) Основные законы и учреждения Российской империи, законы о состояниях людей в государстве. 3) Российские гражданские законы как общие, так и особенные, как-то: кредитные, торговые и о фабриках, со включением и тех местных законов, кои действуют в некоторых токмо губерниях. 4) Российские уголовные законы. 5) Законы благочиния. 6) Законы о государственных повинностях и

---

1 1-ПСЗРИ. Том 28. № 21498. С. 571.

2 2-ПСЗРИ. Том 8. № 6670. С. 791.

финансах. 7) Римское законодательство в соединении с историею его, как внутреннею, так и внешнею»[1].

Кроме того, § 36 Проекта Устава Университета Св. Владимира предусматривал изучение студентами юридического факультета предмета под названием «догматическая и нравоучительная богословия», а также церковной истории и церковного права. Причем преподавание последнего предполагалось вести по двум самостоятельным, не принадлежавшим к факультетам, кафедрам: одной — для студентов греко-российской веры, другой — для студентов римско-католического исповедания.

В учебной программе юридического факультета не нашлось места курсу естественного права. Вместо него в качестве фундаментальной юридической науки стала преподаваться энциклопедия прав. Основное содержание этого предмета составила, как показывают тексты конспектов лекций профессоров[2], история права и история политических и правовых учений. Новым в учебной программе юридического факультета, предусмотренной проектом Устава Университета Св. Владимира, по сравнению с программой преподавания юридических наук по университетским уставам 1804 года, было явное преобладание русского права. В таком широком объеме действовавшее российское законодательство в университетах Российской империи еще не изучалось.

Проект Устава Университета Св. Владимира стал еще одной важной вехой на пути реформы российского университетского образования в целом и программы обучения юриспруденции в особенности. Министр народного просвещения С. С. Уваров рассматривал его в качестве предварительного варианта нового устава для всех университетов Российской империи, за исключением Дерптского. Поэтому еще до введения данного проекта в действие он предписал попечителям Московского, Санкт-Петербургского, Харьковского и Казанского университетов дать «заключения о том, какие статьи Устава Киевского университета могут быть превращены в нормы, общие для всех университетов»[3]. Попечители исполнили предписание своего министра и направили ему целый ряд записок с предложениями по совершенствованию данного устава. С подобными предложениями выступили и Советы университетов. В министерстве все эти записки свели воедино, и в результате появился документ под названием «Свод предложений попечителей учебных округов и

---

1 2-ПСЗРИ. Том 8. № 6670. С. 793.

2 Например, профессора юридического факультета Киевского университета К. А. Неволина.

3 Цит. по: *Петров Ф. А.* Формирование системы университетского образования в России. Том 3: Университетская профессура и подготовка Устава 1835 года. С. 228.

советов университетов С.-Петербургского, Московского, Харьковского и Казанского о применении отдельных статей Устава Киевского университета, составленных в течение 1834 г., к другим университетам»[1].

К сентябрю 1834 года в Министерстве народного просвещения накопилось достаточное количество материалов и предложений по реформе университетского образования для того, чтобы можно было начать разработку окончательного проекта нового Университетского устава. И Комитет устройства учебных заведений приступил к этой работе.

§ 6. Общий устав императорских российских университетов 1835 года

25 июня 1835 года император Николай I утвердил Именным указом, данным Сенату, «Положение об Учебных округах Министерства народного просвещения»[2], которое коренным образом изменяло статус университетов. Они освобождались от управления гимназиями и училищами Учебных округов, возложенного на них в 1803 году «Предварительными правилами народного просвещения»[3]. Тем самым открывался путь к дальнейшей реформе системы университетского образования.

Главным актом этой реформы стал принятый 26 июля 1835 года Общий Устав императорских российских университетов. В изданном по этому случаю Именном указе, данном Сенату, Николай I заявлял: «Утвердив в 25 день июня сего года положение об Учебных округах Министерства народного просвещения, Мы обратили деятельность университетов на существенную пользу наук и публичного воспитания. Желая довершить устройство высших учебных заведений и поставить их на степень им следующую, Мы признали за благо даровать им новое учреждение, более приспособленное к дальнейшему их усовершенствованию»[4].

Новый университетский устав не случайно назывался «общим» — его статьи получали «силу и действие во всех вообще российских университетах, кроме тех изъятий, кои постановлены для университета Дерптского в особенном его уставе и для Университета Св. Владимира

---

[1] Этот документ никогда не публиковался. Он хранится в Российском государственном историческом архиве (фонд 737. Опись 1. Ед. хр. 7).

[2] См. текст этого документа в издании: 2-ПСЗРИ. Том 10. Отделение 1. № 8262. С. 756–758.

[3] См. об этих «Правилах» в издании: *Томсинов В. А.* Юридическое образование и юриспруденция в России в первой трети XIX века. М.: Зерцало-М, 2010. С. 15–17.

[4] Именной указ, данный Сенату, от 26 июля 1835 года // 2-ПСЗРИ. Том 10. Отделение 1. № 8337. С. 841.

в проекте правил, предначертанных для него на время»[1]. Он определял: «1) состав и предметы каждого факультета, 2) предметы и обязанности Совета, 3) предметы и обязанности Правления, 4) порядок определения и главные обязанности лиц, принадлежащих к университету, 5) порядок курсов, лекций, задач и испытаний, 6) права и преимущества университетов, 7) особенные установления при университете, и 8) учебные и вспомогательные пособия»[2].

В Уставах Московского, Харьковского и Казанского университетов, высочайше утвержденных 5 ноября 1804 года, университет определялся как «высшее ученое сословие, для преподавания наук учрежденное»[3]. В Общем уставе Императорских российских университетов 1835 года термин «ученое сословие» отсутствовал[4]. Об университете здесь говорилось, что он «составляется: 1) из определенного числа факультетов, 2) из Совета, 3) из Правления. В полном составе университета полагаются три факультета: философский, юридический, медицинский. Каждый факультет состоит из учащих и учащихся»[5]. Ординарные и экстраординарные профессоры, а также их помощники — адъюнкты относились данным уставом к категории чиновников «по ученой части»[6].

Согласно статье 5 Совет университета составляли ординарные и экстраординарные профессора, заседавшие под председательством ректора. В Правление же, в соответствии со статьей 6, входили: ректор, как его председатель, деканы факультетов и синдик. И Совет, и Правление не обладали по Общему университетскому уставу 1835 года судебными

---

1 Общий устав императорских российских университетов от 26 июля 1835 года // 2-ПСЗРИ. Том 8. № 6670. С. 842.

2 Там же.

3 1-ПСЗРИ. Том 28. № 21498. С. 571; № 21499. С. 589; № 21500. С. 607.

4 Данный термин появился в Уставе Императорской Санкт-Петербургской Академии наук, высочайше утвержденном 8 января 1836 г. В первом параграфе его давалось следующее определение данному учреждению: «Академия Наук есть первенствующее ученое сословие в Российской Империи» (Устав Императорской Санкт-Петербургской Академии наук // ЖМНП. 1836. Ч. 9. № 2. С. XXX).

5 Общий устав Императорских российских университетов от 26 июля 1835 года // 2-ПСЗРИ. Том 10. Отделение 1. № 8337. С. 842.

6 Это явствует из названия отд. II главы V Общего устава — «Порядок определения чиновников по нравственной и ученой части» (там же. С. 847), в которой регулируется статус инспекторов и преподавателей. К чиновникам «по нравственной части» здесь относятся инспектор и его помощники. «Особенный и ближайший надзор за нравственностию всех учащихся в Университете поручается Инспектору», — гласит статья 71 Общего устава (там же).

функциями, которыми эти органы наделялись уставами российских университетов 1803–1804 годов.

Статья 61 устанавливала, что «ректор избирается на четыре года, из ординарных профессоров, по большинству голосов в Совете, и утверждается в сем звании *Высочайшею* властию»[1]. Статья 62 определяла, что «ректор, имея ближайшее попечение о благоустройстве университета, наблюдает: 1) чтобы принадлежащие к оному места и лица исполняли в точности свои обязанности, и 2) чтоб университетские преподавания шли с успехом и в надлежащей постепенности»[2].

Деканы, согласно статье 68, избирались факультетами из ординарных профессоров на четырехлетний срок и утверждались в этих званиях министром народного просвещения.

Преподававшие в университетах профессора и адъюнкты подлежали избранию университетским Советом и также утверждались министром. Статья 80 Общего устава российских университетов предоставляла министру народного просвещения «право и по собственному своему смотрению назначать в профессоры и адъюнкты на вакантные кафедры людей отличных ученостью и даром преподавания, с требуемыми для сих званий учеными степенями»[3].

Синдик избирался, в соответствии со статьей 95 Общего университетского устава, Попечителем «из чиновников, имеющих ученые степени по юридическому факультету», и утверждался в этом звании министром[4]. Статья 29 устанавливала, что «синдик имеет надзор за канцеляриею Совета, присутствует в заседаниях онаго и наблюдает, чтобы производство и решение дел было согласно с законами. В случае замеченной им в сем отношении неправильности или отступления от порядка, он подает письменное мнение. Если за сим Совет останется при прежнем своем заключении, то к исполнению онаго может приступить не иначе, как с разрешения Попечителя, который в то же время об обстоятельствах дела и данном им предписании доводит до сведения министра народного просвещения»[5].

Общий устав императорских российских университетов 1835 года сохранял правило прежних университетских уставов, согласно которому ректор считался состоявшим в пятом классе, если не имел чина более

---

1 Общий устав Императорских российских университетов от 26 июля 1835 года // 2-ПСЗРИ. Том 10. Отделение 1. № 8337. С. 846.

2 Там же.

3 Там же. С. 848.

4 Там же. С. 849.

5 Там же. С. 844.

высокого класса по Табели о рангах. Ординарным профессорам присваивался чин седьмого класса, экстраординарным профессорам и адъюнктам — чин восьмого класса. Удостоенные ученых степеней утверждались, при вступлении в гражданскую службу, в следующих классах: доктор наук — в восьмом, магистр — в девятом, кандидат — в десятом. Студенты, успешно окончившие университетский курс, получали в соответствии со статьей 128 Устава чин двенадцатого класса.

Статья 12 Общего университетского устава 1835 года представляла основные контуры учебной программы юридического факультета. Согласно ей здесь должны были преподаваться:

«1) Энциклопедия или общее обозрение системы законоведения, российские государственные законы, т. е. законы основные, законы о состояниях и государственные учреждения. 2) Римское законодательство и история онаго. 3) Гражданские законы, общие, особенные и местные. 4) Законы благоустройства и благочиния. 5) Законы о государственных повинностях и финансах. 6) Законы полицейские и уголовные. 7) Начала общенародного правоведения (*Jus gentium*)»[1].

Предусматривалось также изучение студентами юридического факультета предмета под названием «догматическая и нравоучительная богословия», а также церковной истории и церковного права. Однако, в отличие от Устава Университета Св. Владимира, в Общем уставе императорских российских университетов для преподавания последнего определялась одна, «особая, не принадлежащая ни к какому факультету кафедра для всех вообще студентов греко-российского исповедания»[2].

Сравнение программы преподавания юридических наук, предусмотренной Общим Университетским уставом 1835 года с перечнем кафедр юридического факультета, установленного Проектом Устава Университета Св. Владимира, показывает в ней единственное существенное нововведение — кафедру «начал общенародного правоведения», то есть международного права. Остальные различия несущественны. Например, если в Университете Св. Владимира энциклопедия прав и основные законы Российской империи должны были преподаваться по разным кафедрам, то в Общем уставе императорских российских университетов эти предметы объединялись в рамках одной кафедры. Уголовные законы должны были преподаваться в Общем университетском уставе по одной кафедре с законами полицейскими, тогда как в Университете

---

1 Общий устав Императорских российских университетов от 26 июля 1835 года // 2-ПСЗРИ. Том 10. Отделение 1. № 8337. С. 843.

2 Там же.

Св. Владимира предусматривалось преподавание только российских уголовных законов. К законам благочиния Общий устав добавлял законы благоустройства.

Таким образом, принятый в 1835 году новый университетский устав окончательно закреплял тенденции развития юридического образования и юриспруденции в России, воплощенные в проектах университетского устава 1829 и 1832 годов и развитые в Проекте Устава Университета Св. Владимира.

Статья 21 Общего университетского устава 1835 года предоставляла министру народного просвещения право умножать или сокращать на какое-то время количество предметов преподавания, «смотря по местным обстоятельствам и по удобности приискания способных преподавателей»[1]. Смысл всех подобных нововведений в университетские порядки очевиден: государственная власть стремилась усилить свое влияние на университеты.

Общий устав 1835 года не содержал определения цели университетской деятельности. Но характер учебной программы, предписанной им для юридического факультета, показывает, что подготовка молодых людей для государственной службы составляла главную задачу данного учебного заведения. Студенты-юристы должны были изучать, с одной стороны, отрасли права, составляющие *основу внутригосударственного правопорядка* (государственное право, законодательство о государственных повинностях и финансах, полицейское и уголовное право), с другой стороны — предметы, *воспитывающие государственное сознание* (историко-правовые дисциплины, русскую историю). Направленность юридического образования на воспитание людей, проникнутых духом патриотизма и обладающих государственным мышлением, не оставляла в учебной программе юридического факультета места для такого предмета, как естественное право.

§ 7. Изменение порядка назначения ректоров и деканов

11 октября 1849 года Именным указом, данным Сенату, император Николай I внес изменения в порядок назначения на должности ректоров и деканов в пяти российских университетах: Санкт-Петербургском, Московском, Св. Владимира, Харьковском и Казанском. В начале данного акта констатировалось, что «срочное назначение ректоров с соединением

[1] Общий устав Императорских российских университетов от 26 июля 1835 года // 2-ПСЗРИ. Том 10. Отделение 1. № 8337. С. 844.

в одном лице непосредственного начальства над университетом и преподавания по званию профессора не соответствует вообще пользе сих высших учебных заведений» и что «образ действия ректора и факультетских деканов, как помощников его в надзоре за преподаванием, не довольно определительно обозначен в уставах университетов»[1]. В связи с этим его величество объявлял, что признал «за благо направить всю деятельность этого чиновника к одной славной его обязанности и при ближайшем участии деканов доставить ему более средств к неупустительному прохождению своего важного звания.

Повелением императора ректор, который по Общему уставу российских университетов 1835 года избирался на четыре года из ординарных профессоров «по большинству голосов в Совете» и утверждался в этом звании «высочайшею властию», должен был отныне избираться для названных университетов министром народного просвещения из лиц, имеющих ученые степени, и на неопределенное время и, как прежде, представляться на высочайшее утверждение.

Вторым пунктом указанного повеления административная служба ректоров и деканов относилась к учебной, с присвоением им всех преимуществ, которыми пользовались профессора. Третьим пунктом устанавливалось, что избрание деканов остается на прежнем основании, то есть на 4 года, однако министру народного просвещения предоставлялось право «продолжить пребывание профессоров в этом звании и увольнять от оного прежде срока, по своему усмотрению», с представлением императору, «в случае надобности, о назначении декана из профессоров факультета и независимо от университетских выборов»[2].

Н. Х. Бунге писал, оценивая данное нововведение: «Определение бессменного ректора, не обязанного читать лекции, внесло, правда, в управление нашего университета более порядка, потому что лицо, поставленное во главе университета, могло посвятить себя вполне исполнению своих административных обязанностей. Но при всей осторожности правительства, определившего на ректорские места таких лиц, которые, по их прежним занятиям и заслугам, могли бы быть истинными представителями ученых интересов, нет сомнения, что университеты утратили весьма важный элемент подвижности. Смена ректора, по истечении каждых четырех лет, приносила пользу во многих отношениях: во-первых, по влиянию на ход ученой и учебной деятельности, как вообще, так и

---

1 Именной указ, данный Сенату, от 11 октября 1849 года «О избрании в Университеты: С.-Петербургский, Московский, Св. Владимира, Харьковский и Казанский ректоров и деканов // 2-ПСЗРИ. Том 24. № 23561. С. 85.

2 Там же. С. 86.

в частности в факультете, из которого был взят представитель университета; во-вторых, по влиянию на пополнение факультетов; ректор не мог читать прежнего числа лекций и заботился об избрании себе адъюнкта; таким образом, не только обновлялось ученое направление целого, но и самый состав факультетов. Наконец, что всего важнее, избираемый ректор был представителем потребностей университетского сословия, он был обязанным защитником и интересов науки, и интересов преподавателей, между тем как ректор-администратор стоит вне университетского сословия, не всегда может пользоваться полным доверием его и оказывать на него нравственное влияние, а нередко, увлекаемый властию, приходит к мысли ставить себя выше университетского совета, то есть на место, занимаемое попечителем. Правительственные интересы несравненно лучше могут быть охраняемы влиянием, предоставленным одному лицу попечителя, нежели двумя властями, которые нередко могут служить одна для другой помехою. Итак, если от назначения бессменного ректора некоторые университеты выиграли в правильности делопроизводства, то все бесспорно много потеряли в ученом и учебном отношении»[1].

[1] *Бунге Н. Х.* Об устройстве учебной части в наших университетах // Русский вестник. 1858. Том 17. № 10. С. 482–483.

ПОДГОТОВКА И ПРОВЕДЕНИЕ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ РЕФОРМЫ 1863 ГОДА

§ 1. Разработка нового Университетского устава

Подготовка университетской реформы началась в 1856 году и до начала 60-х годов шла без особой спешки. К февралю 1858 года попечитель Санкт-Петербургского учебного округа князь Г. А. Щербатов составил с помощью профессора К. Д. Кавелина предварительный проект нового устава для Санкт-Петербургского университета[1], включавший в себя 245 параграфов, разделенных на шесть глав. Университет мыслился в нем учреждением, предназначенным служить рассадником «высшего теоретического образования в Империи»[2]. В связи с этим существенно расширялась автономия университетской организации и повышался статус профессоров[3].

Университетское образование делалось по проекту устава, разработанного Г. А. Щербатовым и К. Д. Кавелиным, более доступным: отменялись вступительные экзамены, бедные студенты освобождались от платы за обучение в университете. В рамках юридического факультета указанный проект предполагал наличие двух отделений: наук юридических и наук административных. Преподавание этих наук должно было вестись по четырнадцати кафедрам вместо семи, предусматривавшихся Общим уставом российских императорских университетов 1835 года.

---

[1] Ординарный профессор Санкт-Петербургского университета по кафедре русской словесности Александр Васильевич Никитенко (1804–1877) записал 24 февраля 1858 г. в своем дневнике: «Вчера князь Щербатов читал мне свой устав университета. Сомнительный успех, ибо тут требуются деньги и новые права» (*Никитенко А. В.* Записки и дневник (1826–1877). СПб., 1893. Т. 2. С. 80).

[2] РГИА. Фонд 733. Оп. 88. Ед. хр. 261. Л. 76, 81. См. подробнее об этом проекте в книге: *Зипунникова Н. Н.* «Университеты учреждаются для преподавания наук в высшей степени». Российское законодательство об университетах XVIII – начала XX века. Екатеринбург, 2009. С. 122–124.

[3] В частности, министр народного просвещения лишался правомочия назначать кого-либо на профессорские должности по своему усмотрению.

В сопроводительном письме к своему проекту устава Санкт-Петербургского университета князь Щербатов предлагал распространить этот документ, после одобрения Министерством народного просвещения, на все российские университеты, внеся в него соответствующие изменения[1].

30 апреля 1858 года проект Щербатова–Кавелина был представлен Совету Санкт-Петербургского университета. Сам попечитель учебного округа не только присутствовал, но и председательствовал на этом заседании Университетского совета. На нем было решено образовать специальную комиссию для более внимательного рассмотрения проекта. А. В. Никитенко, вошедший в состав данной комиссии, записал в свой дневник после первого ее заседания, которое прошло вечером 7 мая: «Это труд, кажется, как и многие другие подобного рода, на ветер. Такие улучшения университета, какие мы предполагаем, — чистая утопия. У нас нет еще твердого убеждения в том, что науке нужны и простор, и средства, и уважение ее интересов. Напрасно обрадовались некоторые, что вот, дескать, теперь настоящее торжество науки. Мы далеки еще от этого торжества. Оно наступит тогда, когда будут оказывать ей почести не на словах, а в сердцах; когда ее не будут считать только потребностью *государства*, а потребностью *человеческой природы*»[2].

Помимо Санкт-Петербургского университета, проект нового университетского устава, подготовленный Г. А. Щербатовым и К. Д. Кавелиным, обсуждался в 1859–1860 годах в Московском и Киевском университетах. Совет Московского университета представил в Министерство народного просвещения целый ряд предложений по организации внутриуниверситетского управления, а также относительно статуса преподавателей и содержания учебных программ[3]. Ректор Университета Св. Владимира Н. Х. Бунге предложил придать университетам характер юридических лиц с правомочиями владеть и распоряжаться движимым и недвижимым имуществом, совершать сделки и отстаивать свои имущественные интересы в суде[4]. В целом же ни университетские советы, ни Министерство не поддержали этого проекта.

Между тем к началу 1861 года стало очевидным, что оставлять университеты в прежнем состоянии значит губить университетское обра-

---

1 РГИА. Фонд 733. Оп. 88. Ед. хр. 186. Л. 1 об.; *Зипунникова Н. Н.* Указ. соч. С. 124.

2 *Никитенко А. В.* Записки и дневник (1826–1877). Т. 2. С. 91.

3 РГИА. Фонд 733. Оп. 88. Ед. хр. 261. Л. 182–182 об.; *Зипунникова Н. Н.* Указ. соч. С. 124.

4 РГИА. Фонд 733. Оп. 88. Ед. хр. 186. Л. 23 об.; *Зипунникова Н. Н.* Указ. соч. С. 124.

зование в России. А. В. Никитенко записал 16 марта указанного года в своем дневнике: «Судьба наших университетов должна бы обратить на себя внимание наших мыслящих людей и общества, если бы они способны были заниматься такими безделицами. Университеты наши, очевидно, клонятся к упадку. Юношество в них деморализовано; профессора лишены всякого значения... Многие кафедры пусты[1], другие скоро будут пусты, и некем их заместить, потому что молодые даровитые люди службе университета предпочитают другие карьеры, — одним словом, полное оскудение. Право, никогда еще, кажется, даже при Николае I, в 1848 году, университеты наши не были в таком критическом положении, как теперь»[2].

Серьезная угроза для университетов вообще и для юридического образования в особенности таилась и в стремительно усиливавшейся с конца 50-х годов XIX века политизации студенчества. Вовлекаясь в политическую деятельность, студенты тем самым отвращались от учебы, превращались в недоучек. Будущие же юристы, проникаясь теми или иными политическими идеалами, начинали смотреть на свою профессию не как на поприще служения правде, закону, общественной пользе, но как на инструмент защиты интересов тех или иных политических группировок.

Осенью 1861 года барон М. А. Корф представил в Министерство народного просвещения проект преобразования университетов, предполагавший ликвидацию в них экзаменов и деления на курсы, т. е. превращавший их в совершенно открытые для всех просветительские заведения. Модест Андреевич считал, что только такая мера позволит предотвратить создание в университетах студенческих политических обществ. 21 октября того же года этот проект обсуждался в министерстве на специальном совещании. Он был поддержан рядом профессоров[3], однако министр А. В. Го-

---

1 По сведениям, приводившимся в «Журнале Министерства народного просвещения», к началу 1862/1863 учебного года в российских университетах оставалась незанятой 31 кафедра. Из них 13 было только в одном Санкт-Петербургском университете. На юридическом факультете здесь пустовали, в частности, кафедры «государственного права Российской империи и энциклопедии законоведения», «российских гражданских законов», «сравнительной истории положительных законодательств», «практического судопроизводства», «гражданских законов царства Польского», «уголовных и административных законов царства Польского» (Заметка о вакантных кафедрах в наших университетах // ЖМНП. 1862. Ч. 115. № 9. Отдел 1. С. 131),

2 *Никитенко А. В.* Записки и дневник (1826–1877). Т. 2. С. 249.

3 Профессор А. В. Никитенко, присутствовавший на этом обсуждении проекта М. А. Корфа, записал в своем дневнике: «Я подал голос в пользу этого проекта, полагая, что в настоящее время это чуть ли не единственное средство борьбы с корпоративным духом молодых людей в университетах. Дух этот в своем настоящем виде

ловин решительно выступил против проекта университетской реформы, разработанной бароном Корфом.

4 декабря 1861 года повелением императора Александра II, изданным по докладу министра народного просвещения Е. В. Путятина на имя попечителя Дерптского учебного округа Егора Федоровича фон Брадке, при Министерстве народного просвещения была учреждена особая Комиссия из университетских профессоров[1] и попечителей учебных округов[2] с поручением: «1) пересмотреть ныне действующие университетские уставы и все вообще положения, до университетов относящиеся, и указать, какие, по ее мнению, должны быть сделаны в оных изменения, сообразно с нынешним состоянием науки и требованиями просвещения; 2) соответственно с предполагаемыми изменениями составить проекты университетских уставов, и 3) соображения и заключения Комиссии представить г[осподину] министру с вышепоименованными проектами уставов»[3].

Первое заседание Комиссии состоялось 7 декабря. На нем было решено «начертать проект одного Общего устава для всех российских университетов (в том числе и Дерптского) со включением в оный лишь тех особенностей, которые следует сохранить в уважение к местным условиям»[4]. При разработке этого документа Комиссия исходила из по-

---

такое глубокое и опасное зло, что я не считаю излишними никакие жертвы для его ослабления» (там же. С. 289). Впоследствии, правда, Александр Васильевич изменил свое мнение о проекте Корфа и оценил его как вредный по своим последствиям. Высказываясь о проекте нового университетского устава, подготовленном при его участии в 1862 г. в Министерстве народного просвещения, он заявил, что предложенный Корфом способ поступления в университет без экзаменов «едва ли может быть допущен, преимущественно потому, что наполнил бы университет слушателями неподготовленными и сделал бы науку жертвою дилетантизма или только орудием для приобретения университетских привилегий» (Замечания на проект Общего устава императорских российских университетов. СПб., 1862. Ч. 1. С. 465).

[1] Среди профессоров, вошедших в Комиссию, было двое правоведов — Николай Христианович Бунге и Семен Викентьевич Пахман.

[2] В состав Комиссии были назначены, в частности: попечитель Московского учебного округа генерал-майор Н. В. Исаков, попечитель Санкт-Петербургского учебного округа генерал-лейтенант Г. И. Филипсон, попечитель Киевского учебного округа барон А. П. Николаи, попечитель Казанского учебного округа князь П. П. Вяземский, помощник попечителя Харьковского учебного округа К. К. Фойгт.

[3] Объяснительная записка к проекту Устава российских университетов // Проект Общего устава императорских российских университетов. СПб., 1862. С. 33.

[4] Там же. Член данной Комиссии профессор А. В. Никитенко написал в своем дневнике о первом ее заседании, что во время него «после довольно продолжительных прений между председателем и Филипсоном, принято было приступить к пере-

нимания университетов как высших учебных заведений, созданных для образования молодых людей, обладающих познаниями, необходимыми для усвоения лекционного материала. В соответствии с этим Комиссия «считала одною из своих главных задач развить в уставе такие начала, которые, с одной стороны, усилили бы самодеятельность ученого университетского сословия и влияние его на студентов, а с другой — способствовали бы образованию состава учащихся в университетах с серьезным, научным направлением»[1].

В течение декабря 1861 года прошло семнадцать заседаний Комиссии, посвященных обсуждению основных принципов университетского устройства. 5 января 1862 года члены Комиссии подписали проект нового устава для российских университетов. Одновременно с этим документом были разработаны проект устава общеобразовательных учебных заведений Министерства народного просвещения и план устройства народных училищ.

Председатель Комиссии Е. Ф. фон Брадке полагал целесообразным ввести проект нового университетского устава сначала в каком-нибудь одном университете на шестилетний срок, чтобы посмотреть, как он будет действовать на практике. Однако управляющий Министерством народного просвещения А. В. Головнин посчитал более плодотворным другой способ проверки его качества — широкое обсуждение его в университетской среде. 31 января 1862 года он издал распоряжение, которым предложил попечителям учебных округов подвергнуть указанные проекты и план обсуждению в университетских советах, а также поручить эти документы, все вместе или по отдельности, «рассмотрению лиц, известных им своей педагогическою опытностью»[2].

По приказу А. В. Головнина тексты проектов уставов учебных заведений были переведены на немецкий, французский, английский языки и посланы видным ученым и педагогам Германии, Франции, Бельгии и Великобритании[3] с просьбой сделать на них критические замечания. По-

---

смотру устава 1835 года и проектов нашего университета, Киевского, Московского, исправляя и изменяя устав сообразно новым потребностям» (*Никитенко А. В.* Записки и дневник (1826–1877). Т. 2. С. 298).

[1] Объяснительная записка к проекту Устава российских университетов. С. 33.

[2] О рассмотрении вновь составленных проектов уставов учебных заведений. 31 января 1862 года // Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения. СПб., 1867. Т. 3. 1850–1864. Стлб. 458.

[3] В Англии проекты были розданы 56 ученым и преподавателям различных учебных заведений, в Шотландии — 20. Их список публикован в издании: ЖМНП. 1862. Ч. 115. № 9. Часть официальная. С. 157–158.

лученные Министерством народного просвещения суждения, замечания, оценки относительно данных проектов были собраны в сборники и напечатаны для всеобщего ознакомления[1]. Первая часть «Замечаний на проект Общего устава императорских российских университетов» вышла в свет в июле 1862 года. Немногим позднее была издана вторая часть этого сборника[2].

Желая получить самые свежие сведения об устройстве и функционировании ведущих западноевропейских университетов, А. В. Головнин в феврале 1862 года командировал профессора К. Д. Кавелина во Францию, Швейцарию и Германию «для собрания разных сведений касательно устройства учебной части и мнений известных иностранных ученых и педагогов относительно составленного особою Комиссиею проекта университетского устава»[3].

Результаты своих исследований особенностей университетской организации в западноевропейских странах К. Д. Кавелин обобщил в статьях об университетах Франции[4] и Германии[5], которые были напечатаны в «Журнале Министерства народного просвещения» и в «Русском вестнике». Кроме того, некоторые из своих наблюдений о французском

---

1 См.: Замечания на проект Общего устава императорских российских университетов. Ч. 1–2. СПб., 1862; Замечания иностранных педагогов на проекты уставов учебных заведений Министерства народного просвещения. СПб., 1863.

2 В октябрьском номере «Журнала Министерства народного просвещения» за 1862 г. сообщалось, что в февральской книжке данного издания было приведено «распоряжение о рассылке составленного в начале нынешнего года проекта университетского устава на рассмотрение в советы университетов и к некоторым посторонним лицам, замечания которых, по их образованию и опытности, могли бы быть полезны в этом деле. Ныне замечания эти напечатаны уже при Министерстве народного просвещения в двух больших томах и разосланы в библиотеки всех высших и средних учебных заведений Министерства народного просвещения, как живые памятники современного взгляда наших ученых на цель и способы устройства отечественных университетов» (ЖМНП. 1862. Ч. 116. № 10. Часть официальная. С. 73–74).

3 ЖМНП. 1862. Ч. 113. № 2. Часть официальная. С. 60. К. Д. Кавелин безвыездно пребывал за границей до ноября 1864 г.

4 См.: *Кавелин К. Д.* Очерк французского университета // ЖМНП. 1862. Ч. 114. № 6. Отдел 1. С. 141–167; Ч. 115. № 7. Отдел 1. С. 1–44; Ч. 116. № 11. Отдел 1. С. 99–168. *Его же*. Устройство и управление немецких университетов // Русский вестник. 1865. Том 56. № 2. С. 516–559; № 3. С. 53–92.

5 См.: *Кавелин К. Д.* Свобода преподавания и учения в немецких университетах // ЖМНП. 1863. Ч. 117. № 3. Отдел 3. С. 408–431; Ч. 118. № 4. Отдел 3. С. 131–155. А также: Собрание сочинений К. Д. Кавелина. Т. 3: Наука, философия и литература. СПб., 1899. С. 5–91. *Его же*. Устройство и управление немецких университетов // Русский вестник. 1865. Том 56. № 2. С. 516–559; № 3. С. 53–92. А также: Собрание сочинений К. Д. Кавелина. Т. 3. С. 92–212.

университете Константин Дмитриевич изложил в личных письмах к А. В. Головнину[1].

Главный свой вывод о состоянии французской университетской организации Константин Дмитриевич сформулировал после того, как завершил работу над «Очерком французского университета». В октябре 1862 года он писал А. В. Головину: «Чем далее я подвигался в этой работе и глубже вникал в дело, тем больше и больше утверждался во взгляде, который составил себе в самом начале моего пребывания в Париже, по первому, беглому обозрению здешней учебной организации. Теперешнее устройство французского университета не есть применение общих, здравых начал учебного управления к местным и национальным особенностям Франции; напротив, она — явление ненормальное, плод чрезвычайных обстоятельств и условий, неблагоприятных для правильного развития народного просвещения, явление исключительное, чисто местное, надобно надеяться преходящее, и потому едва ли представляет образец, достойный подражания»[2].

В устройстве немецких университетов Кавелин также увидел немало чисто местного, неподходящего для России. Но в целом немецкий опыт организации университетской жизни он считал значительно более полезным для российских университетов. Впрочем, он был не единственным, кто придерживался такого мнения. В течение 1862– 1863 годов в «Журнале Министерства народного просвещения» была напечатана целая серия работ по истории и современному состоянию западноевропейских университетов. И самой значительной из них стала работа В. В. Игнатовича «Немецкие университеты в развитии их исторической и современной жизни», публиковавшаяся в виде статей на протяжении почти двух лет[3].

Проект нового университетского устава предполагал создание в российских университетах множества новых кафедр. Министр А. В. Головин заранее позаботился о том, чтобы они не остались без профессоров. Десятки молодых людей, завершивших университетский курс обучения

---

1 См.: Извлечение из письма профессора Кавелина к управляющему Министерством народного просвещения из Парижа от 3/15 мая 1862 года // ЖМНП. 1862. Ч. 114. № 5. Отдел 1. С. 114–125; Извлечение из письма К. Д. Кавелина от 4/16 октября 1862 года // ЖМНП. 1862. Ч. 116. № 11. Отдел 1. С. 183–195.

2 ЖМНП. 1862. Ч. 116. № 11. Отдел 1. С. 183.

3 См.: ЖМНП. 1862. Ч. 115. № 9. Отдел 1. С. 222–253; 1863. Ч. 117. № 1. Отдел 3; Ч. 118. № 4. Отдел 3. С. 96–130; № 5. Отдел 3. С. 203–244; 1864. Ч. 121. № 1. Отдел 3. С. 116–134; № 3. Отдел 3. С. 184–206; Ч. 122. № 5. Отдел 3. С. 83–119; № 6. Отдел 3. С. 121–172.

и проявивших способности к научной и преподавательской деятельности, были направлены им на стажировку в лучшие западноевропейские университеты с тем, чтобы за время, оставшееся до введения в действие нового устава, они смогли подготовиться к занятию преподавательских должностей в преобразованных отечественных университетах[1].

21 июня 1862 года император Александр II повелел, на основании доклада управляющего Министерством А. В. Головнина, Ученому комитету Главного правления училищ, «по получении ожидаемых замечаний на проект университетского устава», рассмотреть эти замечания, переделать проект и составить штаты университетов, «приглашая в свои заседания и других способных лиц, кроме членов Ученого комитета»[2].

Первое, предварительное, заседание Ученого комитета прошло 27 июня 1862 года. На следующем заседании, состоявшемся 20 июля, был определен порядок его работы. За образец был взят тот, который применялся редакционными комиссиями по крестьянской реформе. Каждому из членов Ученого комитета было поручено доработать какой-либо отдел проекта нового университетского устава. По завершении работы над своим отделом устава он должен был внести на рассмотрение всего Комитета прежние варианты его статей с добавлением свода высказанных относительно их мнений и собственных замечаний и выводов, а также новую редакцию этих статей, если в ней возникала потребность. После обсуждения новой редакции статей всем Комитетом планировалось составление окончательной редакции проекта университетского устава[3].

Намечая план дальнейшей своей работы над проектом нового Университетского устава, Ученый комитет признал необходимым обсудить на специальных заседаниях следующие вопросы: 1) «о значении университетов в государственном, ученом и учебном отношениях»; 2) «о правах университетов и служащих в них, включая сюда и вопрос о пенсиях»; 3) «о преподавателях университетов (их степени, приготовление, избрание, определение, увольнение; вопрос о приват-доцентах и гонорарии)»; 4) «о ректоре и деканах»; 5) «о чиновниках университета по административной и хозяйственной частям, об обязанностях учащихся и об отношении их к университетскому начальству»; 6) «об отношении попечителей

---

1 См.: Список кафедрам по проекту нового университетского устава, с означением кто командирован за границу для приготовления по каждой из кафедр // ЖМНП. 1863. Ч. 118. № 4. Отдел 2. С. 179–186.

2 Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. СПб., 1865. Т. 3: Царствование императора Александра II. 1855–1864. Стлб. 780–781.

3 Журналы заседаний Ученого комитета Главного правления училищ по проекту Общего устава императорских российских университетов. СПб., 1862. С. 2–3.

к университетам, совете и факультетских собраниях»; 7) «Об ученых степенях»; 8) «о лекциях, задачах и испытаниях»; 9) «о штатах университетов»; 10) «об устройстве физико-математического факультета и об учебно-вспомогательных учреждениях онаго»; 11) «о приеме в университет, о стипендиях и единовременных пособиях»; 12) «о составе юридического факультета»; 13) «о составе историко-филологического факультета»[1].

На заседании Ученого комитета, состоявшемся 14 октября 1862 года, его член, исправляющий должность экстраординарного профессора юридического факультета Санкт-Петербургского университета И. Е. Андреевский зачитал свою записку по вопросу «о значении университетов в государственном, ученом и учебном отношениях». В ней было подвергнуто критическому анализу определение университета, представленное в первом параграфе проекта нового Университетского устава, и его обоснование в объяснительной записке комиссии, занимавшейся этим документом. «Университет, — говорилось в указанном параграфе проекта, — есть высшее учебное *учреждение*, состоящее из определенного числа факультетов, как нераздельных частей одного целого». Мотивируя данное определение, составители проекта устава сообщили, что признали «необходимым удержать за университетами цель, которую они имели доныне, т. е. что университеты должны быть высшими учебными учреждениями для образования молодых людей, получивших и доказавших познания, необходимые для понимания и отчетливого усвоения лекций». Андреевский оценил данное объяснение как недостаточное, не поясняющее причины, по которым университет должен состоять из определенного числа факультетов, как нераздельных частей одного целого. «Не лучше ли, — вопросил он, — высшим учебным установлениям явиться в виде отдельных факультетов, не составляющих одного нераздельного целого, не лучше ли из факультетов университета образовать отдельные специальные школы?»[2] Этот вопрос, подчеркнул Иван Ефимович, требует точнейшего разрешения, поскольку университеты, вследствие некоторых беспорядков, вызвавших закрытие университета в Санкт-Петербурге, стали

---

[1] Журналы заседаний Ученого комитета Главного правления училищ по проекту Общего устава императорских российских университетов. № 1. Заседания 20 июля и 14 августа; № 2. Заседание 28 августа. СПб., 1862. С. 3, 5, 7. В данное издание помимо журналов заседаний вошли приложения к этим журналам. Каждый журнал и приложения имеют свою нумерацию страниц.

[2] *Андреевский И. Е.* О значении университетов в государственном, ученом и учебном отношениях // Журналы заседаний Ученого комитета Главного правления училищ по проекту Общего устава императорских российских университетов. Приложение к журналу № 1. С. 1—2.

казаться установлениями опасными для государственного порядка, и многие лица, считающие себя серьезными судьями в деле образования, предлагают вместо университетов устроить факультеты отдельно или создать специальные школы.

Отвечая на подобные мнения, Андреевский заметил: «Жизнь всех университетов, как и их значение, представляют много общего. В их историческом существовании мы встречаем, между прочим, такое замечательное явление: всякий раз, когда общество начинают волновать какие-нибудь идеи, могущие потрясти порядок общественный, начинается борьба против университетов, в них начинают искать источника общих беспокойств и представляют различные планы к замене университетов чем-либо другим»[1]. В качестве примера он привел ситуацию, сложившуюся в Германии в 30-х годах XIX века, когда поднялись со стороны различных партий, даже противоположных — крайних либералов и крайних консерваторов — возгласы против университетов: первые называли их окаменелостями, отсталыми, противниками движения, вторые усматривали в них источники беспорядков, считали их проводниками разрушительных начал, особенно по отношению к религии; обе партии сходились в требовании уничтожения университетов и замене их специальными школами. Тогда поднялись в защиту университетов крупнейшие немецкие ученые и отстояли их, показав, какое огромное значение имели они для Германии.

Русские университеты, продолжал ученый, хотя и действуют по-настоящему фактически только с XIX века, тоже принесли «неисчислимую пользу обществу». Ими подготовлено целое поколение, которое «отвратилось от крепостного права и так облегчило правительству совершить величайшее из всех государственных дел русской истории — эмансипацию; ими подготовлено поколение, которое сознало необходимость реформы судоустройства и судопроизводства, и ждет уже, готовое и знающее, помочь правительству в приведении и этой великой идеи в исполнение; ими подготовлено поколение, которое разрабатывает самостоятельно и широко науку, изучает исторические, этнографические, географические условия отчизны, экономические явления страны, — словом, все ветви наук, в знании которых так нуждаются государство и общество»[2].

Все содержание записки, составленной И. Е. Андреевским для членов Ученого комитета по разработке проекта нового университетского устава,

---

[1] *Андреевский И. Е.* О значении университетов в государственном, ученом и учебном отношениях. С. 2.

[2] Там же. С. 3–4.

было проникнуто мыслью о том, что главное значение университетов заключается в создании условий для «самостоятельного и стройного развития науки». «Отдельные специальные школы, представляющие много выгодных сторон, — отмечал он, — имеют тот существенный недостаток, что не могут составить сферы для полного и самостоятельного развития науки». Цель специальных школ, по его словам, «совсем иная: их цель не движение науки, а, напротив, применение добытых наукою начал к практическим, хлебным целям человека»[1]. И только в университетах впервые появилось верное воззрение на науку, только здесь «науку перестали признавать, как средство для достижения той или другой жизненной цели»[2], только здесь «науку стали рассматривать, как принадлежность области человеческого духа, и следовательно, не как средство, а как цель человеческой жизни»[3].

Мысли Андреевского о задачах университетов имели прямое отношение к университетскому юридическому образованию: из них вытекало совершенно определенное представление о главном назначении юридических факультетов. Оно должно было заключаться, в соответствии с таким пониманием сущности университета, *в подготовке не просто юристов, но людей, способных развивать научную юриспруденцию*.

Иван Ефимович считал, что «многие, смотрящие на науку только как на совокупность полезных сведений для человека и не возвышающиеся до верного воззрения на нее, не в состоянии правильно посмотреть и на задачу университета. Они думают, что дело университета — передать слушателям совокупность имеющихся у людей сведений в данное время, но не в этом задача университетов: их дело — не передать только то или другое количество сведений, но доставить слушателям возможность войти в самую науку в высшем ее смысле, осознать жизнь науки, вдуматься в ее самостоятельные элементы, сделаться живым и самостоятельным участником в самом движении идеи»[4].

Университетский преподаватель должен, по мнению Андреевского, не только давать студентам сведения, добытые наукой, но и делать в своих лекциях научные открытия, показывать слушателям «основания для возможности движения науки, уяснения истины. Наука, подчеркивал он, «не представляет чего-либо готового, законченного, но, напротив, яв-

---

1 *Андреевский И. Е.* О значении университетов в государственном, ученом и учебном отношениях.

2 Там же. С. 5.

3 Там же. С. 6.

4 Там же.

ляется живым организмом, движущимся, изменяющимся, и породнение человека с этою жизнью есть дело истинного научного преподавания»[1].

Большим преимуществом университета по сравнению со специальной школой Андреевский полагал его внутреннее устройство, обеспечивавшее связь наук. По его словам, «только там и может быть надлежащим образом сознана и преподана отдельная ветвь наук, где преподаются и остальные ветви наук. Как ни различны ветви наук юридических, математических или филологических, но философски образованные филологи всегда могут понять те философские мотивы, которые представляются юристами или математиками относительно преподавания юридических или математических наук... Сколько раз юристу для объяснения себе специально-юридического вопроса необходимо изучать законы филологии или истории, или историку, философу — законы механики или математики и т. п.»[2]. С другой стороны, отмечал Иван Ефимович, подготовительное образование требует от студентов изучения наук, «прямо и не относящихся к избранному ими специальному отделу наук, но без которых они не в состоянии понять наук своей специальной ветви». Все это вызывает необходимость такого устройства университетов, при котором специальные факультеты действовали бы не отдельно, но росли бы на общем для них корне. Существо университетского факультета определяется, по мнению Андреевского, тем, что «университеты не имеют в виду прямо чего-либо реального, хлебно-практического; они не должны доставлять слушателям простую совокупность научных сведений; их цель — полнейшее развитие и возвышение силы научности, воспринимания науки, потому они заботятся о широком развитии научного духа и насаждении его в слушателях; они стремятся не научить чему-нибудь определенному, но научить учиться, дать искусство усвоить науку; университет не только приготовляет специалистов, как врачей, юристов, филологов, математиков, но он приготовляет из всех них одно общее — ученых»[3]. После этих слов Андреевский привел высказывание знаменитого немецкого правоведа Фридриха Карла Савиньи: «Университеты — единственные установления, допускающие, по своей организации, возможность каждому талантливому преподавателю самостоятельно развиться, а слушателю развернуть свои способности; это — единственные установления, в которых натуры даровитые легко сознают свое высокое призвание, а натуры

---

1 *Андреевский И. Е.* О значении университетов в государственном, ученом и учебном отношениях. С. 6–7.

2 Там же. С. 7, 8.

3 Там же. С. 9.

и ограниченные могут получить возвышенный взгляд на свою жизненную деятельность», и суждение философа Иоганна Готлиба Фихте, назвавшего университет «важнейшим и священнейшим установлением, которым владеет человечество (*wichtigste Anstalt und das heilige ist, was das Menschengeschlecht besitz*)»[1].

Проводя в своей записке мысль, что наука может получить развитие только в университетах, Андреевский выражал тем самым убеждение в том, что ликвидация университетов, замена их специальными школами приведет к разрушению науки. А это в свою очередь повлечет за собой негативные последствия для общества и государства, поскольку правильное их развитие «находится в прямой зависимости от правильного и самостоятельного развития[2] науки: залог каждой общественной и государственной деятельности есть действительное знание. Наибольшая язва в государстве и наибольшая опасность для государственной жизни, для государственного порядка заключается в полузнании, в поверхностных сведениях. Никакое неразумное предприятие, гибельное для общественной или государственной безопасности, не будет страшно для государства, в котором действует наука: она одна только в состоянии разоблачить ложность начал поднимающейся грозы и рассеять попытки практического ее осуществления. Оттого-то каждое правительство имеет живое призвание содействовать всеми, имеющимися у него средствами самостоятельному развитию в своей стране науки»[3].

В качестве примера, демонстрирующего пагубность для науки уничтожение университетских корпораций, Андреевский привел Францию, где при Наполеоне Бонапарте университеты лишены были корпоративной самостоятельности и превратились, по существу, в специальные школы. Результатом этой реформы стало исчезновение во Франции интеллектуальной среды, в которой только и может вырасти настоящий ученый. Такая среда сохранялась в Германии, поэтому именно в германских университетах вынуждены были получать с тех пор свое образование французские ученые.

Подобные факты давали Андреевскому основание «смело утверждать, что всякий, кому дорого благополучие России, кто желает сохранения

---

1 *Андреевский И. Е.* О значении университетов в государственном, ученом и учебном отношениях. С. 10.

2 В источнике напечатано слово «господство», однако, на мой взгляд, это произошло по ошибке. В данном контексте наиболее подходящее слово — «развитие», поэтому следует читать: «...от правильного и самостоятельного развития науки...».

3 *Андреевский И. Е.* О значении университетов в государственном, ученом и учебном отношениях. С. 10.

государственного порядка, кто хочет своею жизнью и делом содействовать верховной государственной власти, тот согласится, что главнейшее благо России заключается в точнейшем и самостоятельном развитии науки, а следовательно, в развитии и полнейшем усовершении Русских университетов, а не в замене их специальными школами: заменить в России университеты специальными школами, — значит убить науку, а убиение в России науки тожественно с разрушением ее государственной жизни, с воцарением произвола страстей и анархии»[1].

Доводы в подкрепление своего взгляда на университет И. Е. Андреевский находил и в истории формирования университетского образования в России. Он обращал внимание на то, что целью первого русского университета, учрежденного Елизаветой Петровной в Москве в 1755 году, было именно создание условий для развития наук. В качестве доказательства Иван Ефимович привел следующие слова из Именного указа императрицы «Об учреждении Московского университета и двух гимназий», изданного 24 января 1755 года: «*Но как всякое добро происходит от просвещенного разума, а напротив того зло искореняется, то следовательно нужда необходимая о том стараться, чтоб способом пристойных наук, возрастало в пространной Нашей Империи всякое полезное знание*»[2]. Выражением взгляда на университет как на установление, призванное развивать науку, Андреевский считал и определение университета, данное в первом параграфе Уставов Московского, Казанского и Харьковского университетов, принятых 5 ноября 1804 года. Университет назывался в нем *высшим ученым сословием, для преподавания наук учрежденным*.

Любопытно, что при обсуждении проекта нового Университетского устава, разработанного к началу 1862 года комиссией под председательством Е. Ф. фон Брадке, Советы российских университетов единодушно высказались в пользу взгляда на университет как на учреждение, призванное развивать науки. Так, Совет Московского университета представил в Ученый комитет следующее соображение относительно определения данного рода учебного заведения: «Имея в виду, что деятельность университета состоит не в одном преподавании, но и в развитии науки; что университет возводит в ученые степени; что в числе его обязанностей находится содействие к изданию ученых сочинений; что при университете состоят ученые общества, — совет большинством 17-ти голосов

---

1 *Андреевский И. Е.* О значении университетов в государственном, ученом и учебном отношениях. С. 12.

2 1-ПСЗРИ. Т. 14. № 10346. С. 284–285. См. также: Законодательство императрицы Елизаветы Петровны / Сост. и автор вступ. статьи В.А. Томсинов. М., 2009. С. 171–172.

полагает изменить § следующим образом: Университет есть *высшее ученое* и учебное учреждение и т. д. Меньшинство 15-ти членов, соглашаясь со всеми этими доводами, но полагая, что ученые учреждения не могут разделяться по степеням, находит более уместным: выражение *высшее ученое и учебное учреждение* заменить выражением: *ученое и высшее учебное заведение*»[1].

Совет императорского Харьковского университета выступил за то, чтобы университет в новом Университетском уставе был снова назван «ученым сословием». В замечаниях по проекту устава, направленных им в Ученый комитет, говорилось: «Совет Харьковского университета, находя в Уставе 1804 года руководящие начала относительно устройства Русских университетов, счел за нужное изменить § 1 нового проекта. Комиссия называет университет высшим учебным учреждением; в Уставе 1804 г. он назван “высшим ученым сословием, для преподавания наук учрежденным”. Выражение “сословие” в нашем законодательстве издавна употреблялось не только для означения дворянства, духовенства и других привилегированных классов в обществе, но также в смысле коллегии, т. е. юридического лица или собирательного, признанного в государстве и преследующего, в силу данного полномочия, известную гражданскую цель. Так, Сенат, Академия наук и прочие носят у нас издавна официальное название сословий. Совет не видит никакой надобности отступать от первоначальной мысли законодателя, которому принадлежит честь основания почти всех Русских университетов. Если бы император Александр I имел в виду учредить под именем университета только школу, то он бы не затруднился дать им обыкновенный титул, напр., назвал бы их высшими училищами. Указанные выше соображения побудили Совет Харьковского университета выразить § 1 так, как он выражен в Уставе 1804 года»[2]. Предложенный харьковчанами вариант первого параграфа нового Университетского устава гласил: «Университет есть *высшее ученое сословие, учрежденное для преподавания наук* и состоящее из определенного числа факультетов как нераздельных частей одного целого»[3].

И. Е. Андреевский не согласился с определениями, предложенными Советами Московского и Харьковского университетов. «Хотя деятельность университета, — заметил он, — состоит не в одном преподавании, но и в развитии науки, в содействии к изданию ученых сочинений, но это

---

[1] Замечания на проект Общего устава императорских российских университетов. Часть 1. СПб., 1862. С. 243–244.

[2] Там же. С. 281.

[3] Там же.

все обязанности высшего учебного установления»[1]. Название же университета «ученым сословием» он отверг потому, что оно относилось только к преподавателям. По его мнению, лишь определение университета как «*высшего учебного установления*» заключает в себе «надлежащую полноту и ясность: под ним разумеются и преподаватели, составляющие ученое сословие университета, и слушатели университета, к ученому сословию не принадлежащие»[2].

Подводя итог рассуждениям о сущности университета и определении его в проекте нового Университетского устава, И. Е. Андреевский признал формулировку первого параграфа проекта нового Университетского устава вполне удачной и предложил Ученому комитету заменить в ней только одно слово, а именно: «учреждение» на «установление». Под «учреждением», пояснил он, «разумеется совокупность законов о составе, предметах ведомства и власти какого-либо установления; учреждение то же, что закон». Свою записку «О значении университетов в государственном, ученом и учебном отношениях» он завершил предложением изложить первый параграф в Новом Университетском уставе следующими словами: «*Университет есть высшее учебное установление, состоящее из определенного числа факультетов, как нераздельных частей одного целого*»[3].

На заседании 28 августа 1862 года Ученый комитет по разработке проекта нового Общего устава российских университетов рассмотрел вопрос об университетском управлении: ректоре, деканах, совете, факультетских собраниях, а также о правах попечителя.

На заседании, состоявшемся 4 сентября, председатель Ученого комитета А. С. Воронов зачитал записку, которая содержала свод мнений, высказанных на главы проекта «Об ученых степенях» и «Об ученых званиях». Большинство лиц, высказавших замечания по этим главам, и членов Ученого комитета выступили за сохранение прежних трех степеней: кандидата, магистра и доктора, но некоторые предложили уничтожить степень магистра, оставив только кандидата и доктора.

11 сентября члены Ученого комитета выслушали записку со сводом мнений, высказанных о составе историко-филологического факультета.

14 сентября Ученому комитету была представлена составленная на основании замечаний на проект нового Университетского устава записка об особых мерах для подготовки университетских преподавателей,

---

1 *Андреевский И. Е.* О значении университетов в государственном, ученом и учебном отношениях. С. 16.

2 Там же. С. 15.

3 Там же. С. 16.

о разрядах этих преподавателей, об условиях получения преподавательских званий, об условиях, необходимых для развития института приват-доцентов.

В записке констатировалось, что до сих пор потребность российских университетов в квалифицированных преподавателях удовлетворялась, в основном, путем приглашения в Россию иностранных ученых и отправления за границу для совершенствования в науках молодых людей, получивших образование в России. Оба эти способа пополнения университетов научными кадрами оказались недостаточными, и лучшим средством всеми стало теперь почитаться, «вместе с улучшением материального быта профессоров и предоставлением студентам возможности более специальных научных занятий, возможно большее развитие звания приват-доцентов». Записка выражала надежду, что этот разряд преподавателей станет резервуаром для пополнения «ученого университетского сословия лицами, представившими ручательство за свое научное и нравственное достоинство», что он оживит российские университеты «притоком новых и свежих сил, даст возможность к введению специальных курсов, своей конкуренцией поддержит в штатных профессорах рвение к науке и ее преподаванию, устранит поводы к неудовольствию университетских слушателей доставлением возможности выбора между преподавателями»[1].

18 сентября 1862 года на заседании Ученого комитета рассматривалась записка по вопросу об обязанностях учащихся в университетах, 21 сентября — свод мнений о правлении университета, 25 сентября — свод замечаний о приеме в университет, 28 сентября — свод мнений относительно порядка определения и увольнения университетских преподавателей, на следующий день членам Ученого комитета читалась записка со сводом замечаний о ректоре и деканах, 2 октября преподаватель юридического факультета Санкт-Петербургского университета Федор Николаевич Панов представил им свод замечаний *о составе юридического факультета университетов*.

§ 2. Дискуссия об учебной программе юридического факультета

Изложив замечания по каждой кафедре, он предложил сформулировать § 14 нового Университетского устава, определяющий программу

[1] Журнал заседания Ученого комитета Главного правления училищ по проекту Общего устава императорских российских университетов. № 5. Заседание 14 сентября // Журналы заседаний Ученого комитета Главного правления училищ по проекту Общего устава императорских российских университетов. СПб., 1862. С. 2.

преподавания юридических наук в российских университетах, в такой редакции:

«В юридическом факультете полагаются следующие кафедры и науки: 1) Энциклопедия *правоведения*: а) энциклопедия юридических и политических наук, б) история философии права. 2) История *важнейших* иностранных законодательств древних и новых. 3) История русского права. 4) История славянских законодательств. 5) Римское право: а) история римского права, б) догматика римского гражданского права, в) византийское право. 6) Государственное право: а) *теория государственного права*, б) государственное право важнейших *иностранных государств*, в) русское государственное право. 7) Гражданское право и гражданское судоустройство и судопроизводство. 8) Уголовное право и уголовное судоустройство и судопроизводство. 9) *Полицейское право: а) учение о безопасности (законы благочиния), б) учение о благосостоянии (законы благоустройства)*. 10) *Финансовое право: а) теория финансов, б) русское финансовое право*. 11) Международное право. 12) Церковное право. 13) Политическая экономия»[1].

В примечаниях к данному параграфу было предусмотрено введение должностей «отдельных преподавателей» для преподавания «торгового права», «юридической практики», также для преподавания «судебной медицины и медицинской полиции».

Общий устав российских университетов 1835 г. предусматривал, как известно, всего семь кафедр на юридическом факультете. Проект нового Университетского устава — почти в два раза больше. На такое же количество должно было увеличиться соответственно и число преподавателей.

Представляя членам Ученого комитета перечень кафедр юридического факультета, Ф. Н. Панов счел необходимым заметить, что он является «только как бы очерком того приблизительно полного состава наук юридического факультета, который желателен в настоящее время для наших университетов»[2]. Эти слова выражали понимание невозможности построить юридическое образование в различных российских университетах по общему для всех и неизменяемому с течением времени плану. Вместе с тем они приглашали к свободной дискуссии по вопросу о том, каким должно быть по своему содержанию университетское юридическое образование.

---

1 Журнал заседания Ученого комитета Главного правления училищ по проекту Общего устава императорских российских университетов. № 11. Заседание 2 октября // Там же. С. 2–3.

2 Там же. С. 2.

Обсуждение российскими правоведами вопроса о том, какие кафедры должны быть предусмотрены Общим уставом российских университетов для юридического факультета, вылилось в дискуссию о сущности тех или иных юридических наук, их значении для образования юристов и месте в учебной программе.

Кафедра энциклопедии правоведения в первоначальном варианте проекта нового университетского устава называлась кафедрой энциклопедии законоведения. Изменение в ее названии было сделано по предложению Совета Харьковского университета[1]. Комментируя его в своем выступлении на заседании Ученого комитета, Ф. Н. Панов счел необходимым сказать: «Хотя существо, а не название предмета составляет главное в деле науки, но нельзя, по нашему мнению, не согласиться с тем, что правильнее будет назвать энциклопедию законоведения энциклопедиею правоведения, так как эта наука имеет целию ознакомить учащихся с общими философскими понятиями о *праве*, а не только о *законе*»[2]. Совет Киевского университета предложил для этой науки название «энциклопедия права»[3]. Ф. Н. Панов заметил на это, что «в настоящем случае слово *правоведение* точнее определяет предмет науки энциклопедии, чем более отвлеченное слово право»[4].

Совет Московского университета, соглашаясь с первоначальным названием указанной науки «энциклопедией законоведения», предложил разделить ее на: 1) «юридическую энциклопедию» и 2) «историю философии права»[5]. Ученый комитет посчитал такое понимание содержания данной науки слишком узким, признав, что политические науки также важны для юриста и лекции по энциклопедии «должны знакомить учащихся с этими науками подробнее, чем то определялось по университетскому уставу 1835 года»[6]. А бывший преподаватель юридического факультета Санкт-Петербургского университета Борис Исаакович Утин отметил в своих замечаниях на проект нового университетского устава, что «эн-

---

1 См.: Замечания на проект Общего устава императорских российских университетов. Часть 1. СПб., 1862. С. 289.

2 *Панов Ф. Н.* О составе юридического факультета // Журналы заседаний Ученого комитета Главного правления училищ по проекту Общего устава императорских российских университетов. СПб., 1862. С. 368.

3 См.: Замечания на проект Общего устава императорских российских университетов. Часть 1. С. 27.

4 *Панов Ф. Н.* О составе юридического факультета. С. 368 (прим.).

5 См.: Замечания на проект Общего устава императорских российских университетов. Часть 1. С. 245.

6 *Панов Ф. Н.* О составе юридического факультета. С. 367.

циклопедию юридических и политических наук следует сделать обязательною для студентов всех факультетов, так как одно из самых грустных явлений, встречающихся между вообще образованными людьми Русского общества, это совершенное непонимание азбуки юридических и гражданских отношений»[1].

Изучение энциклопедии правоведения должно было способствовать выработке у студентов элементарных понятий о праве, о его сущности и значении в общественной жизни, о связи правовых норм с правилами нравственности. Оно призвано было дать им первичные представления об источниках и отраслях права, о факторах, определяющих его развитие. Вместе с тем проект нового устава предусматривал преподавание в рамках энциклопедии правоведения такой дисциплины, как история философии права, показывавшей развитие теоретических воззрений на право и государство с древности и до нового времени. Логичным дополнением к энциклопедии правоведения при таком ее понимании была наука о развитии реально существовавших в разных странах и в различные эпохи правовых систем.

В учебной программе юридического факультета, представленной в проекте нового университетского устава, науку истории права воплощали такие предметы, как: «история римского права», «история славянских законодательств», «история русского права». Для преподавания последних двух отводились отдельные кафедры. Вместе с тем самостоятельная кафедра выделялась и для чтения лекций по «*истории важнейших иностранных законодательств древних и новых*». Преподавание этой научной дисциплины придавало юридическому образованию в российских университетах по-настоящему фундаментальный характер.

Кафедра истории важнейших иностранных законодательств древних и новых не была предусмотрена в Общем уставе российских университетов 1835 года. Но это не означало, что иностранное право с тех пор не изучалось будущими русскими юристами. История и основные понятия государственного, гражданского и уголовного права европейских держав преподавались в курсах энциклопедии законоведения, гражданских и уголовных законов. В ноябре 1859 года министр народного просвещения издал распоряжение о создании на юридическом факультете Санкт-Петербургского университета *кафедры сравнительной истории положительных законодательств*[2]. Исправляющим должность экстраорди-

---

[1] Замечания на проект Общего устава императорских российских университетов. Часть 1. С. 132.

[2] *Григорьев В. В.* Императорский С. Петербургский университет в течение первых пятидесяти лет его существования. СПб., 1870. С. 168.

нарного профессора по этой кафедре был назначен магистр Дерптского университета Б. И. Утин. В ноябре 1861 года он покинул университет, сославшись на болезнь, но полуторагодичный опыт преподавания указанной науки позволил ему ясно понять ее роль в образовании современных юристов.

При обсуждении проекта нового университетского устава Б. И. Утин представил в Ученый комитет специальную записку «О значении кафедры истории иностранного законодательства для русских университетов». В ней Борис Исаакович показал, что наличие подобной кафедры на юридических факультетах в полной мере соответствует сущности университетского юридического образования. «Необходимость особой кафедры истории иностранных законодательств, — подчеркивалось в его записке, — обусловливается прежде всего самыми потребностями юридического образования в России. Это образование имело и будет иметь преимущественно теоретический характер. Только благодаря этому теоретическому характеру образования юридические факультеты наши будут оказывать, как до сих пор оказывали, свое благотворное влияние на общественную среду. Век нашей легальной юриспруденции, юриспруденции указов, век Горюшкиных старых и новых, безвозвратно прошел. И чем более будет возвышаться наш юридический быт, тем более он будет чувствовать нужду не в одних только дельцах и не в одном усвоении канцелярских форм и обрядов, но и в юристах, соединяющих знание отечественного законодательства с хорошим общим юридическим образованием. Только из них выходят со временем дельные судьи и адвокаты, способные слуги государству»[1].

В заключительной части своей записки Б. И. Утин подчеркивал, что самостоятельная кафедра истории иностранного законодательства стала особенно необходимой на юридических факультетах российских университетов с начала 60-х годов, когда во всех сферах российского общества развернулись реформы, требующие внесения перемен в основные отрасли действующего права. При каждой такой реформе, отмечал он, возникает прежде всего вопрос о том, «какое законодательное начало действует в этом отношении в других более цивилизованных странах?». Курс истории законодательства иностранных держав позволяет, по его словам, «по крайней мере, знать, как исторически образовались и какое значение имеют на родной их почве те начала законодательства,

[1] *Утин Б. И.* О значении кафедры истории иностранных законодательств для Русских университетов // Журналы заседаний Ученого комитета Главного правления училищ по проекту Общего устава императорских российских университетов. СПб., 1862. С. 467.

воспользоваться которыми мы считаем полезными при служении нашей родине»[1].

Обсуждение вопроса о кафедре истории важнейших иностранных законодательств древних и новых в Университетских советах и в Ученом комитете Министерства народного просвещения показало, что необходимость изучения такой дисциплины студентами юридического факультета никем не ставилась под сомнение. Однако два участника обсуждения выступили с предложением сосредоточить ее преподавание в рамках кафедры энциклопедии правоведения.

Совет Университета Св. Владимира написал в своих замечаниях на проект нового устава: «Кафедра энциклопедии законоведения разделена в проекте на энциклопедию юридических и политических наук и историю философии права. Имея в виду, что энциклопедия права обыкновенно излагается студентам 1-го курса, юридический факультет находит более согласным с целью преподавания и развитием слушателей соединить эту науку с историей иностранных законодательств древних и новых. Эта последняя наука будет доступнее для слушателей и даст им более твердые основания для дальнейшего изучения права, нежели история философии права»[2].

Член Ученого комитета Василий Васильевич Шнейдер, также выступивший против создания на юридическом факультете самостоятельной кафедры истории важнейших иностранных законодательств древних и новых, в качестве обоснования своей позиции привел несколько иные соображения. «Если историю важнейших иностранных законодательств, — заявил он, — хотят проходить только в самом кратком виде, то всего лучше отнести ее к лекциям энциклопедии. Если же она должны быть излагаема подробно... то потребовалось бы, по крайней мере, 10-летнее преподавание, чтобы дойти только до истории законодательств новейших народов, для изложения которой, при более обильных против древних источниках, понадобилось бы от 20 до 30 лет»[3].

Ф. Н. Панов, выражая мнение большинства членов Ученого комитета, ответил на приведенное замечание Совету Университета Св. Владимира следующим образом: «По нашему мнению, невозможно соединять с энциклопедиею правоведения такой обширный предмет, какой

---

1 *Утин Б. И.* О значении кафедры истории иностранных законодательств для Русских университетов. С. 480.

2 Замечания на проект Общего устава императорских российских университетов. Часть 1. С. 27–28.

3 Замечания на проект Общего устава императорских российских университетов. Часть 2. СПб., 1862. С. 96.

составляет история иностранных законодательств (даже только важнейших): потому что основательное ее изложение потребует от преподавателя многих лекций в неделю, которые он должен будет уделять этой науке в ущерб преподаванию энциклопедии; если же ограничиться только поверхностным изложением истории иностранных законодательств, то такое преподавание не принесет никакой почти пользы учащимся, между тем как основательное знание этой науки для юриста необходимо и оно делается особенно полезным для него, если в преподавание будет введен сравнительный метод изложения»[1].

В ответ же на заявление В. В. Шнейдера о том, что потребуется будто бы не менее 10 лет для подробного преподавания истории законодательств древних народов и от 20 до 30 лет для изложения истории законодательств новейших народов, Ф. Н. Панов сказал, что он «смешивает то обширное и всестороннее изучение предмета, со всеми его мельчайшими подробностями, которое должен иметь в виду специалист-ученый, по предмету его тесной специальности, с тем знанием, которое обязан преподать своим слушателям профессор, чтобы возбудить в них дух научности, развить способность воспринимания науки и тем сделать их способными к научной самодеятельности»[2].

Совет Харьковского университета поддержал идею создания на всех юридических факультетах российских университетов кафедры истории важнейших иностранных законодательств древних и новых, но предложил соединить с этим предметом историю правоведения. В поддержку этой идеи выступил и Совет Московского университета. В подготовленном им варианте § 14 нового университетского устава указанная наука и кафедра была названа более коротко — «история важнейших иностранных законодательств» и к ней была добавлена в качестве еще одной самостоятельной кафедры «государственное право важнейших иностранных держав». При этом было отмечено, что «отдельная кафедра по этому предмету уже существует в Московском университете»[3].

Ученый комитет на основании всех высказанных по этому вопросу замечаний счел необходимым сохранить в проекте нового университетского устава кафедру истории важнейших иностранных законодательств древних и новых.

---

1 *Панов Ф. Н.* О составе юридического факультета // Журналы заседаний Ученого комитета Главного правления училищ по проекту Общего устава императорских российских университетов. СПб., 1862. С. 369.

2 Там же. С. 370.

3 Замечания на проект Общего устава императорских российских университетов. Часть 1. С. 245.

Следующая за ней кафедра в первоначальном варианте проекта называлась «история русского права и других славянских законодательств и обзор местных законов в России». Почти все участники обсуждения его высказались против соединения этих предметов. В результате Ученым комитетом было принято решение о разделении их на две кафедры: 1) «*история русского права*» и 2) «*история славянских законодательств*». Что же касается местных законов, то было признано целесообразным отдать вопрос об учреждении для их преподавания отдельной кафедры на усмотрение университетов, которые могут принять решение об этом исходя из местных потребностей.

При рассмотрении структуры *кафедры римского права* Ученый комитет отверг предложение изъять из перечня преподаваемых в ее рамках дисциплин византийское право, высказанное попечителем Киевского учебного округа Ф. Ф. Витте[1] и В. В. Шнейдером[2].

Во время обсуждения вопроса о *кафедре государственного права* Ученый комитет, опираясь на мнения профессоров И. И. Ивановского и В. Д. Спасовича, признал целесообразным изменить наименование предназначенной для преподавания в ее рамках науки «общего государственного права», назвав ее наукой «теории государственного права»[3].

Предусмотренную первоначальным проектом кафедру гражданского права Совет Московского университета и профессор В. Н. Лешков предлагали наименовать кафедрой русского гражданского права[4]. Ученый комитет не принял этого предложения, указав, что названием «гражданское право» «выражается мысль — не ограничивать преподавание гражданского права одним русским гражданским правом»[5]. При этом он счел необходимым соединить гражданское право с гражданским судоустройством и судопроизводством в рамках одной кафедры — *гражданского права и гражданского судоустройства и судопроизводства*[6].

Наука уголовного права в первоначальном проекте нового университетского устава была объединена в рамках одной и той же кафедры

---

1 Федор Федорович Витте (1822–1879) был братом отца известного русского государственного деятеля времен Александра III и Николая II Сергея Юльевича Витте.

2 До конца 1861 г. В. В. Шнейдер занимал должность профессора римского права юридического факультета Санкт-Петербургского университета.

3 *Панов Ф. Н.* О составе юридического факультета. С. 375.

4 См.: Замечания на проект Общего устава императорских российских университетов. Часть 1. С. 246; Замечания на проект Общего устава императорских российских университетов. Часть 2. С. 395.

5 *Панов Ф. Н.* О составе юридического факультета. С. 375.

6 Там же. С. 376.

с науками полицейского права и уголовного судопроизводства. Все, кто высказал замечания относительно данной кафедры, признали необходимым устранить из нее полицейское право. Объясняя свою позицию, эстраординарный профессор юридического факультета Санкт-Петербургского университета Иван Ефимович Андреевский отмечал, что полицейское право имеет мало общего с уголовным правом, «так как теория каждого из этих прав черпает свои начала не из одного общего источника, но из различных. Уголовное право есть наука о преступлениях и наказаниях, а полицейское право или, как оно у нас обыкновенно называется, наука о законах государственного благоустройства и благочиния, есть наука о безопасности и благосостоянии граждан. Опасности для граждан могут быть двояки: или зависящие от злой воли человека или вовсе независящие от воли человека; меры предупреждения и удаления первого рода опасностей рассматриваются в учении о предупреждении и пресечении преступлений, что до сих пор (Уставом 1835 г.) было связано с кафедрою уголовного права; учение об удалении и предупреждении опасностей второго рода, т. е. о законах благочиния, составляет первую часть полицейского права — *полицию безопасности*, которая и заключает в себе учение: о достаточном количестве народонаселения (популационистика), о предупреждении и излечении болезней (медицинская полиция), об обеспечении народного продовольствия и об общественном призрении бедных. Вторая часть полицейского права — *полиция благосостояния*, заключающая в себе учение о законах государства, благоустройства, разделяется в свою очередь на две части: 1) учение о правительственных мерах для доставления народу духовного благосостояния, именно: о заботах для доставления народу развития религиозного, нравственного, эстетического и умственного; 2) учение о правительственных мерах для доставления народу материального благосостояния, именно: о заботах относительно развития земледельческой, мануфактурно-ремесленной и торговой промышленности»[1].

Совет Московского университета выступил за отделение от уголовного права не только полицейского права, но также уголовного судоустройства и судопроизводства и учреждение для преподавания этой науки отдельной кафедры. Совет Ришельевского лицея в Одессе высказал аналогичное мнение, заметив, что «уголовный процесс и практические занятия непременно требуют особой кафедры»[2].

---

[1] Замечания на проект Общего устава императорских российских университетов. Часть 1. С. 140.

[2] *Панов Ф. Н.* О составе юридического факультета. С. 377.

Ученый комитет признал целесообразным выделить полицейское право в особую кафедру, но не согласился с предложением образовать самостоятельную кафедру и для уголовного судоустройства и судопроизводства. В результате во втором варианте проекта нового университетского устава была предусмотрена *кафедра уголовного права и уголовного судоустройства и судопроизводства*.

При обсуждении вопроса о *международном праве* профессор юридического факультета Московского университета Василий Николаевич Лешков предложил назвать его *народным правом*[1]. Ученый комитет не принял этого предложения, посчитав, что «такое название нисколько не указывает на существо того предмета, который хотят им обозначить, и своею неопределенностью может дать повод к неточному уразумению этого предмета, тогда как название "*международное право*" само собою указывает на то, что это есть право, имеющее силу и действие между различными народами или государствами»[2].

В примечаниях к § 14 проекта нового университетского устава говорилось также о *торговом праве*. Эту науку было рекомендовано преподавать «или отдельно, или в связи с законами гражданскими и законами благоустройства». В. В. Шнейдер высказал по этому поводу мнение о том, что «торговое право необходимо должно быть преподаваемо как отдельный предмет»[3]. Ученый комитет не согласился с этим мнением. «Мы полагаем, — заявил от его имени Ф. Н. Панов, — что торговое право не есть самостоятельный предмет, потому что теория его входит в состав гражданского права; но как особенности торговых законов довольно обширны, то преподавание этого предмета полезно поручить отдельному лицу, не вводя, однако, особенной кафедры для торгового права»[4].

Еще одно примечание к рассматриваемому параграфу было посвящено *юридической практике*. В первоначальном проекте ее преподавание предусматривалось в рамках кафедр гражданского и уголовного права. Вместе с тем предполагалось, что оно может поручаться и отдельному преподавателю.

Попечитель Киевского учебного округа Ф. Ф. Витте выступил против включения юридической практики в состав факультетского курса,

---

1 См.: Замечания на проект Общего устава императорских российских университетов. Часть 2. С. 395.

2 *Панов Ф. Н.* О составе юридического факультета. С. 381.

3 Замечания на проект Общего устава императорских российских университетов. Часть 2. С. 98.

4 *Панов Ф. Н.* О составе юридического факультета. С. 381.

подчеркнув, что она не может быть предметом ни преподавания, ни изучения в стенах университета. «Она, — заявил Федор Федорович, — есть плод сознательной деятельности юриста в сфере судебной, и потому обучение юридической практике в университетах столько же несбыточно, сколько преподавание искусства вести внутреннюю и внешнюю политику какого-нибудь государства. Призвание юридического факультета — быть истинным представителем юридической науки, вселить в слушателях любовь и уважение к ней и тем оградить будущих юристов-практиков от пагубных сетей, которыми приказная рутина так легко опутывает судей, не имеющих при себе единственного действительного противоядия в основательном теоретическом образовании. Поэтому юридический факультет не должен принимать на себя обязанности, которой он не в состоянии выполнить и осуществление которой отнюдь не его задача»[1].

Ученый комитет принял аргументы Ф. Ф. Витте. «Было бы хорошо, — сказал по этому поводу Ф. Н. Панов, — если бы преподаватели гражданского и уголовного права и судопроизводства могли ознакомить своих слушателей с практическою стороною предмета; но это нужно только *предоставить* им, а не делать для них обязательным; вводить же особого преподавателя для юридической практики нам кажется мало обещающей роскошью, на которую может решиться факультет, если будет располагать лишними денежными средствами: так как практический преподаватель станет ограничиваться передачею существующих форм и обрядов делопроизводства, и условие этой передачи слушателями будет большею частию страдательное, между тем как юрист, приобретший в университете теоретические начала, будет в состоянии усвоить себе юридическую практику собственною самостоятельною деятельностью на поприще судебном в весьма короткое время»[2].

В первоначальном проекте нового университетского устава говорилось о том, что «профессор православного богословия преподает и церковное законоведение студентам юридического факультета». И. Е. Андреевский в своих замечаниях на это положение призвал более точно определить понятие «церковное законоведение». «Существует различие между церковным и каноническим правом, — отмечал он. — Церковное право есть систематическое учение о тех положительных законах, истекающих от верховной государственной власти, которыми определяются права и обязанности граждан, как членов той или другой церкви, того

---

[1] Замечания на проект Общего устава императорских российских университетов. Часть 1. С. 436–437.

[2] *Панов Ф. Н.* О составе юридического факультета. С. 382.

или другого исповедания, допускаемого в государстве; каноническое же право есть систематическое учение о законах, истекающих от церковной власти того или другого исповедания по принадлежности о внутренних делах церкви и об отношениях, исповедующих религию, к церкви; эти два понятия часто смешиваются»[1]. Исходя из такого понимания церковного права, Андреевский делал вывод о том, что «в юридическом факультете должны быть преподаваемы как каноническое право, так и церковное. Профессору православного богословия может быть вверено преподавание только канонического права и только православной церкви, а церковное право должно быть преподаваемо профессором-юристом на том же основании, как преподаются и другие юридические науки»[2].

Опираясь на это мнение, Ученый комитет признал необходимым создать на юридическом факультете *кафедру церковного права*. Выражая эту позицию, член Ученого комитета Ф. Н. Панов сказал: «Нам кажется, что преподавателем церковного права *непременно* должен быть ученый юрист, для того, чтобы в разработку церковного права, предмета важного и необходимого для юриста, внести юридический метод исследования науки. Требовать специально-юридического образования от наших духовных невозможно; *некоторое же юридическое приготовление*... не только не может удовлетворять вышесказанной нами цели, но еще более повредит существу преподавания. Таким образом, нам кажется необходимым учреждение в юридическом факультете особой кафедры *церковного права*, преподавание которого должно быть поручаемо профессору-юристу и обнимать собою постановления русского законодательства (светского) относительно всех вероисповеданий в государстве»[3].

Помимо указанных наук Ученый комитет по разработке нового университетского устава предусмотрел преподавание на юридическом факультете предмета под названием «*судебная медицина и медицинская полиция*». С инициативой включения их в учебную программу подготовки юристов выступили Совет Московского университета и попечитель Киевского учебного округа Ф. Ф. Витте[4]. Излагая в своем докладе мнение Ученого комитета об этой науке, Ф. Н. Панов отмечал: «Знание судебной медицины оказывается необходимым для юриста при производстве

---

1 Замечания на проект Общего устава императорских российских университетов. Часть 1. С. 142.

2 Там же.

3 *Панов Ф. Н.* О составе юридического факультета. С. 385.

4 См.: Замечания на проект Общего устава императорских российских университетов. Часть 1. С. 246, 437.

уголовных следствий: потому что в этих случаях законом возлагается на следователя-юриста обязанность предлагать вопросы врачу, находящемуся при следствии, относительно предмета этого следствия. Чтобы эти вопросы были правильны, они должны быть предлагаемы лицом, знающим судебную медицину. Сверх того, знанием судебной медицины следователю-юристу доставляется возможность в достаточной степени контролировать правильность ответов врача на те вопросы, которые первый предлагает сему последнему относительно предмета следствия. На таком же основании знание медицинской полиции делается необходимым для юриста, как скоро ему приходится применять на практике те многообразные начала полицейского права, которые предписываются наукою и законодательством для обширной полицейской деятельности»[1].

Таким образом, Ученым комитетом была составлена новая программа подготовки юристов. О том, насколько она соответствовала требованиям, предъявлявшимися к университетскому юридическому образованию общественными условиями России 60-х годов XIX в., можно было судить лишь после ее введения в действие.

§ 3. Введение в действие нового Университетского устава. Его значение для дальнейшего развития университетского образования в России

18 июня 1863 года император Александр II Именным указом, данным Правительствующему Сенату, утвердил новый Общий устав императорских российских университетов. В этот же день вступило в силу новое Учреждение Министерства народного просвещения и, кроме того, Именным императорским указом, объявленным Сенату министром народного просвещения, было повелено «открыть все факультеты С.-Петербургского университета, и в том числе юридический и историко-филологический, для первых курсов, предоставив министру народного просвещения назначить ныне же профессоров и преподавателей в факультеты: физико-математический, историко-филологический и юридический»[2].

---

[1] *Панов Ф. Н.* О составе юридического факультета. С. 386.

[2] 2-ПСЗРИ. Том 38. Отд. 1. № 39750. С. 617–618. Санкт-Петербургский университет был закрыт на основании Именного императорского указа, объявленного Сенату министром народного просвещения 20 декабря 1861 г., «впредь до пересмотра Университетского устава» по причине обнаружившихся в нем в результате произошедших беспорядков уклонения от соблюдения установленных правил «впредь до пересмотра Университетского устава» (2-ПСЗРИ. Том 36. Отд. 2. № 37766. С. 629).

Новое учреждение Министерства народного просвещения призвано было преобразовать его внутреннюю организацию и деятельность по управлению народным образованием в соответствии с рекомендациями, выработанными в ходе состоявшейся в первой половине 1862 года сенатской ревизии департамента народного просвещения и канцелярии министра. По ее результатам сенаторы признали целесообразным: 1) предоставить больше полномочий попечителям учебных округов и университетским советам, рассредоточив управление, «насколько это нужно для успешного хода дел»; 2) перераспределить дела «между разными учреждениями Министерства в Петербурге, сообразно со значением каждого из них»; 3) упразднить Главное правление училищ, передав его функции Совету министра; 4) сократить и упростить делопроизводство, в том числе «и через отмену многих бесполезных обрядов и формальностей»; 5) уменьшить в связи с сокращением письменной работы личный состав служащих; 6) увеличить оклады «вследствие уменьшения числа служащих»[1].

Еще до окончания ревизии Министерства народного просвещения император Александр II принял решение упразднить канцелярию министра и действовавшее при Министерстве Главное управление цензуры.

Принятое в 1863 году Учреждение Министерства народного просвещения установило, что в его состав входят: «1) Совет министра; 2) Департамент народного просвещения; 3) Ученый комитет; 4) Археографическая комиссия; 5) редакция журнала Министерства и 6) Архив Министерства»[2]. Кроме того, при министре полагались чиновники для особых поручений.

Если в 1862 году в штате Министерства народного просвещения состояло 194 чиновника, то после введения в действие нового Учреждения данного Министерства на службе в его подразделениях должно было остаться 42 человека, включая министра и товарища министра[3]. Тем самым Министерство вынуждалось более активно, чем прежде, привлекать для решения общих проблем управления народным просвещением руководителей научных и учебных заведений, авторитетных профессоров, чиновников местных органов управления просвещением. Новое Учреждение Министерства предусматривало, например, участие в работе

---

1 *Георгиевский А. И.* К истории Ученого комитета Министерства народного просвещения. СПб., 1902. С. 23.

2 Учреждение Министерства народного просвещения от 18 июня 1863 г. // 2-ПСЗРИ. Том 38. Отд. 1. № 39751. С. 618.

3 Преобразование центрального управления Министерства народного просвещения в 1863 года // ЖМПН. 1863. Ч. 119. № 8. Отдел 2. С. 318–320.

Совета министра, помимо главы Министерства, его заместителя — товарища министра, директора Департамента народного просвещения и председателя Ученого комитета, также попечителей учебных округов и ректоров университетов, во время их нахождения в С.-Петербурге или по приглашению министра, председателя Археографической комиссии, Непременного секретаря Академии наук, директора Николаевской обсерватории. Все эти лица наделялись одинаковым голосом при вынесении Советом министра какого-либо решения.

Преобразование Министерства народного просвещения на основе Учреждения от 18 июня 1863 года должно было уменьшить бюрократизм в его деятельности, превратить его из ведомства консервативного, предназначенного хранить устоявшиеся порядки в системе народного образования, в инструмент развития этой системы. Принятие нового Учреждения Министерства народного образования не случайно поэтому совпало с изданием нового Университетского устава. Введением данного устава в действие запускался процесс реформы университетского образования в России, успех же в делах такого рода в огромной степени зависит от организации управления ими.

Данная реформа была призвана остановить упадок российских университетов, который к концу 50-х годов XIX века стал очевидным фактом, и создать условия для подъема их на новый, более высокий уровень.

В записке «По поводу нового Университетского устава», составленной его разработчиками и опубликованной в 1863 году в «Журнале Министерства народного просвещения»[1], а также в качестве дополнения к отдельному изданию «Общего устава российских императорских университетов»[2], одна из главных причин упадка университетского образования в России усматривалась «в равнодушии ученых сословий к интересам их университетов и науки вообще». При этом признавалось, что такое равнодушие было «вызвано отчасти устранением ученых коллегий от суждения и распоряжения по делам, относящимся к вопросам, связанным с жизнью университетов, отчасти равнодушием самого общества к интересам науки, отчасти и материальными заботами, обременявшими профессоров, и наконец, не всегда удовлетворительным составом ученых коллегий. Не нося никакой ответственности за внутреннее управление университетом, возложенное на попечителя, правление и инспектора студентов, университетский совет, вместо нравственного, воздерживающего

---

[1] По поводу нового Университетского устава // ЖМНП. 1863. Ч. 119. № 8. Отдел 2. С. 303–404.

[2] По поводу нового Университетского устава // Университетский устав 1863 года. СПб., 1863. С. 57–128.

и подвигающего начала, являлся иногда, наоборот, страдающим научным застоем и незрелым увлечением»[1].

Помимо этого причины упадка российских университетов обнаруживались составителями нового Университетского устава «в скудости учебных пособий университетов, не дозволявшей им идти в уровень с подобными учреждениями Западной Европы», «в недостаточном приготовлении поступавших в университет к слушанию лекций», что заставляло профессоров «обращаться более в гимназических преподавателей, нежели в университетских профессоров», «в недостатке хороших профессоров» [2].

Поясняя, откуда взялся последний недостаток, авторы записки «По поводу нового Университетского устава» отмечали: «Не имея возможности приглашать заграничных ученых, университеты, по необходимости, должны были ограничиваться русскими кандидатами; но последних не могло быть много, как потому, что ученый уровень университетов недостаточно возвысился, так и потому, что большая часть других общественных не учебных поприщ представляли более средств к обеспечению жизни, при меньших требованиях специальных условий, нежели поприще ученое. Последствием этого было то, что кафедры оставались незамещенными или что профессоры, занимавшие кафедры, обращались к разным посторонним занятиям для увеличения своих материальных средств, и часто более дорожили этими побочными занятиями, нежели своею службою при университете»[3].

При сравнении нового Университетского устава с прежним нельзя не признать, что он, *во-первых*, предоставил университетам больше самостоятельности в делах их внутреннего управления и больше возможностей для развития в соответствии с местными условиями, при сохранении общих для всех российских университетов принципов их внутренней организации, параметров учебного процесса и предметов в содержании учебных программ; *во-вторых,* создал в университетах более благоприятные условия для научной и учебной деятельности; *в-третьих,* сделал преподавательскую работу в университетах более привлекательной для способных молодых людей, предопределив появление в будущем на университетских кафедрах достаточного числа квалифицированных преподавателей; *в-четвертых,* предусмотрел

---

1 По поводу нового Университетского устава // Университетский устав 1863 года. СПб., 1863. С. 69–70.

2 Там же. С. 70.

3 Там же.

целый ряд специальных мер для побуждения студентов к занятию науками.

§ 4. Университетская организация по Общему уставу императорских российских университетов 1863 года

Новый Университетский устав, так же как и предыдущий, не дал определения университета[1], ограничившись лишь указанием на его состав. Общий устав императорских российских университетов 1835 года устанавливал, что «университет составляется: 1) из определенного числа факультетов, 2) из Совета, 3) из Правления»[2]. В Общем университетском уставе 1863 г. провозглашалось, что «каждый университет состоит из факультетов, как составных частей одного целого»[3]. О Совете и Правлении здесь говорилось лишь как о составных частях Университетского правления. Согласно § 5 к ним относились: «1) Университетский совет. 2) Правление университета. 3) Университетский суд. 4) Проректор или инспектор»[4]. Ректор же представлялся в новом Уставе лицом, которому принадлежит «ближайшее управление университетом» (§ 4)[5]. По Уставу 1835 года ректор не назывался таким лицом, поскольку управление университетом сосредотачивалось в руках попечителя, которому в связи с этим давалось право председательствовать по своему усмотрению в Совете и Правлении.

Устав 1863 года существенно ограничивал возможности вмешательства попечителя учебного округа во внутреннюю жизнь университета. В Уставе 1835 года статусу и правомочиям попечителя было посвящено четырнадцать статей[6], в новом Университетском уставе — всего один параграф. В нем говорилось, в частности, что «попечитель учебного округа

---

1 В уставах Московского, Харьковского и Казанского университетов, принятых 5 ноября 1804 г., университет определялся как «вышнее ученое сословие, для преподавания наук учрежденное». При этом уточнялось, что в нем «приуготовляется юношество для вступления в различные звания государственной службы» (1-ПСЗРИ. Том 28. № 21498. С. 571; № 21499. С. 589; № 21500. С. 607).

2 Общий устав императорских российских университетов от 26 июля 1835 года // 2-ПСЗРИ. Том 10. Отд. 1. № 8337. С. 812.

3 Общий устав императорских российских университетов от 18 июня 1863 года // 2-ПСЗРИ. Том 38. Отд. 1. № 39752. С. 622.

4 Там же.

5 Там же.

6 См.: 2-ПСЗРИ. Том 10. Отд. 1. № 8337. С. 846.

принимает все нужные, по его усмотрению, меры, чтобы принадлежащие к Университету места и лица исполняли свои обязанности, и, в случаях чрезвычайных, уполномочивается действовать всеми способами, хотя бы они и превышали его власть, с обязанностью только о подобных случаях доводить до сведения министра»[1]. Взаимоотношения попечителя и Университетского совета определялись в этом параграфе словами: «Попечитель делает Совету, когда признает это нужным, предложения, как по делам Университета, так и по делам учебного округа»[2].

Главным органом университетского управления Общий устав российских университетов 1863 года сделал Университетский совет. Повышению роли этого органа в университетской жизни способствовало установление перечня вопросов, по которым он принимал окончательные решения (§ 42). Первым среди них было названо «распределение предметов и порядок их преподавания во всех факультетах». Кроме того, Совет мог самостоятельно распределять денежные суммы, назначенные по штату на учебные пособия, рассматривать и утверждать ежегодную смету доходов и расходов специальных средств, составляющих собственность университета, принимать решения по программам на конкурсы для занятия вакантных кафедр и т. д.[3]

Наряду с этим § 42 четко определял вопросы, по которым решения Университетского совета вступали в силу только после их утверждения попечителем. К ним были отнесены: «1) Меры и средства, ведущие к усилению ученой деятельности Университета. 2) Избрание доцентов, лекторов, лаборантов, хранителей кабинетов и музеев и помощников прозекторов и проректора или инспектора. 3) Допущение приват-доцентов к чтению лекций... 5) Избрание судей и кандидатов в университетские суды. 6) Увольнение и удаление всех вышеозначенных должностных лиц», а также разработка и принятие правил и инструкций, касающихся обязанностей учащихся, приема в университет, слушания лекций посторонними лицами, порядка взимания, распределения и употребления суммы, собираемой за слушание лекций, и т. д.[4]

Наконец, § 42 выделял среди предметов занятий Университетского совета такую их категорию, по которым его решения представлялись через попечителя на утверждение министра. Это, например, избрание ректора, деканов, проректора или инспектора и профессоров; увольнение

---

1 2-ПСЗРИ. Том 38. Отд. 1. № 39752. С. 625.

2 Там же.

3 Там же. С. 626.

4 Там же. С. 627.

и удаление указанных лиц из университета, «разделение факультетов на отделения, соединение и разделение кафедр и замена одних из них другими и определение, которые из преподаваемых предметов должны быть обязательными для студентов», «отправление молодых людей за границу, для приготовления к занятию кафедр», «составление правил о сроке и порядке производства испытаний на ученые степени и звание» и т. д.[1]

Комментируя приведенные положения нового Университетского устава, его составители отмечали в посвященной ему записке: «Заметим, что во всех случаях, в которых требуется утверждение составленных Советом правил попечителем или министром, университеты будут иметь возможность устраивать свои внутренние порядки сообразно местным обстоятельствам и потребностям, и все это будет совершаться без необходимо-требовавшихся до сих пор формальностей, замедлявших ход дела. Во всех этих случаях не нужно будет изменять самого Университетского устава, что, как известно, требует рассмотрения в Государственном совете и Высочайшего утверждения. При составлении этих правил университет, имея постоянно в виду соответствующие параграфы устава, может руководствоваться в начертании подробностей местными особенностями и обыкновениями»[2].

Подняв значение Университетского совета, Устав 1863 года более весомую роль придал факультетскому собранию. Этому коллегиальному органу так же, как и Совету, была предоставлена автономия при решении целого ряда вопросов. § 10 Устава определил, что «факультетское собрание состоит, под председательством декана, из всех ординарных и экстраординарных профессоров факультета, между которыми один исправляет должность секретаря. Прочие члены факультета также могут быть приглашаемы в его собрания, но с присвоением в них голоса: доцентам — только по выслуге двух лет в этом звании, а остальным преподавателям единственно: а) при решении вопросов, касающихся преподаваемой ими науки, и б) при испытаниях из оной на ученую степень кандидата или на звание действительного студента». § 23 очертил круг полномочий факультетских собраний, разделив предметы их занятий на две категории: «А) Предоставляемые утверждению собственною властью» и «Б) Представляемые на рассмотрение и утверждение Совета».

---

1 2-ПСЗРИ. Том 38. Отд. 1. № 39752. С. 627.

2 По поводу нового Университетского устава // Университетский устав 1863 года. СПб., 1863. С. 85.

В первую категорию Уставом были включены: «1) Меры к усилению учебной деятельности студентов. 2) Программы на конкурсы для занятия вакантных кафедр. 3) Одобрение сочинений, издаваемых университетом. 4) Программы преподавания». Таким образом, руководство учебной и научной деятельностью факультетов Университетский устав 1863 года передал факультетским собраниям.

Ко второй категории вопросов, рассматривавшихся факультетскими собраниями, было отнесено в первую очередь избрание деканов факультетов. § 8 Устава предписал, что «деканы избираются в собраниях своих факультетов на три года, из ординарных профессоров, а если таких в факультете менее трех, то и из экстраординарных, а утверждаются министром народного просвещения». В примечании же к этому параграфу было сказано: «выбор деканов факультетов производится в присутствии Университетского совета; если выбор не состоится, то они баллотируются Советом»[1].

Кроме того, в числе вопросов, по которым решения факультетских собраний должны были представляться на рассмотрение и утверждение Университетского совета, Устав 1863 года называл «распределение предметов и порядок их преподавания», «предложения о разделении факультета на отделения, соединении и разделении кафедр и замене одних из них другими, и определение, которые из предметов преподавания должны быть обязательными для студентов»[2].

Статусу ректора университета была посвящена четвертая глава Университетского устава 1863 года. В ней предписывалось избирать ректора Университетским советом на четыре года из ординарных профессоров Университета и утверждать его в сем звании высочайшим приказом (§ 27)[3].

§ 28 нового Устава повторял в целом положения § 62 Устава 1835 года с небольшими уточнениями в деталях. Здесь говорилось, в частности, что «ректор, имея ближайшее попечение о благоустройстве университета, наблюдает: 1) чтобы принадлежащие к нему места и лица исполняли свои обязанности, и 2) чтобы университетское преподавание шло правильно и в надлежащей полноте, сообразно программам, которые будут утверждаемы факультетами»[4]. Нововведением была норма, установленная § 29. Она гласила: «Ректор, в случаях важных и не терпящих отлагательства,

---

1 2-ПСЗРИ. Том 38. Отд. 1. № 39752. С. 622.

2 Там же. С. 624–625.

3 Там же. С. 625.

4 Там же.

принимает все нужные меры, хотя бы они и превышали предоставленные ему права, с доведением только о них немедленно до сведения как Совета или Правления Университета, по принадлежности, так и Попечителя»[1].

При обсуждении проекта Устава 1863 года ряд профессоров высказывали мнение о том, что некоторые из обязанностей, которые возлагаются на ректора, не по силам исполнить одному человеку. Это, например, обязанность наблюдать за тем, чтобы университетское преподавание шло правильно, в надлежащей полноте и сообразно программам. По их мнению, ректора следовало бы освободить от подобных обязанностей[2]. Профессор Ф. Дмитриев приводил другой аргумент против наделения ректора обязанностью контролировать соответствие преподавания программам. «Требовать, чтобы преподавание в точности следовало программе, значит вводить совершенно бесполезное стеснение, от которого на практике преподаватель всегда может уклониться»[3], — отмечал он. Этих аргументов оказалось, однако, недостаточно, чтобы указанная обязанность была снята с ректора.

Новый университетский устав предусмотрел специальные меры, призванные обеспечить кафедры достаточным количеством способных преподавателей. В нем были оставлены в силе прежние способы замещения вакантных преподавательских должностей: избрание факультетским собранием и Университетским советом посредством баллотирования (§ 70), конкурс (§ 71), непосредственное назначение министром народного просвещения «в тех случаях, когда вакантная в Университете кафедра не будет замещена в течение года избранным от университетского Совета кандидатом» или если необходимо было привлечь к чтению лекций «сверхштатных профессоров из лиц, отличных ученостью, даром преподавания и удовлетворяющих прочим условиям, требуемым от профессора» (§ 72) [4]. Но эти традиционные способы пополнения преподавательского коллектива университетов Устав 1863 года дополнил процедурами, позволявшими подготовить к преподавательской деятельности талантливых молодых людей.

---

1 2-ПСЗРИ. Том 38. Отд. 1. № 39752. С. 625.

2 См. об этом: Журналы заседаний Ученого комитета Главного правления училищ по проекту Общего Устава императорских российских университетов. СПб., 1862. С. 327–328.

3 *Дмитриев Ф.* Университетский устав // Замечания на проект Общего Устава императорских российских университетов. СПб., 1862. Ч. 2. С. 404.

4 2-ПСЗРИ. Том 38. Отд. 1. № 39752. С. 630.

Во-первых, Университетскому совету было дано право оставлять при университете по своему усмотрению «стипендиатов для приготовления к профессорскому званию» (§ 42)[1].

Во-вторых, Совет получил право отправлять, с утверждением министра, «молодых людей за границу, для приготовления к занятию кафедр» (§ 42)[2].

В-третьих, в университетах был создан институт приват-доцентов.

Данный институт не был новым. Идея привлечения к чтению лекций в университете, помимо штатных преподавателей, кого-либо «из числа получивших ученую степень», с назначением ему «соразмерного прилежанию и усердию его годового жалованья», была выражена еще в Уставе Дерптского университета (§ 81), высочайше утвержденного 4 июня 1820 года[3]. Высочайшим повелением от 8 июля 1839 года было разрешено «читать лекции в Дерптском университете, в качестве сверхштатных частных преподавателей, без присвоения прав службы, и таким лицам, имеющим ученые степени, которые пожелают принять на себя эту обязанность без жалованья и будут к тому удостоены Университетским советом»[4].

В принятом 9 июня 1842 года Уставе императорского университета Св. Владимира такие преподаватели получили наименование «доцентов». Статья 34 данного Устава предоставляла Совету университета право «ходатайствовать о дозволении получившему ученую степень магистра или доктора читать лекции о каком-либо отдельном предмете, с присвоением такому преподавателю звания доцента»[5]. Согласно статье 35 того же Устава желавший приобрести такое звание был обязан, «кроме диссертации, по коей получил ученую степень, представить новую *pro venia legendi*[6], и оную защищать публично»[7]. «Доценты считаются в службе, — говорилось в статье 36, — но жалованья от Университета не получают. По мере успехов их в преподавании, Совету предоставляется ходатайствовать о вознаграждении трудов их единовременными денежными выдачами из экономической университетской суммы. Впрочем доценты составляют рассадник для штатных адъюнктских и профессорских мест»[8].

---

1 2-ПСЗРИ. Том 38. Отд. 1. № 39752. С. 626.

2 Там же. С. 627.

3 1-ПСЗРИ. Том 37. № 2832. С. 263.

4 2-ПСЗРИ. Том 14. Отд. 1. № 12524. С. 620.

5 2-ПСЗРИ. Том 17. Отд. 1. № 15730. С. 435.

6 Дословно: «на право читать лекции» (*лат.*).

7 2-ПСЗРИ. Том 17. Отд. 1. № 15730. С. 435.

8 Там же.

Повелением императора Николая I от 28 июня 1843 года, изданным в ответ на ходатайство Комитета министров, представленное на основании записки министра народного просвещения, правила об определении особых преподавателей со званием доцентов, установленные статьями 34, 35 и 36 принятого годом ранее Устава Университета Св. Владимира, были распространены на Санкт-Петербургский, Московский, Казанский и Харьковский университеты[1].

В своей записке министр народного просвещения обращал внимание на то, что для замещения вакантных должностей профессоров и адъюнктов в российских университетах часто отсутствовали достойные кандидаты из «русских уроженцев». Причину этого недостатка он видел в том, что способным молодым людям, желавшим посвятить себя ученому поприщу, не было «в наших университетах (исключая Дерптский и Университет Св. Владимира) приюта для приготовления к будущему назначению», и от того многие из них были вынуждены «оставлять намерение вступить в службу по части учебной». Отправление же молодых людей за границу для усовершенствования в науках имело то неудобство, что к приготовлению в преподаватели легко могли быть допущены такие кандидаты, которые не имели дара преподавания. Опираясь на подобные аргументы и на уже изданные законодательные установления, регулировавшие порядок привлечения к чтению лекций в Дерптском и Киевском университетах сверхштатных частных преподавателей, министр делал вывод о необходимости установить звание доцента в остальных российских университетах.

Однако доценты появились лишь в Московском и Санкт-Петербургском университетах, причем в очень малом числе. Не получая постоянного жалованья, эта категория преподавателей вынуждена была полагаться на добрую волю Университетского совета, который мог назначить им вознаграждение за их труды, а мог и не назначить. А между тем для получения звания доцента нужно было иметь хотя бы степень магистра и представить диссертацию *pro venia legendi*. Звание профессора получить было легче, поскольку для этого не требовалось представления указанной диссертации.

Общий устав императорских российских университетов 1863 года, назвав сверхштатных частных преподавателей «приват-доцентами», сделал приобретение этого звания более легким.

§ 68 данного Устава предписал: «Никто не может быть ординарным или экстраординарным профессором, не имея степени доктора по разряду

[1] 2-ПСЗРИ. Том 18. Отд. 1. № 16894. С. 412.

наук, соответствующих его кафедре. Для получения звания доцента надлежит иметь, по крайней мере, степень магистра; *приват-доцентами же могут быть и кандидаты, представившие диссертацию (pro venia legendi) по тому отделению факультета, в котором они намерены преподавать, и защитившие ее публично в присутствии факультета*»[1] (курсив мой. — *В. Т.*).

§ 69 Устава обязал лиц, ищущих звания профессора, доцента и приват-доцента, но неизвестных факультету своими преподавательскими способностями, «прочесть публично, в присутствии факультета, две пробные лекции: одну — на тему по собственному избранию, а другую — по назначению факультетского собрания»[2].

§ 73 установил, что «лица, ищущие звания приват-доцента и выполнившие удовлетворительно требования, изложенные в §§ 68 и 69, допускаются Советом университета, с утверждения Попечителя, к чтению в Университете курса по избранным ими наукам, в качестве приват-доцентов»[3].

§ 74 определил, что приват-доцентам не полагается установленного штатом содержания, но Советы университетов могут, по представлениям факультетов, «выдавать им из специальных средств Университета соразмерное их трудам вознаграждение»[4].

В записке «По поводу нового Университетского устава» институту приват-доцента придавалось огромное значение. Он объявлялся «рассадником профессоров и главнейшим средством для замещения кафедр», которому «предстоит оживить университеты постоянным притоком новых и свежих сил; поддержать рвение к науке и ее преподаванию и в ветеранах науки, устранив всякий повод к неудовольствию слушателей на преподавателей, предоставив первым возможность выбора между последними, или же убедивши их, что недостаток преподавателей происходит от причин, не зависящих от университета»[5].

И, надо признать, надежды эти данный институт вполне оправдал. Он действительно стал «рассадником профессоров». Во всяком случае, многие выдающие российские правоведы — заслуженные и ординарные про-

---

1 2-ПСЗРИ. Том 38. Отд. 1. № 39752. С. 629.

2 Там же.

3 Там же. С. 630.

4 Там же.

5 По поводу нового Университетского устава // Университетский устав 1863 года. СПб., 1863. С. 107.

фессора юридических факультетов начинали свою преподавательскую деятельность в качестве именно приват-доцента.

Некоторые из предусмотренных Общим уставом императорских российских университетов 1863 года способов подготовки новых преподавателей были введены в действие еще в момент обсуждения его проекта. 10 марта 1862 года император Александр II удовлетворил представленное во всеподданнейшем докладе министра народного просвещения А. В. Головнина ходатайство о разрешении ему «отправлять, по его избранию, молодых ученых за границу для приготовления себя к должностям профессоров и преподавателей, с выдачею им ассигнованной на сей предмет суммы от 1.600 до 2.400 руб. в год, с тем, чтобы они доносили управляющему министерством ежемесячно о своих занятиях и обязались за каждый год пребывания за границею прослужить в ведомстве Министерства народного просвещения, по назначению министра, два года»[1].

Такой способ подготовки преподавателей для российских университетов существовал до 1848 года. Император Николай I отказался от него из-за того, что в ряде европейских стран в указанное время началось революционное брожение. В новом варианте Общего устава императорских российских университетов предполагалось существенно увеличить количество университетских кафедр. Для их замещения недоставало специалистов. Стремление восполнить этот недостаток за возможно короткий срок подвигло российское правительство обратиться к доказавшему свою эффективность в 30-е и 40-е годы XIX века методу подготовки новых профессоров в лучших западноевропейских университетах. И с апреля 1863 года туда стали регулярно направляться талантливые молодые люди из России, решившие после завершения университетского курса обучения посвятить себя преподавательской деятельности[2].

Ко времени принятия нового Университетского устава на стажировке в западноевропейских университетах (в основном, в Гейдельбергском, Лейпцигском, Берлинском и Венском) находилось 60 выпускников российских университетов. Среди них было десять человек, совершенствовавших свои познания в различных областях научной юриспруденции (в *истории иностранных законодательств* — А. Н. Сто-

---

[1] Об отправлении молодых ученых за границу для приготовления себя к должностям профессоров и преподавателей. 10 марта 1862 года // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Том 3: Царствование императора Александра II. 1855–1864. СПб., 1865. Стлб. 730.

[2] См.: Список кафедрам по проэкту нового Университетского устава, с означением кто командирован за границу для приготовления по каждой из кафедр // ЖМНП. 1863. Ч. 118. № 4. Отдел 2. С. 179–186.

янов, в науке *государственного права* — А. Я. Пассовер и Н. С. Таганцев, по *гражданскому праву, судоустройству и судопроизводству* — А. Б. Думашевский и В. И. Сергеевич, К. Брохоцкий, в науке *полицейского права* — В. С. Власьев, по *финансовому праву* — В. А. Лебедев, Л. И. Жданович, М. И. Стельмахович)[1].

По правилам, установленным Министерством народного просвещения, молодые люди, отправленные для продолжения учебы за границу, обязаны были периодически представлять в Министерство отчеты о своих занятиях. Одновременно была заведена практика публикации этих отчетов, в извлечениях или полностью, на страницах «Журнала Министерства народного просвещения» для того, чтобы университеты имели возможность постоянно следить за успехами своих будущих преподавателей и составить себе представление об уровне их знаний и способностей.

Иногда стажеры-правоведы из России лишь кратко описывали в своих отчетах, какие лекции они слушали в заграничных университетах и какие работы иностранных правоведов изучали[2], но чаще всего, не ограничиваясь этими описаниями, добавляли к ним свои впечатления о характере преподавания юридических наук в тех университетах, где стажировались[3]. Нередко их отчеты превращались в библиографические обзоры каких-либо правовых исследований или в заметки по системе и методике преподавания той или иной юридической науки[4]. Бывало и так, что отчеты представлялись в виде рецензии на какое-либо из недавно издан-

---

1 Список кафедрам по проэкту нового Университетского устава, с означением кто командирован за границу для приготовления по каждой из кафедр // ЖМНП. 1863. Ч. 118. № 4. Отдел 2. С. 183–184.

2 См., например: Отчет кандидата В. Власьева // ЖМНП. 1863. Ч. 118. № 4. Отдел 2. С. 81; № 6. Отдел 2. С. 259–260; Ч. 119. № 9. Отдел 2. С. 427–428. Отчет кандидата Думашевского // ЖМНП. 1863. Ч. 118. № 4. Отдел 2. С. 156–158. Отчет кандидата Льва Ждановича // ЖМНП. 1863. Ч. 118. № 5. Отдел 2. С. 223–228; Ч. 119. № 8. Отдел 2. С. 185–187. Отчет А. Стоянова // ЖМНП. 1865. Ч. 127. № 9. Отдел 3. С. 223–225.

3 Отчет кандидата А. Пассовера // ЖМНП. 1863. Ч. 118. № 5. Отдел 2. С. 232–236; Ч. 119. № 9. Отдел 2. С. 409–421. Отчет кандидата В. Лебедева // ЖМНП. 1863. Ч. 118. № 4. Отдел 2. С. 155–156; Ч. 119. № 7. Отдел 2. С. 80–82. 1864; Ч. 122. № 5. Отдел 2. С. 337–344. Отчет кандидата Арнольда Думашевского // Там же. С. 363–372. Отчет кандидата Льва Ждановича // Там же. С. 416–420.

4 См., например: Отчет кандидата Арнольда Думашевского // ЖМНП. 1863. Ч. 119. № 7. Отдел 2. С. 86–93. Отчет кандидата Константина Брохоцкого // Там же. С. 101–106. Отчет кандидата Н. Таганцева // ЖМНП. 1863. Ч. 119. № 8. Отдел 2. С. 232–256. Отчет кандидата А. Орлова // ЖМНП. 1865. Ч. 127. № 8. Отдел 3. С. 123–154.

ных сочинений иностранных правоведов с изложением размышлений, которые оно вызвало[1].

Некоторые из русских правоведов, оказавшись в Германии, посвящали свое время изучению местного законодательства и правоохранительной системы. Н. С. Таганцев стажировался поначалу в Лейпцигском университете, затем переехал в Гейдельберг. В своем отчете отсюда, датированном 18/30 марта 1864 года, он дал описание внутренней организации тюрем в Галле и Гейльбронне, сравнив ее с порядками в Лейпцигской тюрьме[2].

Направленный Московским университетом 30 октября 1862 года в заграничную командировку В. И. Сергеевич в течение трех лет слушал лекции известных иностранных ученых (И.-К. Блунчли, К. Миттермайера, К.-А. Вангерова) в Гейдельбергском, Берлинском и других западноевропейских университетах, работал в крупнейших заграничных библиотеках, знакомился с законодательством Франции, Германии, Англии. Собранные за границей материалы он опубликовал в шести заметках, напечатанных в 1863–1865 годах в «Журнале Министерства народного просвещения» под рубрикой «Извлечения из отчетов лиц, отправленных за границу для приготовления к профессорскому званию»[3]. Это были настоящие научные статьи[4]. Подобным же образом поступил и В. С. Власьев, представив в качестве одного из своих отчетов «Очерк истории обязательного призрения в Англии до конца XVII века»[5].

В записке «По поводу нового университетского устава» предусмотренной им возможности подготовки новых преподавателей для российских

---

1 См., например, представленную в марте 1865 г. Львом Ждановичем в качестве отчета по научной стажировке рецензию на вышедшую годом ранее книгу Карла Дитцеля «Народное хозяйство и его отношение к обществу и государству (*Die Volkswirthschaft und ihr Verhältniss zu Gesellschaft und Staat Von D-r Carl Dietzel*)» // ЖМНП. 1865. Ч. 127. № 7. Отдел 3. С. 1–66.

2 См.: Отчет кандидата Н. Таганцева // ЖМНП. 1864. Ч. 122. № 5. Отдел 2. С. 388–400.

3 См. подробнее об этом: *Томсинов В. А.* Российские правоведы XVIII–XX веков: Очерки жизни и творчества. В двух томах. М.: Зерцало, 2007. Том 1. С. 480–483.

4 *Сергеевич В. И.* О служебных экзаменах в Пруссии // ЖМНП. 1863. Ч. 117. № 3. Отдел 2. С. 262–272. *Его же.* Особенности французского кассационного суда // ЖМНП. 1863. Ч. 118. № 6. Отдел 2. С. 270–291. *Его же.* Очерк кассации в Пруссии (К вопросу о кассационном суде) // ЖМНП. 1863. Ч. 120. № 10. Отдел 3. С. 38–50. *Его же.* Мнение Цинка в пользу кассационного суда // ЖМНП. 1864. Ч. 121. № 1. Отдел 2. С. 41–50. *Его же.* Порядок отмены решений по новому уставу гражданского судопроизводства // ЖМНП. 1865. Ч. 127. № 9. Отдел 3. С. 197–208 и др.

5 ЖМНП. 1864. Ч. 122. № 5. Отдел 2. С. 400–413.

университетов путем стажировки за границей была дана весьма осторожная оценка. «Какие результаты принесет нашей науке и нашим университетам эта мера Министерства? — вопрошали авторы записки. — Будет ли соответствовать полученная от нее польза огромным издержкам правительства на этот предмет? Сумеют ли ныне отправленные за границу кандидаты к профессорскому званию поднять уровень нашего университетского преподавания и оживить университеты, по крайней мере, в такой же степени, как это сделали профессоры, отправленные за границу в тридцатых годах?»[1] Признавая, что на все эти вопросы можно будет ответить лишь по прошествии какого-то времени после того, как молодые ученые возвратятся в России, займут кафедры и на деле покажут свои таланты и приобретенные за границей знания, составители указанной записки обращали внимание на их отчеты, публиковавшиеся в «Журнале Министерства народного просвещения». «Нельзя не видеть в этих отчетах, — отмечали они, — основательности и серьезности взгляда на науку, а также той полной преданности и неподдельной любви, с какими большинство кандидатов посвящает себя избранным отраслям знаний. Особенно заслуживает внимания факт, что большинство нынешних кандидатов не ограничивается слушанием и пассивным восприниманием лекций иностранных профессоров. Напротив того, в их занятиях видна большая самостоятельность: слушая лекции профессоров, они в то же время работают в клиниках, лабораториях, музеях, на обсерваториях, в профессорских семинариях; делают научные, естественно-исторические и другие экскурсии; следят за литературным движением по своим наукам, наблюдают условия заграничного общественного и экономического быта и излагают результаты своих наблюдений как в отчетах, присылаемых в министерство, так и в иностранных и русских ученых изданиях. В этом отношении, можно сказать положительно, что отчеты нынешних кандидатов несравненно полнее и любопытнее отчетов, какие министерство получало в прежнее время от отправляемых им за границу молодых ученых»[2].

Отчеты стажировавшихся в западноевропейских университетах молодых правоведов из России показывают, что большинство их использовали свое пребывание в этих научных и учебных центрах для изучения иностранной правовой культуры в самом широком ее объеме: они знакомились с организацией юридического образования в Австрии, Германии,

---

[1] По поводу нового Университетского устава // Университетский устав 1863 года. СПб., 1863. С. 113.

[2] Там же. С. 114.

Франции, Италии, с практической деятельностью европейских юристов, изучали действующее законодательство западноевропейских стран, учения о государстве и праве знаменитых правоведов, штудировали научные работы по юриспруденции, выходившие в Западной Европе и США. При этом они воспринимали достижения западноевропейской правовой культуры не бездумно и слепо, но критически их осмысливая, самостоятельно оценивая с позиций здравого смысла, а также методологии правового мышления и юридических знаний, усвоенных ими во время обучения на юридических факультетах российских университетов.

Для пополнения корпуса преподавателей способными и даровитыми молодыми людьми царское правительство не ограничилось введением в новый Университетский устав мер, позволявших сделать более эффективной их подготовку к преподавательской деятельности. Приложенные к Уставу и в один день с ним утвержденные императором Александром II «Штаты императорских российских университетов» предусмотрели увеличение годового денежного содержания преподавателям в два и более раза по сравнению с прежним. Так, ординарному профессору было назначено 3000 руб. серебром в год (2400 — жалованье, 300 — столовые, 300 — квартирные)[1]. Прежде преподаватель, занимавший такую должность в Московском университете, имел 1543 руб. серебром, в Санкт-Петербургском — 1572 руб. серебром, в Харьковском и Казанском — по 1263 руб. серебром, в Университете Св. Владимира (по Уставу 1842 г.) — 1350 руб. серебром[2]. Экстраординарный профессор стал получать 2000 руб. серебром. Прежнее содержание преподавателей на такой должности варьировалось в зависимости от университета между 954 и 1175 руб. серебром. Штатному доценту было определено 1200 руб. серебром, ранее размер годового денежного содержания доцента (адъюнкта) находился в пределах от 643 до 800 руб. серебром.

В дополнение к указанным суммам преподаватели могли получать вознаграждение из находившихся в распоряжении университетов специальных средств[3]. Согласно § 109 Устава его выплата регулировалась пра-

---

[1] Высочайше утвержденные, 18 июня 1863 года, Штаты императорских российских университетов // 2-ПСЗРИ. Том 38. Отд. 2. № 39752. С. 118.

[2] См. таблицу окладов университетских преподавателей в издании: По поводу нового Университетского устава // Университетский устав 1863 года. СПб., 1863. С. 110.

[3] Одним из источников пополнения данных средств была плата за слушание лекций, взимавшаяся, согласно § 105 Университетского устава 1863 г., с каждого студента, в столичных университетах — по 50, в прочих — по 40 руб. в год. Студенты, представившие в университет свидетельство о бедности, на основании § 107 Устава освобождались от такой платы. Без представления свидетельства о бедности освобожда-

вилами, составленными Советом и утвержденными попечителем учебного округа[1].

По Уставу 1835 года в полном составе университета полагались три факультета: философский, юридический и медицинский (ст. 2)[2]. Устав 1863 года предусмотрел в составе университета четыре факультета: историко-филологический, физико-математический, юридический и медицинский[3]. Для Санкт-Петербургского университета было установлено исключение: здесь отсутствовал медицинский факультет, зато полагалось иметь факультет восточных языков (§ 2).

§ 5. Учебная программа юридического факультета по Общему уставу императорских российских университетов 1863 года

Учебная программа юридического факультета, закрепленная Уставом 1835 года, предполагала наличие в его составе *семи* кафедр. Согласно статье 12 данного Устава здесь должны были преподаваться: «1) Энциклопедия или общее обозрение системы законоведения, российские государственные законы, т. е. законы основные, законы о состояниях и государственные учреждения. 2) Римское законодательство и история онаго. 3) Гражданские законы, общие, особенные и местные. 4) Законы благоустройства и благочиния. 5) Законы о государственных повинностях и финансах. 6) Законы полицейские и уголовные. 7) Начала общенародного правоведения (*Jus gentium*)»[4].

Новый Университетский устав предусмотрел в составе юридического факультета *тринадцать* кафедр, в рамках которых 13 профессоров и 6 доцентов должны были преподавать такие предметы, как: «1) Энциклопедия права: а) Энциклопедия юридических и политических наук. б) История философии права. 2) История важнейших иностранных законодательств, древних и новых. 3) История русского права. 4) История славянских законодательств. 5) Римское право: а) История римского права.

лись от взноса платы за учение пансионеры государя императора и особ высочайшей фамилии, стипендиаты университета, стипендиаты частных лиц и обществ, если выбор этих стипендиатов был предоставлен университету (§ 108).

[1] Общий устав императорских российских университетов от 18 июня 1863 года // 2-ПСЗРИ. Том 38. Отд. 1. № 39752. С. 634.

[2] 2-ПСЗРИ. Том 10. Отд. 1. № 8337. С. 842.

[3] 2-ПСЗРИ. Том 38. Отд. 1. № 39752. С. 622.

[4] 2-ПСЗРИ. Том 10. Отд. 1. № 8337. С. 843.

б) Догматика римского гражданского права. в) Византийское право. 6) Государственное право: а) Теория государственного права. б) Государственное право важнейших иностранных государств. в) Русское государственное право. 7) Гражданское право и гражданское судоустройство и судопроизводство. 8) Уголовное право и уголовное судоустройство и судопроизводство. 9) Полицейское право: а) Учение о безопасности (законы благочиния). б) Учение о благосостоянии (законы благоустройства). 10) Финансовое право: а) Теория финансов. б) Русское финансовое право. 11) Международное право. 12) Политическая экономия и статистика. 13) Церковное законоведение» (§ 15)[1].

Сравнение учебной программы юридического факультета, установленной Университетским уставом 1863 года, с аналогичной программой, закрепленной Уставом 1835 года, показывает, что преподавание юридических наук в российских университетах перестало строиться на основе Свода законов Российской империи, но приобрело самостоятельную систему. Соответственно термин «законы» в названиях юридических дисциплин уступил свое место слову «право».

Новые названия юридических дисциплин отразили перемены в понимании их содержания. Кафедра, которая прежде носила наименование «гражданские законы, общие, особенные и местные», получила в новом Уставе название кафедры гражданского права и гражданского судоустройства и судопроизводства. Это означало, что наука гражданского судоустройства и судопроизводства, которая Уставом 1835 года включалась в состав науки гражданских законов, стала пониматься теперь в качестве самостоятельной юридической науки. Подобный статус приобрела в новой учебной программе юридического факультета и наука уголовного судоустройства и судопроизводства, которая ранее входила в содержание законов уголовных.

Недостатком прежней учебной программы юридического факультета было объединение в рамках одной кафедры таких двух совершенно разных дисциплин, как законы полицейские и законы уголовные. Новый Университетский устав отвел каждой из этих наук отдельную кафедру.

Особая кафедра была отведена и для преподавания финансового права. Прежде законы о финансах преподавались по одной кафедре с законами о государственных повинностях.

Наука государственного права, преподавание которой по Уставу 1835 года осуществлялось в рамках кафедры энциклопедии или общего обозрения системы законоведения, была новым Уставом выделена

[1] 2-ПСЗРИ. Том 38. Отд. 1. № 39752. С. 623.

в самостоятельную кафедру. При этом объем материала по данной учебной дисциплине существенно расширялся. В частности, помимо русского государственного права было предусмотрено преподавание теории государственного права и государственного права важнейших иностранных государств. В течение восьми лет — с 1841 до 1849 года — на юридическом факультете Московского университета читался предмет под названием «Обозрение иностранного государственного права»[1]. После принятия нового Университетского устава лекции по иностранному государственному праву стали частью общеобязательной учебной программы юридического факультета.

Еще одно нововведение Устава 1863 года было связано с кафедрой, выступавшей в Уставе 1835 года под названием «начала общенародного правоведения». В новом Уставе она стала именоваться кафедрой международного права. Эта перемена знаменовала собой окончательный отход от естественно-правовой методологии в научной юриспруденции, ориентировавшей правоведов на изучение неких абстрактных, общих для всех времен и народов правовых принципов.

Сравнивая новую учебную программу юридического факультета с прежней, нельзя не увидеть значительного увеличения в ней объема фундаментальных правовых наук. Для их преподавания было выделено пять (!) кафедр: энциклопедии права, истории важнейших иностранных законодательств, истории русского права, истории славянских законодательств, римского права. Тогда как в предшествующий период фундаментальные юридические дисциплины преподавались только на двух кафедрах: энциклопедии или общего обозрения системы законоведения и римского законодательства с его историей.

Таким образом, учебная программа юридического факультета, закрепленная в Университетском уставе 1863 года, представила новую классификацию отраслевых юридических наук, которая в большей мере соответствовала достигнутому к тому времени в России уровню развития научной юриспруденции.

В основе своей данная классификация сохраняется и в современном российском правоведении. И это не случайно. Классификация юридических наук, закрепленная в Общем уставе императорских российских университетов 1835 года, была привязана к структуре Свода законов Российской империи. Для того времени такое построение системы научной юриспруденции было благоприятным для ее поступательной эволюции.

---

[1] См. об этом: *Томсинов В. А.* Юридическое образование и юриспруденция в России во второй трети XIX века. М.: Зерцало-М, 2010. С. 99–101.

Оно способствовало переориентации русских правоведов с изучения абстрактных правовых принципов и доктрин на исследование действующего законодательства.

Однако уже в 40-е годы XIX века стало очевидным, что превращение юриспруденции исключительно в инструмент познания действующего законодательства лишает ее качеств или свойств, необходимых для того, чтобы служить орудием реформы существующего правопорядка. Данная функция предполагает создание моделей принципиально другого правопорядка, она требует от юриспруденции выхода за пределы действующего законодательства. Орудием реформы может служить поэтому лишь юриспруденция, вобравшая в себя достижения всей мировой правовой культуры. Такая юриспруденция строится на изучении не только отечественного законодательства, но также иностранного. Она предполагает познание опыта правового регулирования тех или иных общественных отношений не только в своей стране, но и во всех странах, где оно осуществляется с достаточной эффективностью.

В свете этого вполне понятными являются активно предпринимавшиеся, начиная с 40-х годов и особенно в конце 50-х годов XIX века, попытки ввести, хотя бы в ведущих российских университетах, преподавание иностранного права как в его современном состоянии, так и в историческом развитии.

На юридическом факультете Московского университета чтение этого предмета было поручено молодому преподавателю Ф. М. Дмитриеву. В своей вступительной лекции, прочитанной 5 октября 1859 года[1], он отмечал: «Было время, когда знание иностранных законодательств составляло роскошь юридического образования. За исключением римского права, приобретшего значение теории и слившегося со всеми национальными законодательствами Европы, юристы не считали необходимостью изучать чуждый им юридический быт. Было другое время, когда в чужих учреждениях искали пособия для внутренних преобразований и считали возможным совершенное перенесение первых из одного государства в другое. В наше время вера в такие заимствования не существует, и однако никогда еще изучение иностранного права не имело такого значения, как теперь. Без него теперь нельзя быть ни историком,

[1] Текст данной лекции был напечатан в газете «Московские ведомости» (№ 238) и издан отдельной брошюрой. См.: Вступительная лекция исправляющего должность экстраординарного профессора по Кафедре иностранных законодательств Ф. М. Дмитриева, читанная в Московском университете 5-го октября 1859 года. М.: Унив. тип., 1859.

ни юристом»[1]. В дальнейшем изложении молодой профессор объяснял, какое значение имеет изучение иностранного права для русского правоведа. «Время теорий, построенных вне истории, вне опыта, прошло безвозвратно, — констатировал Федор Михайлович в заключительной части своего выступления. — Оттого-то мы не можем более довольствоваться поверхностным знакомством с общественным устройством других народов. Внимательное изучение исторического развития права на возможно большем пространстве перестало быть роскошью науки, оно сделалось теперь ее первою необходимостью»[2].

Учебная программа юридического факультета, предусмотренная Уставом 1863 года, вполне соответствовала новым задачам, стоявшим в то время перед русской юриспруденцией. Будущие правоведы ориентировались ею на изучение не только отечественного, но также иностранного правового опыта. Российское юридическое образование ставилось новым Университетским уставом на фундамент мировой правовой культуры.

---

1 *Дмитриев Ф. М.* Сочинения. Том 2. Статьи и исследования. М., 1900. С. 191.

2 Там же. С. 202.

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

УНИВЕРСИТЕТСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В РОССИИ В XVIII — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА: ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ АКТЫ

1724 год

28 января
Именной, объявленный из Сената

«Об *учреждении Академии и о назначении для содержания оной доходов таможенных и лицентных, собираемых с городов Нарвы, Дерпта, Пернова и Аренсбуга*».

С приложением проекта об учреждении Академии[1]

Его Императорское Величество указал учинить Академию, в которой бы учились языкам, также прочим наукам и знатным художествам, и переводили бы книги. А января 22 дня, Его Императорское Величество, будучи в Зимнем доме и слушав о сочинении той Академии проекта, на котором собственной Своей рукой подписать изволил тако: на содержание оных определить доходы, которые собираются с городов Нарвы; Дерпта, Пернова и Аренсбурга таможенных и лицентных, 24912 рублей; и по тому Его Императорского Величества указу Правительствующий Сенат приказали: оные доходы собирая, содержать в рентереи, из которых отпускать в ту Академию по указам из Сената. А кроме того ни на какие расходы не употреблять. И о том в Камер-Коллегию и в Штатс-Контору указы посланы.

---

[1] Публикуется по: 1-ПСЗРИ. Том 7. № 4443. С. 220–224.

Проект учреждения Академии с назначением на содержание оной доходов.

К расположению художеств и наук употребляются обычайно два образа здания: первый образ называется Университет; второй Академия или социетет художеств и наук.

§ 1. Университет есть собрание ученых людей, которые наукам высоким, яко Теологии и Юриспруденции (Прав искусству) Медицины и Философии, сиречь до какого состояния оные ныне дошли, младых людей обучают; Академия же есть собрание ученых и искусных людей, которые не только сии науки в своем роде в том градусе, в котором оные обретаются, знают, но и через новые инвенты (издания) оные совершить и умножить тщатся, а об обучении прочих никакого попечения не имеют.

§ 2. Хотя Академия из тех же наук и тако из тех же членов состоит, из которых и Университет; однако же де обои сии здания в иных Государствах для множества ученых людей, из которых разные собрания сочинить можно, никакого сообщения между собой не имеют, дабы Академия, которая токмо о приведении художеств и наук в лучшее состояние старается, учением в спекуляциях (размышлениях) и разысканиях своих, от чего как Профессора в Университетах, так и Студенты пользу имеют, помешательства не имела, а Университет некоторыми остроумными разысканиями и спекуляциями от обучения не отведен был и тако молодые люди оставлены были.

§ 3. Понеже ныне в России здание к возвращению художеств и наук учинено быть имеет, того ради невозможно, чтобы здесь следовать, в прочих Государствах принятому образу, но надлежит смотреть на состояние здешнего Государства, как в рассуждении обучающих, так и обучающихся, и такое здание учинит, через которое бы не токмо слава сего Государства для размножения наук нынешним временем распространилась, но и через обучение и расположение оных, польза в народе впредь была.

§ 4. При заведении простой Академии наук обои намерения не исполнятся, ибо хотя через оную художества и науки в своем состоянии производятся и распространяются, однако же де оные не скоро в народе расплодятся, а при заведении Университета, меньше того, ибо когда рассудишь, что еще прямых школ, Гимназий и Семинарий нет, в которых бы молодые люди началам обучиться и потом выше градусы наук восприять и угодными себя учинить могли, то невозможно, дабы при таком состоянии Университет некоторую пользу учинить мог.

§ 5. И тако потребнее всего, чтобы здесь таковое собрание заведено было, ежели бы из самолучших ученых людей состояло, которые довольны суть.

1. Науки производить и совершить, однако же де тако, чтобы они тем наукам.

2. Молодых людей (ежели которые из оных угодны будут) публично обучали и чтобы они.

3. Некоторых людей при себе обучали, которые бы молодых людей первым фундамента (основательствам) всех наук паки обучать могли.

§ 6. И таким бы образом одно здание с малыми убытками то же бы с великой пользой чинило, что в других Государствах три разные собрания чинят, ибо оная.

1. Яко бы совершенная Академия была, понеже довольно бы членов о совершенстве художеств и наук трудились.

2. Егда оные же Члены те художества и науки публично учить будут, то подобна оная будет Университету, и такую же прибыль произведет.

3. Когда данные Академикам молодые люди, которым от Его Императорского Величества довольное жалование на пропитание определено будет, от них науку принявши и пробу искусства своего учинивши, молодых людей в первых фундаментах обучать будут, то оное здание таково же полезно будет, яко особливое к тому сочиненное собрание, или Гимназиум.

При том же бы вольные художества и мануфактуры, которые уже здесь заведены суть, или впредь еще заведены быть могут, от помянутого заведения пользу имели, когда им удобные машины показаны и инструменты их исправлены будут.

§ 7. И понеже сие учреждение такой Академии, которая в Париже обретается подобно есть (кроме сего различия и авантажа, что сия Академия и то чинит, что Университету или Коллегии чинить надлежит): того для я надеюсь, что сие здание удобнейше Академией названо быть имеет.

Науки, которые в сей Академии могут учинены быть, свободно бы в 3 класса разделить можно: в 1-м классе содержались бы все науки Математические и которые от оных зависят, во 2-м, все части Физики; в 3-м Гуманиора, История и Права.

§ 8. К первому классу четырех персон надобно: первой надлежало бы упражняться матезии сублимиори, яко Арифметикой, Алгеброй и Геометрией и прочими частями теоретическими.

Второй бы тщание иметь к Астрономии, Географии, Навигации.

Третьей и четвертой о Механике.

§ 9. Второй класс разделяется в четыре части, а именно: 1 Физику теоретическую и экспериментальную, 2 Анатомию, 3 Химию, 4 Ботанику, и такожде четырех персон к тому иметь надлежало бы.

А за нужду мог бы Академик матезиос сублимиорис за Академика Физики теоретической и экспериментальной отправлять, ибо собственно Физика Генеральная ни что иное есть, токмо аппликация к телесам.

Третий класс состоял бы из тех членов, которые в Гуманиорах и прочем упражняются, и сие свободно бы трем персонам отправлять можно: первая Элоквенцию и Студиум Антиквитатис обучала, 2-я Историю древнюю и нынешнюю, а 3-я Право Натуры и Публичное купно с Политикой и Этикой (нравоучением).

Аще же при том Экономия учена будет, то похвально и весьма полезно, ибо в общем жительстве учением ее великая прибыль и польза чинится.

§ 10. Кроме сих членов, особливый Секретарь потребен, который все, что в Академии предлагается, в протокол вносит, в порядок приводит и то, что достойно есть, ежегодно или через каждые два года публикует, и купно с Библиотекарем корреспонденцию с учеными людьми держит.

§ 11. Должность Академиков: 1) все, что в науках уже учинено, разыскивать, что к исправлению или приращению оных потребно есть, производить, что каждый в таком случае изобрел сносить, и то Секретарю вручит, который тогда понужден будет оное, когда надлежит, описывать.

2.) Каждый Академик обязан в своей науке добрых Авторов, которые в иных Государствах издаются, читать, и тако ему легко будет экстракт из оных сочинить; сии экстракты с прочими изобретениями и рассуждениями имеют от Академии в назначенные времена в печать отданы быть.

3.) Понеже Академия не что иное есть, токмо социетет (собрание) персон, которые для произведения наук друг друга вспомогать имеют; того ради весьма надобно, чтобы они еженедельно несколько часов в собрании были и тогда каждый мнение свое предлагать, советом и мнением других пользоваться и партикулярно учиненные эксперименты в присутствии всех членов поверять может; и сие последнее весьма надобно для того, что в таких экспериментах многократно один другого, яко на пример Анатомикус Механика и проч.: к совершенной демонстрации требует.

4.) Еще же Академия повинна: все дежуверты (изобретения), которые в помянутых науках иногда предложены будут рассматривать, и свою апробацию откровенно о том сообщать, сиречь верны ли оны изобретения.

2. Великой ли пользы суть, или малой.

3. Известны ли оные прежде сего были, или нет.

5.) Ежели Его Императорское Величество потребует, чтобы Академикус из своей науки некоторое дело сыскивал, то повинен он то со всем прилежанием чинить, и о том в надлежащее время (ибо суть многие дела, которые вельми малы быть кажутся, однако же де долговременное разыскание требуют) отповедь дать.

6.) Каждый Академикус обязан систем или курс в науке своей в пользу учащихся молодых людей изготовить; а потом оные имеют на Императорском иждивении на Латинском языке печатаны быть.

И понеже Российскому народу не токмо в великую пользу, но и во славу служить будет, когда такие книги на Российском языке печатаны будут, того ради надлежит при каждом классе Академическом одного переводчика и при Секретаре одного же, и тако во всех четырех классах определить.

7.) Такожде и чужестранным великая забава будет, понеже ежегодно 3 публичные ассамблеи уставлены и от одного члена Академии разговор из своей науки чинен будет и в оной похвалы протектора (защитителя) введены будут.

8.) А чтобы Академики в потребных способах недостатку не имели, то надлежит, дабы Библиотека и натуральных вещей камора Академии открыта была; а над оной надлежит Библиотекарю партикулярную дирекцию иметь и власть те книги и инструменты, которые Академии надобны, выписать, или здесь делать и понеже за потребные вещи к экспериментам, которые от того или другого Академика партикулярно или публично делаются, из казны платится: того для имеет он Академикам помянутые вещи промышлять, и надлежащий о том счет учинить. Еще имеет он купно с Секретарем корреспонденцию вести и тако надлежит ему в подмогу одного определить.

Такожде может он Переводчиков библиотеки и натуральных вещей каморы употреблять.

9.) Без живописца и градировального мастера обойтись невозможно будет, понеже издания, которые в науках чиниться будут (ежели оные сохранять, и публиковать) имеют рисованы и градированы быть.

§ 12. Сие есть собственный образец Академии Художеств и Наук, о пользе и намерении ее выше уже упомянуто, сиречь: 1, дабы науки размножены и в лучшее состояние приведены были; 2, все издания сысканы и апробованы; 3, от оной системы учащимся молодым людям изготовлены были; но сие служит токмо к произведению в лучшее состояние наук.

§ 13. А понеже в том намерении Университета смотрится, которые науки всему народу объявляет, такожде и Гимназия в котором молодые люди нужным наукам обучаются; того ради я объявлю, каким образом одним зданием обои намерения исполнить можно и не надобно особливые собрания сочинять.

§ 14. В Университете, как уже упомянуто, четыре факультета имеются, а именно: 1. Теология, 2. Юриспруденция, 3. Медицина и 4. Философия, Факультет Теологии здесь отставляется, и попечение о том токмо Синоду предается; а тако прочие три факультета обретаются, а именно:

§ 15. 1.) Юридический факультет, при оном Академик 3 класса, которой науки практики, яко Политику, Этику и Право Натуры учить быть может, аще же еще похочется славного, Правам искусного человека при том определить, оное толь наилучше бы было.

2.) Медицинский факультет совершенно из 2 класса, сиречь Анатомика, Химика и Ботаника сочинен быть может.

3.) Факультет Философии не может в совершенстве больше сего быть, ибо Академик Матезис Сублимиорис может Профессором Логики и Метафизики и Математики генеральной быть, и при том же Физику генеральную и экспериментальную учить, а прочие собственные части Математики можно прочим Академикам 1-го класса, яко Астроному и Механику разделить.

Гуманиора яко Элоквенцию, студиум-антиквитатис Историю обучать могут к тому определенные Члены 3 класса.

§ 16. Помянутые и в некоторые классы разделенные Академики обязаны будут в своей науке ежедневно один час публичные лекции иметь, как и в прочих Университетах.

§ 17. Ежели который Академик похочет за деньги партикулярные коллегии иметь, то ему позволено: однако же де не надобно ему токмо ради корысти вельми много Коллегиев держать, и тем прочим своим наукам и размышлениям вред чинить.

§ 18. А чтобы пользу от сих обучений иметь, к тому требуются угодные люди которые Гуманиора отчасти знают и некоторое малое искусство Философии и Математики имеют; того ради весьма

нужно, дабы каждому Академику один или два человека из младых Студентов даны были и довольным жалованием снабдены, которые со всем прилежанием обучаться, и Академикам вспомогать имеют; и понеже помянутые молодые люди под дирекцией Академиков без своих убытков наукам обучаться и притом (ежели себя хорошо ведут, и некоторые пробы искусства своего объявят) надежду имеют произойти и учителям своим наследовать: и тако подобает, чтобы они за такую добродетель благодарствовали; того ради имеют оные тех, которые учиться начинают первым фундаментам наук обучать, дабы и те со временем учением Академическим пользоваться могли, и таким образом можно бы без великих убытков намерение нижней школы исполнить.

Резол. Надлежит по два человека еще прибавить, которые из Славянского народа, дабы могли удобнее Русских учить, а каких наук, написать именно.

Аще же Его Императорское Величество ныне или со временем сему собранию такую привилегию пожаловать соизволит, чтобы они тем, которые в науках произошли, градусы Академиков давать могли, сие бы вельми к возвращению ее служило.

Резол. Позволяется.

Но чтобы сие здание непременно и полезно было, то имеет оное токмо под ведением Императора, яко протектора своего, быть и само себя править, еже учиняется когда из оных или непременный Президент или попеременно один по другом каждый год или полгода выбирается.

§ 19. Ученые люди, которые о произведении наук стараются, обычайно мало думают на собственное свое содержание, того ради потребно есть, чтобы Академии Кураторы непременные определены были, которые бы на оную смотрели, о благосостоятельстве их и надобном приготовлении, старались нужду их Императору при всех оказиях предлагали и доходы в своем ведении имели.

Резол. Надлежит учинить Директора, двух товарищей и одного Комиссара над деньгами.

§ 20. Но надлежит, чтобы сии доходы достаточны, верны и неоспоримы были, дабы оные люди не принуждены больше о своем и фамилии своей содержание стараться, нежели о возвращении наук наипаче, понеже все такие люди суть, которым жалованием своим жить надобно, ибо трудно поверить, чтобы кто охоту имел к службе чужого Государя то прожить, что он в своем отечестве имеет.

Резол. Давать деньги, с верхних зачиная.

§ 21. И тако хотя бы как поступать, то однако же де все то без 20,000 рублей зачать невозможно.

Резол. Доход на сие определится 24,912 рублей, которые собираются с городов Нарвы, Дерпта, Пернова и Аренсбурга таможенных и лицентных.

1747 год

24 июля «Регламент Императорской Академии Наук и Художеств в Санкт-Петербурге»[1]

Объявляем во всенародное известие. Понеже всем известно есть, какое попечение имел, при жизни Своей, вседражайший Наш Родитель, блаженные и вечной славы достойные памяти, Государь Император Петр Великий, об обучении народа своего, чего для, Академию Наук, и при оной Художеств установить, и Профессоров и прочих до того людей из других Государств выписать повелел. А в 1725 году вседражайшая ж Наша Родительница, блаженные и вечнодостойные памяти, Государыня Императрица Екатерина Алексеевна, желая все, начатые от Его Императорского Величества труды, к окончанию привести, Академию Наук учредить изволила. Того ради Мы, имея матернее попечение о приращении в народе Нашем художеств, и совершая полезные дражайших Родителей Наших виды, той Академии и оной Художеств, каким образом ученые люди при оной Академии и в прочем поступать имеют: о том Всемилостивейше Регламент опробовать и подписать, и оным Академию Наук снабдить изволили, (которой Регламент особливо в печать издан). И по тому все наши верноподданные, для обучения статских наук и художеств, как Дворяне, так и всякого звания люди, кроме положенных в подушный оклад, для учинения себя к службе Нашей годнейшими, пренебрегать не имеют, детей и свойственников своих в Академию отдавать, где тем наукам и художествам, которых кто пожелает, без всякой платы, токмо на собственном своем содержании, обучать повелели.

---

[1] Публикуется по: 1-ПСЗРИ. Том 12. № 9425. С. 730–739.

Регламент Императорской Академии Наук и Художеств в С.-Петербурге.

Излишнее дело пространно о том писать, что к благосостоянию всякого Государства, науки и художества есть дело необходимо потребное; то только надобно знать, каким образом оные производить, и к пользе отечества обращать. Еще при жизни, блаженные и вечнодостойные памяти, Государя Императора Петра Великого, сочинен к основанию сих двух Департаментов проект; и один, то есть для Академии Наук, собственною Его Императорского Величества рукою подписан и апробован, а о другом ничего не учинено, за кончиной жизни Его Величества. Но в следующее время, а именно, при достохвальном владении, блаженные и вечнодостойные памяти, Государыни Императрицы Екатерины Алексеевны, как тому, так и другому намерению Государя Петра Великого доброе начало и основание положено; однако по сие время, Академия Наук и Художеств плодов и пользы совершенной не произвела, по тому только одному, что не положен был Регламент и доброе всему определение, и не сочинен был штат, как должностей всех, так и их содержания; что намерен был, не токмо Сам Государь Император Петр Великий, но и Государыня Императрица Екатерина Алексеевна конечно учинить, ежели бы смерть не застигла Обоих сих Монархов.

Академия Наук разделяется на Академию собственно и на Университет.

1. Академия собственно называется собрание ученых людей, которые стараются познать и разыскивать различные действия и свойства всех в свете пребывающих тел, и через свое испытание и науку, один другому показывать, а потом общим согласием издавать в народ. Сии люди, не только о том стараются, чтоб собрать все то, что уже в науках известно, но и далее трудятся в изобретениях поступать. Видно по сему, что такие люди заняты беспрестанным трудом, чтоб делать свои примечания, читать книги, и вновь сочинять их; чего ради им времени мало останется на то, чтоб обучать других публично. И так определяются особливые Академики, которые составляют Академию, и никого не обучают, кроме приданных им Адъюнктов и студентов, и особливые Профессора, которые учить должны в Университете, о которых под учреждением Университета определено будет. Но ежели нужда

востребует и время допустит и Академику трудиться в Университете, в таком случае отдается на Президентское рассуждение, чтоб определить он мог и Академика, по усмотрению, для читания потребных лекций в Университете.

2. Государству, не может быть инако, яко к пользе и славе, ежели будут такие в нем люди, которые знают течение тел небесных и времени, мореплавание, Географию всего света и своего Государства; чего ради иметь надлежит первый класс Академиков, который состоять должен из Астрономов и Географов. Польза непосредственно та от них, что мореплаватели будут искуснее в Государстве, которые, не токмо описание всех земель подлинные сочинить, но иногда и незнаемые изобретать могут.

3. Все Государства, а наипаче Российское, имеют случай к тому, чтоб примечания и новые изобретения делать в травах, деревах, камнях, солях, рудах, одним словом, во всем том, что внутрь и на поверхности земли находится. И как всех сих вещей, по большей части, не только добродетели и надобности, но имена часто не известны: то надлежит иметь второй класс Физический, который состоит из Ботаника, искусного и в Истории Натуральной, из Анатомика и из Химика.

4. В Государстве, в котором учреждена уже Полиция добрая, художества, мануфактуры, армия, флот, чужестранное купечество, необходимая нужда стараться изобретать материи, краски, и различные художества; надобны всякие машины, как к армии, так и к флоту, добрая архитектура, гражданская и военная, искусное выливание пушек, чищение каналов, рек и их сообщение, учреждение фабрик, шелковых и суконных, земледелие и сады и прочие бесчисленные нужды, которые к полиции принадлежат. Сих ради причин надобен третий класс Физический же, только соединен с Математическим, в котором должен быть Академик Физики экспериментальной, и будет он упражняться в экспериментах и в распространении нижних частей Математических. Другой Академик, который должность иметь будет Механика, его должность будет изобретать всякие машины, которые бы были полезны в гражданской и военной Архитектуре и в прочем.

5. Кроме знаний, до натуральных вещей касающихся, которые всякое Государство для своего совершенства иметь должно, часто случается нужда в измерении веса, меры, сравнения между собой вещей натуральных и художественных. Того для, определяется один Математик вышней Математики, который не только должен давать решения на задачи других Академиков, но и то решить, что прислано будет из других мест.

6. Для содержания Истории Академии, надлежит быть Секретарю, о котором, так как и о его должности, ниже будет упомянуто.

7. Почетным Членам быть при Академии, и исправлять должность также Академиков, а именно, посылать к ним трудные Академические изобретения для освидетельствования, и от них требовать их собственных изобретений в науках; а обязывать их к тому не большим жалованьем, то есть не свыше 200 рублей, и иметь их не больше десяти человек; чего ради и нынешних оставить, так как они есть. А впредь смотреть, чтоб во всех Европейских знатнейших Государствах по одному было, дабы Академия, изо всех мест Европы, иметь могла корреспонденцию. Сверх означенных десяти Почетных Членов, которым определены пенсии, позволяется Президенту в почетные же Члены Академии принимать без пенсий, всяких наук ученых и славных людей, также и знатных персон, как Российского, так и чужестранных Государств.

8. Сим образом заключается, что Академиков должно быть десять, и они собственно сим именем называются, а не профессоров; и Почетных вне Государства десять же. В которых прилежании состоит разыскание всех вещей натуральных и художественных.

9. Всяк Академик иметь должен при себе Адъюнкта, который должность имеет помощника Академику; а при том стараться должен, как Академик об Адъюнкте, так и Адъюнкт сам о себе, чтоб ему со временем заступить Академика своего, по отбытии его, место; чего ради Адъюнкт должен в делах, до наук касающихся, у своего Академика и Переводчиком служить.

10. Понеже для того собрания надобно людей держать таких, которые бы через науки и искусство, книгами их свету оказанное, были совершенны, а в службу их инако призывать не возможно, как только по контракту; то сие справедливо, что на всякого из них положить невозможно известного жалованья, но иного за меньшие, а другого за большие деньги иметь можно; да к тому же, как они уже никаких повышений в рангах ожидать не имеют, и потому могут остаться без авантажа: того ради определение им жалованья отдается на волю и рассуждение Президента, дабы, смотря по трудам всякого, мог он награждение делать в прибавке жалованья; только смотреть того, чтоб сумма не превосходила на десять сих Академиков, и на десять Почетных Членов, свыше положенной в штате, так как и Адъюнктам, чтоб искусных и прилежных отменить от ленивых и нерадетельных, которым производить жалованье, по рассмотрению Президента, бравши аттестаты от Академиков.

Должность Академиков и Адъюнктов.

11. Всеми Академиками, Адъюнктами, так как Университетом, Канцелярией и прочими Департаментами, до Академии Художеств касающимися, определенный от Ее Императорского Величества президент управляет и повелевает. Он смотреть должен, чтоб всяк везде у своего звания был прилежен, и напрасно на него иждивение было не употреблено. В прочем Академия Наук и Художеств, быть должна под единственной Ее Императорского Величества протекцией и ведением, по прикладу других Европейских Государств, а под Президентским правлением, от которого им указы, именем Ее Императорского Величества, даваны быть могут, а в небытность его, Канцелярия Академическая его Президентскую должность отправлять имеет.

12. Президент имеет совершенную власть выписать или отпустить надлежащим порядком всякого Академика, ежели когда нужда того востребует.

13. Ежели когда случай придет произвести кого в Академики из Адъюнктов, или выписать: то недовольно, чтоб был токмо науки великой человек, но при том чтоб состояния был честного и доброго, как из Российской, так из иностранной нации; а при том стараться, чтоб Адъюнкты были все из Русских, и никто, как в Академики, так и в адъюнкты не может войти, не показав ученому свету в чем-нибудь своей науки.

14. В начале всякого года, то есть Генваря, по крайней мере в первых числах, Академик всякий должен в собрании своем письменно объявить, в чем он будет в будущий год трудиться, и по прошествии всякой трети года, а именно, когда время придет жалованье брать, всяк должен на письме подать Президенту, что он сделал, и как далеко со своим Адъюнктом, в наставлении его пришел.

15. Собрания Академические должны быть по три раза в неделю. Во всякое заседание по череде, начав от старшего Академика, должны читать свои изобретения перед прочими от 9 до 12. Когда одна диссертация не окончена будет в одно заседание, то оную оставить до следующего, а не к будущей череде покидать. Адъюнкты свой голос также имеют и сидеть должны у того же стола, рядом с Академиками.

16. Академик всякий должен в том только трудиться для общества, что к его науке принадлежит, так как на пример, Ботаник не должен вступаться в Математические дела, Анатомик в Астрономические, и прочее.

17. Новое изобретение, которое должно быть напечатано в комментарии Академическом, не должно быть в оной внесено без позволения Президента; ибо собою Академик, тем меньше Адъюнкт, ничего определить не могут, о чем не позволено будет от Президента, а в небытность Президента, от Канцелярии.

18. И чтоб такие собрания были порядочны, то надобно при том быть одному Секретарю, который писаться и называться будет Конференц-Секретарь Академии, у которого в руках быть должен журнал собрания Академического. Секретарь иметь должен в порядке все ученые письма и изобретения от Академиков, и без расписки никому из архива ничего не выдавать, также корреспонденцию с учеными людьми, и все ордера или указы, которые Президент, а в небытность его, Канцелярия пришлет, содержать в порядке, и для того надобен при Секретаре Архивариус.

19. Как все изобретения, так и журнал, и все, что в собрании Академиками отправляться имеет, должно писано быть на Латинском, или Русском языке, а Французский и Немецкий, никогда употреблен быть там не должен.

20. Когда сношение какое-нибудь Академики должны иметь с коллегией какой, или другим посторонним местом, в деле, касающемся до науки, или другого дела их домашнего; о том бы рапортом объявили Президенту, а в небытность его, Канцелярии, дабы Академики ни в какие хлопоты и приказные сношения не вступали.

21. При начале всякого года, Академики должны предложить задачу, которую Президент, через Конференц-Секретаря, публиковать имеет в свет, для решения, с обещанием положенного награждения, которое дано будет тому, кто решит справедливее задачу, а производить сие таким образом, как то при прочих Академиях водится.

22. Все примечания или новые изобретения Академиков должны отданы быть в руки для сохранения Конференц-Секретарю, с квитанцией, дабы ничто не было утрачено; и все эксперименты, учиненные дома, должны повторены быть в собрании публично в присутствии Президента.

23. Академики, противного между собою мнения в деле ученом, должны пристойные чести споры иметь, и почитать всяким образом то место, где они присутствуют; а в противном случае, Конференц-Секретарь, пристойным образом, в должности Прокурора, запретить может, и о том Президенту отрапортовать.

24. Всяк из Академиков читать должен новых авторов в своей науке; и как скоро о книге какой уведает, то оные требовать должен из

библиотеки, а потом, сделав на оную свои примечания, объявить в собрании; и буде что достопамятно, то Президент прикажет перевести на Российский язык и напечатать.

25. Когда Академики уведают где о новоучиненном эксперименте, то должен тот Академик, до которого сие надлежит, в собрании оной повторить, и записать в журнал сходство, или несходство, обстоятельно.

26. Между прочим своим трудом, Академики сочинять должны в своей науке книги, которые бы, в славу и пользу России, могли на Российский язык переведены быть и напечатаны; однако ж никакая книга в печать отдана быть не может, пока вся не прочитана по листам в собрании перед всеми Академиками, или от тех, кому сие поручено будет от Президента; и для того, при начале книги, всегда печатать апробацию, за подписанием Президента и контрасигнацией Конференц-Секретаря.

27. Когда какая вещь прислана будет для свидетельства, из которого ни есть места: тогда должны освидетельствовать с прилежанием, и о том письменно Президенту рапортовать.

28. Никто не может быть введен в обыкновенное Академическое собрание из посторонних людей, разве через самого Президента, или по его приказу, через Секретаря; следовательно и тот, кто бы имел какую вещь, рассуждения Академического достойную, представить.

29. Всякий год должно иметь три ассамблеи публичных, в которых может, по избранию Академическому, в своей науке Академик один читать диссертацию на Латинском языке, а другой на Русском; но прежде, нежели читано будет на Латинском языке, надлежит то же перевести на Русский, и напечатав, раздать званым в собрание слушателям. Первое такое собрание быть должно в память основателя Академии, Петра Великого, в начале Генваря; второе в память Государыни Императрицы Екатерины Алексеевны, в начале Мая; а третье должно быть после дня Пророка Захария и Елизаветы.

30. Во всякое заседание президент имеет свое заседание в первом месте стола, а прочие Академики по сторонам, по старшинству их вступления в службу.

31. В определении дела, до наук касающегося, поступать должно по множеству голосов, и всякое определение быть должно в присутствии Президента, а в небытность его, должность в ученых делах отправляет старший в собрании Член.

32. В конце Ноября месяца Конференц-Секретарь должен публиковать, с переводом Русским, содержание всех диссертаций, которые

в целый год учинены, и при том прикладывать свои ученые, обо всем помянутом, рассуждения.

33. Президент учрежденный в Академии порядок с крайней строгостью хранить и наблюдать должен. Академикам, при первом заседании, объявлять вышеписанное учреждение, дабы отговариваться никто не мог неведением; чего ради иметь всегда должен в своих руках копию с сего Регламента Конференц-Секретарь.

Польза от сих Академиков следующая:

34. Когда из какого-нибудь Департамента в Государстве требовано будет от Академии Наук сочинение какого проекта, или решения, или известия в географии, в мореплавании, в ботанике, химии, изобретение машины, или что ни есть иное потребуется в Адмиралтейство, в Полицию, к заводам, рудным, соляным, к земледелию и прочее: тогда Президент из Канцелярии тотчас назначить должен к тому способных людей из числа Академиков, и они должны в том трудиться, и труд свой в Канцелярии объявить, о чем будет, то место, от которого что требуется, по порядку канцелярскому из Канцелярии уведомлено. Или ежели когда кто из Академиков сделает какое-нибудь изобретение, которое служить может, или к пользе полиции, или к силе военной и проч.: то Академики о том должны донести письменно Президенту, а в небытность его, Канцелярии, которая тотчас сообщит туда, куда сие принадлежит.

35. Когда потребуется какой-нибудь человек ученый, в какое бы то место ни было, в Адмиралтейство, или в какую иную Коллегию, в службу Государеву: то запрещается самим оного выписывать, а сообщить о том порядком канцелярским в Канцелярию Академическую, дабы не упущен был случай Русского человека на то употребить, ежели при Академии находится, а ежели нет, то она должна выписать, имев большее о том сведомство, нежели все другие места.

Другая часть Академии, есть Университет.

36. Россия не может еще тем довольствоваться, чтоб только иметь людей ученых, которые уже плоды науками своими приносят; но чтобы всегда на их места заблаговременно наставлять в науках молодых людей, а особливо что за первый случай учреждение Академическое не может быть сочинено инако, как из иностранных по большей части людей, а впредь должно оно состоять из природных

Российских; того ради к Академии другая ее часть присоединяется, Университет.

37. Университет есть собрание учащих и учащихся людей. Первые называются Профессора, а другие студенты, профессора не обучают языков, но обучают наук. Того ради студенты должны уже искусны быть в языке Латинском, дабы лекции в науках, которых на ином ни на каком языке давать не позволяется, как токмо на Латинском и Русском, могли они совершенно разуметь: сего ради надлежит выбрать из училищ Российских, где Президент за лучше усмотрит, тридцать учеников способных и знающих уже Латинский язык, и оных определить при Академии, дав им жалование и квартиру такую, чтоб они все могли быть в одном доме. А чтоб впредь сие число студентов могло всегда наполняться, то учредить Гимназию, при которой двадцать человек молодых людей содержать на коште Академическом, и годных производить в студенты, а негодных отдавать в Академию Художеств; только смотреть, чтобы как число студентов, так и число учеников в Гимназии, которые, как одни, так и другие содержаться имеют на коште Академическом, не превосходило положенного; ибо вольных людей принимать свыше сего позволяется, сколько случатся, и за науку ни от кого, как Академии, так Профессорам и учителям от учеников ничего не требовать.

38. Университет учрежден быть должен по примеру прочих Европейских Университетов, как выше упомянуто. В нем перво иметь надлежит школы для языков Латинского, Греческого, Французского и Немецкого, чего обучать имеют учителя. Из сих школ производиться имеют ученики в студенты, и принимать лекции Профессорские на Латинском или Русском языке, которые имеют быть трех классов, как то Математические, Физические и Гуманиора.

39. Ежели таким образом заведены науки, то сие известно, что в Государстве люди способные весьма надобны; и так из Университета не одни только будут такие происходить, которые бы наполняли корпус Академической; но то бы весьма не мешало, ежели бы во всех состояниях, как военном, так и гражданском, внутрь и вне Государства, были Российские люди ученые.

40. Для сего надобно из Кадетского Корпуса тех, кто желает статских наук обучаться, на такие лекции в Университет отсылать, которых у них не учат, дабы Профессора никогда не были праздны, и тем не отговаривались, что у них нет учеников.

41. Принимать в Университет из всяких чинов людей, смотря по способности, кроме положенных в подушный оклад; а ежели такие

найдутся принятые прежде, и обучившиеся в Академии, таких удержать при Академии в службе. На содержание Академическое в Университет из Дворян не принимать, разве из бедных, а обучаться им на своем коште; Дворяне так же имеют своих авантажей ожидать, как и в Кадетском Корпусе, ежели они по экзамене Академическом явятся в науках довольны, только всякий ученик должен принести аттестат от Герольдмейстерской Конторы.

42. Кто обучался на своем содержании, того Академия в свою службу удержать не может, и он к корпусу Академическому не принадлежит; а ежели обучаться такие свободные люди высоких наук, о таких делать представление в надлежащих местах, дабы они определены были в статские чины по достоинствам их, и давать им ранги Обер-Офицеров Армейских.

45. Профессоры, при начинании такого дела, могут быть всякого закона люди, только при вступлении в свою должность присягой обязываться должны, чтоб им, ни учением, ни советом о законе, противном православному Греческому исповеданию, не внушать ничего учащимся. Чего ради духовник быть должен при Университете из ученых Иеромонахов, который в большой аудитории всякую субботу учить должен катихизиса, и содержать его на жаловании Академическом, и при том крепко надзирать, чтоб закон Божий и предания Святых Отец действительно от всех были исполняемы.

44. Все, как Профессора и учителя, так студенты и ученики, на Академическом и своем содержании обретающиеся в Университете, подтверждены Регламенту, который Президентом сочинен быть должен, по примеру Европейских Университетов, каким образом и когда чего учить и обучаться.

Науки в Университете отправляются следующие:

45. — 1. Латинский язык через Русский, в который не должен мешаться никакой иностранный, Французский и Немецкий.

2. Просодия.
3. Язык Греческий.
4. Латинское Красноречие.
5. Арифметика.
6. Рисовать.
7. Геометрия и прочие части Математики.
8. География, История, Генеалогия и Гетаральдика.
9. Логика и Метафизика.

10. Физика теоретическая и экспериментальная.

11. Древности и История литеральная.

12. Права натуральные и Философия практическая или нравоучительная.

46. Учителя все обучать должны на Русском языке, а профессора на Латинском.

47. Студенты производимы быть могут в Магистры, Адъюнкты, Профессора и Академики по примеру, принятому в Университетах, как то в Регламенте Университетском от Президента постановлено быть имеет.

48. Порядок наук быть должен следующий: Латинского языка перво надлежит обучаться столько, чтоб без нужды всякого автора разуметь было можно, а между тем и Греческого, Географии, Истории и Арифметики. Когда приведен будет ученик в Гимназии, что он без нужды будет Латинские лекции разуметь, то к Профессору Элоквенции в Университет перевести его должно, который курс профессор начинать должен с Просодии Латинской, и продолжать Риторику Латинскую. Риторики Русской или Элоквенции особливо не обучать; ибо кто знает, в чем Элоквенция на Латинском языке состоит, тот знать может и на всех языках оные правила, дабы время студентов в безнужных науках не было трачено. Между тем часы его разделены быть должны на Французский язык и рисование, буде охота есть. Сие окончив, Логики и Метафизики должен лекции принимать, а потом Физики теоретической и экспериментальной, и между тем Истории Гражданской, Литеральной, Генеалогии, Геральдики, Философии нравоучительной по порядку, только смотреть, чтоб один студент вдруг многими лекциями отягчен не был. Из всякой лекции в другую переводить с экзаменом.

49. Напоследок президент при себе должен всякие четыре месяца, когда рапорты принимает от Академиков, что они сделали, и что их Адъюнкты и студенты выучили, экзаменовать учеников в Гимназии и студентов в Университете, из чего узнать можно бы было труды учащих, а прилежание и успех учащихся. Таким образом интерес Государственной и Всемилостивейшее попечение Ее Императорского Величества не вотще будет употреблено.

О Канцелярии.

50. Канцелярия учреждается по указам Ее Императорского Величества, и оная есть Департамент Президенту для управления всего

корпуса Академического принадлежащий, в которой Члены быть должны по нескольку искусны в науках и языках, дабы могли разуметь должность всех чинов при Академии, и в небытность президента корпусом так, как Президент сам управлять, чего ради и в собрании Академиков иметь им голос и заседание. В ней надлежит со всеми иностранными людьми заключить контракты; делать прибавки и убавки, смотря по заслугам и достоинству, жалования; смотреть на труды всех чинов, таким ли они образом и то ли отправляют, к чему контрактами своими обязались; иметь сношение со всеми местами о делах, до Академии касающихся, и принимать указы и промемории. Одним словом, ученым людям и учащимся, кроме наук, ни в какие дела собою не вступать, но обо всем представлять Канцелярии, которая должна иметь обо всем попечение, наблюдая при том целость интереса, порядок экономии и всех трудов пользу; чего ради быть в ней, кроме Членов, которые имеют ранги Коллежских Членов, Секретарю, Актуариусу, Комиссару, Регистратору, Купчине, Лекарю с подлекарем, Переводчику, двум канцеляристам при Российских делах, одному при Немецких, двум подканцеляристам при Российских, а одному при Немецких делах, и осьмерым копиистам.

Библиотека и Кунсткамера.

51. Библиотекарь должен быть главный командир под Президентом Ее Императорского Величества Библиотеки и Кунсткамеры, и при нем Унтер-Библиотекарь, которым Библиотеку и Кунсткамеру в порядке и чистоте содержать, и новыми как книгами, так и вещами приумножать. При них быть моляру зверей и цветов, и Аптекарю для сбережения анатомических вещей и прочих препаратов. Такожде в дирекции Библиотекаря быть двум Переводчикам с Немецкого на Русской и с Русского на Немецкий язык, как для газет, так и для прочих издаваемых в народ политических сочинений.

52. Понеже в Библиотеке еще многих книг, а в Кунсткамере знатного числа курьезных вещей недостает; того ради на приумножение Библиотеки и Кунсткамеры определяется ежегодно из получаемых от книжной лавки доходов по 2.000 рублей, а на покупку всяких при Кунсткамере потребных припасов, яко спиртуса, склянок, камфары и прочих вещей, положить в штате умеренную сумму, которую ни на какие другие расходы не употреблять.

53. На содержание как при Ботанике огорода, и при Химии лаборатории, так и на исправление для Астрономии, экспериментальной

Физики и прочих наук всяких инструментов и других надобностей, и на раздачу обещаемого награждения ученым людям, которое упоминается под 21 артикулом, определяется также сумма.

Художества:

Типография.

54. Типографиям быть двум, одной для печатания книг на иностранных языках, а другой для Российского языка. В обеих Типографиях быть одному Фактору, которому иметь смотрение над всеми типографскими служителями, дабы всяк должность свою отправлял прилежно и радетельно, а при том же литеры, формы и станы содержать под добрым охранением, дабы от кого в том фальши произойти не могло, как о том в особливых инструкциях пространнее изъяснено быть имеет; а сколько каких людей при обеих Типографиях иметь, о том в штате ниже изображено.

Книжная лавка.

55. В книжной лавке надлежит учредить одного Фактора, который бы с иностранными книгопродавцами имел корреспонденцию для распространения книжного торга, и содержал бы приход и расход покупным и продажным книгам, чего ради придать ему двух помощников для доброго порядка и содержания чистоты в книжной лавке, и для расположения экземпляров, такожде и для писания приходных и расходных книг. А книжную лавку держать надлежит порядком купеческим, какой употребляется в книжных лавках иностранных, так чтоб она только отчет давала в деньгах и в числе книг в Канцелярию, несмотря на Регламент Адмиралтейский; ибо книгам цена всегда переменяется, и продажа оных бывает разными образами, а притом различие Авторов и их выходов почти бесчисленное.

Словолитное искусство.

56. Число людей к сему искусству и звания их в штате определяются, без которых обойтись при Академии невозможно.

Переплетное мастерство.

57. Смотреть по тому же в штате надлежит, а польза от сего искусства не только для Академии, но и для всех мест Государственных, откуда ученики для обучения присылаемы будут.

Типография гравировальных фигур.

58. Звания и должность их в штате определяются.

Художники и мастеровые люди.

59. Архитектор, гравировальщик портретов, гравировальщик проспектов, гравировальщик литер, живописец и инвентор, резного дела мастер, механик для делания инструментов Математических, мастер барометров, часовой, слесарной, столярной и токарной мастер. Каждый из них должен иметь одного подмастерья или по одному и по два ученика, как то в штате изображено; а производить им жалование, смотря по науке.

60. Ко всем художествам изо всех мест в Государстве принимать учеников без платы, на коште тех мест, откуда присылаемы будут.

61. Понеже все мастерские палаты должны иметь материалы: того ради определяется Инспектор над магазином, у которого в команде нижние служители и работники при всех Департаментах.

62. Определяется сумма особливая в штате на дрова и свечи для мастерских палат и прочих Академических Департаментов.

63. На всякие чрезвычайные расходы, також на бумагу, перья, чернила, сургуч и прочее, которых точно объявить не можно, положить надобно также сумму не великую, которую с запиской держать. Регламент и инструкции для всех палат мастерских сочинить Президенту, дабы всяк знал свою должность.

64. Ежели сверх того, что в сем Регламенте написано, Президент, смотря по обстоятельствам, за благо рассудить, в распорядках, до произведения наук и художеств касающихся, нечто прибавить или переменить, из чего может быть настоящая и очевидная польза, то сие ему позволяется, токмо чтоб без важных причин никаких отмен против сего Регламента учинено не было, и притом крайне того наблюдать, дабы ежегодные расходы положенной на содержание Академии наук и художеств суммы отнюдь не превосходили.

1755 год

24 января. Именной

«Об учреждении Московского Университета и двух Гимназий. С приложением Высочайше утвержденного проекта по сему предмету»[1]

Когда бессмертные славы в Бозе почивающий, Любезнейший Наш Родитель и Государь Петр Первый, Император Великий и обновитель отечества своего, погруженную во глубине невежеств, и ослабевшую в силах Россию, к познанию истинного благополучия роду человеческому приводил, какие и коликие во все время Дражайшей Своей жизни монаршеские в том труды полагал, не толико Россия чувствует, но и большая часть света тому свидетель; и хотя во время жизни толь Высокославного Монарха, Отца Нашего и Государя, всеполезнешие Его предприятия к совершенству и не достигли, но Мы Всевышнего благоволением, со вступления Нашего на Всероссийский Престол, всечасное имеем попечение и труд, как об исполнении всех Его славных предприятий, так и о произведении всего, что только к пользе и благополучию всего отечества служить может, чем уже действительно по многим материям все верноподданные Матерними Нашими милосердиями ныне пользуются, и впредь потомки пользоваться станут, что времена и действия повседневно доказывают. Сему, последуя, из Наших истинных Патриотов и зная довольно, что единственно Наше желание и воля состоит в произведении народного благополучия к славе отечества, упражняясь в том, к совершенному Нашему удовольствию прилежность свою и труд в общенародную пользу прилагали; но как всякое добро происходит от просвещенного разума, а напротив того зло искореняется, то следовательно нужда необходимая о том стараться, чтоб способом пристойных наук, возрастало в пространной Нашей Империи всякое полезное знание; чему подражая для общей отечеству славы, Сенат Наш, и признав за весьма полезное

[1] Публикуется по: 1-ПСЗРИ. Том 14. № 10346. С. 284–287.

к общенародному благополучию, всеподданнейше Нам доносил, что Действительный Наш Камергер и кавалер Шувалов поданным в Сенат доношением, с приложением проекта и штата об учреждении в Москве одного Университета и двух Гимназий, следующее представлял: как наука везде нужна и полезна, и как способом той просвещенные народы превознесены и прославлены над живущими во тьме неведения людьми, в чем свидетельство видимое Нашего века от Бога дарованного, к благополучию Нашей Империи Родителя Нашего Государя Императора Петра Великого доказывает, который Божественным Своим предприятием исполнение имел через науки, бессмертная его слава оставила в вечные времена, разум превосходящие дела, в столь краткое время перемена нравов и обычаев и невежеств, долгим временем утвержденных, строение градов и крепостей, учреждение армии, заведение флота, исправление необитаемых земель, установление водяных путей, все к пользе общего житья человеческого, и что наконец все блаженство жизни человеческой, к которой бесчисленные плоды всякого добра всечастно чувствам представляются; и что пространная Наша Империя установленною здесь Дражайшим Родителем Нашим, Государем Петром Великим, Санкт-Петербургской Академией, которую Мы между многими благополучиями своих подданных милосердиями немалой суммой против прежнего к вящшей пользе и к размножению и ободрению наук и художеств, Всемилостивейше пожаловали, хотя оная со славой иностранной и с пользой здешней плоды свои и производит, но одним оным ученым корпусом довольствоваться не может, в таком рассуждении, что за дальностью Дворяне и разночинцы к приезду в Санкт-Петербург многие имеют препятствия, и хотя ж первые к надлежащему воспитанию и научению к службе Нашей, кроме Академии, в Сухопутном и Морском Кадетских корпусах, в Инженерстве и Артиллерии открытой путь имеют, но для учения вышним наукам желающим Дворянам, или тем, которые в вышеписанные места для каких либо причин не записаны, и для генерального обучения разночинцам, упомянутый Наш Действительный Камергер и кавалер Шувалов, об учреждении вышеобъявленного в Москве Университета для Дворян и разночинцев, по примеру Европейских Университетов, где всякого звания люди свободно наукою пользуются, и двух Гимназий, одну для Дворян, другую для разночинцев, кроме крепостных людей, усердствуя Нам и отечеству, о вышеупомянутом изъяснял для таковых обстоятельств, что установление оного Университета в Москве тем способнее будет: 1) великое число в ней живущих Дворян и разночинцев; 2) положение оной среди Российского Государства, куда из

округ лежащих мест способно приехать можно; 3) содержание всякого не стоит многого иждивения; 4) почти всякой у себя имеет родственников или знакомых, где себя квартирой и пищей содержать может; 5) великое число в Москве у помещиков на дорогом содержании учителей, из которых большая часть не токмо учить науки не могут, но и сами к тому никакого начала не имеют, и только через то младые лета учеников, и лучшее время к учению пропадает, а за учение оным бесполезно великая плата дается; все ж почти помещики имеют старание о воспитании детей своих, не щадя иные по бедности великой части своего имения и ласкаясь надеждою произвести из детей своих достойных людей в службу Нашу, а иные не имея знания в науках, или по необходимости не сыскав лучших учителей, принимают таких, которые лакеями, парикмахерами и другими подобными ремеслами всю жизнь свою препровождали; и показывая он Камергер и кавалер Шувалов, что такие в учениях недостатки реченным установлением исправлены будут, и желаемая польза надежно через скорое время плоды свои произведет, паче ж когда довольно будет национальных достойных людей в науках, которых требует пространная Наша Империя к разным изобретениям сокровенных в ней вещей, и к исполнению начатых предприятий и к учреждению впредь по знатным Российским городам Российскими Профессорами училищ, от которых и в отдаленном простом народе суеверие, расходы, и тому подобные от невежества ереси истреблятся. Того ради Мы, признавая упомянутого Камергера и кавалера Шувалова представление, поданное Нам через доклад от Сената, за весьма нужное и полезное Нашей Империи следующее к благополучию всего отечества, и которое впредь к немалой пользе общего добра быть может, Всемилостивейше конфирмовали, и надеемся несомненно, что все Наши верноподданные, видя столь многие Наши об них Матерние попечения, как и сие весьма потребное учреждение, простираться станут детей своих пристойным образом воспитав обучить, и годными через то в службу Нашу и в славу отечества представить; а чтоб сие вновь предпринятое дело добрый и скорый успех имело с надлежащим порядком, без малейшего потеряния времени; того для Всемилостивейше Мы повелели над оным Университетом и Гимназиями, быть двум Кураторам, упомянутому изобретателю того полезного дела Действительному Нашему Камергеру и кавалеру Шувалову и Статскому Действительному Советнику Блюментроту, а под их ведением Директором Коллежскому Советнику Алексею Аргамакову; а для содержания в оном Университете достойных Профессоров и в Гимназиях учителей, и для прочих надобностей, как ныне на

первый случай, так и повсегодно, Всемилостивейше Мы определили довольную сумму денег, дабы ни в чем и никакого недостатка быть не могло, но тем более от времени до времени через прилежание определенных Кураторов, которым сие столь важное дело от Нас Всемилостивейше вверено, и через искуснейших профессоров науки в Нашей Империи распространялись и в цветущее состояние приходили, чего Мы к совершенному Нашему удовольствию ожидать имеем; и для того всех находящихся в оном Университете, Высочайшею Нашей протекцией обнадеживаем; а кои особливую прилежность и добропорядочные свои поступки окажут, те перед другими с отменными авантажами в службу определены будут; и об оном для всенародного известия сие Наше Всемилостивейшее соизволение публиковать повелели, о чем сим и публикуется. На каком же основании оному учрежденному в Москве Университету и Гимназиям, и в них Профессорам и учителям, и во скольких классах быть надлежит, о том публиковано будет впредь Регламентом, со внесением в оной всего, что потребно для лучшего установления оного Университета и Гимназии.

1755 год 12 января
Высочайше утвержденный проект об учреждении Московского Университета[1]

Доклад. Вашего Императорского Величества Действительный Камергер и кавалер Шувалов, сего Июля 19 дня в Правительствующий Сенат подал с приобщением проекта и штата доношение следующего содержания:

Как наука везде нужна и полезна и как способом той просвещенные народы превознесены и прославлены над живущими во тьме неведения людьми довольно известно.

Свидетельство видимого Нашего века, от Бога дарованного в благополучии Нашей Империи Государя Императора Петра Великого, премудрый сей Государь, Божественным своим предприятием исполнение имел через науки, бессмертная его слава оставила в вечные времена, разум превосходящие дела, в столь краткое время перемена наших нравов и обычаев, невежеством и долгим временем утвержденных, строение градов и крепостей, учреждение армии, заведение флота, исправление необитаемых земель, установление водяных путей, все в пользе

[1] Публикуется по: 1-ПСЗРИ. Том 14. № 10346. С. 287–294.

общего Нашего жития, наконец все блаженство Нашей жизни, в которой бесчисленные плоды всякого добра всечастно чувствам Нашим представляются.

Но как общая польза в свете от наук и здесь от них цветущее благополучие Высокоповеренным Ее Императорского Величества Правительствующего Сената Членам, их просвещению боле, нежели моему слабому понятию известна; того ради за излишнее почитаю здесь умножать доказательство о пользе наук, какая от того происходить может, но представляю только мое мнение об умножении в России учения к рассуждению Правительствующего Сената.

Установленная здесь Государем Петром Великим С.-Петербургская Академия, которую, Наша Всемилостивейшая Государыня Божией милостью нами царствующая, между многими к благополучию своих подданных милосердиями немалой суммой против прежнего к вящшей пользе и к размножению и ободрению наук и художеств пожаловать изволила. Сия Академия со славой у иностранных и с пользой здешней свои плоды производит.

Но пространная Ее Императорского Величества Империя не может довольствоваться одним оным ученым корпусом, ибо за дальностью, как Дворяне, так и разночинцы к приезду в С.-Петербург многие имеют препятствия, хотя первые к надлежащему воспитанию и научению к службе Ее Императорского Величества, кроме Академии, в Сухопутном и Морском Кадетском корпусах, в Инженерстве и Артиллерии открытый путь имеют; но для учения вышним наукам желающим Дворянам, или тем, которые в вышереченные места для каких-либо причин не записаны и для генерального учения разночинцам, за нужно нахожу покорно представить Правительствующему Сенату мое мнение об учреждении в Москве Университета для Дворян и разночинцев по примеру Европейских Университетов, где всякого звания люди свободно наукой пользуются, и две Гимназии, одну для Дворян, другую для разночинцев, кроме крепостных людей. Установление оного Университета в Москве тем способнее быть кажется, 1) великое число в ней живущих Дворян и разночинцев; 2) положение оного среди Российского Государства, куда из округ лежащих местах способно приехать можно; 3) содержание всякого не стоит многого иждивения; 4) почти всякий имеет у себя родственников или знакомых, где себя квартирой и пищей содержать может; 5) великое число у помещиков в Москве на дорогом содержании учителей, из которых большая часть не токмо учить науки не могут, но и сами тому никакого начала не имеют, и только младые лета учеников лучшее время

к учению пропадает, умалчивая о великой плате, которая бесполезно им дается.

Все почти помещики имеют старание о воспитании детей своих, не щадя, иные по бедности великой части своего имения и ласкаясь надеждой произвести из детей своих достойных людей в службу Ее Императорского Величества, а иные не имея звания в науках, или по необходимости, не сыскав лучших учителей, принимают таких, которые лакеями, парикмахерами и другими подобными ремеслами всю жизнь свою препровождали.

Такие в учениях недостатки реченным установлением исправлены будут, и желаемая польза надежно через скорое время плоды свои произведет, паче когда довольно будет национальных достойных людей в науках, которых требует пространная Ее Императорского Величества Империя к разным изобретениям сокровенных в ней вещей и к исполнению начатых предприятий и к учреждению впредь по знатным Российским городам Российскими Профессорами училищ, от которых, думаю, в отдаленном простом народе суеверие, расколы и тому подобные от невежества ереси истребятся.

Проект оного Университета прилагаю при сем Правительствующему Сенату, несомненно уверен, что высокоповеренные Ее Императорского Величества в Главном Правлении Члены, по собственной склонности и особливому рачению к общему благополучию оной от меня принять изволят и великие недостатки столь нужного учреждения своим просвещением исправить и дополнить соблаговолят.

Я весьма счастливым себя почту, если моим представлением подам причину к рассуждению и установлению столь нужного и полезного дела, которое несомненно к общему нашему благополучию и славе служить будет.

Оный проект Правительствующий Сенат, рассматривая, весьма полезным нашел и предписанный от сего важного дела плод к пользе Государственной без сомнения ожидать надлежит; а Кураторами кому быть, о том на Всевысочайшее Вашего Императорского Величества соизволение предает. Что ж принадлежит для содержания оного Университета и Гимназии, то хотя он Господин Камергер и полагает до 10.000 рублей, но дабы оный Университет и Гимназии приумножением достойных профессоров и учителей наиболее в лучшее состояние приходили, по рассмотрению Правительствующего Сената, ежегодно следует отпускать до 15.000 рублей, ныне ж на первый случай для покупки книг и прочего сверх годовой определенной суммы, дать единожды до 5.000 рублей.

Притом Сенат не может без похвалы труд его Господина Камергера и кавалера в сочинении сего Государственного и полезного дела оставить, который, предав на Высочайшее Вашего Императорского Величества соизволение, всеподданнейше просит у Вашего Императорского Величества Всемилостивейшей конфирмации; а с поданного проекта при сем Вашему Императорскому Величеству всеподданнейше ж подносится копия.

Резолюция. Быть по сему. Кураторами быть Камергеру Шувалову и Лаврентию Блюментросту, Директору Алексею Аргамакову, а в дополнение штата дается воля Кураторова.

Проект.

1. На содержание сего Университета и при оном Гимназии довольно 10.000 рублей в год.

2. *1)* Весьма за нужно к ободрению наук почитается, чтоб Ее Императорское Величество новоучреждаемый Университет в собственную свою Высочайшую проекцию принять и одну или двух из знатнейших особ, как в других Государствах обычай есть, Кураторами Университета определить соизволила, которые бы весь корпус в своем смотрении имели и о случающихся его нуждах докладывали Ее Императорскому Величеству.

2) Чтоб сей корпус, кроме Правительствующего Сената, неподчинен был никакому иному присутственному месту, и ни от кого бы иного повеления принимать не был обязан.

3) Чтоб как Профессора и Учителя, так и прочие под Университетской протекцией состоящие без ведома и позволения Университетских Кураторов и Директора неповинны были ни перед каким иным Судом стать, кроме Университетского.

4) Чтоб все принадлежащие к Университету Чины в собственных их домах свободны были от постоев и всяких полицейских тягостей, также и от вычетов из жалованья и всяких других сборов.

3. Притом надлежит быть особому Директору, который бы по предписуемой ему инструкции о благосостоянии Университета старался и его доходами правил с Профессорами науки в Университете и учения в Гимназии учреждал со всеми присутственными местами по делам, касающимся до Университета, переписку имел и обо всем вышеписанном Кураторам представлял и их апробации требовал.

4. Хотя во всяком Университете, кроме Философских наук и Юриспруденции, должны такожде предлагаемы быть Богословские знания,

однако попечение о Богословии справедливо оставляется Святейшему Синоду.

5. Профессоров в Университете будет в трех Факультетах десять.

В Юридическом:

1. Профессор всей Юриспруденции, который учить должен Натуральные и Народные Права и узаконения Римской древней и новой Империи.

2. Профессор Юриспруденции Российской, который сверх вышеписанных должен знать и обучать особливо внутренние Государственные Права.

3. Профессор Политики, который должен показывать взаимные поведения, союзы и поступки Государств и Государей между собой, как были в прошедшие века и как состоят в нынешнее время.

В Медицинском:

1. Доктор и Профессор Химии должен обучать Химии Физической особливо и Аптекарской.

2. Доктор и Профессор Натуральной Истории должен на лекциях показывать разные роды минералов, трав и животных.

3. Доктор и Профессор Анатомии обучать должен и показывать практикой строение тела человеческого на Анатомическом театре, и приучать студентов в Медицинской практике.

В Философском:

1. Профессор Философии обучать должен Логике, Метафизике и Нравоучению.

2. Профессор Физики обучать должен Физике Экспериментальной и Теоретической.

3. Профессор Красноречия для обучения Оратории и Стихотворства.

4. Профессор Истории для показания Истории Универсальной и Российской, также древности и Геральдики.

6. Каждый Профессор должен по крайней мере два часа в день, выключая воскресные и в табели предписанные праздничные дни, также и Субботу, в Университетском доме публично и не требуя за то от слушателей особливой платы, о своей науке лекции давать, кроме того вольно ему за умеренную плату кого хочет приватно обучать, только чтоб от того в публичных его лекциях никакой остановки и препятствия не происходило.

7. Всем Профессорам иметь по однажды в неделю, а именно по Субботам до полудня при присутствии Директора собрания, в которых советовать и рассуждать о всяких распорядках и учреждениях, касающих до наук и до лучшего оных произвождения, и тогда каждому Профессору представлять Директору обо всем, что он по своей профессии усмотрит за необходимо нужное и требующее поправления; в тех же общих собраниях решить все дела, касающиеся до студентов, и определять им штрафы, ежели кто приличится в каких-либо продерзостях и непорядках.

8. Никто из Профессоров не должен по своей воле выбрать себе систему или Автора и по оной науку свою слушателям предлагать, но каждый повинен последовать тому порядку и тем Авторам, которые ему Профессорским собранием и от Кураторов предписаны будут.

9. Все публичные лекции должны предлагаемы быть либо на Латинском, либо на Русском языке, смотря как по приличеству материй, так и по тому, иностранный ли будет Профессор или природный Русский.

10. Всякой Профессор должен курс своей науки так расположить, чтоб через каждые полгода, то есть от одной вакансии до другой часть оные, а через год весь курс окончать мог.

11. О предлагаемых в каждую половину года новых лекциях объявлять выставленным в Университетском доме листом или каталогом лекции.

12. Большим вакансиям в Университете быть два раза в году, а именно: зимой от 18 Декабря по 6 Генваря, а летом от 10 Июня по 1 число Июля.

13. При окончании каждого месяца выбрать день Субботний, в который профессорам, согласясь между собой, заставлять студентов приватно диспутоваться и задавать им для того тезисы, которые за три дня наперед прибивать к дверям большой Аудитории, дабы желающие то предприять заблаговременно приготовить могли.

14. Перед наступлением каждой вакансии иметь публичные диспуты, приглася к оным всех любителей наук; притом одному из студентов до начатия диспутов, говорить краткую Латинскую, а другому по окончании оных на Русском языке речь, выбрав к тому удобную материю.

15. И дабы не оставить ничего, чтобы могло молодых людей поощрить к наукам, то по однажды в году, а именно: Апреля, раздавать им публичные награждения, которые состоять могут в небольшой

золотой или серебряной медали с изображением Ее Императорского Величества к наукам милосердия, который приличную идею по установлении сделать.

16. Таких медалей раздать в каждый раз до осьми, и притом поступать следующим порядком. Директор, выбрав две из представленных ему от Профессоров задач, должен оные 1 Марта каждого года задать всем учащимся в Университете студентам, выставленным листом, и требовать, чтоб желающие себе определенного награждения, подавали ему свои сочинения на Латинском или и на Русском языке не позже 1 числа Апреля.

17. Из оных поданных сочинений Директор обще с Профессорами должен выбрать восемь достойнейших, и из которых половина может быть на Латинском, а другая на Русском языке, и назначить им награждение.

18. Потом пригласить к положенному дню всех пребывающих в Москве знатных персон и охотников до наук в Университет, где в большой Аудитории помянутые награждения публично раздаваны быть имеют; там один из Профессоров представя с достойными похвалами Высокоматерьнее попечение Ее Императорского Величества о благополучии Ее подданных вообще и особливо неизреченные щедроты к сему Университету, учащемуся в нем Российскому юношеству, должен объявить поименно тех, которые по предложенным задачам удостоены от всего Университета награждения.

19. После сего каждый из них должен принять от Профессора свое сочинение, прочитать оное публично, и тогда один из господ Кураторов, а в небытность их, Директор вручает ему медаль, с таким объявлением, что Ее Императорское Величество, Всемилостивейшая Государыня жалует его сею медалью в знак Высочайшего Своего удовольствия о его прилежании и добрых успехов в науках.

20. На всех медалях вырезать прежде внизу в оставленном для того месте имена тех, кому оные даны будут.

21. Которые студенты в Университете науки свои порядочно окончали и через свое искусство и прилежание заслужили себе порядочные награждения, а при том в своих поступках всегда были добропорядочны, оным давать от Университета аттестаты за подписанием Директора и всех Профессоров, по которым аттестатам определять желающих в гражданскую службу по приличеству их природы и знания, и делать им протекцию к ободрению прочих учащихся.

22. Каждый студент должен три года учиться в Университете, в которое время все предлагаемые в оном науки или по крайней мере

те, которые могут ему служить к будущим его намерениям, способно окончать может, а прежде того сроку никого против его воли и желанию, от наук не отлучать и к службе не принуждать; сверх того не соизволено ль будет содержать студентов 20 человек записных на жалованье, чтоб из них в Гимназию определять и в нижние классы Учителями.

23. Всяк желающий в Университете вышним наукам учиться, должен явиться у Директора, который прикажет Профессорам его экзаменовать, и ежели явится способен к слушанию профессорских лекций, то записав его в число Университетских студентов, и показав ему порядок учения, приличный его склонности и будущему состоянию, отослать при письменном виде к тем Профессорам, у кого какие лекции слушать имеет; и во ободрение позволено ль будет иметь шпагу, как и в прочих местах водится.

24. Учащиеся в Университете студенты не должны ни в каком другом суде ведомы быть, кроме Университетского, и ежели приличатся в каких-либо непорядочных поступках, то не касаясь до них никаким образом, приводить их немедленно в Университетский дом, и Директор, который смотря по вине, учинит им надлежащий штраф, или отошлет к тому суду, до которого такие дела принадлежат.

25. Каким образом студенты, будучи в Университете и под дирекцией оного, поступать должны, о том предписать им так, как во всех прочих Университетах народные законы, которые напечатать, и при принятии в Университет дав каждому студенту по одному экземпляру тех законов, велеть ему под теми ж законами в Университетской книге имя свое и послушное по оным исполнение своеручно подписать; ежели кто после противно оным законам поступит, тот невзирая ни на какое лицо и кто б он ни был, по данной Университетскому Корпусу власти штрафован быть имеет.

26. Понеже науки не терпят принуждения, и между благороднейшими упражнениями человеческими справедливо счисляются; того ради как в Университет, так и в Гимназию не принимать никаких крепостных и помещиковых людей; однако ежели который дворянин, имея у себя крепостного человека сына, в котором усмотрит особливую остроту, пожелает его обучить свободным наукам, оный должен наперед того молодого человека объявить вольным и отказавшись от всего права и власти, которую он прежде над ним имел, дать ему увольнительное письмо за своею рукой и за приписанием свидетелей, при том же повинен он за себя и за наследников своих обязаться давать оному ученику пристойное содержание, доколе он при Университете

счисляться будет, и до совершенного окончания наук ни под каким видом ее не отлучать.

27. При допущении в Университет и в Гимназию такого студента или ученика, принять от него и хранить в Университете данное ему от бывшего его господина письменное увольнение, и когда он науки свои порядочно окончает и от Университета с аттестатом отпущен будет для определения в службу Государеву, или на вольное пропитание, тогда вручить ему паки помянутое письмо прежнего его господина и дать волю, чтоб никаким образом никто его в холопство привести не мог; ежели же имев волю и пользуясь одним тем, будет в худых поступках, то такого выписать вон, и отдать как его, так и увольнительное письмо его помещику.

28. Всяк, желающий в Университете слушать профессорских лекций, должен наперед научиться языкам и первым основаниям наук, но понеже в Москве таких порядочно-учрежденных вольных школ не находится, где бы молодые люди к вышним наукам надлежащим образом приготовлены и способными учинены быть могли, того ради Ее Императорское Величество Всемилостивейше не соизволит ли указать, чтоб при Московском Университете и под его ведомством учредить две Гимназии, одну для дворян, а другую для разночинцев, кроме крепостных людей.

29. В обеих Гимназиях учредить по четыре школы, в каждой по три класса.

Первая школа Российская: в ней обучать в нижнем классе Грамматике и чистоте стиля, в среднем Стихотворства, в вышнем Оратории.

Вторая школа Латинская: в ней обучать в нижнем классе первые основания Латинского языка, вокаблы и разговоры, в среднем толковать нетрудных Латинских Авторов и обучать переводам с Латинского на Российский и с Российского на Латинский язык, в верхнем толковать высоких Авторов и обучать сочинениям в прозе и в стихах.

Третья школа первых оснований наук: в нижнем классе обучать Арифметике, в среднем Геометрии и Географии, в вышнем сокращенную Философию.

Четвертая школа знатнейших Европейских языков.

В двух нижних классах обучать первые основания и разговоры с вокабулами Немецкого и Французского языков; в двух верхних классах обучать чистоте стиля помянутых языков.

30. Которые ученики учение свое порядочно окончали и при публичном экзамене, чинимом в конце каждого года, явились доста-

точными, таковых производить в Университет к слушанию Профессорских лекций.

31. Которые родители не похотят детей своих обучать Латинскому языку и вышним наукам, а намерены их определить в купечество, к художествам, или в военную службу, оные должны о том наперед объявить, дабы по тому учение их расположить было можно.

32. Желающие либо одному Французскому, либо Немецкому языку учиться, должны тотчас к тем Учителям определены быть; причем сверх тех языков, по чинимому от Инспектора Гимназии расположению, могут они такожде учиться Арифметике, Геометрии, Истории и Географии.

33. Инспектором над Гимназией быть одному из Профессоров в Университете, которому как Учителя, так и учащиеся должны являть всякое почтение и послушание, и по его повелениям и распорядкам чинимым с апробацией Директора непременно исполнять.

34. В каждой половине года Инспектор при присутствии прочих Профессоров должен экзаменовать каждый класс, и которые в том классе уже довольные успехи показали, переводить в вышние классы, а оттуда при публичном экзамене производить в студенты.

35. В оном публичном экзамене, который имеет быть при окончании года, присутствовать Директору самому с Университетскими Профессорами, и которые ученики особливо явятся прилежны и понятны, оным Директор волен, по своему благорассуждению, на 15 или на 20 рублей всяких полезных книг в награждение раздать, дабы через то как их самих, так и прочих поощрить к прилежнейшему продолжению их учения.

36. Всякий родитель, желающий отдать сына своего для обучения в Гимназию, должен его представить Директору и объявя о намерении, какое имеет он при обучении того своего сына; почему Директор прикажет Инспектору Гимназии экзаменовать оного ученика и по его знанию определить в надлежащий класс.

37. Никакой ученик в Гимназии, так и никакой студент в Университете не должен собою отставать от учения, не уведомя о том письменно Директора Университета и Инспектора Гимназии и не учиня должного благодарения тем профессорам и Учителям, у кого обучался; ежели кто пропустя целый месяц, того не учинит и о себе знать не даст, такого почитать яко беглого.

38. При окончании каждого месяца, должны Учителя в Гимназии об успехах, прилежании, поступках и штрафах учащихся в их классах, подавать рапорты Инспектору, который, сочиня из того генеральный

рапорт о состоянии Гимназии, должен оный представить Директору, а Директор Кураторам.

39. Для различения дворян от разночинцев, учиться им в разных Гимназиях; а как уже выйдут из Гимназии и будут студентами, у вышних наук таким быть вместе как дворянам и разночинцам, чтоб тем более дать поощрения к прилежному учению.

40. Учителям Гимназии предписано быть имеет в особливой же инструкции, как всем вообще и каждому особливо в его должности поступать, и оную инструкцию в непременном исполнении каждому подписать.

41. Быть при Университете Приставу, которого должность состоит в том: 1) чтоб с приданными ему сторожами содержать Университетский дом и Аудиторию в надлежащей чистоте; 2) иметь ему роспись всем студентам и где кто жительство имеет, дабы в потребном случае каждого сыскать мог; 3) рапортовать по всякое утро Директора о том, что за день перед тем в Университете происходило.

42. Всем Профессорам, Учителям и прочим Университетским служителям иметь жительство свое в близости от Университетского дома и Гимназии, дабы в прохаживании туда и назад, напрасно время не теряли.

43. Каким именно чинам и служителям при Университете и Гимназии быть надлежит и какое каждому жалованье определить можно, тому приложен при сем штат, с показанием прочих потребных расходов.

44. Ежели Ее Императорское Величество Всемилостивейшая Государыня сей проект за благо принять соизволит, то надлежащие к пополнению оного статьи и инструкции для Профессоров и Учителей и законы для студентов в Университете и для учеников в Гимназии немедленно сочинены быть могут.

45. Со временем, как Университет размножится, то не сомневаюсь, что Правительствующий Сенат соблаговолит установить другие полезные учреждения, от которых доходы казну Ее Величества заменить могут.

Також за нужное почитается, чтоб обучать Греческому языку. Ориентальские языки могут тако ж быть учены со временем, когда будут довольны Университетские доходы и сысканы достойные к тому Учителя.

1803 год

24 января
Именной, данный Сенату

«Об устройстве училищ»[1]

Рассмотрев поднесенный Нам Министром Просвещения обще с Членами Правления училищ доклад об устроении училищ и распространении наук в Империи Нашей, признали Мы за нужное утвердить предварительные правила народного просвещения. И как сия Государственная часть, по различию предметов, в нее входящих, касается не только до гражданских, но и духовных властей, то по сему повелеваем Правительствующему Сенату, снесясь со Святейшим Синодом, учинить, сообразно с правилами народного просвещения, при сем указе изданными, зависящее от них распоряжение. Мы удостоверены, что и все Наши верноподданные примут деятельное участие в сих заведениях для пользы общей и каждого учреждаемых; и тем самым будут споспешествовать Нашим попечениям о сем предмете, толико важном и толико сердцу Нашему любезном.

Предварительные правила народного просвещения

ГЛАВА I. — О заведении училищ.

1. Народное просвещение в Российской Империи составляет особую Государственную часть, вверенную Министру сего отделения, и под его ведением распоряжаемую Главным училищ Правлением.

2. Для нравственного образования граждан соответственно обязанностям и пользам каждого состояния, определяются четыре рода училищ, а именно: 1, училища приходские; 2, уездные; 3, Губернские или Гимназии и 4 Университеты.

3. Всякий церковный приход или два прихода вместе, судя по числу прихожан и отдалению их жительств, должны иметь по крайней мере одно приходское училище.

4. Приходские училища в казенных селениях вверяются приходскому Священнику и одному из почетнейших жителей; в помещичьих селениях они предоставляются просвещенной и благонамеренной попечительности самих помещиков.

---

[1] Публикуется по: 1-ПСЗРИ. Том 27. № 20597. С. 437–442.

5. В приходских училищах за порядком учения наблюдает Смотритель училища того уезда, к которому они принадлежат.

6. В каждом уездном городе должно быть по крайней мере одно уездное училище.

7. Смотрители уездных училищ определяются Университетом непосредственно, или по представлению Губернского Директора училищ. Они состоят в 9 классе, если выше чинов не имеют.

8. Смотрители уездных училищ подчинены Губернскому Директору во всех отношениях по училищам, в их ведении находящимся. В прочем они и сами в том, что принадлежит до благоустройства приходских училищ в помещичьих селениях, могут требовать пособия от помещиков, и содействия от уездного Предводителя Дворянства.

9. В каждом Губернском городе сверх нижних училищ первых двух классов, имеет быть Гимназия, которая состоять будет под непосредственным ведением и управлением Губернского Директора училищ.

10. Губернские Директора училищ определяются Главным училищ Правлением, по представлению Университета того округа, к которому оные принадлежат. Они состоят в 7 классе, если выше чинов не имеют.

11. Губернские Директора имеют в Губерниях общее смотрение не только над уездными училищами; но и над частными заведениями сего рода, как то: пенсионами и проч. исключая из них те, которые по особенным обстоятельствам вверены будут иному Начальству.

12. Губернские Директора во всех случаях, где для благосостояния Гимназий, уездных и приходских училищ их ведомства, нужно будет пособие Земского Правительства, требуют оного через отношения к Губернатору.

13. Училища нескольких соседственных Губерний, сходствующих между собой в местных обстоятельствах, составят особый округ, который будет подведом одному из Членов Главного училищ Правления.

В округах учреждаются Университеты для преподавания наук в вышней степени; ныне назначается их шесть, а именно: кроме существующих уже в Москве, Вильне и Дерпте, учреждаются в округе Санкт-Петербургском, в Казани и в Харькове, в уважение патриотического приношения, предложенного Дворянством и гражданством сей Губернии. Затем предназначаются для Университетов города: Киев, Тобольск, Устюг Великий и другие, по мере способов, какие найдены будут к тому удобными. Округи сих последних составятся в свое время из ближайших Губерний.

15. Каждый Университет имеет собственное правление. Председатель оного есть Ректор Университета; он избирается общим Университета собранием, и Главным училищ Правлением, через Министра Народного Просвещения, представляется на Высочайшее утверждение.

16. Профессора избираются на сие звание общим собранием Университета, и по представлению попечителя утверждаются Министром Просвещения; для предавания ж Богословия в каждом Университете, определяются духовные особы Святейшим Синодом. Ординарные Профессора состоят в седьмом классе, а Ректор в пятом, доколе в должности пребывают.

17. Университет посылает ежегодно одного, или несколько своих Членов для личного обозрения училищ своего ведомства, и исследования их успехов.

18. Ректор, как Начальник Университета, получает донесения от Гимназий обо всех предметах, касающихся до учебного и хозяйственного распоряжения училищ в округе того Университета состоящих, и доносит о том Члену Главного училищ Правления, определенному от Императорского Величества Попечителем того Университета, и его округа.

19. Главное училищ Правление состоит из попечителей Университетов и их округов с другими Членами, определяемыми от Императорского Величества.

20. Попечитель отвечает за благоустройство всех училищ вверенного ему округа; получает донесения от своего Университета, до учреждения ж оного и до общего устройства округа прямо от училищ тем порядком, какой в сходство сих правил постановлен будет; представляет Министру о текущих делах, и в важнейших власть его превышающих, ожидает от него разрешения. Он обязан пещись об устроении в своем округе Университета и других училищ, если где оных еще нет; о приведении их, на основании сих правил, в цветущее состояние, словом, о распространении и успехах народного просвещения в местах ему вверенных. Профессоров и Директоров Гимназии он непосредственно представляет на утверждение Министра; но обо всяком новом распоряжении по учебной, или хозяйственной части, предлагает на общее рассуждение своих сочленов; равным образом представляет отчет во всех суммах, отпускаемых на годичное содержание училищ, в округе его состоящих. Он имеет нужных людей для письмоводства.

21. Попечитель обязан обозревать училища своего ведомства, по крайней мере, один раз в два года; в случае ж какого-либо препятствия

Министр испрашивает Высочайшее повеление об отправлении в тот округ другого Члена Главного Училищ Правления.

22. Ежегодно будут назначаемы награждения определенному для каждого отделения числу учителей, коих ученики окажут отличные успехи.

23. Посвятившие себя учительскому званию в общественных училищах, за постоянное и рачительное исправление должности, имеют получать пенсии, соответственные числу лет их службы.

24. Ни в какой Губернии, спустя пять лет по устроении в округе, к которому она принадлежит, на основании сих правил, училищной части, никто не будет определен к гражданской должности, требующей Юридических и других познаний, не окончив учения в общественном или частном училище.

25. Университеты имеют право давать ученые степени или достоинства, но не иначе, как по строгом испытании в знаниях.

26. Университетские степени суть следующие: первая или достоинство Кандидата состоит в 12 классе, вторая или Магистерское достоинство состоит в 9 классе, к которому принадлежат также и старшие учителя Гимназии; третья или Докторское достоинство состоит в 8 классе, к которому принадлежат и Адъюнкты Университета. Младшие учителя Гимназий состоят в 10, а учителя уездных училищ в 12 классе. Студенты по окончании наук принимаются в службу 14 классом.

27. Имеющие ученые степени, вступая в род службы, соответствующий их познаниям, по предъявлении данных им свидетельств принимаются чинами тех классов, в которых они состоят. При отставке же прямо из ученой должности, получают они следующий гражданский чин, если выслужили число лет, законами для производства определенное.

28. Университетам исключительно предоставляется внутренняя расправа над подчиненными им лицами и местами. Апелляция, по приговорам Университетского совета, идет только в Правительствующий Сенат. В случае уголовного преступления Университет, учинив предварительное исследование, виновного с мнением своим отсылает, куда следует, для суждения и поступления по законам.

29. Университеты в отношении к Присутственным местам сравниваются с Коллегиями.

30. Цензура всех печатаемых в Губернии книг имеет принадлежать единственно Университетам, коль скоро они в округах учреждены будут.

31. Для Университетов, Гимназий и прочих училищ, будут изданы частные уставы, в которых имеет быть изъяснено все до них принадлежащее: Попечители, каждый для своего округа представят в Училищное Правление свои мнения и сведения нужные к сочинению оных.

ГЛ. II. — О распоряжении училищ по учебной части.

32. В приходских училищах учитель обучает чтению, письму и первым действиям Арифметики; наставляет в главных началах закона Божия, в благонравии, в обязанностях к Государю, начальству и ближнему; и общему простым, ясным и состоянию учащихся соответственным образом, старается дать им правильное понятие о вещах. Учение продолжается от окончания полевых работ до начала оных в следующем году.

33. Как весьма бы полезно было, если б приходские Священники и церковнослужители сами исправляли должность учителей, толь соответственную их званию: то Святейший Синод и должен пещись, чтобы в непродолжительном времени сие произведено было в действие без малейшего отягощения как для Священников, так и прихожан,

34. В уездных училищах преподается ученикам, поступающим из приходских, Грамматика языка Российского и местного, как то: Польского, Немецкого и проч., сокращенная География и История; первоначальные основания Геометрии и естественных наук; также наставления в должностях человека и гражданина, и практические знания, полезные местной промышленности, и потребностей края.

35. В Гимназиях имеют быть преподаваемы изящные науки, языки Латинский, Французский и Немецкий; Логика, основание чистой Математики, также Механики, Гидравлики и других частей Физики, наиболее в общежитии нужных, сокращенная Естественная История, Всеобщая География и История, основания политической экономии и коммерции. Сверх того будут читаны и переводимы сочинения, служащие к образованию сердца, и подающие чистое понятие о законе Божием и гражданских обязанностях. Сверх штата могут быть присоединены Учителя Гимнастических упражнений.

36. В Университетах поступающим из Гимназии в качестве студентов, или по испытании удостоенным сего имени, преподаются науки во всем пространстве, нужные для всех званий и разных родов Государственной службы.

37. В Университетах Профессора, для порядка и ученых советований, составляют особые по роду наук отделения или Факультеты, из коих каждый избирает по большинству голосов своего Старейшину

(*Decanus*) на определенное время. Сии Старейшины вместе с Ректором составляют Правление Университета; профессоры же всех отделений вместе, общее собрание Университета.

38. Для учения в приходских и уездных Училищах и Гимназиях будут употребляемы единообразные книги и правила: в каждом же Университете способ и предметы преподавания будут предначертаны общим собранием Профессоров, и представлены на усмотрение Попечителю.

39. Всякий Университет должен иметь Учительский или Педагогический Институт. Студенты, принятые в оный, получают степень Кандидата, соединенную с особенными выгодами в содержании.

40. Положенное число Кандидатов преимущественно наполняется казенными воспитанниками. Они не могут без важных причин оставить Учительского звания, не прослужа в нем по крайней мере шесть лет от определения к должности.

41. Под ведением Главного Училищ Правления будет издаваться периодическое сочинение, назначенное для повсеместного известия об успехах народного просвещения.

ГЛ. III. — О распоряжении Училищ по хозяйственной части.

42. Назначение сумм на содержание приходских Училищ предоставляется учинить впредь, по соображении местных обстоятельств и удобностей.

43. Уездные Училища в том, что принадлежит до Смотрителей, Учителей и зданий, будут содержимы из доходов городских обществ с достаточным дополнением из казны, где оное потребуется.

44. Гимназии будут содержимы на счет Приказов Общественного Призрения, с достаточным дополнением из казны, если где оное потребуется.

45. Местные Начальства всеми образами должны ободрять заведения таких пенсионов, которых хозяева имели бы предметом токмо содержание и надзор за поведением Юношества, получающего учебные наставления в Училищах.

46. Главное Училищ Правление в суммах, получаемых им на устроение и содержание Училищ, отдает отчет на основании XII статьи Манифеста 8 Сентября 1802 года. Таковой отчет публикуется во всенародное известие способом, показанным в 41 статье.

47. Все вышние Училища будут иметь свои библиотеки, открытые в определенное время для посетителей; также собрание естественных и искусственных произведений, Типографии и тому подобное; на содержание чего будут назначены в штатах суммы.

48. Местные Начальники, споспешествуя исполнению намерений Правительства относительно народного просвещения, не понудительными средствами, но благоразумием и деятельностью обратят на себя отличное его внимание. Равным образом и все благонамеренные граждане при устроении Училищ вспомоществуя Правительству патриотическими приношениями и пожертвованиями частных выгод общей пользе, приобретут особенное и преимущественное право на уважение своих соотчичей, и на торжественную признательность учреждаемых ныне заведений, имеющих возвысить в нынешнее, и утвердить на предбудущее время, благосостояние и славу их отечества.

1804 год

5 ноября

Высочайше утвержденный Устав Императорского Московского Университета[1]

ГЛАВА I. — Об Университете вообще.

§ 1. Императорский Московский Университет есть вышнее ученое сословие, для преподавания наук учрежденное. В нем приготовляется юношество для вступления в различные звания Государственной службы.

§ 2. Университет, пользуясь Высочайшим покровительством, состоит под главным Начальством Министра Народного Просвещения, и в особом ведении того из Членов Главного училищ Правления, на которого о нем попечение возложено.

§ 3. Университет составляют: 1) Преподающие в науках наставления Ординарные и Экстраординарные профессора, которые по различию наук разделяются на Факультеты или отделения; 2) Адъюнкты; 3) Магистры; 4) Студенты, пользующиеся Университетскими наставлениями; и 5) Учителя языков, приятных искусств и Гимнастических упражнений.

---

[1] Публикуется по: 1-ПСЗРИ. Том 28. № 21498. С. 570–589.

§ 4. Профессора всех отделений и Адъюнкты под председательством Ректора составляют Совет, или общее собрание Университета. Оно располагает учебной частью Университета и его Округа.

§ 5. Университет имеет собственное Правление; Председатель оного есть Ректор, а Члены Деканы Факультетов. К ним присоединяется назначаемый Попечителем из Ординарных Профессоров непременный Заседатель. Правлению вверяется вся хозяйственная часть Университета.

§ 6. Правлению препоручается суд и расправа между чинами, к Университету принадлежащими, и при решении тяжб присутствует еще Чиновник, избираемый Университетом из своего сословия, с названием *Синдика.*

§ 7. При Университете должны быть: 1) Учебные пособия; 2) Учительский или Педагогический Институт; 3) Медицинский Клинический Институт; 4) Хирургический Клинический Институт; 5) Институт повивального искусства.

§ 8. Университет имеет Типографию и собственную Цензуру для всех издаваемых Членами его и в Округе его печатаемых сочинений, также для книг, выписываемых им для своего употребления из чужих краев.

§ 9. Сверх сего Университету не воспрещается содержать из хозяйственной суммы Академическую Гимназию, в первом основании Университета к нему присоединенную; так как и благородный пенсион, впоследствии учрежденный, в котором воспитываются благородные юноши на иждивении родителей.

§ 10. Ярославское высших наук Училище, основанное по желанию и на иждивении Статского Советника и Кавалера Демидова, состоит беспосредственно под ведением и покровительством Совета или общего собрания Московского Университета.

§ 11. К особливому достоинству Университета отнесется составление в недре оного ученых обществ, как упражняющихся в словесности Российской и древней, так и занимающихся распространением наук опытных и точных, основанных на достоверных началах (*exactes*). Университет может споспешествовать им печатанием трудов их и периодических сочинений на иждивении хозяйственной суммы.

§ 12. Университет не откажет способствовать желанию благотворителей просвещения, которые назначили или впредь назначить могут содержание для неимущих Студентов. Таковые воспитанники отличаются именем их благотворителей, доколе на содержании их

пребывают, и Университет употребит все способы от него зависящие, для изъявления должной благотворителям признательности перед лицом общества.

ГЛ. II. — О Ректоре.

§ 13. Ректор Университета избирается ежегодно общим собранием из Ординарных Профессоров и представляется Главным Училищ Правлением через Министра Народного Просвещения на Высочайшее утверждение.

§ 14. Он избирается за два месяца до окончания курсов; и со дня утверждения позволяется ему присутствовать в Правлении не с тем, чтобы подавал свой голос, но чтоб мог познавать предварительно настоящее дел состояние.

§ 15. Ректор, как Глава Университета и блюститель благоустройства, имеет право председательствовать во всех собраниях и Комитетах и отвечает за благочиние во всех частях, за внутренний порядок Университета, за сохранение и исполнение Уставов и предписаний Министра и Попечителя, равным образом за исправление должностей всеми и каждым из находящихся при Университете и подлежащих его управлению.

§ 16. Ректор в Университетском Совете и во всех местах, где председательствует, имеет один голос, который однако решит в случае равенства голосов. Из сего исключаются случаи, в которых сам подлежать будет ответу.

§ 17. Он распечатывает все пакеты, на имя Университета, Правления и Совета присылаемые, получает донесения от Гимназий обо всех предметах, касающихся до учебного и хозяйственного распоряжения Училищ, в Округе Университета находящихся, и доносит о состоянии Университета и Училищ ежемесячно Попечителю.

§ 18. В случаях важных, касающихся до блага всего Университета и времени нетерпящих, ректор сам собой предпринимает нужные меры, о которых однако в первое обыкновенное, или судя по важности в чрезвычайное заседание, уведомляет Членов Университетского Правления, для учинения дальнейших распоряжений.

§ 19. Поелику Ректор наипаче обязан пещись о соблюдении порядка и благочиния во всем к Университету принадлежащем, то в чрезвычайных случаях имеет право требовать помощи от военного или гражданского Начальства.

§ 20. Ректор хранит большую Университетскую печать.

§ 21. Ректор имеет право дать позволение и невнесенным в список Студентам слушать лекции, но не иначе, как по предварительном

извещении того Профессора, которого лекциями слушатель желает пользоваться.

§ 22. Ректор при сложении с себя сего звания, произносит в торжественном собрании приличную речь, равно и новый принимая на себя сие звание, так же произносит речь.

§ 23. В случае тяжкой болезни Ректора, смерти, или отлучки по законным причинам, предместник его немедленно приемлет на себя должность его, со званием Проректора. Если же предместник по каким-либо обстоятельствам принять должности не может; то Совет избирает на время в Проректоры другого из Ординарных Профессоров, и доносит Попечителю.

ГЛ. III. — О Профессорах и их должностях.

§ 24. Ученое сословие Московского Университета заключает в себе четыре отделения или Факультета.

I Отделение Нравственных и Политических наук составляют:

1) Профессор Богословия догматический и нравоучительный.
2) – — Толкования Священного Писания и Церковной Истории.
3) – — Умозрительной и Практической Философии.
4) Профессор Прав: Естественного, Политического и Народного.
5) – — Прав Гражданского и Уголовного судопроизводства в Российской Империи.
6) – — Прав знатнейших как древних, так и нынешних народов.
7) – — Дипломатики и Политической экономии.

II Отделение Физических и Математических наук составляют:

1) Профессор теоретической и опытной Физики.
2) – — Чистой Математики.
3) – — Прикладной Математики.
4) – — Астроном-наблюдатель.
5) – — Химии.
6) – — Ботаники.
7) – — Минералогии и сельского домоводства.
8) – — Технологии и наук, относящихся к торговле и фабрикам.

III Отделение врачебных или Медицинских наук:

1) Профессор Анатомии, Физиологии и Судебной Врачебной науки.
2) – — Патологии, Терапии и Клиники.
3) – — Врачебного Веществословия, Фармации и врачебной словесности.
4) – — Хирургии.
5) – — Повивального искусства.

6) – — Скотолечения.

IV Отделение словесных наук:

1) Профессор Красноречия, Стихотворства и языка Российского.

2) – — Греческого языка и словесности Греческой.

3) – — Древностей и языка Латинского.

4) – — Всемирной Истории, статистики и Географии.

5) Профессор Истории. Статистики и Географии Российского Государства.

6) – — Восточных языков.

7) – — Теории изящных искусств и Археологии.

Сверх того: 12 Адъюнктов, 3 Лектора или Учителя языков Французского, Немецкого и Английского, 3 Учителя приятных искусств и Гимнастических упражнений.

§ 25. В отделении Физических и Математических наук, Университет будет иметь особенную кафедру Натуральной Истории, под названием *Демидовской*, с тем, чтобы на содержание оной употребляема была часть доходов с капитала, принесенного в пользу Московского Университета благотворителем наук Павлом Григорьевичем Демидовым.

§ 26. Хотя таким образом число Профессоров и Адъюнктов ограничивается, однако ежели Совет Университета будет иметь случай приобрести славного и отличного учением мужа, или, ежели между природными Россиянами найдутся молодые люди в какой-либо науке толико успевшие, что представленными печатными или рукописными сочинениями и чтением о заданном предмете лекций, удостоверят, что с пользой Университета могут занять место Адъюнкта, в таком случае приобщить их к Университету дозволяется, и о принятии каждого Совет через Попечителя представляет Министру Народного Просвещения и ожидает решения.

§ 27. Каждое Отделение имеет своего Старейшину или Декана, ежегодно избираемого общим Университета собранием, из числа заслуженных или Ординарных Профессоров, и избранного представляет через Попечителя на утверждение Министра Народного Просвещения. Избрание Деканов делается в то же время, когда избирается Ректор.

§ 28. Главная должность Профессоров состоит в том, чтоб 1) Преподавать курсы лучшим и понятнейшим образом, и соединять теорию с практикой во всех науках, в которых сие нужно; 2) Преподавая наставления, пополнять курсы свои новыми открытиями, учиненными в других странах Европы; 3) Присутствовать в заседаниях и при испытаниях; 4) Руководствуя Адъюнктов, подавать им способ достигать высшей степени совершенства.

§ 29. Каждый профессор для чтения лекций избирает книгу своего сочинения, или другого известного ученого мужа; и в том и в другом случае избранное сочинение должно быть представлено на рассмотрение Совета, и ежели Совет нужным найдет сделать в нем какие перемены, то Профессор сделав оные, должен представить Совету на утверждение.

§ 30. Каждый Профессор должен расположить учение свое так, чтоб курс его кончен был в срок, какой Советом будет предписан, и чтоб мог он начать другой в назначенное время.

§ 31. Кроме главных курсов, выше сего упомянутых, во всяком Отделении общее собрание Университета может назначить дополнительные, смотря по обстоятельствам, и возлагать преподавание оных на Экстраординарных Профессоров и Адъюнктов, или Магистров.

§ 32. Все профессора, преподающие наставления, к предметам Педагогического Института относящиеся, обязаны посвятить один час в неделю наставлению Кандидатов.

§ 33. Профессора, за неимением учащихся или по какому-либо обстоятельству не могущие продолжать своих курсов, должны объявить ректору в общем заседании, каким намерены они заняться полезным трудом; или общее собрание, смотря по нуждам, само возлагает на них соответствующий труд: и в том и в другом случае дают они отчет общему Собранию. К числу таковых упражнений преимущественно принадлежат путешествия по Астрономической и Физической части, и для обозрения Училищ, в Округе Университета находящихся.

ГЛ. IV. — Об Адъюнктах и их должностях.

§ 34. Адъюнкты суть помощники Профессоров, под руководством коих стараются достигнуть большей степени совершенства, и во всех практических трудах Профессоров обязаны иметь участие.

§ 35. Адъюнкты имеют право присутствовать в общих Собраниях и подавать голоса по учебным предметам, но не имеют участия в выборах.

§ 36. В случае болезни Профессора или законного отсутствия, Совет назначает одного из Адъюнктов для продолжения лекций.

§ 37. Преподавание наставлений в Педагогическом Институте вменится Адъюнктам за особливый труд, а с дозволения Совета, могут они также обучать своим наукам в Университетских аудиториях.

§ 38. Адъюнкты в частных Собраниях исправляют должность Секретарскую и имеют право подавать свое мнение.

§ 39. Четырех из двенадцати Адъюнктов трудолюбием перед прочими отличившихся и знание свое препродаванием курсов и сочинениями доказавших, Совет, по предложению Ректора, баллотированием удостаивает в Экстраординарные профессора; и когда они по представлению Попечителя в звании сем Министром Народного Просвещения утверждены будут, тогда по рассмотрению попечителя получают прибавку в жаловании, какую дозволит сделать экономическая сумма.

ГЛ. V. — О Почетных Членах.

§ 40. Университет удостаивает звания Почетных Членов, мужей, прославившихся учением и дарованиями, как из природных Россиян, так и из иностранцев.

§ 41. Польза Университета требует быть в сношении с учеными обществами, и для того Совет в иностранных Государствах из Почетных Членов своих приобщает к себе в сем звании деятельнейших четырех, чтобы к каждому Факультету принадлежал один из оных. Совет избранных представляет начальству на утверждение.

§ 42. Сии четыре Почетные Члена, пользуясь пенсией от Университета по 200 рублей в год, ведут с ним переписку, доставляют ему сведения о новых в науках, изобретениях, и исправляют препоручения Университета касающиеся до выписывания предметов, к наукам относящихся.

§ 43. При выборе их Совет должен иметь в виду место их пребывания; ибо Член, живущий в городе, в котором есть Академия или Университет, больше может принести выгод Университету.

§ 44. Из особ, науки покровительствующих и мужей учением знаменитых, Совет избирает неопределенное число и избранных представляет равномерно начальству на утверждение.

§ 45. Почетные Члены имеют право присутствовать в общих Собраниях, и имеют голос, кроме случаев избрания.

§ 46. Если место пенсионера сделается праздным, то выбор нового производится по большинству голосов в общем собрании.

ГЛ. VI. — Об Университетском Совете и Собраниях.

§ 47. Ординарные и заслуженные Профессора составляют Университетский Совет или общее Собрание, которого Председатель есть Ректор.

§ 48. Совет Университета есть высшая инстанция по делам учебным и по делам судебным.

§ 49. Обыкновенные собрания Совета должны быть единожды в каждый месяц, а чрезвычайные в случае надобности, к которым

Ректор приглашает заблаговременно повесткой, и в случае избрания по крайней мере за три дня, наблюдая сколько возможно, чтоб заседания Совета не прерывали порядка в преподавании наук.

§ 50. Никакое определение Совета не действительно: 1, ежели сделано в отсутствие Ректора, или, в случае отлучки или болезни его, в отсутствие проректора; 2, ежели число находящихся в собрании ординарных профессоров не будет превосходить числа отсутствующих.

§ 51. Каждый отсутствующий Член доставляет Секретарю Совета извещение о причине своего отсутствия, которое должно быть прочтено в Собрании и внесено в особливую книгу. Ежели причина отсутствия признана будет законной, то отсутствующий Член в тех случаях, в которых дело решится не по баллам, может об нем письменно сообщить свое мнение, которое приемлется так, как мнение присутствующего.

§ 52. Совет по прошествии каждой половины года доносит Попечителю общим рапортом обо всех предметах, относящихся к образованию Университета и Училищ его Округа, а по прошествии года представляет полную ведомость. В прочем обо всяком чрезвычайном и требующем разрешения случае Совет доносит Попечителю немедленно.

§ 53. Университетский Совет рассматривает единожды в год все счета представленные в оный Ректором за общим подписанием Кассира и Бухгалтера, и по рассмотрении оных, представляет Попечителю за подписанием Ректора и присутствующих в Совете.

§ 54. Предметы общих собраний суть:

1. Избрание Профессоров, Почетных Членов, Адъюнктов и определение способных людей к преподаванию наставлений в Университете, Гимназиях и уездных Училищах его Округа.

2) Изыскание способов к усовершенствованию преподавания наук в Университете и в Училищах его Округа.

3) Учреждение порядка времени и распоряжение курсов в Университете так, чтобы науки следовали в естественной их связи, и Студенты в продолжение оных могли б пользоваться всеми наставлениями, кои нужны для будущего их звания. Расположение сие возобновляется ежегодно.

4) Ежегодное испытание успехов и способностей воспитанников.

5) Слушание предложений начальства и всего, что ректор на общее рассуждение предлагает.

6) Рассмотрение тяжебных дел, перенесенных из Правления.

§ 55. Сверх вышеупомянутых заседаний всякий месяц имеет быть особенное Собрание, в котором Профессора и Почетные Члены, под

председательством Ректора, рассуждают о сочинениях, новых открытиях, опытах, наблюдениях и исследованиях, Ректором или кем из Членов предлагаемых.

§ 56. Совет ежегодно предлагает задачу служащую к распространению наук, с обещанием за удовлетворительное решение награждения, соразмерного важности задачи, следуя обряду в иностранных Университетах и Академиях принятому, и наблюдая очередь между Факультетами; но предлагаемые задачи и обещанное награждение предварительно представляет на утверждение Министра Народного Просвещения.

§ 57. Университет после испытания воспитанников, ежегодно имеет торжественное Собрание, в котором должны читаны быть сочинения, до наук и словесности относящиеся, и предварительно рассмотренные и одобренные Факультетами, до которых касаются. В сих Собраниях предлагаема бывает задача на решение и объявляемо мнение Совета о полученных ответах на вопрос, за два года предложенный; провозглашаемы бывают имена удостоившихся получить степени; Ректор вручает им дипломы, Студентам награждения, Советом назначенные, с приличным об успехах и нравственности каждого извещением.

§ 58. Во всех заседаниях должен быть наблюдаем следующий порядок: 1) Ректор, или временно отправляющий его должность, предлагает на рассуждение предметы, для которых нужно общее соображение и согласие. 2. Для отвращения всякого замешательства во время заседаний Председательствующий отбирает по очереди от каждого присутствующего мнение о предложенном предмете. 3) Ежели по довольном рассуждении присутствующие не согласятся ни на одно какое-либо мнение, в таком случае Председатель обращает предложение в вопрос и требует решительных голосов; каждый вопрошается поочередно и объявляет свое мнение одним словом утвердительно (*affirmative*) или отрицательно (*negative*). 4. Определения основываются на большинстве голосов, в случае равенства противных, Ректор вторичным голосом разрешает оные. 5) Все решения должны быть вносимы немедленно в дневную записку и подписываемы присутствующими Членами. 6) Остающийся при противном мнении, приобщает оное за своим подписанием в дневной записке, после чего не отвечает уже за общее определение. 7) Пока Председатель не окончит заседания, ни один из Членов не должен оставить оного без важной причины. 8) Председатель наблюдает, чтобы прения не выходили из границ благопристойности, и в предупреждение сего имеет право немедленно прекратить заседание. 9) Ничто не решится баллотированием (посредством скрытно

полагаемых шаров) исключая сии два случая: *a*) когда делается какое избрание, *b*) когда требуется решение в рассуждении сочинений, предлагаемых к чтению в торжественных Собраниях, или к печатанию чего иждивением и с одобрением Университета.

§ 59. Для предметов, требующих внимательного исследования и продолжительного труда, назначаются особые Комитеты; донесения их разбираются и решаются в общих Собраниях.

§ 60. Когда место Профессора сделается праздно, то каждый профессор того Отделения, к которому он принадлежал, не ранее, как спустя месяц, представляет Ректору имя Кандидата, коего почитает достойным занять оное; сочинения его, ежели Кандидат вне России или не к Москве находится, и причины служащие основанием к представлению. Поданные Членами представления читаются в общем Собрании и хранятся в Совете. Ежели Кандидат находится в Москве, то обязан сам представить Совету свои сочинения, общее рассуждение о науке, о которой идет дело, о предметах оной, о ее пространстве, успехах, о настоящем ее состоянии, удобнейшем способе преподавать оную и разных Писателях, лучшим образом объяснивших относящиеся к ней предметы.

§ 61. Совет на рассмотрение сочинений и на собрание сведений о нравственности Кандидата определяет довольное время; по прошествии оного, Ректор назначает чрезвычайное Собрание для выбора. Совет об избранном предварительно представляет Попечителю и ожидает утверждения Министра Народного Просвещения.

§ 62. Тот же порядок наблюдается при избрании Адъюнктов. Природные Россияне, нужные знания и качества имеющие, должны быть предпочтены чужестранным.

§ 63. Факультеты имеют свои частные Собрания под председательством Ректора или Декана: обыкновенные единожды в месяц, а чрезвычайные по приглашению Ректора или Декана, сколь часто нужда потребует.

§ 64. Частные Собрания в заседаниях наблюдая тот же порядок, какой для общих предписан, имеют предметом: 1) ежегодное расположение системы, порядка и часов преподавания наук, к Факультетам относящихся; 2) испытание ищущих приобрести достоинства, в какие Университет возводить имеет право; 3) рассматривание Речей, приготовленных для чтения в торжественных Собраниях, и достоинства сочинений, которые представлены будут для напечатания иждивением Университета; 4) избрание задач с обещанием за решение награждения, и суждение о присланных ответах; 5) рассматривание употребления

сумм, определенных на заведения, к Факультетам относящиеся; 6) все, что Декан, по назначению Ректора или сам собой, до Факультета касающееся, предлагает.

§ 65. Определения или постановления каждого Факультета взносятся на рассмотрение общего собрания, которое может утвердить оные, или сделать в них перемены, какие заблагорассудит.

§ 66. Расписания лекций каждого Факультета, через Декана Ректору представленные, Совет соображает между собой, и составляет на следующий год общее расписание Университетского учения, которое заблаговременно и до начала лекций представляет Попечителю для утверждения.

§ 67. Время отдохновения от трудов Университетских бывает дважды: первое от 30 Июня до 17 Августа, а второе с 24 Декабря продолжается по 8 Генваря.

§ 68. Все просьбы об увольнении Профессоров и других чиновников, общим Собранием избираемых, должны быть подаваемы Ректору и вносимы в Совет, который по истребовании от просителей в должности их надлежащего отчета, представляет об них начальству. Отпуск, не превышающий двадцати-осьмидневного срока, (который позволен только по самым необходимым обстоятельствам просителя), дает Совет сам собой; а видом на таковую отлучку снабжает Правление.

§ 69. Совет имеет обязанность удалять от должности всех чиновников, от выбора его зависящих, кои окажутся в должности нерадивы, неповиновением начальству нарушают порядок, или приличатся в каких-либо непростительных проступках; но к сему должен он приступать не иначе, как по предварительном Университетского Правления исследовании и по приговоре, который был бы утвержден двумя третями голосов. Сделанный таким образом приговор представляется начальству на рассмотрение.

§ 70. Университетский Совет относится в Правительствующий Сенат, к Министру и к своему Попечителю *донесениями* или *представлениями.* Особам и сословиям к нему принадлежащим посылает *выписки* из журналов заседаний за скрепой Секретаря Совета; к особам и местам подчиненным *предписания,* подписанные Ректором или одним из Членов и Секретарем.

ГЛ. VII. — О Секретарях Собраний.

§ 71. Секретарь Совета избирается в общем Собрании баллотированием из Ординарных Профессоров. Он, сочиняя дневные записки Собрания, вносит в оные рассуждения и определения Совета, ведет переписку от лица Совета с частными особами: и потому должен быть

искусен в Российском и иностранных языках, ныне употребительных; но в случае иностранной переписки, Ректор может поручить другому кому из Профессоров, принадлежащих к тому Факультету, до которого содержание письма касается.

§ 72. Все письма, от лица Совета Секретарем или другим кем писанные, должны быть прочтены перед Собранием, и с них в Архиве списки оставлены, а получаемые и в Собраниях прочтенные хранятся в подлиннике.

§ 73. К должности Секретаря принадлежит сочинение истории Университета, хранение архивы и меньшой Университетской печати. Для содержания архивы в порядке, определяется один Архивариус и один писец из воспитанников.

§ 74. Секретарь Совета ежемесячно доставляет Попечителю копии с дневных записок, Собранием утвержденных, за своим подписанием.

§ 75. Частные Собрания имеют Секретарей из Адъюнктов, к Отделениям принадлежащих, кои избираются отделениями баллотированием через каждые два года, и представляются Попечителю на утверждение. Должности их единообразны с должностью Секретаря Совета.

ГЛ. VIII. — Об учебных пособиях и Институтах.

§ 76. Для распространения наук и просвещения учреждаются при Университете: Библиотека, Физический Кабинет, Астрономическая Обсерватория, Химическая Лаборатория, Кабинет Естественной Истории, Ботанический сад, Анатомический Театр; Институты: Клинический, Хирургический и повивального Искусства.

§ 77. Библиотекарь избирается общим Собранием из Ординарных Профессоров, а помощник его из Адъюнктов или Магистров. Он имеет писца из воспитанников.

§ 78. В исходе года каждое Отделение через своего Декана представляет Совету роспись книгам, которые оно почитает за нужное выписать или купить для Библиотеки Университетской. Совет, сообразуясь с суммой, на приумножение Библиотеки положенной, делает из оных выбор.

§ 79. Библиотекарь обо всех книгах, вновь вступающих, доставляет Совету сведения, под каким номером и в каком классе каждая внесена в его каталогах.

§ 80. Совет имеет назначить дни и часы, в которые Библиотека для посетителей должна быть отворена, и желающие могут пользоваться чтением в особливом покое. В назначенные дни и часы помощник Библиотекаря и писец должны быть неотлучны.

§ 81. Профессорам только и Адъюнктам дозволяется брать книги из Библиотеки, и в приеме их должны они расписываться в особливой на то книге.

§ 82. В Университетской Библиотеке могут храниться все печатные и рукописные сочинения, кои по мнению Факультетов и Библиотекаря иметь нужно. Но как сею Библиотекой не только Профессора, но и вся публика может пользоваться: то неограниченное на то позволение оставляется только Профессорам и Адъюнктам: а для других Цензура те книги, кои считает соблазнительными и вредными, должна отметить в каталогах и на заглавных листах, и никому, кроме Профессоров и Адъюнктов, читать их не позволяется.

§ 83. Собрание Физических орудий состоит в ведении и надзирании Профессора Физики. При нем находится приспешник, получающий жалование из суммы, на сей Институт определенной.

§ 84. Обсерватория и Астрономические орудия, к ней принадлежащие, состоят под ведением Астронома-Обсерватора; а собрание машин и моделей под ведением Профессора Математики. К сим трем заведениям причисляется инструментальный мастер для починки и содержания орудий в надлежащем порядке. Он должен быть снабжен на счет сих Институтов главными для своих работ орудиями и материалами, которые под смотрением Профессора Физики будут у него храниться.

§ 85. Кабинет Естественной Истории состоит в ведении Профессора Естественной Истории. Он не прежде должен исключать из Кабинета испортившиеся животные, как по представлении Совету.

§ 86. Ботанический сад состоит под ведением и надзиранием Профессора Ботаники. При нем находится садовник и получает жалование из суммы, на содержание Ботанического сада положенной.

§ 87. Химическая Лаборатория и Минеральный Кабинет находятся в ведении и под надзиранием Профессора Химии. Он имеет приспешника или Лаборатора, получающего жалование из суммы, на Лабораторию определенной.

§ 88. Анатомический Театр и собрание Анатомических препаратов имеет в своем ведении Профессор Анатомии. При Анатомическом Театре полагается Прозектор из Адъюнктов или Магистров.

§ 89. Для сих заведений и других нужд, встретиться могущих, полагается один живописец и один резчик на меди.

§ 90. Клинический Институт состоит под управлением и надзиранием Профессора Терапии и Клиники; Хирургический под смотрением Профессора Хирургии; Институт повивального Искусства под надзиранием Профессора сей науки.

§ 91. Избрание садовника к Ботаническому саду, Лаборатора к Химической Лаборатории и Лекарей, нужных при больницах, зависит от управляющих сими заведениями; и им предоставляется право определенных заменить другими, если они найдут их неспособными; но в обоих случаях обязаны они предварительно доносить причины Правлению.

§ 92. Внутреннее устройство учебных Пособий и Институтов предоставляется надзирателям оных.

§ 93. Все надзиратели над учебными заведениями обязаны содержать их в порядке, иметь точные описи собраний и вещей, им препорученных, и копии с описей представить Совету за своим подписанием. Они ответствуют за согласное с предположением употребление сумм, по штату на заведения положенных; и дают в оных отчет частным Собраниям, которые представляют оный на рассмотрение Правления.

§ 94. Надзиратели учебных пособий обязаны отвечать за их целость: и для того никто из профессоров, желающих преподавать наставления по части наук своего товарища в том Факультете или классе, к которому принадлежат особливые собрания инструментов и аппаратов Университетских, без особливого от своего товарища позволения (в котором он ему и отказать вправе) не может употреблять такого собрания при своих лекциях.

§ 95. Служители, при сих заведениях находящиеся, получают жалование из сумм, на них определенных.

ГЛ. IX. — Об испытаниях и производстве в Университетские достоинства.

§ 96. Возводимые в какое-нибудь Университетское достоинство должны подвергнуться испытанию.

§ 97. Испытание делается под председательством Декана от того Отделения, к которому по роду Наук принадлежит ищущий Университетского достоинства, и бывает различно, смотря по степени, которой он требует.

§ 98. При Магистерском и Докторском испытании должны присутствовать в лице депутатов других Отделений два Члена Университетского Совета, по жребию избранные.

§ 99. Студент, требующий степени Кандидата, является к Декану, который известив Отделение, назначает день, в который должен он представить Собранию. Отделение через своего декана предлагает испытуемому задачи, касающиеся до Наук, к отделению принадлежащих, которые он должен объяснить письменно. Потом производится изустное испытание, состоящее в двух вопросах, относящихся

до главной Науки, в которой Студент упражнялся, и выбранных по жребию. Сии вопросы решит он словесно. После чего присутствующие делают произвольное словесное испытание, не исключая и Наук вспомогательных.

§ 100. Ищущему Магистерского или Докторского достоинства, Декан прежде публичного испытания, пригласив двух Профессоров, преподающих вспомогательные Науки, делает обще с ними предварительный искус, и об успехе оного относится к своему Отделению, которое неспособным, утверждаясь на донесении Декана, в публичном испытании отказать может.

§ 101. Публичные испытания для получения двух высших Университетских достоинств производятся следующим образом: из определенного числа написанных и хранимых в тайне вопросов, относящихся до каждой особенно Науки, к отделению принадлежащей, выбираются по жребию два вопроса для Магистра и четыре для Доктора, кои они должны решить основательно и подробно. За сим следует произвольное словесное испытание в других предметах, назначаемых экзаменаторами. Потом должны они решить письменно такое же число и также по жребию выбранных вопросов и в присутствии Члена Отделения в удобном месте. С сими испытаниями Отделение соединяет по роду Науки практические опыты, как то: испытуемый Медицинским Факультетом, определяет болезнь представленного ему в Клиническом Институте, или в градской больнице недужного, предписывает лекарства и предсказывает их действия. Химик исследует и определяет составные части данного ему тела, и тому подобное.

§ 102. После сих испытаний, ищущий Магистерского достоинства читает одну, а Докторского три сряду публичные лекции о предметах от Отделения назначаемых, и представляет оному диссертацию для защищения в публичном Собрании.

§ 103. Если представленное сочинение по большинству голосов не удостоится уважения, или когда в продолжение испытания по большинству же голосов знания испытуемого окажутся недостаточными: то Факультет, отказав ему, не прежде как через год может позволить предстать для вторичного испытания.

§ 104. Врачебный наипаче Факультет обязан наблюдать величайшую строгость и крайнюю осторожность при испытании желающих получить достоинство Магистра или Доктора в Отделении Врачебной Науки.

§ 105. Порядок и последование каждого испытания вносятся подробно в журнал заседаний Факультета; и ежели испытуемый удостоен

будет желаемого достоинства, копия с оного представится в Совет Университета, который дает позволение и назначает время публичного защищения представленной диссертации, под председательством Декана.

§ 106. Следуя общему правилу, Магистерские и Докторские диспуты должны происходить на Латинском языке; но Отделение по причинам, до учености касающимся, может дозволить оные на Российском по прошению испытуемого.

§ 107. При публичных защищениях диссертаций после посторонних состязателей, противоположения делают три Профессора того же Факультета по старшинству, и об успехе сего испытания доносят Совету Университета.

§ 108. Желающие удостоены быть звания Лекаря и аптекаря, также и повивальных бабок, могут требовать экзамена от Медицинского Отделения, и по удостоению Университета получают право производить вольную практику. Лекарь и аптекарь, выдержавшие предписанное для кандидатов испытание, считаются в 12 классе, а повивальные бабки получают свидетельство с позволением учить в деревнях своему искусству и право заступить должность уездной повивальной бабки.

ГЛ. X. — О Студентах вообще.

§ 109. Никто не может быть принят в Университет Студентом, не имея нужных познаний для слушания курсов, в Университете преподаваемых.

§ 110. Желающий оными пользоваться, должен представить Правлению Университета свидетельство о своем состоянии, и свидетельство Директора Гимназии о поведении, прилежании и успехах в преподаваемых там Науках; прочие вне Гимназии обучавшиеся испытываемы быть должны в Комитете, от Ректора назначаемом, в языках и начальных основаниях нужных Наук, и со свидетельством, какое получать о знаниях, являются в правление.

§ 111. Правление, рассмотря свидетельства, если не найдет никакого препятствия, вносит просящего в список Студентов тех Отделений, которых курсы проходить должен, и дает экземпляр Университетских постановлений, обязанности его показывающих.

§ 112. Между науками, в Университете преподаваемыми, находятся такие, которым необходимо должны учиться все желающие быть полезными себе и Отечеству, какой бы род жизни и какую службу ни избрали, и для того тот только может перейти в главное Отделение наук, соответствующих будущему состоянию, кто прослушал Науки приготовительные.

§ 113. Студент, выслушавший курсы для всех Наук нужные, и желающий оставить Университет, получает в торжественном Собрании аттестат за подписанием Правления, с приложением печати Университета. В аттестате должно быть показано, коликое время пользовался он Университетскими наставлениями, внесены свидетельства Профессоров, у коих слушал лекции, и свидетельство ректора о его поведении.

§ 114. Если кто из Студентов, по выслушании приготовительных курсов, в которой-нибудь из наук, к Отделениям принадлежащих, до того достигнет, что в состоянии будет предстать на испытание и доказать в оной знания, соответствующие степеням, на которые Университет возводить имеет право: тот может требовать испытания и получить степень, какую заслужил своими успехами. Равным образом и те, кои не обучаясь в Университете, приобрели знания в другом месте, могут представлять себя к испытанию и получить степень, соответствующую их знаниям.

ГЛ. XI. — Об Инспекторе и казенных Студентах.

§ 115. Инспектор казенных Студентов избирается из Ординарных Профессоров общим Собранием.

§ 116. Он есть блюститель порядка и благочиния сего Общества; он, посещая покои воспитанников, нерадивых увещаниями привлекает к должности, и старается возбудить прилежание к учению.

§ 117. Студентам, иждивением Университета содержимым, прием делается единожды в год перед начатием курсов; в выборе их, преимущество дается неимущим, когда они имеют все нужные знания к слушанию профессорских наставлений.

§ 118. По окончании курсов, ежегодно бывает испытание в общих Собраниях, и отличившиеся добронравием и успехами награждаемы бывают медалями, какие Советом по мере успехов будут назначены.

§ 119. Ежели кто из Студентов проучась год, не окажет при испытании таких успехов, чтобы можно было перевести его выше: то должен он слушать снова те же наставления; и ежели при следующем испытании успехи его найдутся еще недостаточными, то Правление отпускает его из Университета с одним только аттестатом о его поведении.

§ 120. Студенты, окончившие трехлетнее учение и выслушавшие нужные курсы для продолжения учения, в котором-нибудь Отделении, (ежели пожелают остаться в Университете) могут продолжать учение в звании Кандидатов и отправлять должность повторителей по надлежащем испытании.

§ 121. Из числа Кандидатов или Магистров, Совет избирает Инспектору двух помощников, живущих вместе со Студентами и стол

с ними общий имеющих. Они, имея смотрение за поведением Студентов, за употреблением времени вне классов и за всем, что относится к порядку и устройству в комнатах, подают Инспектору ежемесячные ведомости о поведении вверенных каждому воспитанников; о дерзостях же и соблазнительных поступках немедленно доносят Инспектору, который удостоверясь на месте, принимает надлежащие меры, или относится к Ректору, а самое деяние или поступок вносит в особую книгу, и при годовом испытании представляя оную совету, свидетельствует о поведении каждого.

§ 122. Желательно, чтобы профессора некоторых наук, особливо Словесных, Философических и Юридических, учредили беседы, со Студентами, в которых предлагая им на изустное изъяснение предметы, исправляли бы суждения их и самый образ выражения, и приучали бы их основательно и свободно изъяснять свои мысли, и для удержания при Университете Латинской Литературы желательно, чтобы в беседах сих употребляем был преимущественно Латинский язык.

§ 123. Учителя языков, приятных Искусств и Гимнастических упражнений, казенных воспитанников обучают без платы, а от своекоштных получают умеренную плату, Советом Университета назначаемую.

§ 124. Студенты в рассуждении нравственности и поведения сообразуются с правилами благочиния, сочиненными Университетским Советом и на утверждение начальства взнесенными.

ГЛ. XII. — О Педагогическом Институте.

§ 125. Педагогический или Учительский Институт образует Учителей для Гимназий и Училищ, округ Университета составляющих, под начальством Директора, из Ординарных Профессоров общим Советом избранного.

§ 126. Положенное в штате число Студентов-Кандидатов преимущественно наполняется воспитанниками, на казенном иждивении содержимыми.

§ 127. Директор Педагогического Института в каждые полгода представляет на рассмотрение общему Собранию план учения, сообразный намерению сего учреждения. Он не только надзирает, чтоб по оному в точности было исполняемо, но и сам наблюдая за поведением учащихся, руководствует их в учении, показывая лучших Писателей о науках, главный предмет их составляющих, и наставляя в искусстве преподавать науки ясным и систематическим образом.

§ 128. Кандидаты, пробывшие в Институте 3 года и при новом испытании оказавшие ясные опыты, что приобрели потребные знания

других обучать наукам, и способность преподавать наставления, получают вторую Университетскую степень, или определяются Учителями в Училищах Московского Округа, младшими, или старшими, смотря по достоинствам.

§ 129. Кандидаты, по получении сей степени, если пожелают Университет оставить, для вступления в службу при других заведениях, подведомых Министру Народного Просвещения, равномерно и Учителя, должны обязаться подпиской, что не прослужа в сей должности по крайней мере 6 лет, не оставят Учительского звания; напротив того, те, кои удостоясь Магистерской степени, останутся при Университете, обязаны преподавать наставления Студентам-Кандидадам, и ежели совет заблагорассудит, в Университетской Аудитории в назначенные дни и часы.

§ 130. Магистры Университета и старшие Учителя Гимназий, прослужившие по крайней мере 3 года, производятся в Адъюнкты преимущественно перед посторонними, ежели будут праздные места и общее Собрание по надлежащем испытании признает их достойными.

§ 131. Из Магистров, наиболее отличившихся успехами в науках и добропорядочным поведением, Совет каждые два года в полном Собрании избирает двоих для отправления в чужие края, назначает прибавку жалования из суммы, на путешествие в штате положенной, и представляет через Попечителя Министру Народного Просвещения на утверждение.

§ 132. Отправляемые в чужие края Магистры, от Совета получают письменное наставление, а Министр Народного Просвещения рекомендует их Посланникам и Агентам Российского Двора в тех Государствах, где они пребывать будут.

§ 133. Путешествие отправляемых Магистров продолжается два года, в течение коих должны они стараться усовершить свои знания, через каждые 3 месяца доносить Совету о своих упражнениях и успехах, исполнять его поручения, и по возвращении отчет дать в своем путешествии.

ГЛ. XIII. — О Правлении Университета.

§ 134. Правление Университета под председательством Ректора составляют Деканы Факультетов. К ним присоединяется назначаемый Попечителем из Ординарных Профессоров непременный Заседатель.

§ 135. Непременный Заседатель есть ближайший помощник Ректору в делах, к Правлению и Университетскому Суду принадлежащих. Он наипаче печется, чтоб в отправлении текущих дел соблюдаем был порядок, сохранены были законы и непоколебимы были полезные и

опытом утвержденные постановления: в противном случае, учиня Ректору благопристойное представление, доносит Попечителю.

§ 136. Правление собирается по приглашению Ректора, сколь часто потребуют сего обстоятельства; а в рассуждении текущих дел имеет заседание по два раза в неделю, в дни и часы, которые должны быть определены после избрания Ректора и Деканов.

§ 137. Правление заключает в себе исполнительную власть Университета, занимается внутренним устройством Университета и благочинием, сносится с другими Государственными местами по делам, до Университета касающимся.

§ 138. Правление Университета в ведомстве своем имеет сумму, на содержание Университета отпускаемую; отвечает за ее целость, распоряжает оной согласно Высочайше утвержденному штату, делает подряды, договора и выдачи, наблюдая порядок, общими законами предписанный, и рассматривает счета всех чиновников, коим вверяются частные расходы.

§ 139. Остатки, каковые могут быть в штатной сумме, за действительным удовлетворением годовых потребностей, обращаются в хозяйственную сумму, и употребляются на разные заведения, к пользе Университета относящиеся, по определениям Совета, подтвержденным от Начальства. Правление рассматривает подобным образом как употребление сих остатков, так и других хозяйственных сумм по разным Институтам, и ежели не имеет беспосредственной в оных нужды, помещает их в Государственные Банки, или Опекунский Совет.

§ 140. Ежели нужно будет сделать какую-нибудь выдачу, нетерпящую отсрочки: то Ректор, не сзывая Членов Правления, может предписать Казначейству произвести оную: но в сем случае обязан он непременно уведомить Правление в первое заседание. Сумма, которую Ректор таким образом до будущего заседания распоряжать может, вся вообще не должна превышать 100 рублей.

§ 141. Правление, усмотрев надобность во временной для Университета издержке сверх штата из хозяйственной Университетской суммы, относится об оной в Совет, ежели превышать будет 500 рублей; а Совет по рассуждении представляет Попечителю и ожидает его разрешения. Издержки же ниже 500 рублей могут быть произведены по определению Правления: но оно немедленно доносит об оных Попечителю.

§ 142. По прошествии каждого месяца Правление свидетельствует как штатную, так и хозяйственную сумму, сличая с приходными и расходными книгами. После каждого такого заседания, Ректор

отправляет к Попечителю за свидетельством своим подробную и точную о приходе и расходе сумм ведомость, подписанную прежде Кассиром и Бухгалтером.

§ 143. Годовой счет прихода и расхода Университетских сумм заключается в первых числах Генваря, и подписанный Кассиром и Бухгалтером, через Ректора представляется Университетскому Совету на рассмотрение. Совет, назнача некоторых из своих Членов, свидетельствует целость оставшейся суммы, и, по освидетельствованию оной, счета в половине Генваря отсылает к Попечителю за подписанием Ректора и Присутствующих в Совете для представления Министру Народного Просвещения.

§ 144. Правление для производства дел имеет Секретаря, Кассира, Бухгалтера и Переводчика и Экзекутора для смотрения за домом, числящимся в тех же классах, какие Коллежским назначены. Секретаря избирает Попечитель и представляет на утверждение Министра Народного Просвещения.

§ 145. Правление определяет и отпускает нижних служителей по хозяйственной и Полицейской части надлежащим порядком, не относясь к начальству; о прочих же, в классах состоящих, делает представление Попечителю, и ожидает его решения.

ГЛ. XIV. — О суде Университетском.

§ 146. Ректор, как Председатель Университетского Правления, имеет обязанность неудовольствия и ссоры между Чиновниками Университетскими прекращать миром; но если в том не успеет, то приемлет на себя должность судьи, и составляет первую инстанцию Университета.

§ 147. Все жалобы и следственные дела, относящиеся к Студентам, производятся от Ректора словесно. Но в прочих случаях ведет он в производстве дел законами предписанный порядок, употребляя для советов непременного Заседателя, как ближайшего во всех делах помощника его, Синдика, и для письменного производства Секретаря и Чиновников Правления.

§ 148. Ректор дает решительные определения, которые не подлежат никакой апелляции и исполняются в следующих случаях:

1) По жалобам в денежной сумме, не превышающей 15 рублей.

2) По проступкам и оскорблениям, за которые Университетские законы подвергают только выговору или заключению под стражу не более как на три дня.

§ 149. В случаях, важнее предыдущих, Ректор может брать меры к примирению тяжущихся, если законы позволяют. Но ежели старание

его будет безуспешно, тогда проситель подает прошение в Правление, и дело производится законным порядком.

§ 150. Дела и жалобы, касающиеся до Профессоров, Адъюнктов и других Чиновников Университета, поступают в Правление.

§ 151. В сомнительных и важных делах Правление приглашает одного или двух Профессоров Прав, и вместе с ними делает по большинству голосов решение.

§ 152. Синдик, при разбирательстве в Правлении тяжебных дел, соображает оные с Государственными законами и приготовляет к решению. Он имеет советовательный голос.

§ 155. В Правление могут быть приносимы жалобы и на Ректора; но для соблюдения к Ректору должного уважения, Правление, ежели найдет жалобу несправедливой, имеет право на просителя наложить денежную пеню в пользу неимущих до 25 рублей; а в случае справедливой жалобы, представляет заключение свое на рассмотрение Попечителя и ожидает его решения.

§ 154. Приговоры Правления немедленно исполняются и на оные апелляции не бывает:

1) По жалобам, коих иск не превышает 50 рублей.

2) По проступкам Студентов, за которые Университетскими правилами установленное наказание не превышает четырнадцатидневного заключения под стражу.

3) По жалобам на Университетских Чиновников, которых исследование кончится выговором или положением пени не свыше 25 руб.

4) По жалобам на Университетских, или Университетским особам принадлежащих служителей, относительно наказания, которое приговорено будет для соблюдения благочиния.

§ 155. Дерзости Студентов, причиняющие явный соблазн, подвергаются исследованию Правления, хотя бы по оным последовало личное удовлетворение миром.

§ 156. По всем прочим делам тяжущиеся, получив по своему желанию копию с объявленного Правлением определения, ежели не довольны решением, имеют право взносить апелляцию в Университетский Совет, не позже осьми дней, считая со дня объявления сего решения, и в таком случае исполнение по определению Правления отлагается до решения Совета.

§ 157. Дела о недвижимом имении в Правление не приемлются, но идут в учрежденные на то Присутственные места; в делах же уголовных, Правление, учиня первоначальное исследование, препровождает оное и виновного с мнением своим в то Присутственное место,

которому принадлежит суждение, но Синдик допускаем быть должен к заседанию в оном в качестве Депутата от Университета.

§ 158. Разделы наследственного движимого имущества между Членами и подчиненными Университету, равно и состоящими при оном фамилиями и служителями, подлежат суду Правления.

§ 159. Решения Университетского Совета не подлежат апелляции и определения его немедленно исполняются:

1) Во всех делах, коих иск не превосходит 500 рублей.

2) В делах, касающихся до должностей и преступления правил, Университетом предписанных.

3) По приговорам к денежной пени не свыше 100 рублей.

В прочих случаях недовольный имеет право на суд Университетского Совета жалобу принести в Правительствующий Сенат.

§ 160. Со всех приговоров Совета, до объявления оных тяжущимся, должны быть заготовлены копии и немедленно после того им вручены.

§ 161. Переносящий из Университетского Совета дело в Правительствующий Сенат, под опасением потерять право апелляции, должен наблюдать для подписания апелляции восьмидневный срок, а Университетский Совет до истечения сего срока доносит о сем Правительствующему Сенату, препровождая при том и все дело со своим протоколом.

§ 162. Делопроизводство в Университете свободно от употребления гербовой бумаги и всяких пошлин, должно быть кратко и ни в каком случае не препятствовать преподаванию учения.

ГЛ. XV. — Об управлении и надзирании Училищ.

§ 163. Университет, имея надзирание за учением и воспитанием во всех Губерниях, Округ его составляющих, прилагает особенное и неутомимое попечение, дабы Гимназии, уездные и приходские Училища везде, где оным быть положено, учреждены и снабжены были знающими и благонравными Учителями и учебными пособиями, и дабы порядок учения соблюдаем был везде неослабно.

§ 164. Университет для каждой Губернии своего Округа, избирая Губернского Директора Училищ, представляет оного через Главное Училищ Правление на утверждение Министру; Смотрителей же для уездных или окружных Училищ, так как и Учителей в Гимназии и прочие Училища Университет набирает и определяет непосредственно, или по представлению Губернских Директоров Училищ.

§ 165. Для удобнейшего производства дел, к Училищам относящихся, учреждается Училищный Комитет, ежегодно по определению

Совета составляемый, под председательством Ректора из шести Ординарных Профессоров.

§ 166. Училищный Комитет получает все донесения Директоров Гимназий, снабжает их просимыми разрешениями и наставлениями, отбирает от них в случае какого-либо беспорядка нужные объяснения, и ежели не в состоянии будет принять решительных мер, взносит мнение свое в общее собрание Профессоров. Комитет имеет попечение о сохранении полугодичных ведомостей о состоянии Училищ, о достоинстве и трудах Учителей и об успехах учащихся.

§ 167. Комитет имеет обязанность состоящих в ведомстве его Учителей и Чиновников удалить от должности на время или навсегда, если окажутся недостойными сего звания; но о всяком таком случае Комитет представляет мнение свое Совету с приложением всех доводов и ожидает решения; а о Директоре Совет представляет Попечителю.

§ 168. Комитет представляет ежегодно Совету подробное изображение испытаний, состояния, в каком учение находится, приращения способов народного просвещения и недостатков, остановляющих оное. Университетский Совет рассмотрев донесение сие, препровождает к Попечителю для такового же представления Министру Народного Просвещения.

§ 169. Совет посылает ежегодно Визитаторов из Членов Комитета или других Профессоров, поручая каждому одну или две Губернии по местному положению для осмотра, и снабжает путевыми деньгами из положенной штатом суммы. Визитаторы исполнив все статьи наставления своего и присоединив собственные замечания, представляют описание осмотра Училищному Комитету, который, по сочинении из них общего систематического извлечения, вносит с мнением своим в общее собрание, а оное доводит надлежащим образом до сведения Начальства.

§ 170. Училищный Комитет не преминет обратить внимания своего на способность, прилежность и благонравие Учителей. Он ходатайствует за достойных Учителей и исправляет напоминаниями своими неберегущих, или по необходимости представляет об отрешении безнадежных. Во всех чрезвычайных случаях, могущих приключиться в Училищах, настоит представлениями Университетскому Совету для отвращения всякой остановки в учении.

§ 171. Училищный Комитет получает и рассматривает хозяйственные отчеты Директоров Училищ, требует ответов в случае замеченных неисправностей и представляет Правлению.

§ 172. Училища, находящиеся на казенном содержании, не иначе могут сделать какой-либо расход сверх штата, как по предварительном разрешении Попечителя, для донесения которому Директор должен представить в Училищный Комитет, объясня вместе пользу или необходимость таковой издержки.

§ 173. Все пансионы и Училища, посторонними особами учреждаемые, должны через Директоров представить начертания свои рассмотрению Училищного Комитета, который, как заведение оных удостаивает или отвергает, так и Учителей утверждает.

§ 174. Визитаторы во время исполнения должности своей препоручаются особенному вниманию и содействию местных Начальств.

§ 175. Директора вообще обо всем до учения касающемся и расходах относятся в Комитет, а Комитет по учебной части в Совет, по хозяйственной в Правление.

§ 176. Для исправления текущих дел и нужных, но не столь важных донесений, Ректор и два Члена, на сей конец переменяющиеся ежемесячно, собираются два раза в неделю и более, если ректор почитает сие нужным. Оные два Члена при перемене своей дают отчет Комитету, особенно же, когда положено быть должно о преобразовании чего-либо в Училищах, или о перемене Учителей и других Чиновников.

§ 177. Училищный Комитет имеет Секретаря из Адъюнктов или Магистров; с посторонними Присутственными местами не производит беспосредственного сношения, но заимствует посредство Университетского Правления.

ГЛ. XVI. — О Типографии и Цензуре книги.

§ 178. Университет имеет собственную Типографию, которой располагает Правление, поручая оную в смотрение или отдавая в содержание людям надежным.

§ 179. В Университетской Типографии печатаемы быть должны преимущественно книги, относящиеся к наукам, преподаваемым в Университете и в Училищах его Округа, и все, что Правление или Совет Университета найдет нужным к распространению наук.

§ 180. Для рассматривания книг, печатаемых от частных людей в Университетской Типографии и в Округе Университета, учреждается при Университете Цензурный Комитет из Деканов всех Отделений. Лекторы Цензуры суть все Профессора, Адъюнкты и Магистры. Должность Секретаря при Цензуре отправляет один из Магистров, собранием назначенный.

§ 181. Предмет установления сего Комитета состоит в том, чтоб отвратить издание сочинений, коих содержание противно Закону,

Правительству, благопристойности, добрым нравам и личной чести какого-либо частного человека.

§ 182. Цензуре не подлежит только то, что печатается по определению Университетского Совета или Правления, и книги, предоставленные рассмотрению Духовного Начальства.

§ 183. При рассматривании сочинений Комитет Цензуры поступает следующим образом:

1) Рукопись или книга взнесенная на рассмотрение записывается в журнал, и по определению Комитета поручается одному из Лекторов.

2) Лектор по прочтении доносит Комитету свое мнение, может ли сочинение быть напечатано или нет.

3) Ежели сочинение Лектором решительно одобрено, то Комитет делает определение о позволении печатать, и на обороте заглавного листа оное выставляет, которое подписывает один из Деканов, а Лектор рассматривавший сочинение подписывает по листам.

4) Если Лектор донесет Комитету Цензуры, что читанная им книга по мнению его не может быть напечатана, или затрудняется оную одобрить, то в обоих случаях представляет причины и показывает сомнительные места. Комитет по общем рассуждении делает решение по большинству голосов, в сомнительных же случаях представляет мнение свое на разрешение Совета, который равномерно по большинству голосов дает позволение печатать сочинение, или объясня в журнале своем причины воспрещения печатать, оставляет оное в Цензуре.

§ 184. Ежели сочинитель или издатель не доволен будет решением Комитета, в таком случае может жалобу принести в Главное Училищ Правление.

§ 185. Рукописи взносимые в Комитет, должны быть писаны ясным и четким письмом.

§ 186. Содержатели Типографий, находящихся в Округе Университета, не должны ничего печатать без засвидетельствования Цензуры. По напечатании ж какого-либо сочинения должны представить в Университет подлинную рукопись оного и один печатный экземпляр с приложением подписки, что в оном ничего могущего смысл превратить не включили.

§ 187. Университет и Профессора порознь выписывают беспрепятственно все сочинения какого бы они содержания ни были; но Цензурный Комитет обязан просмотреть те из них, кои для Университетской Библиотеки назначены, и сообщает Библиотекарю на замечание, если которые признает соблазнительными или вредными.

§ 188. В прочем Университет во всем, что касается до рассматривания всякого рода книг и сочинений, печатаемых в его Округе и из чужих краев выписываемых, руководствуется правилами Устава о Цензуре, сего 1804 года Июля в 9 день Высочайше утвержденного.

В начале каждого года Ректор назначает чрезвычайное и общее собрание, которое занимаясь единственно чтением сего Устава, рассуждает, точно ли по оному во всех частях исполнено. По усмотрении какого отступления, определяет немедленно удобнейшие меры к отвращению оного и представляет об оных Попечителю.

1804 год

5 ноября

Утвердительная Грамота Московского Императорского Университета[1]

Божией поспешествующей милостью Мы *Александр Первый,* Император и Самодержец Всероссийский и проч., и проч., и проч.

Обращая особенное внимание Наше на Московский Императорский Университет, который через целые полвека имел столь великое участие в образовании людей способных для Государственной службы, в распространении знаний и наипаче в усовершенствовании отечественного языка, рассудили Мы за благо изъявить через сие торжественную признательность Нашу сему первому в России высшему Училищу, даровав оному новые права и преимущества, более сообразные с просвещением текущего времени. Образ существования, каковой предначертан ему Августейшей Основательницей его, блаженной памяти, Государыней, Прабабкой Нашей, Императрицей Елизаветой Петровной в 1755 году, по патриотическому представлению знаменитого любителя наук, Действительного Каммергера Шувалова, изменяем был в последствии, по востребованию обстоятельств и по мере умножающегося числа учащихся, распространяем щедротами Государей, предшественников Наших.

---

[1] Публикуется по: 1-ПСЗРИ. Том 28. № 21502. С. 647–650.

Мы, желая поставить на незыблемом основании сие благотворное учреждение и дать ему новые способы ознаменовать деятельность его, даруем Московскому Университету новое и пространнейшее образование, подтверждая за Нас и преемников Наших существование сего Университета. К достижению же сей цели присвояем ему следующие постановления:

1. Императорский Московский Университет пребудет сословием ученых мужей, которое под непосредственным Нашим покровительством управляемо будет на основании Устава, в сей день Нами утвержденного.

2. В нем преподаваемы будут науки во всем пространстве как общие, каждому человеку нужные, так и особенные, служащие к образованию гражданина для разных родов Государственной службы.

3. Университет состоит под главным начальством Министра Народного Просвещения, и вверяется Члену Главного Училищ Правления, на которого от Нас возложено особое о нем и Округе его попечение.

4. Университет имеет собственное Правление, и в отношении к другим Присутственным местам равняется с Коллегиями.

5. Университет имеет право делать участниками в своих трудах посторонних ученых людей из подданных Наших или иностранных, под названием: *Почетных Членов.*

6. Университет имеет право возводить на Университетские степени или достоинства, каковы суть: достоинство *Кандидата, Магистра* и *Доктора;* и на оные давать дипломы. Получившие сии достоинства имеют быть определяемы по части учения их везде, не подвергаясь какому-либо испытанию.

7. Университету, сообразуясь с Уставом, равно и предписаниями начальства, предоставляется делать частные и подробнейшие постановления в рассуждении внутреннего его устройства, о которых однако должен он предварительно относиться к попечителю, и через него от Министра Народного Просвещения ожидать утверждения.

8. Университет имеет внутреннюю свою расправу и начальство над всеми своими Членами, подчиненными и их семействами, при Университете пребывающими, так, что в случае тяжбы Члена или подчиненного Университету с каким-либо частным человеком или обществом, производится дело в Правлении Университета, ежели ответчик к нему принадлежит, и апелляция по приговорам Университета идет только в Правительствующий Сенат. В прочем тяжбы о недвижимом имении идут к разбирательству в учрежденные на то Присутственные места; в делах же уголовных Правление Университета учиня первоначальное

исследование, препровождает оное и виновного с мнением своим, куда следует по преступлению.

9. Все, что Университет для употребления своего по учебным и художественным предметам выписывает из чужих краев, как то: инструменты, книги, машины всякого рода и всякие художественные вещи, дозволяется привозить беспрепятственно и беспошлинно, как морем, так и сухим путем, и во избежание какового-либо вреда пограничная Таможня не вскрывает ящиков, Университету адресованных, но приложа клейма, при сообщении пропускает далее с тем, чтобы оные в самом университете в присутствии Магистратского Члена вскрыты и освидетельствованы были. Университет имеет наистрожайше наблюдать, чтоб на имя его не были привозимы другие какие вещи, кроме действительно им выписанных для употребления по учебным и художественным предметам.

10. Университет имеет собственную свою Цензуру для всех издаваемых им или Членами его сочинений, к наукам и словесности относящихся, также для книг, выписываемых для своего употребления из чужих краев. К ведению его принадлежит Цензура всех сочинений, частными людьми в Округе его издаваемых.

11. Университет имеет в полном своем распоряжении Типографию и книжную лавку. В Типографии печатается все, что по мнению Совета может служить к распространению знаний в его Округе.

12. Все Университетские здания и жилища Профессоров, собственные ли их дома или наемные, если лично ими занимаются, свободны от постоя и платежа квартирных денег.

13. Университет имеет собственную свою печать с Государственным гербом и надписью: *Печать Императорского Московского Университета.*

14. Письмоводство Университета и производимые в нем дела освобождаются от всех пошлин и употребления Гербовой бумаги.

15. Иностранные Чиновники Университета могут выехать за границу без всякого с имущества их в казну взыскания. При въезде в Государство предоставляется право каждому из них в первый раз привезти с собой, или по приезде выписать, пожитков или вещей в собственность ценой до 3.000 рублей беспошлинно.

16. Ординарные профессора Университета состоят в 7 классе; Профессора Экстраординарные, Адъюнкты и удостоенный Университетом Доктора в 8 классе, Магистры в 9, Студенты-Кандидаты в 12 классе. Студенты, по принятии в Университет имеют право носить шпагу, и отличившиеся успехами в науках и похвальным поведением при

вступлении в службу получают чин 14 класса. Ректор состоит в 5 классе за уряд.

17. Все чины Университета, почитаясь в действительной службе, по предъявлении данных им от Университетского Совета свидетельств, получают от Герольдии патенты на чины, их классам соответствующие.

18. Всякий Профессор и Адъюнкт, беспорочно и усердно в звании своем 25 лет прослуживший, будет почтен именем *заслуженного*; и ежели пожелает оставить свое место, годовой его оклад обращается в пенсию по смерть из суммы Университетской, которой может пользоваться, жительствуя где заблагорассудит, в Государстве или вне оного. Равным образом, ежели действительно служащий Профессор, или Адъюнкт, или Учитель Университета, по засвидетельствованию Университетского Совета окажется одержим неизлечимой болезнью, отъемлющею силы исправлять свою должность, то имеет получать половину годовой пенсии; но за отличные достоинства и оказанные заслуги, по особенному одобрению Университета, определяется в пенсию полное жалование. В сем последнем случае Министр, по представлению Попечителя, испрашивает Нашего утверждения.

19. Вдовы профессоров, Адъюнктов и Учителей и малолетние их дети имеют получать единовременно годовое жалование умерших, или сверх того и пенсию. Право на получение пенсии определяется следующим образом: если Профессор, Адъюнкт или Учитель усердно прослужит при Университете в своем звании от 5 до 15 лет, оставя по себе жену или детей малолетних; сверх единовременной выдачи годового оклада, назначается вдове с детьми пятая оного доля. Если же Профессора, Адъюнкты и Учителя, прослужив в Университете более 15 лет, скончают жизнь свою; таковых женам с детьми, сверх единовременной выдачи годового жалования, обращается в пенсию четвертая оного доля. Женам и детям умерших Профессоров, Адъюнктов и Учителей, не выслуживших пяти лет, выдается единожды полное годовое жалование, разве отличные достоинства и заслуги умершего обратят на его семейство особливое внимание Университета; в таком случае Совет через Попечителя представляет Министру Народного Просвещения о награждении оного пенсией, соразмерной заслугам умершего, которая однако ж не должна превышать пятой части годового оклада.

20. Когда вдова вступает в новый брак, то пенсию производить детям, которая прекращается, когда последнему из них исполнится 21 год, или когда и прежде 21 года, дочери выйдут в замужество, а сыновья определены будут в службу.

21. Всемилостивейше определяем на содержание Московского Университета 130.000 руб. годового дохода, штатной суммой называемого, которая, по ассигнованию Государственного Казначея, ежегодно должна быть впредь по третям отпускаема. Остающаяся же от неполного расхода по всем предметам, в штате означенным, при конце года отделяется от штатной и причисляется к экономической или хозяйственной на непредвидимые надобности Университета; равномерно и сумма на пенсию Чиновникам и вдовам назначенная и получаемые от оной проценты ни с какой другой не смешиваются.

Тако утверждая Императорской Нашей грамотой и ограждая благосостояние Императорского Московского Университета, надеемся, что Начальство и Члены оного, ревнуя о совершении Наших намерений, ничего не упустят из виду, дабы доставить сословию сему полное и непрерывное действие на пользу Округа, которому оно дано средоточием, и купно на пользу прочих любезнейших Наших верноподданных всех званий. В сем уповании благоволили Мы настоящую грамоту, как свидетельство непреложной воли Нашей, собственноручно подписать, и Повелели, утвердив оную Государственной печатью, отдать для хранения в вечные времена Университету.

1835 год

26 июля

Высочайше утвержденный Общий устав Императорских Российских Университетов[1]

Именной, данный Сенату. Утвердив в 25 день июня сего года положение об Учебных округах Министерства Народного Просвещения, Мы обратили деятельность Университетов Наших на существенную пользу наук и публичного воспитания.

Желая довершить устройство высших учебных заведений и поставить их на степень, им следующую, Мы признали за благо даровать им новое учреждение, более приспособленное к дальнейшему их усовершенствованию. На сей конец, под собственным руководством Нашим,

[1] Публикуется по: 2-ПСЗРИ. Том 10. № 8337. С. 841–855.

составлен в Комитете Устройства учебных заведений проект Общего устава Императорских Российских Университетов с принадлежащими к нему штатами.

Находя сей проект соответствующим предначертаниям и намерениям Нашим, Мы утвердили оный вместе с штатами Университетов: С.Петербургского, Московского, Харьковского и Казанского, *Повелевая* привести сии узаконения в действие по предварительному соглашению Министерства Народного Просвещения с Министерством Финансов.

Правительствующий Сенат не оставит учинить по сему надлежащее распоряжение.

УСТАВ

Гл. I. Общие положения.

1. Университет составляется: 1) из определенного числа Факультетов, 2) из Совета, 3) из Правления.

2. В полном составе Университета полагаются три Факультета: Философский, Юридический, Медицинский.

3. Каждый Факультет состоит из учащих и учащихся. Число первых определяется штатом, но может быть увеличено по мере надобности. Они разделяются на Профессоров, Адъюнктов и Лекторов.

4. Каждый Факультет имеет своего Декана, а Философский двух по числу его Отделений; все Факультеты в совокупности подчиняются Ректору.

5. В Совете Университета, под председательством Ректора, присутствуют Ординарные и Экстраординарные Профессоры.

6. Правление Университета составляют, под председательством Ректора, Деканы и Синдик.

7. Все Российские Университеты состоят под особенным покровительством Его Императорского Величества, и потому носят имя Императорских.

8. Каждый Университет, под главным ведением Министра Народного Просвещения, вверяется особенному начальству Попечителя.

9. Настоящим Уставом определяются: 1) состав и предметы каждого Факультета, 2) предметы и обязанности Совета; 3) предметы и обязанности Правления; 4) порядок определения и главные обязанности лиц, принадлежащих к Университету, 5) порядок курсов, лекций, задач и испытаний, 6) права и преимущества Университетов;

7) особенные установления при Университете, учебные и вспомогательные пособия.

10. Статьи настоящего Устава имеют силу и действие во всех вообще Российских Университетах, кроме тех изъятий, кои постановлены для Университета Дерптского в особенном его Уставе, для Университета Св. Владимира в проекте правил, предначертанных для него на время.

Гл. II. Состав и предметы Факультетов.

11. В состав Философского Факультета, состоящего из двух Отделений, входят следующие науки:

1 Отделение. 1) Философия. 2) Греческая Словесность и Древности. 3) Римская Словесность и Древности. 4) Российская словесность и История Российской Литературы. 5) История и Литература Славянских наречий. 6) Всеобщая История. 7) Российская История. 8) Политическая Экономия и Статистика. 9) Восточная Словесность: а) Языки Арабский, Турецкий и Персидский. б) Языки Монгольский и Татарский.

2 Отделение. 1) Чистая и Прикладная Математика. 2) Астрономия. 3) Физика и Физическая География. 4) Химия. 5) Минералогия и Геогнозия. 6) Ботаника. 7) Зоология. 8) Технология, Сельское Хозяйство, Лесоводство и Архитектура. Примечание. Преподающий Архитектуру исполняет и должность Архитектора в Университете.

12. В Факультете Юридическом преподаются: 1) Энциклопедия или общее обозрение системы Законоведения, Российские Государственные Законы, т. е. Законы Основные, Законы о Состояниях и Государственные Учреждения. 2) Римское Законодательство и История оного. 3) Гражданские Законы, общие, особенные и местные. 4) Законы Благоустройства и Благочиния. 5) Законы о Государственных повинностях и Финансах. 6) Законы Полицейские и Уголовные. 7) Начала Общенародного Правоведения (*Jus gentium*).

13. В Медицинские Факультеты, состоящие при Университетах: Харьковском и Казанском, входят следующие предметы: 1) Анатомия: а) Анатомия человеческого тела, с присовокуплением Специальной Физиологии и важнейших статей из Сравнительной Анатомии, б) Анатомия Патологическая; в) рассечение трупов. 2) Физиология: а) Физиология Общая, и б) Общая Патология. 3) Врачебное Веществословие: а) Общая Терапия; б) Врачебное Веществословие, Токсикология и изъяснение минеральных вод; в) Фармация; г) Рецептура,

и д) Диететика или Гигиена. 4) Клиника: а) Частная Патология и Терапия; б) Клиника в больнице. 5) Семиотика. 6) Хирургия Умозрительная. 7) Хирургия Операционная, глазных болезней и Хирургическая Клиника. 8) Повивальное Искусство: а) Повивальное Искусство; б) о женских и детских болезнях; в) способ прививания оспы; г) помощь родильницам и лечение их и новорожденных. 9) Судебная Медицина: а) Судебная Медицина, Медицинская Полиция, способ лечить смертные обмороки, утопших и пр. б) История и Литература Медицины, в) Энциклопедия и Методология. 10) Скотолечение: а) Ветеринарная Анатомия и Физиология; б) Искусство познавать и лечить болезни домашних животных, также рассечение трупов их.

14. Для Догматического и Нравоучительного Богословия, Церковной Истории и Церковного Законоведения определяется особая, не принадлежащая ни к какому Факультету кафедра для всех вообще Студентов Греко-российского исповедания.

15. В Университете полагаются Лекторы языков: 1) Немецкого, 2) Французского, 3) Английского, и 4) Итальянского.

16. Сверх Учителя Рисования могут быть определяемы Учители Искусств: 1) Фехтования, 2) Музыки, и 3) Танцевания, а в Харьковском и Казанском Университетах 4) Учители верховой езды.

17. Ординарные и Экстраординарные Профессоры Факультета, под председательством Декана, составляют Факультетское собрание. Один из Адъюнктов исправляет в нем должность Секретаря.

18. Во время болезни или отсутствия Декана место его заступает старший из Членов Факультета.

19. Каждому Члену Факультета предоставляется право делать в собраниях оного предложения касательно ученых и учебных предметов, но не иначе как письменно.

20. Предметы занятия в Факультетских собраниях суть: полугодичное распределение курсов и времени преподавания наук, принадлежащих к Факультетам. — Рассмотрение метод преподавания и руководств, избираемых Профессорами. — Испытание Студентов и всех желающих получить ученые степени или право на вступление в первый разряд чиновников по Гражданской службе. — Испытание Кандидатов на учительские места в Гимназиях и Уездных Училищах округа, если они не снабжены надлежащими для того учеными аттестатами и свидетельствами. — Рассмотрение сочинений, предполагаемых к печатанию с одобрения Университета и его иждивением. Цензура сочинений и переводов ученого содержания, издаваемых Профессорами и Адъюнктами. — Избрание ежегодных задач и суждение о присылаемых

на оные решениях. — Распоряжения по предписаниям Совета и рассуждение о том, что предлагают Декан или Члены Факультета.

21. Все, что сказано в сей Главе о Факультетах, относится и к каждому из Отделений Философского Факультета.

Примечание. Предметы преподавания для каждого Факультета, выше сего означенные, могут, по усмотрению Министра Народного Просвещения, быть умножены или до времени сокращены, смотря по местным обстоятельствам и по удобности приискания способных преподавателей.

Гл. III. Предметы и обязанности Совета.

22. Заседания Совета, назначаемые в определенные дни, происходят в свободные часы от преподавания.

23. Все Члены Совета обязаны присутствовать в Собраниях оного. В случае невозможности исполнить сие, они извещают Ректора о причинах своего отсутствия, которые вносятся в журнал заседания.

24. Совет не приступает к рассмотрению и решению дел, если в заседании не находится по крайней мере двух третей наличных Членов. Во время вакаций, Совет может иметь лишь чрезвычайные Собрания и только по делам, не терпящим отсрочки.

25. В Собраниях Совета первые места после Ректора занимают Деканы; прочие присутствующие заседают по Факультетам, наблюдая старшинство в Профессорском звании.

26. Дела в Совете решаются по большинству голосов; при равенстве их, перевес имеет голос Ректора.

27. Баллотирование употребляется: 1) при избрании Профессоров и вообще Преподавателей Университета, 2) при назначении Профессоров к разным Университетским должностям, и 3) при решении о достоинстве сочинения, назначаемого к печатанию с одобрения и иждивением Университета.

28. Председатель открывает и закрывает заседания; он же собирает голоса начиная с младшего из Членов.

29. Синдик имеет надзор за Канцеляриею Совета, присутствует в заседаниях оного и наблюдает, чтобы производство и решение дел было согласно с законами. В случае замеченной им в сем отношении неправильности или отступления от порядка, он подает письменное мнение. Если за сим Совет останется при прежнем своем заключении, то к исполнению оного может приступить не иначе, как с разрешения Попечителя, который в то же время об обстоятельствах дела

и данном им предписании доводит до сведения Министра Народного просвещения.

30. Предметы занятий Совета суть 1) избрание Ректора, Почетных Членов и корреспондентов. 2) Избрание Профессоров и Адъюнктов; назначение их к разным по Университету должностям; определение и увольнение Лекторов и учителей Университета. 3) Суждение по представлениям Факультетов о мерах для усовершенствования преподавания наук в Университете. 4) Общее соображение о распределении курсов и времени преподавания в Университете. 5) Рассмотрение представлений Факультетов, и в особенности протоколов испытаний на получение ученых степеней. 6) Исследование упущений профессоров в исправлении порученных им должностей. 7) Главное распоряжение учебными и вспомогательными при Университете пособиями и заведениями. 8) Окончательное суждение о сочинениях и переводах, предполагаемых к чтению в торжественных собраниях или к печатанию иждивением Университета. 9) Рассуждение по предложениям Попечителя о делах соображений, как то: об усовершенствовании преподавания наук, об учреждении дополнительных курсов, о принятии в руководство книг и других учебных пособий, согласно с 12 статьею Высочайше утвержденного в 25 день Июня 1835 года Положения об учебных Округах.

31. По прошествии каждого месяца, Совет представляет Попечителю выписку из протоколов заседаний, а по истечении года полный отчет о главнейших действиях и распоряжениях своих, который представляется Министру.

32. Совет, с утверждения Попечителя, назначает ежегодно день для торжественного собрания Университета. В сих собраниях произносятся Профессорами речи, читаются отчеты, провозглашаются имена выпускаемых с аттестатами Студентов, раздаются им шпаги и дипломы на ученые степени.

Гл. V. Порядок определения и увольнения лиц, не принадлежащих к Университету, и главные их обязанности.

Отд. I. О ЛИЦАХ НАЧАЛЬСТВУЮЩИХ.

I. О ПОПЕЧИТЕЛЕ И ЕГО ПОМОЩНИКЕ.

47. Попечитель Университета определяется Именным Высочайшим указом.

48. Попечитель употребляет все средства к приведению в цветущее состояние Университета, строго наблюдая, чтоб принадлежащие к нему места и лица исполняли неупустительно свои обязанности. Он обращает внимание на способности, прилежание и благонравие Профессоров, Адъюнктов, учителей и чиновников Университета, исправляет нерадивых замечаниями и принимает законные меры к удалению неблагонадежных.

49. Выключая особенные случаи, Попечитель имеет постоянное пребывание в одном городе с Университетом, отлучаясь только для осмотра округа.

50. В бытность в Санкт-Петербурге Попечителя, он присутствует в Главном Правлении Училищ, коего он Член по сему званию.

51. В важных, не терпящих отлагательства случаях Попечитель сам собою принимает надлежащие меры и доводит о них немедленно до сведения Министра.

52. Попечитель, по своему усмотрению может председательствовать в Совете и правлении.

53. Попечитель увольняет Профессоров и чиновников Университета в отпуски не превышающие двадцати восьми дней.

54. Попечитель имеет право разрешать единовременные из экономических сумм Университета издержки до тысячи рублей ассигнациями.

55. Попечителю предоставляется утверждать контракты на подряды и поставки, по штатным и другим определенным расходам, суммою до десяти тысяч рублей ассигнациями.

56. Для содействия Попечителю, назначается ему Помощник.

57. Помощник Попечителя определяется Именным Высочайшим указом.

58. Помощник Попечителя имеет право получать сведения о всех делах, в Университете производящихся, дабы, в случае надобности, мог всегда с полным знанием вступить в отправление обязанностей Попечителя.

59. В присутствии Попечителя Помощник его никакой распорядительной власти не имеет и не дает предписаний от своего имени, но может сообщать оные по поручению Попечителя.

60. В отсутствие или за болезнью Попечителя, место его заступает Помощник Попечителя.

II. О РЕКТОРЕ.

61. Ректор избирается на четыре года, из Ординарных Профессоров, по большинству голосов в Совете, и утверждается в сем звании Высочайшею властью.

62. Ректор, имея ближайшее попечение о благоустройстве Университета, наблюдает: 1) чтобы принадлежащие к оному места и лица исполняли в точности свои обязанности, и 2) чтоб Университетские преподавания шли с успехом и в надлежащей постепенности.

63. Ректор имеет право делать выговоры и замечания Профессорам и зависящим от него чиновникам, в случае замеченных с их стороны упущений и неисправностей.

64. Ректор, по усмотрению надобности, может председательствовать в каждом из Факультетов, как в отделениях Совета.

65. Ректор хранит большую Университетскую печать и вскрывает поступающие в Университет бумаги.

66. Вместе с одним из Деканов по принадлежности, Ректор подписывает выдаваемые от Университета дипломы.

67. В случае болезни или отлучки Ректора, место его заступает Проректор, избираемый на четыре года Советом из Ординарных Профессоров и утверждаемый Министром.

III. О ДЕКАНАХ.

68. Деканы избираются Факультетами на четыре года из Профессоров Ординарных и утверждаются в сих званиях Министром.

Отд. II. ПОРЯДОК ОПРЕДЕЛЕНИЯ ЧИНОВНИКОВ ПО НРАВСТВЕННОЙ И УЧЕНОЙ ЧАСТИ.

69. Инспектор, но выбору Попечителя, утверждается в сем звании Министром. Он может быть из военных или гражданских чиновников.

70. Помощники Инспектора избираются сим последним из военных или гражданских чиновников, не занятых другими обязанностями, и утверждаются Попечителем.

71. Особенный и ближайший надзор за нравственностью всех учащихся в Университете поручается Инспектору.

72. Инспектор состоит под непосредственным начальством Попечителя.

73. Инспектор и его Помощники имеют помещение в зданиях Университета.

74. Инспектору дозволяется присутствовать при испытании Студентов. Он приглашается в потребных случаях в заседания Правления, и имеет в оном голос наравне с прочими Членами.

75. Управление Инспектора и надзор его над учащимися в Университете излагаются подробно в особенном наставлении, которое имеет быть составлено, сообразно с местными обстоятельствами, Попечителем, и утверждено Министром.

76. Никто не может быть Ординарным или Экстраординарным Профессором, не имея степени Доктора того Факультета, к которому принадлежит кафедра. Для получения звания Адъюнкта, надлежит по крайней мере иметь степень Магистра.

77. При избрании в Ординарные и Экстраординарные Профессоры и Адъюнкты, каждый Профессор вправе предложить в кандидаты одного из известных ему ученых, с объяснением побуждающих его к тому причин. Кандидаты вносятся в книгу, нарочно для того определенную, баллотируются порознь.

78. Если Совет не находит кандидатов, достойных занять упразднившееся место Профессора, то может, с разрешения Попечителя, объявить конкурс. Желающий занять таким образом кафедру, сверх представления сочинений, могущих служить доказательством его способностей и сведений, должен дать при одном из Университетов три пробные лекции в присутствии Ректора и Факультета.

79. Кафедры, сообразно с штатами Университетов, поручаются Профессорам Экстраординарным в двух случаях: 1) когда во время избрания Совет не имеет в виду известного по той части преподавателя, достойного в полной мере звания Ординарного Профессора, и 2) когда есть ученый, который хотя по возрасту и не может быть Ординарным Профессором, но отличными дарованиями вознаграждает незрелость лет.

80. Профессоры, Адъюнкты и Почетные Члены Университета утверждаются в сих званиях Министром Народного Просвещения, которому в прочем предоставляется право и по собственному своему усмотрению назначать в Профессоры и Адъюнкты на вакантные кафедры людей отличных ученостью и даром преподавания, с требуемыми для сих званий учеными степенями.

81. Корреспонденты, Прозекторы, Лекторы и Учители Искусств, по избранию Советом, утверждаются Попечителем.

82. Просьбы об увольнении от службы Профессоров и других преподавателей, а также чиновников Университета, зависящих от Совета, вносятся в оный Ректором. По истребованию, если нужно, от

просителей отчета в порученных им частях, представляется об их увольнении Попечителю, или через Попечителя Министру.

83. Профессор, по выслуге в сей должности 25 лет, удостоенный звания заслуженного, увольняется из Университета, и кафедра его почитается вакантною. Совет принимает меры к замещению оной, при чем и заслуженный Профессор может подвергнуться узаконенным порядком избранию. Таковое вторичное избрание имеет силу в течение пяти лет, по прошествии коих, Министр, принимая в уважение мнение Попечителя и свидетельство Совета, определяет: имеет ли заслуженный, вторично избранный, Профессор продолжать еще преподавание и на сколько лет, или следует, по преклонности лет и другим обстоятельствам, освободить его от сего занятия и приступить к новому выбору.

84. Совет, в случае нерадения преподавателей и чиновников, зависящих от его выбора, и при безуспешности сделанных им о том от Ректора подтверждений, обязан представлять об удалении их от должностей, не иначе однако же как по приговору, утвержденному по крайней мере двумя третями голосов в Совете. Для исполнения таковых приговоров испрашивается разрешение Министра.

85. Должность Профессора заключается: 1) в полном, правильном и благонамеренном преподавании своего предмета, 2) в точном и достоверном сведении о ходе и успехах наук, им преподаваемых, в ученом мире и 3) в заседаниях в Совете, Факультетских собраниях и Правлении, смотря по назначению каждого.

86. Профессор обязан преподавать предмет свой не менее 8 часов в неделю. От Ректора, по причине других, с званием его сопряженных занятий, требуется чтение только половинного числа лекций. При сем, дабы возложенные на него курсы преподавались вполне, отделяется какой либо из его предметов Адъюнкту, с испрошением на сие утверждения Попечителя.

87. Профессоры прилагают равное старание к обучению каждого из Студентов, посещающих их лекции, и в конце семестра удостоверяются посредством словесных вопросов, с успехом ли слушатели их следуют за преподаванием.

88. За лекции, на которые Профессор или Адъюнкт не явится, без представления начальству законных причин отсутствия удерживается следующая ему по расчету часть жалованья, с обращением оной в экономическую Университетскую сумму.

89. Один Профессор не может иметь двух кафедр, кроме крайних случаев, и притом на непродолжительное время; вознаграждение за

вторую кафедру не может превосходить полугодичного оклада Профессорского, и выдается не иначе, как по определении настоящего Профессора и с особого разрешения Министра, по представлению Попечителя.

90. Адъюнкты суть Помощники Профессоров, разделяющие с ними, по назначению Совета, преподавание, и занимающие, за болезнию или отсутствием Профессоров, временно их кафедры.

Отд. III. ПОРЯДОК ОПРЕДЕЛЕНИЯ УЧАЩИХСЯ.

91. Все желающие вступить в число студентов Университета, должны выдержать предварительное испытание, по правилам, изданным Министерством Народного Просвещения. При сем принимаются в уважение одобрительные свидетельства об окончании полного Гимназического курса и дают право предстать прежде прочих на испытание, или быть и вовсе освобожденным от оного.

92. Лица, обучавшиеся Медицине в общественном, Русском или иностранном учебном заведении, при вступлении их в Университет, принимаются в тот разряд слушателей, куда будут принадлежать по познаниям.

93. Прием студентов бывает раз в году перед начатием первого полугодичного курса. Удостоенные принятия вносятся Ректором в список студентов.

94. Студент, начавший лекции в одном из Русских Университетов, может окончить оные в другом, с зачетом времени пребывания в первом в число лет, определенных для окончания полного Курса, если только причины, побудившие его оставить Университет, в коем прежде обучался, будут уважены Попечителем, и если представит одобрительное свидетельство от того Университета.

Отд. IV. ПОРЯДОК ОПРЕДЕЛЕНИЯ ЧИНОВНИКОВ ДЛЯ ПИСЬМОВОДСТВА.

95. Синдик избираемый Попечителем из чиновников, имеющих ученые степени по Юридическому Факультету, утверждается в сем звании Министром. Должность Синдика не соединяется ни с какою другою должностью.

96. Экзекутора определяет, из военных или гражданских чиновников, Попечитель.

97. Секретарей избирает по принадлежности Совет или Правление, а Казначея, Бухгалтера и Эконома Правление, и об утверждении их представляет Попечителю.

98. Секретари Совета и Правления, назначаемые в сии должности преимущественно из окончивших Университетский курс студентов, производят дела на общем основании. Они имеют в непосредственном ведении Архивы и ответствуют за целость и порядок дел.

99. Канцелярских служителей определяет Ректор.

Гл. VI. Порядок курсовых лекций, задач и испытаний.

100. Университетское преподавание вообще разделяется на полугодия. Полный курс, по Факультетам Философскому и Юридическому продолжается четыре года, а по Медицинскому пять лет.

101. Университетские вакации назначаются два раза в год: с 10 июня по 22 июля и с 20 Декабря по 12 Января.

102. Полугодичные лекции должны непременно начинаться в определенное время и оканчиваться с истечением полугодия. На сей конец оные распределяются таким образом, чтоб не было надобности усиливать часы преподавания с приближением к новому полугодию.

103. Для поощрения студентов и вообще слушателей Университетских лекций, ежегодно предлагаемы будут задачи, от Философского Факультета по две, а от Юридического и Медицинского по одной, с назначением, за удовлетворительное во всех отношениях по каждой задаче сочинения, золотой, а за лучшее после того, если оно близко к требуемому достоинству, серебряной медали. При сем будут принимаемы в соображение успехи и нравственность студентов.

104. Решения задач присылаются к Деканам вместе с именами сочинителей, запечатанными в особых свертках, которые, равно как и сочинения, означаются девизами. Факультеты, не вскрывая свертков с именами сочинителей, решают, по большинству голосов, о достоинстве сочинения, заслуживающего награду. Заключения Факультетов рассматриваются в Совете, который распечатывает свертки и объявляет имена удостаиваемых награды.

105. Медали раздаются в торжественном собрании, по прочтении составленных в Факультетах обозрений содержания присланных на задачи ответов.

106. Рассуждения, доставившие награды сочинителям, дозволяется, по усмотрению Совета, печатать на счет Университета.

107. Студенты Университета могут подлежать двоякого рода испытаниям: 1) во время курсов и по окончании оных, 2) на ученые степени.

I. ИСПЫТАНИЕ ВО ВРЕМЯ КУРСОВ И ПО ОКОНЧАНИИ ОНЫХ.

108. Всем студентам в течение полного курса наук и по окончании оного производятся испытания, по правилам, какие изданы будут от Министерства Народного Просвещения.

II. ИСПЫТАНИЕ НА УЧЕНЫЕ СТЕПЕНИ.

109. Советам Университетов предоставляется право возводить в ученые степени по Факультетам. Степени сии суть: Кандидат, Магистр и Доктор.

Примечание. О возведении в ученые степени по медицинской части и о присвоенных сим степеням правах и преимуществах, существуют особые постановления, которые остаются в полной силе и по отношению к Медицинским Факультетам в Университетах.

110. Предстать на испытание для получения ученых степеней могут не только студенты, совершившие курс наук в Университетах, но и посторонние, как служащие, так и неслужащие.

111. Испытание на ученые степени производится по принадлежности в одном из Факультетов, при двух или трех не принадлежащих к оному Профессорах, назначаемых депутатами от Совета.

112. Ищущие ученых степеней подвергаются испытанию по порядку, в каком следует одна степень за другою, и в установленные сроки. Студенты, окончившие с отличным успехом курс наук в Университетах, могут быть прямо удостаиваемы степени Кандидата; прочие их товарищи и студенты Лицеев, получившие одобрительные аттестаты и право на классные чины, допускаются немедленно к испытанию в Кандидаты; через год по получении сей степени — в Магистры, и через год по приобретении сего звания — в Докторы. Если желающий получить ученую степень не слушал лекций в Университете или Лицее, то должен выдержать прежде студентское испытание.

113. Чиновники, находящиеся на службе, могут, с согласия своего начальства и с дозволения Попечителя, посещать Университетские лекции, и приобретать ученые степени на общих правилах. Неслужащим чиновникам разрешается пользоваться Университетским преподаванием на том же основании.

114. Иностранцы, получившие степень Доктора в других Государствах, допускаются к испытанию в Российских Университетах на степень Магистра, а через год по приобретении оной, на степень Доктора.

115. Подробные правила испытаний на ученые степени определяются особым положением.

Гл. VII. Права и преимущества Университетов.

Отд. I. ПРАВА, СОБСТВЕННО УНИВЕРСИТЕТАМ ПРИНАДЛЕЖАЩИЕ.

116. Университеты имеют свои собственные, большую и малую печати с изображением Государственного Герба и с надписью: ИМПЕРАТОРСКОГО такого-то Университета.

117. Университеты входят с представлениями только к своему начальству; со всеми же прочими местами и лицами сносятся отношениями.

118. Университеты свободны от платежа весовых денег, за отправляемые по делам их письма и посылки, когда оные весом не более пуда.

119. Университеты свободны от употребления гербовой бумаги и от платежа крепостных и иных пошлин по совершаемым от имени их актам и вообще по всем, касающимся до них, делам.

120. Университеты имеют свою собственную Цензуру для тезисов, рассуждений и иных ученого содержания сочинений, ими или их Профессорами издаваемых. Цензура сия руководствуется правилами Общего Цензурного Устава.

121. Университетам предоставляется право свободно и беспошлинно выписывать из-за границы всякого рода учебные пособия. Кипы и ящики с сими вещами, адресованные в Университеты, в пограничных таможнях не вскрываются, а только пломбируются. Они свидетельствуются в Университетах в присутствии таможенного или губернского чиновника.

122. Книги, рукописи и повременные издания, получаемые Университетами из чужих краев, не подлежат рассмотрению Комитетов Цензуры иностранной.

123. Университетские здания освобождаются от квартирной повинности как постоем, так и деньгами.

124. Университеты могут иметь собственные типографии и книжные лавки.

125. Университетам, при коих состоят Медицинские Факультеты, позволяется содержать аптеки.

126. Если Профессор и вообще чиновник Университета скончается, не оставив наследников и не сделав о своем имуществе надлежащего распоряжения, Университет обязан сообщить о том местному Губернскому Правлению, для вызова родственников покойного в Российских и Иностранных ведомостях; и буде в постановленный законами срок наследников не окажется, оставшееся после него имение обращается в собственность Университета.

Отд. II. ПРЕИМУЩЕСТВА СЛУЖАЩИХ ПРИ УНИВЕРСИТЕТАХ ЛИЦ.

127. Ректор Университета, доколе пребывает в сей должности, считается в 5-м классе, если выше чина не имеет. Ординарные Профессоры состоят в 7-м, Экстраординарные, Адъюнкты и Прозекторы в 8-м классе, и по предъявлении данных им от Университетского Совета свидетельств, получают из Герольдии патенты на чины, сим классам соответствующие.

128. Удостоенные ученых степеней утверждаются, при Вступлении в гражданскую службу, в следующих классах: Доктор в 8, Магистр в 9, Кандидат в 10. Студенты, с успехом окончившие Университетский курс, получают, на том же основании, 12-й класс.

Примечание. О классах, присвоенных ученым званиям по Медицинской, Ветеринарной и Фармацевтической части, существует особое положение, которое остается в своей силе и по отношению к Медицинским Факультетам Университетов.

129. Определяющиеся в военную службу Кандидаты, прослужив в унтер-офицерском звании три месяца, а студенты, кончившие с успехом Университетский курс, шесть месяцев, производятся в Офицеры, хотя бы не имелось вакансий в тех полках, куда они приняты будут, лишь бы только знанием фронта были того достойны.

130. Преимущества, присвоенные ученым степеням по службе, принадлежат только тем лицам, кои возведены в сии степени Российскими Университетами.

131. Инспектор студентов и Синдик, доколе находятся в сих должностях, считаются: первый в 7, и последний в 8-м классе. Лекторы и Учитель рисования состоят в десятом классе, если выше чинов не имеют, и по выслуге узаконенных лет производятся в чины на общем основании.

132. Учители искусств, кроме Учителя рисования, не считаются в государственной службе, но доколе остаются в должностях пользуются преимуществами классных чиновников.

133. Если преподаватель, чиновник или студент Университета, взят военною стражею или городскою полициею не по участию или подозрению в уголовном преступлении, то немедленно препровождается с изъяснением проступка его к Ректору; в противном же случае Университет уведомляется о задержании виновного для наряда с его стороны депутата при следствии.

134. Выписываемые Профессорами для своего собственного употребления, книги, рукописи и повременные издания, пропускаются из-за границ беспошлинно и не подлежат Цензурному рассмотрению, с возложением ответственности, в случае доставления таковых произведений непозволительного содержания для чтения посторонним лицам, на тех, кои выписали оные. Вещи сии доставляются в Университеты на основании сказанного в стат. 121.

135. Собственные домы Профессоров, Адъюнктов и Лекторов Университета, если они сами постоянно живут в них, освобождаются от квартирной повинности как постоем, так и деньгами. Наемные домы, лично занимаемые Профессорами, также освобождаются от постоя, кроме тех городов, о коих существует особое на сей конец ВЫСОЧАЙШЕЕ ПОВЕЛЕНИЕ.

136. Приглашаемые из чужих краев Профессоры и Адъюнкты имеют право, при первом везде в государство, привозить с собою или выписывать после того, в течение года разные вещи и пожитки. Оные пропускаются в таможнях не по цене их, а по количеству причитающихся с них пошлин, полагая за позволенные по действующему ныне Тарифу, а за запрещенные по Тарифу 1819 года, и ограничив пропуск сей суммою до трех тысяч рублей ассигнациями. В число сей суммы не включаются пошлины с таких, привезенных самими Профессорами и Адъюнктами вещей, которые подлежат беспошлинному пропуску при въезжающих в Россию пассажирах, равно как с учебных пособий, состоящих в книгах, инструментах, географических картах и проч., которые, без всякого ограничения позволяется как вызываемым в Университеты ученым иностранцам, так и возвращающимся в отечество Русским Профессорам, Адъюнктам и вообще путешествующим в чужих краях на счет правительства воспитанникам Университетов, привозить в государство беспрепятственно и без пошлин.

137. Профессоры и Адъюнкты из иностранцев, по увольнении от Университетов, имеют право выезжать во всякое время

за границу без платежа пошлин за вывозимое ими собственное имущество.

Отд. III. О ПЕНСИЯХ И ПОСОБИЯХ ЗА СЛУЖБУ ПРИ УНИВЕРСИТЕТАХ.

138. Ординарным и Экстраординарным Профессорам, в том числе и Профессору Богословия, уволенным на основании ст. 83 с званием заслуженных, а также прочим Профессорам, Адъюнктам и Лекторам, за двадцать пять лет беспорочной и усердной службы, обращается в пенсию, при увольнении их, полный оклад их жалованья.

139. Заслуженные Профессоры, при занятии вновь кафедры или по вступлении в другой род службы, сохраняют пенсию, сверх жалованья по занимаемой ими должности. С окончательным увольнением их впоследствии, они не могут требовать новых пенсий, а должны довольствоваться прежнею. Впрочем, если б следовавшая им, по новому их служению, пенсия, превосходила назначенную от Министерства Народного Просвещения, в таком случае может быть определена им сия большая пенсия с прекращением в то же время прежней меньшей.

140. Профессору, Адъюнкту или Лектору, который прослужив десять лет в Университете, подвергнется неизлечимой болезни, отъемлющей силы к исполнению должности, определяется в пожизненную пенсию половина годового оклада жалованья, за пятнадцатилетнюю службу при тех же обстоятельствах три четверти, а за двадцатилетнее служение полный оклад.

141. Вдове и всем вообще детям Профессора, Адъюнкта или Лектора, прослужившего менее пяти лет и умершего на службе, выдается единовременно по окладу годового жалованья покойного, той и другим особо.

142. Если Профессор, Адъюнкт или Лектор, прослужив усердно при Университете от пяти до пятнадцати лет, умрет на службе и оставит вдову и малолетних детей, то сверх вышеозначенной единовременной выдачи, назначается в пенсию, особо вдове и детям его до пятой части, а за свыше двадцатилетнюю службу по четвертой части годового жалованья умершего.

143. Если Профессор, Адъюнкт или Лектор, уволенный с пенсиею, оставит вдову и детей, в таком случае семейство его пользуется одинаковою пенсиею со вдовою и детьми умершего на службе Профессора, Адъюнкта или Лектора смотря по числу лет оной.

144. Если Профессор, Адъюнкт или Лектор, получив уже увольнение от Университета с пенсиею, вступит в брак, то оставшаяся по нем вдова и прижитые с нею дети не имеют права на пенсию.

Примечание. По смерти заслуженных Профессоров, если они по увольнении от Университетов, продолжая службу в других должностях получали пенсии, семейства их пользуются только тою пенсиею, какая определена им по постановлениям последнего места служения означенных Профессоров.

145. Прозекторы, их Помощники и Учитель рисования пользуются одинаковыми с Профессорами, Адъюнктами и Лекторами правами относительно к пенсиям им и единовременным выдачам и пенсиям семействам их, сообразно с окладами получаемого ими жалованья.

146. Пенсии и единовременные выдачи назначаются вообще из сумм Государственного Казначейства по штатным окладам, за исключением прибавочного жалованья, получаемого некоторыми Профессорами за исполнение особенных при Университете должностей.

147. Получающие за службу в Университете пенсии, пользуются оными, пребывая и за границею.

148. Пенсия прекращается: 1) уволенному по неизлечимой болезни Профессору, Адъюнкту, Лектору и проч., когда он определится на службу в России или в чужих краях: ибо сие будет доказательством выздоровления его, или по крайней мере полученного им значительного от болезни облегчения; 2) вдове, когда она вступит в новый брак, и 3) детям, когда последнему в семействе исполнится двадцать один год, или когда и прежде сего времени дочери вступят в замужество, а сыновья будут определены в учебные заведения на казенное содержание или в службу.

149. Пенсии и единовременные выдачи всем прочим чиновникам Университета и семействам их определяются на основании устава о пенсиях 6 Декабря 1827 года.

Гл. VIII. Об особенных установлениях при Университете.

150. Особенные установления, состоящие при Университете, суть: 1) Институт Педагогический. 2) Институт Медицинский. 3) Ученые Общества.

I. ОБ ИНСТИТУТЕ ПЕДАГОГИЧЕСКОМ

151. Цель Педагогического при Университете Института есть образование Учителей для Гимназий и Уездных Училищ.

152. В Институте полагается не менее двадцати студентов на казенном содержании. Число сие наполняется отличнейшими казенными воспитанниками Гимназии по конкурсу. В случае недостатка их, позволяется пополнять штатное число своекоштными студентами.

153. Принятие в Институт бывает один раз в год, по назначению Совета и с разрешения Попечителя.

154. Нравственная и хозяйственная части Института зависят от Инспектора студентов, который употребляет к первой своих Помощников, а ко второй Эконома.

155. Сверх слушания Университетских лекций, студенты Педагогического Института получают руководство в практических упражнениях по избранной каждым из них отрасли наук, сочиняют рассуждения, произносят пробные лекции и дают уроки.

156. Наблюдение за таковыми занятиями возлагается на трех или четырех Профессоров главнейших предметов, к преподаванию коих студенты Педагогического Института приготовляются.

157. Если кто-либо из студентов сего Института не окажет достаточных успехов в два полугодичные курса, таковый, с разрешения Министра, обращается на собственное свое содержание.

158. Студенты Педагогических Институтов, по окончании образования своего, обязаны прослужить не менее шести лет в Училищном ведомстве.

159. К практическим в Педагогических Институтах упражнениям, по усмотрению Попечителя, могут быть допускаемы и своекоштные студенты, если они изъявят желание служить в Училищном ведомстве.

II. ОБ ИНСТИТУТЕ МЕДИЦИНСКОМ

160. При Университетах, где состоят Медицинские Факультеты, находятся Медицинские Институты, или определенное число воспитанников, на казенном иждивении приготовляемых к званию Врачей, по распоряжению правительства.

161. Казеннокоштных воспитанников в Медицинских Институтах полагается при Московском Университете сто, а при Харьковском и Казанском по сорока.

162. Во внутреннем своем управлении Медицинские Институты руководствуются одинаковыми правилами с студентами Педагогического Института.

163. Образованные в Медицинских Институтах Врачи обязаны прослужить не менее шести лет в военном или Гражданском ведомстве.

III. УЧЕНЫЕ ОБЩЕСТВА

164. Университеты могут учреждать особые Ученые Общества для усовершения совокупными Изысканиями какой-либо определенной части наук, каковы суть: Общество Российских Древностей, Общества Минералогические, и тому подобные.

165. Сим Обществам дается право иметь действительных и Почетных Членов и Корреспондентов из Российских подданных и иностранцев.

166. Уставы Ученых Обществ не могут иметь действия без утверждения Министра Народного Просвещения.

Гл. IX. Учебные и вспомогательные пособия и заведения.

167. При Университетах состоят разные учебные пособия, заведения и собрания, коих число и состав определяется особым распоряжением Министерства Народного Просвещения по мере способов, кои к образованию их представиться могут. Таковы суть: 1) Библиотека. 2) Астрономическая Обсерватория. 3) Физический Кабинет. 4) Химическая и вместе Фармацевтическая Лаборатория. 5) Минералогический Кабинет. 6) Ботанический Кабинет. 7) Ботанический сад. — Студенты Санкт-Петербургского Университета пользуются Ботаническим садом, состоящим в ведении Министерства ИМПЕРАТОРСКОГО Двора. 8) Зоологический Кабинет. 9) Технологический Кабинет и собрание машин и моделей для прикладной Математики. 10) Собрание Архитектурных моделей. 11) Музей изящных искусств и древностей. 12) Собрание для рисовальной школы. 13) Анатомический театр и собрание препаратов. 14) Зоологический театр и собрание препаратов. 15) Фармакологическое собрание. 16) Собрание хирургических инструментов. 17) Собрание акушерских инструментов. 18) Медицинский Клинический Институт. 19) Хирургический Клинический институт. 20) Повивальный Институт. 21) Практическое Ветеринарное Заведение. 22) Манеж.

168. Библиотекарь, из сторонних чиновников, избираемый Попечителем, и утверждаемый Министром, имеет помощника, определяемого Попечителем.

169. Прочие собрания и заведения состоят в ведении Преподавателей, к предметам коих принадлежат оные.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ПОДГОТОВКА УНИВЕРСИТЕТСКОЙ РЕФОРМЫ

РАЗДЕЛ 1

ДИСКУССИЯ О СУЩНОСТИ И ЗНАЧЕНИИ УНИВЕРСИТЕТОВ

***АНДРЕЕВСКИЙ И. Е.**, исправляющий. должность экстраординарного профессора юридического факультета Санкт-Петербургского университета*

О значении университетов в государственном, ученом и учебном отношениях[1]

В проекте общего Устава Императорских Российских университетов, в § 1 сказано: «Университет есть высшее учебное *учреждение*, состоящее из определенного числа факультетов, как нераздельных частей одного целого».

Комиссия, занимавшаяся составлением проекта, в объяснительной записке, к проекту приложенной, мотивирует этот § следующими словами: «Комиссия признала необходимым удержать за университетами цель, которую они имели доныне, т. е. что университеты должны быть высшими учебными учреждениями для образования молодых людей, уже получивших и доказавших познания, необходимые для понимания и отчетливого усвоения лекций».

---

[1] Публикуется по: *Андреевский И. Е.* О значении университетов в государственном, ученом и учебном отношениях // Журналы заседаний Ученого комитета Главного правления училищ по проекту Общего устава императорских российских университетов. Приложение к журналу № 1. СПб., 1862. С. С. 1–16.

Такой общий, скромный мотив является недостаточным, не поясняющим причины, почему университет должен состоять из определенного числа факультетов, как нераздельных частей одного целого. Не лучше ли высшим учебным установлениям явиться в виде отдельных факультетов, не составляющих одного нераздельного целого, не лучше ли из факультетов университета образовать отдельные специальные школы? Этот вопрос требует точнейшего разрешения в настоящее время, когда университеты, вследствие некоторых беспорядков, вызвавших даже печальное закрытие университета в С.Петербурге, начинают некоторым казаться установлениями опасными для государственного порядка, и когда многие из лиц, считающих себя серьезными судьями в деле образования, предлагают именно этот вопрос: не лучше ли, вместо университетов, как целого, нераздельно составленного из нескольких факультетов, устроить факультеты отдельно, или специальные школы?

К счастью, законодательный анализ этого вопроса в России не представляет особенной трудности потому, что этот вопрос во всех его подробностях полнейшим образом разрешен уже в образованных государствах Европы.

Жизнь всех университетов, как и их значение, представляют много общего. В их историческом существовании мы встречаем, между прочим, такое замечательное явление: всякий раз, когда общество начинают волновать какие-нибудь идеи, могущие потрясти порядок общественный, начинается борьба против университетов, в них начинают искать источника общих беспокойств и представляют различные планы к замене университетов чем-либо другим.

Не говоря уже о странах, где степень образования невысока, где наука — достояние очень немногих, довольно посмотреть на ученую Германию и на ту войну, которую вели в тридцатых годах с ее великими университетами.

Кому неизвестно то мировое значение, которое приобрели германские университеты в начале XIX столетия? Когда вслед за ударами Французской революции появились гибельные учения коммунизма и социализма, уничтожавшие бессознательно личность и свободу человека и, следовательно, разрушавшие и все здоровые элементы общественности, возвысила свой голос наука на кафедрах германских университетов. Философский анализ, на котором уже построилось преподавание наук в Германии, легко рассеял превратные учения, следовавшие за вихрем революции, успокоил умы и подготовил народам элементы действительной государственной жизни. Довольно

вспомнить хорошо известную спасительную деятельность юного, в то время, Берлинского университета, довольно вспомнить, что при открытии Германского сейма университеты признаны могучим памятником немецкого развития (*ein stolzes Denkmal deutscher Entwickelung*), и вместе с тем вспомнить, что в двадцатых годах поднялись возгласы против университетов, поднялись планы о замене их специальными школами. Таких врагов университеты германские встретили в двух совершенно противоположных партиях: крайних либералов и крайних консерваторов; первые кричали против университетов, называя их окаменелостями, отсталыми, противниками движения, которые называли их источниками беспорядков, предводителями буйства и разрушительных начал, особенно по отношению к религии: обе партии сходились в том, что требовали уничтожения университетов, их замены специальными школами[1], которыми заменены были уже во Франции в XIX ст. университеты.

Положение Русских университетов в настоящую минуту чрезвычайно похоже на положение Германских в 30-х годах. Русские университеты, действующие только с XIX ст. (деятельность Московского в XVIII ст. чрезвычайно слаба, по отношению к некоторым факультетам), и, собственно говоря, довольно полно только с 40-х годов, пошли по тропе, проложенной Германскими университетами; несмотря на все препятствия, на отсутствие необходимой для университета автономии, явившееся одним из оснований Устава 1835 г., они стремились открыть благородное служение науке и уже принесли неисчислимую пользу обществу. Нельзя не вспомнить, что ими подготовлено целое поколение, которое отвратилось от крепостного права и так облегчило правительству совершить величайшее из всех государственных дел Русской истории — эмансипацию; ими подготовлено поколение, которое сознало необходимость реформы судоустройства и судопроизводства, и ждет уже, готовое и знающее, помочь правительству в приведении и этой великой идеи в исполнение; ими подготовлено поколение, которое разрабатывает самостоятельно и широко науку, изучает исторические, этнографические, географические условия отчизны, обычаи,

---

[1] См. *Dr. K.H. Scheidler*: Ueber die Idee der Universitât und ihre Stellung zur Staatsgewalt, стр. 85 и сл. И. Е. Андреевский имеет в виду работу немецкого ученого Карла Германа Шейдлера (*Karl Hermann Scheidler*, 1795–1866) «Об идее университета и его положении относительно государственной власти», опубликованную в первом томе его произведений по государственной науке (*Scheidler K. H.* Staatswissenschaftliche Abhandlungen, Bd.1. Ueber die Idee der Universität und ihre Stellung zur Staatsgewalt. Jena, 1838).

экономические явления страны, — словом все ветви наук, в знании которых так нуждаются государство и общество. Но нужно ли перечислять, да и в состоянии ли кто-либо исчислить те дорогие плоды, которые пожинает теперь Русское общество от деятельности своих юных и еще не твердо поставленных университетов. А между тем, когда в университетах явились беспорядки, отчасти вызванные самой же администрацией, отчасти обществом, — беспорядки, которые легко могли бы быть подавлены самим университетом, если бы его положение было самостоятельнее, то многие, или не зная благодеяний университета для общества или забыв их, начали кричать о вреде университетов для России и о необходимости их закрытия и замены специальными школами. Прислушиваясь к речам таких реформаторов, легко увидеть, что в их возгласах нет чего-либо нового и неизвестного; напротив, это эхо тех криков, которые раздавались в 30-х годах в Германии, с той только разницей, что в Германии эти крики раздавались не голословно, а более систематически, что нападавшие на университет изложили свои доводы печатно, и тогда в защиту университета выступили мыслители такие, как *Schleiermascher*[1], *Thiersch*[2], *Leo*[3], *Savigny*[4] и др., и в своих бессмертных сочинениях вполне разрешили вопрос об университетах, занимающий в настоящую минуту в свою очередь и Русское законодательство.

---

[1] См. его «Gelegentliche Gedanken über Universitâten in deutschen Sinn». Berl. 1808, первоначально напечатанное в Heidelberger Jabrbüchern für Philologie etc. Jahrg. I, 1808, Heft. 3, S. 296—305. И. Е. Андреевский имеет в виду немецкого теолога и философа Фридриха Даниэля Эрнста Шлайермахера (*Friedrich Daniel Ernst Schleiermacher*, 1768–1834). Его сочинение «Случайные мысли об университетах в немецком сознании. Вместе с дополнением об одном вновь учрежденном» вышло в свет в Берлине в 1808 г. отдельным изданием и объемом в 176 страниц.

[2] См. его «Ueber den gegenwärtigen Zustand von Tübingen» 1829; также 2-й том его соч. «Uber gelehrt. Schulen». В данном случае имеется в виду немецкий филолог и педагог Фридрих-Вильгельм фон Тирш (*Friedrich Wilhelm von Thiersch*, 1784–1860). Три тома его сочинения «Über gelehrte Schulen, mit besonderer Rücksicht auf Bayern» вышли в свет в 1826–1829 гг.

[3] См. Jarhbuch. für wiss. Kritik. 1820 s. 548 etc. И. Е. Андреевский имеет в виду немецкого историка Генриха Лео (*Heinrich Leo*, 1799–1878) и периодическое издание «Ежегодник научной критики» (Jahrbücher für wissenschaftliche Kritik)».

[4] См. его Wesen und Werth der deutschen Universitâten, помещ. в Historisch-polit. Zeitschrift von *L. Ranke*. Bd. 1. Heft 4. Hamb. 1832, и перепеч. в его Vermischte Schriften, 4 B. Berl. 1850, S. 270. Имеется в виду знаменитый немецкий правовед и историк Фридрих Карл фон Савиньи (*Friedrich Carl von Savigny*, 1779–1861) и «Историко-политический журнал», издававшийся немецким историком Леопольдом Ранке.

Чтобы решить, не представляют ли университеты опасности для общества и не нужно ли их заменить специальными школами, необходимо посмотреть, нужна ли для общества наука, и не опасно ли ее развитие?[1] Это необходимо потому, что только университеты представляют возможность самостоятельного и стройного развития науки. Отдельные специальные школы, представляющие много выгодных сторон, имеют тот существенный недостаток, что не могут составить сферы для полного и самостоятельного развития науки; оттого цель специальных школ, как ниже покажем, совсем иная: их цель не движение науки, а, напротив, применение добытых наукой начал к практическим, хлебным целям человека.

Первоначально университеты являлись более специальными, отдельными школами для той или другой ветви человеческих сведений, и потому в начале своего появления самое их название *Universitates* не означало *universitates literarum*; мало-помалу только преподаватели отдельных отраслей человеческой науки сознали невозможность успеха при своем одиночестве, при отсутствии органической связи с преподавателями и слушателями других отраслей науки; с XIII столетия университеты стали у себя группировать более и более все ветви человеческих знаний, и таким образом, по внутреннему призыву самой науки, стали являться, как *universitates literarum*: особенно так сильно сложились университеты в Германии, и в них с конца XVIII ст. наука стала получать свое действительное значение и вылилась в форме совершенно самостоятельного университетского преподавания. Это могло явиться только тогда, когда была сознана внутренняя связь между философией и остальными науками, и следовательно сознана была и связь между наукой и жизнью.

Только здесь в университетах впервые явился самый анализ науки, получилось верное воззрение как на нее, так и на университеты, и представилось отличие университетов от всех других школ. Здесь науку перестали признавать, как средство для достижения той или другой жизненной цели; напротив, здесь науку стали рассматривать, как принадлежность области человеческого духа, и следовательно не как средство, а как цель человеческой жизни. Понимаемая с этой

---

[1] Так весьма справедливо спрашивает Dahlmann, в своей Politik, I. 288. И. Е. Андреевский имеет в виду в данном случае немецкого историка и государственного деятеля Фридриха Христофа Далманна (*Friedrich Christoph Dahlmann*, 1785–1860) и его произведение «Die Politik, auf den Grund und das Maaß der gegebenen Zustände zurückgeführt», которое вышло в свет в 1835 г. в Геттингене и в 1847 г. в Лейпциге.

университетской точки зрения, отдельная отрасль человеческого знания не может быть надлежащим образом сознана отдельно от других отраслей; в науке, как и в искусстве, особенное имеет тогда только цену, когда оно находится в связи со своим всеобщим и абсолютным, оттого и метод учения должен выходить из действительного и верного знания живой связи между всеми науками, без чего он будет лишен духа, мертв, односторонен, ограничен; тогда только можно иметь действительные в чем-нибудь сведения, когда понятна идея всеобщего, когда науку сознаешь, как органического члена всего человеческого знания. Преподавать науку нельзя без этого внутреннего философского отношения ее к истине. Многие, смотрящие на науку, только как на совокупность полезных сведений для человека и не возвышающиеся до верного воззрения на нее, не в состоянии правильно посмотреть и на задачу университета. Они думают, что дело университета — передать слушателям совокупность имеющихся у людей сведений в данное время, но не в этом задача университетов: их дело — не передать только то или другое количество сведений, но доставить слушателям возможность войти в самую науку в высшем ее смысле, сознать жизнь науки, вдуматься в ее самостоятельные элементы, сделаться живым и самостоятельным участником в самом движении идеи; оттого преподаватель университета имеет совсем другое призвание, чем преподаватель какой-либо специальной школы: последний обязан дать своим слушателям то, что добыто наукой, что известно; первый же, университетский преподаватель, кроме этого, делает в самых лекциях своих научные открытия и кладет слушателям основания для возможности движения науки, уяснения истины, так как наука не представляет чего-либо готового, законченного, но, напротив, является живым организмом, движущимся, изменяющимся, и породнение человека с этой жизнью науки есть дело истинного научного преподавания. А такое преподавание возможно только тогда, если оно подвергается самому тщательному анализу и разбору. Как же может возбудиться такой анализ? Он возбуждается посредством сравнения как преподавания, так и результатов его по отношению к различным ветвям человеческой науки: как ни различны, как ни специальны эти ветви, они приходят к одним и тем же выводам и последствиям; их выводы и последствия — виды одной и той же философской истины. Оттого только там и может быть надлежащим образом сознана и преподана отдельная ветвь наук, где преподаются и остальные ветви наук. Как ни различны ветви наук юридических, математических или филологических, но философски образованные филологи всегда могут понять те философские мотивы,

которые представляются юристами или математиками относительно преподавания юридических или математических наук и многочисленнейших вопросов, связанных с преподаванием. Оттого, если бы преподавателей этих различных ветвей науки разделить и предоставить им действовать совершенно отдельно, не в связи друг с другом, то каждый из них может попасть на ложную дорогу: их верный, живой путь прямо зависит от их взаимной связи, как отдельных частей одного органического целого, взаимно питающих и пополняющих друг друга. Эта-то идея науки, вызывающая такую связь и взаимную деятельность преподавателей различных ветвей науки, вызвала в университетах устройство специальных факультетов, но не отдельно действующих, а, напротив, растущих на одном, общем для всех их, корню, составляющих нераздельное целое — университет.

Сколько необходима эта связь для преподавателей и для внутреннего устроения преподавания, столько же она необходима и для слушателей, избирающих себе какую-либо отдельную ветвь наук. Избирая какую-либо специальность, каждый представляет в своем учении свою индивидуальную особенность, создает свои собственные способы занятий; определенная группировка наук, которую выслушивает с надлежащими результатами один, будет неудобна для другого; подготовительное образование, склад ума и всей духовной природы, представляющие бесконечное разнообразие, требуют для различных лиц выслушания различных наук, прямо и не относящихся к избранному ими специальному отделу наук, но без которых они не в состоянии понять наук своей специальной ветви. Граница, образовавшаяся от группировки наук между факультетами, никак не должна быть непроходимой для учащегося; напротив, каждому из них, не только во время слушания лекций, но и в течение жизни приходится иногда переступать эту границу и изучать некоторые отдельные вопросы из совершенно чуждой, с первого взгляда, для избранной им ветви наук и посредством такого изучения приобретать самостоятельность и в избранной им специальности. Необходимая этого причина очевидна: науки, как ни различны, ни специальны, составляют части одного органического целого. Сколько раз юристу, для объяснения себе специально-юридического вопроса, необходимо изучать законы филологии или истории, или историку, философу — законы механики или математики и т. п. Потому, если слушателю, избравшему себе специальный отдел, не дать возможности посещать тогда, когда он сознает это необходимым, лекции других специальных отделов, то значит помешать его развитию, помешать его учению. Весьма понятно негодование,

которое высказал в 1832 г. *Cousin* именно по отношению к разъединению факультетов во Франции; он справедливо замечает, что Французские факультеты потонули в этом разъединении и разрушили во Франции самостоятельность науки: в одном месте — факультет естественных наук и нет преподавания медицинских наук, в другом — факультеты юридический и богословский, без преподавания истории, литературы и философии. Наука, созревшая в Германии в XIX ст., доказала, что она может получать свое развитие только в университетах. И когда с 20-х годов в Германии стали рождаться проекты о замене университетов специальными школами, то эти воззрения и проекты скоро нашли себе надлежащую оценку: они признаны нелепостями, доказавшими невежество их источника[1].

В самом деле, специальная школа совершенно не то, что факультет университета. Ее положение, основания и цели совершенно противоположны положению, основаниям и целям факультета университета. Специальная школа открывается правительством или частными лицами с той целью, чтобы преподать в ней совокупность сведений определенной отрасли наук на таких началах и основаниях, чтобы слушатели могли, по окончании курса, применить приобретенные ими сведения в этой специальной жизненной деятельности, к которой они приготовлялись в школе. Потому самое устроение школы, равно как и способ преподавания, основываются на таком главном практическом принципе школы. Преподавание здесь должно иметь целью отчетливо представить голые результаты науки и, будучи отделено от преподавания наук других специальных отделов, оно не может доставить слушателям самостоятельного усвоения основных истин науки; это — уже болезненная принадлежность каждой, отдельно действующей, специальной школы: в ней наука получает значение хлебной науки (*Brodstudium*). Оттого и результаты такого преподавания, т. е. успехи слушателей носят на себе всегда отпечаток хлебной школы. Их сведения основываются не на самостоятельном, не на живом анализе существенных оснований науки, но главным образом на памяти; оттого они не имеют задатков, чтобы самостоятельно идти вперед, что составляет признак действительно ученого, но требуют постоянных руководителей.

Совершенно иным являются существо университетского факультета и его последствия: университеты не имеют в виду прямо чего-либо

[1] *Scheidler K. H.* Ueber die Idee der Universität und ihre Stellung zur Staatsgewalt. Jena, 1808, S. 267.

реального, хлебно-практического; они не должны доставлять слушателям простую совокупность научных сведений; их цель — полнейшее развитие и возвышение силы научности, воспринимания науки, потому они заботятся о широком развитии научного духа и насаждении его в слушателях; они стремятся не научить чему-нибудь определенному, но научить учиться, дать искусство усвоить науку; университет не только приготовляет специалистов, как врачей, юристов, филологов, математиков, но он приготовляет из всех их одно общее — ученых. Как весьма верно заметил *Савиньи,* «университеты — единственные установления, допускающие, по своей организации, возможность каждому талантливому преподавателю самостоятельно развиться, а слушателю развернуть свои способности; это — единственные установления, в которых натуры даровитые легко сознают свое высокое призвание, а натуры и ограниченные могут получить возвышенный взгляд на свою жизненную деятельность[1]. Такое же убеждение высказал и Фихте, заметив, что университет — важнейшее и священнейшее установление, которым владеет человечество. («*Wichtigste Anstalt und das heiligste ist, was das Menschengeschlecht besitzt*»)[2].

Нисколько не сомневаясь таким образом, что наука может получить свое развитие только в университетах, легко ответить на вопрос: можно ли заменить университеты специальными школами? Их можно заменить специальными школами, если желать разрушить науку, признавая ее опасной для общества и государства.

Но не нужно доказывать аксиому, что правильное развитие как общества, так и государства, находится в прямой зависимости от правильного и самостоятельного господства науки: залог каждой общественной и государственной деятельности есть действительное знание. Наибольшая язва в государстве и наибольшая опасность для государственной жизни, для государственного порядка заключается в полузнании, в поверхностных сведениях. Никакое неразумное предприятие, гибельное для общественной или государственной безопасности, не будет страшно для государства, в котором действует наука: она одна только в состоянии разоблачить ложность начал поднимающейся

---

1 *Savigny F. C.* Wesen u. Werth der deutschen Universitäten // Historisch-Politische Zeitschrift / Herausgegeben von Leopold Ranke. Bd. 1. Heft 4. Hamburg, 1832.

2 Staatslehre, 1-te Aufl. S. 209. Имеется в виду изданная в 1820 г. в Берлине книга немецкого философа Йогана Готлиба Фихте (*Johann Gottlieb Fichte*, 1762–1814) «Die Staatslehre, oder über das Verhältniß des Urstaates zum Vernunftreiche». Ее содержание составили лекции, прочитанные Фихте летом 1813 г. в Берлинском университете.

грозы и рассеять попытки практического ее осуществления. Оттого-то каждое правительство имеет живое призвание содействовать всеми, имеющимися у него средствами самостоятельному развитию в своей стране науки[1]. Оно имеет к науке такое же отношение, как и к религии. Для того, чтобы наука двигалась и развивалась самостоятельно, правительство должно предоставить ее самостоятельному течению; было бы гибельно для правительства дать науке направление от себя, как это стремилась сделать в XIX ст. Франция, уничтожившая университеты и заменившая их отдельно действующими факультетами, так сказать, специальными школами, что и подало повод к составлению подобных же проектов в Германии в 20-х годах. Не возможно ни для кого, кроме самой науки, определить, какое направление ее для правительства полезно; чрезвычайно опасно, становясь на начало пользы, указывать дорогу науке: результатом этого будет сведение науки с верного научного пути на случайную, произвольную, административную дорогу, на которой наука потеряет свои основные истины и потонет в административных предписаниях, и вместо пользы, которой от нее будут ожидать общество и правительство, принесет им положительный вред. Весьма справедливо замечает *Штюве,* что наполеоновская система относительно университетов, полагавшая централизацией учебной части и бюрократией, подавлением корпоративного элемента университета подавить революционные стремления, в действительности расширила эти революционные стремления до бесконечности тем, что разрушила самостоятельное, действительное господство науки[2]. И это падение науки во всех ее отраслях во Франции, замеченное и разобранное в Германии, начинают сознавать теперь и в самой Франции, наилучшие мыслители которой, действующие еще с успехом на поприще науки, получают свое образование в Германии. Самая важнейшая государственная ошибка из всех ошибок, следовавших за первой Французской революцией, является именно в этой замене

---

[1] Весьма справедливо заметил Фридрих В[еликий], «что плохие политики, заключившись в свои маленькие идеи, полагали, что гораздо легче управлять невежественным народом, чем образованным; напротив, опыт показывает, что чем невежественнее народ, тем он одностороннее и самоуверенее, и гораздо труднее бороться с его невежеством, чем убедить образованный народ в чем-нибудь необходимом» См.: *Scheidler K. H.* Ueber die Idee der Universität (S. 355).

[2] *Stüve.* Ueber den gegenwärtigen Zustand von Hannover, S. 12. И. Е. Андреевский имеет в виду немецкого правоведа, историка и политика Йогана Карла Бертрана Штюве (*Johann Carl Bertram Stüve*, 1798–1872) и его книгу «Ueber die gegenwärtige Lage des Königreichs Hannover», вышедшую в свет в Йене в 1832 г.

университетов специальными школами, потому что результатом этой ошибки является разрушение самостоятельной науки во Франции, а вместе с этим все влагаются во французскую жизнь семена к дальнейшим революциям, из коих некоторые уже наступили, а другие еще явятся, как неумолимые удары, наполняющие отсутствие живой и истинной науки. Справедливо замечает лорд Бругам, что стоит только в деле знания немного пойти назад, как это шествие к регрессу начнет увеличиваться в поразительной прогрессии, и наконец быстро приведет от состояния цивилизации к положению варварства[1].

Оттого мы смело утверждаем, что всякий, кому дорого благополучие России, кто желает сохранения государственного порядка, кто хочет своей жизнью и делом содействовать верховной государственной власти, тот согласится, что главнейшее благо России заключается в точнейшем и самостоятельном развитии науки, а следовательно, в развитии и полнейшем усовершении Русских университетов, а не в замене их специальными школами: заменить в России университеты специальными школами, — значит убить науку, а убиение в России науки тождественно с разрушением ее государственной жизни, с воцарением произвола страстей и анархии.

Также смотрело постоянно и Русское правительство на необходимость развития науки и устроения университетов, начиная с самой ½ (т. е. середины. — *В. Т.*) XVIII ст., когда императрица Елизавета Петровна, утвердив проект Шувалова об открытии в Москве университета, и в указе об учреждении Московского университета 24-го января 1755 г., назвав Шувалова «изобретателем того полезного дела, усердствовавшим Ей и Отечеству», мотивировала необходимость учреждения университета следующими замечательными словами: «всякое добро происходит от просвещенного разума, а напротив того, зло искореняется; следовательно, нужда необходимая о том стараться, чтобы способом пристойных наук возрастало в пространной нашей Империи всякое полезное знание»[2].

---

[1] Лорд Бругам говорит об этом в своем сочинении «о машинах» (Lub. 1833, S. 147), по поводу того, что в Египте, для вырытия канала, вместо машины, употребляют до 50 тыс. людей. И. Е. Андреевский имеет в виду члена Палаты общин парламента Великобритании Генри Петера Бругама (*Henry Peter Brougham*, 1778–1868), занимавшего в 1830–1834 гг. пост лорда-канцлера.

[2] И. Е. Андреевский цитирует с некоторыми неточностями Именной указ императрицы Елизаветы Петровны от 24 января 1755 года «Об учреждении Московского Университета и двух Гимназий. С приложением Высочайше утвержденного проекта по сему предмету». См.: Законодательство императрицы Елизаветы Петровны / Со-

На этом же основании Императрица Екатерина II выразила свое намерение открыть университеты в Екатеринославле, Пскове, Чернигове и Пензе[1]. Ее великие намерения, как известно, отчасти осуществились в царствование Императора Александра I, который свое воззрение на университеты выразил, как в §§ 1 и 24 составленного при нем устава университетов Харьковского, Казанского и Московского: «Университет есть высшее ученое сословие, для преподавания наук учрежденное (§ 1)», «ученое сословие университета заключает в себе определенное число отделений или факультетов», так самым полным образом и в утвердительных грамотах, дарованных Им университетам; в грамоте Московскому университету 5-го ноября 1804 г. изображено: «Императорский Московский университет пребудет сословием ученых мужей, которое под непосредственным Нашим покровительством управляемо будет на основании устава, в сей день Нами утверждаемого. Мы, желая поставить на незыблемом основании сие благотворное учреждение и дать ему новые способы ознаменовать деятельность его, даруем Московскому университету новое и пространнейшее образование, подтверждая за Нас и Преемников Наших существование сего университета». То же воззрение встречаем мы и в общем уставе Императорских Российских университетов 26-го июля 1835 г., в ст. 1, главы I которого сказано: «университет составляется *из определенного числа факультетов*, из совета и правления».

Так постоянно выражавшееся убеждение Русского правительства о необходимости для государства полнейшего развития науки и усовершения университетов сделало университеты в России самым существенным элементом государственной жизни. Этим и можно объяснить, почему комиссия, постановившая в 1 § проекта нового Устава, что факультеты составляют нераздельные части университета, не считала необходимым, особыми мотивами, объяснить этот §. Этим же

ставитель и автор вступительной статьи В. А. Томсинов. М.: Зерцало, 2009. С. 171–172.

[1] См.: указ ее 4-го сент. 1784 г. (№ 16,057) и 29-го января 1786 г. (№ 16,315). О создании университета в Екатеринославле провозглашалось в Именном указе императрицы Екатерины II, данном Екатеринославскому и Таврическому генерал-губернатору князю Потемкину 4 сентября 1784 года, «Об учреждении Университета в губернском городе Екатеринославского наместничества» (1-ПСЗРИ. Том 22. № 16057. С. 207). Об учреждении университетов в Пскове, Чернигове и Пензе говорилось в Именном указе Екатерины II, данном Комиссии об учреждении училищ 29 января 1786 года, «О составлении плана для заведения университетов в Пскове, Чернигове и Пензе» (1-ПСЗРИ. Том 22. № 16315. С. 526). Эти проекты не были осуществлены.

объясняется, почему и в примечаниях, сделанных разными лицами на проект нового Устава, не встречается прямых возражений против первого его §: именно никто и не допускает мысли о возможности заменить университеты специальными школами; некоторыми только предлагается сделать изменение в редакции этого §, именно:

Совет Императорского университета св. Владимира предлагает, для устранения неясности редакции, изложить этот § следующим образом: «Университет есть высшее учебное учреждение, состоящее из определенного числа факультетов, как частей одного органического целого». Эта редакция, предлагаемая университетом св. Владимира, по нашему мнению, нисколько не переменяет смысла редакции проекта. То же надобно сказать и о редакции, предлагаемой помощником директора Виленской обсерватории Гусевым, полагающим изложить 1-й § таким образом: «Университет есть высшее учебное учреждение, в котором преподаются все основные науки в полном объеме и современном состоянии».

Преосвященный Антоний, епископ Смоленский, находит, что в этом определении 1-го § не высказана цель университета, и по его мнению необходимо, кроме учебной цели, указать и цель воспитательную, дабы университет мог приготовить не ученых только людей, но и добрых и полезных слуг обществу на разных поприщах служения общественного. Мы не можем согласиться с необходимостью такого добавления, потому что университет — вовсе не воспитательное заведение, но, будучи высшим учебным установлением, делая науку достоянием своих слушателей, тем самым дает им полную возможность сделаться добрыми и полезными слугами общества. В этом отношении весьма справедливы замечания профессора Костомарова, что университеты — вовсе заведения не учебно-воспитательные, а образовательно-ученые, что вполне выражено в редакции проекта, назвавшей университеты заведениями высшими учебными.

Совет Императорского Харьковского университета, профессор Московского университета г. Лешков и г. Стасюлевич предлагают, вместо высшего учебного учреждения, поставить *высшее ученое сословие*. Именно совет Харьковского университета, предлагая выразить 1-й § такими словами: *Университет есть высшее ученое сословие, учрежденное для преподавания наук и состоящее из определенного числа факультетов, как нераздельных частей одного целого,* мотивирует это тем, что так выражено было определение университета в Уставе 1804 г. и совет не видит никакой надобности отступать от первоначальной мысли законодателя, которому принадлежит честь основания почти

всех Русских университетов». Против этого возражает г. попечитель Харьковского учебного округа Левшин, замечая, что слово *сословие* неприменимо к университету, как учебному заведению, в понятии которого заключаются не только учащие, но и учащиеся. Профессор Лешков находит удобнее назвать университет высшим ученым сословием, равным образом на том же основании, что так названы университеты в Уставе 1804 г., присоединяя к этому: «что названием высшего учебного учреждения университет отнесен к разряду училищ, и длительность профессоров направлена к учению, обучению, научению, с их способами, спрашиваниями, репетициями, экзаменами и проч., а не к самостоятельным ученым трудам». Г. *Стасюлевич* предлагает редакцию в такой форме: «Университет есть ученое сословие, принимающее на себя известные обязанности по общественному образованию и пользующееся за то известными правами».

Нам кажется, что редакция Устава 1804 года и редакции, предлагаемые советом Харьковского университета и гг. Лешковым и Стасюлевичем, представляют чрезвычайную неточность, и что редакция проекта гораздо удачнее. Назвать университет ученым сословием, значит назвать не весь университет, а только половину его, именно преподавателей; напротив, определение университета, как *высшего учебного установления,* заключает в себе надлежащую полноту и ясность: под ним разумеются и преподаватели, составляющие ученое сословие университета, и слушатели университета, к ученому сословию непринадлежащие. Не трудно видеть, что опасение г. Лешкова, будто название университета высшим учебным учреждением направит деятельность профессоров к учению, обучению, научению, с их способами, спрашиваниями, репетициями, экзаменами и проч., а не к самостоятельным ученым трудам, не опирается на достаточные основания.

Совет Императорского Московского университета, большинством 17-ти голосов, полагает изменить редакцию этого § следующим образом: «Университет есть высшее ученое и учебное учреждение...» на том основании, что деятельность университета состоит не в одном преподавании, но и в развитии науки, что университет возводит в ученые степени, что в числе его обязанностей находится содействие к изданию ученых сочинений, что при университете состоят ученые общества». Меньшинство же, 15 членов, полагая, что ученые учреждения не могут разделяться по степеням, находит более уместным выражение высшее ученое и учебное учреждение заменить выражением: *ученое и высшее учебное учреждение*). Г. Горяин замечает, что это желание Московского университета совершенно невинно и вреда никому принести

не может, хотя определением, что университет есть высшее учебное учреждение, остаются вполне довольны и университеты германские.

Мы также думаем, что хотя деятельность университета состоит не в одном преподавании, но и в развитии науки, в содействии к изданию ученых сочинений, но это все обязанности высшего учебного установления; что же касается того, что при университете состоят ученые общества, то такие общества могут всегда быть учреждаемы при высшем учебном установлении, и нет никакого основания называть, вследствие того, такое учебное заведение ученым.

Потому мы полагаем, что 1-й § проекта должен быть помещен в новом Уставе университетов только с незначительным изменением его редакции, именно: вместо слова *учреждение* нужно поставить *установление,* так как под учреждением разумеется совокупность законов о составе, предметах ведомства и власти какого-либо установления; учреждение то же, что закон. Таким образом, 1-й § в новом Уставе университетов можно изложить в следующих словах:

«Университет есть высшее учебное установление, состоящее из определенного числа факультетов, как нераздельных частей одного целого».

***КАЧЕНОВСКИЙ Д. И.**, ординарный профессор юридического факультета Императорского Харьковского университета*

Прежнее и новейшее положение русских университетов[1]

В настоящее время, когда у нас поднялись толки об университетах, очень кстати проследить их историю, хотя в самом беглом очерке. Как ни новы эти учреждения в России, однако же их жизнь отмечена в летописях нашего образования. Опыт, даже кратковременный, непременно с какой-нибудь стороны поучителен. Указаниями его пренебрегать не должно. Отвлеченные суждения могут иметь цену для будущих реформ; но когда речь идет об изменении живых учреждений, очень

[1] Публикуется по: Замечания на проект Общего Устава Императорских Российских университетов. Часть 1. СПб., 1862. С. 345–361. Впервые данная статья была напечатана в газете «Русская речь» (1862. № 1).

естественно спросить: как они возникли, что испытали, что принесли обществу, с какой стороны удовлетворили его нуждам, почему в них есть и были известные недостатки? На все эти вопросы мы будет отвечать как можно короче.

Основание университетов в разных концах нашего отечества было делом Александра I. До того времени, как известно, университет существовал только в Москве, откуда, разумеется, он не мог иметь значительного влияния на целую Россию. Как бы то ни было, необходимость устроить подобные заведения в провинциях была сознана уже при Екатерине II. С 1804 года мысль эта была постепенно приведена в исполнение. Нужно отдать справедливость Александру: он искренно желал просвещения своих подданных; его планы были задуманы смело и выполнены откровенно. Первые уставы, изданные для Харьковского и Казанского университетов, и теперь еще возбуждают удивление. Читая эти памятники нашего законодательства, каждый согласится, что правительство вводило в Русское общество новую умственную силу и давало ей значение государственное. Университеты явились высшими самодеятельными органами гражданского образования, были открыты всем сословиям, щедро награждены преимуществами и даже привилегиями, устройство их имело характер коллегиальный; выборное начало в нем господствовало. Во главе университета стоял ректор, на которого исключительно была возложена ответственность по управлению и дисциплине. В случаях крайности, он мог принимать, смотря по обстоятельствам, чрезвычайные меры и требовать содействия военного и гражданского начальства. Власть попечителя была не велика: его вмешательство в дела университета можно назвать скорее отрицательным, чем деятельным. Ему принадлежал высший контроль по важнейшим финансовым мерам; он останавливал лишь те распоряжения университетских коллегий, которые выходили из пределов данного им полномочия, или посылались в министерство. Внутренняя жизнь и деятельность университета шла независимо, законным порядком; ученое сословие пользовалось самоуправлением: соединяясь в совете, правлении и факультетах, оно действовало посредством своих представителей и членов, не стесняясь ничем, кроме устава. Законодательные, судебные и ученые вопросы решал совет: хозяйственной частью заведывало правление, администрацией — ректор. Прокурором университета был синдик, избираемый из профессоров; на них же были возложены некоторые другие должности, напр., инспекторская, должность секретаря в совете и проч. Свобода преподавания не была ограничена уставом; университету поставлено в заслугу основание ученых

обществ, издание полезных сочинений, для чего ему вполне усвоено право иметь собственную цензуру. Разделение на факультеты и определение предметов учения не мешало увеличивать число кафедр и профессоров; при факультетах находился известный комплект адъюнктов и магистров, чтобы таким образом сам университет имел в руках средства пополнять свой состав. Особенное внимание законодатель обратил на поддержку молодых людей недостаточного состояния в университете: для этого были назначены остатки из разных сумм; кроме того ученое сословие обязано было учреждать стипендии и содействовать видам всех ревнителей народного образования, которые изъявят желание воспитывать на свой счет студентов.

В силу уставов, утвержденных Александром I, на университеты возложен был также надзор над низшими учебными заведениями по округу. Эта обязанность оказалась особенно трудной и стеснительной для профессоров: она отвлекала их от главных занятий. По общим отзывам, дела в училищных комитетах шли довольно вяло и не совсем удачно; в некоторых местах даже возникли злоупотребления. Но тем не менее коллегиальное устройство представляло более твердые ограды против произвола, нежели устройство бюрократическое, которое вообще не так удобно прилагается к делу народного образования.

Зато свою внутреннюю, главную задачу университеты могли выполнять свободно, под влиянием либерального устава. Если в этом отношении надежды законодателя оправдались не вполне и не скоро, — здесь вина падает на обстоятельства, в которых тогда находилась Россия. За недостатком природных русских нужно было заместить профессорские должности, на первый раз, иностранцами. Правительство вызвало из Германии и Франции многих известных ученых. Их деятельность, разумеется, не была в чужой стране столько плодотворна, сколько в отечестве. Незнакомые с языком, с обычаями и устройством России, они не приноровили своего преподавания к потребностям нашего общества. Предметы читались большей частью на латинском языке, мало доступном и едва понятном для слушателей. Притом же в самой науке тогдашнего времени преобладало отвлеченное направление. Русский студент почти не находил в ней ответа на вопросы жизни; знание мало служило ему для практики. Но во всяком случае каждый мог что-нибудь вынести из университетского курса. Кафедры философии, словесности, политики, математики были замещены людьми знающими и способными; профессора успели пробудить во многих студентах мысль, гражданский дух и любовь к умственному труду. Еще теперь заметны

следы этого влияния. Кому случалось встречать в своей жизни университетских воспитанников Александровской эпохи, тот согласится, что они, во многом, стоят выше студентов позднейшего времени. Между ними сплошь и рядом попадаются люди с сильными и честными убеждениями, с энтузиазмом к науке и с развитым умом. Если они кажутся нам отсталыми, зато их нельзя назвать бесцветными. Нужно заметить, впрочем, что в первые годы существования университетов студенты состояли преимущественно из не богатых людей, именно из семинаристов; скоро охота к учению обнаружилась в сословии чиновников; что же касается до дворян, то они воспитывались большей частью или за границей, или в военных училищах и начали поступать в университеты гораздо позже.

Общественное значение университетов в первое время их существования было очень велико. Поставленные независимо от губернских властей, они имели полную возможность действовать беспрепятственно в пределах данного им полномочия. Ученое сословие было, правда, немногочисленно и мало обеспечено денежными средствами, оно имело вид привилегированной колонии иностранцев, но колония эта держала себя с достоинством. Немецкие и французские профессора, хотя казались современникам чудаками и оригиналами, но были, по крайней мере, свободны от бюрократических пороков и российской лени. Некоторые из них владели замечательным даром слова; другие отличались учеными заслугами, наконец, каждый между ними был проникнут университетскими преданиями Запада. Все эти обстоятельства в совокупности много говорят в пользу тогдашних профессоров и объясняют их влияние. Они образовали как бы новую самодеятельную корпорацию с особенным характером и своеобразными стремлениями. Появление этой умственной силы в русском обществе, воспитанном в сословных и военных преданиях, произвело благодетельные результаты. Университет сделался главным двигателем образования и орудием либеральных стремлений, одушевлявших правительство. В нем обнаружился гражданский дух: перед ним были равны все классы; в нем находили защиту и поддержку таланты, в какую бы низкую сферу жизни они ни были затоптаны. Исторические привилегии для него не имели смысла; он различал не лица, но способности, знания и труды. Скоро между молодыми русскими студентами явились люди, приготовленные к профессорским должностям. Под влиянием университета издавались журналы и полезные книги, устраивались ученые и литературные общества, — словом в провинции мало-помалу развивалась умственная жизнь.

Вникая ближе во внутреннее устройство тогдашних университетов, мы находим, однако же, что оно было далеко от совершенства. Недостаточное обеспечение профессоров имело, напр., очень вредные последствия. В обществе неразвитом, построенном на крепостном праве и монополиях, каждый стремится жить не по состоянию. Отсутствие гласности благоприятно взяточничеству. Это великое зло, которым страдала Россия, коснулось и университетов. Они не могли остаться чистыми там, где грабеж производился безнаказанно по всем отраслям правления. Даже иностранные профессора поддались искушению; еще более отличались пристрастием русские. Злоупотребления возникли при экзаменах и при раздаче ученых степеней чиновникам, но особенно по делам административным и окружному надзору. Кроме того коллегиальное устройство подавало повод к интригам партий. Это последнее явление очень обыкновенно и, может быть, до некоторой степени неизбежно. Где есть борьба, там должны быть партии; где живут вместе люди, там случаются интриги. Но, по крайней мере, коллегия подает меньше повода к произволу и самовластию, чем бюрократическое устройство; следствия же произвола известны. Мы можем изучать их в дальнейшей истории русских университетов, к которой теперь переходим.

К концу царствования Александра I направление внешней и внутренней политики русского правительства изменилось. Эта перемена не могла остаться без влияния на министерство народного просвещения. Университеты прежде всего ее почувствовали на себе; созданные правительством, они в нем находили главную опору. Действительно, уже с 1821 г., они становятся подозрительными в глазах мистиков; на попечительские места назначаются люди нового образа мыслей; некоторые профессора преследуются за преподавание, другие подают доносы на товарищей. Эти явления случались и в прежнее время, напр. в эпоху войны 1812 года, но теперь они становятся частыми. Вообще уставы, в последние годы Александра I, теряют силу; правительство признает нужным в некоторые университеты ввести новые, чрезвычайные меры, и во всех подчинить строгому попечительскому надзору как профессоров, так и студентов. Там в Казани, вместо ректора, назначен был директор; в Петербургском университете, незадолго перед тем основанном, происходят по распоряжению начальства перемены в составе профессоров. В это время, если делались вызовы иностранных ученых, то менее удачные; между русскими профессорами места раздавались не столько по достоинству, сколько при покровительстве сильных лиц. Особенно важно было заискать милость попечителя. Лучшим средством

к тому были происки или чрезвычайные уверения в благонадежности. Пиэтизм в образе мыслей заменял тогда ученые заслуги. Для профессуры не требовалось более степени доктора и даже магистра; университеты наполнялись неспособными или слабо приготовленными преподавателями. В таком упадке находились университеты при вступлении на престол Императора Николая. Новый государь счел нужным совершенно преобразовать эти учреждения; их первоначальное устройство он находил несогласным с общими законами империи. Впрочем, правительство начало реформы с низших учебных заведений. Пока пересматривались уставы народных школ и гимназий, в университетах держался старый порядок: в Казани даже было отменено исключительное положение. (Мы видели, что туда был назначен директор в последние годы царствования Александра I). Как бы то ни было, попечители до времени удержали свою дискреционную власть и о точном исполнении устава начальство более не думало; все ожидали, что он будет изменен и потому приписывали ему номинальную силу. Университеты постепенно теряли те привилегии, которые были признаны неудобными или опасными, напр. право иметь собственную цензуру, право надзора за низшими учебными заведениями и некоторые другие.

Между тем число профессоров постепенно уменьшалось. Иностранные ученые, прежде вызванные правительством, уехали за границу, или вышли в отставку; заменить их было трудно; кафедры опустели. Оказалось нужным приготовить в России людей, способных к этому званию. Правительство решилось наконец основать при Дерптском университете профессорский институт. Лучше кандидаты и учителя гимназий были посланы туда и, по окончании курсов, которые им было предписано выслушать, отправлены за границу. Затем граф Сперанский выбрал из духовных академий несколько способных учеников, которые, после предварительного испытания их в комиссии составления законов, были предназначены к занятию профессорских кафедр по юридическому факультету. Они слушали курс правоведения в Берлине под руководством Савиньи. Эти временные меры были однако же недостаточны для замещения всех вакантных должностей: медицинский факультет по-прежнему наполнялся иностранцами; рассадником профессоров по прочим отраслям наук сделался, основанный в Петербурге, педагогический институт. С учреждением этого института университеты могли не заботиться о приготовлении способнейших из своих студентов к высшим ученым знаниям.

Наконец в 1835 году было издано положение об учебных округах, а вслед за тем появился общий устав Русских университетов. Перемены,

которые должны были совершиться, со вступлением в силу новых законов, имели характер коренной реформы всех учебных заведений. Университетам нужно было не только отказаться от рутины и привычек к старому порядку, но также от внутренней самодеятельности и независимого духа. Они были вверены, под ведением министра народного просвещения, особенному начальству попечителя. Новый устав подчинил бюрократическому надзору коллегиальное устройство. При этом надеялись достигнуть большого единства, порядка и дисциплины в деле воспитания. Власть ректора, совета, правления и факультетов сохранила прежний характер, но была в значительной степени ограничена. Деятельное вмешательство попечителя коснулось всей жизни университета; в его руки неизбежно перешла инициатива по многим делам. Он мог не только останавливать распоряжения университетских коллегий, но предписывать им известные меры. Даже по хозяйству правление не имело власти действовать свободно, но на каждый расход свыше пятисот руб. оно обязано было испрашивать разрешения. Синдика с прокурорской властью, который прежде избирался из профессоров, теперь же предписано было назначать из лиц, к университету не принадлежащих; должности секретарей также были замещены чиновниками. Вообще университетские коллегии были уравнены с присутственными местами в том, что касается совещаний, делопроизводства и ответственности. Права ректора, с подчинением его попечителю, также уменьшились; наконец инспекция за студентами, которая прежде принадлежала выборному профессору, была устроена на новых основаниях.

Что касается до деятельности факультетов и совета, в особенности ее границы новый устав определяет с замечательной точностью. На решение ученых или учебных вопросов обращено исключительно внимание этих коллегий. Здесь, как и везде, вводится начало иерархического подчинения и одноличного надзора: факультеты ограничены советом; совет во всех важнейших делах связан согласием попечителя. В советских заседаниях должен присутствовать синдик, с целью наблюдать, «чтобы дела производились и решались согласно с законами». Кроме того, ему предоставлен надзор за канцелярией совета. Наконец и право возводить в высшие ученые степени по экзамену, которым университет прежде пользовался всецело, было подчинено контролю. Даже степеней кандидата коллегии не могли дать окончившим курс и посторонним лицам собственной властью, без утверждения попечительского.

Ученый состав университета значительно изменился вследствие новых кафедр и нового распределения предметов преподавания.

Этико-политический факультет был превращен в юридический; изучению отечественного законодательства дано в нем гласное место; прочие факультеты также были преобразованы в большей или меньшей степени. Благосклонное внимание законодателя обращено было больше всего на науки точные и положительные, именно на естествоведение и медицину; средства к изучению этих наук значительно усилены. Право избрания и увольнения профессоров дано университетам по-видимому неотъемлемо, с тем только условием, чтобы ищущие этих званий имели высшие ученые степени. Впрочем, из одной статьи устава (48) видно: что способности, благонравие и прилежание преподавателей определяются попечителем, который обязан исправлять замечаниями нерадивых и принимать законные меры к удалению неблагонадежных лиц. Эта статья дополняется однако же другой (84), в силу которой профессора не могут быть лишены своего места иначе, как по приговору своих товарищей, утвержденному, по крайней мере, двумя третями голосов в совете, и согласием министра. Кроме того по ст. 80 министр утверждает в звании всех, избранных советом профессоров, и может даже назначать по своему усмотрению известные ему лица со степенями докторов, а на место адъюнктов со степенями магистров. Средства профессоров, именно: оклады жалования и пенсии, увеличились против прежнего и сравнительно с другими отраслями государственной службы.

Новый устав был введен в университеты постепенно. Несмотря на меры, принятые правительством к замещению вакантных кафедр, оказался недостаток в профессорах. Чтобы помочь этому, прежним преподавателям и адъюнктам, не имевшим ученых степеней, дано было право удержать свои места, с условием, чтобы они представили диссертации докторские или магистерские, не подвергаясь, впрочем, экзамену. Многие из них до того были неспособны, что не могли воспользоваться снисхождением правительства. При этом обнаружилось, до какого упадка дошли университеты перед изданием нового устава. Кажется, никогда в России, ни прежде, ни после, профессорское звание не имело более слабых представителей, особенно в провинции.

К этому времени относятся все невероятные рассказы и смешные анекдоты о почтенных педагогах, которые сидели тогда на кафедрах, благодаря попечительской милости, протекции или связям. Чтобы спасти их от погибели, нашли возможным дозволить им разменяться науками, или получить места вечных адъюнктов. Некоторые из этих ученых мужей, не зная куда деться, с грехом пополам смастерили

диссертацию, или взялись за науки, прежде неведомые, и к ужасу своих слушателей остались на местах. Долго, долго университеты не могли от них освободиться. Следы беспорядка заглаживаются не скоро в человеческих учреждениях. Новый устав не исправил зла, запущенного в течение многих лет. Еще римский историк справедливо заметил, что дух и науки можно убить, но нельзя поднять разом.

Как бы ни было, просвещенный министр делал все, что можно было делать для пользы университетов. Благодаря его стараниям, было усилено изучение древних языков, обогатились кабинеты, библиотеки и т. п. Но никакие меры правительства на заменяли самодеятельности ученого сословия, без которой внутренняя жизнь университетов лишена содержания. Общественное влияние этих заведений не возвысилось с изданием нового устава. Где управлял округом умный попечитель, где являлись от времени до времени способные профессоры, — там еще наука шла вперед и возбуждала сочувствие. Но на эти случайности трудно было рассчитывать. Вообще университеты с 1835 до 1847 года далеко не принесли той пользы, какой от них можно было бы ждать при более свободном устройстве. Все, что сделано ими в это время для Русского просвещения, зависело от доброй воли и энергии некоторых людей, посвятивших жизнь свою науке. Замечательно, что служение на этом поприще не представляло тогда никаких особенных выгод, даже было неудобным во многих отношениях. Звание профессора не пользовалось почетом, особенно в провинции. Общественные предубеждения против этого звания высказывались в самой наивной форме. Здесь не место для анекдотов. Мы побережем их до другого случая, а теперь проследим в нескольких словах дальнейшую судьбу Русских университетов.

Главные черты университетского устройства 1835 года состоят, как мы заметили, в преобладании бюрократических начал и одноличного надзора. Устройство это не благоприятствует самодеятельности и предприимчивости коллегий, а выдвигает вперед попечительскую власть. В уставе, правда, выражено ясно стремление обратить университеты исключительно «на пользу наук и публичного воспитания», но средства, указанные законодателем для достижения такой цели, не достаточны. С высших учебных заведений было только снято бремя окружного начала, внутренняя же их независимость не была обеспечена ничем. Напротив, университеты сделались подчиненными органами народного просвещения и постепенно утратили свою силу. До какой степени самое существование их сделалось шатким, можно убедиться из позднейших узаконений.

Еще в 1846 г., в Харькове должность попечителя была возложена на генерал-губернатора. Та же система подчинения университетов военному ведомству принята была в Киеве. В 1848 и 1849 г. самые важные статьи устава были отменены: совет лишился права избирать ректора; число студентов начальство признало нужным уменьшить до 300, преподавание ограничить неподвижными программами. Следствия этих перемен понять не трудно: университеты превратились в закрытые заведения и сделались почти бесполезными: в них введен был военный порядок, господствовала формалистика. Не удивительно, что некоторые предлагали их вовсе уничтожить, или разбить на специальные школы по городам. В провинциях они как будто окаменели в своем составе: людей, способных к профессорским должностям почти не оказывалось в молодом поколении, а преподаватели неспособные были удержаны на своих местах генерал-губернаторами, наперекор желаниям совета. Вообще генерал-губернаторы смотрели на коллегии, как на учреждения лишние, не достигающие ровно никакой цели.

К счастью, университеты не долго находились в таком исключительном положении. С восшествием на престол Императора Александра II им постепенно были возвращены утраченные права. Теперь они снова стоят на той точке, на которую поставил их устав 1835 года. Так как правительство признало нужным начертать для них новые законы, то необходимо спокойно и добросовестно обсудить старые. Многие публицисты и профессора возвысили свой голос, чтобы помочь доброму делу университетской реформы. От души желая, чтобы оно было кончено к общему удовольствию, мы здесь представляем только исторические соображения. Коренного преобразования университеты русские не требуют. Даже при частных исправлениях всего лучше и безопаснее следовать указаниям опыта, обратиться к тому, что говорит прошедшее. Делать без нужды изменения в том, что само собой постепенно совершенствуется, бесполезно.

Университетская жизнь выработала многое, чего нельзя трогать. Она требует пощады и развития, а не искусственного пересоздания, ее нужно только очистить от посторонних примесей и влияний, чтобы она могла развиваться согласно своим глубоким не испорченным преданиям. Вникая в прежнее и нынешнее устройство университетов, мы пришли к следующим убеждениям:

В русском обществе университеты были учреждениями государственными и, в то же время, народными. В них сосредоточивалась и действовала новая сила, признанная со времени Петра (известно, что Петр думал серьезно об устройстве университета при академии)

орудием гражданственности. Сколько нам известны мысли Шувалова, Сперанского и в особенности императора Александра I-го, никто из них не думал дать университетам значение обыкновенных школ. Первые уставы написаны не с тем, чтобы стеснить самодеятельность этих заведений, но чтобы упрочить и оградить их спокойное существование в стране, которую они должны были просвещать. Общество слабо сознавало их пользу; оно жило под владычеством других сил; в нем исключительно действовали чины и привилегии. Законодатель поэтому должен был вооружить университеты тем же оружием. Отсюда — права, присвоенные ученым степеням, служебные льготы и преимущества окончивших курс учения студентов и т. п. Они необходимы до тех пор, пока имеют силу в нашей практической жизни. Но все эти отличия достигались уже при выходе из университета и притом не иначе, как посредством знания и труда. Собственно в стенах университетских чины, исторические привилегии, сословия исчезали. Это совершенно понятно и естественно. Законодатель только хотел дать науке опору в обществе, в котором она была беззащитна и не признана.

Если бы русские университеты были созданы дворянством или духовенством, они едва ли бы приобрели то гражданское значение, какое им выпало на долю. Очень вероятно, что в них господствовал бы сословный дух. Напротив, как учреждения государственные, они были ему совершенно чужды. Университетское образование пробуждало в молодых поколениях человеческие чувства, сознание чести, мысли об общественном благе, любовь к целому народу. В этом их главная неотъемлемая заслуга. Нужно всеми силами заботиться, чтобы направление не изменилось. В нем источник здравого, не поддельного патриотизма и надежда на будущие успехи России. Оно не разрушит ничего нам дорогого и священного, но многое может устроить. Знание и труд не вредили и не вредят никакому обществу. Между тем русское общество больше всего пострадало от недостатка знания и труда; невежество шло в нем рука об руку с крепостным состоянием. Теперь, когда начала гражданской свободы признаны в нашем устройстве, они непременно найдут в университетах сильную поддержку. Следует только помнить, что никакое учреждение не принесет ожидаемой пользы, если оно будет поставлено в зависимость от внешнего чуждого влияния. Воспитание народное твердо только тогда, когда оно стоит на естественных своих основах. Основы эти заключаются в самодеятельности его органов. Государство всегда может защищать себя против собственных учреждений, если только их цель определена юридическими границами. Отрицательный надзор правительства над просвещением везде

существует. Никакая власть не терпит, чтобы университеты мешались в управление, останавливали реформы, требовали насильственно издания новых законов. Такие стремления везде встречают отпор. Но спрашивается: возможно ли, чтобы в России высшие учебные заведения с этой стороны сделались когда-нибудь грозными? Едва ли университет может распространять новые, или так называемые опасные идеи в молодом, а не в настоящем, уже действующем поколении. Ни профессора, ни студенты не побудят к восстанию довольный и спокойный народ, а собственные их демонстрации или бессильны, или безвредны. Университеты не революционные клубы, не тайные общества, не политические корпорации, не военные арсеналы, а орудия мирного просвещения. Если они перестают преследовать свою прямую цель, их легко обратить на путь закона. Перевороты в государстве приносят им не новую жизнь, но погибель. Они пустеют во время гражданских войн. Вообще университеты не повелевают массами; они сильны только идеями и занятиями. Даже пользуясь огромной популярностью, профессора и студенты не могут изменить обыкновенного хода житейских дел. Практика решительно ускользает от их влияния, они всегда живут, так сказать, будущим, впереди, и часто очень далеко от того, что видят вокруг себя.

Впрочем, университеты в России не были и, вероятно, не будут такими корпорациями, которые в средние века назывались государствами в государстве. Они получали у нас средства, уставы и привилегии исключительно от правительства; связь между ними и верховной властью не прекращалась. Автономия, которой пользовались коллегии Оксфорда и Кэмбриджа, была для них недостижима. Там само общество создало университеты, а правительство отказалось по статутам от всякого вмешательства в их дела; у нас общество не основало пока ни одного факультета, даже ни одной кафедры; только многие благотворители пожертвовали капиталы в пользу недостаточных студентов. В учреждениях правительственных, конечно, не может быть и речи о полной, безусловной независимости. Они неизбежно подчинены известному контролю, т. е. отчетности, ревизии и ответственности по закону, министерский надзор над нами имеет силу. Но мы говорим здесь собственно о внутреннем устройстве университетов в России: оно прежде было благоприятно естественной их самодеятельности, в нем преобладал выборный и коллегиальный порядок, везде признанный и необходимый для успехов просвещения; впоследствии введены были начала бюрократические, совершенно несвойственные духу и противоречащие цели этих учреждений. Опыт доказал, что чем

более стеснялись права и ограничивалась власть коллегий, чем менее правительство оказывало к ним доверия, тем скорее и глубже падали университеты. Читатели могли убедиться в этом даже из нашего краткого очерка. Кому известна подробная история просвещения в России, тот наверное будет с нами согласен. Возьмем, например, власть попечителя. Можно привести бесчисленные факты в доказательство того, что ее законное, отрицательное вмешательство останавливало злоупотребления в университетах, и напротив, что ее положительное, административное влияние было источником произвола и злоупотреблений. Вообще границы власти попечительской, с расширением ее в 1835 году, сделались неясными и загадочными. Между тем обозначить их с точностью больше всего необходимо. Главные органы и представители университетов — ректор, совет, правление, факультеты — должны действовать свободно в своей сфере: иначе им трудно отвечать за свои действия. Если же попечитель должен быть истинным начальником и руководителем университета, то он имеет полную возможность управлять им из своей канцелярии. В Харькове, например, так и было на самом деле с 1847 до 1855 года: от правителя попечительской канцелярии зависели все распоряжения по университету; без согласия этого влиятельного лица ничто не происходило; никто не получал профессорской должности. В Киеве, где также управлял округом генерал-губернатор, в его канцелярии сосредоточивалась власть и сила по ученой и учебной части. Вообще до издания нового устава, попечитель не входил в подробности университетского управления, а стоял от него далеко, на возвышенной независимой точке. Его власть можно было назвать скорее генерал-прокурорской, чем начальнической властью. Напротив, с 1835 года, и даже несколько прежде (именно, когда первый устав *de facto* потерял силу), ее характер совершенно изменился, по крайней мере в провинциях. Она вторглась в область, собственно предназначенную для университетских органов, и чувствительнее всего в деятельность ректора. В ее руки, мало-помалу, перешли все ветви администрации, надзора, дисциплины, суда и полиции. По-видимому, с этим вместе на все следовало бы возложить полную ответственность. Но на практике было не так. Беспорядки и неустройство всегда можно было объяснить ошибками ректора, слабостью правления, дурным составом совета: они считались как бы двигателями университета, а между тем были связаны по рукам и по ногам, не могли почти ничего решать сами, словом сделались орудиями страдательными. Воля попечителя была признана законом в университетском управлении, от нее только ждали порядка;

без приказаний, наставлений или инструкции попечителя никто не решался действовать.

Устав 1835 года с этой стороны требует серьезного пересмотра. Взаимные отношения попечителя и университетских властей должны быть изменены: каждому коллегиальному органу следует предоставить независимую сферу, в которую бы никто не вторгался, ректорскому достоинству также нужно возвратить прежнее его значение. При нынешнем устройстве университет лишен, между прочим, всяких средств заявлять свои законные желания и нужды иначе, как через попечителя, который всегда может изменить или дополнить мнения коллегий своими комментариями. Таким образом ученое сословие есть мертвое, немое тело в обществе; его голос не слышен правительству, не доходят прямо и непосредственно даже до министерства. Вообще личность попечителя заслоняет университет: этот неестественный порядок противоречит достоинству каждой коллегии, парализует ее деятельность, убивает жизнь. Тем более терпит от подобного порядка учреждение, созданное для пользы наук и публичного воспитания. Университет может действовать и развиваться только собственными силами и органами; когда же силы его сделались мертвыми и неподвижными от недостатка упражнения, когда его органы почти лишены инициативы и на каждом шагу встречают внешний отпор, короче если университет находится под опекой, он не достигает цели своего существования. Хороший, благонамеренный опекун даст ему возможность работать, отказавшись от своего вмешательства... но как редки такие опекуны!

Таким образом, вопрос о самодеятельности есть основной вопрос, от которого зависит будущность Русских университетов. Он не труден и не сложен. На первый раз достаточно пересмотреть те §§ общего устава, которые относятся к попечительской власти, и переменить некоторые из них в либеральном духе. Этим открыта будет дорога к дальнейшим усовершенствованиям. Другие вопросы кажутся нам менее важными: их можно во всяком случае решить постепенно, непринужденно, исподволь. Возвращение коллегиям и ректору власти, данной им Александром I, есть залог остальных преобразований. Мысли наших публицистов об экзаменах, о допущении вольнослушателей и публики на лекции, об охранении дисциплины, об устройстве суда университетского и проч., конечно, имеют цену и должны быть приняты в соображение, но главное дело не в том. Университетам нужен такой порядок, при котором бы они имели право независимого голоса, и свободные органы для решения их собственных дел.

Опасаются, что расширение власти коллегии сделает университеты самодовольными и самоуправными. Против этого, как и против других злоупотреблений, есть сильные средства: общество и государство всегда имеет возможность и силу требовать от университетов гласности, отчетности, ответственности, строгого соблюдения уставов; члены каждой коллегии подлежат суду. Мы не защищаем замкнутых и неподвижных корпораций; они никому в России не нужны; их отсутствие едва ли кто-нибудь оплакивает; но мы защищаем коллегиальное устройство там, где, по нашему убеждению, оно необходимо, где без него нет успеха. Устройство это еще в 1804 году было признано и господствовало в русских университетах, но мало-помалу было затемнено и разрушено позднейшими бюрократическими нововведениями. При бюрократическом устройстве воспитались, развились тупость, взяточничество и бездарность в высших учебных заведениях; напротив, под влиянием коллегии при Александре I, в России были насаждены наука и гражданственность. Коллегиальное устройство есть медленное, но верное лекарство против разных человеческих болезней; оно имеет, конечно, свои неудобства, но зато представляет способы действовать на пользу просвещения и науки. В коллегии соединяются люди, не похожие друг на друга, меняются независимыми взглядами, выслушивают чужие убеждения по обязанности; от коллегии вероятнее ждать справедливой оценки, зрелого, спокойного приговора, осторожности и умеренности в поступках. А в бюрократии все зависит от личности и счастливого случая.

НИКИТЕНКО А. В., *академик*
Императорской Санкт-Петербургской Академии наук
по отделению русского языка и словесности, ординарный профессор
Санкт-Петербургского университета

Какое устройство должно быть дано нашим университетам?[1]

1) Какое устройство должно быть дано нашим университетам? Это один из самых важнейших современных вопросов русской жизни. Устройство всякого учреждения определяется его назначением.

[1] Публикуется по: Замечания на проект Общего Устава Императорских Российских университетов. Часть 1. СПб., 1862. С. 463–469.

Назначение университета — сообщать молодому поколению ученое высшее образование и тем заканчивать его приготовление к жизни человеческой и гражданской. Следовательно, наука, в высшем, окончательном смысле есть единственная цель и тех, которые передают ее в университетах, и тех, которые принимают ее. Казалось бы, цели этой достигнуть не трудно; стоит только хорошо учить и хорошо учиться — и задача решена. Где любовь к науке вошла, так сказать, в плоть и кровь общества, где общество идет ровным шагом по пути развития, там так и бывает. У нас мы видим не то. Дух новых беспокойных стремлений, охвативший наше общество, проник в среду университетского юношества и отодвинул от него науку на задний план. Образовавшееся в нем корпоративное настроение, при ослаблении ученого характера, повлекло его в сторону от настоящей цели и породило печальные события, которых мы были свидетелями. Значит, назначение университетов обойдено. Задача правительства возвратить их к нему. Все меры его должны стремиться к тому, и лучшим устройством университетов будет то, которое, споспешествуя сколь возможно более усилению в них и развитию науки, отстранит или ослабит в юношестве покушение ко всему тому, что лежит вне ее.

2. Нужно ли для этого выдумать какую-то новую особенную организацию университетов? Это не нужно и невозможно. Здание их должно быть то же, только с некоторыми изменениями и пристройками, конечно, значительными.

3. В настоящее время представляется три способа устройства университетов. Первый способ состоит в том, чтобы сделать их совершенно открытыми, как предполагал барон М. А. Корф, с устранением даже того, чтобы желающие пользоваться университетскими лекциями были достаточно к нему приготовлены. Второй способ допускает открытые университеты с ограничением, т. е., чтобы молодые люди допускались к слушанию лекций в университетах не иначе, как представив удостоверение, что они получили достаточное гимназическое образование. Но затем уже предоставляется им совершенная свобода посещать какие угодно курсы и лекции, не ограничиваясь известным числом лет, не подвергаясь испытаниям, кроме экзамена на ученую степень кандидата и т. п. Третий способ тот самый, какой ныне существует, но усовершенствованный посредством некоторых изменений и улучшений, как в отношении учебной и правительственной части университетов, так и в отношении к дисциплине студентов.

4. Первый способ едва ли может быть допущен, преимущественно потому, что он наполнил бы университет слушателями не-

подготовленными и сделал бы науку жертвой дилетантизма или только орудием для приобретения университетских привилегий. Второй способ имеет ту выгоду, что препятствует развитию корпоративного духа между учащимися, уничтожая студенчество. Но тут встречается вопрос: так ли зрело, в умственном и нравственном отношениях, наше юношество, чтобы можно было снять с него всякую учебную опеку? Третий способ заключает в себе значительные выгоды, но только под двумя необходимыми условиями: a) чтобы правила, обеспечивающие порядок в университетах, какие будут введены в них, исполнялись строго, без малейшего послабления и b) чтобы все профессоры единодушно сему содействовали. Без исполнения этих условий, лучше принять второй способ.

ЧАСТЬ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ И ДИСЦИПЛИНАРНАЯ В УНИВЕРСИТЕТАХ.

5. Органы управления университетского, если будет принят третий способ, могут остаться те же, как и ныне, именно: совет, правление, ректор, проректор с помощниками своими и суд.

6. Сколько неуместна и вредна корпорация студентов, столько, напротив, необходима и полезна корпорация профессоров. Без нее нельзя сохранить ни характера высшей науки в университете, ни единства в развитии ее. Поэтому все, что касается до ученых и учебных потребностей университета, должно быть распределяемо и исполняемо ученым сословием, разумеется, под контролем высшего начальства. Университету также должно быть предоставлено право выбора ректора, равно как и всех лиц, принадлежащих к кругу его деятельности.

7. Одна из важнейших частей университетского управления относится к сохранению порядка между учащимися, как залога и условия самых успехов в науке. Ибо вне университета юноши подчиняются общим городским властям, в стенах же университета они состоят в полном ему повиновении. При самом вступлении в него, каждому из них предлагаются правила для будущего его поведения в оном; в непреложном их исполнении он дает подписку с обязательством подвергнуться всем последствиям, сопряженным с их нарушением.

8. Когда известному лицу, или учреждению предоставляются права, когда на него возлагаются обязанности, то вместе с сим он подвергается и ответственности. Обязанность университетского ученого сословия не только учить, но и отстранять все внутренние неудобства, препятствующие успешному учению. Главные из них, без сомнения,

нарушение молодыми людьми порядка во время посещения лекций. Не нужно ли точнее определить правила ответственности университетских властей в этом случае? Беспорядок может произойти так внезапно и неожиданно, что предотвратить его не было возможности, и разумеется, за это никто и не отвечает, кроме произведших его. Но если беспорядки одного и того же рода повторяются, то это доказательство, что в заведении или вовсе не были приняты надлежащие меры, или приняты недостаточные, или в случае, превышающем обязанность и право установленной власти, не было испрошено пособия у высшей.

9. Как наука составляет исключительную задачу университета, то молодые люди являются в него единственно для слушания лекций и занятий, к ним относящихся. Никакие *собственные* собрания их не допускаются. Для этого решительно отменены должны быть все случаи, подающие к ним повод, как то: концерты, издание сборников, касса для пособия нуждающимся студентам и т. п. Студенты достаточные могут помогать своим неимущим товарищам, если пожелают, независимо от университета.

10. Но могут быть собрания студентов весьма полезные в видах науки. Они могут составляться из студентов одного и того же факультета с согласия профессора и в его присутствии по известной науке. Ни один профессор, конечно, не в состоянии представить на лекциях науки во всей ее полноте и подробностях, разъяснить могущие возникнуть в умах недоумения, руководить слушателей своих практически в достижении истины. Поэтому собрания студентов для этих целей, как сказано выше, в присутствии профессора и под его руководством, могли бы принести значительную пользу. Здесь могли бы происходить ученые диспуты, читаться письменные упражнения слушателей, происходить взаимные объяснения по труднейшим вопросам науки и получаться от профессора дополнительные пояснения, для которых у него не достает времени и возможности на лекциях. Порядок сих собраний и время могут быть определены краткими правилами, с утверждения совета и ректора университета.

11. Ответственность в наблюдении за поведением молодых людей в стенах университета слагается с ученого сословия только в таком случае, когда устройство первого будет основано по второму способу, т. е., когда при существовании открытых университетов будет допущено только одно ограничение — допущение в их аудитории молодых людей с гимназической подготовкой. В этом случае правительство от себя назначает особых чиновников для присутствия и для сохранения порядка в самых аудиториях во время лекций, как это делается

при всех публичных собраниях. Они, конечно, должны быть снабжены нужными для этого правилами. При таком устройстве едва ли возможно будет образование корпораций между учащимися. Мера эта может быть временная, по чрезвычайности настоящих обстоятельств.

12. Должны ли существовать так называемые переводные экзамены (в устройстве университетов по третьему способу)? Полезно было бы допустить только один экзамен в половине университетского курса, а чтобы облегчить способы его, то можно бы производить оный в два приема — один по истечении первого семестра на втором году, перед зимними вакациями, а другой после второго семестра, т. е., по истечении двух лет.

ЧАСТЬ УЧЕБНАЯ

13. Для доставления юношеству ученого образования существуют два главные средства в университете: a) хорошие профессоры и b) обилие пособий, как то: библиотеки, лаборатории, музеумы и проч.

14. Ученое сословие университета состоит: a) из ординарных и экстраординарных профессоров и b) из доцентов штатных и сверхштатных. Последние суть кандидаты на места доцентов штатных и профессоров.

15. Обеспечения в достоинстве лиц, избираемых в члены университетского сословия, суть: a) степень доктора и магистра, доктора — для профессоров, магистра — для штатных доцентов, b) ученая репутация, c) изучение науки за границей, d) пробные лекции.

16. Возможность приобрести подобные лица и удержать их в университетской службе: a) достаточные оклады жалования, обеспечивающие безбедное и приличное содержание, b) пенсионы. Необходимо восстановить пенсионы семействам, дарованные университетам прежними уставами.

17. Распределение наук по факультетам должно установить на новых началах таким образом, чтобы с одной стороны представлялась возможность основательного *специального* образования, а с другой, чтобы самая специальность не превратилась в тесную односторонность и следовательно была бы поддержана в широком университетском размере пособием ближайших предметов знания.

18. Не удобно ли будет распределить ныне существующий университетский курс, если он будет удержан, таким образом, чтобы первые два года были посвящаемы общим предметам факультета, год ближайшим к избранной слушателем науке, а окончательный год — исключительно последней?

19. Нужно ли открыть новые кафедры и каких именно предметов? Об этом должны представить университеты свои соображения.

20. Необходимо, без малейшего промедления времени, озаботиться приготовлением достойных преподавателей, в которых у нас чувствуется большой недостаток. Для этого каждый университет должен бы указать способных молодых людей, кончивших курс, и по надлежащем строгом удостоверении в их дарованиях, отправить их для усовершенствования за границу.

21. Необходимо открыть кафедру философии во всех университетах. Но предмет этот требует величайшей осторожности, особенно в выборе профессора. Философия есть меч обоюдоострый. Кто умеет с ней обращаться, тот принесет огромную пользу общей системе знания, но неумеющий сделает большой вред, особенно в такой шаткой среде умов, как у нас. По философии мы не имеем, или почти не имеем специальных ученых; дилетанты нашлись бы; но можно ли вверить им преподавание такого важного предмета в университете, и в настоящее время? Не лучше ли в этом случае послать за границу несколько даровитых молодых людей для приготовления, и уже по возвращении их начать преподавание философии, чем вверить ее в ненадежные или сомнительные руки?

22. Наконец, какое бы устройство ни дано было нашим университетам, какие бы мудрые правила ни были предписаны им в руководство, все будет зависеть от исполнения. Если в университетах не утвердится мысль, что их единственная задача есть наука, если юношество, по-прежнему, будет составлять корпорацию с какими-то особенными правами, видами и притязаниями и если за всякое покушение к какимнибудь целям, лежащим вне науки, за всякий беспорядок не будет употреблено в отношении к нему *благоразумной* строгости, то немного добра можно ожидать от университетов.

КОСТОМАРОВ Н. И., член-корреспондент
Императорской Санкт-Петербургской Академии наук

Замечание о наших университетах[1]

В 1 № газеты «День» помещена замечательная статья покойного А. С. Хомякова «Об общественном воспитании в России». Мы не

[1] Публикуется по: Замечания на проект Общего Устава Императорских Российских университетов. Часть 2. СПб., 1862. С. 155–168.

берем на себя подробного разбора мнений об этом важном предмете достойного и глубоко уважаемого нами писателя и гражданина; ограничимся его взглядом на важный орган общественной образованности — университеты, позволив себе представить собственные замечания. Вот что говорит А. С. Хомяков об университетах вообще:

«Университет, как высшее изо всех государственных училищ, определяет значение всех остальных. Его процветание есть процветание всех, его падание — падение их. Плохой университет делает все остальные школы ничтожными, иные вследствие их прямой зависимости, другие вследствие того соревнования, которое заставляет даже специальную школу стремиться к совершенству, чтобы не уступить слишком явного первенства высшему учебному заведению. Итак, улучшение университетов должно считать предметом первой важности в деле образования общественного, и к нему должно прилагать всевозможные старания».

Соглашаясь с приписываемым университету значением важности для всех учебных заведений, позволим себе прибавить, что и, наоборот, процветание университета зависит от процветания низших училищ, в каком бы положении университеты ни были поставлены. Чтобы слушать с пользой университетские лекции, необходимо получить приготовительное воспитание, и в этом отношении, едва ли не больше внимания следует обращать на подготовку к университету, чем на самый университет; по крайней мере, опека и бдительный надзор над низшими и средними учебными заведениями необходимы для их процветания, тогда как университет, предоставленный возможно широкой свободе и самодеятельности, будет хорош, если слушатели лекций получат надлежащее воспитание.

Далее Хомяков говорит:

«В недавнее время проявилось мнение, будто бы университеты вообще можно уничтожить... Это мнение должно отстранить однажды навсегда, и оно отстраняется само собой, при малейшем размышлении. Вопрос об уничтожении университетов тождествен с вопросом об общем направлении народного просвещения. Или все воспитание распадается на училища чисто специальные, или для высшего и всеобъемлющего образования должны существовать высшие училища, вмещающие в себе преподавание всех наук, связанных между собой одной общей мыслительной системой; но после того, что сказано о преобладании специализма, первого предположения уже и опровергать не нужно. С другой стороны, или общество должно давать большие преимущества и большую веру школам замкнутым и огражденным от

нравственного влияния и надзора семьи и самого общества, или на первой и высшей ступени оно должно поставить заведение, доступное его же надзору и его нравственному влиянию; но первое предположение противно здравой логике везде, и противно нравственным законам в земле, которая признает семью главной своей основой и лучшей порукой своего преуспеяния и своего духовного достоинства. Итак, необходимость университетов и разумность их главных законов неопровержимы: остается только рассмотреть, какими путями могут они удобнее достигать своей цели».

«Вообще люди, говоря об образовании в России, признают, что оно имеет более характер поверхностного всезнания, чем дельной специальности. Это мнение сильно распространено, но тем не менее вполне ложно. Без сомнения, дельную специальность встретить у нас не совсем легко; но не всезнание мешает ей развиваться, а чистое невежество, прикрытое лоском одной специальности, самой неопределенной и самой пустой изо всех. Эта специальность есть довольно полное знание современной беллетристики, т. е. чего-то среднего между промышленной словесностью и общественной болтовней. Разумеется, эта специальность, резко отличающая наше общество, имеет какой-то обманчивый вид всезнания, но она соединяется по большей части с полным и совершенным невежеством во всех отраслях человеческого знания, начиная от практических законов отечественного языка до отвлеченностей математики или философии. Не излишняя общность знания мешает развитию специальностей; нет, эта мнимая общность, выдуманная, может быть, иностранцами, поверхностно изучившими Русское общество, и охотно допущенная нашей хвастливой скромностью, не существует. Специальности у нас ничтожны, просто потому, что общее знание у нас ничтожно, что уровень нашего просвещения весьма низок, что ум лишен всякой силы и всякого напряжения, и что наше совершенное невежество прикрыто от поверхностного наблюдения только одной специальностью: знанием современной беллетристики...»

Мы пропускаем следующее затем предположение о порядке слушания лекций, о разделении факультетов и курсов, и вообще все, что касается частного устройства университетов, но приведем слова автора о публичном преподавании.

«Следует прибавить, что, по моему мнению, вход на лекции должен быть открыт всем без исключения. Этого требует польза науки и образования общественного; этого требует нравственная справедливость, недозволяющая, чтобы учение детей было тайной для родителей;

этого требуют выгоды самого правительства, приобретающего в надзоре общества вернейшую поруку в дельности и безвредности самого преподавания. Точно также должно давать и экзаменам на высшие степени, или, по крайней мере, диспутам, величайшую общественность: вход должен быть свободен, возражение свободно. Всякое ограничение этой свободы должно быть устранено. Без нее испытание кандидата на ученую степень делается ничтожным, и таково оно, отчасти, теперь, когда и кандидат за своей кафедрой, и возражатели на своих стульях спорят друг с другом, как будто под страхом уголовного следствия, или гейнауского суда. В самых семинариях понимают, что возражатели на диспуте не могут стесняться постановлениями и учением церкви. Это — простое требование здравого смысла».

Из статьи Хомякова видно, что еще в 1850 г. существовала мысль об уничтожении университетов. В то время Хомяков считал уместным устранить ее навсегда. Однако обстоятельства не устранили ее, и ее нередко слышишь не только от обскурантов, но даже и от людей, искренно любящих просвещение. Нам случалось слышать, например, такие суждения: К чему правительству содержать университеты? Не лучше ли предоставить желающим читать лекции по разным наукам, и слушать их тем, кто захочет? Такие суждения происходят оттого, что в настоящее время чувствуется потребность радикального изменения университетов, а всякое коренное преобразование представляется необходимо уничтожением того вида, в каком находился преобразуемый предмет. Университеты наши представляют собой что-то неопределенное, неустановившееся, какую-то середину между школой и ученой академией, и очень многие не решили себе задачу, чем они должны быть: воспитательно-учебными или образовательно-учеными заведениями. До сих пор, они имеют претензию быть тем и другим вместе, и в самом деле — они ни то, ни другое, потому что то и другое несовместимо, по своей сущности.

Воспитание и образование не одно и то же, хотя одно без другого невозможно. Воспитание предшествует образованию и необходимо должно вести к нему, иначе — само по себе бесполезно. Образование имеет корень в воспитании, и без последнего не может расти. Воспитание есть приготовление к жизни, образование есть душа жизни. Воспитание принадлежит детским и отроческим летам, и оканчивается с вступлением в зрелый возраст; образование есть достояние всяких возрастов, и не прекращается до старости. Никто не может сказать: я окончил свое образование, ибо это значило бы: я окончил свою духовную и нравственную жизнь; но всякому приходится сказать это о

воспитании; хотя бы и с сожалением, когда остается сознание о неполноте и неправильности оконченного воспитания. Образование есть расширение, развитие и осмысление того, что дается воспитанием; последнее дает нежный и, так сказать, тающий материал; образование сообщает ему плотность и крепость; воспитание и образование в жизни словно абрис и растушовка в рисунке. Способности души, приготовленные воспитанием к самобытной деятельности, начинают ее с помощью образования. Воспитание наполняет память материалом; образование сообщает правильное практическое применение этому запасу. Воспитание для ума есть как бы гимнастика; образование направляет его развитые и получившие гибкость силы к делу познания и жизни; воспитание должно обратить чувство и волю юноши к добру; образование может утвердить в нем сознательную любовь и постоянную доблесть. В строгом смысле, образование начинается для человека тогда, когда оканчивается воспитание (разумеется, в упорной против всяких определительных граней духовной деятельности невозможно поставить для всех одинаких правил и условий). Составляя единицу в неуловимой сумме всего образованного общества, человек проходит свое общественное поприще, ведет дело своего образования. Оно касается всех возможных видов жизни, и духовной, и семейной, и гражданской, и экономической. Очевидно, наука, в обширном смысле своего названия, обнимая все существующее внутри и вне человека, не есть подготовительное пособие, но действующий орган; чем более проникает она общественную жизнь, чем более руководит ею и делается необходимой для нее, тем прогресс благосостояния идет вернее, правильнее, скорее и полнее. Лучшее ручательство нормальности общественного быта — когда общество будет иметь потребность обращаться сколько возможно чаще к науке. В такой органической связи науки с жизнью общества и состоит то, что мы называем просвещением. Что следует стараться о распространении просвещения — против этого никто не будет спорить; а потому и необходимо устроить меры и средства для образования, то есть для содействия со стороны науки процессу общественного благосостояния и водворения просвещения. Необходимы два рода органов: одни воспитательно-учебные, другие образовательно-ученые. К первым принадлежат школы, вообще все заведения, имеющие целью давать воспитание отроческому возрасту, до тех пор, когда этот возраст оканчивается, и воспитанник в состоянии вступить в число членов общества. К тем же органам воспитания принадлежат учебники и вообще детская литература. Второго рода органы — университеты и ученые общества, которые должны иметь

целью лицам, уже окончившим воспитание и достигшим зрелого возраста, давать образование и содействовать, посредством науки, прогрессу общественного просвещения и благосостояния. Вместе с ними должны идти рука об руку ученая литература и искусства.

В приемах воспитательно-учебных и образовательно-ученых заведений должно существовать различие. Способы передачи научных истин: во-первых — урок, руководство, наставление; во-вторых — чтение, лекция, исследование. Совсем иные отношения должны быть между учителем гимназии и его учениками и между профессором и его слушателями. То, что дает учитель ученику, имеет для последнего качество необходимости: ученик должен принимать сказанное учителем на веру так сказать, жить умом учителя, руководствоваться буквально его наставлениями, развиваться под его указанием. Мы говорим, однако, не о том рабском долге, который, иногда, бездарный и недостойный учитель навязывает своим ученикам, и тем способствует не развитию, а отупению своих питомцев, но о том доверии, которое внушает учитель, любящий и знающий свое дело. Профессор, напротив, предлагает своим слушателям свои лекции не на веру, а на проверку, на обсуждение, и слушатель делает его своим руководителем только по сознательному признанию. Ученик не может быть судьей своего учителя, иначе это будет доказательством, что учитель плох. Напротив, слушатели должны быть в состоянии судить о достоинстве и недостатке своего профессора: в этом и процветание университета. На это мы слышали такое узкое возражение: если слушатели могут судить профессора, то, значит, он им читает уже известные вещи. Какая же польза от его чтения? — Легко отвечать на это: многое, что услышат слушатели от профессора, должно быть им известно, но известное может представиться в более расширенном объеме, озаренное иным советом, в соотношении с теми или другими сторонами знания и жизни; много слушатель от профессора может узнать и вовсе неизвестного; но то, что нам было неизвестно, делаясь достоянием нашего познания, не изъемлется от нашего суда, до такой степени, в какой мы вообще развиты. Слушатели, приобретая от профессора данные знания и взгляды, должны подвергнуть их тому же процессу, который употреблял профессор, чтобы передать их слушателям. Сам профессор обязан сообщать слушателям все орудия для критики того, что он говорит им с кафедры.

Коль скоро мы признаем университет заведением образовательно-ученым, с целью дать науке возможность содействия развитию общественной жизни, то остается нам уяснить себе вопрос, из кого должны

состоять слушатели. Очевидно, из лиц, окончивших воспитание и начавших дело своего образования на поприще общественной жизни. Но образование наше, как мы выше заметили, кончается с жизнью, не ограничивается известным возрастом, а проникает все ветви жизненной деятельности: следовательно, слушателями профессорских лекций могут быть лица всех возрастов, от юношеского до старческого, всякого звания, всякой специальности. Допустив это, естественно оказывается ненужным, чтобы слушатели соединялись между собой какой бы то ни было узаконенной корпорацией звания или сословия. Между тем, в наших университетах, устроенных на образец Германских, слушатели составляли корпорацию с известными условиями, набирались из окончивших курс в гимназиях, по экзамену, и, во все продолжение своего пребывания в университете, образовали между собой как бы отдельное сословие, имевшее особое управление, особые обязанности и правила жизни, свое название, даже особую одежду. Таким образом, университет не достигал полного значения образовательно-ученого заведения, а был, в то же время, воспитательно-учебным, а в самом деле, в строгом смысле, не был ни тем, ни другим, а оставался в каком-то неопределенном состоянии. Между тем, потребность образования, независимо от воспитания, возрастала; число студентов, казавшееся прежде огромным, когда доходило до 500, разрасталось с каждым годом, вчетверо и пятеро; кроме студентов, аудитории наполнялись вольно-слушающими, которые не желали подвергнуться условиям студентской корпорации, но хотели приобретать выгоды слушания лекций, доставляемые правом получать степени; наконец, являлись слушатели, которые не хотели даже и последнего, а интересовались одним делом науки, лица всяких служебных и общественных специальностей, не юноши, недавно вставшие с гимназической скамьи, а седобородые старики, даже особы женского пола, которым, лет тридцать назад, серьезное занятие наукой казалось неудобомыслимо. Все показывает, что общество требовало от университета не школы, а органа общего образования, что слушать лекции для многих стало такой же потребностью, как читать ученые сочинения, с той разницей, что живое слово редко может быть заменено мертвой буквой, даже написанной тем же лицом, которое его произносит. Наконец, тем же протестом общества против школьности университета служит появление публичных лекций вне университета, по разным отраслям знаний, и сочувствие к ним публики. Мудрено ли, что и теперь, как в 1850 г., могут раздаваться голоса, желающие уничтожения университетов, в том виде, в каком они существуют теперь, т. е. в качестве высших школ?

Корпорация студентов, как особое звание, бесполезно. Употребляя слово *корпорация*, мы не разумеем здесь свободного сближения между собой людей, занятых одним делом, идущих к одной обязательной цели, ничем друг к другу необязанных, кроме взаимного соглашения убеждений и потребности взаимного труда. Корпорация, напротив, связует своих членов во всех фазах жизни, налагает на них обязанности поступать так, а не иначе, вследствие заранее поставленного правила, даже против индивидуальных требований и убеждений, принадлежать к известному сообществу, а не к другому, и держаться своих сочленов, как братьев. Такая корпорация может иметь место там, где идет речь о взаимной защите общего дела, или о сохранении известных привилегий. Понятно, что в средние века, в Европе, жизнь вызывала образование корпораций, когда личность каждого подвергалась случайностям, когда каждый, поневоле, должен был искать в другом опоры и охранения. Понятно, что у нас, в XVII веке, в южной и западной Руси, образовались братства, корпорации, для защиты от ультра-Римского католичества. Чем общество благоустроеннее, тем менее представляется необходимости корпораций, с одной стороны, с развитием мер общего охранения безопасности каждого из сограждан, с другой — с прекращением исключительности привилегий, которое всегда бывает следствием распространяющегося просвещения. В наше время и в Германии корпоративность студентов держится более по привычкам исторической жизни, чем по действительной необходимости. У нас же, заимствованная извне, эта корпоративность есть чистый анахронизм, непрактичная подражательность, столь свойственная нам, к сожалению, в последние века, и не лежащая ни в нравах наших, ни в сущности дела. Наш Русский народ не терпит ненужной корпорации: доказательством может служить то, что все корпоративные устройства, заимствованные из западных образцов — цехи, гильдии и всякая сословная замкнутость, у нас как-то плохо склеиваются и расшатываются, коль скоро ослабляется связывающая их власть внешней силы, и они предоставляются течению жизни. Что касается до корпорации в деле науки, то здесь она не имеет ни малейшего основания. Люди, слушающие лекции профессоров, только и могут быть между собой связаны общим занятием — наукой; во всем остальном, какое между ними может быть основание связи, теснее той, которая естественно существует между сочленами одного гражданского общества? Против кого им защищаться, когда занятие наукой всеми признается делом полезным и достойным одобрения? Каких привилегий могут домогаться люди, за то единственно, что слушают лекции,

и кому может быть заграждено, право на то же самое? Выше мы показали, что образование не оканчивается для человека и не связывается условиями возраста и положения в обществе. Наука не есть что-нибудь отличное от жизни, она обнимает всевозможные проявления общественного быта; какой бы ветви общественной деятельности вы ни посвятили себя, эта ветвь всегда имеет свою науку, которую изучать вам полезно, для вашей же специальности; кроме того, есть предметы, интересующие вас, как человека и гражданина вообще, и независимо от вашей специальности, вы, как образованный человек, захотите узнать о состоянии знаний и понятий об этих предметах. Занимаете ли вы служебную обязанность, отдались ли вы промыслам и хозяйству, вы всегда можете иметь не только охоту, но даже необходимость обратиться к университетским лекциям, так как вы всегда найдете интерес прочитать ученую книгу. Университетское чтение в этом вам только помогает и облегчает вас: здесь вы услышите то, до чего бы вам пришлось добираться путем продолжительного чтения книг, и занятий, требующих траты времени, посвященного у вас вашей специальности. Неужели, для того, чтобы сблизиться с наукой, вам следует подчиниться правилам, не относящимся к науке, и даже надеть особую одежду?

Если смотреть на университет, как на образовательно-ученое заведение, то корпорация слушателей лишает его этого высокого значения: он перестает быть органом прямого сообщения со стороны науки с общественной жизнью, и делается школой. Корпорация эта в нравственном отношении даже вредна, ибо она отрывает слушателей от остального общества, побуждает их говорить о себе *мы*, в противоположность с теми, которые находятся за ее пределами, а это ведет скорее к заблуждениям, к незнанию общества, к отчуждению от его интересов, чем к согласной с ним деятельности. Корпорация вредна для науки, ибо делает ее как будто особой привилегией избранных, тогда как идеал ее есть наибольшее распространение в обществе ее благодетельных результатов. Корпорация будет, в этом случае, стеснением общественной свободы в самом достойнейшем уважения человеком деле — просвещении; она склоняет науку к отрешению от жизни, тогда как посвящающий себя науке должен помнить, что его занятия именно тогда и будут плодотворны, когда он будет трудиться в прямом интересе для общества.

Нам случилось слышать различные возражения против двух современных вопросов по части университетского устройства: 1) о публичности лекций и 2) о корпорации слушателей. Возражения эти

слышались от лиц ученых, принадлежащих к университетском кругу. Позволим себе обсудить их.

Против открытости и публичности университетских аудиторий представляют два возражения: одно из них относится к слушателям, другое — к профессорам. Говорят, что слушатели, посещая лекции, мало будут приготовлены к их слушанию, и аудитории профессоров наполнятся непонимающей ничего толпой. Мы сами не желаем этого; скажем более: мы бы считали это величайшим несчастьем для нашего просвещения. Но говорящие так забывают, что праздная толпа ищет забавы; лекции же профессора, излагающие науку, заключают в себе много серьезного, а оно именно и отгонит праздную толпу. Лекции профессоров не только с пользой, но и с удовольствием могут слушать только люди приготовленные: тут наше охранение от наплыва невежества. Кто не в силах понимать профессора, тот его слушать не станет: потому что ни у кого не достанет терпения слушать то, чего он не понимает. Неужели в Лютеранской церкви проповедник должен брать предосторожности для того, чтобы его Немецкую проповедь не слушали незнающие по-Немецки ни слова? Без сомнения, для последних было бы истинным наказанием просидеть в это время в церкви. И теперь, при корпорации студентов, при вступительных и переводных экзаменах, нередко вступают в университет молодые люди, которые не в силах понимать лекций, и они уклоняются от них всеми способами, хотя на них лежит обязанность посещать их. Как же можно, чтобы те, на которых не лежит никакого приказания ходить в аудитории, приходили бы туда подвергаться добровольно скуке? Естественно, слушать лекции с охотой и постоянством будут только те, которые достаточно приготовлены, чтобы их понимать. Впрочем, если бы и явились лица не приготовленные попробовать своих сил, то из этого ни профессору, ни его науке, ни его внимательным слушателям не будет ни тепло, ни холодно: испытавши свое невежество, такие посетители скоро утомятся и исчезнут. Профессор, говорят нам, не будет иметь нравственного влияния на слушателей, видя перед собой незнакомую толпу. Нравственное влияние может совершаться двумя способами: или через посредство чтений, или посредством личного знакомства со слушателями. Первое достигается в равной степени как при корпорации, так и при публичном чтении; второе вполне не достигается ни при том, ни при другом порядке, по очень естественной причине: если у профессора много слушателей, то составляют ли они корпорацию, или не составляют — все равно, он не может их всех знать, а особенно любящие науку и сочувствующие профессору сблизятся с ним и в том и другом случае.

Другое возражение относится к профессорам. Боятся, чтобы некоторые профессора не погнались за ложной популярностью, не стали бы подделываться под тон и степень понятий дурно воспитанной публики, и не впали бы в верхоглядство и фразерство. Это предостережение можно формулировать так: надобно желать, чтобы не было плохих профессоров, которые легко могут впасть в упомянутые пороки, а были бы профессорами люди достойные, знающие и любящие свое дело. С этим нельзя не согласиться. Но мы никак не можем допустить, чтобы хороший профессор мог сделаться дурным оттого, что к нему на лекции будут ходить люди мало приготовленные. Выше мы показали невозможность, чтобы вся его аудитория состояла из таких слушателей; еще невозможнее, кажется нам, чтобы профессор сообразовался скорее с непонимающими его, чем с людьми, которые пришли его слушать с истинной любовью и с достаточным запасом сведений. Плохой профессор высказывается двумя противоположными способами чтения: иной, ленясь или не умея погрузиться в глубину науки, пускает с кафедры болтовню так называемых воззрений и расплывается во фразах; другой, думая быть дельным тружеником науки, теряется в куче частностей, не умеет связать их, осмыслить, и в результате, чтение его так же бесполезно, как и чтение верхогляда-фразера. Кому из занимающихся историей не случалось читать какую-нибудь Французскую книгу, где фраза нанизана на фразу, события изложены и сопоставлены для эффекта, очень часто вводится умышленная ложь, для той же цели. Скучными частностями автор не мучит читателей, а скользит по гладкой поверхности общих воззрений, и книга его носит подобие мыльного пузыря: от нее ровно никакой пользы; только пожалеешь о времени, потраченном на ее чтение. Но кому тоже не попадалась под руку ученая Немецкая книга, которую, как развернешь, то одно ужасающее множество цитат наводит благоговение, где все, как будто, пронизано анализом и критикой, а как одолеешь ее, то и еще больше пожалеешь о пропавшем времени, потому именно, что времени на нее придется употребить больше. Можно и в нашей отечественной литературе найти довольно образчиков того или другого рода ученого пустописательства. Точно также и плохой профессор, вдается ли он в ту или другую крайность — равно бесполезен. Мы соглашаемся, что профессор ленивый, тщеславный, мало преданный науке, не ощущающий высокого наслаждения любви к ней, при публичности лекций и доступности их для всех и каждого, может впасть в искательство популярности. Но не думаете ли вы, что он останется в выигрыше? Популярность имеет свойство убегать от тех, кто за нею бегает. Вы боитесь,

чтобы профессор не испортился похвалами публики, мало оценивающей внутреннее значение науки; а почему же вы не предполагаете, что, вместе с такой щедрой на одобрение публикой, не явятся два–три знатока дела, такие два–три знатока, которые ученее самого профессора, и прослушавши две–три его мыльно-пузырные лекции, не сделаются, печатно и словесно, его неумолимыми обличителями? Если бы профессору и удалось, на короткое время, приобрести незаслуженную знаменитость, они подорвут ее и уничтожат. А знаете ли, ратующие таким образом ученые мужи, что я вам скажу: страшась за свою братию, чтобы она не испортилась под влиянием мало приготовленной публики, в сущности вы боитесь за самих себя; вам опасны не эти мало приготовленные, которые способны слушать вас с благоговением, а именно те немногие, которые приготовлены лучше вас и могут обличить вас, да еще печатно. При таком устройстве чтений, надобно будет вам к каждой лекции готовиться, каждое слово взвешивать, а вы от этого отвыкли: оно безопаснее, если в нашу аудиторию не смеет никто явиться, кроме тех юношей, которые еще не так созрели в деле образования, чтобы раскусить вас!

Есть другого рода ученые и действительно почтенные люди, которых никак нельзя заподозрить в таких задних видах, — люди, по мнению которых следует допустить свободный вход в аудиторию, но, вместе с тем, поддерживать существование студентской корпорации? Но, в таком случае, для чего различие между принадлежащими к корпорации и не принадлежащими к ней посетителями? У нас и теперь существует два рода слушателей: студенты и вольнослушающие. Первые подвергаются вступительному и переводным экзаменам; вторые, слушая лекции наравне с первыми, держат один экзамен на степень. Два знания для одной и той же цели: к чему это? Если, не вступая в корпорацию, допускается приобретать то, для чего существует корпорация, то не ясное ли дело, что эта корпорация вовсе не нужна, а существование того, что не нужно, скорее может сделаться вредным, а уже никак не полезным.

Существует еще мнение, совершенно противное нашему и не согласное с теми, возражения которых мы опровергаем: сделать университеты совершенно воспитательными заведениями, и при том наглухо закрытыми. По нашему мнению, умножение воспитательных заведений с более широким преподаванием, чем в гимназиях, у нас принесет пользу; но в таком случае отделите их от университета — заведения не воспитательного, а образовательно-ученого. Пусть эти нового рода воспитательные заведения доставляют в университеты слушателей

более приготовленных, чем гимназии; и университеты, и общество будут им благодарны. Что касается до закрытости новых заведений, то она не сообразна с нашими нравами и нашими потребностями. Вот Хомяков, человек вполне Русский (в этом трудно сомневаться) говорит совсем не то: он хочет даже, чтобы все учебные заведения вообще были открыты, и чтобы экзамены производились публично. Мы вполне сочувствуем этому, по собственным нашим наблюдениям. Тогда, быть может, нашим гимназическим учителям не так легко и безопасно будет *опускаться*: это был давний и всеобщий порок, поражающий нередко людей даровитых и знающих; его излечить можно только тогда, когда внимание и надзор общества заставят их держать ухо востро.

***ВОРОНОВ А. С.**, председатель Ученого комитета Главного правления училищ*

Мысли о наших университетах[1]

Что сделало Европу первой страной в мире? Что доставило ей колоссальное могущество, растущее как сказочный богатырь, не по дням, а по часам? — Наука.

Где источник, сокровищница и опора науки? — В университетах по преимуществу.

Отсюда является важное значение университетов для каждой европейской нации. С цветущим состоянием их неразрывно соединяется процветание самого государства; упадок их необходимо отражается и на деятельности общественной. В виду такой аксиомы становится понятным, почему вопрос о наших университетах, поднятый недавно, занимает так сильно общественное мнение, почему правильное решение его составляет предмет первостепенной важности, особенно в настоящее время, когда многие, даже мыслящие люди, по поводу последних университетских происшествий, увлекшись личными своими взглядами, решаются утверждать, что наши молодые университеты, едва начавшие свою жизнь, уже сгнили, и что, поэтому, необходимо без всякого замедления приступить к коренной реформе этих высших рассадников науки.

---

[1] Публикуется по: Замечания на проект Общего Устава Императорских Российских университетов. Часть 2. СПб., 1862. С. 196–209.

Но как должна быть произведена и в чем должна состоять подобная реформа? Одни говорят, что нужно усилить значение университетской корпорации, другие, напротив, что нужно совершенно уничтожить корпоративное устройство университетов; наконец, третьи, оставляя корпорацию в настоящем ее виде, предлагают связать ее деятельность строгими дисциплинарными мерами, сделать из университетов школы, со всеми атрибутами, сопровождающими школьное устройство.

Осуществление каждого из этих предположений так важно по своим последствиям, что мы решаемся, по поводу их, высказать несколько мыслей.

Составляют ли наши университеты корпорации, и должны ли они остаться при корпоративном устройстве?

Университеты наши все, без исключения, устроены по образцу германских, а потому, действительно, имеют характер корпоративный, измененный, впрочем, по нашим потребностям. Каждый университет наш представляет две отдельные корпорации: профессоров и студентов.

Связью профессорской корпорации, по уставу 1835 года, служат одинаковые права и преимущества службы, одинаковость условий для вступления в корпорацию, коллегиальное решение дел в факультетских собраниях и совете и особые привилегии, принадлежащие университету, как ученой корпорации.

Студентская корпорация, по тому же уставу, основывается также на одинаковости условий, требуемых для получения знания студента, для успешного прохождения курса и для приобретения ученой степени, на одинаковости прав, преимуществ и даже одежды, и на одинаковом подчинении студентов университетской полиции как в самом здании университета, так и вне университета[1].

Единственной связью между той и другой корпорацией, т. е. профессорской и студентской, служат научные интересы. Затем, вне этих корпораций, как нечто постороннее, стоит университетская полиция, состоящая не из членов, принадлежащих к учебному сословию университета.

Мы позволяем себе эти подробности о корпорации университетской потому, что, иначе, невозможно, как видно будет из следующего изложения, решить вопрос: должны ли университеты наши остаться при корпоративном устройстве. Сделав эту оговорку, будем

[1] Мы не включаем сюда Дерптского университета, где студентская корпорация ближе прочих наших университетов подходит к германским.

продолжать далее, и начнем с профессорской корпорации. Следует ли уничтожить ее? Нет, положительно нет. Нельзя сомневаться в том, что сила науки заключается в хороших профессорах; но каков бы не был профессор сам по себе, отдельно взятый, он не может ни служить достаточной опорой для науки, ни быть достойным, независимым проводником ее. Только полное собрание ученых, взаимно дополняющих друг друга, подвергающихся взаимному контролю, действующих по одному, сообща обдуманному плану, может доставить науке и достаточную гарантию от всех внешних влияний, и сообщить ей чистый блеск истины. С этой точки зрения, для нас ясна, как божий день, необходимость сохранить во всей силе настоящую корпорацию профессоров, или, иначе, — университет, из высшего храма науки, сделается местом публичных популярных курсов, не имеющих между собой никакой связи, — и наука, лишенная стройного развития, обратится в орудие для потехи праздной толпы, или в средство доставлять популярность недоучившимся говорунам. Мы не хотим этим восставать против публичных популярных курсов: и они могут быть полезны в известной степени и для известной публики, но не могут, ни в каком случае, заменить собой деятельности профессорской корпорации университетов.

Другое дело корпорация студентская. Действительно ли развитие ее нужно для благосостояния университетов, как думают некоторые, и точно ли ослаблению ее, сделанному в последнее время, следует приписать те прискорбные явления в наших университетах, свидетелями которых, к крайнему нашему сожалению, мы были еще так недавно. Рассмотрим ближе этот вопрос, заслуживающий, по нашему мнению, полного внимания.

Студентская корпорация, как мы уже выше заметили, заимствована нашими университетами из Германии. Будучи обязана там, в начале, своим существованием необходимости самообороны от внешних влияний, она, вместе с профессорской корпорацией, представляла собой как бы государство в государстве; впоследствии, с развитием государственного устройства, с лучшим обеспечением личности каждого гражданина, первоначальная цель студенской корпорации утратилась и заменилась другой: она приняла характер воспитательный. Характер этот, по уставу 1835 года, имеет студентская корпорация и в наших университетах. Поэтому, защитники корпоративного устройства совершенно логически считают университеты учебно-воспитательными заведениями. Мы, со своей стороны, также признаем главной целью университетского учения — воспитание, но расходимся лишь

в средствах, ведущих к достижению этой цели. По нашему мнению, сила воспитательная должна заключаться почти исключительно в науке; сторонники студентской корпорации, в видах воспитательных, независимо от науки, считают необходимым еще надзор университетского начальства за студентами не только в стенах университета, — что мы также признаем необходимым, но и вне университета, — что, по нашему мнению, решительно невозможно.

Наконец, мы не можем согласиться с приверженцами корпорации в самом способе изучения науки студентами. По мнению их, необходимо удержать в университетах принужденное учение, с приемными и переводными экзаменами и с обязательным посещением лекций. Мы же держимся за свободное учение наукам, и считаем всякое принуждение и обязательность несовместными с достоинством университетской науки, в чем, впрочем, согласны с нами и некоторые из сторонников корпорации. Разовьем все эти положения.

Противники наши не спорят о том, что наука должна стоять в университете на первом плане — да об этом и спорить нельзя; но они говорят, что студента невозможно замкнуть в тесный круг одних научных интересов; что молодые люди, воспитывающиеся в университете, живя в обществе, неизбежно подчиняются его влиянию, и что, поэтому, необходимо предоставить им свободу сходиться вместе, чтобы целой корпорацией обсуживать как научные, так и разные другие вопросы, относящиеся к их быту, и что в такого рода рассуждениях и диспутах развивается их мыслительность и образуется самостоятельность суждения. Так ли это действительно? Такова ли задача студента? По нашему мнению, нет. Студент, как показывает самое название его, должен посвятить себя всецело изучению науки, или, иначе, он уклонится от своего назначения. Дело его изучать науку по профессорским лекциям и тем источникам, которые будут ему указаны профессором, или отысканы им самим; а сколько на все это нужно доброй воли и усидчивости! До того ли ему, чтобы тратить дорогое время на предметы, чуждые его занятиям. Мы и без того страдаем недостатком знаний, а потому учиться, учиться и учиться — вот, что должно быть девизом наших студентов. Только при этом условии они могут сделаться, впоследствии, полезными деятелями, и приобрести себе, по праву, общественное уважение. Нам возразят на это, что для пользы самой науки необходимо студентам сходиться и обсуждать вместе изучаемые ими предметы. Но кто же и мешает им сходиться; мы, напротив, думаем, что отдельные кружки будут всегда существовать между людьми, имеющими однородные занятия. Такие кружки составляются

не по одним только научным, но по артистическим, благотворительным и разным другим целям. Так, в Санкт-Петербургском университете, в продолжение многих лет, студенты — любители музыки составляли музыкальный кружок, дававший публичные концерты, сбор с которых обращался в пользу бедных студентов; с такой же благотворительной целью, позже, образовался между студентами того же университета литературный кружок, издававший сборник из студентских трудов; так соединяются между собой в небольшие кружки, по разным побуждениям, как то: по однородности занятий, по взаимной симпатии, по единству происхождения и т. п., студенты всех наших университетов. Но отдельные кружки не то, что корпорация: каждый член кружка вступает в него свободно, с определенной целью; так же свободно он и оставляет кружок, если цель, с которой он вступил, не достигается в нем. В корпорации же, как в юридической единице, имеющей общие всем права и обязанности, каждый член порабощается общему духу; в ней люди различных мнений обязываются к одинаковым действиям, преследование одного члена возбуждает противодействие всей массы, оскорбление, причиненное одному, принимается всеми. Отсюда в обширных студентских корпорациях необходимо возникают столкновения с лицами, не принадлежащими к ним, и с разными местными властями, и в самых корпорациях, без руководителей, в которых всегда будет недостаток, являются все элементы раздора между членами, их составляющими. За доказательствами этой истины ходить недалеко. По этим причинам, мы вполне сочувствуем мерам, принятым у нас в последние годы, к ослаблению студенской корпорации и заключавшимся в подчинении студентов, вне университета, общей полиции, в сокращении переводных испытаний и в уничтожении форменной одежды студентов; но находим, однако, что следовало бы теперь и совсем порешить дело с корпорацией студентской, уничтожив в университетах все испытания, кроме испытаний на ученые степени, и сделав университет открытым для всех учебным заведением. Но чтобы выяснить нашу мысль во всей полноте, мы должны ответить прежде на дальнейшие возражения, которые уже готовят нам защитники студентской корпорации.

Не в корпорации, говорят они, источник зла, а в том, что, *во-первых*, университетское начальство отказалось от покровительства студентам, нуждающимся еще, по молодости лет, в опеке, и от руководства ими вне университетских стен, и *во-вторых,* в слабости надзора за исправным посещением студентами профессорских лекций и в ослаблении значения приемных и переводных испытаний.

При всем уважении нашем ко многим из лиц, разделяющих подобные взгляды, мы никак не можем согласиться с ними, по следующим причинам:

Не только в столичных университетах, имеющих огромное число слушателей, но и в провинциальных, едва ли есть какая-либо физическая возможность, для университетской полиции, состоящей из инспектора и трех–четырех его помощников, наблюдать за поступками студентов, рассеянных по всем концам города. Да и в чем должен заключаться здесь надзор? В беглом обзоре раз в год квартиры студента (а чаще нельзя). Какие длинные для суждения о студенте можно извлечь из подобного наблюдения? Конечно, самые жалкие и, что еще хуже, пожалуй, неверные.

Притом, не без основания замечают некоторые, что инспектор и его помощники, как лица, не принадлежащие к учебному университетскому сословию, поставлены здесь в ложную и несвойственную им роль воспитателей, а в некоторых случаях и судей. Но положим, что должность инспектора будет возложена на кого-либо из профессоров, и из среды профессорской будет образован суд, на обязанности которого будет лежать не только исследование проступков, совершаемых студентами в университете и вне университета, но и определение исправительных наказаний за эти проступки.

В таком случае, профессор-инспектор сделается непременно дурным профессором, потому что ему, при обязанности такого широкого надзора за студентами, некогда будет заниматься наукой; а в деле науки кто не идет вперед, тот отступает назад.

Далее, и самый суд профессоров, при такой программе, ему задаваемой, будет завален работой и, главное, войдет, по делам студентским вне университета, в нескончаемую тяжбу с посторонними ведомствами. Но может, конечно, случиться и другое, т. е. дел почти вовсе не будет, если местные полицейские власти, во избежание скандала и споров, будут смотреть сквозь пальцы на все проступки студентов. В таком случае, суд профессорский, в качестве грозы над студентами, за действия их вне университета, останется одной только формальностью, без всякого воспитательного влияния на молодых людей. Одним словом, как бы мы ни смотрели на вопрос о надзоре за студентами вне университета, он кажется нам одной формальностью, неосуществимой на деле.

По этим причинам, а не по эгоизму, как думают некоторые, весьма благонамеренные и просвещенные люди, университет должен отказаться от мысли иметь надзор за студентами, с соразмерной ему

ответственностью за них вне университета, и ограничиться воспитанием своих слушателей посредством науки, и надзором за ними только в стенах университета. Такой надзор, состоящий в наблюдении за внешним порядком и благочинием в самом университете, действительно, лучше всего было бы поручать одному из профессоров, по избранию совета.

Скажут, что при устранении университетского начальства от наблюдения за студентами вне университета, может иногда пострадать невинно какой-нибудь бедный студент: но зато, в большей части случаев, студенты, лишенные возможности становиться под защиту целой корпорации, будут вести себя осторожнее вне университета и избегать столкновений с местными полицейскими властями. Ведь студенты хотя и молодые люди, но уже не дети, и пусть же они, как и все граждане, из самой жизни почерпают для себя нравственные уроки. Необходимым следствием такого порядка будут уменьшение студенческих историй вне университета, развитие большей самостоятельности характера молодых людей, предоставленных самим себе, и образование в них доброй воли, составляющее одну из важнейших задач воспитания.

Нам возразят, что студенты, при таком порядке, могут предаться праздности, подвергнувшись неразлучным с ней последствиям, и перестанут, пожалуй, посещать университетские лекции.

Может быть, с некоторыми и будет так; но должна ли ответственность за это падать на университетское начальство, если оно не имеет возможности, даже и при надзоре за студентами, достаточно поверять их в этом отношении. Все, что профессора могут тут сделать — это внушить молодым людям любовь к науке, хорошим чтением лекций, а если они не успеют или не сумеют этого сделать, то все принудительные меры напрасны. Вообще, мы думаем, что обязательное посещение лекций студентами не приведет к желаемой цели. Студент, пришедший против воли в аудиторию, мало, или даже ничего из нее не вынесет, а профессор, наполняющий таким путем свою аудиторию, легко облениВается, зная, что как бы он ни читал свой предмет, у него всегда будут обязанные слушатели. Не страдает ли от такого положения вещей наука? Если же слушатели потеряют, наконец, терпение и выразят порицание профессору, то не будут ли страдать от этого дисциплина и молодые люди, позволившие себе увлечься и сойти с законного пути. Не проще ли, поэтому, и не выгоднее ли для всех уничтожить всякую обязательность посещения лекций. Тогда в аудиторию пойдут только те, которые хотят учиться, и худой профессор, оставшись без слушателей, поневоле должен будет уступить свое место более деятельному и более

способному. Мы слышали, по этому поводу, такое мнение, что молодые люди, даже и в студентском возрасте, никогда не будут учиться добровольно, и что поэтому, если уничтожить обязательность, то аудитории останутся пустыми. Позволяем себе не согласиться с этим, на основании собственного опыта и наблюдения: между молодежью нашей, и не только нашей, но и везде, много найдется людей, вполне преданных интересам науки и, ради любви к ней, переносящих даже тяжкие лишения. Попробуйте поверить этот факт в любом университетском городе, и вы убедитесь в том. Такие люди всегда пойдут на лекции; будут чаще ходить и многие другие, которых можно обвинять теперь в лености, если университеты наши усовершенствуются в отношении личного состава профессоров, если все профессора будут носить не по имени только это высокое звание. Пусть укажут нам, в настоящее время, хотя одного хорошего профессора, у которого бы не было слушателей, и тогда только мы готовы согласиться, что молодежь наша равнодушна к учению. В Германских университетах, правда, каждый профессор, по окончании семестра, отмечает в матрикуле студента, его слушавшего, исправность посещения им лекций. Но такая отметка служит лишь свидетельством профессора о студенте, и отнюдь не имеет характера принудительного, потому что от самого студента зависит выбор, какого профессора ему слушать и в какое время, или и вовсе не слушать. Притом же исполнение этого правила составляет и там одну только формальность.

А переводные экзамены, а страх исключения из университета, скажут нам, разве не заставят ленивых студентов заниматься наукой? а строгие приемные испытания разве не представят достаточного обеспечения в зрелости и развитости университетских слушателей? Ответим на эти возражения.

Строгие приемные экзамены из предметов целого гимназического курса закроют двери университета для многих, даже и развитых людей, что уменьшило бы влияние университета на общественное воспитание. Неудобство это давно уже чувствовалось, а потому уже с 1844 года в наши университеты допускаются вольнослушающие, необязанные подвергаться приемным испытаниям. Что от этого произошла только прямая польза, показал продолжительный опыт. Многие из вольнослушающих с тех пор приобрели ученые степени и, потом, своей общественной деятельностью оправдали доверие к их доброй воле и способностям.

Притом, приемные экзамены, служащие удостоверением, что поступающие в университет знают гимназический курс — не дело уни-

верситетов, а гимназий, которые лучше понимают требования гимназического курса и больше имеют времени производить эти испытания с должной основательностью. Вместо того чтобы одному профессору, не обучавшему никогда в гимназии, экзаменовать 300 человек, не лучше ли будет, если эти 300 человек проэкзаменуются в 20 гимназиях. Ведь и в Германии, в отечестве педагогики, университеты не занимаются приемными испытаниями, а дело это предоставляется гимназиям. Мы предвидим уже на это возражение, что наши гимназии стоят гораздо ниже Германских, а потому не имеют права на такое доверие. Согласны, что так; но думаем, однако, что мы не можем не доверять им, а должны довольствоваться своим маленьким капиталом, если у нас нет большого, и стараться только о приращении его. Когда поднимутся университеты, составляющие наш основный умственный капитал, то неизбежно за ними возвысятся и гимназии.

Недоверчивость к последним, относительно оценки воспитания, кажется нам неуместной и потому, что мы, в то же время, доверяем гимназиям более существенное, то есть самое воспитание.

Да, наконец, и нужны ли вообще приемные экзамены для благосостояния университетов?

В Германии, от поступающих в университет требуется гимназический аттестат; но посещение лекций не воспрещается и всем прочим, не имеющим такого аттестата; у нас, кроме студентов, есть и вольнослушающие и, как мы уже заметили выше, из этого выходит одно только доброе. Опасаться, что, с уничтожением требования гимназического образования от посетителей лекций, университеты наполнятся недозрелыми слушателями, нечего: стоит лишь усилить строгость испытаний на ученые степени и допускать к этим испытаниям только имеющих аттестат о знании полного гимназического курса. Тогда всякий, до поступления еще в университет, позаботится о приобретении общего гимназического образования, уровень которого не только не понизится через это, как думают некоторые, но еще и возвысится, потому что, при большей свободе поступать в университет, число желающих посещать университетские лекции несомненно увеличится, и, следовательно, учащиеся в гимназиях будут иметь еще более побуждений к прилежному занятию науками. То, что чувствует Западная Европа, но на что она не может еще решиться, связанная старыми формами, то может сделать Россия, не связанная вековыми преданиями. Притом же, нельзя не рассчитывать и на то обстоятельство, что неприготовленный к слушанию университетского курса сам скоро это почувствует и, от скуки, прекратит посещение лекций, тем более, что, при уничтожении

корпорации, для подобных лиц прекратится уже возможность найти для себя в университете какую бы то ни было деятельность. Мы слышали от некоторых профессоров, что свободное допущение на лекции всех лиц, без различия, лишит профессора возможности излагать науку с подобающим ей достоинством, что масса слушателей разного образования поставят профессора в затруднение, увлечет его на ложную дорогу — искательства популярности. Мы не думаем, чтобы это могло быть так. Профессор, и при такой обстановке, должен иметь в виду только слушателей, знающих гимназический курс и, следовательно, приготовленных (а такие всегда найдутся), и отнюдь не приноравливаться к прочим. Кто из слушателей не будет понимать его, тот может удалиться и, наверно, удалится.

Признавая, таким образом, приемные испытания излишними и только затрудняющими вход в университет для многих, мы находим решительно бесполезными и переходные экзамены. Что они такое в сущности? Принудительная мера к учению; в этом определении их и заключается их смертный приговор. Всякое принужденное учение, в том возрасте, в котором находятся студенты, бесплодно; оно производит только, так называемых на школьном языке, зубрил, но никогда ни настоящих ученых, ни даже людей, усвоивших себе основательно какие-либо знания. Переводные экзамены, между прочим, объясняют нам возможность существования таких людей, в которых, несмотря на окончание ими курса в университете, не осталось даже и следа университетского образования. Одно только свободное изучение науки плодотворно и достойно университета; в Германии давно понимают эту истину, и потому в тамошних университетах нет переводных испытаний, а существуют только испытания на ученые степени, которые одни только и должны остаться и в наших университетах. Это уже не принудительная мера, а цель, которую должен иметь в виду каждый слушатель лекций, заявление перед университетом и обществом, что наука принесла плоды изучавшему ее.

Если переводные экзамены, по принудительному своему характеру, несовместны с духом университетского учения, то, с другой стороны, и как принудительная мера они не достигают своей цели, особенно в многолюдных университетах. Возможно ли профессору произвести строгое испытание тремстам, например, студентам в один или в два дня? Если он будет уделять на это, в течение двух дней, в каждый день по пяти часов, при полном внимании (а больше нельзя), то на каждого экзаменующегося придется только по две минуты. Спрашивается, к чему послужит такой экзамен? не будет ли он пустой формой, при

которой и совершенно слабые будут легко переходить в следующие курсы? Если же на переводные испытания назначать столько времени, сколько нужно, то в таком случае пришлось бы две трети годичного курса употреблять на одни только экзамены (что легко доказать), и затем, у профессоров не осталось бы времени на самое существенное, т. е. на чтение курсов. Некоторые предполагают, частью для устранения этого неудобства, частью в видах усиления строгости испытаний, учредить, особых экзаменаторов, не из профессоров; но для осуществления такого плана у нас нет, во-первых, достаточного числа ученых — так как и при замещении наличных профессорских кафедр встречаются неодолимые затруднения; во-вторых, такое учреждение было бы нескончаемым источником столкновений между профессорами и экзаменаторами; в-третьих, и таким экзаменаторам нужно было бы столько же времени на испытания, как и профессорам, т. е. две трети учебного года, и наконец, в-четвертых, все это потребовало бы, без всякой пользы, затраты огромных сумм.

Наконец, ошибаются, как мы позволяем себе думать, и те, которые видят в переводных испытаниях не принудительную меру к учению, а только способ поверки профессорами занятий студентов. Какова эта поверка, мы показали выше; но это — и не поверка, а принудительная мера, потому что она сопровождается выставлением отметок за ответы и соединенным с ним переходом в другой курс, или оставлением в том же курсе. Против пользы поверки, но поверки действительной, имеющей целью разъяснение студентам изложенной науки, мы не спорим, а потому полагаем, что каждый профессор, независимо от чтения лекций по своему предмету, обязан быть еще руководителем своих слушателей в их занятиях, время от времени, в особенных беседах, повторять с ними пройденное, предлагать задачи, относящиеся к предмету преподавания, и помогать в их разрешении; но, разумеется, что при всем этом не должно быть и помину ни о каких отметках.

Таким образом, по нашему мнению, для блага университетов было бы необходимо уничтожить приемные испытания и соединенные с ними особенные права студентов, с особенной, форменной одеждой, переводные испытания из курса в курс и подчинение студентов университетской полиции и вне университета. Некоторые из этих мер, как сказано выше, уже приведены в исполнение; остается довершить начатое, и тогда студентская корпорация, в смысле юридической единицы, сама собой ослабеет, и почти совершенно исчезнет и самое название. Слово студент, с которым не будет соединяться никаких особенных

прав, заменится названием — слушатель. Остающаяся, затем, у слушателей однородность занятий не может скрепить их в корпорацию: она произведет только отдельные кружки, пользу которых мы вполне признаем; но отдельные кружки, как мы уже достаточно объяснили выше, не корпорация. Чем же сделается тогда университет, скажут нам? настоящим университетом, ответим мы, с сильной корпорацией профессоров, имеющей воспитательное влияние на слушателей, изучающих науку свободно, по призванию, и, следовательно, идущих таким путем, который единственно только и может привести к знанию; но устранятся от университета только те подводные камни корпоративного устройства, о которые сокрушаются теперь многие студенты, не дошедши до цели.

Представим, на основании всего вышеизложенного, в коротких словах, те основания, на которых, по нашему мнению, следовало бы устроить наши университеты:

а) Корпорация профессоров сохраняется во всей силе.
б) Студентская корпорация уничтожается отменой приемных и переводных испытаний, обязательного посещения лекций и всех особых студентских прав.
в) К слушанию лекций допускаются всякого рода лица, без различия звания, пола и возраста, с известной, умеренной, за то, платой, от которой было бы, однако, желательно освобождать лиц действительно недостаточного состояния.
г) Определенных сроков на слушание курса не полагается.
д) Испытания слушателей на ученые степени производятся с усиленной строгостью, и к испытаниям этим допускаются только лица, предъявившие свидетельства, выданные им из гимназий, о знании полного гимназического курса.

Не можем не заметить при этом, что приведение всех этих мер в исполнение не было бы и резким переворотом; на таком почти основании в наших университетах и теперь слушают лекции так называемые вольнослушающие; значит, вся реформа состояла бы только в том, чтобы положение о вольнослушающих сделать общим для всех слушателей лекций, без различия.

Руководимые глубоким сознанием важности университетов для благосостояния нашего отечества, мы изложили наши мысли с полной откровенностью, стараясь рассмотреть этот вопрос с возможной, в газетной статье, полнотой, а потому просим всех ревнителей блага общественного, и особенно тех из них, которых ближе знакомы наши университеты, указать нам на наши недомолвки и ошибки. Пусть докажут

нам, что мы смотрим на это дело неверно, и мы первые отступим от своего мнения.

В заключение, мы считаем нелишним сказать несколько слов о мнении тех, которые лучшей реформой университетов считают обращение их в совершенно закрытые заведения, со строгим внутренним надзором за студентами, в них живущими. По причинам, которые мы выскажем в другой раз и которые, по важности своей, требуют подробного развития, далеко превосходящего пределы настоящей статьи, мы считаем осуществление такого плана решительно невозможным и положительно вредным. Заметим здесь только одно, что такой закрытый университет будет корпорацией, более полной, чем теперешние наши открытые университеты, а к чему приводит корпорация, мы уже указали; значит, такая реформа не поправит, а только еще больше запутает дело.

ПИРОГОВ Н. И.

Дополнение к замечаниям на проект общего устава императорских российских университетов. Университетский вопрос[1]

Ist es ernst [2]?

Я думаю, что первообразы университетов были ближе нашего к идеалу. Основанные передовыми людьми своего времени, они были настоящими и единственными представителями современной науки. Не было различия между академией и университетом. Кто двигал науку вперед, тот и учил. Учение приноровлялось к науке, а не к знаниям учеников. До возраста учащихся не было университету никакого дела. И учители, и ученики были общими сподвижниками науки, *commilitones*[3].

---

[1] Публикуется по изданию: *Пирогов Н. И.* Дополнение к замечаниям на проект общего устава императорских российских университетов. Университетский вопрос. СПб., 1863.

[2] Серьезно ли это?

[3] Соратники.

С развитием гражданственности, с распространением просвещения в массах, не могла сохраниться первобытная чистота идеала. Правительства, церковь, общество заявили свои требования. Безусловность чисто научных стремлений не могла устоять против условий жизни.

И вот, мы видим, уже давно, университеты не чисто научными, а правительственными, церковными, учебно-общественными и национальными учреждениями. Давно внесены уже в университеты начала, чуждые его идеалу. Церковный догмат, бюрократизм, элементы: национальный, филантропический и воспитательный попеременно обусловливают и изменяют чисто научные, университетские стремления. Сама наука, все более и более проникая в жизнь общества, выносит из нее и с собой в университеты прикладное, утилитарное направление. Наконец, университеты в системе общественного образования занимают высшее место в ряду школ, а чисто научное начало, отделяясь от учебного, переходит в академии.

Что же университет в наше время?

Его можно определить более отрицательно, чем положительно. Можно сказать, что он перестал быть учреждением чисто научным, т. е. таким, которое назначено удовлетворять одной потребности знания. Большинство в нем учится с известной практической целью. В нем приготовляются для общества: служители церкви, судьи, врачи и наставники. Но нельзя его назвать и специально-учебным учреждением. Тогда он перестал бы быть университетом. Тогда соединение всех факультетов в одно целое — существенная характеристика университета — перестала бы быть существенной. Сверх того, университет не есть специально-учебное учреждение и потому, что многие науки в его факультетах не изучаются так специально, как этого требует их современное состояние. Нельзя считать нынешний университет и таким учебным учреждением, которого целью было бы одно высшее общечеловеческое образование. Его факультеты для этого слишком уже специальны. Нынешний университет не открыт для любознательности различных возрастов, полов и сословий. Большинство учащихся в нем состоит из молодых людей известного пола и возраста. Но он не есть и воспитательное заведение. Оставшуюся в некоторых университетах от средних веков администрацию, конечно, никто не будет считать за настоящий воспитательный элемент. Наконец, ни один университет в свете, несмотря на название, не представляет всеобъемлющего научно-учебного учреждения. Ни один университет не есть универсальный представитель современной науки, во всех ее проявлениях.

Во всех странах мы видим множество высших учебных и специально-научных учреждений, которые возникают возле университетов и не имеют с ним ничего общего. И ни в одном университете мы не находим кафедр не только всех, но даже и половины современных наук. Не находим ни одного университета, снабженного пособиями для полного изложения всех научных предметов на деле, хотя везде замечается стремление к сближению науки с жизнью.

Итак, все, даже до самого названия, неопределенно в университете настоящего времени.

Задача о цели и назначении его сделается еще неопределеннее, если мы, с некоторыми моралистами, перенесем вопрос далее, на другую почву, и спросим: есть ли научное образование человека конечная цель или только средство к чему-то другому, еще высшему? Но, не заходя так далеко, остановимся покуда на ближайшем и более нам доступном.

Знать и уметь приложить знание к делу и жизни — эти два стремления умственной деятельности человека проявляются при самых первых зачатках общества. Они проявились и при учреждении университетов. Но одно из них преодолевает другое.

Жизнь общества, с ее прикладными стремлениями, берет перевес над чисто научным. Поэтому прикладное направление не замедлило обнаружиться в университетах.

Это и не могло быть иначе. И правительство, и церковь, и общество не могли не воспользоваться университетами для достижения своих целей. И странно было бы, с их стороны, выпускать из рук такой сильный рычаг.

Но для прикладного, для утилитарного, которое с каждым днем все более и более усиливается в нашем обществе, университеты одни сделались уже недостаточными. Для прикладного, которое пересилило чисто научное стремление, понадобились еще другие, более практические, учреждения; оно даже перешло и в те школы, которых прямое назначение было приготовлять только к университету. И от них начали требовать, чтобы они приготовляли прямо к вступлению в жизнь. Это утилитарное стремление грозит реформой университетам. Оно все более и более разрывает органическую связь между факультетами. В одной стране (Франции) удалось ему почти совсем прервать эту связь.

Покуда, однако же, чисто научное начало еще живет в университетах, и к чести человечества нужно думать, что оно никогда не умрет; оно еще снабжает их свежими силами; еще готовит передовых

людей обществу; еще борется с прикладным и этой борьбой облагораживает его. Чисто научное не рассталось еще с учебной деятельностью и не вышло совсем из университета в академию. Как ни мельчает это направление, как ни сгромазживается научный материал, как ни распадается наука на множество отраслей, как, наконец, правительство, церковь и общество ни обусловливают чисто научное направление, — университеты не перестают еще сознавать и поддерживать духовную связь наук и не перестают стоять за свободу науки. В этой борьбе, в этом высоком стремлении — все достоинство нынешнего университета.

Но, как бы ни было неопределенно значение современного университета в Европе, мы видим, что оно выражается пред нами более или менее ясно в трех направлениях. Одно из них, которое более других напоминает средневековое происхождение, еще довольно сохранило чисто научный вид, едва сделав некоторые уступки современным требованиям; но, вместе с тем, оно и всего более подчинилось влиянию церкви и сословия, приняв характер воспитательный, выразившийся и в учебной стороне, и в целой жизни учреждения. Другое, удерживая от средневековой жизни одно только корпоративное начало и уступая более вопиющим требованиям современной жизни, соединило в себе чисто научное с прикладным. Отстаивая упорно свободу и самостоятельность научного элемента, оно не раз должно было уступать и влиянию церкви и бюрократизма, но устояло, — не сделалось ни церковным, ни сословным, ни бюрократическим и сохранило в себе еще духовную связь наук и свою дорогую *Lehr und Lernfreiheit*[1]. Третье, наконец, удержав от средних веков одни береты и тоги профессоров да название университета, поддалось совершенно централизующей власти правительства и сохранило научный характер, благодаря только способностям и прогрессивным стремлениям нации. Университет, при этом направлении, сделался одним номинальным и бюрократическим центром разных учебных учреждений.

Что же такое наш университет в России?

Если трудно было сказать что-нибудь положительное и общее о современном университете в Европе, то еще труднее это сказать про наш. В нем еще более отрицательного, еще менее положительного. Он не есть учреждение ни реальное, ни свободно научное, ни специальное, ни общеобразовательное, ни воспитательное, ни церковное, ни

[1] Свободу преподавания и учения.

сословное, ни средневековое — корпоративное, ни филантропическое, ни чисто бюрократическое.

Между тем, каждое из этих начал внесено в него в известной степени. Положительного про наш университет можно сказать только то, что он есть учреждение правительственное и учебное, с значительным бюрократическим оттенком и с некоторой примесью корпоративного, воспитательного и филантропического характера. Созданный, как и большая часть германских университетов, правительством, он никогда не был так формально подчинен влиянию господствующей церкви, как многие из этих университетов, хотя в учении и не мог отступать от догмы православия. Основанный сильной централизирующей властью, в то время, когда образование нуждалось еще во внешнем поощрении сверху, он по необходимости должен был принять в себя бюрократическое начало, которого резкий формализм должен был, также необходимо, смягчиться и ослабнуть под влиянием научного элемента. Не имея вовсе средневековых преданий, возникший в обществе, вовсе не имеющем цеховых стремлений, наш университет никогда не мог сделаться ни настоящей корпорацией, ни настоящим сословным учреждением. Но некоторые права и коллегиальное начало, внесенное в него уставом, а главное — одинаковость или сходство целей, занятий, воспитания и возрастов — успели развить в нем товарищество или что-то похожее на корпорацию; резкое же различие в правах и образованности сословий сделали его более или менее сословным. Устроенный по образцу германских университетов, стремившихся к свободе учения, он не мог получить определенный, воспитательный характер. Но исключительно для него регламентированный полицейский надзор заставил думать, что в нем действительно *воспитываются* молодые люди, так же как бурсы, стипендии и казеннокошество могли заставить думать, что университет есть филантропическое учреждение.

При такой неопределенности характера и основных начал, еще менее определенно должно было выразиться направление. Правительство, учреждая университет, очевидно, имело нужду и в специалистах, и вообще в образованных людях. Оно желало через университет получить и тех, и других. Оно желало развить в обществе присущую ему способность знать и уметь приложить свое знание. Оно учреждало новые и преобразовывало существовавший уже университет, в то время, когда в современном европейском обществе начинали значительно развиваться утилитарные стремления, и потому прикладное должно было развиться на счет чисто научного. Мало этого, — чисто научное и

не могло быть в нашем университете преобладающим началом. Он не был обязан, как некоторые из средневековых университетов, передовым людям общества. Дух же и стремления централизирующей власти и самый дух нации более благоприятствовали прикладному, чем чисто научному. Не было ни борьбы направлений, ни духовной связи между факультетами, ни средневекового корпоративного элемента, который бы также стремился поддержать эту связь. Да и прикладное направление, не выработавшееся наукой на родной почве, не могло развиться и идти прогрессивно вперед. Поощряемое только извне, искусственной регламентацией государства, оно могло только отчасти удовлетворять вопиющим его потребностям.

Итак, наш университет отличается совершенно от средневекового английского тем, что он нисколько не церковный, не корпоративный, не общественный, не воспитательный. Наш университет похож только тем на французский, что в него внесен — и еще сильнее и оригинальнее — бюрократический элемент; но он не есть еще департамент народного просвещения, как французский, и факультеты в нашем еще не лишены так взаимной связи, как в том. Наконец, наш университет еще менее похож на германский, который ему служил образцом, потому что в нем нет самого характеристичного: полной *Lehr und Lernfreiheit* и стремления научного начала преобладать над прикладным и утилитарным.

И вот, для нас наступило время реформ. В чем же должна состоять наша университетская реформа? Тут немецкий вопрос: *ist es ernst*? — я думаю не так не нужен, как оно, может быть, кажется. *За правду* можно делать только то, что *внутренне необходимо* и, при данных условиях, *возможно*.

Нет сомнения, внутренняя необходимость, в определенном направлении и в большей соответственности с современными требованиями науки и общества ощущается почти всеми, кому университеты близки к сердцу или сколько-нибудь известны. Даже и в германских университетах слышатся голоса о реформах.

В них нет уже прежнего наплыва студентов; утилитарные школы многих уже отвлекли, да большинство и посещающих не остается верным университетскому призванию. У нас, напротив, хотя число учащихся и растет, но вряд ли находит то, чего ищет, и вряд ли ищет того, что может дать университет. Это потому, что направление нашего университета еще вовсе не определилось. Вакантные кафедры его трудно замещаются. Это потому, что внутренняя, динамическая жизнь университета слаба до чрезвычайности. Материальное существование его

членов не обеспечено. Научные и учебные средства недостаточны. Это значит, что и материальная сторона университета также скудная, хотя и относительно. Итак, причин внутренних, вызывающих реформу, довольно. Но, несмотря на это, если мы будем откровенны, то согласимся, что все-таки самый главный толчок, заставивший у нас так деятельно заняться реформой университета, был дан обстоятельством чисто внешним — студенческими беспорядками. Оно внешнее потому, что не зависело от университета, — это я постараюсь доказать после, если это еще требует доказательств.

Но, как бы то ни было, если внутренняя необходимость реформы несомненна, то другое дело — вопрос о ее возможности при существующих условиях. Не говоря уже об условиях финансовых, — без которых ничего решать нельзя, — трудность его решения представляется еще с разных сторон.

Во-первых, если инициатива реформы в правительственном университете и принадлежит самому правительству, то все-таки она не иначе может быть приведена в исполнение, как силами самого же университета. А существуют ли эти силы налицо?

Во-вторых, правительство, реформируя, должно постоянно сообразоваться с тем, насколько реформа совместна с основными началами государства. Тут будет идти дело о том, как согласить требования современной науки с требованиями самого государства. А это возможно не вполне, а только в некоторой степени.

В-третьих, реформа предпринимается и для того, чтобы удовлетворить потребностям общества. Но там, где общественное мнение еще не окрепло, где взгляды еще до того не установились, что университет является и учащимся, и отцам, и даже учащим, в самых разнохарактерных, нередко странных, видах, — там угадать истинные потребности общества хотя и можно (смотря на него сверху), но удовлетворить, с сознательной пользой для всех, едва ли возможно.

Не исполнив же этих трех условий, реформа не будет внутренняя и легко превратится в одну внешнюю регламентацию. Что же делать? Не предпринимать реформы? Это значило бы отказаться от всякого прогресса, который сделался уже жизненной и потому безотлагательной потребностью. И если при реформе нельзя никак обойти эти три условия, то нужно, по крайней мере, сделать то, что имело бы как можно более шансов их сгладить.

Всякая реформа есть эксперимент. А в новом эксперименте, как бы осторожно ни пробовали, всегда есть два черных шара: или он будет сделан неудачно, или он окажется неспособным разрешить ту задачу,

для решения которой был сделан. Против первой неудачи могут помочь только личные качества экспериментаторов, а против второй — правило: испробовать решение не одним, а несколькими путями, и особливо, когда имеем перед собой вопрос сложный. Почему же и в сложном деле университетской реформы не испробовать несколько путей? Почему бы реформа должна была у нас выразиться непременно одним и тем же уставом для всех университетов? Взгляды на значение университетов вообще не везде еще установились, а наши университеты в России совсем не так одинаковы, как это можно заключить из того, что для них пишется один и тот же устав. Разлада и неурядицы от разнообразия университетов опасаться нечего. При разнообразном характере одного и того же учреждения правительственной власти еще легче убедиться, где, чем и почему лучше, или где, чем и почему хуже. Тут есть только одно кажущееся неудобство: это — то, что разнообразие эксперимента, или реформы, противоречит началу централизации. Но в деле науки централизация и без того невозможна, а в деле управления разнообразность университетов скорее поможет, чем повредит истинному, неформальному, внутреннему порядку. Если различная организация и нарушит внешнюю связь университетов, зато скорее выработается из нее другая, внутренняя связь, которая более удовлетворит требованию общества — знать и уметь приложить знание к делу.

Итак, из трех условий, затрудняющих возможность коренной реформы нашего университета, первое — это адинамия, слабость жизненных его сил. Без воздействия этой силы всякая реформа останется внешней регламентацией. Источник этой силы — наука, которая олицетворяется в коллегии профессоров. Но жизнедеятельность коллегии была так слаба в нашем университете, что она никогда не могла восстановляться сама собой. Правительство пытается восстановлять его периодически свежими силами и предотвращать бессилие. В течение 30 лет во второй уже раз делается эта попытка. Она, как известно, состоит в том, что молодые волонтеры, более или менее соответствующие будущему их призванию, высылаются разом, — *en masse* в заграничные университеты, для специального образования. Как бы ни казался искусственным и даже насильственным этот эксперимент, он вызван необходимостью. На него указал старик Паррот — и не ошибся. При второй регламентированной реформе, в 1836 г., этот опыт дал средство отдалить, по крайней мере на время, угрожавшую атрофию. Дерптский университет, который тем отличается от других русских университетов, что он возобновляет свои силы, заимствуя их прямо от Запада,

казался тогда Парроту самым удобным местом приготовления, искуса и сближения будущих членов коллегии. И в этом он тогда не ошибся. Но он ошибся в том, что думал найти в этой попытке такое средство, которое заставит жить наши университеты собственной жизнью. Второй опыт, предпринимаемый ровно чрез 35 лет после первого, доказывает несостоятельность расчета. Теперь уже, верно, никто так рассчитывать не будет. Теперь нужно подумать, как бы упрочить жизнь коллегии более надежным способом. Для этого нужно вникнуть, почему в ней самой нет достаточного фонда производительной силы.

И вот, прежде всего, бросается в глаза материальная сторона дела: необеспеченное существование лиц и недостаток средств. Как первое, так и второе, доказано уже математически. Но дело в том, что эта причина, как бы она главной ни казалась, все-таки не главная. Увеличивая материальные средства к существованию и исполнению обязанностей, мы отнимем у людей повод и предлог делать худое, но никак еще не сделаем их хорошими и, еще менее, лучшими. Правительство или общество, давая эти средства, получает нравственное, внутреннее право, внешнее оно имеет всегда, требовать точного исполнения известных обязанностей, и только. Но кто не знает, что в деле науки одно «исполнение обязанностей», как бы оно ни было формулировано, еще не придаст ей ни силы, ни жизни.

Профессор, аккуратно преподающий в узаконенные часы, составляющий учебники, пишущий все отчеты и потому имеющий полное право требовать, чтобы и его существование, и его учебная деятельность были обеспечены всеми средствами, — может быть, все-таки не тот, который необходим для самостоятельной и производительной жизни коллегии. И потом, обеспечив только существование людей, мы никогда не отнимаем у них желания иметь еще больше; а кто не носит в себе призвания, кого высшая сила не удерживает на пути к нравственному совершенству, того нельзя удержать и деньгами на пути науки. Никакое огромное содержание не удержит, например, врача от прибыльной практики и от отсталости в науке, если он сам не имеет научного призвания. Искатель выгодных мест будет и при обеспеченном существовании искать их, так же как и достаточный чиновник допустит злоупотребление за деньги, если его не будет удерживать нравственный взгляд на себя и на общество. Кто не сделал самоусовершенствование главной задачей жизни, того и обеспеченное существование не удержит на научном пути.

Мне будет очень жаль, если мои мысли перетолкуют так, что я отвергаю необходимость увеличения материальных средств для

существования и занятий коллегии; никто более меня не убежден в необходимости этого; я сам много терпел и жаловался, но я также убежден опытом, что если, вместе с обеспечением существования университетской коллегии, мы не успеем в ней водворить еще другим способом научной жизни с ее высшими стремлениями, то на одно улучшение материального быта рассчитывать нельзя, точно так же как нельзя рассчитывать и на то, чтобы усиленные вспомогательные средства, богатые библиотеки, обширные музеи, огромные лаборатории одни могли возбудить интерес и рвение к науке. Они истинно плодотворны только тогда, когда появляются в университетской жизни как следствия, а не как причины научной деятельности. Где господствует дух науки, там творится великое и малыми средствами. Все это я привожу здесь потому, что не раз слышал, как многие приписывали главную причину апатии и застоя в нашей университетской жизни недостаточности материальных средств.

Но, приняв улучшение материальной стороны коллегии как одну из самых существенных потребностей, я предполагаю и в отношении ее не делать эксперимента однообразно. Для чего определять содержание не лицу, а должности, — тогда как в университетской коллегии главное — лицо, а не должность, дух, а не форма?

Вот талант, посвятивший себя всецело учебной деятельности; труды его уже обогатили науку; но они такого рода, что не могут ему принести никакой материальной выгоды. Он, кроме университетского содержания, ни на что не рассчитывает, потому что отдает все время и силы университету.

Вот другой: он приглашен, «за неимением лучшего», для замещения кафедры. Его занятия такого рода, что кроме университетского содержания они доставляют ему еще огромные доходы и помимо университета, в котором он «исполняет только аккуратно свои обязанности». Что же общего между этими двумя личностями? Один, — находка и приобретение для университета, — удесятеряет фонд производительных его сил. Другой — исполняет только должность.

Вот третий случай: профессор одного университета заслужил уже имя в науке. Его бы хотели иметь у себя несколько университетов. Он и сам бы не прочь переменить место, по домашним обстоятельствам; но университет, который он предпочел бы другим, в таком городе, где жизнь дорога. Будь у этого университета средства и он получил бы профессора, увеличив его содержание по взаимному договору. Родилось бы соревнование, которое оказывает такую пользу для германских университетов, старающихся друг перед другом привлечь к себе

личности, знаменитые в науке. Словом, логичность принципа — назначать в университетских коллегиях материальные вознаграждения по степени личных заслуг и таланта, а не по должности — неоспорима. Точно так же неоспорима необходимость соразмерять и бюджет научных вспомогательных средств — по свойству каждого предмета, а не поровну. Остается только решить, насколько этот принцип применим к нашему университетскому быту. Почему бы не ввести его, по крайней мере, в тех университетах, которые, по местным обстоятельствам, труднее могут привлечь к себе дельных преподавателей, и потому не выдерживают конкуренции? Можно, наконец, если это уже так необходимо, сохранить и содержание по штату, дав право университету увеличивать его из особенного бюджета, по договору с лицом, которое коллегия желает приобрести, и по разрешении министерства. Ведь признается же возможным (как видно из проектов) назначать различное содержание приват-доцентам; почему же для приват-доцентов это можно, а для профессоров нельзя? Для чего упускать из рук средство, которым университет мог бы привлечь к себе лучшие и деятельные силы, войдя в частные договоры с лицами, заслужившими себе авторитет в науке? Почему не воспользоваться этим средством для привлечения свежих сил из-за моря? Неужели в наше время, когда международные отношения делаются с каждым днем сильнее, мы должны держаться узкого взгляда на науку и общее достояние всего человечества замкнуть в ограниченные пределы национальностей? Этот взгляд (как видно из обсуждений проектов) еще существует у нас. Он, правда, существует еще и на Западе. Но для чего брать за образец узкую односторонность других? Что нас может заставить? — язык, нравы, религии? Но мы считаем знание языков необходимым для наших студентов, а для преподавания многих наук чужестранный язык еще не помеха. К национальной разнохарактерности мы привыкли, а для веротерпимости у нас нет препятствий: наши университеты — не церковные учреждения. Лодер, Франк, Фишер, Струве, Зейдлиц, Буш, читая нам лекции на латинском, немецком и ломаном русском языках, одушевляли аудитории и возбуждали любовь к науке в слушателях. Все мы, любившие родину не менее других, предпочитали их единогласно доморощенным и кровным русским наставникам. Моя милость читала также лекции целых пять лет на ломаном немецком языке; немецкие слушатели, — пусть справятся, — слушали меня так же охотно, как и русские; а немцы чувствительнее нашего к грамматическим промахам и ошибкам в произношении. Я теперь знаю одного профессора анатомии, которого я сам вызвал из-за

границы: он[1] уже 15 лет излагает свою науку не на русском языке, — я не хвалю этого, — но знаю, какую он пользу приносит своим слушателям знанием и ревностью к науке. Говорят, что ученые, вызванные из-за границы первой реформой наших университетов, мало принесли выгоды нашему образованию. Это неправда. Они внесли свою долю образования, — и долю значительную. Но они были призваны в то время, когда не науки и не образование притягивали в наши университеты студентов, а русская почва была тогда слишком не по натуре западного ученого. Я не утверждаю, что приглашением научных авторитетов из-за границы мы упрочим духовную жизнь наших университетов. Но без других коренных реформ мы не упрочим ее и посылкой наших молодых ученых за границу. И то, и другое — только вспомогательные, паллиативные меры, и каждая из них имеет свои выгоды и свои удобства. Посылка за границу есть сильное поощрение молодежи к деятельности и роднит сильнее науку с нацией; но результат для самой науки скрыт в будущем, — в невысказанной еще способности будущего ученого. Ему предстоит уча учиться. В приглашении из-за границы авторитета есть уже порука за науку, но оно не дает ручательства за то, успеет ли он ее сроднить с нацией. Одна другого стоит. Отделить учебное от научного в университете нельзя. Но научное без учебного все-таки светит и греет. А учебное без научного, как бы ни была для национальности приманчива его внешность, — только блестит. Это не нужно терять из виду, и я возвращусь к этому предмету еще раз после.

Поищем теперь другой, менее внешней и менее материальной причины, почему так слаба жизненная сила нашей университетской коллегии, отчего она требует таких сильных периодических реставраций? Отчего силы ее не восстанавливаются постепенно и сами собой? Органический ли это порок или только нервная адинамия?

Она слабой родилась на свет; в ее организации не было источника, откуда бы она могла черпать свежие силы, она не воспитывалась самостоятельностью; ее хилое тело тщательно предохраняли от зараз и поветрий. Целых 50 лет употреблялись стимулы, чтобы поддержать ее жизнедеятельность, и они сделались так необходимы, что теперь, когда она выходит из своего младенчества, — боятся, устранив их, повредить существованию. Между тем, в ней успели развиться такие недуги, которые свойственны старческому возрасту.

---

[1] Венцеслав Леопольдович Грубер. — *Примечание Н. И. Пирогова.*

Казалось бы, коллегиальное начало, внесенное в ее организацию, должно было сделать корпорацию крепкой и самостоятельной; но на деле вышло не так. Это начало настолько же развивает, насколько и само требует известной уже развитости. Вступая в коллегию, каждый член должен уметь ценить ее и, следовательно, свое значение. Цель, интересы и достоинство коллегии должны сделаться и его целью, его интересами, его собственным достоинством. Ни одна сторона ее, как бы она ни казалась отдаленной от индивидуальной деятельности каждого члена, не должна быть для него недоступна. Каждый член должен быть проникнут мыслью, что малейшее отступление от главной и общей цели коллегии неминуемо повлечет за собой разлад интересов и унижение достоинства. Каждый должен помнить, что его заблуждения, недостатки и страсти рано или поздно отзовутся, вместе с его голосом, в решениях коллегии, и могут повредить всему ее строю и целому поколению людей. Все это, конечно, идеальная сторона дела, и потому неудивительно, что первичные, вовсе не развитые, элементы нашей университетской коллегии мало подходили к идеалу, но они также мало соответствовали и требованиям коллегиального начала, рассматриваемого с чисто житейской точки зрения.

Неоспоримые преимущества этого начала состоят в том, что оно представляет более шансов на сознательную разумность действий, поддерживает в лицах стремление к достижению общей пользы и устраняет личный произвол. Но, несмотря на то, самое обыкновенное зло коллегий, заражающее нередко весь их организм, — это преследование личных интересов, которые имеют только то особенное, что они проявляются не под видом интересов одного, а нескольких лиц вместе, и потому разделяют коллегию на несколько партий. Этого рода партии не должно, однако же, смешивать с теми, которые образуются от различия направлений. Первые теряют из вида общую, главную цель коллегии, унижают ее достоинство, делают ее орудием мелких интриг и низких происков. Вторые, напротив, берут свое начало в сильном, часто страстном, нередко идеальном стремлении достигнуть общей цели, так что самые их заблуждения нередко носят на себе отпечаток высокого. Борьба их, если она ведена неискусно, иногда кончается катастрофой и разрушением целого, но не унижением, не нравственным бессилием.

Известно, как личности в коллегии, хорошо организованной, группируются по направлениям, как крайние из них расходятся направо и налево, как в самом центре образуются оттенки и незначительные переходы к крайностям и, наконец, все ведение борьбы основывается

на уменье стягивать группы, пользуясь их силой взаимного тяготения, делая взаимные уступки в пору, вовремя, и не во вред общей пользе и главной цели учреждения. Где все это делается, там, значит, коллегия живет уже полной, самостоятельной жизнью.

В нашей университетской коллегии есть также неизбежное разделение на партии, но формула этого разделения совершенно иная. Одну партию, не скажу, к чести коллегии, что она самая значительная, составляют преследователи личных интересов; вторую — прогрессисты, настоящие и кажущиеся; третью — равнодушные. Здесь есть также различие направлений, но основанием ему служит не одно и то же начало: прогрессу не полагается, как охранительная сила, консерватизм, а личный интерес, и центр составляет не умеренность в стремлениях, а равнодушие.

Прогрессисты выработали уже более отчетливый взгляд на свое призвание, на цель и значение коллегии; но они покуда меньшинство и сами еще распадаются, по резким оттенкам в направлении, на несколько малых и даже единичных групп. На них-то и обнаруживается сила тяготения двух других партий, и большинству нетрудно бывает, чрез некоторые уступки, разъединить эти группы. Против обаятельной силы личных интересов, если они проникли в большинство, устоять трудно. Еще легче ему бывает привлечь на свою сторону равнодушных. Близкое каждому личное расшевелит легче равнодушие, чем далекое, общее. Да и равнодушной я называю сторону коллегии только относительно, потому что она не так сильно и настойчиво проводит прогресс или личные интересы. Этот индифферентизм есть особенное явление, едва ли не исключительно принадлежащее только нам. Нельзя сказать, чтобы в числе равнодушных не было достойных личностей, охотно занимающихся для себя наукой; но это натуры или слишком добрые, флегматические и вялые, или напуганные и забитые превратностями жизни, или не имеющие вовсе общественного смысла. Их еще может разбудить личный интерес, но волноваться ради общественного и высшего им не под силу: особливо пугают их неизбежные крайности стремлений; а наука, которой занимаются иногда прилежно, настолько не одушевляет их, чтобы они могли увлечься этими стремлениями. В таком положении, вообще, теперь дело. Есть и некоторые варианты.

В наше время, конечно, прогрессисты не могли не воспользоваться привлекательной стороной их направления; возбужденные духом времени, они сгруппировались и сделались смелее. Но к их знамени нашли выгодным для себя примкнуть и некоторые из другой партии,

видя, что прогресс может сделаться хорошим проводником и личных интересов. Как это, впрочем, очень натуральное, явление ни затемняет светлую сторону дела, оно все-таки знаменательно для жизни коллегии, как и для жизни всего общества. Было время, когда знамя другого лагеря стояло в коллегии так высоко, что его нельзя было не заметить самому поверхностному наблюдателю. Было и такое время, когда университетская коллегия делилась только на два лагеря, по национальностям: на русских или малороссов и немцев. Прежде «немец» в нашей коллегии значил или авторитет в науке, слишком влиятельный по своим связям, слишком во всем отличный, не имевший ничего общего с другими, и потому ни с какой стороны недоступный; или же страшный оригинал в глазах русского; или, наконец, чиновник, обладающий — и в ведении коллегиальных, и в преследовании частных интересов — недосягаемой для русских аккуратностью.

Национальный элемент и теперь еще играет немалую роль; но в нем выражается уже более сознательно известное направление. Направления сближают теперь национальности; однако же и в наше время, в немецком элементе коллегии, и прогрессивность, и отсталость, и преследование частных интересов, и самое равнодушие имеют все-таки особенный оттенок. Взгляды на жизнь, и при одинаковости направлений, как-то не сходятся, и это-то, вместе с другими, внешними условиями, в каждой из трех партий коллегии заставляет тотчас же отличать русский и малорусский элемент от немецкого.

Понятно, что, при таком состоянии университетской коллегии, в ней не могло быть самостоятельной жизни. Правда, всегда велась, и даже сильно, борьба слишком крайних направлений и взглядов. Но участь решалась не самой коллегией, а за пределами ее власти. И прогрессисты, и искатели личных интересов искали ее в высшей инстанции, с которой коллегия не имела никакой духовной связи, а одну только чисто служебную. Можно себе легко представить, как это одно нарушало независимость и препятствовало развитию самостоятельной жизни, не говоря уже о том, что коллегии и законом не дано было достаточно независимой организации. Никто из членов не понимал, что для жизни и деятельности не все равно: решается ли возникшее в ней разногласие ею же самой или лицом, поставленным законом вне и выше ее. Партиям было все равно, как достигались их цели, тем или другим путем, лишь бы достигались. Даже и тогда, как разность направлений начала выражаться яснее, никому и в голову не приходило хлопотать о правильной, коллегиальной тактике, группировке партий и компромиссах. Искусства располагать большинство в пользу дела

разумными уступками, не вредя его сущности, этого искусства, без которого немыслима деятельность ни одной коллегии, никто не хотел знать. И то сказать: и служебные отношения, и законы, и начальство в коллегии были не таковы, чтобы могли развить и укрепить ее самостоятельность. Начальник, услышав о прениях, улыбался и говорил: «там у меня спорят», а секретарь решал нередко все по-своему. Искатели личных интересов, люди уже по своему направлению более практичные, делались и более влиятельными. Иногда же безгранично самолюбивый произвол клонился на сторону прогрессивного меньшинства. Иногда и без участия коллегии совершались дела истинно полезные для науки, но не для самостоятельной жизни коллегии. Университет был только по имени коллегией. Ни предание, ни общественное мнение, ни дух времени и науки не поддерживали слабых ее сил. При таких условиях нетрудно было развиться трем злым недугам: непотизму, апатии и бюрократическому формализму. Первым болеют и лучше организованные корпорации; расположение ко второй кроется в славянской натуре; третий родился от недостатка других, более высоких стремлений.

И вот мы, наконец, дошли до того времени, когда реформа сделалась для университета тем, что в лечении болезни называется жизненным показанием. Правда, не все терапевты этого мнения; некоторые еще предлагают выжидательный способ. Но старинное: «*anceps remedium melius quam nullum*»[1] — едва ли здесь не на своем месте. Тогда это будет третья реформа, которую переживают наши университеты в течение 50 лет. Первую из них можно бы было назвать, по Мухину, «кентрологической», потому что учение о стимулах служило ей основанием. Оно служило и к возрождению, и к рождению. Вторая полезна была только тем, что при ней, хотя и не через нее, вносились свежие силы в университет и изгонялось уродливо смешное. Кто вместе со мной вспомнит, как лет 35 тому назад мы ходили на лекции, чтобы посмеяться, тот поймет меня. Но, к сожалению, эта реформа взамен комического принесла печальное. Ее можно бы было назвать, по тенденции, антиколлегиальной. Третья должна сделаться коренной и жизненной.

Все согласны в том, что университет не может быть неколлегиальным. В самом деле, коллегия представляет более ручательств против личного произвола; в ней интересы каждой науки могут найти

[1] Безразлично действующее лекарство лучше, чем никакое.

своего представителя; ею поддерживается связь наук и вырабатывается направление учебной деятельности. Итак, если нет лучшей формулы для научного и учебного учреждения, то все внимание реформаторов должно быть обращено на организацию коллегии. Организующие постановления должны ее сделать сильной, прогрессивной и производительной. Почти все в том также согласны, что для этого нужна автономия. Автономия воспитывает коллегию; она дает ей более внутреннего содержания, но не уберегает от непотизма. Непотизм — болезнь всех корпораций — ведет к застою, застой — к упадку. Против этого зла есть только два надежные средства: общественное мнение и хороший резервуар свежих сил.

Но насколько у нас возможна автономия коллегии? Этот вопрос заставляет меня обратиться к другому условию, которое затрудняет возможность полной реформы. Как согласить полную автономию коллегии с началом централизации в государстве. Легко было учредителям средневековых университетов делать из них *status in statu*. Тогда государственное начало было слабо, и государи и папы смотрели на университеты как на сильные проводники своих интересов, и автономии нетрудно было развиться. Теперь — другое дело. В Старом Свете, кроме английского университета, не осталось уже ни одного с прежней автономией, да и там она уже сделала уступки.

Теперь в централизированном государстве вся автономия университета может состоять только в том, чтобы сделать его как можно менее бюрократическим и как можно менее зависимым от бюрократии. Автономия и чиновничество нейдут вместе. Ученый, стремящийся к независимости, это дело самое обыкновенное; чиновник с этим стремлением немыслим. Там, где ученые — чиновники, а их ученики — искатели чина, там сейчас родятся такие понятия и отношения, которые рано или поздно превратят учебное место в присутственное. В науке есть своя иерархия; сделавшись чиновной, она теряет свое значение. Говорят, что у нас, при существовании табели о рангах, вывести одни только университеты из этого строя, — значило бы унизить образование в глазах всех сословий. Но именно у нас, чтобы дать университету настоящую самостоятельность, и нужно поставить его вне всего иерархического строя. Пусть светится оттуда.

И что общего имеет деятельность корпорации, соединенной в одно целое духовными интересами науки и взявшей на себя нравственную обязанность просвещать, с деятельностью других гражданских сословий? Права этой корпорации — в свободе мысли и слова. Ее сила — в силе правды. Ее призвание сходно с призванием духовенства, которое

потому-то на Западе и получает и распространяет свое просвещение в университете. Как бы гражданственность и образование у нас ни были ничтожны, как бы почет и уважение ни были чиновны, как бы это чинопочитание ни было вкоренено в понятиях общества, — университет, поставленный вне табели о рангах, не потеряет своего достоинства. Напротив, его исключительное положение заставит скорее смотреть на него как на нечто высшее, более нравственное и более духовное! Теряя данное ему зависимостью, он выигрывает в самостоятельности. Тогда, и только тогда, результаты духовной деятельности коллегии заставят общество судить о ней не по правам ее на приобретение чинов, а по личным ее достоинствам.

И, наконец, согласимся, — не согласиться в этом нельзя, — что чины и права на них даны были нашему университету не столько для того, чтобы найти ему место в государственном строе, сколько потому, что законодатель считал их полезными стимулами. Применение к нему известной аксиомы — «*ubi stimulus, ibi affluxus*»[1] принесло, действительно, известную долю пользы, но вместе с тем и повредило внутреннему содержанию университета, поставив его в ложное положение. Теперь мы уже убеждены, что и без этого искусственного раздражения прилив свежих и здоровых соков не прекратится. И если кто первый в деле новом должен дать собой пример гражданского самообновления, то это, верно, университет. Выходя из строя, он выходит из ложного положения, приобретает самостоятельность и делается нравственно выше. Это не значит, что он делается вовсе бесправным. Во-первых, автономия, если ей дадут должные размеры, — уже настоящее и важное право; во-вторых, право на свободу мысли и слова, которым университетская коллегия всегда, везде и при самом стесненном положении общества пользуется в больших размерах; в-третьих, наконец, право раздавать и приобретать ученые степени и звания, которые, в свою очередь, должны иметь право на занятие известных мест и должностей. За эти три преимущества университет смело может отдать все свои чиновнические привилегии.

Автономия в широких размерах, как это и нужно при коренной реформе, может быть дана только университету децентрализированному. Тогда каждый университет мог бы сделаться высшей ученой и учебной инстанцией для всего края. Тогда и круг автономических действий в каждом из них мог бы быть различен, смотря по

[1] Где стимул, там и изобилие.

местным обстоятельствам, дознанным из опыта. На министерстве лежала бы обязанность контроля за законностью действий. Тогда и членам университета как высшей учебной инстанции нужно бы было предоставить участие в действиях местного училищного комитета. Министерство могло бы организировать контроль за правильным ходом университетского самоуправления также различно, не придерживаясь одной общей для всех формулы: чрез попечительства, ревизии, непосредственные сношения с советами.

При централизации границы самоуправления суживаются. Тогда каждый университет должен сообразоваться не с местными обстоятельствами, не с потребностями, не с убеждениями своего большинства, не с обычаем и преданием, но с общим для всех российских университетов уставом. Невыгоды такого порядка вещей очевидны, и они гораздо важнее, чем кажутся. Думают обыкновенно так: если ученой коллегии предоставлено слишком много самой распоряжаться, то стоит только испортиться большинству, — а это нетрудно, — и все пойдет худо; а ограничив ее различными предписаниями, распоряжениями и стеснив надзором ближайшего начальства, можно, во-первых, усилить голос лучшего меньшинства, а во-вторых, можно поправить и большинство. Все это правда. Но беда в том, что при этом способе худая коллегия, в сущности, все-таки останется худой, а будет только лучшей казаться. И если, несмотря на все административные меры, дело не пойдет на лад, то виноваты будут распоряжения и законы, а не лица. От этого ни университет, ни общество ничего не выиграют; главное зло останется злом, только скрытым, менее чувствительным, и в рану никто не положит пальца. Не лучше ли же будет, если в коллегии самостоятельной, при порче большинства, вся худая сторона дела обнаружится, как она есть. Тогда и обществу, и правительству можно будет ясно видеть, где кроется причина и что нужно делать. Тогда вся ответственность падет на лица. При такой автономии, которая даст коллегии возможность пользоваться всеми обстоятельствами для общей пользы, то, именно, и отлично, что в ней и хорошее, и худое как на ладони, спрятать трудно, отговариваться нечем. Кому много дается, с того много и взыскивается. Но если нашим университетам даны будут все настоящие преимущества автономии, то устав и не может быть, в сущности, для всех один и тот же; останутся только одни, самые общие для всех черты. В чем, в самом деле, заключается вся сущность этой автономии? Не в праве ли располагать по своему усмотрению бюджетом, распределять его различно, сообразуясь с потребностями; наблюдать за правильным его употреблением, выбирать

из своей среды распорядителей, иметь под своим наблюдением всю административную часть университета; распоряжаться своей учебной деятельностью в интересах науки и просвещения края; и, наконец, ответствовать в законности и правильности своих действий, непосредственно, перед высшей учебно-административной инстанцией?

Но все эти права могут ли быть даны совершенно в одинаковом размере и одинаким образом всем университетским коллегиям? И будет ли практично, вводя такую коренную реформу, рассматривать все наши университеты в их *statu quo* как учреждения ничем друг от друга не отличные, потому только, что они до сих пор руководствовались одним и тем же уставом? Не известно ли, что каждый из них все-таки имел такие особенности, которые не раз требовали отступлений, дополнений и даже изменений устава? Не видим ли и теперь, что в ином, например, влияет уже предание, в других его вовсе нет; одними интересуется уже общество, другими — мало; в одних ученая коллегия желает принудительного, в других — свободного учения; у одних бюджет больше, у других — меньше? и проч. и проч. Для чего не дать возможности каждой университетской жизни выработаться и проявиться по-своему? Разве мы не видим, какой благодетельный результат принесла просвещению Германии разнообразность ее университетов? Чем это будет противно, или вредно, нашему государственному устройству? Вводя новый порядок вещей, правительство не лучше ли может и наблюдать и сравнивать в разнообразии формул все их выгоды и недостатки? Не облегчится ли в будущем возможность улучшения, выведенная из результатов, добытых опытом и при условиях хотя и не одинаких, но все-таки сходных между собою?

Двумя правами, приобретаемыми автономией, наши университеты, как видно, не хотят воспользоваться вполне, считая их или не слишком важными, или опасаясь неурядицы, или, наконец, не доверяя себе. Это — право распоряжаться вполне бюджетом и учебной деятельностью. Хотят непременно заранее определенных штатов должностей и содержаний, присвоенных должностям. Про одинакость содержания лицам, посвятившим себя науке и ученью, я сказал уже, что это способ в принципе несправедливый, да и на практике нисколько еще не доказавший особенных преимуществ. У нас, как кажется, видят в различном содержании причину распрей и зависти; в германских университетах сидят один возле другого профессоры, получающие от правительства и сотни, и тысячи, — не ссорятся и не завидуют. Но и у нас принимают *de jure* и *de facto* различное вознаграждение; а распределяют его по званиям и должностям, считая это не то что справедливым,

а более спокойным. И у нас экстраординарный, ничем не уступающий ординарным, сидит спокойно вместе с ними; это в порядке вещей, потому что для него не открылась еще ординария, или потому, что он не доктор. У нас также никто не считает предосудительным, или неудобным, прибавку жалованья профессору, исправляющему две учебные должности; но никто не хочет допустить, что должно дать более содержания тому, кто вдвое должен работать и вдвое менее получать, или тому, кем университет должен дорожить. У нас еще непременно хотят все, даже научные заслуги и достоинства, ценить по штату и должностям. Также не хотят отстать и от штатного числа кафедр, говоря, что университет есть учреждение государственное, и если не определить штата, а принять принцип замещения по наличному числу достойных кандидатов, то главнейшие кафедры могут остаться вакантными, а другие — сделаться дублетами, — и тогда для государства нельзя будет образовать ученых по полной программе. Но ведь штат также не помогает против вакансий, — вакантные кафедры все-таки существуют, и это еще хорошо, что существуют; это значит, что наши университеты и теперь, без автономии, не чересчур легки на выбор, иначе охотники непременно бы нашлись. Но если хотят заправду дать автономию коллегиям, то прежде всего нужно им доверять; а доверяя, нельзя предполагать, чтобы постановления штата были сильнее убеждений коллегии, приобревшей автономию, или чтобы она не позаботилась всеми силами о замещении какой-нибудь кафедры основной науки, надолго оставляя ее вакантной. Если же и в этом нельзя положиться на добросовестность наших ученых, то нечего и хлопотать об автономии.

Если я привел как пример, что для образования и науки лучше пусть одна кафедра остается вакантной, если нет достойного кандидата, а другую пусть займут два авторитета, если они найдутся, то это и был только пример, точно так же, как и то было только примерное указание против штатного числа кафедр, что некоторые науки, вовсе не вошедшие в штат, могут, несмотря на него, родиться, а другие, вошедшие, умереть. Но пример, в сущности, совершенно справедлив, если только справедлив мой взгляд, что не кафедры, не штат кафедр, не имена наук и не отвлечения, а лица составляют главную силу и значение ученой и учебной коллегии.

Самостоятельная коллегия — это, значит, такая корпорация, которая берет на себя нравственную ответственность пред правительством и пред обществом распространять науку и просвещение. Чем свободнее она будет располагать своей научной и учебной деятельностью

и данными ей средствами, тем более на ней ответственности, тем более в руках ее условий оправдать перед лицом общества данную ей доверенность. Она сама определит свой ежегодный бюджет, сама назначит себе штат кафедр, в который, по крайнему своему разумению, включит, конечно, все, что считает необходимым, пользуясь примером и опытом других коллегий, не насилуя своих учреждений; она сама старается найти достойных представителей для каждой науки и, в случае продолжительных вакантных кафедр, замещает их сама же, временно, по найму, или другим способом. Короче, — делает все так же, что и теперь делается, только лучше теперешнего, потому что будет действовать с убеждением и как лицо ответственное. Этого нужно надеяться, или, без этой надежды, лучше не вводить автономию. Да и само государство, — принимая даже, что его интересы противоречат интересам науки, — когда более выигрывает: тогда ли, если университет ему даст подданных, научившихся хоть одной науке у дельных и талантливых наставников, или тогда, если он заставит их слушать и экзаменоваться у всех штатных посредственностей?

Я знаю, что и автономия не гарантирует от посредственности. Но в обоих случаях, и при автономии, и при штате, выбор — в руках коллегии; только в первом — ей предоставлено будет выбирать свободно по убеждению и по нравственной обязанности; а во втором — она принуждена будет это делать по предписанию и по штату. В котором же из двух случаев может встретиться скорее выбор с предикатом: «за неимением лучшего»? — Впрочем, нет никакого препятствия, и при полной автономии, каждому университету составить для себя, по его научным убеждениям, такой штат, какой ему кажется лучшим. И каждая автономическая коллегия должна отвечать перед государством еще более, чем неавтономическая, что она по всем кафедрам имеет достойных представителей науки. Ведь и при одном общем штате, который войдет, как закон, в устав всех российских университетов, все-таки этот штат составится учеными и профессорами, по их соображениям, основанным отчасти на свободе мнений различных университетов, отчасти на собственном убеждении.

Отчего же предполагать, что эти же самые университеты, когда от них потребовали, — то они могли составить для себя штаты, а когда это предоставили на их волю, то не могут? Или отчего предположить, что убеждения ученых составителей одного общего штата непременно справедливее убеждений, составлявших частные штаты? Разве Министерству народного просвещения, при несуществовании общего штата, труднее будет, чем теперь, убедиться, почему какая-

нибудь кафедра остается вакантной? Какая цель автономии? Почему само министерство убеждается, что она необходима для наших университетов? — разве не потому, чтобы возвысить нравственное достоинство коллегии, придать ей более силы? Чем же более, спрашиваю, может обнаружиться это достоинство, как не тем, что каждая коллегия будет сама заботиться о своем восстановлении и о целости всех, представляемых ею, научных интересов? Поэтому, чем более дадут ей средств выразить себя свободно, тем лучше, тем скорее можно будет о ней судить.

Мне всегда казалась односторонней тенденция предотвращать законом зло, а не развивать добро в гражданах, и направлять весь их разум только на уничтожение существующих или в будущем возможных злоупотреблений. Выходит обыкновенно так, что, как бы ни обдумывали и ни изощряли такое направление закона, — всегда окажутся непредвиденные лазейки. Еще более поразительно оно там, когда новый закон должен бы иметь главной целью поднятие нравственного чувства его исполнителей и возвышение их нравственного достоинства в глазах общества. Иметь же это в виду, в отношении университетской коллегии, и вместе с тем определять пунктуально ее штат — это значит самому себе противоречить.

Мы знаем все очень хорошо, что злоупотребления могут быть, и *все возможное*, если угодно, можно вычислить. Профессоры *могут*, если допустим их распоряжаться самим бюджетом, делить содержание между собой; тогда, чем меньше кафедр, тем выгоднее будет для них; *могут* нарочно оставить одну кафедру вакантной, чтобы посадить на другую двух — близких к сердцу; никто не согласится, пожалуй, признать другого, кроме себя, более достойным получать вдвое более жалованья; возможен и откуп на кафедры. Это все может быть; но тогда для чего же останавливаться и не предположить также того, что и выбор на штатные кафедры будет делаться за деньги, дипломы будут раздаваться также за деньги; короче — предположить лихоимство самыми обыкновенными пороками коллегии и все законы написать с целью самого энергического противодействия этому злу? Ведь мы все знаем, что оно и *a posteriori* не невозможно в коллегиях. Но ведь мы также знаем, что дело не в законе, который можно всегда обойти, а в совестливом и разумном контроле за исполнением закона. Кто же препятствует учредить такой контроль? Кто мешает не только иметь его в высшей инстанции, но поставить возле, сделать его живым и основать не на одном бюрократическом начале, а также и на жизненных интересах, в которых течет неисчерпаемый источник и зла,

и добра? Но про это — речь впереди; а теперь скажу еще одно слово про вознаграждение по заслугам, а не по должностям. Что имеет основанием правду, того нельзя не повторять, даже и опасаясь надоесть.

Если, в самом деле, бояться распространить автономию коллегии до такой степени, чтобы она сделалась оценщицей и судьей собратских по науке заслуг, — право, которое, в сущности, она и теперь имеет, когда возводит адъюнктов в экстраординарные, экстраординарных — в ординарные, ординарных — в заслуженные, — то почему же не вменить ей в обязанность и не дать ей возможности вступать в договоры с лицами, достойными занять кафедру, и о кондициях представлять на утверждение правительству? Неужели и тогда коллегия, опасаясь возбудить в себе зависть или ложное самолюбие, не захотела бы никого пригласить по договору, чтобы одному не дать более, чем другому? Известное *minimum* содержания могло бы быть определено, и было бы, положим, штатное; число кафедр для каждого университета, положим, также было бы определено; но коллегия, уполномоченная договариваться с приглашаемыми лицами, могла бы, с разрешения правительства, увеличивать это содержание на счет особых сумм, определенных законом для этой цели. Но и при такой ограниченной автономии коллегия должна полностью распоряжаться суммами, остающимися от штатного содержания, в случае вакансии, с тем только условием, чтобы эти суммы были употреблены в уплаты доцентам или приглашаемым преподавателям на время и по найму.

До сих пор вакантное содержание поступало или в экономию университета, или на прибавку жалованья профессорам, взявшим на себя обязанность преподавать предмет вакантной кафедры, и то не иначе, как с разрешения начальства. Университет от этого мало выигрывал. Доценты при университете должны бы, конечно, первые иметь право на временное занятие вакантной кафедры по найму, и если бы, наконец, из них никого не нашлось, то остающаяся сумма ни в каком случае не должна оставаться праздной или переходить в экономию, а расходоваться на приобретение учебных пособий по вакантной кафедре. Но все это будет одно только *pis-aller*[1] и должно уступить место полной автономии, как скоро ее принцип найден необходимым для жизни и благосостояния университета.

Итак, я тогда только увижу университетскую коллегию живой, сильной и прогрессивной, когда: 1) каждый из наших университетов

[1] На худой конец.

разовьет свою деятельность на просторе и на свободе; сам, по своим собственным убеждениям и применяясь к местным требованиям, распределит свой бюджет, с полной ответственностью пред лицом науки, государства и общества; когда: 2) сам определит вознаграждение за труды своим сочленам не по званию, не по должностям, а по личным достоинствам и заслугам в науке; когда: 3) сам докажет, что сумел оправдать полную к нему доверенность государства, удовлетворив всем требованиям науки, в лице ее представителей; когда: 4) наконец, взамен бюрократического элемента, с его формализмом, рангами и привилегиями, внесет в свою жизнь другой, ему родной — научный и духовный, доказав тем, что наука стоит у него выше предрассудков и самообольщения.

Как бы ни казался мой взгляд идеальным, но я не перестану утверждать, что в деле — духовном и нравственном, как просвещение, деятелям его нельзя доверять вполовину, и потому статутами нужно не ограничивать к ним доверенность, а направлять ее к известной цели.

Я знаю, что внутреннее состояние коллегии, которое я изобразил, действительно таково, что не может внушить полного доверия к ее деятельности. Скажу более: еще время очень близко к нам, когда проявлялись в ней такие черты уродливой отсталости и терпима была преравнодушно такая полная апатия к научным интересам, что, вспоминая об этом, невольно стыдишься за нее. Но, именно, все это зная из собственного опыта, и не должно увлекаться своим знанием к заключению, которое, казалось бы, неминуемо из него следует. Ведь если бы наша университетская коллегия была хотя издалека образцовой, то никто бы и не подумал делать над нею эксперименты. Условия, в которые она была поставлена, — мы видели, — были такие, при которых не могли в ней не развиться самые резкие, самые вопиющие недостатки. Теперь все дело идет только о том, должно ли удалить все эти условия, или наполовину?

Я убежден, что взгляд на полную автономию кажется идеальным не потому, что в основу его кладется полная доверенность к лицам, а потому, что он никак не подходит к нашим понятиям о государственном учреждении. Как, в самом деле, совместить коллегиальное, децентрализированное и вовсе не чиновное самоуправление ученой и учебной коллегии с государственной и иерархической централизацией? В какие отношения поставить ее к попечительству, к министерству, к обществу? Но мне кажется, что трезвость взгляда именно тогда и обнаруживается, когда смотреть прямо на цель. Если цель учреждения — такого рода, что исключительно требует свободы и самостоятельности для

благих проявлений своей деятельности, то и положение его в государстве должно быть исключительное; иначе это положение будет ложное, и никакие регламентации в мире не придадут живучести его действиям. Точно так же и с отношениями к высшим инстанциям.

Что такое попечитель университета? *De jure* — начальник, обязанный приводить университет в цветущее состояние, которое *de facto* зависит от его личного взгляда; одни из попечителей полагали его в увеличении экономических сумм, другие — в постройках и чистоте; все знали, однако же, что оно зависит и от состава коллегии. А чтобы улучшить этот состав, попечитель должен был вмешиваться в ее дела. Такое вмешательство лица, не обязанного, по закону, быть образованным в науке, не могло обходиться без произвола, ставившего его во враждебное положение к коллегии. Поэтому более умеренные ограничивались обыкновенно одним надзором за действиями коллегии и студентов, для которых попечитель был высшей, и полицейской, и судебной, инстанцией. Если теперь коллегия приобретет автономию и получит право сноситься непосредственно с министерством, то роль попечителя определится сама собой. Он делается контролером без права на *veto*; правительство же, по указанию опыта, может избрать и другую формулу контроля. Это значение мне кажется так очевидным, что я не понимаю, как те, которые столько заботятся об автономии, не хотят, между тем, отличить начальство от контроля. Остаются еще отношения попечителя к студентам. Но вопрос об этом решается различно, смотря по тому, останется ли университет централизированным или нет. Об этом после; здесь скажу только, что должность контролера, если на его руках будет надзор за ходом просвещения целого края, несовместна с должностью полицмейстера, которым непременно сделается тот, кто возьмет на себя надзор за студентами.

Скажу также, что теперь нельзя на этот контроль смотреть так легко, как прежде. Теперь нельзя думать, что за ходом просвещения в целом крае может следить всякий, кто только достиг, по своему званию или чину, известного положения в обществе. Дело, имеющее такое высокое и духовное, и нравственное значение, требует, кроме научной образованности и специальных педагогических сведений, еще особого призвания, без которого нельзя посвятить себя всецело занятиям, из всех самым сложным и самым трудным.

Отношения коллегии к высшей административной инстанции — Министерству просвещения — определяются также различно, смотря по тому, будет ли каждый университет руководствоваться своим уставом, или все, по-прежнему, получат один общий. В первом случае

министерству достаточно будет иметь одну совещательную комиссию экспертов; во втором — эта комиссия получит более административный характер. Сношения автономической коллегии с министерством будут, во всяком случае, непосредственные — это главное.

Контролер, или попечитель, следит за всеми дебатами совета, которые должны быть непременно гласные; требует от него еще и других, подробных указаний для каждого, более замечательного распоряжения, и сообщает министерству свои собственные заключения о делах университетской коллегии, нисколько не останавливая этим их хода и сношений с министерством. Если же однажды принято, что коллегиальное начало всего более соответствует свойству научных и учебно-административных дел, если принято также, что многие из них окончательно решаются в министерстве, то учреждение при нем совещательного ученого или учебно-административного комитета я считаю совершенно последовательным и необходимым.

Если университет останется централизированным, если автономия его будет ограниченная, — тогда решение какого-нибудь учебно-административного вопроса в одной коллегии будет непременно влиять на все другие; принятие какой-либо меры в одном университете нужно будет распространять и на другие; это — известное правило, неудобства которого также известны. В таком случае решать в высшей инстанции дела и распоряжения коллегии, имеющие такое обширное значение, простым бюрократическим, а не коллегиальным порядком, значило бы грешить против самого принципа. Поэтому учебно-административный комитет при министерстве, состоящий из экспертов, будет учреждением существенно необходимым.

Если пределы университетской автономии будут расширены, если каждый университет будет руководствоваться своим уставом, то коллегиальный комитет при министерстве будет также следствием того же принципа, но примет характер более совещательный. Составленный из специалистов в науке и экспертов, знакомых с университетами, комитет этот полезен не по одной только теории. Польза его доказана и на опыте. При Министерстве народного просвещения состоял уже подобный комитет, в ограниченном только размере, в 40-х годах. Это был временно медицинский комитет, под председательством д-ра Маркуса; я также в нем участвовал, и я думаю, что ни один из медицинских факультетов, которых дела передавались министром в этот комитет, не мог пожаловаться на наши суждения. — Почему? — понятно. Потому что в нем преобладал взгляд на факультетские дела не бюрократический, а научный, и потому, что все прогрессивные тре-

бования факультетов находили и поддержку, и дальнейшее развитие. Хотя при автономии университетов большая часть дел и будет решаться в советах и факультетах, но для министра совещательный комитет экспертов всегда будет нравственно необходим. Его необходимость особливо окажется, например, в том случае, если факультеты, несмотря на автономию, не в состоянии будут приискать дельных преподавателей для занятия вакантных кафедр, — а это может случиться, и правительство вынуждено будет само, или чрез те же факультеты, пригласить ученых, на особенных условиях. Конечно, такое учреждение нарушает принцип автономии университета, но настолько же, насколько он нарушается и существованием самого министерства. Как и из кого будет составлен этот комитет, — будут ли к нему приглашаемы академики или профессоры из различных университетов на известное время, — это дело иное. Он, как и все на свете, может сделаться и прогрессивным, и отсталым, смотря по выбору.

Принцип автономии еще менее совместим с правом министра назначать профессоров, признанным уставом при второй реформе университетов. Министры, как известно, пользовались им редко, — и вводить его в новый устав я не вижу никакой необходимости. Но если содержание профессорам будет назначаться не по должностям, а по достоинствам и по договорам, то за министром останется право утверждать эти договоры и приглашать известных лиц к занятию кафедр по факультетским представлениям или по представлениям ученого совещательного комитета, если бы факультеты не имели в виду ни одного достойного кандидата. Это делается и в германских университетах. Определив точно, какие дела могут быть окончательно решены в совете и факультете и какие должны восходить для решения на высшую инстанцию, можно только тогда, когда определено будет, останется ли университет централизированным, или нет. А этот важный вопрос, как кажется, мало обращает на себя внимания.

В понятии о централизации лежит уже стремление извлечь как можно более общего из частностей различных университетов, и потому понятно, что составители общего устава университетов всегда заботятся определить известное число кафедр для каждого факультета, с известным содержанием, число учебных часов и общее для всех разделение учебного курса. Для чего? Не для того ли, чтобы никто не отступал от постановлений, признанных для всех университетов необходимыми? Не потому ли, что отступление от них считается уже чем-то ненормальным? Если так, то каждое постановление, хотя несколько измененное, нарушает уже нормальность и может быть допущено не

иначе, как с разрешения высшей инстанции, которая одна и может судить, в какой мере это безвредно для целого. Допустить в таком общем уставе возможность для каждого университета или факультета делать какие бы то ни было отступления, не сносясь с высшей инстанцией, — непоследовательно. Правда, есть и общее для всех университетов одного государства, но оно заключается не в числе кафедр, не в бюджете, даже не в числе факультетов. Это общее — права, которыми университеты пользуются в государстве.

Направление, учебная деятельность и отношение к учащимся не могут и не должны быть во всех университетах одинаковы, потому что ни для одного из этих трех условий не найдено еще нигде абсолютной формулы. Она, может быть, для нас со временем и найдется. Но для этого ее нужно отыскивать путем опыта. А опыт, я уже сказал, тем скорее может удасться, чем более он будет многосторонен. И вот, вся задача для нас состоит, я думаю, не в том, чтобы составить один «общий устав российских университетов», то есть найти еще нигде не найденное общее, — а в том, чтобы найти на деле особенности для «каждого из российских университетов», которые бы сближали их жизнь с жизнью края. Чем свободнее, чем менее регламентирована будет их деятельность, тем яснее выразится характер каждого, и тем более каждый университет будет соответствовать потребностям общества.

Но все хорошее, что я сказал об автономии университета, нисколько не отвело моих глаз от худого. Я знаю очень хорошо, что она одна не предохраняет его от порчи и упадка. Нужно противодействие, но такое, которое, не мешая его свободной деятельности, препятствовало бы только развитию апатии, застоя и непотизма.

В нашем малоразвитом обществе, и особливо провинциальном, столько парализирующих условий, наша жизнь так скудна возбуждающими стремлениями, наше самолюбие так мелочно, искусственные его стимулы так мало приноровлены к духовным интересам, что у нас всего труднее уберечь университет от апатии и застоя.

Непотизм, с его системой протекций, существует везде, — у нас он только принимает иногда грубые и уродливые формы, доходя даже до лихоимства, которое, как известно, проявлялось не раз в наших университетах под видом пансионерства и т. п. Но против него или, по крайней мере, против его уродливостей, много уже подействует улучшение материального быта коллегии и правительственный контроль, обращенный не на соблюдение одной только законной формы, а на внутреннее содержание. Но несравненно труднее предотвратить апатию и застой, соединенные с непотизмом. Против этого сложного

зла, самого страшного для самостоятельной жизни наших коллегий, я считаю всякий эксперимент не только позволительным, но и единственным средством, обещающим хотя что-нибудь лучшее, так как употреблявшиеся до сих пор паллиативы: регламентация, предписанная законом заботливость начальства о процветании университета и т. п. оказались вполне несостоятельными. Есть два только средства, которые нужно испробовать: общественное мнение и конкуренция. Но где их взять? Начальство и регламент можно создать, а эти два развиваются не иначе, как сами собой. Это правда; можно, однако же, многое сделать для их развития.

Общественное мнение для университета может быть трех родов. Оно образуется или в ученом свете, или в образованной части общества, или, наконец, между самими учащимися. Наши университеты поставлены совершенно вне мнения западного ученого света; у нас в России сфера его покуда ограничивается почти исключительно самими же университетами и академией наук.

У нас мнение одного университета, несмотря на общий устав, или, как я думаю, вследствие устава, мало влияет на другой; между ними есть только одна формальная связь, — духовной же, или внутренней, не существует. Еще менее влияет академия на университет. Поэтому, гласность в университетских делах и съезды профессоров у нас, более чем где-нибудь, необходимы, если мы хотим развить общественное мнение нашего ученого микрокосма. Где и чем только можно, нужно способствовать у нас этому сближению. Я твердо убежден, что эта мера, сколько бы ей еще ни препятствовали наши дороги и расстояния, так же существенно необходима для просвещения, как и поездка за границу с ученой целью. То же самое думаю и о связи университета с академией. Мы живем в такое время, когда сильно чувствуется необходимость в сближении чисто научного и прикладного, научного и учебного. Слышатся нередко голоса, что наша академия, с ее чисто научным стремлением, поставлена в какое-то исключительное положение в России. Мне кажется, эта исключительность зависит именно от недостатка связи с учебной деятельностью наших университетов. А в этом-то отношении академия и могла бы иметь огромное и самое благодетельное влияние на наше просвещение. Я знаю, что укажут на Запад; знаю, что препятствия откроются не с одной стороны; но, тем не менее, я не перестану утверждать, что наши молодые ученые, имеющие в виду кафедру, гораздо бы лучше были приготовлены к дальнейшему усовершенствованию в заграничных университетах и лучше бы напитались научным духом, если бы на них было обращено внимание

академии. Правда, прежде был уже институт академических элевов. Но он погиб от несвоевременности. Итак, я полагаю, что и у нас можно все-таки развить общественное мнение ученого света, крайне необходимое для университетов.

Общественное мнение нашего образованного меньшинства также слабо. Если мы вспомним, что существование некоторых университетов едва известно обществу; если вспомним, что находились отцы, которые отдавали своих сыновей в пансионеры к профессорам с тем только, чтобы они их выручали на экзаменах; если, наконец, подумаем, каким малым, — да и то более наружным, — уважением пользуются наши профессора, сравнительно, например, с германскими, то, конечно, усомнимся в действительности нашего общественного мнения. Чины, при скудном жалованьи, вывели нашего профессора совсем из его колеи и приучили общество, крепко придерживающееся иерархического начала, смотреть на него совершенно с ложной точки зрения.

Большая часть ищущих университетского образования, это — дети лиц маловлиятельных в обществе; многие из них едва имеют насущное пропитание. Направление учебной деятельности каждого университета не приноровлено к потребностям общества; все это не могло его сблизить с университетами, и оно знает про них только с внешней, дисциплинарной, да еще бюрократической стороны; а разделение просвещения в государстве между различными ведомствами препятствовало обществу обратить внимание на университеты и гимназии как на главные рассадники просвещения. Сами университеты безгласные, несамостоятельные, но нисколько и не зависимые от общества, мало заботились о его мнении; они его знали также с одной материальной стороны.

Но если теперь настало для нас время новой жизни, если правительства убедились, что они одни не могут за всем усмотреть и все сделать для общества, то, значит, и пришло время поставить наши университеты в другие отношения к обществу. Сделав их сколько можно более самостоятельными, нужно их еще сделать общественными.

У нас наука — не то, что на Западе; на нее нельзя смотреть с одной только высшей точки зрения; нельзя видеть в ней и одну только прикладную сторону. Наша задача — обнародить ее всеми средствами, которые имеем под рукой. А их у нас немного. Если мы не употребим для этого и университетов и дадим им одно чисто научное, специальное, направление или сделаем их специально научными учреждениями, то — мы достигнем цели только вполовину.

И в Германии, где есть тысяча других средств распространить просвещение в обществе, университеты все-таки употребляются или сами себя употребляют для этой цели, и это не мешает им быть прогрессивными и в высших областях науки. Наши же университеты имеют только поручение от Министерства финансов, за известное вознаграждение, читать публичные лекции из некоторых прикладных наук (физики, химии, технологии), но это дело, как известно, идет очень вяло и по-нашему, т. е. как обязательное исполнение предписаний высшего начальства.

Почему только одни прикладные науки считаются полезными для публики? Почему в одних столицах только профессоры приглашаются читать публичные лекции по другим предметам, а в провинциях, — где это гораздо нужнее, — публичные университетские курсы не входят в обязанности университетов?

Наши университеты привыкли считать себя до того государственными учреждениями, что все их внимание сосредоточилось на одну подготовку для государства людей с дипломами, званиями и правами на чины, а на просвещение края и общества они смотрят, как на дело, для них вовсе постороннее. Из этого вышло то, что для чистой науки они оказались еще мало восприимчивыми, для прикладной — еще мало, а для общего просвещения — слишком много специальными, да еще и слишком замкнутыми. Между тем, прямое назначение наших университетов — это быть маяками, разливать свет на большие пространства и потому стоять высоко и светить.

У нас никто более самого университета не мог бы развить общественное мнение, если бы он взял на себя обязанность разъяснять обществу все интересующие его вопросы, которых теперь немало.

Теперь, когда подняты и крестьянский, и юридический вопросы, и вопрос о народном образовании, — университеты живым голосом могли бы распространять в обществе более здравые понятия и более убедительно, чем журналы и книги.

Нужно увеличить влияние университетов и на гимназии; это также усилит их связь с обществом. Я считаю, в этом отношении, попечительские советы, педагогические институты и съезды учителей в университетских городах важным шагом вперед; но мне кажется, на них смотрят еще легко и на деятельность их не обращают довольно внимания.

У нас нельзя средние училища так резко отделять от университета, как на Западе; нам нужно стараться связать их еще сильнее. Словом, нужно все употребить, чтобы сблизить общество с университетом и

развить общественное мнение, необходимое для его жизни. Все меры, однако же, без гласности будут непрочны. Так, реформа какого бы то ни было учреждения, если она должна сделаться действительно коренной, непременно возбудит множество других вопросов, по-видимому, не имеющих к ней никакого отношения. И вот мы видим, что коренное преобразование нашего университета, без решения вопроса о свободе мысли и слова, невозможно. Прежде всего нужно сделать науку независимой, а потом, чтобы противодействовать апатии и застою университета, и нужно поощрять гласность к участию в университетской жизни.

Меня удивляет, например, почему наши журналы так мало знакомят с содержанием профессорских лекций и так редко подвергают их критическому разбору. Нашлось бы много такого, что, верно, заинтересовало бы публику; нашлись бы и настоящие *curiosa*. Автономия без гласности немыслима; без гласности она не устоит против своего начала, выродится и вынесет на свет одни недостатки.

Также немыслим автономический университет и без общественного мнения учащихся. Есть на свете худые книги, которые много читаются, и худые лекции, которые слушаются. Но если книга вовсе не читается и лекция никем не слушается, то хорошими их назвать нельзя; в них, верно, есть что-нибудь не так. И мнение читателей и слушателей всегда нужно узнать. Мнение слушателей имеет, конечно, свою слабую сторону, на которую и налегают противники. Им бы хотелось, чтобы заставили читать и заставили слушать, что не читается и не слушается. От этого, однако же, если кто выиграет, то уж, верно, не просвещение. Слабая же сторона заключается, во-первых, в том, что аудитория, может быть, еще не доросла или, что все равно, профессор перерос аудиторию. В этом случае, разумеется, ни он, ни она не могут остаться довольными друг другом. Но очевидно также, что и ни он, и ни она не виноваты, и тут нужно одно из двух: или поднять, или спуститься. Если же сам преподаватель не может сделать ни того, ни другого, то при свободной конкуренции и при свободном учении найдутся другие, а если только слушатели будут этим подготовлены, то без сомнения аудитория непонятого прежде профессора не останется пустой, лишь бы он был точно дельный.

Чем более, впрочем, гимназическое учение будет приноровлено к требованиям университета, тем реже могут встретиться подобные случаи. Во-вторых, говорят, нельзя основываться на мнении слушателей, потому что это значит вводить в искушение преподавателей. Немногие из них не соблазнятся угодить своей аудитории и приноровиться к ее

вкусу. Но это возражение направлено против слабости человеческой натуры вообще. Мы видим, что и там, где коллегия, не обращая никакого внимания на мнения слушателей, безразлично смотрит на профессора с пустой и на профессора с полной аудиторией, все-таки немногие находятся, которым бы не было приятно видеть у себя более слушателей, а для этого иные стараются также привлечь на свои лекции, а иные не стыдятся жаловаться начальству на пустоту аудитории. Этот *horror vacui*[1] свойственен одинаково и прогрессистам, и отсталым. Желать и заботиться, чтобы привилось слушателям только содержание науки, это прекрасно; но требовать это, во что бы то ни стало, невозможно. Для этого нужно еще воспитать свою аудиторию, а это дело дается не всякому. Принудительные же меры не помогают. Прежде для такого воспитания заставляли насильно слушателей являться на лекции, перекликали и запирали их на ключ, вместе с профессором, но и это ни к чему не повело; потом экзаменовали по нескольку раз в год, — это заставляло учиться для экзамена, а аудитория все-таки не воспитывалась. Теперь, верно, не наберется много охотников испытать эти меры. Всего опаснее, наконец, когда слушатели начнут оценять профессора по его политическим убеждениям. Это зло есть верный признак настроения умов в целом обществе, и оно никогда не берет своего начала в университете; оно никогда долго не господствует в университете, а является периодически и сопровождает перевороты и переходы. И потому, имея его в виду и преувеличивая его значение, вооружаться против общественного мнения учащихся — значит вырывать вместе с сорной травой и хорошую. Нет, университет обязан прислушиваться к их голосу, в котором, несмотря на все увлечения, он всегда услышит довольно правды, чтобы оценить достоинство своих преподавателей, и этот голос будет для него всегда одним из самых верных средств против отсталости и застоя. Университет же автономический без него вовсе неосуществим. Только благоразумию коллегии должно быть предоставлено пользоваться этим средством в меру и в пору.

Основать суждение о достоинстве профессора на одном мнении аудитории было бы и не у нас несправедливо и ненаучно; не слушаться его вовсе — нелепо. Кроме отсталости и худого способа изложения науки, о которых слушатели судят верно, по сравнению с другими лекциями, иногда грубые выходки и пристрастие при испытаниях

[1] Боязнь пустоты.

вооружают учащихся против наставников; строгая же справедливость делает это только в том случае, когда другие экзаменаторы слабы из равнодушия, худо понимаемой снисходительности или заискивания ложной популярности. Но все это делается скоро известным, и виноваты, очевидно, не слушатели, а коллегия профессоров. Пусть она скажет себе: «врачу — исцелися сам» и действует, — как? — это ее дело; для этого ей и дается автономия.

Итак, в настоящее время нельзя не допустить слушателей в наших университетах к заявлению их мнений. Нужно только придумать для этого самую удобную формулу. Аплодировать в знак одобрения, как известно, в обычае у французских студентов, стучать пальцами по столам — у немецких; это допущено и считается только в особенных случаях демонстрацией. Напротив, свистать, шикать и стучать ногами, в знак порицания, принимаются всегда за демонстрацию, хотя на так называемое «*heraustrommeln*» профессора в некоторых германских университетах смотрят довольно снисходительно, и дело, обыкновенно, кончается примирением. Как бы эти обычаи ни казались ригористам несоответствующими достоинству науки и слишком рассчитанными на эффект, но они ввелись и их никто не считает вредными. У нас в университетах этих обычаев прежде не было, и потому не было на них ни запрещения, ни дозволения; а теперь — стали привлекательны. Привлекательно в них, конечно, право на выражение своего чувства и своего мнения, которым всякий желал бы пользоваться. Худого в этом праве, если оно не клонится ни к чьему вреду, нет; худое — в его злоупотреблении. Верным средством против этого-то злоупотребления и считается абсолютное запрещение всех знаков одобрения и порицания. Запретить легко; но запрет придает порывам простого одушевления, иногда непроизвольным и вовсе незлобным, серьезный характер неповиновения закону. Я сам в молодости не раз аплодировал в парижских госпиталях хорошо сделанной операции, и сам слышал с удовольствием, как мне аплодировали. Хотя в доме болезней и страданий шумные выражения каких бы то ни было чувств вовсе неприличны, но я хлопал и мне хлопали вовсе не думая и не видя ничего худого, а просто увлекаясь. Другое дело — выражение порицания на лекциях. В этих выражениях заключается действительно худое — обида личности и самолюбия, иногда вовсе незаслуженная и возбуждающая противодействие. Порицание — всегда демонстрация, оскорбляющая достоинство и противная закону. Но, во всяком случае, мне кажется более надежным не формально запрещать, а предоставить все дело благоразумию каждого наставника.

Каждый должен нравственным своим влиянием охранять достоинство науки, порядок и тишину аудитории. Допустим, однако же, с ригористами, что все эти внешние выражения чувств на лекциях вовсе неуместны; согласимся, что аудитория — не для чувств, а для мысли. Тогда все-таки нельзя отвергать у мыслящей аудитории права на мнение. Я знаю, что не все так думают. Я знал, например, некогда одного заслуженного профессора, который советовал новичкам в деле преподавания как лучшее средство против застенчивости считать свою аудиторию вовсе глупой, сам же он гласно объявлял своим слушателям, что они — бараны. Да и недавно я слышал от одного ученого, что даже посланные университетами за границу не могут составить себе мнения о достоинстве лекций, которые они посещают. Но я уверен, что такие взгляды не возьмут верх при реформе наших университетов.

Итак, все-таки нужно будет дать университетской аудитории возможность выражать если не чувства, то мнение приличным и законным образом. Иначе нужно ожидать выражений незаконных, взрывов и беспорядков. Где коллегия внушает к себе полное доверие в учащихся, там аудитория слепо верит в достоинство преподавателей, там никто не заботится отыскивать формулу этого выражения. Но у нас избрать этот путь — значило бы попасть в *circulus vitiosus*[1]. Мы именно о том и хлопочем, чтобы создать еще коллегию, внушающую доверие.

При гласности аудитория может выразить свое мнение печатью; но и не доводя до этого, ей нужно дать право высказываться пред коллегией или пред лицом ее представителей. Это право еще необходимее там, где преподаватели — вместе с тем и экзаменаторы. Аудитория может изложить свои требования на письме или словесно, чрез депутатов.

После общественного мнения остается еще конкуренция как самое надежное средство против коллегиального *непотизма* и застоя. Из всех средневековых учреждений корпорация профессоров подвергалась менее всех нападкам современных стремлений. Если и образование осталось до сих пор принадлежностью меньшинства, то наука осталась занятием еще меньшего меньшинства; и только там, где научные стремления перешли границы требований и общества, там уже успел развиться ученый и полуученый пролетариат. У нас, сверх ожидания, он также начинает обнаруживаться, но не от избытка научных стремлений, не от недостатка в охранительной силе корпорации, а от искусственной системы, на которой построены наши учебные

[1] Безвыходное положение.

учреждения. Они — то манили к себе правами, доставлявшими пропитание только тем, которые вступили в государственную службу, то увеличивали не в меру число студентов, соответствовавшее потребностям общества только во время катастроф. Бедняки всего более привлекались в некоторые факультеты наших университетов, отыскивая в них свою будущность. И вот, мы видим уже врачей, которых едва уже доставало во время войн и холеры, теперь без куска хлеба и вовсе лишних для населений, которые не лечатся. Видим и учителей, и чиновников без мест, а между тем, все-таки чувствуем недостаток в образованных людях.

Конкуренция у нас всегда и везде распределена страшно неравномерно: где ее слишком много, где ее совсем нет. Так и в нашем университете. Число студентов растет непомерно, а конкуренции для профессоров совсем нет, и профессорская коллегия страдает не только застоем и непотизмом, но еще и атрофией. Причину этого явления объяснить нетрудно. Учатся в университетах не только у нас, но и везде большей частью для хлеба и других материальных выгод. Мы это видим, например, и в Германии. В германских университетах число студентов с каждым годом уменьшается именно по этой же причине, по которой в России оно увеличивается. У нас бедняку, хотя несколько образованному, дорога чрез университет кажется еще самой выгодной, потому что действительно у нас другой для него почти нет; в Германии же открылось множество реальных школ, а места на государственной службе все заняты с излишком, и учащиеся отхлынули от университетов в другие технические учебные учреждения, имея в перспективе должности по частной службе. Итак, университетская коллегия для своего укомплектования может рассчитывать только на самый малый процент из числа учащихся. Процесс образования профессора совершается не так скоро; по времени он равняется, по малой мере, времени образования двух студенческих поколений. Единственное место для образования профессоров в России составляет почти исключительно университет, и то для многих наук пополам с грехом; а посылать за границу коллегии часто не имели ни права, ни средств. С другой стороны, охранительные корпоративные меры заслоняли к ним вход. Мудрено ли после этого, что им грозит дефицит. При таких условиях, если бы каждый из членов, совершенно отрекшись от эгоизма и забыв его правило: «*après nous le déluge*»[1], стал всеми силами заботиться о замещении

[1] После нас хоть потоп.

своего места молодым ученым, то и тогда бы это дело было нелегкое. Что же теперь можно переменить из этих условий? Очевидно — не время и не место образования. Нельзя также заставить насильно профессора, чтобы он готовил себе будущего преемника, хотя и можно бы было его подстрекнуть к этой нравственной обязанности. Следовательно, остается только или открыть более вход в коллегию, или образовать возле нее другую, менее корпоративную, с входом в нее более открытым, или же, наконец, допустить обе меры вместе. Очевидно, что одно ослабление корпоративно охранительной системы если и увеличит число желающих вступить в коллегию, то все-таки не будет еще надежным средством против непотизма и апатии. Нужно еще для этого создать оппозицию на самых естественных и самых нравственных началах.

Нужно покровительствовать состязанию свежих сил с застоем. Поэтому учреждение института доцентов при наших университетах сделалось общей потребностью. Но сущность его представляют себе различно. Одни смотрят на него просто как на суррогат старого адъюнкта. Адъюнкт долгое время рассматривался в наших университетах как казенный исполнитель поручений профессора по учебной части — читал составленные им записки и продолжал, по случаю болезни или отлучки профессора, прекращенные лекции; потом он сделался самостоятельнее, исправлял должность менее зависимо, но никогда не принимал участия в делах коллегии, и только иногда призывался в факультет для совещаний по своему предмету. Избранный обыкновенно по одной рекомендации своего патрона, он довольствовался своим незавидным положением, только имея в виду, что рано или поздно он все-таки сделается сам профессором или опять чрез покровительство, или уже по привычке к нему всего факультета. Особенных побудительных причин к усовершенствованию себя в науке не было; главный расчет был основан на покровительстве. Профессору, даже с высшим взглядом на свое призвание, было как-то неловко отказать человеку в протекции, которого он сам же взялся вывести в люди. И *tacito consensu*[1] было принято, что адъюнкт должен со временем занять место в коллегии. Были, разумеется, блестящие исключения; но вообще этот взгляд на адъюнктство, я думаю, справедлив. Итак, его нельзя рассматривать как рассадник свежих сил, стоявший возле коллегии и заключавший в себе все условия, необходимые для конкуренции. Другие допускают организацию доцентов в смысле германских университетов.

[1] Молчаливое согласие.

В Германии доценты по большей части подвергаются тяжким условиям для вступления в коллегию профессоров, и конкуренция здесь очень далека оттого, чтобы ее можно было назвать, хотя приблизительно, свободной. Для Германии такой взгляд совершенно справедлив. У нее столько конкурентов, что в особенных льготах и в образовании особенного института не было никакой надобности. И поэтому у нее доцентство находится совершенно в руках коллегии.

Для молодого ученого в Германии уже большая награда, если ему коллегия дозволит состоять при ней без всяких других материальных выгод, в надежде обратить на себя ее внимание, и надобно удивляться, как некоторые из доцентов, люди бедные, существуют, прилежно занимаются наукой, и еще пишут, при самой малой аудитории и при самом незначительном гонораре. Есть такие, которые живут так же, как бедные *студенты*. Без протекций также не обходится; но общественное мнение уже так сильно, что больших непотических промахов сделать нельзя или, по крайней мере, трудно. К нам, очевидно, эта система доцентства нейдет. У нас, в подражание Германии, хотели ее вывести, да еще и вместе с адъюнктством; но эта попытка, как известно, не удалась. Теперь же, кажется, все уже поняли, что доцентство и адъюнктство несовместимы. Я еще в 58-м и 59-м годах представлял об этом мое мнение министерству. У нас должно организировать или, лучше, создать эту естественную конкуренцию на началах более широких, чем в Германии.

Начнем с того, что у нас студенты вообще беднее. В Германии священники, адвокаты, врачи и чиновники, посылающие своих детей в университеты, относительно имеют более средств, чем наши; потому что жизнь для человека, ищущего образования, дешевле и приспособленнее, а университеты ближе. У нас многие, по бедности, не только не могут оставаться в университете так долго, чтобы получить высшую ученую степень, но едва оканчивают курс, перебиваясь с трудом и теряя время, в ущерб образованию, на частные уроки и другие средства к пропитанию. Таким студентам, конечно, редко приходит в голову ученая карьера; богатые избирают ее еще реже, а людей среднего состояния немного.

Итак, главным средством для того, чтобы увеличить число искателей кафедр, представляется с первого взгляда вспомоществование кончившим курс, если они пожелают остаться при университете. Но с этим средством вносится в университет филантропический элемент, который неосторожно трогать нельзя. Если введутся стипендии, то должно ввести и конкурс. Я сейчас скажу — почему.

Конкурс до сих пор не удавался, так же как и доцентство; поэтому у нас ему мало доверяют. Но он не удавался потому, что не было конкурентов; так на нет и суда нет. Если же будут введены стипендии, то конкуренты найдутся, я не сомневаюсь; какие? — это другой вопрос. Но одних стипендий мало, чтобы увеличить число желающих серьезно заниматься наукой. Для этого нужна еще живая сила: это — деятельность представителя науки, профессора. И на Западе, и у нас, везде заметно, что это число растет в прямом отношении к таланту преподавателя, его занятиям и уменью привлечь к науке. Теперь готовится новое поколение профессоров; на них будет лежать эта обязанность, и надобно надеяться, что они поймут ее значение. Им нужно будет позаботиться, начиная свое поприще еще не с увядшими силами, привлечь к науке так, чтобы после можно было кого выбирать. Я знаю, что не только не все профессоры, но и не все науки пользуются одинаково привлекательной силой. Кроме этой силы и кроме конкурсов на стипендии, есть еще одно материальное средство возбудить желание к доцентству: сделать перспективу ближе и лучше. Перспектива — это профессорство. Если вступление в него будет *легче*, а материальный быт *лучше*, то охотников, разумеется, будет больше. Но первое имеет ту важную невыгоду, что может нарушить достоинство корпорации, охраняемое замкнутостью. Охранительная система вредна для международных отношений, но в ученую корпорацию без паспорта впускать нельзя, — это аксиома; вопрос только в том, как его выдавать. Я думаю, так: диплом университета и другого высшего учебного заведения дает право на доцентство, но не право на стипендию, если получивший диплом уже прежде не обратил на себя внимания университета своими занятиями и дарованием.

Вступающий в институт доцентов получает право на конкурс и гонорар, но с этим вместе становится под контроль университетской коллегии и отвечает перед законом за направление, если оно окажется вредным. По прошествии известного срока, который определит сама коллегия, он получает и право на стипендию, если она его найдет достойным. Мера достоинства определяется числом слушателей, литературными, другими научными трудами доцента и значением для университета излагаемой науки. Если окажется несколько претендентов на вознаграждение, то объявляется конкурс. Если кто из таких приватных доцентов желает сделаться *штатным*, т. е. получить право экзаменовать на степень, то он должен сам иметь диплом на высшую ученую степень и, сверх того, подвергнуться конкурсу, даже в том случае, когда не будет других конкурентов. Правом голоса на экзаменах

пользуются и те приват-доценты, которые по недостатку стипендий не могли получить вознаграждения от университета, а между тем, исполнили два других условия. Лица, и не бывшие приват-доцентами, но имеющие высшую ученую степень и подвергавшиеся конкурсу, делаются штатными доцентами с правом на стипендию. Правом голоса в факультетских собраниях пользуются только те штатные доценты, которые состояли при университете не менее двух лет, и имели слушателей не менее профессора в это время. Штатный доцент, приобретая право экзаменовать, вместе с тем, принимает на себя обязанность преподавать известные предметы по указанию факультета и пользуется за это стипендией и гонораром. От факультета зависит принимать доцента и ранее в число членов и даже избирать в профессоры, если он представит несомненные доказательства своих достоинств. Число стипендий каждый университет определит сам ежегодно в своем бюджете, который утверждается министерством. Он принимает также и пожертвования частных лиц на этот предмет. Предмет преподавания, объем его, число часов, способ преподавания определяются самим приват-доцентом по частным договорам с слушателями. Гонорар же определяется, как и для профессорских лекций, по числу часов и получается через университетское казначейство. Университет дает свои аудитории, а учебные пособия выдаются приват-доцентам не иначе, как по определению коллегии. Снабжение же учебными пособиями штатных доцентов обязательно; только редкими или дорогими для науки и по цене собраниями, инструментами, препаратами и т. п. они пользуются не иначе, как по согласию с директорами музеев. Если же предмет преподавания требует упражнений в каком-нибудь специальном заведении (лаборатории, анатомическом театре), то издержки покрываются слушателями наравне с другими в пользу заведения. Права на стипендию остаются за доцентом, не принимающим еще участия в делах коллегии, до тех пор, пока аудитория его не опустела. Число приват-доцентов неопределенное; число доцентов-стипендиатов зависит от сумм, которыми будет располагать университет.

Итак, один университетский диплом открывает вход к доцентству при университете; другой, вместе с конкурсом, дает право на вступление в коллегию. Из этого видно, что я, во-первых, принимаю только два ученых звания; во-вторых, считаю конкурс необходимым условием и для получения стипендии, и для получения других коллегиальных прав; в-третьих, наконец, открываю простор конкуренции, а вместе с тем стараюсь охранить и права корпорации, давая возможность доцентам получать их постепенно или по мере заслуг.

Я знаю, — два диплома, два ученых звания, это покажется у нас мало. Но посмотрим на дело без всякого предубеждения. Не правда ли, что существует только два рода экзаменов: на должность и на звание? Первый, собственно, не касается университетов, и в Германии так называемый *Staatsexamen*[1] делается весьма рационально, в особенных комитетах, составленных из специалистов и чиновников. У нас, по недостатку в способных экзаменаторах, нельзя еще этого сделать, по крайней мере в провинциях. Второй — есть существенное право университета, но несущественное условие для получения ученого звания, потому что оно может и должно приобретаться и другим путем, без экзамена.

Всякий, кто научно-литературными трудами, опытностью, талантом приобрел себе имя в ученом свете, имеет и нравственное право на ученое звание. Испытывают не того, кого уже знают, а того, кого не знают; иначе экзамен теряет всякий смысл. Но должности разделяются на разряды; и ученые звания, говорят, также нужно разделить на степени, и каждую из них определять экзаменом. Для чего же это нужно? Что значат эти различные степени ученого звания? Открывает ли у нас каждая из них путь к известной должности или просто служит школьной меркой научных познаний? Первое, хотя и не касающееся университета, имело бы еще практическое значение, но известно, что у нас ученые степени не составляют еще необходимого условия для занятия государственных должностей; второе не имело бы никакого применения к жизни. На деле выходит, что эта градация человеческих сведений была вызвана табелью о рангах, без которой наши университеты не могли до сих пор обойтись. Но если пришла уже пора научной самостоятельности университета, без искусственной приманки на чины, то разные степени на ученые звания теряют свой смысл. Останется только одна, которая дает право на вступление в ученую корпорацию; она везде называется докторством. Она одна, потому что вопрос, на который она отвечает, при экзамене, один, и именно такой: может ли испытуемый, по его сведениям, научным заслугам, вступить в корпорацию? Она отвечает: да. Все прочие степени, как бы они ни назывались, будут званиями на должность, которые мы только по нужде удерживаем при университете. Очевидно, чем менее их будет, тем лучше для него.

Ведь, кроме Китая, нигде нет экзаменов на все бесконечные разряды должностей. Но, допустив одну только ученую степень, — мне

[1] Государственный экзамен.

скажут, — мы сделаем именно, то, чего стараемся избежать; мы или слишком затрудним вход в университетскую коллегию, если экзамен на эту степень будет очень требователен, или слишком облегчим, если он будет слаб; а избежать этих крайностей трудно, когда не будет других, средних и низших, степеней. Мы убедились, скажут, из опыта, что требовать для профессуры докторской степени стеснительно, и потому мы хотим открыть к ней дорогу магистрам; как же можно уничтожить эту степень? Но, при всех этих расчетах, мне кажется, нас стесняет чин.

Нам трудно представить, чтобы можно было разом шагнуть до VIII класса, не прошедши прежде хоть нескольких ступеней иерархической лестницы. Это, я полагаю, и было когда-то главным возражением против права держать прямо на доктора медицины. Президент временного медицинского комитета, я помню, должен был, при введении нового устава об экзаменах врачей, математически доказывать, что они без этого права будут обижены в чинопроизводстве на службе. Теперь возражают уже другое: говорят, что университет, раздавая студентам докторские дипломы, унижает ученое достоинство и распложает не в меру докторов медицины.

Теперь хотят поправить слабость экзамена, зависевшую совершенно от факультета, несправедливостью, и запретить, чтобы никто не смел шагать слишком скоро, несмотря на способности и средства. Как будто закон мало требовал от экзамена; как будто запрещалось испытывать строго и беспристрастно? Забыто и то, что, 20 лет тому назад, я высказал в обстоятельной записке к уставу. Никто не хочет понять, что уже первая медицинская степень дает самое существенное право — на жизнь и смерть; а достигнуть его, учась 5 лет и выдержав один экзамен, считают возможным.

Никто не верит, что ученость, как она ни трудна, делается еще труднее, когда требует опыта и искусства. Рассуждают так: чтобы сделаться ученым в медицине, нужно не менее 7 лет и двух экзаменов, а лечить может и не ученый, проучившись только 5 лет и выдержав один экзамен. Самое трудное, и то, что требует много опыта, знания и искусства, — то сначала. Немцы — так те делают наоборот: они сначала дают степень доктора, а право лечить — после. Наконец, забывают, что прежде, когда медицинский факультет не имел права делать студентов докторами, докторов, правда, было меньше; но они не были лучше, и ни наука, ни просвещение ничего не выигрывали. И эта сбивчивость взгляда все оттого, что чины помешали нам отличить звание от должности. В университете без чинов различие разъяснится. Доктор, какого

бы то ни было факультета, — это звание, с которым не соединено понятие о какой-нибудь определенной должности. Учитель, профессор, лекарь — это должность с определенной обязанностью. Звание — это только цена на должность; а чтобы получить ее, нужно еще подвергнуться выбору, экзамену или конкурсу. У нас до того понятия о звании и должности смешались, что, лет тому назад 25, университеты производили лекарей, а совет при Министерстве внутренних дел — докторов. Эта сбивчивость довела нас до того, что мы и теперь во всяком докторе медицины непременно хотим видеть и лекаря. От этого выходит, что у нас и анатом, и физиолог непременно должен быть и лекарь. Механизм чинопроизводства, с его постепенностью, применился у нас и к университетским экзаменам. Как никто из нас не может себе представить коллежского советника, который бы не был сначала титулярным и надворным, так мы не можем себе представить и доктора, который бы прежде не был кандидатом и магистром. Не так давно еще у нас в университете было столько же степеней; и званий (числом 13), сколько чинов по табели о рангах. К чему же это служило с научной или учебной точки зрения?! Защитники этого порядка вещей видят в нем поддержку значения и ученого достоинства каждой степени. Судя по этому, нужно бы было думать, что наш доктор, прошедший всю ученую иерархическую лестницу и выдержав целых четыре экзамена (на степень действительного студента, кандидата, магистра, доктора), — это верх учености; что почти все наши профессоры — самые лучшие представители европейской науки, что они, по крайней мере, втрое и вчетверо стоят выше германских профессоров, из которых большая часть в целой жизни держала не более одного или двух экзаменов на степень. Опыт, однако же, сколько это ни противно нашему самолюбию, не подтверждает такого предположения. Значит, экзамены не имеют такой спасительной для науки силы, которую мы им приписываем. Значит, цель, которой мы хотим достигнуть, увеличивая число экзаменов, — чисто механическая.

Мы хотим механически, одной численностью испытаний и количеством времени, затруднить достижение высшей ученой степени, требуя, например, от доктора трех экзаменов и 8 или 9 лет учения. И действительно, немногие пользуются возможностью приобрести это звание. Но не доказывается ли этим полное недоверие закона к экзаменаторам, или экзаменаторов — к самим себе? Не должно ли заключить из этого, что мы отказываемся решить одним экзаменом, достоин ли такой-то, по его сведениям и способностям, получить звание доктора; и потому прибегаем к повторению, с увеличением каждый раз

наших требований. Но, я знаю, мне скажут, что несколько различных экзаменов нужно удержать для тех, которые захотели бы остановиться на одном из низших и не идти выше. Но для чего же тогда сохранять такую постепенность? Для чего не рассудить, например, так: из четырех степеней две (магистр, доктор) открывают дорогу в университетскую коллегию и на службу, а две — только на службу; в каждой из двух, исключая разницу в чинах, только одна имеет существенные преимущества; так, магистры и доктора имеют оба одинаково право быть членами ученой коллегии; оба могут быть прямо определены в департаменты и канцелярии министерств и отдельных главных управлений; и действительный студент с кандидатом, оба, не имея прав первых двух степеней, могут быть определены по всем гражданским ведомствам, к одним и тем же должностям. Следовательно, из четырех степеней, существенно различных, две: одна — более служебная, другая — более ученая. Правда, покуда различие между ними только количественное, так как экзамены отличаются только степенью требуемых сведений; но это потому, что экзамен на должности по гражданской службе, собственно, не дело университета и остается при нем по нужде. Неужели же, пристрастившись к бюрократизму и к принципу устрашения числом испытаний и сроков, мы должны для этого удерживать все ненужное число ученых степеней?

Но наша незрелость — скажут — требует еще определять экзаменом все оттенки сведений. Без этого — скажут — знание остается без поощрения, станет наряду с полузнанием и заглохнет. Надобно признаться, — тут есть доля правды. У нас и полузнание еще в ходу; у нас и тот, кто кончил университетский курс, не выдержав никакого экзамена, может быть еще полезнее многих других. И вот, отчасти это, отчасти сострадание к безвыходному положению бедняков заставляло удерживать все низшие степени учености и делать из них настоящее *asylum ignorantiae*[1]. Поэтому нетрудно объяснить отчего иные хотят даже ввести прежние три степени лекаря. Действительно, куда девать тех, у которых невежество переходит точку замерзания? Так, если из двух степеней, нужных для определения к гражданской должности, оставить одну, положим, кандидата, то все, что выше нуля, может еще войти в нее, но куда поместить то, что ниже? Туда же? Это будет уже как-то неловко. Если руководствоваться такими соображениями, то, конечно, нужно остаться при прежней системе.

[1] Прибежище невежества.

Но если принять другой принцип, по которому экзамен рассматривается не как школьная оценка всех возможных оттенков знания цифрами и дробями, а как положительное решение определенных вопросов словами: *да* или *нет*, степеней окажется всего-навсего две. Одна будет служить цензом для гражданских, другая — для учено-учебных должностей. Экзамен для первой (только по необходимости университетский) будет отвечать на вопрос: образован ли испытуемый настолько, чтобы занять *среднюю* должность в гражданском ведомстве? (низшую могут занять и те, которые только кончили курс в университете; а высшую — те, которые получили ученое звание или приобрели опытность на службе). Экзамен для второй ответит на вопрос: имеет ли испытуемый достаточные сведения для получения права вступить в университетскую коллегию? Да или нет? Одна будет звание кандидата, другая — доктора.

А чтобы и те не пропадали даром, которые прослушали весь курс наук в университете, но не держали или не выдержали экзамена, — пусть получат удостоверение от университета с правом занимать низшие гражданские должности, пока сами не захотят снова подвергнуться одному из двух испытаний. Но почему одно из них не может существовать без другого; почему экзамен на доктора должен непременно включать в себе и экзамен на кандидата; для чего требовать, что нужно, не разом, а в несколько приемов, колеблясь и не доверяя себе? — этого я не понимаю, и в пользе этой ученой инквизиции, так же как и всякой другой, убедиться не могу.

Возвратимся теперь к доцентству. Оно, как оппозиция застою и непотизму, должно быть учреждением более подвижным, чем коллегия, которую оно снабжает свежими силами. У нас много студентов, а мало охотников до профессорства; доцентство же еще совсем пусто. Так, изменив систему экзаменов, откроем настежь двери в пустое место и скажем: пусть всякий, кончивший курс и выдержавший экзамен в каком бы то ни было высшем учебном заведении, вступит в доценты; он получит и стипендию, если будет иметь слушателей, — получит и право голоса на экзаменах, если предъявит диплом на ученую степень; может, наконец, не только преподавать, получать стипендию и гонорар, но и участвовать на экзаменах и иметь голос в коллегии, если в два года докажет на деле свои способности. А это могут доказать: его докторский диплом, полная аудитория, конкурс. Эти условия не стеснительны и справедливы. Один экзамен, хотя бы он назывался и «докторским», выдержать не будет так трудно, как теперь. Пусть будут докторами и те, которые, по нынешнему, были бы только магистрами; сделайте из

докторского экзамена магистерский, — в этом беды нет никакой; чина не будет, — для науки все равно; магистр для нее может столько же сделать, сколько и доктор, а отличить их знания по экзамену — для этого нормальных логометров еще не найдено.

Конкурс нужен для беспристрастия, разумеется, тогда, когда есть налицо конкуренты; а если их будет хотя двое, то они, верно, сами хотят лучше гласного конкурса, чем скрытой баллотировки. Наконец, слушатели для доцента еще необходимее, чем читатели для автора. Но доцентство, без свободы, выбора лекций, без немецкого *Lernfreiheit*, неосуществимо. Итак, студентам предоставляется выбирать между профессором и доцентом, когда оба читают один и тот же предмет. Наше доцентство, покуда еще бумажное, может быть, останется по-прежнему пустым, а может и будет не в меру полным. Это решит перспектива. Вход в корпорацию не будет замкнут тремя экзаменами: дойти до него можно будет и в 5 или 6, а не по-прежнему — в 8 или 9 лет.

Итак, главное: будет ли привлекательна сама корпорация? Если, при ее самостоятельности, и существование каждого члена будет более обеспечено, чем теперь, то, я думаю, конкуренты явятся. А если будет их слишком много, то и это не худо: тем больше выбора. Экзамены, конкурсы, выборы — дела чрезвычайно эластические. Их регламентировать нельзя. Но из этих трех мерок знания я предпочитаю все-таки конкурс. Против него можно сказать, что он не везде удобен; но утверждать, что он — то же, что и выбор, с теми же самыми невыгодами, — это значит совсем не понимать его значения. В нем есть и экзамен, и выбор, да и еще открытое соревнование. Пока нет еще конкурсов, то, разумеется, и его нет. Он будет когда будут налицо в одной мере известные или в одной мере неизвестные по их достоинству. У нас, при лучшей обстановке и университетского быта, который мы вправе ожидать от реформы, вероятно, встретятся и те, и другие. Если доценты, из которых коллегии придется выбирать, будут баллотироваться без конкурса, то пристрастие, настоящее или кажущееся, для доцентов, неизбежно. Каждый из них будет всегда считать себя равно достойным, а коллегии не расчет раздражать их против себя. Конкурс же имеет в себе для молодых людей то привлекательное, что он в глазах их всегда менее произволен, чем простой выбор.

Каждый кандидат на конкурсе получает возможность высказаться и показать, сколько может или сколько сумеет, свое достоинство. Это одно уже удовлетворяет более или менее самолюбие. Всякий убеждается своими глазами, что ценили его достоинства. Каждый, имея в виду

конкурс, готовится деятельнее. Это для конкурентов. Но судьи — скажут — остаются все те же и для конкурса, и для выбора. Конец концов — все-таки тот же выбор, тот же взгляд, те же страсти. Правда; но на конкурсе закрытой или открытой баллотировке предшествует гласный и открытый акт, который всем судьям дает в руки важный материал для оценки. Можно судить и по литературным трудам, и по другим научным заслугам, и даже вернее. Но нагляднее конкурса нет ни одного средства. И вот, представляются три случая: или есть налицо два кандидата, оба известные своими трудами и заслугами; или же есть двое неизвестных; или, наконец, один известный, а другой готовый обнаружить свои способности и знания на конкурсе. Первый случай может встретиться только в центрах образованности, где наука процветает; он служит там сильным поощрением таланта и деятельности, поэтому в централизованной Франции конкурс был явлением естественным и знаменательным для науки; в Германии, где нет централизации, не было и конкурса. Второй случай чаще встретится у нас, если разовьется доцентство, хотя и все доценты будут, более или менее, известны коллегии, по числу слушателей, по личному знакомству с профессорами, по их занятиям; но конкурс приведет в ясность их достоинства для всей коллегии, удовлетворит, как сказано, самолюбию кандидатов и представит коллегию более беспристрастной в их глазах. Но еще лучше для просвещения, для науки и для дарования — там, где представится третий случай. Там разовьется истинное соревнование в новом поколении.

Общественное же мнение развивается всяким конкурсом. Закрытый выбор, какого бы рода прения коллегии ему ни предшествовали, все-таки, в сущности, безгласен. Его можно сравнить с судом инквизиционным, а конкурс — с гласным. И как бы ни были равнодушны и апатичны присутствовавшие на конкурсе, они не могут молча положить шар, не сказав своего мнения; как бы ни были пристрастны судьи, им недостанет духа восстать против очевидности; самая тонкая казуистика уступает грубой наглядности факта. Поэтому-то и должно требовать от конкурентов самых наглядных доказательств их способностей. И наш нынешний конкурс *par distance* свидетельствует, что наши университеты знали его только с худой стороны. Я принимал участие только в четырех конкурсах, и о двух знаю в подробности понаслышке. Я знал наверное, что между судьями были люди уже с готовым мнением, но я видел также ясно, какого труда им стоило проводить свой взгляд и как они принуждены были оставаться на половине, уступив очевидности фактов.

Итак, если мы хотим, заправду, образовать у нас общественное мнение, возбудить соревнование и действовать против непотизма, то мы должны всеми силами отстаивать конкурс и вводить его везде, где только представится случай. Основываясь на этом убеждении, я предлагаю его и для раздачи стипендий доцентам. Разумеется, все они захотят быть стипендиатами. Как судить тут? По одному числу слушателей? Это было бы односторонне. Это условие слишком подвижное, число нередко колеблется; а по конкурсу коллегия лучше познакомится с достоинством доцента и покажет себя более независимой в глазах студентов. Но эта независимость, однако же, не должна превышать меру, и число слушателей всегда должно оставаться на передовом плане. Но для этого конкурсы непременно должны быть публичные. Превратные понятия о конкурсе у нас образовались от того, что его никогда не делали серьезно. Его обыкновенно считали за одно с формальным чтением пробных лекций нашими адъюнктами; а это, известно, делалось так: сначала выбирали адъюнкта, потом давали тему и заставляли его читать в присутствии факультета и членов совета одну или две лекции, на одном, двух и даже трех языках (сам был свидетелем), и все дело оканчивали *tacito consensu*. Я знаю, что все можно испортить; можно и конкурс сделать хуже выбора; но не нужно говорить, что он в принципе то же, что выбор. Лишь бы явились доценты, а там увидят, что без конкурса нельзя будет регулировать их отношения к коллегии.

После выдержанного конкурса доцент получает право экзаменовать; без этого нельзя рассчитывать на успех. Как бы жизненное условие доцентства — выбор лекций самими слушателями ни был свободен, как бы лекции доцента ни казались студенту полезнее профессорских, он всегда предпочтет профессора доценту, если один будет давать свой голос на экзаменах, а другой — нет. Это так в германских университетах, но там нужно доцентство сдерживать, а у нас — поддерживать. Кто поручится слушателю, что профессор не косо смотрит на доцентскую аудиторию и, при экзамене, нисколько не намерен выместить свое неудовольствие? Дай бог, чтобы этого никогда не было; но и наводить на такие мысли не нужно. То же и с гонораром, без которого осуществить доцентство едва ли возможно, хотя это будет камнем преткновения. Если останется наша теперешняя система платы за учение, при которой профессор ничего не получает за лекции, а лекции доцентов будут обложены гонораром, то опять преимущества остаются на стороне профессора. На его стороне — и авторитет, и ученые пособия. Доцентство не выдержит конкуренции. Наша плата за учение в университетах введена, как известно посвященным в дело, случайно, по поводу

ремонта университетских зданий, и собственно не имеет отношения к учению. Правда, с некоторого времени часть суммы, составляющаяся из этой платы, расходуется на учебные пособия, на поездки профессоров за границу и т. п.; но первобытное ее назначение был все-таки ремонт. Теперь, возможно ли, при свободе учения, которое есть *conditio sine qua non*[1] университета, чтобы студент ежегодно вносил равную плату за учение? Это будет тогда пошлина за право учиться в университете. Так оно теперь и есть. Будь это действительно плата за учение, то на каком основании учащийся платит одно и то же, читаются ли ему все положенные науки, или нет? Кафедра, например, год и два, три, стоит вакантная; ему или совсем не излагают науку, или не вполне, а он все-таки платит одно и то же. Или: за что с него требовать, и в настоящем, и в будущем году, ту же плату, когда он в 62-м году выбрал для своих занятий только два, а в 63-м — четыре предмета? В 62-м студент хотел практически заняться химией или анатомией и не мог посещать более двух лекций; или он не был при деньгах и не мог более платить, как за две. В 63-м его обстоятельства поправились, и он охотно вносит за четыре.

Положим даже, что нынешняя оптовая плата за учение так умеренна, что в сложности, — в течение целого курса, — не будет превышать платы дробной, за каждый предмет; но ведь для небогатого не все равно, заставят ли его платить 20 рублей разом, когда он может заплатить только 10, или позволят ему распорядиться годовым бюджетом так, как ему выгоднее. А для учения разве это хорошо, если меня в одном году заставляют слушать и платить за слушание четырех или пяти предметов, тогда как меня, что называется, тянет заняться одним или двумя?

Итак, дробная плата, очевидно, и справедливее, и более приспособлена к свободному учению. Но если она введется, то такса за лекции должна быть одна и та же как для профессора, так и для доцента. Тогда декан, с согласия факультета, должен объяснить всем вступающим в университет, как, по его мнению, они должны распределить свое учение, в какой последовательности должны проходить одну науку за другой. Но это будет только совет наставников, не более. Гонорар вносится в казначейство, и там составляются списки, по которым можно бы было судить о числе слушателей каждого профессора и доцента. Освобождение от платы будет зависеть в известных

[1] Необходимое условие.

случаях, от самого правительства, во всех других — от совета, который должен руководствоваться положительными правилами. Частных сделок об освобождении с профессорами и доцентами допустить нельзя. Это даст повод к различным столкновениям и ложным слухам. Для общей пользы учреждения лучше будет, если коллегия возьмет на себя и хорошую, и худую сторону дела. Экзамен не нужно вмешивать в освобождение от платы. Опыт показал его несостоятельность. Как ни мало надежды на наши *testimonia paupertatis*[1], несмотря на печати и подписи, но все-таки не остается другого средства, как принять только бедность, — хотя бы и мнимую, — за принцип освобождения.

Отцы, если бы они более заботились о своих детях, могли бы узнать, что сыновья прогуливают плату за учение и потом просят отсрочек, а вместо этого сострадательные родители сами хлопочут достать свидетельство о бедности и потворствуют праздности и разгулу.

Но, вот, предположим, доцент обеспечил себя стипендией и гонораром, получил право экзаменовать и сделался уже участником в делах коллегии; теперь рождается вопрос: как сделаться ему профессором? На чем основать его выбор? Опять на конкурсе или просто на баллотировке?

Этот вопрос заставляет меня возвратиться назад. Я не могу себе иначе представить хорошо организированный университет, как с полным правом распоряжаться своим бюджетом и с полной ответственностью перед законом, совестью и наукой в правильности своих распоряжений. Я представляю себе, что правительство назначает известную сумму на каждый университет, соображаясь, во-первых, с своими финансовыми средствами, во-вторых, — с существующим теперь штатом каждого университета. Зная с математической точностью, сколько оно может дать, сколько оно должно дать, чтобы обеспечить существование каждого члена и все учебные потребности науки, оно дает составленную по этому расчету сумму в полное распоряжение каждого университета и требует, чтобы: 1) учащиеся всех факультетов имели возможность получить полное и современное научное образование; 2) все факультеты были бы снабжены необходимыми учебными пособиями; 3) каждый университет был бы вместе питомником нового поколения наставников; 4) соответствовал бы всем научным потребностям края, был бы для него центром просвещения — и 5) нес бы на себе ответственность перед правительством в законности и правильности

[1] Свидетельства о бедности.

своих действий, контролируемых Министерством народного просвещения. Каждая университетская коллегия, следуя этим началам, прежде всего определяет норму годичного профессорского содержания. Она должна иметь в виду человека семейного, без всяких других доходов, и сообразоваться с местными справочными ценами. Потом она определяет учебные пособия, число кафедр по факультетам и, наконец, бюджет каждой из них, сообразуясь с свойством предмета (чисто научным и научно-прикладным), с научными достоинствами лица и возможностью, с его стороны, иметь другие занятия, приносящие доход, не вредя преподаванию. Известная часть бюджета (примерно равняющаяся бюджету одной или двух кафедр в каждом факультете) назначается на стипендии, на содержание по частным договорам с приглашаемыми лицами, на ремонт зданий и т. п. Если коллегия, не доверяя себе, или по другой причине, отказалась бы от неравномерного распределения бюджета по кафедрам, то она обязана тогда представить в высшую административную инстанцию (министерство) все данные, по которым бы оно само могло назначить бюджет для каждой кафедры в отдельности. Предположим теперь, что при такой обстановке кафедра делается вакантной и есть в виду доцент, или же нет вакансий и имеется в виду замечательная личность, желающая занять кафедру. Если доцент, на котором мы остановились, подходит к первой категории и кроме него нет никого другого, то, казалось бы, и дело кончено. Так и бывало прежде с адъюнктами. Из этого и происходило понятие о неизбежности, которого в доцентстве, как в учреждении свободном, не должно развивать. Есть ли в виду только один кандидат на вакантную кафедру, есть ли их несколько, во всяком случае нужно согласиться, на чем основывать оценку достоинств. Мы имеем для этого научно-литературные труды и другие научные заслуги, рекомендацию известных ученых, отличный способ изложения предмета, доказывающий знание и способность, и число слушателей на лекциях. Каждое из этих условий, взятое отдельно, еще недостаточно, но между тем, каждое так важно, что без него все другие теряют свою силу. Так, отличнейший ученый без слушателей будет едва ли на своем месте. Профессор с полной аудиторией, но без всяких заслуг в науке и не известный никому, кроме своих слушателей, также явление неутешительное. Доцент, участвовавший уже в делах коллегии, будет, конечно, ей известен. Нетрудно будет убедиться в числе слушателей, в способе преподавания, в его научной деятельности; серьезных литературных трудов от него требовать нельзя. Так, при этих условиях, конечно, все равно, как бы его ни выбирали; он один, и о нем мнение уже сформировалось.

Так лучше просто, без всего, поручить ему преподавание, увеличить содержание, но и не оставлять окончательно за ним кафедры. Если же доцентов не один, а двое, то, как бы один ни казался лучше другого, я все-таки считаю конкурс необходимым; без него понятие о неизбежности легко развивается и губит конкуренцию.

Итак, если, кроме доцентов, нет других лиц, которых бы коллегия ставила и выше конкурса, и выше выбора, то бюджет вакантной кафедры должен быть снова определен коллегией, смотря по достоинству и заслугам доцента, принимающего на себя обязанность профессора. А как заслуги доцента редко так будут велики, чтобы он мог получить все содержание, то остаток от этого бюджета должно назначать на увеличение других доцентских стипендий, на учебные пособия и т. п. Другое дело, если нет вакантной кафедры, да есть достойная личность. Ее приобресть, я думаю, — прямой интерес коллегии. Если научная и учебная заслуги одного лица несомненны, то коллегии, одна перед другой, должны стараться привлечь его к себе и войти с ним в переговоры. Такое приобретение, несмотря на полный комплект кафедр, никогда не будет лишнее. Это будет новый капитал, новая сила коллегии. Разумеется, тут о конкурсе говорить нечего.

При конкуренции, при содержании, определяемом не должностью, а личными заслугами, можно надеяться, что научное соревнование не заглохнет в доцентах. Оно будет этим же поддерживаться до известной степени и в члене коллегии. Но учить 25 лет — не шутка. Правда, на Западе кафедра пожизненна. Правда, — старый профессор, идущий вперед, неоценим. Счастливые натуры, однако, везде редки. Двадцатипятилетний срок с пенсией делает честь нашему законодательству. Но на деле этот срок у нас едва ли не пожизненный. Между тем, у нас именно научное как-то изнашивается и выдыхается скорее, чем гденибудь. У нас, в университете, 25 лет — это век. Рассчитывать на то, чтобы наши кафедры всегда замещались людьми, уже известными в науке, нельзя. Вся наша надежда на доцентство. Но кафедра, с перспективою 25-летнего владения ею, вводит в искушение. Сколько я видел уже всходивших на нее с блестящими надеждами и через 20 лет не узнавал их! Что же, если 25 лет невозмутимого покоя усыпят и свежие силы? Если эта перспектива сделает и оппозицию безгласной? Нет, нужны могучие силы целого общества, чтобы поддержать личную деятельность. И я думаю, что для нас еще мало поощрительных мер конкуренции. Нам еще нужна необходимость. И с кафедры нам должно видеть ее не в дальней перспективе, а на середине поприща. Как сделать это — другое дело. Я соглашаюсь, что меры, которые я предло-

жил (в замечаниях на проект), стеснительны. Но это — свойство всех будильников. Я сам знаю, что переоценка жизни на середине жизни, сделанная не тем, кому она принадлежит, — это насилие, это грубый толчок, но он страшен только тому, кто крепко спит. Я, впрочем, нисколько не отстаиваю моих мер, я отстаиваю принцип. Не забудем, что наши профессоры, будут ли они выбраны из доцентов, или нет, обыкновенно приносят с собой на кафедры только надежды. Когда же они оправдаются, если и на середине поприща будут одними надеждами? Пусть будут для самолюбия не так приятны пустая аудитория и малый гонорар; ни пустота, ни дефицит не тронут 25 лет с места; а это убеждение очень приятно для застоя. Время искуса — на первом полупоприще профессорской жизни. Если кто увидит, что он не разгадал себя и попал не туда, то сойти еще не поздно; жизнь на середине, силы не в упадке, дорог других много. Каким образом убедиться в заслугах, об этом можно спорить, но что убедиться необходимо — это бесспорно. В Германии литературные труды в науке, и ученики, вышедшие из школы профессора, признаются мерой его достоинств. И вправду — другой, более верной, нет. Приладят ли ее когда-нибудь и к нашей почве — это вопрос. Решится ли он — не знаю. Но решать его нужно, оттого что нам нужны и такие труды, и такие ученые.

Автономия потому есть неотъемлемое достояние науки, что наука себя ценит. Если же закон дает это право представителям науки в государстве, если он заботится развить общественное мнение, вносит свежие силы, а коллегия не находит средств беспристрастно ценить себя, то это значит, что она сама делает приговор своей автономии, переносит суд вне себя и передает его в руки другой инстанции. Вся будущность нашего университета — в этом приговоре.

Перехожу, наконец, к направлению университета. Реформа предпринимается, чтобы удовлетворить потребностям общества. Обществу нет дела до того, что такое университет, что такое наука, что значит связь наук. Будет ли это университет в самом деле, или только по названию, или будет называться иначе, — это для большинства все равно. Если для хлеба уже нужно образование, то главное, чтобы оно было недорого и тотчас же шло бы в дело. Вот взгляд толпы. Этот взгляд не у нас одних. В ученой Германии университеты уже пустеют от него. Правда, для грамотного меньшинства университет еще привлекателен, но не сознательно.

Между тем, видя, как растет у нас университетское население, все-таки подумаешь, что не может же это делаться так бессознательно. Посмотрим.

Что такое студенчество — не у нас, а везде?

Жажда знаний, известно, тревожит немногих. Тревожимые образуют в университете группу — едва не микроскопическую.

Жизнь общества неизбежно отражается в общественных учреждениях.

Его нужды пробуждают интересы и дремавшие склонности, отсылая их в университет. Вот вторая группа разной величины.

Ее передовые, в свою очередь, возбуждают подражание, которое, делается, наконец, безотчетным в интересах, неразборчивым в склонностях. Вот начало третьей, самой большой.

Подражание, безотчетное не только в интересах и склонностях, но и вообще, это — мода. Мода, преимущественно сословная, выводит на свет четвертую группу.

Про микроскопичность первой говорить нечего. Происхождение второй и третьей доказывается разными фактами. Так, лет 40 тому назад, когда Германия нуждалась в юристах и медиках, юридический и медицинский факультеты до того переполнились, что правительства, наконец, принуждены были предостерегать отцов, чтобы перестали посылать в университеты детей. Но это длилось еще довольно долго и многих сделало без хлеба.

Когда число наших студентов, кроме медиков, было ограничено, то наплыв в медицинский факультет продолжался еще долго и после того, как ограничение было уничтожено.

Потом разнесся слух, что несколько математиков, кончивших курс в университетах, получили выгодные места, и вдруг начал наполняться математический факультет. Поднялся юридический вопрос, и вот уже в некоторых университетах делается больше юристов, нежели медиков.

А студенты-феодалы, студенты-баричи и панычи служат доказательством тому, что мода, — и именно сословная, — заставляет людей не только ездить за море, но и учиться в университетах.

Итак, сознательного во всех этих элементах немного; да и то, что есть, сознает только в себе влечение или способность удовлетворить требованиям общества, но не науки и, следовательно, не университета. А требования того и другого не всегда сходятся и не всегда могут сойтись.

Найди большинство возможность удовлетворить требованиям общества, помимо университета, оно тотчас же от него отхлынет. А меньшинство удержится модой, преданием и любознательностью, переживающей предание.

Из этого рождается вопрос: университет для большинства или для меньшинства? Из этого — другой: наука — госпожа или слуга общества? По рождению она имеет за собой «*le droit divin*»[1], но не такое, чтобы могла сказать: «общество — это я». Общество ее воспитало для себя, но не в слуги себе. Отношения могут уладиться только по договору.

Общество тогда только и начинает жить, — а не просто расти, — когда все, чем оно живет, — язык, вера, обычаи и предания — слагаются в науку.

Так за наукой, по этому договору, остается и законодательная, и судебная, и всякая другая власть, со всеми правами, кроме кулачного.

Жизнь общества, которой живет и наука, — поэтому и та, и другая, — развивают в нем все более и более новые потребности.

Наука обязывается удовлетворить их. Но общество обязано не нарушать свободы изыскания, на которой основана законодательная власть науки.

Все не рождены посвящать себя служению этой власти. Немногим суждено понимать ее значение. Для изучения этой-то законодательной власти науки, следовательно, для меньшинства, общество и обязано основать особые учреждения. Это учреждение есть университет.

Зато наука, обязанная удовлетворить потребностям общества, — которые развить сама способствовала, — должна внести свои начала в другие его учреждения. Эти учреждения — прикладные и реальные.

Итак, что же? Университет для избранных, для меньшинства, без приложений, чисто научный, отвлеченный? Может ли он быть современником девятнадцатого века? Можно ли так обходить потребности общества? Можно ли теперь делать науку достоянием меньшинства и тратить огромные капиталы для его образования? Возражения серьезные; их обойти нельзя.

Представляются три пути. Можно усилить предварительное образование и этим сделать университетское гораздо доступнее. Но, собственно, доступным оно все-таки останется для меньшинства. Меньшинство, и лучше приготовленное, вступив в университет, все-таки распадается на те же самые группы. Это мы видим на Западе.

Можно приноровиться к одному большинству: сделать университет прикладным, т. е. оставить за ним одно название, понизить уровень учения, ограничить свободу учения, ввести школьные приемы. Но это значит пожертвовать меньшинством, отложиться от

[1] Божественное право.

избранных и, слишком доверяя энергии любознания, предоставить их самим себе.

Можно соединить то и другое вместе. Сделать университет питомником избранных и доступным для большинства, — оранжереей и садом, научным и прикладным.

Этого-то и стараются достигнуть, но с опасностью нарушить целость и единство научного элемента.

Уже давно убедились, что есть науки, которые, по самому их свойству, не могут быть не прикладными, которые, вращаясь в ограниченной области фактов, не терпят почти никакого отвлечения, распадаются на мелкие отрасли, требуют других общественных учреждений и в недрах самого университета делаются основанием отдельных, специальных школ. К таким наукам, например, давно уже принадлежит медицина.

В наше время на Западе прибавились еще и другие отрасли наук, которые потребовали таких технических сведений, пособий, что уже скоро потеряли связь с университетом, перешли в реальные школы и перетянули сюда едва не большинство, искавшее прежде образования в университетах.

С другой стороны, государства для своих громадных предприятий то учреждали специальные школы, без всякой связи с университетом, то, перенося свои требования в самый университет, обращали всю его деятельность на образование специалистов, и тем разрывали научную связь целого.

Наконец, огромное скопление научного материала возводит различные отрасли знания на степень наук, следовательно, самый прогресс науки начинает также нарушать их органическую связь.

Итак, с одной стороны, стремление сделать университет доступным для масс; с другой — стремление каждой отрасли знания к индивидуальной самостоятельности, — вот силы, колеблющие вековое здание.

Но еще живут передовые люди. Их дух и слово напоминают распадающейся семье наук общего родоначальника. Ни огромность материала, ни раздробление не устрашают их в борьбе за целость научного организма. Они отстаивают заповедную связь всех человеческих знаний и не дадут науке сделаться вавилонским столбом для строителей.

А закон самосохранения должен напомнить обществу, что самые благотворные его учреждения, ведущие к скоплению масс, рождают недуги, вредные и для масс, и для самой цели. Которым же из трех путей должен идти наш университет? Чего требуют от него государство, общество и наука?

Государству нужно в университете образование в известном направлении нового поколения, которому оно обещает за это известные права. Но эти права для государства — дело второстепенное. Оно дало их некогда университету, чтобы привлечь к образованию. Общество же, т. е. грамотное меньшинство, прежде расходившееся с государством во взглядах на университет и ставившее в нем на первом плане права, а образование — на втором, теперь начинает сходиться в том отношении, что считает уже и образование, и права для себя выгодными. Нужно ли же привлекать или отвлекать?

Государству нужны образованные люди, еще нужнее — специалисты. Общество также ищет образования: но, главное, ищет обеспечить существование своего поколения хлебом и известным положением в государстве; а так как государству нужны специалисты, то общество в образовании их находит свою выгоду. Следовательно, привлекать нет необходимости.

Отвлекать может казаться нужным государству, когда оно видит, что масса учащихся растет и вносит стремления, не имеющие ничего общего с наукой, что учебные пособия делаются недостаточными, и университет не может дать большинству то, чего оно ищет. Это значит, что наступило время для новых учреждений, которые могли бы выгоднее удовлетворить потребностям массы, учреждений прикладных и реальных, но так же как университет требующих подготовки общечеловеческим образованием. Это мы и видим теперь на Западе. В классической стране университетов, в Германии, большинство тотчас же поняло, какую огромную выгоду, — неосуществимую при университетском образовании, — доставят ему высшие реальные школы, и отхлынуло туда из университетов. У нас также пора заботиться об удовлетворении этой потребности общества; но нам еще необходимо и общечеловеческое образование в университете, да и необходимы *такие* специалисты, образование которых немыслимо вне университета. Другого отвлекательного средства, полезного обществу и государству, — нет.

Затруднять большинству вход в университеты регламентацией, экзаменами в самом университете, обязательными курсами и т. п., и для государства, и для общества, и для университета положительно вредно.

Для государства не может быть выгодно, если потребности большинства не будут удовлетворены, и оно останется в безвыходном положении. Это ведет к пролетариату и недовольству.

Для общества теряется образование целого поколения. Допустив даже, что трудность вступления в университет и заставит общество

на будущее время лучше подготовлять молодежь в средних школах, то все-таки прошедшего не воротишь. Пройдут еще годы, и что станется с целыми сотнями людей, имевшими прежде возможность познакомиться с наукой в университете, хотя бы и понаслышке? Они отупеют и сгинут; они рассеются по провинциям, и будут вредны для государства.

Для университета, наконец, — и это главное, — эти меры вредны тем, что они его выводят из настоящего положения, делая из свободного учения искусственную дрессировку. Правда, курсовые экзамены и обязательное учение, если это будет не одной только формальностью, сделают университет университетом меньшинства; но какого? — Не того, которое развивает на свободе свои дарования и охоту к науке, не того, которым дорожат настоящие университеты так, что готовы существовать для него одного, но меньшинства, которое узким экзаменационным направлением влачится к посредственности.

Посредственность, — говорят, — нам-то и нужна, а талант сам найдет себе везде дорогу. Это заблуждение, против которого нужно восставать. Талант везде нужнее посредственности, а у нас — во сто раз. Талантом живет посредственность. Где задача образованного — распространять образованность в окружающей среде, там талант — жизненная сила общества. Поэтому, как бы обществу, — и именно нашему, — ни были нужны руки, ему в сто крат нужнее головы. Всякая школа славна не числом, а славою своих учеников. Но талант не так несокрушим, как думают. Его можно погубить, и даже легко. Его не нужно представлять себе гением, или демоном, одаренным страшной энергией воли. Талант, неокрепший, гораздо легче сбить с толку, чем посредственность; его легче привести в противоречие с собой и со всеми окружающими. Не давая ему развиваться на свободе, его можно довести до того, что он будет казаться ниже посредственности и сделается зимоспящим. Да не только талант, и простую любознательность нетрудно заглушить обязательным и экзаменационным учением. Я помню, как меня самого парализировали экзамены. Ничего я так скоро не забывал, как то, что обязан был приготовить для экзамена. Лет 30 после того, если я ночью пробуждался от неприятного чувства, то это почти всегда было приготовление к экзамену во сне. Ни одной наукой я не занимался так нехотя, как той, которой учился для экзамена, и ни одна лекция не наводила на меня столько дремоты, как обязательная. Но я далек от того, чтобы считать для всех университетов всякую обязанность и экзамен несовместными с университетским образованием. Об этом еще речь впереди, а теперь перейдем к другому вопросу.

Должно ли реальные учреждения, назначаемые для большинства, поставить в связь с университетом или вовсе отделить от него?

В Германии, несмотря на развитие реализма, университет остался все еще в прежнем виде, но факультеты в германских университетах и прежде имели одну научную связь; в них совет или сенат состоит из одних выборных членов всех факультетов; дела идут в министерство на утверждение прямо из факультетов, даже некоторые из дел один факультет неохотно или вовсе не сообщает другому.

Во Франции факультеты составляют почти совсем отдельные школы (*école de médecine*, *école de droit*)[1]. Но университет ни там, ни здесь не имеет ничего общего с другими высшими учебно-реальными заведениями. Применить ли это к нам?

Я думаю, что и в этом отношении подводить все наши университеты под один уровень не следует. Нам необходимо, с одной стороны: удержать в университете все элементы общечеловеческого образования и органическую связь наук. С другой стороны: нам нужно усилить реальные учреждения, не нарушая, сколько возможно, этой связи наук.

Если бы мы захотели, в настоящее время, уменьшить скопление масс в университете, развлекая их в разные направления, то мы, может быть, удовлетворили бы потребностям общества, но лишили бы эти массы действия той образовательной силы, которая всегда присуща университету, и ничем незаменима.

Эта сила и зависит от органической связи наук и от воздействия одного факультета на другой; она существует, в этом нет сомнения; она действует и на избранных, и на большинство. Одни подвергаются ее влиянию сознательно, другие — бессознательно.

С этой стороны университеты еще долго будут пополнять недостатки наших средних учебных заведений, с которыми и должны оставаться в связи.

Поэтому, и высшие реальные учреждения, как вспомогательные факультетам, должны находиться также в связи с нашим университетом.

Мало этого: высшие реальные учреждения требуют у нас органической связи с университетом еще и по недостатку в образованных специалистах. Нам едва их достает для вакантных кафедр. Что же будет, если реальные школы потребуют их для таких предметов, которые можно бы изучать и в университетах, если каждому учреждению,

---

[1] Школу медицины, школу права.

например, понадобится отдельная профессура физики, химии, естественной истории, которая существует уже налицо в факультетах?

Но в каждом из наших университетов все условия этого соединения не могут быть выполнены одним и тем же способом и в той же степени.

Централизация университета только затруднит нормальный ход дела.

Университеты столичные могут быть связаны с различными специальными учреждениями, служить им центром и вносить в их деятельность элементы общечеловеческого, научного образования. И тот, и другие выигрывают от соединения. Скопление масс в одном пункте прекратится. Одни науки могли бы изучаться в университете, другие — в учреждениях. А общечеловеческое образование, доставляемое университетом, влияло бы везде и удерживало бы специалистов от односторонности и рутинерства. Специальное образование, в свою очередь, направляло бы к положительности и серьезному труду. Во Франции, уже давно, например, все столичные госпитали имеют в своих палатах профессоров факультета, и все приспособлены к практическому изучению специальностей медицины. А у нас эта связь почти вовсе не существует, и это в ущерб науке и специальному образованию.

В провинциальных университетах, при увеличении материальных средств, некоторые факультеты могли бы в себе самих развить реальные учреждения. Другие могли бы сохранить одно чисто научное призвание.

В одном университете разнородная масса слушателей могла бы искать на лекциях общего научного образования, в другом могло бы сосредоточиваться меньшинство для специального изучения науки в беседе с профессором и в особенных научных семинариях.

Все должно применяться к местным условиям, к местным потребностям общества и учащихся. Каждый университет пусть руководствуется своей программой. Я убежден, что только так, а не иначе, может для нас решиться университетский вопрос. Как бы ни были велики трудности, — я их хорошо понимаю, — но сделать университет равно и везде доступным и равно и везде полезным для меньшинства и большинства иначе нельзя.

Другой формулы соединения начал — чисто научного и прикладного — в одном и том же учреждении для нас нет.

Разделить то и другое, без вреда для тех и других, — избранных и масс — также невозможно. Невозможно решить одним и тем же путем и вопрос о воспитательном значении университета.

Слово, имеющее смысл чисто материальный, — воспитание, — получило у нас другой смысл, и теперь сказать: я «воспитываю», а не «образую» можно только про дерево или про скотину. Остались слова: «учение» и «просвещение», которые отличаются от «воспитания», но не от «образования». А как воспитывать без образования и образовывать, не уча и не просвещая, — нельзя, то, стало быть, воспитывать, не уча, можно разве в таком возрасте, когда человек еще бессловесен.

Но и учить, не образуя и не воспитывая, также нельзя. Вся наша нравственность, правда, добро, свет — все учение. И учить, не воспитывая, не образуя, значило бы не учить, а делать что-то другое.

Между тем, университет, как учреждение учебное, еще никто не признает, *eo ipso*[1], воспитательным, а требуют его таким сделать — значит, принимают, что можно учить, не образуя и не воспитывая.

Если скажут, что учить можно и худому, то на это ответ, что и воспитывать можно худо. Но учить — значит, по преимуществу, учить добру. Если же кто не отвергает, что учить, не образуя, нельзя, тот может только утверждать, что для воспитания учить — это мало; нужно еще что-то. Что же?

Что же другое, как не надзор, не присмотр. И весь вопрос вертится на том, как и над чем надзирать? Над тем ли, чтобы заправду учился тот, кого хотят воспитать? Ведь в учении все и есть. Воспитание без учения не может быть; тем более кто учится, тем более и образуется, тем более и воспитывается. Кто учится, тот и узнает, как и что нужно делать. Или этого мало, — учение идет и не впрок, — надо еще уметь исполнять то, что знаешь. То есть, надо, чтобы кто-нибудь и за этим надзирал, — значит, учил еще, как исполнять то, что знаешь — и должен знать, если учишься.

Такие учители будут воспитатели *par excellence*[2] в отличие от тех, которые учат только знать.

А такие воспитатели будут, ни более, ни менее, отцы, да еще какие! — которые выше учителей, потому что не только знают, но и знают еще, как делать, что знают. Или наконец, это будет сама жизнь. Разумеется, этих отцов и воспитателей не только в университете налицо нет, но и в целом свете немного. А жизнь впереди. И потому, за неимением, прибегают к действиям отрицательным, т. е., надзирают

---

1 Само по себе.

2 По преимуществу.

не за тем, чтобы было все хорошо, а за тем, чтобы не было слишком худо. Это и значит полиция.

Итак, все воспитательное сводится на полицейское. В другом смысле воспитательного университета нет, и быть не может. Играть и обольщать себя словами бесполезно.

Однако же есть, говорят, в Англии воспитательный университет. Про него чаще начали говорить, когда прочли Визе. — Но Визе, приписывая все хорошее в английских лордах университетскому воспитанию в Оксфорде и Кембридже, забыл одно — *habeas corpus*[1]. А это одно воспитывает англичан, — и не одних лордов, — не хуже всяких университетов. В английских университетах хорошо учат, — это правда. Но их способ учения в коллегиях, их туторы — хороши для меньшинства, для масс — не годятся. О реальном же, которое стало живой потребностью для университетов континента и которого нет ни в Оксфорде, ни в Кембридже, Визе как будто и знать не хотел. Визе не хотел также знать и о шашнях, которые там водятся, несмотря на закрытость заведения, на студенческий костюм и на обязательное посещение церкви.

Если английские коллегии так сделались славны славой их учеников, то этим обязаны они, кроме *habeas corpus*, еще и их способу учения, который потому и не дешев. Способ этот совершенно противоположен свободе учения германских университетов, на которую теперь, кроме Визе, и многие другие сердятся. Вот, следовательно, — мне скажут, — английская обязательность учения, экзамены, и т. п. нисколько не вредят ни таланту, ни любознанию.

Но обязательность в учении меньшинства, и еще избранного, может проводиться разумно, не иначе, как вникая в личности, заботясь о каждом; и талант, и посредственность от нее в выигрыше. Если бы учителей было столько же, сколько учеников, — было бы еще лучше. А, может, верх совершенства был бы, если бы все только и делали, что обязательно учили и учились. Все сделались бы учениками и учителями *ex professo*[2]. Вся жизнь превратилась бы в обязательное учение. Не нужно бы было ни воспитателей, которых и теперь нет, ни полиции, которой много. И то правда, что обязательным способом можно выучивать и не одно меньшинство. Всем известно, что этим способом можно целые массы не только учить, но даже учить умирать стойко.

---

[1] В данном случае под словосочетанием *habeas corpus* подразумевается личная неприкосновенность.

[2] По профессии.

Но из защитников обязательного учения немногие мечтают о возможности учредить в России хотя что-нибудь подобное Оксфордскому или Кембриджскому университетам. Обыкновенно представляют себе обязательность так, или почти так, как прежде: т. е.: разделение на курсы, обязательный выбор предметов, годичные или двухгодичные экзамены и т. п. И вместе с этим хотят удержать теперешний способ преподавания, взятый из немецких или французских университетов. Что же из этого выйдет? Преподавание свободное, а учение обязательное. Студент должен посещать лекции и держать экзамены, а на лекциях — он пассивный слушатель, и профессору дела нет, следит ли он и понимает ли он его лекции, или нет. И хотят уверить, что такая обязательность хороша.

Обязательное учение и экзамены действительно принесут пользу, если наши студенты, вместо занятий, по-английски, с туторами, — что для них слишком дорого, — составят, группируясь по различным предметам, отдельные кружки, а профессоры — отдельные семинарии, с обязательством для слушателей заниматься по известной программе. Тогда они будут играть активную роль на лекции и будут уже студентами, а не слушателями. Это обязательность не насильственна; она соединена с постоянной, самостоятельной деятельностью ученика; она сближает его с учителем и часто лучше соответствует и сущности предмета, и личности наставника, и способностям ученика. Для многих наук и многих профессоров другого способа и найти нельзя, если хотим, чтобы слушатели выносили что-нибудь с лекций. Но для множества и этот способ, и эта обязательность неприменимы. Ничто не препятствует ввести его для преподавания известных предметов в тех из наших университетов, в которых число слушателей незначительно. Стало быть, и в этом отношении нет надобности одному университету сообразоваться во всем с другими.

Итак, обязательность вообще несовместима с университетским учением, потому что для масс она легко переходит в бесплодную формальность, а для избранного меньшинства должна быть употребляема с осторожностью и большим знанием дела; иначе она вредит и свободному развитию научной деятельности, и развитию таланта.

Поэтому ее и нельзя принять как воспитательный элемент университета.

Вот почему я восстаю и против обязательных лекций богословия. Я от души желаю, чтобы все были истинными христианами; еще более желаю, чтобы религиозные истины и чувства укрепили молодое поколение; но я слишком уважаю и научное, и нравственное достоинство

религии, и потому не желаю видеть кафедру богословия поставленной в университете для одного только приличия. Между тем обязательность непременно ведет к этому. Еще можно защищать обязательное учение там, где имеют целью формальное знание, которое можно навязывать насильно. Но никто, я думаю, не оправдает такой цели в учении богословия. Никто также не будет утверждать, что учредители этой кафедры в нашем университете имели в виду одну научную ее сторону; обязательность, соединенная с учением богословия, указывает на другую. А в неожиданных следствиях этой обязательности могут сомневаться другие, но не я. Причину печальной апатии к святому и безверие можно, если угодно, объяснять и другим образом, но я ее нахожу именно в том, что люди, приученные уже несколько к критическому анализу в науке, переносят невольно это направление и на учение, — основанием которому служит вера, — если это учение делают обязательным. Это-то убеждение, которому не противоречит и знание человеческого сердца, — и заставило меня сказать мое мнение, по долгу совести, — откровенно.

Теологические факультеты в католических и, особенно, в протестантских университетах можно действительно рассматривать как сильную оппозицию скептическому материализму. Но сила их не в обязательности, — которой там не существует. Они действуют, во-первых, научной стороной, допускающей глубокий анализ и свободу изыскания (то, что немцы называют *Freiheit der Forschung*); во-вторых, — сближением слушателей, не замкнутых еще в одно сословие, и готовящихся к священнослужению и проповеди, с студентами других факультетов; в-третьих, — органической связью богословских наук с филологическими и историческими; в-четвертых, наконец, — сильным нравственным влиянием, которое оказывают представители богословских наук не только на учащихся, но и на целое общество.

Из этого следует, что внесение богословского учения в университеты, — с целью противодействия материальному направлению других наук, — требует отчетливого и глубокого изложения всех его элементов, в научной связи. Иначе оно представится, в глазах учащихся, чем-то отрывочным, слабым, не имеющим органической связи с другими предметами и, наконец, чисто формальным *decorum*, — если посещение лекций будет еще к тому обязательным для всех.

В какой мере можно всего этого достигнуть у нас, — я судить не берусь. Это — вопрос, требующий глубоких соображений. От решения его зависит не только будущность наших университетов, но и вообще судьба нашей русской науки.

Не зная этого, я считал своим долгом восстать только против худого, которое знаю и которое состоит в обязательном приличии.

Я не отвергаю, что и при существовании одной кафедры богословия высокая личность наставника может иметь свою долю благотворного влияния. Не скажу, всегда ли можно на это рассчитывать, но я убежден, что оно может обнаружиться не иначе, как при свободном учении.

Поможет ли паллиатив, состоящий в учреждении, вместо одной, двух или трех кафедр, — также не знаю; а потому удерживаюсь и теперь, как прежде, предлагать его. Предлагаю же устранить худое, которое знаю: это — обязательное посещение лекций для приличия.

Итак, ни обязательность учения вообще, ни обязательное посещение лекций, богословия в особенности, не сделают университет учреждением воспитательным. Остается решить, можно ли этого достигнуть мерами полицейскими, с которыми у нас также соединяют понятие о воспитании.

Мысль учреждения университетской полиции, *sui generis*, весьма натуральна, хотя средневековые университеты, учреждая ее, едва ли имели в виду воспитательную цель. Это была не более и не менее, как одна из корпоративных привилегий. В Германии остались еще и теперь университетская полиция и университетский суд, потому что они имеют некоторые удобства и для университетов, и для городской администрации. Университеты могут распорядиться сами, без долгих формальностей и скоро, где нужно; городская администрация избегает неприятных столкновений с студентами и множества мелких судебных случаев. Студенты считают также приличнее достоинству учащихся не иметь никакого дела с полицией и судиться неодинаким судом с «кнотами». Хотя университетский суд и поддерживается взглядом на студенчество как на общество людей, еще не зрелых, легко увлекающихся и т. п., но тут играют свою роль и сословные или корпоративные понятия, еще оставшиеся во всех средневековых учреждениях.

У нас, как известно, никогда не было настоящего университетского суда; была только университетская полиция, которая, в течение почти 30 лет, находилась в руках попечителя. Попечитель был собственно главный инспектор и начальник студентов. Все шло спокойно до последнего времени, и вопрос остался бы, если бы не обнаружились так называемые студенческие беспорядки. С ними вместе поднялся вопрос и о воспитательном значении университетов.

Какая причина беспорядков, которые выросли как будто из земли? Устарела ли университетская полиция? Виноваты ли попечители?

Молодежь ли испортилась, или ее набралось уже слишком много в университетах?

Эти вопросы обойти нельзя, — иначе и вопрос об университетской реформе, поднятый беспорядками, решить нельзя.

Я слышал много разговоров об этом. Одни обвиняли университетский устав, другие — молодежь, третьи — попечителей, в том числе и меня. К удивлению, весьма немногие обвиняли время. Иные смотрят на университеты, как на что-то отдельное, как на храм Весты. Положим, это — взгляд, приносящий честь и университету, и тем, которые так смотрят. Но на деле — и это немногие знают, — университет выражает современное общество, в котором он живет, более, чем все другие учреждения. Взглянув на университет глубже, можно верно определить и дух общества, и все общественные стремления, и дух времени. И наш университет выражает это еще более, чем все западные, потому что в нашем мало сословного и вовсе нет предания, или оно очень слабо. Разумеется, кто хочет по нем судить о состоянии общества, должен иметь в виду не одно положительное, но и отрицательное, т. е. судить не по тому одному, что есть, но и потому, чего нет в университете.

В университете два рода представителей: одни представляют степень просвещения и зрелости общества; другие — его молодость, его нужды, потребности, направление, взгляды, увлечения, страсти, пороки. Все сосредоточено в одном пункте и потому выказывается яснее и сильнее. Все оттенки выражаются на материале, правда, еще не выработанном, но зато чрезвычайно емком и чувствительном. Это — положительная сторона университета. Чего в нем нет, того или нет в обществе, или то спит и не живет духовно. Это — отрицательная сторона, по которой тоже надо судить. Общество видно в университете, как в зеркале и перспективе. Университет есть и лучший барометр общества. Если он показывает такое время, которое не нравится, то за это его нельзя разбивать или прятать, — лучше все-таки смотреть и, смотря по времени, действовать.

Этот взгляд на университеты подтверждает история. Где политическая жизнь общества качается ровно, как часовой маятник, где политические страсти из высших сфер не доходят до незрелого поколения, там в университете выступает на первый план его прямое назначение — научная деятельность. Университет делается там барометром просвещения.

В науке есть свои повороты и перевороты; в жизни — свои; иногда и те, и другие сходятся; но все переходы, перевороты и катастрофы

общества всегда отражаются на науке, а чрез нее и на университете. Вюртембергский профессор писал протест общества против злоупотреблений папской власти. На лекциях Фихте выражалась готовность нации восстать за свободу. О жизни и смерти говорил Биша, когда смерть гуляла по Франции вместе с гильотиной. Передовые люди, окружавшие короля прусского в 10-х годах нашего столетия, хорошо знали это, когда дали ему совет учредить новый университет (в Берлине) для выражения новых стремлений. Когда, после войны за свободу, началась новая жизнь для Германии и явилась мысль о единстве, — она тотчас же высказалась в ваттенбургском празднике буршеншафтеров.

Только там, где политические стремления и страсти проникли глубоко чрез все слои общества, они уже неясно отражаются на университете. Но чем более настигают они общество врасплох, чем менее оно привыкло к переходам и переворотам, тем сильнее выразится его настроение в университете. Во Франции едва слышно про него, во время политических реформ. В тех частях Германии, где быт общества открыт и установился, студенты живут средневековой жизнью и не мешаются в политику, предоставив ее другой сфере; общество не мешается в их коммерши, дуэли и стычки с кнотами. Напротив, у нас, — едва повеяло новой жизнью, едва общество почувствовало новые стремления, — и тотчас же появились рефлективные движения в университете. Но отражательные движения не могли быть целесообразны, и потому они перешли в беспорядки.

Анализируя эти беспорядочные рефлексы, нам нетрудно убедиться, что они не все в одинаковой мере были безнравны, бессознательны и беспорядочны. Их всех можно разделить на три рода. В одних проявляется только грубая сторона общества, в виде насилия; в других выражается, более сознательно, известная мысль, относящаяся до интересов студенческого быта; в-третьих, наконец, эта мысль имеет уже более обширное, более общественное значение. Все три, однако же, обнаружились под влиянием настроения, перешедшего из общества в университет. Везде действие проявлялось корпоративно. Везде обнаруживалось понятие о достоинстве, значении и силе корпорации. Так и поступкам насильственным, нарушившим общественный порядок, лежало в основании это же понятие, и как бы такой взгляд на коллективную личность корпорации ни был бестолков и ложен, он совпадает с развитием мысли о личном достоинстве во всем образованном обществе; самоуправство же было только его необдуманное применение. Сюда относились буйства и драки за нанесенные обиды одному или нескольким студентам. Шумные сходки и суждения о делах,

касающихся до интересов студенческого быта, имели своим началом также вопросы об общественных интересах, возбужденные в наше время новыми потребностями и реформами. Сюда принадлежали вопросы о студенческой библиотеке (в Киеве), о кассе для бедных, о плате за учение, о лекциях некоторых профессоров. Наконец, третьи зависели уже от непосредственного перенесения общественных вопросов из общества в его новое поколение. Это делалось или невольно и почти бессознательно, или переносилось самим обществом, отцами — сознательно. В Одессе, в 1857 г., едва пришла весть чрез иностранные газеты «об улучшении быта крепостных людей», и студенты лицея первые собрались и пили за здоровье освобождающего и освобождаемых, — это пример невольного увлечения. Напротив, вопрос о национальности был перенесен в западных губерниях из общества и семейств, уже сознательно, на университетскую почву.

Известно, как при этих проявлениях старый порядок вещей оказывался несостоятельным. И университетская полиция, и влияние профессоров, и власть попечителей — все сделалось недействительным. Но если несостоятельность старого стала очевидна, то зато трудность придумать что-нибудь лучше стала еще очевиднее.

Еще в 1859 году я представлял — на вопрос министерства — мое мнение о необходимости коренной реформы в университетской администрации. Я высказал тогда мое убеждение, что необходимо избрать одно из двух: или ослабить корпоративное начало, или правильно его организировать. Через два года после того на эту тему много писали и полемизировали. Не обошлось, разумеется, и без комбинаций. Но как бы ни решали и как бы ни комбинировали, не нужно упускать из виду главного — того, что успешность всех средств может быть только относительная. Они не уничтожают, и не могут уничтожить, причину; а покуда эта причина будет действовать, до тех пор прямое назначение университета, учебно-научная деятельность, не будет соблюдена в ее ненарушимом спокойствии. Из этого, конечно, не будет следовать, что принятые меры негодны. Каждая из них может принести только известную долю пользы и при известных условиях.

Если увлечения, движения, беспорядки приняли характер корпоративный, то уничтожение корпоративного начала представляется, с первого же взгляда, самым надежным средством. Чтобы не спорить о словах, нужно согласиться, что студенческой корпорации в том смысле, как она понимается в германских университетах, у нас нет. Но где только собираются люди на продолжительное время, ввиду известной цели, да к тому же еще если их сближают возраст, воспитание и

национальности, то там корпоративное начало уже есть непременно. Оно в нашем студенчестве имело, в некоторой степени, и юридическое значение, потому что было соединено с некоторыми правами. Если угодно, это были не настоящие права, а только снисхождение к возрасту и исключительному положению студентов в обществе (*status pupillaris*)[1]; но, тем не менее, студенты смотрели на это снисхождение как на привилегию. Сюда относились мундир и особая университетская расправа. С другой стороны, экзамены, курсы, обязательность учения, стипендии, казенный кошт также не мало пособили развитию корпоративных идей между студентами. Итак, естественно, для противодействия этим понятиям, нужно было, во-первых, уничтожить их внешнее основание, или формальную, юридическую поддержку, и, во-вторых, внести в студенчество другие элементы, которые ослабляли бы корпоративную связь. Это значило — сделать университет как можно более открытым и более доступным. Ни я и никто другой, конечно, не думал такими средствами совершенно уничтожить корпоративное начало; его причина бытия, его *raison d'être*[2], — я сказал уже — лежит гораздо глубже. Я нисколько не имел и сангвинических надежд разом прекратить все беспорядки, причина которых лежит также глубоко и, притом, вне университета. Но, делая корпорацию бесправной, лишая ее законности, внося в нее другие элементы и уничтожая внешнее различие между студентом и гражданином, можно было надеяться, что дальнейшее ее развитие со временем прекратится. В этом отношении, я думаю, трудно оспаривать логичность предложенной меры. Слабая же сторона, очевидно, та, что, несмотря на все соображения, понятие о корпорации может еще сохраниться в большинстве учащихся, соединенных возрастом, целями, воспитанием и т. п. В таком случае, корпорация будет все-таки существовать, но уже совершенно незаконная, неорганизированная и вовсе устраненная от нравственного влияния университета.

Другое средство, казавшееся более воспитательным, была правильная организация корпоративного начала. Если успешность первого нельзя подтвердить никакими фактами, — пример Франции не соответствовал вполне — то зато практичность второго кажется доказанной на деле: у нас — дерптским и в Германии средневековыми университетами. Но, к сожалению, это только кажется. Для

---

[1] Сиротское положение.

[2] Смысл существования.

организации студенчества в правильную корпорацию нам недостанет двух главных условий: предания и нравственной супрематии организаторов. Будь они у нас налицо, то уже давно бы все было организировано само собой. В предании есть сила, организирующая изнутри. А организировать извне мог бы тот только, кто пользуется глубоким нравственным доверием. Это, конечно, могла бы быть коллегия наставников. Но в наших университетах нравственная связь между этой коллегией и студенчеством была нарушена, и восстановить ее, — если она когда-нибудь восстановится, — могут только время и обстоятельства. А чтобы дать этой организации, — как этого, кажется, хотят, — еще другое, высшее, воспитательное значение, — о! для этого нужно многое и многое, чего у нас вовсе нет. Правда, сохранения порядка можно скорее достигнуть в университетских судах и расправах, которыми, пожалуй, также воспитывают. Но для этого устройства понадобится со стороны коллегии столько самоотвержения, столько нравственной силы, а со стороны студентов столько доверия и того, у нас незнакомого, чувства, которое прежде называлось *pietas erga praeceptores*[1], что успокоительное действие этих судов и расправ у нас более чем сомнительно, по крайней мере, в настоящее переходное время. А правильно организованная корпорация студентов немыслима без выборного начала и без суда, главным основанием которому служит не внешняя, а нравственная власть судей. Так, во многих случаях, университетский суд имеет дело не с отдельными лицами, а с целой корпорацией, и если у нее не будет ответственных выборных, то суд или ровно ничего не сделает, или действия его будут произвольны, случайны и возбудят непременно ропот и неудовольствие. Ответственные выборные необходимы также для удержания порядка, а главное, — если организация предпринимается с воспитательной целью, — для поддержания нравственного начала в корпорации, которой в известной степени должно быть предоставлено право судить о поступках ее членов. А это будет требовать студенческих собраний и сходок. Насколько у нас удастся дать им правильный вид и устранить все подозрительное, это опять решить трудно. С другой стороны, внушить доверие к суду в молодежи, увлекающейся и смотрящей на все еще слегка, — дело не легкое. Университетский суд нигде не бывает инквизиционный; судьи решают обыкновенно по убеждению, и потому должны пользоваться чрезвычайным доверием,

[1] Пиетет к наставникам.

чтобы решения их признавались справедливыми и беспристрастными. А этого у нас достигнуть еще труднее.

Итак, введение и той, и другой меры представляет много препятствий. Решить *a priori*, которая даст более шансов на успех, невозможно. Стало быть, и здесь нельзя экспериментировать во всех университетах одним и тем же способом. Можно ли, например, полагать, чтобы в многолюдном столичном университете удалось организирование, а в небольшом провинциальном — дезорганизирование корпорации? Можно ли организировать, не нарушая порядка, там, где национальности резко или враждебно стоят одна против другой, и, напротив, почему не испробовать этого средства там, где число студентов незначительно и где национальной разнохарактерности не существует? В одном университете, например, мне удалось, до известной степени, устройство судной комиссии; в другом учебном заведении довольно хорошо шел совестный суд между студентами. Но общего ничего нельзя сказать, и введение одной и той же меры везде не даст ожидаемых результатов, — особливо если будем ждать быстрого уничтожения следствий, тогда как причин устранить не можем.

Еще менее должно рассчитывать на успех, если ни одну из мер не удастся провести последовательно и всецело. Так, если студенты, за проступки в стенах университета, будут подлежать одному, а за проступки вне университета другому суду, то нравственное влияние первого будет ослаблено вторым; если корпоративное начало, с одной стороны, ослабится уравнением прав и подчинением студента общей гражданской власти, а с другой, допущены будут сходки для обсуждения дел студенчества, или ежели вместе с судом гражданским признается необходимым и суд университетский, то понятия студентов об отношении их к обществу и университету сделаются сбивчивы и неверны; а за судом университетским останется не высокое нравственное, а одно карательное и внешнее значение.

Наконец, решить *a priori*, в какой мере окажется на студентах моральное влияние коллегии, обновленной через автономию, также невозможно. Сильной нравственной связи между коллегией профессоров и студентами у нас почти никогда не было. Замечалось иногда частное влияние даровитых личностей. Предание не соединяло целых поколений с университетом, как в Германии, Англии и у нас, в Дерпте. Настоящей университетской жизни также никогда не существовало. Счастливые воспоминания об «*alma mater*» не передавались из рода в род. Итак, трудно верить, чтобы новый порядок вещей, и при автономии университета, скоро укрепил связь коллегии с студенчеством. А до тех

пор нельзя и мечтать о воспитательном значении университета, которое только и держится этой связью. Если же и при таких условиях коллегия возьмет на себя ответственность перед правительством за сохранение порядка между студентами, то это будет готовность, которой нельзя не желать успеха. Но для этого коллегия, прежде всего, должна восстановить свое нравственное влияние, — а чтобы восстановить его, одной автономии мало; недостаточно также и личного влияния любимых наставников; не личное оно должно быть, а коллективное, и требует свойств в наше время редких: самоотвержения, без которого нельзя иметь дела с студентами; справедливости и беспристрастия, которые высоко ценятся молодежью; любви и уважения к молодости, без которых зрелый человек неверно судит, теряет терпение и ожесточается, смотря на поступки незрелого.

Итак, чтобы достигнуть успеха, нужно будет много времени, много дела и, главное, много знания дела. А покуда, нельзя не обратить внимания на одно важное обстоятельство, которое вредит нормальности всех проявлений нашей жизни. Это наше неуважение к факту... Мы смотрим на факты, действительно, как на поворотливые языки, как на пешки, которые можно передвигать с одного места на другое. Факт, сам по себе, без пикантной приправы, без интриги, для нас — такая мелочь, что не стоит о ней хлопотать. Поэтому мы лучше понимаем немецкую философию, чем самого немца, с его охотой к кропотливым исследованиям. Нам смешна его усидчивость в разыскании фактов. Она кажется нам следствием тупоумия и ограниченности взгляда. У нас, кроме лекций, нет другой оценки достоинству профессора. Учась, мы не интересуемся изучать скучный процесс фактического дознания и не заботимся проследить тот механизм, которым дошел наш наставник до убеждения. Ни наши ученики не имеют охоты заглянуть в рабочую учителя, ни учители — пригласить их туда. Нужно — или, после этого, скорее не нужно — удивляться, как туго идет у нас вообще вся фактическая сторона знания. У нас не было кафедры философии, и потому немудрено, что нет философов и мало людей, понимающих связь наук, значение университета и т. п. Но у нас почти нет и естественников, и физиков, и анатомов, и хирургов, хотя и не было никаких препятствий к изучению этих наук. Это, конечно, доказывает, что нарушение общей связи наук не идет впрок ни одной из них и что произвольно нельзя содействовать успеху одних, устраняя другие. Но, все-таки, это одно не объясняет анти-фактическое направление в молодом и свежем народе, а потому оно и знаменательно. От науки переходит это направление и в жизнь. Тогда как в политике образованных народов «*un fait*

accompli» получает теперь все более и более значения, у нас совершившийся факт теряет и то, которым он пользуется у необразованных. Мы — на пути к отвлечению, все ищем смысла в факте и теряем свой, забывая, что осмысленный или неосмысленный факт, если только верен, так же важен, как опыт Гальвани над лягушкой, которого значение для общества тогда только поняли, когда сделали электрические телеграфы. Между тем, вся связь общества, все влияние одного поколения на другое и одной среды на другую основано на уважении к фактической стороне жизни. Взгляды и воззрения разделяют общество, факт — соединяет. Потому-то развить в новом поколении уважение к факту я считаю одной из самых главных задач нашего университета.

Децентрализация университета, разнообразность реформного эксперимента, неразрывная связь научного начала с прикладным и учебным, усиленное значение того или другого и направление, приспособленное к местным условиям, университет самостоятельный, но не иерархический, университет для большинства и меньшинства, автономия при рациональном контроле, *Lehr und Lernfreiheit*, доцентство, при гласности и общественном мнении, как оппозиция застою и непотизму, свободная конкуренция и конкурс, как средства к развитию доцентства и оценки научных заслуг, вознаграждение по личным достоинствам, а не по должностям, улучшение материальной стороны университетского быта, разделение звания от должности, обсуждение университетских дел в высшей инстанции не только путем бюрократическим, но и путем науки, зависимость нравственного значения университета от нравственного состояния общества, развитие уважения к факту, как задача университета, — вот программа, которую я предлагаю. Меры к ее осуществлению далеки от совершенства. Не это, однако же, меня беспокоит; я боюсь, что не сумел выразить мысли, и опять не буду так понят, как бы мне этого хотелось. Найдутся противоречия, особливо с тем, что я высказал в моих заметках на проект. Но писать замечания на чужое и писать свое, — это — не одно и то же.

Многим покажется, что я слабо отстаиваю улучшение материального быта наших университетов, которое, между тем, есть *conditio sine qua non* реформы.

Но я потому мало о нем распространялся, что, во-первых, считаю необходимость его слишком очевидной, а, во-вторых, потому, что не полагаю его единственным условием, устраняющим все другие.

Меня занимают более отношения университета к государству, обществу и науке. Не разъяснив, не определив этих отношений, нет возможности и установить верный взгляд на значение университета.

А от этого взгляда зависит и его будущность, и нормальность его отправлений (функций). Так, если отношения университета к государству и обществу должны быть утилитарно-вещественные, то университет теряет свою причину бытия, свой *raison d'être*, и распадается непременно на несколько специальных школ. Если напротив, эти отношения должны определяться стремлениями высшими и более духовными, то университет, для сохранения своего истинного значения, требует также непременно полной свободы научного расследования и учения.

Эта свобода, в свою очередь, легко рождает в государстве и обществе неприязненные взгляды на деятельность университета, и он легко заподозревается в стремлениях, противных принятому порядку вещей. Рождаются недоразумения и взгляды, вредные для жизни и будущности университета.

С другой стороны, если при существовании университета свобода научного расследования признается опасной для спокойствия и порядка в обществе и потому ограничивается различными мерами, то она, как жизненный атрибут науки, проявляется путем скрытым и противозаконным. А это развивает в деятельности университета стремления, еще более опасные, нередко антинаучные, соединенные с ложным пониманием, превратным толком и деморализацией целых поколений.

Если университет, признанный таким в государстве формально, но, с одной стороны, ограниченный в свободе научного исследования, а, с другой — не удовлетворяющий вещественным потребностям государства и общества, не будет поставлен в связи с другими, реальными, учреждениями, имеющими средства удовлетворить этим потребностям, но не оживленными духом науки, то значение его в государстве и обществе делается еще более шатким и сбивчивым, будущность — еще более сомнительной. От него требуют того, чего он не может дать.

Если, наконец, время и перевороты общественной жизни вносят в такой университет стремления, угрожающие порядку и самой науке, а быт представителей науки и порядка в университете, — т. е. посредников между государством, обществом и университетом, — не изменяется ни в материальном, ни в научном отношении, то университет приходит в ложное положение относительно государства, общества, науки и учащихся. А это еще более увеличивает неприязненность и сбивчивость взгляда на его значение. Все худое, в глазах государства и общества, обрушивается на науку, наставников и учеников.

Главная задача во всяком механизме — пользоваться силой, теряемой от трения. И в университетском вопросе главное — уменьшать трение и утилизировать силы, которые с ним пропадают. Мирить, уяснять и способствовать к распространению здравых понятий о значении университета и его отношениях — я считаю обязанностью каждого благонамеренного человека. Успел ли я хоть сколько-нибудь ее исполнить — судить не мне.

РАЗДЕЛ 2

ЗАМЕЧАНИЯ НА ПРОЕКТ ОБЩЕГО УСТАВА ИМПЕРАТОРСКИХ РОССИЙСКИХ УНИВЕРСИТЕТОВ

Замечания Совета Императорского Московского Университета[1]

Совет Императорского Московского университета, обсудивши присланный на его рассмотрение проект общего устава Императорских Российских университетов, имеет честь представить следующие соображения:

§ 1. Имея в виду, что деятельность университета состоит не в одном преподавании, но и в развитии науки; что университет возводит в ученые степени; что в числе его обязанностей находится содействие к изданию ученых сочинений; что при университете состоят учебные общества, — совет большинством 17-ти голосов полагает изменить § следующим образом:

Университет есть *высшее ученое и* учебное учреждение, и т. д.

Меньшинство 15-ти членов, соглашаясь со всеми этими доводами, но, полагая, что ученые учреждения не могут разделиться по степеням, находит более уместным: выражение *высшее ученое и учебное учреждение* заменить выражением: *ученое и высшее учебное учреждение*.

§ 2. Замечена грамматическая ошибка: вместо *особенным* покровительством напечатано *особым* покровительством.

§ 3. Основываясь на том, что проект устава имел в виду «усилить самодеятельность ученого университетского сословия изменив прежние отношения к нему попечителя и что попечителю по новому проекту предоставлено более право надзора и контроля, нежели прямая распорядительная власть, совет считает более правильной следующую редакцию §:

---

[1] Публикуется по: Замечания на проект Общего Устава Императорских Российских университетов. Часть 1. СПб., 1862. С. 243–267.

Каждый университет, *под главным управлением министра народного просвещения, поручается особому ведению попечителя.*

§ 8. Так как в ведении инспектора состоит исключительно надзор за студентами и так как последующими статьями он в этом отношении подчинен правлению, то совет полагает изменить § следующим образом: *Равным образом приглашается в присутствие инспектор по делам студенческим, но без права голоса.*

§ 9. Совет полагает, что отдельного Восточного факультета быть не может, так как он составляет одну специальность, не заключая в себе предметов общего историко-филологического образования. Поэтому он должен составлять отделение историко-филологического факультета, как это и было в Казанском университете. Вследствие этого полагается *исключить* в § выражение: *в С.-Петербургском университете есть факультет Восточных языков.*

§ 10. На основании замечаний на § 15 предлагается прибавить в примечании: *Прилагаются также особенности Московского университета по медицинскому факультету.*

§ 12. По историко-филологическому факультету полагаются следующие кафедры и науки:

1. Философия:

а) Логика, б) психология, в) история философии.

(NB. *Педагогию предполагается исключить*).

2. Греческая словесность (остается как в проекте).

3. Римская словесность (должна быть прибавлена *мифология*).

4. Сравнительное языковедение и Санскритский язык.

5 и 6. *Русская словесность и история всеобщей литературы должны быть разделены на две кафедры.*

7. Славянская филология.

8 и 9. *Для всеобщей истории необходимы по крайней мере две кафедры.*

10. Русская история.

11. География.

12. Политическая экономия и статистика.

13. Археология и история искусств.

14. *Всеобщая церковная история и история Русской церкви,* как важный предмет для исторического курса, требует специального преподавателя, который бы специально занимался этим предметом.

§ 13. По физико-математическому факультету полагаются следующие кафедры и науки:

1 и 2. Две кафедры по предмету математики.

3. Механика аналитическая.
4. Механика практическая.
5. Астрономия теоретическая и практическая, геодезия и небесная механика.
6. Физика опытная и математическая и физика земного шара.
7. Химия неорганическая, органическая и аналитическая.
8. Зоология и палеонтология животного царства.
9. Сравнительная анатомия.
10. Ботаника и физиология растений.
11. Минералогия и геология.
12. Технология.
13. Сельское хозяйство.
14. Строительное искусство.

§ 14. По юридическому факультету полагаются следующие кафедры и науки:

1. Энциклопедия законоведения:
а) Юридическая энциклопедия.
б) История философии права.
2. История важнейших иностранных законодательств.
3. Государственное право важнейших иностранных держав. (NB. Отдельная кафедра по этому предмету уже существует в Московском университете).
4. История Русского права и других Славянских законодательств.
5. Римское право:
а) История Римского права.
б) Догматика Римского гражданского права.
в) Византийское право.
6. Государственное право:
а) Общее государственное право.
б) Русское государственное право.
7. Русское гражданское право.
8. Русское гражданское судопроизводство и судоустройство.
9. Уголовное право:
а) Теория уголовного права.
б) Русское уголовное право.
10. Уголовное судоустройство и судопроизводство (по примеру гражданского судопроизводства, желательно отделение этой кафедры от уголовного права, по обширности науки).
11. Законы благоустройства и благочиния.
12. Наука о финансах.

13. Международное право и дипломатия.

14. Каноническое право (которое, как предмет не только богословский, но и юридический, при том весьма важный для историко-юридических и политических наук, требует особого преподавателя, со специальным юридическим приготовлением).

Ко 2-му примечанию следует прибавить 3-е: *Судебная медицина с медицинской полицией и обзор местных законов могут быть поручаемы особым преподавателям.*

§ 15. 1) Общее название 4-й кафедры не совсем соответствует предметам.

2) 6-ю кафедру следует назвать частной *патологией,* терапией и психиатрией.

3) 10-ю кафедру лучше назвать *практической* хирургией.

Примечание. *По особенной многочисленности студентов медицинского факультета в Московском университете,* совет считает необходимым для этого факультета особое положение, которого проект при сем прилагается.

§ 16. На основании мотивов, изложенных в § 9, факультет Восточных языков следует преобразовать в *отделение историко-филологического факультета.*

§ 17. При образовании отдельных кафедр для церковной истории и канонического права, § 17 следует изменить таким образом:

Для студентов православного исповедания всех факультетов определяется особая кафедра догматического и нравственного богословия. Другая такая же кафедра может быть учреждена для студентов римско-католического исповедания, если окажется в том надобность.

Примечание. *Профессор православного богословия лично причисляется к историко-филологическому факультету.*

§ 20. Сообразно с положением о доцентах к § 8 следует прибавить: *Но кафедра, замещаемая доцентом, не считается занятой.*

§ 26. В п. 3-м *распределение,* вероятно, значит *рассмотрение.*

В п. 6-м меньшинство 14 членов после слов: *сочинений и переводов* предлагало прибавить: *и журналов.* Но большинство 21 члена, не желая обременять профессоров посторонними и срочными занятиями, во вред преподаванию, не согласилось на это прибавление.

П. 8 предлагается изменить следующим образом: *рассуждение по делам, которые отсылаются советом для предварительного обсуждения в факультеты, а также о том, что предлагается деканом и членами.* Мотив изменения состоит в том, что факультеты составляют

только части совета и помимо совета не имеют сношения с высшим начальством.

Наконец предлагается прибавить п. 10 следующего содержания: *представление совету об открывающихся вакансиях.*

§ 29. По вопросу о том, следует ли допустить для отсутствующего члена совета право передавать свой шар другому при баллотировке, большинство 15 членов выразилось утвердительно, имея в виду: 1) что в корпоративных учреждениях, даже с политическим характером, например в Русском дворянском собрании и в Английской палате пэров, допускается передача шара на том основании, что в корпорации существует элемент доверия, который влечет за собой ближайшее отношение между членами; 2) что преподаватели университета, входя в корпорацию всеми своими интересами, ближайшим образом заинтересованы в обновлении и пополнении корпорации, и потому не должны быть лишены права участия по случайным причинам отлучки; и 3) что возможность нарушения доверия не дает достаточного повода к уничтожению этого драгоценного для членов университета права.

Меньшинство же 12 членов выразилось отрицательно, принимая в основание: 1) что при передаче шара не возможен контроль, необходимый при исполнении поручений — положить шар за или против баллотируемого; 2) что избрание лиц в среду университетской корпорации, которая у нас имеет характер государственного учреждения, отнюдь не есть дело частное или сословное, где пользу или вред от неправильного исполнения данного поручения терпит один управомочивший, что следовательно 3) в отправлении должностных своих обязанностей никто не смеет принять на себя ответственности за неточное исполнение их за него другим лицом, — сочло передачу шара между членами совета при избрании лиц решительно противным значению университета, так как он в § 1 признан государственной корпорацией.

Затем, имея в виду устранить накопление в одних руках множества шаров, большинство 25 членов положило, согласно с общим правилом, прибавить следующее ограничение:

Каждый член не может получить по передаче более одного шара.

Меньшинство же 4 членов считало подобное ограничение противоречащим самому принципу.

§ 30. Имея в виду, с одной стороны, что при требовании двух третей наличных членов, заседание совета часто может не состояться, а с другой стороны, что выбор лиц составляет акт особенной важности, совет полагает нужным изменить § таким образом:

Совет не приступает к рассмотрению и решению дела, если в заседании не находится *более половины наличных членов, а к баллотировке — если не находится двух третей.* Во время вакации совет может иметь лишь чрезвычайные собрания по делам, не терпящим отсрочки.

Примечание 1-е. *Выбор ректора, преподавателей и вообще должностных лиц ни в каком случае не может быть произведен в вакационное время.*

Примечание 2-е. *При баллотировке, отсутствующий член, передавший свой голос, считается присутствующим.*

§ 31. По вопросу о том, следует ли допускать тайную подачу голосов по требованию членов, в других случаях, кроме означенных в первых 3-х пунктах § 32-го, большинство 19 голосов решило вопрос утвердительно, на том основании, что могут встретиться исключительные случаи, в которых личные вопросы соединяются с общими.

Меньшинство же 11 членов, имея в виду, что даже и при обсуждении означенных вопросов (за исключением избрания лиц) явная подача голосов весьма полезна и что баллотировка вообще должна быть по возможности ограничена, полагало не распространять баллотировки за пределы, означенные в первых трех пунктах 32 §.

Затем, по вопросу о том, какое число членов достаточно для требования закрытой подачи голосов, большинство 15 членов было в пользу двух третей, 12 членов — в пользу большинства и 2 — в пользу единогласия.

Далее, по вопросу о том: нужно ли для оставления на службе преподавателей по выслуге ими пенсионного срока, две трети голосов, или достаточно абсолютное большинство, 17 голосов решили в пользу абсолютного большинства, имея в виду, что продолжение срока уравнивается новому избранию, что выбор на 5 лет не должен быть более строгим, нежели выбор на 25 лет, и наконец, что преподаватели, приобретшие опытность, не должны быть подвергаемы более тяжелым условиям, нежели молодые люди, не успевшие еще заявить своей способности в преподавании.

Меньшинство 11 членов, имея в виду: 1) что выбор после 25 лет составляет почти единственное средство контроля над преподавателем, который по существу своего положения должен пользоваться бессменностью, и что поэтому продолжение срока не может быть уравнено с новым избранием; 2) что корпорация имеет естественную наклонность в пользу своих членов; 3) что, с другой стороны, польза народного просвещения требует обновления преподавателей в университете,

ибо долговременное приготовление и преподавание неизбежно ослабляет силы профессора, и 4) что достойный преподаватель всегда может быть уверен в большинстве двух третей, — полагает необходимым сохранить параграф проекта устава в настоящем виде.

Вследствие всех этих прений, положено § 31 изменить следующим образом:

Дела в совете решаются по большинству голосов, подача которых может быть и закрытая, *но не иначе, как в чрезвычайных случаях, когда об этом состоится постановление совета по большинству двух третей голосов.* При равенстве голосов, перевес дает голос председателя. Определение об оставлении на службу преподавателей, выслуживших пенсионные сроки, *утверждается большинством голосов.*

Примечание предлагается *изменить* таким образом:

В делах совета, восходящих на рассмотрение *начальства, представляется* мнение меньшинства, если оно того пожелает, *а также мнения отдельных членов по их желанию.*

§ 32 предлагается изменить таким образом: баллотирование употребляется: 1) при избрании всех лиц, *которых выбор предоставлен совету*; 2) при оставлении преподавателей на службе в университете по выслуге пенсионных сроков; 3) *при отправлении молодых людей за границу для занятия кафедр*; 4) при решении о достоинстве сочинений, назначаемых к печатанию с одобрения и иждивением университета; 5) при всех тех вопросах, решение которых баллотировкой *определено большинством двух третей голосов.*

По вопросу о том, не следует ли в тех же случаях допустить баллотировку и в факультетах, большинство 14 голосов отвечало отрицательно, имея в виду, что факультеты, составляя только части совета, подают мнение, а не постановляют решений, и что членам совета необходимо знать различные мнения членов факультета.

Меньшинство же 12 голосов, основываясь на том, что те же соображения, которые найдены уважительными при введении баллотировки в совет по личным вопросам, равным образом существуют и при подаче голосов в факультете; что в факультете часто влияние одного лица может быть сильнее, нежели в совете, и что наконец этим не исключается возможность и право каждого члена факультета внести в совет письменный отзыв, который может служить членам совета пособием для оценки предполагаемого кандидата, полагало возможным ввести баллотировку и в факультеты.

§ 35 предлагается в п. 1 исключить *почетных докторов,* в п. 6 прибавить: *и рассмотрение вопросов, возникающих между*

преподавателями и студентами; в п. 7 прибавить *а также изданиями, принадлежащими университету*; в п. 9 *увольнение по прошению* предоставить ректору.

Прибавить п. 11: *рассмотрение ежегодной сметы доходов и расходов, срочных ведомостей о состоянии университетских сумм и других представлений правления по хозяйственным вопросам.*

Основанием этого прибавления служит то, что совет, разрешая издержки по учебной части, должен иметь достаточные сведения о состоянии университетских сумм и возможность распределять издержки сообразно с учебными потребностями университета.

Затем предлагается прибавить следующее примечание, основанное на постоянном университетском обычае:

Деканы избираются факультетами в присутствии совета; в случае, если выбор не состоится, они баллотируются советом.

§ 37 предполагается отменить на том основании, что большая часть дел совета идут обыкновенным порядком на разрешение попечителя, и что за тем ежемесячное представление протоколов представляется излишней формальностью, в которой до сих пор не чувствовалась потребность.

Вместо того совет предлагает постановить следующее правило:

Совет имеет право делать представления министру народного просвещения, доводя о том до сведения попечителя.

Большая самостоятельность, предоставленная университетам настоящим уставом, а потому и большая ответственность, на них возложенная, имеют необходимым последствием это право, потребность которого с давнего времени чувствовалась советом в делах чрезвычайных и не терпящих отлагательства; совет полагает, что университеты могут получить только большую силу в исполнении своих обязанностей от этой ближайшей связи со своим главным начальством.

§ 41 предполагается отменить на тех же основаниях, как и § 37.

Вместо того, под заглавием: *о части хозяйственной,* поставить следующий §: *Правление в конце года представляет совету на рассмотрение смету доходов и расходов на следующий год. Оно же ежемесячно вносит в совет ведомости о состоянии университетских сумм.*

§ 45 предполагается изменить и дополнить следующим образом:

Расход сверхштатный, не превышающий 300 рублей в год на один предмет, производит само правление, но не иначе, как с согласия совета, если предмет такого рода — ученая или учебная потребность. На

каждую издержку свыше 300 рублей правление испрашивает *через совет* разрешения начальства. В *случаях, не терпящих отлагательства, правление производит расходы непосредственно, испрашивая разрешение попечителя и донося о том совету.*

Затем совет полагает нужным включить еще следующий §:

Правление, при наиболее важных распоряжениях по части хозяйственной, как то относительно приобретения, отчуждения и способов употребления университетского имущества, вносит свои предположения на утверждение совета.

Основанием этих перемен и дополнений служат мотивы, выставленные в примечаниях к § 35.

§ 47. Предполагается прибавить примечание: *университетские здания и собрания должны быть застрахованы, на что отпускается штатная сумма.*

§ 48 предполагается изменить следующим образом:

Инспекция над студентами подчиняется правлению. Остальные полицейские обязанности, а равно и наблюдение за зданиями, возлагается на экзекутора, во введении которого состоят все нижние служители.

Примечание 1. Экзекутор действует на основании инструкции, данной правлением.

Мотивы перемены изложены в примечаниях к § 89.

§ 49. Примечание для большей ясности предполагается изменить следующим образом:

Исчисленные выше предметы занятий совета и правления решаются сими местами окончательно, *кроме тех, которые* на основании настоящего устава подлежат усмотрению высшего начальства.

§ 51. Сообразно с обязанностями, возлагаемыми настоящим проектом на совет и правление, необходимо изменить § следующим образом:

Попечитель *охраняет интересы университета, содействует совету и правлению* к приведению его в цветущее состояние, наблюдает, чтобы принадлежащие к сему учреждению места и лица исполняли свои обязанности, и в случае нарушения оных, принимает законные меры.

§ 53. На тех же основаниях следует изменить § 53 следующим образом:

Попечитель, в случаях не терпящих отлагательства, *по соглашению с советом или правлением,* принимает нужные меры, доводя о них немедленно до сведения министра.

§ 55. Имея в виду сокращение переписки и устранение затруднений, возникающих при дальности расстояний, совет полагает нужным изменить § таким образом.

Попечитель увольняет служащих при университете в отпуск *на срок свыше 28 дней.*

В § 56 предполагается исключить выражение: *в год.*

§ 57 для большей ясности предполагается дополнить таким образом:

Попечителю предоставляется утверждать *заключаемые правлением* контракты и т. д.

§ 59 и 60. Имея в виду, что помощник попечителя назначается единственно для управления округом в отсутствие и при болезни попечителя, и что такое лицо, не будучи достаточно знакомо с положением округа и университета, не в состоянии удовлетворительно исполнить обязанности, возложенные на попечителя § 51; что до 1835 года помощников попечителей вовсе не было и что тогдашний способ заменения попечителей не представлял практических неудобств, совет считает излишней должность помощника попечителя, полагает нужным вместо обоих §§ поставить следующий:

В отсутствие или за болезнью попечителя место его заступает ректор.

При сем прилагается особое мнение профессора Ешевского. (См. ниже).

§ 67. Основываясь на приведенных выше к § 53 и 55 доводах, совет полагает изменить § таким образом:

Ректор, в случаях важных и не терпящих отлагательства, принимает нужные меры *по соглашению с советом или правлением* и доводит о том немедленно до сведения попечителя.

Затем предлагается сделать следующие добавления к правам и обязанностям ректора:

1. *Ректор увольняет в отпуск на 28 дней и на вакационное время.*

2. *Ректор выдает студентам увольнительные свидетельства по их прошению.*

3. *Ректору предоставляется право производить собственной властью издержки до 30 руб. с., сообщая о том правлению.*

§ 68. Имея в виду, что должность проректора в прежнем смысле не имеет существенного значения, а в смысле начальника инспекции представляет значительные неудобства, о чем будет сказано ниже; что лишний выбор декана представляет только проволочку дел, совет полагает изменить § таким образом:

В случае болезни или отлучки ректора, место его заступает *старший декан.*

§ 69. Для большей ясности сделать ссылку на примечание к § 35-му.

§ 70. По вопросу о доцентах произошло в совете разногласие.

Некоторые члены полагали вовсе уничтожить звание доцентов и заменить их сторонними преподавателями, имея в виду независимость и постоянство положения, необходимые для профессора, а также и равенство положения профессоров.

Другие члены полагали сохранить доцентов в смысле теперешних адъюнктов, давши им полную самостоятельность в преподавании.

Но большинство 25 членов, имея в виду пользу предварительного искуса для вновь вступающих преподавателей, полагает сохранить постановление проекта.

Затем по вопросу, нужно ли сохранить два разряда доцентов: старших и младших, некоторые члены считали такое различие излишним, не находя для него существенного основания; большинство же, имея в виду, что баллотировка после 3-х лет установляет существенное различие, полагало сохранить оба разряда.

§ 71 предполагается изменить следующим образом: никто не может быть ординарным профессором, не имея степени доктора. Для получения звания профессора экстраординарного надлежит иметь по крайней мере степень магистра; доцентами же, *как старшими,* так и младшими приват-доцентами могут быть кандидаты, лекари (не ограничиваясь лекарями *с отличием*), провизоры и ветеринары, представившие диссертации (*pro venia legendi*) и защитившие их *в присутствии факультета. Диссертация, а равно и отзывы о ней факультета должны быть печатные.*

Примечание 1 остается как в проекте.

Примечание 2. *Ординарный профессор богословия может быть и магистр.*

§ 72. Примечание 2 предполагается *уничтожить,* так как младшие доценты не могут считаться занимающими кафедры.

§ 74. Имея в виду, что приват-доценты суть частные преподаватели, вступающие в конкуренцию с профессорами, но что с другой стороны для большего привлечения в это звание им необходимо предоставить некоторые льготы, совет полагает нужным прибавить к § следующее примечание:

Приват-доценты не состоят на службе; но время их преподавания может быть им зачислено впоследствии, при поступлении на

службу, по одобрительном засвидетельствовании университета. Приват-доценты могут получать гонорар от студентов собственно по назначению.

§ 75. По вопросу о том, нужно ли баллотировать доцентов через каждые три года или только однажды, большинство 21 члена, имея в виду необходимость дать испытанным уже преподавателям более обеспеченное и независимое положение в университете, полагает после 3-х лет не повторять вновь баллотировки; меньшинство же 8 членов, основываясь на том, что доцент не занимает кафедры, что настоящее значение доцентов служит рассадником для профессоров, что доценты, не подвергающиеся баллотировке, ничем не разнятся от профессоров, кроме звания, и что достойный доцент всегда может быть выбран в профессоры, — полагало необходимым возобновлять баллотировку через каждые три года.

Что же касается до приват-доцентов, то по вопросу о том, следует ли их подвергать баллотировке, также произошло разногласие.

Большинство 12 голосов, считая необходимым постоянный контроль университета над приват-доцентами и возможность удалить их во всякое время, считало при таком надзоре баллотировку излишней; меньшинство же 10 членов, сомневаясь в действительности такого надзора и находя баллотировку единственным действительным средством удалить приват-доцента, которого преподавание не соответствует целям университета, ссылаясь при том на примеры Немецких университетов, где приват-доцентство дается на известный срок, считало нужным сохранить баллотировку.

Сообразно с мнением большинства, положено выразить § 75 таким образом:

Доценты *через три года по вступлении в должность подвергаются баллотировке, после чего они окончательно утверждаются в звании старшего доцента. Приват-доценты находятся под постоянным надзором факультетов, которые всегда могут представить совету о необходимости удаления приват-доцента, если преподавание последнего не соответствует целям университета. Удаление решается большинством двух третей голосов.*

§ 76 и 77. Имея в виду, что при замещении кафедр, общим правилом должен быть конкурс, а непосредственное избрание должно быть необходимо допущено, как исключение для лиц, приобретших уже известность, которые не всегда согласятся подвергнуться состязанию, большинство 18 голосов считает нужным изменить оба §§ следующим образом:

§ 76. *При открывающейся вакансии преподавателей учреждается конкурс, о результатах которого факультет делает представление совету. Конкуренты, одобренные факультетом, подвергаются избранию посредством баллотировки.*

§ 77. *Если имеется в виду лицо, известное своей ученостью и трудами, то факультет может сделать о нем представление и без конкурса; то же право принадлежит каждому члену совета, который письменно излагает побуждающие его причины. Кандидаты вносятся в особенную книгу и не ранее как через 7 дней баллотируются порознь.*

Меньшинство 8 членов, полагая, что конкурс у нас не всегда может быть успешным, а потому кафедры могут долго оставаться вакантными, считало более полезным удержать редакцию проекта.

За § 77 предлагается вставить следующее:

При открытии вакансии ординарного профессора баллотируются все экстраординарные профессора, имеющие право на избрание, избранным считается получивший наибольшее число голосов. Число ординарных профессоров распределяется по факультетам и на вакансии выбираются члены тех же факультетов. 3 члена считали лучшим избирать старшего экстраординарного профессора и приступать к дальнейшему выбору только в том случае, если старший не получит большинства голосов.

§ 78. Большинство 15 членов, полагая, что выбор преподавателей лучше всего может быть производим корпорацией ученых, которым ближе всего могут быть известны ученые и педагогические способности избираемого, ссылаясь на примеры неудачных выборов, совершенных одним лицом, и считая достаточным обеспечением контроля право министра не утверждать избранные лица, указывая на устав 1804 года, предлагает отменить право министра назначать профессоров по собственному усмотрению.

Меньшинство же 11 членов, полагая: 1) что корпорация, которая не имеет других средств обновления, кроме собственного выбора, легко может превратиться в замкнутый кружок с исключительным направлением и с личными пристрастиями; 2) что университет не есть частное общество, не зависимое от правительства, а государственное учреждение, установленное для государственных целей и получающее содержание от казны; 3) что люди, приобретшие громкую репутацию своими учеными трудами, могут быть известны и не специалистам; 4) что министр, по своему положению имеет то преимущество, что он стоит выше личных столкновений и 5) ссылаясь на примеры Европейских университетов, где назначение профессоров предоставлено

министерству народного просвещения, и на примеры обновления Русских университетов тем же путем, — считало необходимым сохранить § в настоящем виде.

§ 79. В этом § неполно перечисление лиц. Для большей полноты и ясности положено формулировать его таким образом:

Прочие преподаватели, а также библиотекарь и его помощники, астрономы-наблюдатели, помощники клинических преподавателей, ассистенты, прозекторы и их помощники, хранители кабинетов и музеев, ученые аптекари, провизоры, их помощники и лаборанты, по избрании советом, утверждаются попечителем.

§ 81. На основании мотивов, изложенных в § 31, следует заменить $^{2}/_{3}$ простым большинством.

§ 82 предполагается изменить следующим образом:

Профессор, по выслуге 25 лет в должности *штатного преподавателя в университете и в других высших учебных заведениях,* удостаивается звания заслуженного профессора. *То же право принадлежит и лектору, который получает название заслуженного лектора.*

§ 84. Применяясь к уставу 1835 года, предполагается изменить следующим образом:

Преподаватели обязаны: излагать порученный им предмет, согласно с современным требованием науки, руководить другими способами студентов в его изучении и присутствовать в заседаниях совета, факультета и правления, сообразно с назначением каждого.

§ 85. Большинство 14 голосов, полагая слишком затруднительным для преподавателя читать 8 часов в неделю и считая количество часов вовсе не признаком хорошего преподавания, полагает нужным, вместо 8 часов, поставить 6. Меньшинство же 12 членов не видит надобности изменять §, имея гарантию в постановлении совета.

Кроме того, вместо проректора, положено поставить *деканов.*

§ 86. Имея в виду обеспечить преподавателям, занимающим чужие кафедры, верное вознаграждение, совет полагает нужным сделать в § следующее изменение:

За вторую кафедру, из присвоенного ей оклада, он получает вознаграждение, *равное половине самому ему производимого жалования.*

§ 87 и 88. Имея в виду, что полицейские обязанности, которые вызывают мелочные столкновения начальника с подчиненными несовместны со званием профессора и с нравственным влиянием преподавателя на студентов, о чем совет имел уже честь донести министру народного просвещения, совет полагает необходимым выразить оба §§ следующим образом.

Наблюдение за исполнением в университете правил, установленных для студентов и других слушателей, возлагается *на инспектора, избираемого правлением из сторонних лиц, с утверждения попечителя.*

§ 89. По вопросу о том, кому следует подчинить инспектора: ректору или правлению или попечителю, произошло разногласие.

Большинство 17 голосов, имея в виду: 1) что при подчинении инспектора попечителю установляется в университете двоевластие и вызываются столкновения между инспектором и членами правления; 2) что ректор, как непосредственно управляющий университетом, должен иметь в своих руках и университетскую полицию; 3) что меры, исходящие от корпорации преподавателей, имеют для студентов более нравственно-обязательной силы; 4) что при усилении самоуправления университетов, преподаватели не должны отклонять от себя неприятных обязанностей и ответственности, и 5) что устав составляется не для исключительного, неспокойного положения, а для нормального времени, — сочло необходимым подчинить инспекцию ректору и правлению.

Меньшинство же 7 членов полагало более удобным оставить инспекцию в подчинении попечителя на нынешних основаниях, выставляя на вид: 1) что устав 1835 года именно за тем подчинил инспекцию попечителю, чтобы разделить полицейскую часть от преподавания и устранить от профессоров все то, что могло бы препятствовать исполнению настоящих их обязанностей; 2) что при составлении устава не следует упускать из виду и неспокойные времена, в которые университет нуждается в более энергической и более высоко поставленной власти; 3) что преподаватели не должны принимать обязанностей, не совместных с надлежащим исполнением их собственного дела, и что полицейские обязанности, когда принимают слишком обширные размеры, не могут не действовать вредно на университетское преподавание и на отношения преподавателей к слушателям; 4) что все неудобства, сопряженные с возложением инспекторского звания на профессора, остаются и при возложении университетской полиции на правление, состоящее из преподавателей, и 5) что выбор лица, при котором обращается внимание преимущественно на полицейские административные способности, а также и контроль над таким лицом, несравненно лучше производится одним лицом, нежели коллегией.

Сообразно с мнением большинства, полагается изменить § 89 следующим образом:

Инспектор подчиняется ректору и правлению и действует на основании инструкции, обсужденной в совете и утвержденной попечителем.

В случаях, превышающих его власть, инспектор входит с представлением в правление.

§ 90. Имея в виду, что обязанности инспекции сокращаются при уничтожении надзора вне стен университета, что помощники инспектора из чиновников не достигают своей цели, потому что с их обязанностями соединяются неприятные столкновения со студентами и указания на лица, и что роль постоянного свидетеля лучше может быть исполнена лицом не чиновным, совет полагает изменить § таким образом:

В помощь инспектору назначаются один помощник и секретарь, который входит в состав университетской канцелярии. Лица эти избираются *правлением. В ведении инспектора состоит несколько служителей, определяемых ректором по представлению инспектора.*

С другой стороны, имея в виду, что разбирательство значительных проступков студентов может наилучшим образом производиться посредством особого университетского суда, который один может иметь надлежащее нравственное влияние и представить гарантию при постановлении наказаний, могущих испортить всю карьеру молодого человека, совет полагает прибавить следующий §:

Для разбирательства таких студенческих проступков, которые влекут за собой увольнение или исключение из университета, учреждается университетский суд из 4-х членов, ежегодно избираемых от каждого факультета, под председательством ректора. Приговоры университетского суда утверждаются попечителем.

§ 91 и 92. Сообразно с изменением § 79, предполагается оба §§ выразить таким образом:

Архитектор, ученый садовник и механик избираются советом с утверждения попечителя.

§§ 97, 98, 99. Имея в виду, что предоставление гимназиям права испытывать молодых людей, вступающих в университет:

1) Вредно действует на преподавание в гимназиях, уничтожая всякий контроль и пресекая соревнование, которое возбуждается между различными заведениями при испытании молодых людей в университете.

2) Уничтожает конкуренции со стороны частных заведений и убивает последние, поставляя их в зависимость от гимназий, которым предоставляется монополия экзаменов.

3) Что таким образом постоянно будут вступать в университет молодые люди, совершенно не приготовленные к слушанию лекций, что поставит в необходимость понизить уровень

преподавания в университете, — совет полагает изменить §§ следующим образом:

Все молодые люди, достигшие 17-летнего возраста, принимаются в университет не иначе, как по удовлетворительном испытании в самом университете. Формы и способы испытания установляются советом с утверждения министра.

Примечание. Студенты духовной академии могут быть принимаемы в университет без предварительного испытания.

§ 102. Имея в виду уравнить с университетами другие высшие учебные заведения, совет полагает сделать следующие добавления к §:

Примечание 1. *То же право предоставляется студентам медицинских академий.*

Примечание 2. *Студенты, кончившие философский курс в духовных академиях, могут поступать на* 2 и 3 *курсы историко-филологического факультета, по выдержании курсового экзамена, установленного для студентов университета.*

§ 103. Имея в виду, что ограничение посторонних слушателей одними совершеннолетними ведет к недопущению в университет лиц, могущих с пользой слушать университетские курсы, совет полагает нужным сделать к § следующее добавление.

Примечание. *Могут записываться в сторонние слушатели и прежде достижения полного совершеннолетия, но не прежде однако 17-ти лет, лица служащие и молодые люди, выдержавшие вступительный экзамен в университет.*

§ 108. Большинство 13 членов, считая нужным предоставить освобожение от платы только тем студентам, которые представляют некоторое ручательство в том, что они с успехом могут проходить университетский курс, и видя в такой льготе одно из надежных побуждений к занятиям полагает сохранить § в настоящем виде, сделавши в нем только нижеследующие изменения, основанные на § 97. При сем относительно вновь вступающих в университет берется во внимание *вступительный экзамен.*

Меньшинство 11 членов, полагая: 1) что освобождение от платы не составляет награды за успех, а только облегчает бедным людям возможность получить университетское образование без всякой издержки со стороны казны; 2) что при состоянии Русского просвещения необходимо дать в университет возможно больший доступ желающим учиться; 3) что университет, допустивши студента на основании вступительного экзамена, тем самым признал его способным слушать лекции; 4) что для бедного требование платы равносильно увольнению из

университета, следовательно составляет наказание, от которого избавлены богатые, и 5) что освобождение от платы на основании одного свидетельства о бедности уже существовало в университете с 1842 года, а до того времени все освобождались от платы, — считало полезным установить освобождение от платы на основании одного свидетельства о бедности, данного от общества или сословия, к которому принадлежит студент.

При сем прилагаются объяснительная записка одного из членов меньшинства, профессора Ешевского, к которой присоединились три члена, не бывшие в заседании, а также записка профессора Сергиевского, не подававшего голоса за отсутствием. Профессор Бодянский, подавший голос с меньшинством, заявил, что все свои замечания по этому вопросу и по другим, касающимся устава, он печатает отдельно.

§ 109. Предлагается в пункте 2-м прибавить для большей ясности: сыновья преподавателей и чиновников, служащих и *служивших* при учебных заведениях ведомства министерства народного просвещения.

§ 111. Предполагается прибавить: *лица, имеющие университетские степени.*

§ 114. Предлагается прибавить новый §.

Для подготовления молодых людей к занятию профессорских кафедр, отпускается достаточная, означенная в штате сумма. Часть ее определяется на стипендии молодым людям оставляемым при университете на год или на два года, а другая часть — на содержание молодых ученых за границей.

§ 115. По вопросу о том, следует ли предоставить студентам право оставаться в университете на неопределенный срок, большинство 19 голосов, имея в виду, что долговременное пребывание в университете молодых людей ничего не делающих приносит только вред и им самим и их товарищам, как это доказывается опытом, и что особенные обстоятельства, которые могут заставить студента остаться в университете долее положенного срока будут всегда приняты во внимание советом, полагает сохранить постановление проекта, исключив только первую половину, которая может подать повод к недоразумению.

Меньшинство же 8 членов, основываясь на том, что: 1) не следует без особенных причин препятствовать студентам оставаться на курсе или в университете сколько они считают нужным для своего образования, и 2) что задача университета не состоит в опеке над студентами, а что единственные средства нравственного влияния, которыми он может располагать, состоят в хорошем преподавании и в строгих экзаменах, — полагало вовсе опустить §.

Вследствие этого положено выразить § таким образом:

С разрешения совета, предоставляется студентам оставаться в университете и долее срока, означенного в § 21-м.

При сем прилагается особое мнение профессора Ешевского.

§ 116. Предлагается к поощрительным средствам прибавить: *премии.*

§ 118. Имея в виду, что способы производства *экзаменов* должны быть предоставлены ближайшему усмотрению самих университетов, которые могут сообразоваться с обстоятельствами и с уровнем занятий студентов, и что постановленное в § ограничение может иметь свои неудобства, совет полагает исключить вторую половину §, начиная со слов: *с тем однако.*

§ 119. Предполагается в примечании 2 прибавить *премии,* и вставить 3-е примечание следующего содержания:

Сочинения на степень кандидата могут удостаиваться медалей и премий, если на заданную факультетом тему не явилось соискателей.

Затем, имея в виду уравнение студентов медицинского факультета со студентами прочих факультетов, и возможность выпускать недостаточно успевших молодых людей и без важного права лечения, предполагается прибавить следующий §:

Студенты медицинского факультета, окончившие полный экзамен с отличным успехом, получают степень лекаря с отличием; в дипломе их пишется, что они выдержали экзамен: summa cum laude. За успехи очень хорошие дается степень лекаря, а за хорошие — звание действительного студента. Действительный студент медицинского факультета не имеет права лечить, но может через год подвергнуться испытанию на степень лекаря.

§ 122. Имея в виду, что составление подробных правил, обязательных для студентов, возлагается на совет и что вторая часть § в сущности заключает в себе только обязанность повиноваться установленным правилам, что уже достаточно выражено в 1-й части §, совет полагает *исключить* вторую половину.

§ 123. Из числа наказаний, исчисленных в этом §, совет полагает *исключить* временное удаление из университета как наказание антипедагогическое, ибо оно поощряет только бездействие. Сверх того, на основании §, вставленного за § 90, следует последнюю часть выразить так:

Решение об увольнении или исключении студента из университета постановляется *университетским судом и приводится в исполнение с утверждения попечителя.*

§ 128. Для большей полноты предлагается изменить § следующим образом:

Советы университетов, по представлениям своих факультетов, имеют право возводить в ученые степени и *звания, и утверждать в оных.* Ученые степени суть: доктор, магистр, *лекарь,* кандидат; ученые звания: *действительный студент, провизор, аптекарский помощник, ветеринар, ветеринарный помощник, дантист, повивальная бабка. Кроме того, по представлениям медицинского факультета, совет утверждает в медицинских учено-служебных званиях, которые суть: a) уездный врач, b) акушер и оператор, как члены врачебной управы, c) инспектор врачебной управы.*

При этом примечание должно быть исключено.

§ 129. Имея в виду, что экзамен на степени может быть удовлетворительный только когда экзаменующийся посвятил несколько лет серьезной работе; что в других странах требуется, как условие экзамена, с товарищами о слушании известного числа университетских курсов; что без этого требования посторонние лица, желающие получить степень, будет иметь льготу перед студентами, совет полагает изменить § таким образом:

Степень кандидата приобретается по испытании и по диссертации, одобренной факультетами. Ищущий степени кандидата должен предварительно выдержать вступительный университетский экзамен и представить свидетельство, что он прослушал полный университетский курс в одном из Русских или иностранных университетов или в других высших учебных заведениях. Кандидат испытывается из всех предметов, из которых экзаменуются и студенты.

Остальная часть остается в прежнем виде.

При обсуждении этого вопроса, меньшинство считало полезным допустить посторонние лица и к экзамену на звание действительного студента, имея в виду с одной стороны дать молодым людям возможность получить ученые степени и при менее значительных познаниях, а с другой стороны дать экзаменаторам возможность делать кандидатам более строгие экзамены.

Но большинство отвергло это предложение, имея в виду, что такое допущение было бы преимуществом, данным посторонним слушателям против студентов, и что при обязательстве выслушать полный университетский курс для получения степени, молодому человеку нет никаких препятствий и для вступления в студенты.

Затем предлагается включить следующий §:

К экзамену на степень доктора медицины допускается только тот, кто имеет степень лекаря. Лекарь только через год по получении этой степени может подать просьбу об экзамене на степень доктора. Подавая просьбу об экзамене, он в то же время представляет и диссертацию. По рассмотрении и одобрении диссертации, ищущий степени доктора медицины подвергается теоретическому и практическому испытанию.

§ 134. Предлагается исключить: *почетных докторов.*

§ 137. Большинство 14 членов, имея в виду дать большую прочность и большее значение уставам ученых обществ, предлагается подносить их на Высочайшее утверждение.

Меньшинство же 9 членов не нашло эти основания достаточными и предлагало остаться при постановлении проекта.

§ 138. Предлагается сделать полное исчисление учебных пособий в университете.

При университетах состоят следующие учебные пособия: 1) Библиотека. 2) Музей изящных искусств и древностей. 3) Минералогический кабинет. 4) Ботанический сад. 5) Гербарий. 6) Зоологический кабинет. 7) Кабинет сравнительной анатомии. 8) Физический кабинет. 9) Химическая лаборатория. 10) Механический кабинет. 11) Технологическая лаборатория с технологическим кабинетом. 12) Сельскохозяйственный кабинет. 13) Собрание архитектурных моделей. 14) Астрономическая обсерватория. 15) Анатомический институт с анатомическим кабинетом. 16) Физиологический институт с физиологическим кабинетом. 17) Патологический институт с анатомо-патологическим кабинетом. 18) Химико-фармацевтическая лаборатория с фармакогностическим кабинетом. 19) Кабинет акиургический и десмургический. 20) Клиники терапевтические, хирургические, акушерские, глазная и др. с поликлиниками, собраниями нужных инструментов и иными учебными пособиями. 21) Аптека.

Число учебно-вспомогательных учреждений, по усмотрению совета, с разрешения попечителя, может быть увеличиваемо, по мере надобности и средств.

§ 139. Для большей определенности предлагается формулировать § таким образом:

Библиотека состоит в заведывании библиотекаря и его помощников, число которых обусловливается объемом библиотеки. Прочие учреждения находятся в ведении профессоров, к кафедрам которых они принадлежат. Профессоры называются директорами этих учреждений. При них состоят, как помощники, хранители музеев, прозекторы, астрономы-наблюдатели, лаборанты, механики, садовники и др.

Инструкции и учебные пособия, находящиеся при клиниках, хранят помощники клинических профессоров.

К отделению 1 гл. 9 предлагается прибавить следующее примечание:

Означенные в § 142–149 *и в* § 152 *преимущества присваиваются и состоящим при университетах ученым обществам.*

Отделение II, III, 9-й главы.

При обсуждении этой части проекта было сделано следующее предложение:

Совет Императорского Московского университета, полагаясь на усмотрение высшего начальства, не считает удобным входить в рассмотрение прав и преимуществ, предоставленных преподавателям проектом устава.

Но большинство 14 членов против 7 не сочло возможным уклониться от обязанности обсуждать все части устава, возложенной на него министром народного просвещения.

§ 152. По этом § большинство 7 членов указывает на несоответствие означенных в проекте классов с классами, означенными в проекте устава средних учебных заведений.

Меньшинство же 6 членов желало исчислить самые перемены, которые на этом основании должны быть сделаны в настоящем §.

Кроме того, так как приват-доценты, сообразно с § 74, не считаются на службе, то их следует *исключить* из списка.

§§ 156, 157. Следует *исключить* проректора и приват-доцентов.

§ 158. Указывается на несоответствие степеней, означенных в §, со степенями, которые даются кончившим курс в лицее и в училище правоведения.

Кроме того, для уравнения медицинских степеней с прочими, предлагается *лекаря* возвысить в 9 класс.

§ 162. Следует *исключить* приват-доцентов и *прибавить* прозекторов.

§ 165. Имея в виду, что особые преимущества даются преподавателям на том основании, что их приготовление требует особенно долгого времени, предлагается не считать состоящими на ученой службе: библиотекаря и его помощников, хранителей музеев, обер-веделя и ученых аптекарей.

Кроме того совет изъявляет желание, чтобы восстановлен был устав о пенсиях 1835 года.

Наконец, совет находит желательным, чтобы университетам было даровано право, каким пользуются преподаватели медико-

хирургической академии с 1861 года. Право это даровано им следующим указом:

Время, проведенное преподавателями медико-хирургической академии в чужих краях для усовершенствования себя в науках, зачитается им в действительную службу по академии, как на получение пенсии, так и на производство в чины; но зачет сей допускается в таком только случае, когда преподаватели академии прослужили уже или прослужат в академии или в одном из высших заведений по медицинской части двойной срок против того времени, которое допускается к зачету. *Примечание.* Преподавателям академии, путешествующим за границей с ученой целью на собственный счет, зачитается в действительную службу не более 3-х лет.

Медицинский факультет представил о необходимости возобновить связь между университетом и средними учебными заведениями, готовящими молодых людей к университету. Так как рассмотрение нового проекта средних и низших учебных заведений поручено особой комиссии, которая представит свои соображения, то совет решил отложить рассмотрение представления медицинского факультета, пока не кончит своих работ означенная комиссия.

Замечания адъюнкта В. Д. Спасовича[1]

Подвергаемый ныне просмотру университетский устав 26 июля 1835 года мог служить образцом чисто механического построения этих учреждений. Образование умственное и нравственное стояли в этом уставе на втором плане, а главное внимание законодателя обращено было на внешнее форменное благочиние, на порядок полицейский. Полагалось возможным отделить умственное образование от нравственного и для каждого из них установить особую систему органов, не имеющих между собой никакой связи и солидарности. Для умственного развития молодежи предназначались профессора. Профессор рассматривался, как чиновник, наряжаемый правительством для чтения лекций и производства испытаний. Ограниченный программой, связанный цензурой деканской, ректорской, попечительской, он не имел и не мог иметь никаких связей со студентами и никакого непосредственного влияния на деятельность их вне аудитории.

[1] Публикуется по: Замечания на проект Общего Устава Императорских Российских университетов. Часть 1. СПб., 1862. С. 176–187.

Профессорскому сословию предоставлена была некоторая тень коллегиальности в собраниях факультетских и совете, но эти собрания и совет поставлены были в прямую зависимость от попечителя, не могли делать никаких распоряжений без утверждения попечителя и ограничивались небольшим кругом дел, касающихся лишь техники преподавания и лишенных всякого живого интереса. Совет не имел в своих руках хозяйственной части, которой заведывало правление университета. Ректор, как представитель профессорского сословия, изолированного от студентов, предпочитал второстепенную, но покойную роль председателя совета и правления деятельной роли хозяина, несущего ответственность за все случающееся в мире студентском. Нравственность и поведение студентов поручались исключительно полицейским чиновникам — инспектору и его помощникам, лицам, которые не могли пользоваться между студентами никаким нравственным авторитетом и которые помимо ректора подчинялись прямо попечителю, а через него министру. Отношения этих органов полиции к студентам были чисто патриархальные, то есть основанные не на законе, а на личном усмотрении и произволе. Без суда, административным порядком студент мог быть наказан инспектором или попечителем, посажен в карцер, исключен из университета.

Разительные недостатки этого устройства обнаружились в самом начале нынешнего благополучного царствования. Образовался сильный прилив жаждущих знания слушателей всех возрастов, полов и состояний в пустые до сих пор аудитории. Все элементы и силы общества пришли в живое движение, которое не могло не сообщиться молодежи. Молодежь вносила из общества в университет требования суда, порядка законного, основанного не на произволе, личных гарантий, личного достоинства. Эти потребности, не находя себе удовлетворения в существующем устройстве, вызвали целый ряд столкновений между студентами и властью попечительской или между студентами и общей полицией. Попечители и министерство народного просвещения, поставленные лицом к лицу со студентами, должны были вмешиваться в дрязги и мелочи студентского быта и из всякого простого полицейского проступка или из уличной истории делать вопрос правительственный, политический. В подобных столкновениях между студентами и высшей администрацией совет университета играл самую странную роль. Изолированный от студентов по уставу 1835 г. совет не имел, большей частью, ни желания, ни возможности посредничать с успехом между студентами и министерством; он был лишен всякого юридического основания к подобному посредничеству. Если

он осмеливался делать администрации представления относительно непрактичности той или другой крутой меры, то эти представления считались возбуждением студентов к непокорности. Если совет становился на стороне администрации, то он подвергался обвинению в доносах на студентов правительству и терял всякий свой над студентами авторитет. Одним словом, с обеих сторон совет университета упрекаем был и за свое действие и за свое бездействие.

Каким образом положить конец неустройству, вырвать зло с корнем, дать прочную организацию университету, которая бы удовлетворяла требованиям свободы личной и сдерживала, в то же время, порывы своеволия? — Есть два способа решить этот вопрос.

Один способ решения состоит в преобразовании университета в так называемый *вольный,* то есть в систему даровых публичных лекций, доступных всякому приходящему, с подчинением публики относительно благочиния и порядка общей городской полиции. Подобная реформа едва ли удовлетворительна. Она не развязывает, а рассекает гордиев узел университетского вопроса. Она на первый взгляд как будто бы и выгодна для министерства народного просвещения, избавляя его от ответственности за беспорядки; но в сущности она выбрасывает университет, так сказать, на улицу, открывает его настежь перед публикой для всевозможных публичных демонстраций, и публику в университете ставит под полицейской расправой. Одна только черта в этой системе заслуживает уважения и подражания и снискала ей некоторую популярность: это требование *открытого,* а не закрытого университета, т. е. университета беспрепятственно доступного всем желающим образоваться. Это требование и не ново и весьма естественно. В последние четыре, пять лет университеты были в полном смысле слова открытыми заведениями; публика к этому привыкла и не помирится с какими бы то ни было ограничениями на этот счет, хотя бы вроде тех, которые предлагает рассматриваемый мною проект в статье 103: к слушанию лекций в университете допускаются и... «посторонние лица, достигшие полного совершеннолетия.» — Странное требование метрического свидетельства о рождении от желающего выслушать в университете одну или две интересные для него лекции. Что касается до тех, которые не могут представить подобного метрического свидетельства, то будет ли университет довольствоваться, вместо метрики, медицинским свидетельствованием в летах любознательных субъектов во врачебных управах? — Эта формальность очевидно введена с целью устранить из университета всех временных посетителей, заглядывающих туда не с тем, чтобы держать потом экзамен на ученую степень.

Если она будет соблюдаться, то университет превратится в самом деле в закрытое заведение для некоторых только приходящих. Всего вероятнее, что она не будет соблюдаться, но в таком случае зачем писан закон невозможный и неисполнимый? это подрывает уважение и ко всем остальным выполнимым и возможным законоположениям.

Другой способ решения университетского вопроса может быть определен следующим образом: дать университету *самоуправление.* Иными словами: министерство должно отказаться от ежеминутного вмешательства в мелочи внутренней жизни университета, укрепить совет, возложить на него обязанность непосредственного управления и учащими и учащимися, снабдить этот совет обширной дисциплинарной властью, но вместе с тем сделать его и ответственным за все могущие случиться беспорядки, после чего ограничиваться только общим надзором и наблюдением за тем, чтобы университет, пользующийся полной внутренней свободой, сам в свою очередь не мешался ни в какие движения общественные и служил мирной пристанью для науки. Возможно ли подобное решение вопроса? Отважатся ли лица, входящие в состав совета, взять на себя бремя самоуправления и всю тяжесть неразрывно соединенной с этим самоуправлением ответственности? Будет ли совет в силах сделать то, с чем не могло справиться министерство: ладить с молодежью и удерживать ее в границах законного порядка? Найдет ли правительство в совете достаточную гарантию против повторения на будущее время печальных студентских историй? На эти возражения и сомнения не трудно, мне кажется, отвечать.

От совета *in corpore* и не потребуется особенной отваги при управлении студентами. Ему придется выбрать только хорошего проректора и праведных судей и оказывать этим выборным лицам нравственное содействие и поддержку. Совет сумеет отыскать в среде своей человека благоразумного и энергического, который возьмет на себя хлопотливую, правда, но весьма почетную должность проректора и будет крепко охранять прерогативы своей власти, зная, что его не заподозрят в желании выслужиться перед правительством, что он стоит за свое сословие, за свободу преподавания, за интересы науки. Без служителей аудиторий, без педелей и полиции проректор управится с молодежью одним своим нравственным авторитетом при наличности следующих двух условий: 1) если ему будут вполне развязаны руки, то есть если ему дана будет полная власть выслушивать прошения и жалобы студентов, совещаться с ними о делах, их касающихся, спрашивать мнения их о товарищах относительно раздачи стипендий, разрешать им составление комитетов для заведывания общественными

студентскими учреждениями (библиотекой, кассой, публичными лекциями, концертами); 2) если проректору не будет предоставлена ни малейшая частица власти судебной, судить же всякие преступления молодежи и ее столкновения с проректором будет особый суд правильно устроенный; как в целом обществе, так и в мире студентском раздельность суда и администрации составляет одну из первейших потребностей. Чувство законности там только может одушевлять массы, где массы знают, что в действиях начальства нет ничего произвольного, и что отношения между управляющими и управляемыми основаны не на личном усмотрении, а на безличном, для всех одинаково обязательном законе.

При этих двух условиях почти можно ручаться за спокойствие в университете. Отсутствие прямых сношений со студентами избавит министерство от множества хлопот. Студентские истории потеряют неизбежную ныне политическую окраску, перестанут быть скандалами публичными и сделаются не интересными для публики. Возбуждавшее столько опасений брожение в массах молодежи само собой уляжется и прекратится, по отсутствию к нему причин; огонь потухнет по недостатку горючих материалов. Опасающиеся брожения забывают почти всегда, что брожение является только там, где есть с одной стороны агитаторы, а с другой расположение в массах к агитации. Они смешивают почти всегда анархические выходки с требованиями справедливого, правильного, рационального устройства. В массах найдутся всякие люди, и спокойные и беспокойные, но массы требуют лишь рационального устройства, не любят инстинктивно анархии и весьма по природе своей консервативны. Надлежит дать массе рациональную организацию и положиться на нее потом с полным доверием; она тогда не увлечется движением, не послужит пьедесталом для агитаторов, но заглушит их своим числовым весом и сделается надежным оплотом законного порядка.

Разбираемый мною проект университетского устава сознает необходимость самоуправления, но останавливается в своих требованиях на половине дороги, ограничивается только намеками, оставляет нарочно огромные пробелы, чем дает повод к недоразумениям и ставит успех реформы в зависимости от случая, от личного взгляда приводящих устав в исполнение попечителей, ректоров, советов. Мне кажется, что эти недомолвки и вредны и опасны. Проект понимает, что нельзя воспретить студентам собираться и ходатайствовать коллективно перед начальством о своих нуждах, вот почему проект узаконивает косвенно сходки в статье 122, в которой «запрещается собираться учащимся для

целей, *не* дозволенных начальством»... откуда можно заключить, что им дозволено собираться для целей, разрешенных начальством. Мне кажется, что было бы гораздо достойнее сказать прямо: «учащимся дозволяется собираться и совещаться с разрешения начальства и под его ответственностью». В статье 123 исчислены наказания за проступки учащихся, но не сказано, кто их судит и даже не определено, будет ли существовать в университете суд особый, отдельный от университетской администрации. Мне кажется, что вопрос о суде слишком важен для того, чтобы его обходить и что нельзя его предоставлять на произвол каждого попечителя и каждого совета. Я убежден, что спокойствие будет непрочно при одной административной расправе, хотя бы даже врученной выборному ректору, профессору или инспектору или даже самому совету. Я убежден, что главная опора нового порядка должна именно заключаться в суде. Суд этот обязан строжайшим образом взыскивать за всякое своеволие и нарушение законного порядка. Кроме того, он должен выметать из университета всякий сор и нечистоты, наказывая по жалобам самих товарищей лица, изобличенные в каких-либо нечестных, неблагородных, недостойных звания студента поступках. Известно, как развито в молодежи чувство чести. Чем строже будет эта *censura morum*, тем популярнее будет суд между студентами. Для того чтобы этот суд принес ожидаемые от него плоды, он должен быть простой, скорый, устный и гласный. Он должен быть построен на обвинительном начале, то есть ему не следует собственным своим начинанием преследовать виновных; он обязан судить только тех, которые обвинены будут формально или проректором или товарищами или наконец посторонними лицами, предпочитающими скорую университетскую расправу расправе обыкновенных общегражданских судов. Мне кажется, что этот суд должен быть устроен коллегиально, но немногочислен по своему комплекту, и что его можно образовать из членов, выбираемых ежегодно в эту должность советом, из числа профессоров или даже и доцентов, внушающих к себе доверие по своим нравственным качествам.

Я остановился слишком долго, может быть, на вопросе об организации общества студентского, потому что, по моему убеждению, это и есть вопрос главный, капитальный, от коего зависят все остальные. Они должны быть решены в том же направлении и духе, в смысле возможно большего внутреннего самоуправления и возможно полнейшей свободы преподавания. Не входя в подробный их разбор, ограничусь указанием на те только черты в проекте устава, с которыми не могу по каким-нибудь причинам согласиться.

Преподаватели и преподавание. Нет надобности доказывать, что для того, чтобы иметь хороших профессоров, надобно улучшить их быт в материальном отношении и поставить их иначе в обществе, нежели те чиновники, которыми наполнены правительственные установления и канцелярии. Давно профессора тяготятся чинами, которые не имеют для них ровно никакого значения. Почти нет примеров, чтобы, сошедши с кафедр, профессора делали блестящие чиновные карьеры. Уничтожение чинов было бы весьма желательно для большинства профессоров. Оклады жалования преподавателей до того бедны, что даже и холостым трудно ими довольствоваться, не отказывая себе в необходимом, например в покупке нужных книг, выписывании журналов и тому подобном. Профессору следует дать такое содержание, чтобы ему не нужно было приискивать себе вне университета какие-либо служебные занятия и чтобы он мог сосредоточить все свои силы на одних университетских лекциях, не бегая из одного учебного заведения в другое для приобретения нескольких лишних сотен рублей. Если принять в соображение, что большинство профессоров люди семейные, то надобно согласиться, что приличный профессорский оклад в наше время должен быть никак не меньше 3,000 рублей.

Нельзя не быть слишком строгим при выборе лиц для замещения кафедр, потому что всякое снисхождение и послабление в этом отношении может делаться не иначе, как в ущерб умственному развитию молодежи. Вот почему я вполне сочувствую баллотированию доцентов каждые три года (ст. 75) и оставлению в университете выслуживших пенсию профессоров на иначе, как по большинству $^{2}/_{3}$ голосов (ст. 81). Наши советы до того обветшали и столь мал круг людей, способных к занятию кафедр, что для противодействия возможному иногда в сословном быту непотизму и тому что Французы называют *camaraderie*, нельзя не желать оставления за министром народного просвещения, по крайней мере до поры до времени, прерогативы замещать вакантные кафедры помимо совета (ст. 78). До сих пор министерство пользовалось этой прерогативой крайне осторожно и редко и не было поводов жаловаться на ее злоупотребление.

Строгость выборов и право, данное совету удалять нерадивых преподавателей (ст. 83) делают излишней статью 85, которая требует от преподавателей, чтобы они читали не менее 8 часов в неделю. Число лекций не может никак служить масштабом деятельности профессора, потому что количество бывает часто в лекциях обратно пропорционально их качеству. Нет ничего легче, как читать 10 или 12 лекций в неделю по раз навсегда заготовленным тетрадкам, но для университета

важно не то, сколько преподаватель читает лекций, а то, сколько он читает лекций свежих, новых. По опыту можно сказать, что профессор не в состоянии приготовить более 3 новых лекций в неделю, но эти 3 стоят старых 12. Как согласить малочисленность лекций с полнотой учения? Это не так трудно, как бы могло казаться с первого раза: стоит только позволить профессору читать не весь свой предмет ежегодно, во всех его частях, но только треть предмета или его половину, и заставить студентов слушать эти лекции соединенными курсами, что кому слушать доведется и в каком кому придется порядке. Возьму для объяснения пример с самого себя. Я должен был читать ежегодно и уголовное право студентам 3 курса и уголовное судопроизводство студентам 4 курса. Студенты ничего бы не потеряли, если бы мне было разрешено читать соединенным курсам 3 и 4-му в одном году одно уголовное право, в другом — одно уголовное судопроизводство; я бы, между тем, был гораздо свободнее от этого сокращения лекций наполовину и сбереженное время мог бы употребить на более тщательную отделку моих лекций.

Факультеты и собрания факультетские. Распределение предметов по факультетам весьма, по моему мнению, неудовлетворительно. Почему сравнительное законоведение соединено с санкритским языком (ст. 12)? Почему одна только кафедра назначена двух весьма обширных предметов: Русской словесности и истории всеобщей литературы? Почему политическая экономия отнесена в филологический факультет, где она не так важна, и исключена из юридического, который без нее обойтись не может? Почему политическая экономия соединена со статистикой — предметом, который едва ли может считаться самостоятельной наукой и есть не более как особый метод изучения фактов, применимый ко всем вообще наукам? Почему местные законы России приурочены к кафедре истории Русского права (ст. 14)? Что за предмет: *общее* государственное право? Зачем перемешано уголовное право с полицейским?

Собрания факультетские остаются по проекту почти в том же виде, в каком они были и до сих пор, с той только существенной переменой, в которой давно уже ощущалась потребность, что в состав их включены и доценты. Впрочем, роль доцентов в факультете незавидная. Те из них, которые не занимают особых кафедр безгласны (ст. 23), присутствие их в факультете будет лишнее, если им не дан будет голос, по крайней мере, совещательный. Что касается до занятий факультетского собрания, то ст. 119 напрасно возлагает на эти собрания обязанность читать, одобрять или отвергать кандидатские диссертации.

Факультет никогда этого не делал по недостатку времени, довольствуясь отзывом преподавателя, по кафедре которого писана была диссертация. Вообще можно сказать, что кандидатские диссертации, в том виде, в каком они существовали в последнее время, не достигали своей цели и едва ли надобно их сохранить.

Совет и правление. Центр тяжести в проектируемом университете должен лежать в совете, в котором стекаются все университетские власти, с которым одним министерство народного просвещения имеет прямые и непосредственные сношения. Но сам совет не может считаться самостоятельным, когда от него отнята будет важнейшая часть управления — управление хозяйственное; когда рядом с советом и от него особо существовать будет правление, ему не подчиняющееся и распоряжающееся доходами. Совету необходимо в точности знать свой университетский бюджет, чтобы решить сколько денег может быть назначено каждому доценту, сколько может быть употреблено на учебные пособия, сколько на стипендию; чтобы наблюдать не тратятся ли университетские деньги по пустому; чтобы определить, можно ли, сверх существующих, открыть новую кафедру, можно ли отправить когонибудь за границу с ученой целью или напечатать ученый труд на счет университета. Совет сам, конечно, не может по своей многочисленности и по редкости своих собраний заведывать управлением хозяйственным; но он может из среди себя выбрать хозяйственный комитет, который будет давать совету отчеты в управлении и требовать от совета разрешения на все важнейшие издержки. Нет надобности составлять этот комитет из деканов, которые и без того обременены делами факультетскими; можно бы выбирать других членов совета. Четырехлетний срок службы выборной по университетскому управлению слишком продолжителен. Можно бы его сократить по крайней мере наполовину.

Плата от учащихся есть такой источник дохода, от которого университету никак нельзя отказываться, потому что он залог самостоятельности университета и будущего его саморазвития. Располагая этим доходом университет может открывать новые кафедры, увеличивать число доцентов и расширять круг деятельности своей на пользу общественную. Все это не будет стоить правительству ни одной копейки. Университету должно быть предоставлено увеличивать или уменьшать эту плату, освобождать от нее, рассрочивать платежи или довольствоваться половинной платой с некоторых учащихся. В одном только отношении плата неудобна: трудно примирить взимание ее с публичностью лекций, с доступностью их для всякого без особых

формальностей, без сторожей и билетов. Мне кажется, однако, что можно согласовать то и другое, но для сего надобно изменить самое основание платы, а именно взимать ее не за слушание лекций, а за производство испытаний на ученые степени. Таким образом плата не будет податью на образование, но превратится в налог с тех весьма существенных преимуществ, которыми пользуются в обществе лица, снабженные дипломами от университета.

Отношения совета к попечителю и университета к правительству. По уставу 1835 г. правительство держало в университете особого надзорщика в лиц синдика. Сверх того оно подчиняло совет попечителю, таким образом, что попечитель мог и председательствовать в совете с правом голоса и утверждал все советские постановления. Ограниченный таким образом совет отвык от самодеятельности и при всякой новой студентской истории старался оставаться в стороне, предоставляя попечителю выпутываться самому из происшествия. Новый проект делает две важные ошибки: он и синдика сохраняет и власть попечителя оставляет в прежнем ее виде, на прежнем основании, одним словом проект переносит в новый университет две самые непрактические особенности старого, отжившего порядка, которые будут служить камнем преткновения на будущее время.

Зачем быть в совете синдику — надзорщику, напоминающему членам совета о законе и протестующему против незаконных постановлений? Устав университетский не столь обширен и не столь сложен, чтобы для толкования его надобно было держать при совете особого юриста-техника. Притом в состав совета входит и не один юрист-техник: в нем заседают члены юридического факультета. Синдик слишком низко поставлен в отношении к совету, чтобы он мог надзирать за советом и делать ему наставления. Настоящим надзирателем за советом и оберегателем в университете государственных интересов может быть только лицо, стоящее выше совета, то есть попечитель. Функции попечителя только и должны бы ограничиваться наблюдением за тем, чтобы саморазвитие университета не совершалось в ущерб целому государству и согласовалось с общими интересами народного воспитания. Попечитель, председательствующий в совете по желанию с голосом решительным и участвующий непосредственно в управлении университетом посредством утверждения советских постановлений, несовместен с самоуправлением университетским. Но эти постановления должны бы идти к попечителю на просмотр. Пропуская те из них, которые касаются только внутренних отношений университетских, попечитель должен бы приостанавливать только те, которые он считает противными

государственным интересам, делать предложения об изменении их совету, присутствовать в совете по желанию, но без голоса решительного в роли правительственного комиссара, докладывать министру о постановлениях совета противных государственному интересу, которых совет не захочет изменить; одним словом, служить посредствующим органом между университетом и высшим правительством.

Замечания Роберта фон Моля, из Франкфурта на Майне[1]

Я удостоился особенной чести, получив предложение высказать мое мнение о проекте устава учебных заведений Российского государства, составленном министерством народного просвещения. Считаю для себя обязанностью, по мере сил и с полной откровенностью, отвечать на это доверие, чему доказательством послужит нижеследующая статья, в которой я излагаю мой взгляд на этот предмет. Я позволяю себе предпослать самому изложению моего мнения два общие замечания.

Прежде всего, я решаюсь ограничиться только обзором *«постановлений об университетах»*. В течение всей моей жизни я действовал в университетах, и мне ни разу не удавалось ближе взглянуть на народное обучение или средние школы. В изложении же моих личных, теоретических суждений, которых не может подтвердить или оправдать оных, конечно, не нуждается Российское министерство народного просвещения. Кроме того, для надлежащего понимания и обсуждения тех постановлений проекта устава, которые касаются, так сказать, ежедневной жизни учебных заведений, и применимость коих обусловливается *местными* обстоятельствами, а не общими теоретическими, — для этого необходимо ближайшее знакомство и подробные сведения о состоянии и потребностях государства и народа и о средствах удовлетворения этим потребностям, а таких сведений я решительно не имею.

Вследствие этого, я откровенно признаюсь, что, может быть, многие постановления в проекте университетского устава, которые основываются на местных учреждениях и обычаях, или вытекают из них, не поняты мной, как следует, или поняты в неполном их значении. А потому неудивительно, если то, или другое из моих практических

[1] Публикуется по: Замечания иностранных педагогов на проекты уставов учебных заведений Министерства народного просвещения. СПб., 1863. С. 5–38.

замечаний фактически неверно; что многие из моих советов, при осуществлении, могли бы иметь бесцельные или даже прямо вредные результаты для других частей государственного устройства; наконец, я мог и вовсе не заметить иного, практически очень важного вопроса. В этом случае я, как иностранец, прошу себе снисхождения.

ЗАМЕЧАНИЯ НА ПРОЕКТ ОБЩЕГО УСТАВА ИМПЕРАТОРСКИХ РОССИЙСКИХ УНИВЕРСИТЕТОВ.

I. ПРЕДЛАГАЕМАЯ СИСТЕМА.

Исследованию частностей должно предшествовать решение следующего вопроса: какую мысль желает провести проект устава университетов, другими словами: какое вообще устройство имеют получить Российские университеты? От решения этого вопроса, естественно, зависит общий приговор о проекте; с другой стороны, только в этом случае может быть оценена логичность каждого отдельного постановления.

Эти положения необходимо развить обстоятельнее.

Известно, что университеты, по цели и устройству, развивались в образованных Европейских государствах трояким образом, так что тут речь может идти только о *Немецкой, Английской* или *Французской* системе. Характеристические особенности и вытекающие отсюда преимущества и недостатки каждой из них, в общих чертах, можно представить так:

1. Мысль Немецкого университета — учить в совокупности всем наукам, ради их самих, и в той степени полноты и развития, на которой науки находятся в настоящее время. По этому масштабу, избираются преподаватели повсюду, где их только можно найти. Для этой же цели учреждаются и приватные лекции, так что приискание хороших наставников составляет главную задачу во всех учреждениях и постановлениях, касающихся университетов. На этом же основании, каждому преподавателю предоставлена полная свобода в изложении своего предмета. Далее, существует также свободная конкуренция между самими преподавателями, так что принявший на себя чтение известной науки обязан прежде всего читать ее во всей полноте ее; но он не удерживает за собой монополии по этой науке: читать ее одинаково могут и другие преподаватели; равным образом и первый, если имеет время и желание, может читать лекции и по другим предметам. Государство печется об одном — чтобы главные науки имели *собственные кафедры*

и эти последние замещались даровитейшими людьми; все остальное оно предоставляет свободному желанию, времени, изменяющимся потребностям и пр. Образование людей, вполне способных для гражданской, учебной и церковной службы, — вот важнейшее следствие подобной научной системы; но это не единственная и не самая высшая конечная цель ее.

Такая же свобода в научных занятиях предоставлена и учащимся. Раз допущенные к слушанию, они могут изучать все, что им угодно, бывать на лекциях также у кого угодно, переменять университет по свободному желанию. Итак, не дело университета — хлопотать о том, чем занимается отдельное лицо; его дело — снабдить студента всеми средствами к научному образованию, и — только. Университет не обязывается также экзаменовать учащихся и давать свидетельства об их успехах и способностях, исключая степени доктора, не имеющей особенного значения в практической жизни и встречающейся все реже и реже. Государство и церковь — они должны предъявлять условия, на основании которых желают того или другого кандидата иметь в своей службе, экзаменовать их и пр. Задача университета — ознакомить учащихся с наукой, и притом — по их собственному желанию.

В виде исключения и в противоречие этой основной мысли, некоторые Немецкие государства уклоняются от этой свободы в науке. Так, есть государства, которые определяют отдельные предметы, которые обязан слушать молодой человек, желающий вступить потом на службу, или установляют *minimum* числа лет пребывания в университете и назначают даже срок (напр. один год), в течение которого желающий поступить на службу должен непременно пробыть в туземном университете. В иных случаях, государство, или церковь возлагают на факультет обязанность окончательного испытания, для узнания способности к службе, в присутствии посторонних экзаменаторов, или даже без них. Иногда правительства ограничивают право чтения лекций частных доцентов, дозволяя им читать лекции только по тем предметам, в которых они доказали свою специальность, или которых кафедры не заняты ординарными профессорами. Впрочем, эти аномальные постановления стоят на втором плане, и, как непоследовательные и посягающие на чужие права, неохотно исполняются и, по возможности, обходятся. Зато лучшие Немецкие университеты решительно свободны от этих аномалий; так, напр., в Пруссии — Гейдельбергский, Иенский, Геттингенский...

Несомненно, что эта система, требующая высшей научной специальности от преподавателей, предоставляющая полную свободу

учащимся, приносит очень богатые результаты. Немецкие университеты делают очень много по всем наукам и не только в преподавании, но и в дальнейшей разработке науки. Будучи учебными заведениями, они, по роду занятий своих преподавателей, представляют собой как бы академии наук, и таким образом сосредоточивают в себе и науки в высшем развитии их, и высшее образование. Деятельность преподавателей сильно поджигается свободной конкуренцией других доцентов в том ли самом университете, или в другом; обленившийся преподаватель, отсталый и нелюбимый тотчас же теряет своих слушателей, а в месте с ними — и уважение и денежное вознаграждение. Равным образом, большая, почти неограниченная свобода пробуждает в учащихся самостоятельную деятельность и дает им возможность заниматься любимыми предметами. Молодой человек должен сам заботиться о себе и самостоятельно развивать свои силы, и каждый выполняет это, согласно со своими личными наклонностями и средствами. В этом, конечно, скрывается причина всесторонности и индивидуальности в образовании высших классов Немецкого общества. Впрочем, надо сознаться, что эта система имеет и положительные недостатки. Свободные конкуренции нередко порождают ссоры и враждебные отношения между преподавателями, иногда — впрочем реже, чем можно бы предполагать, — употребляются шарлатанство и недостойные средства для привлечения слушателей. Неодинаковые оклады жалования причиняют неравенство в положении преподавателей, что для многих стеснительно и оскорбительно. При свободе учения и при недостатке контроля за употреблением времени, иной молодой человек решительно погибает, или делает менее чем сколько мог бы и должен был бы делать. Особенный же вред этой системы заключается в том, что преподающий и учащийся остаются чужды друг другу, и тем более чем обширнее университет, знаменитее и известнее профессор. Причина этого заключается частью в том, что профессор читает свою науку, нисколько не заботясь, понимают ли его слушатели, или нет, главным же образом в высоко научных трудах самих профессоров, — в трудах, которые ставят их на степень исследователей и ученых писателей. Преподаватели, с одной стороны, не имеют времени сноситься с учащимися, с другой — не чувствуют к этому и особенного влечения. Итак, смешение учебного заведения с академией наук действует в этом случае очень вредно. Выход из этой крайности возможен только с изменением всей системы.

2. Диаметрально противоположна система *Английского* университета. В Англии не требуют от университета учения всем наукам; так

едва ли что-нибудь изучается и преподается, за исключением классической филологии и математики. Ординарные профессоры вовсе не составляют отборных ученых; напротив, это лица второго разряда, которые только в исключительных случаях самодеятельно разрабатывают науку. Деятельность университета так мало основывается на его ученых занятиях, что нередко на профессора смотрят, как на полную синекуру. Лекции немногочисленны, худо посещаются, по содержанию — до смеха скудны, о систематической же научной полноте и речи быть не может. Вообще, Английский университет представляет полную, хорошо устроенную и роскошно снабженную всеми пособиями гимназию, в которой учащиеся получают общее образование. Специальное же образование по отдельным предметам, за исключением разве богословия, получается в других местах, напр., в Лондонских госпиталях, или же вполне предоставляется на волю личного прилежания, как это делается у правоведов.

Необходимо самое близкое знакомство с Английской жизнью, чтобы видеть, что и подобное, с первого взгляда неудовлетворительное, даже вполне неразумное устройство, может иметь свои хорошие результаты, правда далеко не соответствующие громадным издержкам. Так, жизни и деятельности Английских университетов необходимо приписать повсюду распространенное гуманное образование высших сословий и свободу государственных мужей от систематически-научной односторонности. Конечно, ни одно правительство, даже имея к тому все средства, не пожелает следовать устройству Английского университета; тем не менее, это устройство замечательно в своем роде: оно представляет доказательства, что образования можно достигать совершенно иными средствами, нежели какие обыкновенно употребляются.

3. *Французские* университеты имеют больше сходства с Немецкими, чем с Английскими. Так они подразделяются, напр., на факультеты, в которых читаются для всех открытые лекции по тем наукам, которые признаны необходимыми; впрочем, и от Немецких они существенно отличаются.

Самая уже внешняя организация имеет существенные особенности, которых нет у нас. Во Франции каждый отдельный факультет есть как бы самостоятельное учебное заведение, которое, с другими подобными, не составляет одного органического целого, одной *universitas literarum*. Часто даже не все факультеты находятся в одном городе, отчего и речи быть не может об одном общем правлении для многих, или всех факультетов, об университетском сенате или совете.

Самая задача, возлагаемая на университеты правительством, неодинакова. Высшие Французские школы не имеют целью изучения науки для науки, в ее свободном и полном развитии, но образование специалистов по той или другой отрасли человеческих знаний, или деятельности: правоведов, врачей и т. д. (Богословие изучается, собственно, только в епископских семинариях). Правда, для успешного занятия такими специальными науками считаются необходимыми предварительные философские и естественные познания, для сообщения которых существуют особые факультеты, но ни философия, ни естественные науки не изучаются специально, во всей их совершенной полноте и ради их самих. Вообще, во Франции, как выше уже было сказано, нет университетов в Германском смысле, а существуют специальные школы для отдельных специальных призваний, в которых и специальные науки читаются не в полном объеме их, а насколько они нужны для практического специалиста; таковы: *école normale* для приготовления учителей, *école des mines*, *école polytechnique*, *école forestière*, *école des langues orientales* и т. п. Более научное значение имеют лекции, открытые для всех в *collège de France*, и чтения в ботаническом саду (*jardin des plantes*) и т. д.

Для правильного и успешного образования специалистов по различным отраслям, во Французских высших учебных заведениях существуют следующие постановления. Каждый факультет имеет определенное число профессорских кафедр; каждый из профессоров обязывается читать только известный предмет, в назначенное время, и предписанное число часов. Вакантные места замещаются путем конкурсов: существуют и так называемые *agrégés*, или адъюнкт-профессора, избираемые по конкурсу; приват-доцентов нет. Свободы в выборе учебных занятий для учащихся решительно не существует. На изучение известной науки предписывается определенное число лет (от 4-х до 5-ти), определяется самое количество лекций — очень значительное, уклоняться от которых не позволяется. К правильному посещению лекций часто даже принуждают, где есть возможность, и строго соблюдать периодические испытания, которые назначаются для того, чтобы побудить учащихся усваивать себе специальные сведения. Окончательные или выпускные испытания, дающие право на поступление в государственную службу, производятся также в факультетах. Для занятия известных служебных должностей требуются ученые степени, для получения коих необходимы более продолжительные занятия.

Этот строго систематический и правильно устроенный организм имеет и свои хорошие, и свои худые стороны. Несомненно, что во всех

Французских заведениях сообщается однообразное, специальное образование по той или другой науке. Количество лекций, способ чтения их преподавателями, продолжительность университетского курса повсюду во Франции одни и те же. Установленные испытания побуждают всех учащихся к известной степени уравновешенного прилежания; а определенный срок студенческого курса и последовательное разделение преподавания различных наук не допускают одностороннего занятия каким-нибудь одним предметом. Понятно, что подобное однообразие в образовании всех кандидатов службы много способствует и однообразию самой служебной деятельности, главным же образом единству жизни во всей стране. Далее, не следует также упускать из вида, что постановленный законами курс, который преподаватель обязан прочесть в известное время и в известном объеме, не позволяет ему заниматься посторонними предметами, или вдаваться, при чтении лекций, в излишние, ни к чему не ведущие мелочи, что часто случается с университетскими преподавателями в Германии. Вследствие такого определения курса по времени и по объему, во Французских университетах невозможны такие лекции, которые бы на время останавливались, в средине прерывались, или растягивались и читались в следующем семестре, в котором назначено чтение других лекций. Причин для возрождения споров или зависти между преподавателями, при таком устройстве, не существует, потому что нет вознаграждения за отдельные лекции (гонорария), и нет конкуренции между профессорами, которым следовательно нет никакой материальной выгоды заманивать слушателей к себе на лекции различными непозволительными способами, что случается в Германии. Но, при всех таких достоинствах, монета имеет и обратную сторону. Прежде всего, говоря вообще (конечно, за известными исключениями), Французские профессора не отличаются своими научными познаниями и нравственное влияние их на молодых слушателей незначительно. Главная причина этого заключается отчасти в том, что профессорское содержание очень мало, и потому люди даровитые, имеющие всегда возможность достать себе большее материальное обеспечение, редко стремятся занять университетские кафедры; отчасти же и в самой системе университетского преподавания и замещения вакантных профессорских мест. В последнем случае существует, правда, конкурс, но разве он может представлять достаточные гарантии для занятия кафедры лицами знающими и способными, когда при назначении руководствуются часто не достоинством конкурента, а протекцией или теми или другими политическими видами правительства, или даже

воззрениями клерикальной партии. Кроме того, возможно ли действительное, энергическое соревнование между профессорами, при отсутствии свободного приват-доцентства и при обязательном слушании всех определенных лекций? Только медицинские факультеты состоят большей частью из знающих и дельных профессоров: потому что занятие медицинских кафедр сопряжено с практической деятельностью в госпиталях, что весьма важно для молодых врачей и доставляет им большую частную практику. В результате всех этих обстоятельств оказывается вообще крайняя посредственность университетских преподавателей (здесь мы не разумеем *collége de France* и других подобных ему заведений). Для учащихся существующая система, помимо дурных последствий от плохого замещения кафедр лицами малосведущими и малоспособными, имеет еще тот вред, что они лишены права выбора между разными преподавателями и не могут располагать своих занятий по своим личным способностям и по призванию. Наконец, все преподавание в этом искусственном организме отличается каким-то механизмом, который препятствует свободному развитию сил учащихся. Можно положительно утверждать, и это не будет пристрастно и несправедливо, что Французские студенты, в сравнении с Немецкими, имеют более заученного, но зато гораздо менее основательно и сознательно усвоенного.

Проект устава, составленный для Российских Императорских университетов, представляет смешение Немецких и Французских учреждений и, за исключением внешнего устройства, в главных частях приближается к Немецким. Так, проект требует объединения общего научного преподавания во внешнем и внутреннем составе, такого же объединения всех факультетов в форме одной *universitas*, одного общего высшего начальства, как то попечителя, ректора, совета, правления, частных факультетских советов со своими деканами, наконец — постепенности (правда, несколько отличной от Немецкой) в ученых степенях преподавателей и в определении их на кафедры. По образцу Французских учреждений построено внутреннее обучение и порядок учения, мы разумеем: ограничение свободы чтения профессора известными предметами, ближайшее определение этих последних, отсутствие конкуренции между профессорами, строго определенный курс учения, плата денег за слушание лекций в университетскую кассу, а не отдельно каждому слушаемому профессору, курсовые и выпускные экзамены и т. п. Но есть в проекте и такие положения, которые носят на себе характер страны; так напр. положения о чинах, ученых степенях и пр.

Итак, вопрос теперь в том: верна ли мысль, которая лежит в основании этого смешения? Вопрос этот распадается на несколько отдельных вопросов. Во-первых: возможно ли и полезно ли смешение двух существенно различных систем? Во-вторых, если допустим эту возможность, то в действительности обещает ли такое смешение что-нибудь хорошее? Затем возникают два новые вопроса: первый — точно ли Немецкий внешний организм университета целесообразнее и лучше, чем Французский порядок? второй — действительно ли строго определенная Французская система преподавания заслуживает предпочтения перед свободой Немецкого учения?

Первый вопрос может и не встретить сильного возражения. Соединение внешнего устройства Немецких университетов со строго определенной системой Французского преподавания и обучения еще возможно. Связь обоих не существенная и не неразрывная; а потому остается только рассмотреть, правильно ли сделано это соединение?

Отдавая во внешнем устройстве преимущество связному организму Немецкого университета перед Французским раздроблением его на самостоятельные, совершенно разъединенные факультеты, министерство, очевидно, руководствовалось не только потребностями Русского общества, но и другими, весьма существенными основаниями. При соединении всех факультетов в одном месте и в одно органическое целое — *universitas*, нет необходимости учреждать нескольких кафедр для чтения не только одних и тех же общих наук, служащих основанием для всякого научного образования, каковы: философские, исторические и др. науки: потому что лекции по этим предметам могут посещаться слушателями всех факультетов, но и для специальных наук, необходимых для других факультетов, каковы, напр., судебная медицина для врачей и юристов, политическая экономия, уголовное и гражданское право и т. п. для юристов и администраторов или камералистов. Следовательно, в этом случае можно, во-первых, обойтись меньшим числом преподавателей, что весьма важно при постоянном недостатке хороших профессоров даже в Германии, и во-вторых — избегается лишняя трата денег, излишним обилием коих не может похвастаться ни один университет в мире. Кроме того, при таком соединенном устройстве университета, вполне возможно согласное взаимодействие преподавателей всех наук, которые, действуя для одной общей научной цели, будут препятствовать стремлению к односторонности в научных вопросах, что легко случается, когда в одном месте читаются только одни специальные предметы по одному какому-нибудь факультету. Это же взаимодействие не допустит и пристрастного замещения

профессорских мест. Долгий и разносторонний опыт показал, что коль скоро тот или другой факультет умственно начинает падать, что может произойти от различных причин, то одними своими силами стать на прежнюю высоту он уже не в состоянии, а для этого нужно содействие других факультетов. Далее, соединение всех факультетов в одном университете имеет самое благодетельное влияние и на образование молодых людей: предохраняет их от односторонности, показывает им общность всех наук, особенно в наше время, обогащает их разносторонними взглядами на жизнь, доставляет им возможность меняться своими мыслями и передавать свои познания. Наконец, устройство учебных пособий, библиотек, физических, естественных и других кабинетов и собраний существенно выигрывает при чтении всех наук в одном университете: потому что в этом случае их можно составить гораздо полнее и ими будет пользоваться гораздо большее число учащихся, чем при существовании отдельных самостоятельных факультетов и в различных местах.

Не так легко разрешить вопрос о внутренней, научной стороне устройства университетов. Какой системе преподавания отдать тут предпочтение? Строго определенной и для всех слушающих обязательной, существующей во Франции, или полной свободе чтения и посещения лекций, которая принята во всех Германских университетах? Нет никакого сомнения, что только при этой свободной системе чтения и слушания лекций может существовать вполне достойное преподавание наук в наше время и занятие ими по призванию, по личным индивидуальным способностям каждого слушателя. Но и в этом отношении многое зависит от степени развития и характера различных народностей, и от потребностей той или другой стороны в приготовленных образованных деятелях. Не зная близко России в этих двух отношениях, мы и не беремся положительно и в подробностях разрешить вопрос, какая из двух вышеозначенных систем более приличествует Русской народности, а позволяем себе высказать только несколько общих соображений. Что нужнее для России: чтобы крайнее меньшинство ее населения могло достигать вполне свободного, высшего научного образования, или чтобы большинство учащихся могло основательно ознакомиться с однообразно специальным образованием? В первом случае необходимо предпочесть Немецкую систему университетского преподавания, во втором — Французскую. Мне кажется, что не только Русский, но даже иностранец не затруднится отвечать, что для России, в настоящее время, Французская система несравненно полезнее Немецкой. Рассматривая беспристрастно возникшую в последние

годы в России самую разностороннюю деятельность, не трудно заметить, что Российское государство нуждается прежде всего не в ученых специалистах, а в основательно образованных практических деятелях, приготовленных к различным родам этой новой деятельности. Кроме того, при недостаточности общего образования и научной подготовки, получаемых в Русских общеобразовательных заведениях и в гимназиях, Немецкая свободная система университетского преподавания доставит плодотворные результаты. Молодой человек, без основательной научной подготовки, едва ли сумеет произвольно воспользоваться полной свободой в выборе научных занятий; верно, что он не будет заниматься серьезно, и впоследствии не сделается ни хорошим ученым, ни основательным практическим деятелем. По нашему мнению, сперва следует удовлетворить насущным потребностям, а не гоняться за научной роскошью. Тот же, кто почувствует в себе особенную склонность к этой роскоши, может испробовать ее и в заграничных университетах, если, во всяком случае, имеет для этого необходимые средства. Впоследствии, по улучшении и устройстве существенно-необходимых частей обучения, Русское государство, быть может, возьмет потребность и в *собственных* учебных заведениях, где бы науки читались в их высшем, современном развитии, и для самостоятельной дальнейшей разработки их Русскими научными деятелями; тогда, конечно, понадобится и другое соответствующее цели устройство этих заведений.

Все вышесказанное позволяет нам сделать следующий вывод: *система университетского устройства, предлагаемая проектом устава, нам кажется вполне рациональной и соответствующей современным потребностям России.* И потому наша критика, нисколько не разрушая целого, может приступить к рассмотрению частностей.

II. ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ.

После вышеизложенного нам остается сказать очень немногое о 1-й главе: «*Общие положения*». Мы укажем здесь только на следующие три пункта.

1. Мы предлагаем ниже (V, 4, а) сделать экстраординарных профессоров проекта ординарными. Но так как наше предложение может и не быть принято, то, на всякий случай, мы считаем нужным сделать на § 7-й, по которому экстраординарные профессора должны быть членами университетского совета, некоторые замечания. В проекте университетского устава нигде не определены ясно и *ex professo* права университетских преподавателей, имеющих различные ученые степени и профессорские звания, и хотя экстраординарным профессорам

назначается место гораздо высшее того, которое занимают эти профессора в Германских университетах, они все-таки, по чину, по своему званию и жалованию, отличаются от ординарных профессоров. Если это различие предполагается в проекте, то экстраординарные профессора, в таком случае, не должны заседать в совете: этого требует и существо самого дела и собственные их интересы. Прежде всего экстраординарные профессора не всегда могут быть беспристрастны при непосредственном и посредственном участии в определениях и постановлениях совета. По § 35-му, совету предоставляются значительные права; напр.: избрание ректора, университетских преподавателей, исследование упущений этих преподавателей, исправление их должностей, главное распоряжение учебными и вспомогательными при университете пособиями и заведениями; совет же, по §§ 81 и 83, избирает профессоров, выслуживших пенсию, на дальнейшую службу и представляет министру народного просвещения через своего ректора об удалении недостойных профессоров. Во всех указанных нами случаях, преподаватели, которым предстоит повышение по службе, не должны заседать в совете, потому что во всех этих вопросах они лично заинтересованы. От удаления ординарного профессора зависит открытие новой вакансии и повышение экстраординарного профессора, а вместе с этим — и увеличение содержания. Такие материальные выгоды, конечно, могут влиять на решение того или другого из вышеозначенных вопросов и привести к совершенно неправильным постановлениям. С другой стороны, и из собственного интереса этих младших преподавателей нельзя желать, чтобы они принимали участие в университетском совете и правлении, потому что, присутствуя в совете, они могут примкнуть к какой-либо партии и, подачей своего голоса, сделаться личными врагами тех, которые рано или поздно будут иметь влияние на их собственное положение. Даже твердые характеры могут пострадать от этого, а люди слабые гибнут безвозвратно. Нам кажется несомненно верным, что в руководители университета нужно принимать таких людей, которые уже составили себе положение и которые потому не могут бояться худых для себя последствий от расположения, или нерасположения своих сочленов.

2. Еще решительнее можно возразить против постановления в § 8-м, по которому правление должно состоять из деканов факультетов, под председательством ректора. Звание декана еще вовсе не обусловливает административных способностей лица; если же при избрании в деканы принимать в соображение и административные способности профессора, то часто придется жертвовать другими

необходимыми для декана качествами; если же на них не обращать никакого внимания, то членами правления легко могут сделаться лица, вовсе к тому неспособные, и в таком случае можно ожидать полного расстройства дел по экономической и другим, соединенным с нею, частям университета. Я позволяю себе высказать мысль, оправданную более чем двадцатилетним опытом, что в члены правления нужно выбирать только ординарных профессоров, с исключительной целью выбора и без отношения к факультету. Но и при таком свободном выборе часто довольно трудно найти между профессорами хороших администраторов. Вообще же не следует выбирать на это место какого-либо особого постороннего начальника: оно раз навсегда должно быть предоставлено ректору университета. Ректор, будучи достойным наставником, ученым, опытным руководителем в научных делах университета, может понимать и управление кассой, следить за счетной и строительной частями. Необходимая связь между ректором, как главой всего университета, и советом будет постоянно поддерживаться, когда первый имеет право, по своему благоусмотрению, посещать заседания правления и быть его почетным президентом. К этому замечанию нужно прибавить и то, что членов правления не мешает избирать на определенное число лет, но не переменять всех их в одно время, чтобы удалением всех членов не расстроить разом существующий порядок в делах правления.

3. Число и роль *факультетов* можно вполне одобрить. Разделение проектом общего философского факультета, существующего в Германских университетах, на совершенно самостоятельные историко-филологический и физико-математический отделы, должно быть признано как нельзя более основательным: потому что соединение в одном факультете таких совершенно несродных отраслей знания повлекло за собой страшно-дурные последствия, напр., при определении на кафедры, при испытании на ученую степень и т. п. Нельзя пенять и на то, что в проекте не назначено богословского факультета, так как православные церковные постановления не дозволяют Русскому духовенству воспитываться в университете. Однако же мы находим нужным высказать одно замечание касательно деления факультетов: нельзя ли завести факультеты для образования чиновников-администраторов (государственно-хозяйственный, или государственно-научный факультет)? Конечно, здесь не место раскрывать историю спора, который велся в Германии и во Франции о том, нужно ли отделять подобную практически-научную отрасль от юридического факультета. Но мы не можем не высказать по крайней мере, некоторых положений,

выяснившихся в продолжение спора. С одним юридическим образованием будущие чиновники-администраторы не достигают тех познаний, которые требуются для их специальной деятельности: им предлагают такие занятия, которых нельзя приложить к делу. Кроме того, формально-логическое направление ума имеет мало сродства с их практикой. Посредством сообщаемого в юридическом факультете краткого очерка некоторых научно-гражданских отраслей знания, напр., политико-экономической, полицейской и финансовой науки, с одной стороны, недостаточно достигается цель, так как занятие по этим наукам в названном факультете делается как бы посторонним и необязательным; с другой — сумма требуемых знаний превышает силу и крепость памяти. Отсюда происходит плохое и посредственное изучение всех отраслей. На этом основании, уже издавна, по крайней мере в некоторых Германских университетах (Тюбингенском, Мюнхенском, Вюрцбургском) заведены собственно государственно-хозяйственные факультеты, из которых, сообразно требованиям, образовались два отделения собственно по управлению (полицейскому, в обширнейшем смысле, и финансовой части). Встретившиеся трудности и отчасти неудовлетворительные результаты происходят не от учреждения отдельного административного факультета, но из неправильного, чрезмерного требования от кандидатов посторонних, дополнительных сведений, и по недостатку лекций о гражданском праве и судопроизводстве. Несмотря на это, эти новые факультеты все-таки удержались и оправдали себя, так что только недостаток денежных средств, частью же привязанность к преданиям препятствуют учредить их и в остальных университетах. Поэтому мы советуем Русскому правительству ввести особые административные факультеты во всех своих университетах. Правда, для этого нужны большие средства, но они не будут обременительны, тем более что кафедры юридического факультета по энциклопедии законоведения, Римскому и Русскому гражданскому и уголовному правам могли бы быть общими для студентов обоих факультетов — юридического и административного или камерального; кафедры же политической экономии, финансового права, строительного искусства и статистики, входящие, по проекту, совершенно неорганически в факультеты: юридический, естественный и историко-филологический, могли бы быть перенесены в административный. После этого оставалось бы учредить новые кафедры только по вспомогательным отраслям: технологии, сельскому хозяйству, быть может — лесоводству; указать курс этих занятий, назначить экзамены и определить места службы для окончивших курс в этом факультете.

Образование чиновников-администраторов, которые имели бы основательные научные и технические сведения, особенно важно для обширного Русского государства, которое именно нуждается в людях, способных не только хорошо и честно управлять по установленным законам различными областями его, но и отыскивать и разрабатывать богатые производительные силы в этих областях, теперь совершенно еще неведомые и не тронутые. Искусные, ученые юристы, при всем своем знании законов, еще ничего не сделают в этом отношении.

III. ФАКУЛЬТЕТЫ.

1) *План преподавания.*

Принимая в соображение изложенные нами выше замечания, мы считаем лишним подробный разбор всех кафедр. Если государственно-хозяйственный или камеральный факультет не учредится, то, в таком случае, означенных в проекте кафедр вполне достаточно; но если наше предложение возбудит сочувствие и осуществится на деле, то придется, как мы уже заметили, учредить несколько новых кафедр, и переставить некоторые из помещенных теперь в других факультетах, что, впрочем, не потребует большого труда. Поэтому мы заметим только следующее:

1) Непонятно, к чему учреждаются две кафедры по политической экономии — одна для историко-филологического, а другая для юридического факультета? Достаточно, кажется, и одной, с которой следовало бы соединить и законы благоустройства; если для статистики нужна особая кафедра, чего, при существовании кафедры по географии, вовсе не следовало бы, то ее, разделив, лучше всего присоединить к историко-филологическому факультету.

2) За недостатком сведений об отношении Русского государства к правам церкви, я не могу судить о том, какие затруднения может встретить ученый мирянин для чтения канонического права? Если таких затруднений нет, то постановление § 17-го, по которому это право юристам непременно должен читать профессор богословия, необходимо изменить по двум причинам. Во-первых, богослов едва ли может хорошо читать какой бы то ни было юридический предмет. Он не только не знает специально-юридических терминов и необходимых сравнительных сведений из других юридических наук, но, что самое главное, в нем не образовано и не развито юридическое мышление и способность юридических доказательств. Чтение подобного рода будет чуждо слушателям, оно не возбудит ни их любознательности, ни мышления, и, следовательно, нисколько не удовлетворит их.

По крайней мере, подобные же обстоятельства были причиной того, что в Германских университетах все попытки богословов читать каноническое право не только не удавались, но и служили для них поношением. Во-вторых, едва ли может быть в интересах самого государства, чтобы все будущие чиновники слушали у духовных профессоров об отношениях государства к церкви. Церковь во всякое время и во всякой стране требует того, чего не дает, да и не может дать государство. Между тем церковное право претендует на это и старается защищать свои положения. Итак, откуда же возьмут будущие должностные лица уясняющие дело сведения, когда они церковное право слушают у духовного лица, которое, разумеется, постарается сообщить им церковный взгляд на вещи? Говорю, нисколько не преувеличивая, что по всей Германии раздался бы крик изумления и решительного несогласия, если бы, согласно с проектом, чтение канонического права было поручено духовному лицу.

3) Замечания на § 20-й, о разделении кафедр между различными преподавателями, мы выскажем ниже (V, 4, а).

2) *Факультетские собрания.*

В § 23 постановлено, чтобы в факультетских собраниях заседали экстраординарные профессора и доценты, хотя последние и не имеют при этом голоса. Относительно этого постановления мы позволяем себе указать на высказанное уже нами отношение экстраординарных профессоров к совету. То же самое, если еще не больше, можно сказать и об отношении их к факультету. Вопросы о замещении кафедр, или о повышении экстраординарных профессоров и доцентов начинаются в факультетских собраниях; поэтому понятное дело, что в совещаниях и решениях факультетов не должны участвовать те, которых самих касается дело посредственно, или непосредственно.

Затем нужно обратить внимание на § 26. Здесь, между прочим, говорится, что факультетское собрание должно заниматься «рассмотрением и цензурой ученых сочинений и переводов, издаваемых преподавателями университета». Вероятно, место это неверно переведено на Немецкий язык, а потому и самый смысл постановления понять довольно трудно. Конечно, речь здесь не о *цензуре*, потому что о ней говорится в другом месте (в § 144-м), тем более что для таких занятий совершенно бесполезно большое собрание. Но нельзя полагать, чтобы речь шла здесь и о научной оценке членами факультета авторских трудов. На каком основании факультеты могут подвергать критике форму и содержание частной работы наставников университета, не имеющей никакого отношения к их должностным обязанностям? Судьей над

ними может быть только ученая публика. И какие были бы следствия подобной критики, когда часто только составители ученого труда могут понимать его, быть знакомы с ним? Разве зависть, тупость, разность мнений не поведет к спорам и самым вопиющим несправедливостям? Мы не преувеличим, если скажем, что подобное постановление невозможно ни в Немецких, ни во Французских, ни в Английских университетах. Поэтому, если нельзя его совсем выпустить, то необходимо, по крайней мере, подробно выяснить его значение.

IV. СОВЕТ И ПРАВЛЕНИЕ.

Желание — дать совету и правлению истинное и влиятельное значение, вообще заслуживает полной и безусловной признательности. Поэтому мы заметим только следующее:

Во-первых, не мешает вспомнить высказанные замечания о соединении обеих коллегий, а во-вторых, немного изменить постановления §§ 38 и 39, о годовых отчетах совета. Отчеты эти — превосходное учреждение, и именно потому, что, с одной стороны, заставляют университет сознавать свое положение, а с другой — побуждают предлагать более обширные планы улучшения и наглядно знакомят с ними подлежащие власти. Но при этом нужно высказываться честно и прямо, иначе отчеты примут характер сухой летописи и составление их будет только бесполезным трудом, соединенным с пустой тратой времени. Между тем и подробное, откровенное изложение недостатков и заявление желаний также невозможно в деловой бумаге, которая должна читаться перед собранием университета. Если поэтому установленные в § 39 годичные заседания состоятся, и если в них должна идти речь о событиях истекшего года, то, во всяком случае, сообщение их будет ограничиваться одним летописным рассказом, изложение же признанных недостатков и желаемых улучшений должно быть известно только начальству. Автор этих строк, собственным долголетним опытом при различных университетах, изучил годовые отчеты обоего рода, и поэтому может судить о полезном влиянии первых и совершенной негодности последних.

V. СОСТАВ УНИВЕРСИТЕТА.

1) *Попечитель.*

Попечителя вовсе не требует организация университета, примем ли мы университет за ученую корпорацию, или за присутственное место, а потому попечителей нет ни во Французских, ни в Германских университетах; в последних, правда, они иногда встречаются в виде

исключения. Но положим, что отвергать посредничества нельзя в обширном Русском государстве, частью потому, что министерство нуждается в отчетах о течении подведомственных ему дел, частью же потому, что необходимо иметь на самом месте самостоятельное лицо для наблюдения за исполнением законов и внутреннего порядка. Таким образом мы ничего не можем сказать против постановления о назначении попечителя.

Впрочем, нельзя отвергать того, что для университета в высшей степени, и в положительном и в отрицательном отношении, важно то, кто займет это место. Попечитель, не проникнутый уважением к науке, не внушающий своими духовными дарованиями и образованностью уважения и доверия к себе, не умеющий ни отличить характеристических черт ученого сословия и нередко довольно причудливых обыкновений и привычек людей ученых, ни снисходительно взглянуть на ошибку учащегося юношества, — во все управление свое не принесет никакой пользы университету, но, напротив, ляжет на него тяжело давящим камнем. Но, с другой стороны, мы должны заметить, что существование такого независимого от ученой корпорации, высшего должностного лица может быть для университета существенно полезно. Такое лицо всегда может беспристрастно судить об отдельных профессорах, о кафедрах и различных университетских учреждениях, предлагать проекты для улучшения всего университета, пользуясь при этом мнениями как университетского совета, так и отдельных профессоров. Это же лицо, при своем влиянии, может обращать внимание на молодые таланты, содействовать их дальнейшим занятиям и т. д., что невозможно для отдельного профессора и даже совета. Но для того, чтобы быть полезным на этом месте, попечитель должен отчасти обладать охотой и любовью к делу, отчасти же быть и научно-образованным. Теперь спрашивается: нельзя ли найти для этих качеств каких-либо внешних гарантий и выставить их в проекте устава? Несомненно, что подобными положительными и отрицательными качествами может обладать лицо академическое, ученое; а потому желательно, чтобы в попечители назначались лица из университета. Но так как нашего совета нельзя ввести в постановление, то не лучше ли раз навсегда определить, что для получения попечительского места требуется полное университетское образование (если угодно, даже академическая степень). Во всяком случае, правило это исключило бы из замещения таких должностей лицами военными, вообще следовало бы прекратить замещение гражданских, а особенно ученых должностей — военными.

Кроме того, нужно заметить, что §§ 50–60 «проекта устава» мало и неясно обрисовывают обязанности попечителя. Обязанности и права его по отношению к университету и министерству, как они обозначены в проекте, могут встретить некоторые недоразумения и быть оспариваемы.

2) *Ректор.*

Касательно §§ 61–68 можно сделать только несколько и то второстепенных замечаний.

§ 61 говорит о продолжительности ректорской должности. Ректор, по постановлениям, меняется каждые четыре года. В Германских университетах ректор меняется каждый год и вреда от этого никакого не чувствуется. Напротив, через это многочисленные члены совета знакомятся с занятиями первого в заведении лица, принимают участие в делах университета и изучают их. Кроме того, способный человек для отправления ректорской должности, пожалуй, согласится прекратить свои занятия, а быть может и лекции — на год; но едва ли он пожертвует ими на четыре года. Единственным основанием продолжительного занятия ректорской должности может быть его председательство в правлении; но об этом мы уже высказали свое мнение. В случае непременной необходимости сделать ректором то, а не другое лицо, необходимо яснее определить позволение о вторичном выборе; таким образом устранится и это, более кажущееся, чем действительное, затруднение.

3) *Деканы.*

То же самое, что сказали мы о четырехгодичной ректорской должности, можно сказать и против продолжительности замещения должности деканов. Время, на которое они выбираются, можно еще скорее уменьшить, так как занятия их проще ректорских. Что деканами факультета могут, под известными условиями, быть экстраординарные профессора, это в Германских университетах не подлежит никакому сомнению. Впрочем, выбор их зависит от отношений между разными степенями университетских преподавателей, о которых мы сейчас будет говорить.

4) *Преподаватели.*

Так как цветущее или плохое состояние университета прежде всего, почти исключительно, зависит от деятельности его преподавателей, которая, в свою очередь, определяется разными постановлениями, то, конечно, эти последние заслуживают особенного внимания. Прежде всего мы находим необходимым: а) ближе выяснить систему разделения преподавателей на различные разряды. В § 70 проект различает

семь разрядов университетских преподавателей, именно: ординарных и экстраординарных профессоров, доцентов старших (магистров) и младших (кандидатов), лекторов, приват-доцентов и учителей искусств. Таким образом, за исключением даже некоторых учителей искусств, для преподавания наук все-таки остаются пять категорий преподавателей. Такого числа нет ни в одной стране и ни в одной системе университетов. В Англии существует только один класс профессоров; кроме них, в отдельных коллегиях, занимаются приватным обучением младших членов этих коллегий туторы, из числа так называемых *fellows*. Во Франции тоже только один класс профессоров: они всегда занимают определенные кафедры; кроме них, есть еще так называемые *agrégés* — вспомогательные наставники, которые назначаются для исполнения распоряжений факультета, министра, или для каких-либо исключительных требований. В Германии штатные кафедры занимают только ординарные профессора; экстраодинарные же замещают на время вакантную кафедру, или, ради почетного звания своего, читают особые лекции по известному предмету; наконец, есть еще приватные доценты, т. е. такие ученые, которые, по собственному желанию, практикуются в чтении лекций. На каком же основании проект делит преподавателей Русских университетов на 5 категорий? Обещает ли это деление, не будучи существенно необходимым, хотя какую-нибудь пользу? Решение этих вопросов зависит от тех постановлений, которыми определяются деятельность и занятия этих различных классов наставников. Но эти постановления — так как проект ясно не высказывает в каком-либо определенном месте прав и обязанностей, сопряженных с известной должностью, — нужно собирать из различных глав; и потому не удивительно, что иностранец много в этом случае не поймет или не досмотрит. Но все-таки я так понимаю это дело: ординарные и экстраординарные профессора в сущности имеют равное положение и значение: и те и другие занимают штатные кафедры и назначены читать лекции по определенной науке; и те, и другие избираются советом и утверждаются министром, все без исключения подвергаются баллотировке, составляют членов совета и факультетов; принимают участие в экзаменах и раздаче ученых степеней; и те, и другие получают штатное жалование (быть может экстраординарный поменьше). Различие только в том, что только ординарные профессора избираются в ректоры и деканы и по преподаваемым ими наукам имеют степень доктора, тогда как экстраординарные профессора могут быть и магистрами. Точно так же и доценты, старшие и младшие, существенно уравнены между собой: они избираются советом на три

года и утверждаются попечителем, при случае могут занять определенную кафедру, для этой цели могут быть приглашаемы в совет и под одинаковыми условиями принимают участие в факультетских заседаниях; они получают содержание из университетской кассы и, кажется, представив положенное сочинение, могут занять вакантную профессорскую кафедру. Различие опять только в том, что старшие доценты должны быть магистрами, а младшие могут быть кандидатами. В отношении приват-доцентов сделана заметка только о том, какими познаниями должны они обладать, что они избираются и утверждаются на три года, наконец, что из университетской кассы может быть выдано соответствующее их заслугам вознаграждение или определено известное жалование. Они читают своим слушателям приватные лекции, но без всякого гонорара. Очевидно, что такое различие только кажущееся, а не существенное. Экстраординарные профессора, имеющие определенное значение и место, являются теми же ординарными, и потому различие между ними может быть уничтожено без всякого вреда. Таким образом, ныне называемые экстраординарными профессорами сделались бы ординарными, и неправильное постановление, что экстраординарные профессора могут занимать штатную кафедру, рушилось бы само собой. Если же необходимо различить их по жалованию, то сделать это, по примеру некоторых Германских университетов, очень просто: нужно только ввести два оклада для ординарных профессоров. То же нужно сказать и о доцентах старших и младших. Между ними, кроме двух разных ученых степеней, нет никаких отличий; соединяя их в один класс, нужно требовать от них одной высшей степени (т. е. магистра). Вот этот-то класс наставников и может быть назван экстраординарными профессорами. И почему бы не назвать их так? Предлагаемая перемена в наименовании не только составляет формальное упрощение, но и имеет существенное значение. Кто знаком с университетскими отношениями, тот знает, что ученый, имеющий академическую должность, до тех пор, пока стоит в неловком, отчасти ложном, положении, пока не получит степени ординарного профессора. Несмотря на все его старания, будь он в ученом отношении выше того или другого старшего преподавателя, он все-таки лишен влияния, сопряженного с должностью, и кроме того, зависит от решений и благосклонности к нему ординарных профессоров. Они рекомендуют его, отказывают, или удовлетворяют его требованиям, а быть может, назначают ему и жалование. Такого смешения права голоса с полной безгласностью, права быть членом совета и в то же время зависеть от своих сочленов, не должно существовать на деле.

Такие неправильные отношения весьма вредны. Между преподавателями возникают неприятности, имеющие влияние не только на их домашние, частные взаимные отношения, но и на академические дела. Человек ученый, но раздражительный и самолюбивый, будет страдать от долгого ожидания, полагая, что ему откажут. Наконец, главное, служба, сопряженная с такими препятствиями, более отталкивает, чем привлекает. На это последнее замечание должны обратить особенное внимание Русские университеты. Чтобы сделать себе университетскую карьеру, молодой человек, по таланту и познаниям, должен стоять выше посредственности, а такому молодому человеку обширное Русское государство, в котором еще можно произвести столь много великого, представляет гораздо выгоднейшую и блистательнейшую карьеру в каждой другой службе, или частной промышленной деятельности. К этому нельзя не заметить, что, при отсутствии определенного жалования и с тем вместе случайных наград, при скромной конечной цели, которой достигает профессор, и незавидном общественном положении его, академическая служба в России может быть менее привлекательна, чем во всяком другом месте. К этой службе еще могла бы привлекать способного молодого человека мысль о скором и, относительно легком достижении конечной цели, т. е. ординарного профессорства; но длинный ряд *пяти,* постепенно возвышающихся ступеней, разные случайности и неудачи, решительно должны охладить подобное желание. А потому уменьшение числа наставнических разрядов или категорий и упрощение отношений между ними составляют одно из существенных условий для постоянного привлечения свежих сил к академическим должностям, а от этого прежде всего зависит успех университетской деятельности.

На правильное замещение вакантных преподавательских мест имеет весьма существенное влияние самый *способ* назначения. При этом должно особенно избегать трех крайностей: выбора по старшинству, покровительства слепой лотереи и товарищей, и наконец — незаконного благоволения сверху. В этом отношении, принятую «проектом» систему избрания всех преподавателей советом университета, по предложению факультетов, с утверждения министра, можно признать вполне удовлетворительной; впрочем, некоторые частности и тут вызывают сомнение.

а) Определение доцентов и приват-доцентов «только на три года», и вытекающая отсюда необходимость нового выбора, с одной стороны, предполагает продолжительную и частую зависимость от поименованных крайностей, с другой — не имеет в свою пользу никаких

оснований. Прибавим к этому, что новичков часто не избирают, между тем тот доцент, который не имеет должных знаний и способностей, а следовательно не может иметь и никаких прав на высшую ученую степень и на дальнейшие профессорские звания, по необходимости, добровольно покинет ученую кафедру (что сотни раз случалось с приват-доцентами в Германских университетах), или же, в крайнем случае, если ему некуда деваться, то он остается навсегда доцентом и не принесет ни вреда, ни пользы, не имея слушателей. Зачем же обременять факультеты и совет частыми выборами, которые отнимают только время, представляя весьма скучные и неприятные занятия? Прусские университеты имеют такие же постановления о *временном* только допущении доцентов к преподаванию, и новейшие наблюдения открыли в этом причину самых неблагоприятных результатов и побуждают уничтожить все подобные правила.

b) Вообще, при *определении* доцентов не должно быть никаких формальностей; доценты не назначаются на профессорские вакантные места, а только *допускаются* к чтению лекций в университете, по собственному их желанию. Поэтому, допущение к чтению лекций должно быть совершенно свободное и должно зависеть только от известных постоянных условий, заранее определенных. Такими условиями могут служить: ученая степень, пробная лекция... наконец свидетельство о нравственной и гражданской безукоризненности. Все остальное необходимо предоставить обстоятельствам; бездарный недолго будет преподавателем: он сам скоро покинет это звание; между тем человек способный, сведущий, трудолюбивый, чувствующий призвание к ученым занятиям, с течением времени приобретет себе имя и, при открытии штатного профессорского места, явится в числе первых испытанных уже кандидатов. Те из Немецких университетов, которые, в допущении доцентов, считаются либеральнейшими и имеют их у себя целые сотни, ясно доказывают, как мало при этом требуется осторожности, и что не быть может даже малейшего вреда от такой системы ни для университетов, ни для государств. Понятно само собой, что, при таких условиях, и речи быть не может о назначении определенного жалования доцентам, кроме тех случаев, когда им поручается надзор за учащимися. К таким случаям должно относиться постановление § 74. Трудно решить, пользу или вред принесет, предлагаемая в § 32, закрытая *баллотировка*, при выборе университетских преподавателей. Конечно, закрытая подача голосов имеет свое преимущество; но, с другой стороны, не дает ли баллотировка не совсем честным людям возможности следовать личному своекорыстному убеждению, которого бы

открыто высказать они не посмели? Во всяком случае, вред от закрытой баллотировки может быть тот, что путем ее недобросовестные люди очень легко могут прибегнуть к тайным несправедливостям и другим подобным отступлениям от своих обязанностей. Кроме того, для высшего начальства не только важно знать, сколько голосов высказалось в пользу известного кандидата, но, в особенности, *какие лица* подали за него свой голос. Наконец, не следует забывать и того, что, при закрытой баллотировке, пишутся только одни имена, а не высказываются ни побудительные причины, ни дельные основания, вследствие которых избирающий пишет то или другое имя. По всем этим причинам, мы, ради общей пользы, отдаем полное предпочтение открытому избранию.

c) Непосредственное, в известных исключительных случаях, назначение профессора *министром* (§ 78) есть важное средство в том смысле, что предотвращает, для собственной пользы университета, разные пристрастные решения; с другой стороны, это право, предоставленное высшей власти, дает возможность снабдить университетскую ученую корпорацию, принявшую ложное направление, новыми здоровыми силами. Из-за безусловного права самопополнения погибали не только политические корпорации, но и сами университеты. Итак, власть министра должна иметь свою силу. Тем не менее, обращая исключение на общее правило, по личным ли интересам вмешательства и протекции, или для целей насильственного введения в науку известных направлений, мы допустили бы много злоупотреблений, которые не ограничатся только покровительством неспособному лицу, но и поведут к ослаблению всего университетского выборного начала. Во всяком случае, то или другое средство избрания должно иметь место. По нашему мнению, такое средство мы вернее всего определим, если предоставим самому университету, при всех обстоятельствах, делать избрание, представляя свои решения на усмотрение министра, который, в случае своего несогласия, обязывается указать основания, по которым он не утверждает сделанного выбора и, назначая своего кандидата, объяснить, почему он его предпочитает. К сожалению, подобные мотивы не представляют безусловных гарантий против произвола и покровительства, а главное — неосуществимы на деле.

d) Назначать профессорам, после определенного периода службы, пенсию — не в обычае Немецких университетов. Поэтому плоды такой меры, равно как и результаты нового выбора после каждых пяти лет, у нас неизвестны из опыта и наблюдений. Но, конечно, это

постановление находится в связи с прочими обычаями или законоположениями Российского государства. С другой стороны, отсутствие конкуренции между университетскими преподавателями, которая в Немецких университетах побуждает даже самых престарелых профессоров к постоянному умственному труду, следует пополнить какой-либо соответствующей мерой, которую и представляют вышеозначенные постановления о назначении пенсии профессорам и о выборе их через каждые пять лет. Впрочем, необходимо заметить, что и занятие кафедры одним и тем же лицом в продолжение всей его жизни, или добровольное продолжение чтения лекций до глубокой старости, имеет свои выгоды. Выдача пенсий должна, естественно, обременять государственную казну; поэтому-то и в экономическом отношении весьма важно, чтобы профессора дольше оставались на действительной службе, но, конечно, здесь ни в каком случае не следует жертвовать нравственными выгодами, успехами преподавания выгодам экономическим.

e) Наконец, *last bat non least*, нужно упомянуть и о *жаловании* университетских преподавателей. В проекте сумма его положительно не определяется: оно бывает различно, смотря по местным условиям, и может быть вычислено только при близком знании этих последних. Впрочем, и иностранец, говоря вообще, поймет, что это содержание должно быть очень значительно, чтобы могло ручаться за продолжительное существование Российских университетов. Кроме необходимости поддерживать свободу, развитие и свежесть духа новой духовной пищей, — необходимости, которая повсюду совершенно справедливо заявляет себя, кроме такой же важной потребности, обязывающей академического наставника самостоятельно разрабатывать и пополнять свой научный запас, здесь входят в рассмотрение и многие другие обстоятельства. Мы уже упоминали о том, как заманчивы все другие роды службы. Преимущества военной службы, преобладание военного сословия, основание которому лежит в самой истории и обычаях страны, равно как общее влечение к чинам и другим наградам, должны встретить равносильное противодействие, которого нужно искать преимущественно в совершенном обеспечении всех потребностей профессора назначаемым ему содержанием. При относительно малом числе Русских университетов, расходы на них не будут слишком много обременять казны; во всяком случае, только при этом средстве можно успешно достигнуть цели. В противном случае, не миновать тех крайне гибельных последствий, которые открылись во Франции от неудовлетворительного содержания профессоров: придется ограничиться

самыми посредственными преподавателями, которые, в свою очередь, произведут только посредственное.

5) Административная часть не требует замечаний.

VI. СТУДЕНТЫ.

Раз избранная и среди данных обстоятельств необходимая система — неизменно держаться предписанного курса, на основании постановлений, которые касаются учащихся, вполне правильна. Здесь возможны только частные возражения, которые мы и выскажем:

1) Точно ли необходимо, как предписано в § 99, чтобы молодые люди, уже экзаменованные в гимназиях, подвергались еще приемному испытанию при поступлении в университет? Труд, возлагаемый в этом случае на профессоров, особенно историко-филологического и математического факультетов, очень значителен и можно опасаться, что такое дело превратится в пустую форму. Необходимо принять одно из двух: или выпускные испытания, производимые в гимназиях, вполне удовлетворительны и надежны, или же — наоборот. В первом случае, повторение испытаний излишне; во втором — благоразумнее улучшить гимназии, чем возлагать на университеты несвойственные им занятия. Чем менее профессор походит на школьного учителя, чем менее он обременен посторонними ненаучными занятиями, тем более он имеет средств быть добросовестным и вполне достойным деятелем науки.

2) Освобождение бедных студентов от взноса университетской платы представляет две стороны. Это постановление, с одной стороны, есть плод гуманности, потому что дает возможность талантливому человеку, но лишенному материальных средств, образовать себя для общественной и государственной службы и деятельности. С другой стороны, есть основания и не желать, чтобы многие бедняки посвящали себя наукам. Бедные, не говоря уже о постоянных нуждах их жизни, не имеют возможности приобретать необходимых научных пособий, книг и т. д., и потому редко достигают, как показывает опыт, полного научного образования; одно освобождение от платы сделает еще очень немного; оно не в состоянии устранить всех нужд бедных студентов, а эти насущные нужды большей частью продолжаются не только в течение всего университетского курса, но и по окончании его, до получения удовлетворительного места и содержания, что опять ведет к худым последствиям при начале самой службы. Вообще, нам кажется, что нравственное и социальное положение всего гражданского служебного сословия немного встретит пользы в том, если станет часто пополнять себя низшими и бедными слоями. Мы далеки от всякого

предубеждения на счет того или другого происхождения и состояния людей; но мы основываем наше мнение на проявлениях природы человека. Кто в детстве не впитал в себя высших взглядов на жизнь, не всосал обычаев утонченного образования, не сознал чувства равенства и независимости, тот очень редко приобретает их впоследствии. Сама наука не пополнит этого пробела. Немного заслуг, конечно, в том, что вырос в этих понятиях и взглядах; но верно и то, что не иметь их есть истинное несчастье. Решительное доказательство вреда, который приносит систематическое поощрение к занятию науками бедняков, представляют те из Немецких государств, где, по древнему преданию Католической церкви, обучение низших и бедных классов сопровождается всеми возможными вспоможениями, и где учиться и просить милостыню составляют чуть ли не тождественные понятия. Неоспоримо глубокое умственное и нравственное состояние этих стран, но вместе с тем и невероятная, ужасающая грубость и неспособность многих чиновников — вот явления, которые необходимо приписать тому, что университеты в этих странах наполняются детьми бедных и в такой же мере необразованных семейств. Самый тон, как преподавателей, так и учащихся в этих университетах сильно страдает от населения их нищенствующими студентами. Впрочем, мы вовсе не желаем сказать, чтобы не следовало делать никаких послаблений для доказанной бедности; мы требуем только, чтобы, наряду с доказательством бедности, были представлены и другие условия: способность и нравственность. Прибавим к этому, что Россия не имеет еще вполне организованного гражданского или мещанского сословия (*Bürgerstand*) и, следовательно, от последнего нельзя ожидать слишком многих кандидатов на службу. Во всяком случае, дело опять в том, что мы высказали уже выше, именно, что важнее для начала — воспитать ли немногих, но во всех отношениях образованных кандидатов для различных отраслей государственной или общественной деятельности, или большое количество их, но с чувствами и обычаями низших классов?

В § 125-м говорится, чтобы студенты вне университетского здания подчинялись общим полицейских законам. Такое постановление исключает возможность собственной университетской юрисдикции и полиции. Конечно, привилегированное судебное сословие нельзя примирить с духом времени и с требованием общего равенства перед законом. Но применение этого теоретического начала к условиям университета может возбудить некоторые недоразумения. *Дело ведь идет не о зрелых гражданах, а о таких, которые еще воспитываются.* Прилично ли было бы применять к таким людям обыкновенные законы

государства? Они то окажутся слишком жестокими, то потребуют и педагогических приемов при своем применении. Одним словом, здесь должно иметь в виду не одни только юридические, но и психологические, и нравственные соображения. Прибавим к этому и те характеристические воззрения, обыкновения и чувства чести у молодых учащихся, которые проявляются в каждой стране и во всякое время, но о которых обыкновенные власти решительно ничего не знают и вовсе не принимают их в соображение при обсуждении того или другого проступка; а между тем нельзя сказать, чтобы они не противоречили фактическому положению дела и могли упускаться из виду без значительного вреда. На этих основаниях, Германия и Англия, след. страны, которые развили у себя равенство перед законом гораздо далее, чем Россия, удержали собственную университетскую полицию для проступков против дисциплины. Нельзя ли ввести ее и в России? Ужели Русские полицейские законы и начальство более способны к правильному, гуманному и соответственному обращению с молодыми людьми, чем те же законы и учреждения упомянутых стран? Конечно, иностранец не может судить в этом отношении, но он может все-таки сделать вопрос. Правда, во Франции нет особого университетского суда и особых лиц, которые бы следили за поведением студентов; но кто же и пожелает видеть у студентов своего отечества такие же обычаи и привычки, которыми отличаются Французские студенты? Почти всеобщая, крайняя безнравственность их происходит главным образом оттого, что над ними нет никакого особенного надзора.

4) § 118 определяет, что студенты, желая пользоваться правами, которые Русские законы тесно связывают с удовлетворительным окончанием учебного курса, должны выдержать два экзамена: первый — в половине студенческого курса, второй — в конце. Это постановление основательно: государство желает удостовериться, точно ли выполнены те условия, с которыми связаны известные права. Хотя казалось бы, что такие испытания должны производиться вне университета или, по крайней мере, особо назначаемыми комиссиями, но в России, при недостатке сведущих специалистов, едва ли возможно составить такие особые экзаменационные комиссии и производить испытания вне университета. Против невозможности говорить ничего нельзя и мы позволяем себе только заметить, что, при производстве испытаний самими профессорами-преподавателями, очень возможны злоупотребления. С одной стороны, университеты остаются бесконтрольными в своей учебной деятельности и обсуждают

сами себя; с другой — эти частные экзамены отнимают у наставников много времени и сил. Кроме этих неудобств, по двум испытаниям никак нельзя составить себе вполне основательное и верное понятие о познаниях и способностях учащихся. Для этого, по нашему мнению, необходимы еще многие другие условия. Мы уже заметили, что один из крайних недостатков Немецкой университетской системы составляет почти совершенное отчуждение наставников от слушателей и полная беззаботность о том, понимают ли слушатели лекции своего профессора, или нет. Для устранения этого недостатка, были предприняты разные попытки, напр. еженедельные собрания и беседы у профессоров, третные испытания и т. д.; но все они не привели к дельным последствиям. Университеты, наставники и студенты только вооружались против них, находя в них, конечно превратно, недостойное школьничество. Тем не менее на это дело следует обратить внимание. В Английских университетах и вообще во всех заведениях, которых воспитанники живут в общих коллегиях, введены частные надзиратели над известным числом студентов; эти надзиратели называются *туторами, репетиторами* и т. д. Обязанность их — не только от времени до времени испытывать учащихся, но и постоянно следить за ними, объяснять им непонятное, задавать письменные работы и разбирать исполнение их. Замкнутость жилища делает легким и действительным подобный надзор. Гораздо труднее ввести такие порядки в таких университетах, студенты которых живут по частным домам; но и эту трудность можно преодолеть. Стоит только студентов известного факультета подразделить на несколько групп и каждую из них вручить надзору известного наставника. Каждая группа отдает своему наставнику отчет в употреблении времени, в понимании лекций, а он представляет собранные таким образом сведения на суд факультета. В надзиратели могут избираться экстраординарные профессора, старшие и младшие доценты (конечно, за известную плату). Если же таких преподавателей немного, то можно выбрать для этого хорошо подготовленных кандидатов — на один год, который вменяется им в службу. Подобное учреждение, в начале, без сомнения, вызовет страшный ропот; но, имея в виду благую цель, не должно обращать на этот ропот особенного внимания: само общественное мнение скоро примирится и с целью и с плодами подобного учреждения. Трудности, которые представляет осуществление этого предположения, в денежном отношении, могут быть непреодолимы только в небольшом обществе, но в огромном государстве и при малом числе университетов, они легко устраняются.

VII.

Постановление проекта об ученых степенях, почетных членах, учебно-вспомогательных учреждениях и правах университетов и пр. не требуют собственно замечаний. Здесь может возникнуть вопрос о порядках, которых нет, или которые в иностранных университетах существуют в ином виде; но понятно, что эти порядки никак нельзя находить прямо дурными или хорошими. Достоинства или недостатки этих особых порядков определяются согласованием их с потребностями того или другого государства. Насколько же означенные постановления проекта соответствуют Русским потребностям, об этом может судить только тот, кто близко знаком с современным состоянием России.

РАЗДЕЛ 3
ДИСКУССИЯ ОБ УЧЕБНОЙ ПРОГРАММЕ ЮРИДИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА

***ПАНОВ Ф. Н.**, преподаватель юридического факультета Санкт-Петербургского университета*

О составе юридического факультета (гл. II, отд. I, § 14)[1]

В статье 14 проекта общего устава Императорских Российских университетов исчислены кафедры и науки, входящие в состав юридического факультета.

Прежде чем мы приступим к своду замечаний, сделанных разными местами и лицами на эту статью проекта, нам кажется необходимым сделать следующие два пояснения к настоящей записке: 1) так как, по силе 2-го пункта 26-й статьи исправленной редакции проекта, факультетским собраниям предоставляется «распределение факультетских наук и порядка их преподавания», а 4-м пунктом статьи 35 совету университета дается право соединять, разделять кафедры и заменять одни из них другими; то на этом основании и цифра исчисленных нами ниже кафедр и наук не должна быть принимаема за неподвижную и неизменную для факультета: она может и будет подвергаться изменениям, смотря по нуждам и пользам науки, а нередко также и вследствие личного состава факультета в известный момент. Потому поименованные здесь нами кафедры, в общей сложности их, представляются только как бы очерком того приблизительно полного состава наук юридического факультета, который желателен в настоящее время для наших университетов. В отношении финансовом,

---

[1] Публикуется по: *Панов Ф. Н.* О составе юридического факультета (гл. II, отд. I, § 14) // Журналы заседаний Ученого комитета Главного правления училищ по проекту Общего устава императорских российских университетов. Приложение к журналу № 11. СПб., 1862. С. 365–388.

цифра этих кафедр могла бы служить основанием для отпуска штатной суммы из государственного казначейства на юридический факультет. 2) Подразделение некоторых кафедр на отдельные науки, которое встречается в настоящем своде замечаний, имеет целью указать в общих чертах на главное содержание этих кафедр, которое составляет обязательный предмет для лекций каждого преподавателя, занимающего отдельную кафедру, по принадлежности, если только факультет не назначает особого преподавателя для какой-либо науки, входящей в состав известной кафедры.

В статье 14 проекта сказано:

В юридическом факультете полагаются следующие кафедры и науки:

1) *Энциклопедия законоведения*:

а) Энциклопедия юридических и политических наук.

б) История философии права.

На эту кафедру проекта сделано три замечания:

Совет университета св. Владимира (ч. I, стр. 27 и 28) полагает: во-1-х, соединить с преподаванием энциклопедии и преподавание истории иностранных законодательств (для которой по проекту назначается особая кафедра), на том основании, что такое соединение будет более согласно с целью преподавания и развитием слушателей, которые, будучи обыкновенно студентами 1-го курса, приобретут от слушания истории иностранных законодательств более твердые основания для дальнейшего изучения права, чем от истории философии права. Во-2-х, для философии права учредить особую кафедру, в состав которой должна входить не только история философии права, но и система этой науки, так как преподавание одной только истории философии права будет не полезно и во многих отношениях неудобно.

Мы не можем согласиться ни с первым, ни со вторым предложением совета университета св. Владимира и полагаем соединить с кафедрой энциклопедии — историю философии права, как это сделано в проекте и как это было, сколько нам известно, в С.-Петербургском университете, до последнего времени, на том основании, что, по нашему мнению, преподавание системы философии права, при основательном изложении истории этой науки, может и не составлять существенной необходимости для университетских слушателей, и в преподавании одной только истории философии права мы не видим тех неудобств и бесполезности, о которых замечает совет университета св. Владимира, но которых он не развивает в подробности. Что

касается до соединения преподавания истории иностранных законодательств с энциклопедией, то на это мы согласиться не можем, по тем соображениям, которые приведены здесь ниже.

Совет Московского университета (ч. I, стр. 245) разделяет кафедру энциклопедии законоведения: а) на юридическую энциклопедию и б) на историю философии права; но не приводит основания, почему он не соглашается с редакцией проекта. Нам кажется, что редакция проекта более полно выражает тот объем энциклопедии, который она желает дать этой науке, чем название *юридическая* энциклопедия. При настоящей важности изучения политических наук для юриста, лекции энциклопедии должны знакомить учащихся с этими науками подробнее, чем то определялось по университетскому уставу 1835 года, по которому «энциклопедия или общее обозрение системы законоведения» составляла одну кафедру с «Российскими государственными законами» (т. е. с «Русским государственным правом» по пункту 5 ст. 14 проекта, подразд. в.). Вот почему, как нам кажется, и составители проекта, вполне сознавая всю важность, какую имеет в настоящее время изучение политических наук для юриста, вводят в энциклопедию, как бы в виде особенного подразделения, энциклопедию политических наук.

Совет Харьковского университета (ч. I, ст. 288), относительно этой кафедры проекта, делает одно только незначительное замечание, предлагая назвать энциклопедию законоведения энциклопедией *правоведения.* Хотя существо, а не название предмета составляет главное в деле науки, но нельзя, по нашему мнению, не согласиться с тем, что правильнее будет назвать энциклопедию законоведения энциклопедией правоведения, так как эта наука имеет целью ознакомить учащихся с общими философскими понятиями *о праве*, а не только *о законе*[1].

На основании этих мнений и соображений мы предлагаем 1-й пункт 14 ст. проекта наименовать так:

Энциклопедия *правоведения*:

а) Энциклопедия юридических и политических наук.

б) История философии права.

2. *История иностранных законодательств древних и новых.*

---

[1] Название «энциклопедия правоведения», на этом же основании, должно предпочесть названию «энциклопедия *права*», предлагаемому советом Киевского университета (ч. I, стр. 27) и г. профессором Лешковым (ч. II, стр. 395): потому что в настоящем случае слово *правоведение* точнее определяет предмет науки энциклопедии, чем более отвлеченное слово *право.*

Из шести замечаний, сделанных на эту кафедру проекта, четыре в пользу учреждения в юридическом факультете отдельной кафедры под таким названием[1] и два против этого учреждения[2], Так *совет Московского университета* (I, 245) и г. профессор Утин (I, 132) предлагают точнее определить название этой кафедры, наименовав ее «историей *важнейших* или *главных* иностранных законодательств древних и новых», а г. профессор Лешков замечает, что «обозрение иностранных законодательств» должно преподаваться в пределах, установленных факультетом, желая, вероятно, этими пределами выразить ту же мысль, какая высказана советом Московского университета и г. профессором Утиным. *Совет Харьковского* университета с историей иностранных законодательств полагает соединить и историю правоведения.

Совет университета св. Владимира, не считая необходимым иметь в юридическом факультете отдельную кафедру для истории законодательств древних и новых, предлагает соединить эту науку с кафедрой энциклопедии, на том основании, что энциклопедия обыкновенно излагается студентам I-го курса, а потому «юридический факультет находит более согласным с целью преподавания и развитием слушателей соединить эту науку с историей законодательств древних и новых» (ч. I, стр. 27–28). Принимая во внимание, что курсовые испытания, и таким образом вместе с ними и самые курсы предполагается отменить, нам остается сказать только, что, по нашему мнению, невозможно соединять с энциклопедией правоведения такой обширный предмет, какой составляет история иностранных законодательств (даже только важнейших): потому что основательное ее изложение потребует от преподавателя многих лекций в неделю, которые он должен будет уделять этой науке в ущерб преподаванию энциклопедии; если же ограничиться только поверхностным изложением истории иностранных законодательств, то такое преподавание не принесет никакой почти пользы учащимся, между тем как основательное знание этой науки для юриста необходимо и оно делается особенно полезным для него, если в преподавание будет введен сравнительный метод изложения.

Член ученого комитета г. Шнейдер не допускает необходимости иметь в юридическом факультете отдельную кафедру для истории иностранных законодательств по следующим основаниям: «если», говорит он, «историю важнейших законодательств хотят проходить

---

[1] Мнения совета Московского университета, совета Харьковского университета, г. профессора Утина и г. профессора Лешкова.

[2] Мнения совета университета св. Владимира и г. члена ученого комитета Шнейдера.

только в самом кратком виде, то всего лучше отнести ее к лекциям энциклопедии. Если же она должна быть излагаема подробно, например, так, как маркиз Пасторе в своей *Histoire de la législation*, (1817–37, в 11 томах) изложил законодательства одной части древних народов, то потребовалось бы по крайней мере 10-летнее преподавание, чтобы дойти только до истории законодательств новейших народов, для изложения которой, при более обильных против древних веков источниках, понадобилось бы от 20 до 30 лет. К этому присоединяется еще важный вопрос: имеют ли студенты те обширные познания в языках и истории, кои необходимы для изучения самых источников, так как без обращения к сим последним всякое учение было бы только призраком и значило бы не более, как *jurare in verba magistri*? Далее спрашивается: нашлись ли бы самые профессора с такими познаниями? Едва ли даже в каком-либо Германском университете. Наконец, изучение подобного предмета в сущности не принесет учащимся никакой действительной пользы, а напротив того повредит им, ибо отнимет много драгоценного времени, которое они должны бы были посвятить другим немалочисленным необходимым предметам юридического образования» (ч. II, стр. 96–7).

Выше мы уже заметили, что, по нашему мнению, нельзя соединять преподавание истории иностранных законодательств с преподаванием энциклопедии, если не желать сделать лекции одного из этих предметов крайне поверхностными и недостаточными для университетских слушателей. Что касается до того довода г. Шнейдера, что потребуется не менее 10 лет для подробного преподавания истории законодательств древних народов, и от 20 до 30 лет для такого же изложения истории законодательств новейших народов, то в этом отношении нам кажется, что г. Шнейдер смешивает то обширное и всестороннее изучение предмета, со всеми его мельчайшими подробностями, которое должен иметь в виду специалист-ученый, по предмету его тесной специальности, с тем знанием, которое обязан преподать своим слушателям профессор, чтобы возбудить в них дух научности, развить способность воспринимания науки, и тем сделать их способными к научной самодеятельности. Далее мы не можем согласиться и с тем замечанием г. Шнейдера, что будто бы для студентов необходимы обширные познания в языках и истории, так как, при изучении истории иностранных законодательств, им необходимо обращаться к изучению источников ее, без чего всякое учение, по его мнению, было бы только призраком. Нам кажется, что хотя знание иностранных языков в таком деле, каково изучение истории иностранных законодательств, и

очень важно; но тем не менее нельзя отрицать существенной пользы для большинства университетских слушателей юридического факультета от знакомства с историей иностранных законодательств и тогда, когда знание иностранных языков у них оказывается недостаточным. Недостаточное знание этих языков еще более указывает, по нашему мнению, на необходимость прослушать курс истории иностранных законодательств вышеупомянутым лицам, так как им нет возможности изучать эту науку по источникам, а между тем она является необходимой для юриста. Знание иностранных языков вообще облегчает труд изучения многих предметов; однако недостаток языкознания не служит еще непреодолимым препятствием к изучению их. Многие из этих предметов входят в круг общего образования, и при изучении их не полагается непременным условием знание того или другого иностранного языка. Так напр. можно не знать по-английски, по-итальянски, и в то же время быть достаточно знакомым с историей литературы того и другого народа. Что касается до знания истории (политической), то, по нашему мнению, те сведения в этом предмете, которые имеют кончившие курс в наших гимназиях или выдержавшие там испытание в предметах полного гимназического курса, могут считаться достаточными для того, чтобы изучение истории иностранных законодательств для таких лиц не было *terra incognita* по отношению к политической судьбе тех государств и народов, с историей законодательства которых им приходится знакомиться.

Наконец мы не можем согласиться и с тем замечанием г. Шнейдера, что едва ли найдутся не только у нас, но даже и в каком-нибудь германском университете, профессора с теми обширными сведениями, которые необходимы для преподавания истории иностранных законодательств; так как, допустив подобное предположение, пришлось бы отрицать не только возможность успешного преподавания исторических и юридических наук, но и вообще возможность этих наук идти вперед, совершенствоваться.

На основании всех вышеприведенных мнений и соображений по ним, мы считаем необходимым удержать помещенную в проекте кафедру истории иностранных законодательств древних и новых, — предмет, который уже по уставу 1804 года имел особого профессора в отделении нравственных и политических наук и назывался правом «знатнейших, как древних, так и нынешних народов». Название, которое мы предлагаем дать этой кафедре, есть следующее:

«История важнейших иностранных законодательств древних и новых».

3) *История Русского права и других Славянских законодательств и обзор местных законов в России.*

Об этой кафедре высказано четыре замечания:

Г. профессор Спасович не согласен на соединение местных законов с кафедрой Русского права и других Славянских законодательств (ч. I, стр. 184); *совет Московского университета* предлагает отделить от этой кафедры обзор местных законов и поручить его особому преподавателю (ч. I, стр. 246); член ученого комитета г. Шнейдер предлагает для местных законов учредить особую кафедру (ч. II, стр. 97); г. профессор Андреевский, указывая на то, что содержание как истории Русского права в отдельности, так и истории Славянских законодательств, очень обширно, и что преподаватель, если он будет излагать оба предмета, непременно сосредоточит «все свое внимание на истории Русского права и не будет иметь возможности подвергнуть самостоятельному анализу историю других Славянских законодательств», — предлагает настоящую кафедру проекта разделить на две кафедры: одну — для истории Русского права, при изложении которого преподаватель, по самой необходимости, будет делать и обзор местных законов; другую — для истории Славянских законодательств (ч. I, стр. 141).

Мы разделяем вполне мнение г. профессора Андреевского, тем более что на основании 2 пун. ст. 26 исправленной редакции проекта, факультет будет иметь возможность, если найдет то нужным, предоставить отдельному преподавателю изложение местных законов; учреждать же в настоящее время в наших университетах особую кафедру для местных законов Российской империи нам кажется излишним, по отсутствию существенной важности для университетских слушателей от обширного изучения этого предмета и по недостатку еще самостоятельной ученой обработки его. Для местных законов могут быть учреждаемы отдельные кафедры в тех из Российских университетов, которые, сверх общей для всех университетов цели, должны еще удовлетворять и некоторым особенным местным потребностям; но вводить в общий университетский устав особую кафедру для местных законов нам кажется излишним.

Поэтому мы полагаем, на основании всех приведенных здесь мнений и соображений, разделить вышеозначенный 3-й пункт статьи 14-й проекта на две кафедры и означить их так:

История Русского права.

История Славянских законодательств.

4) *Римское право.*

а) История Римского права.
б) Догматика Римского гражданского права
в) Византийское право.

Относительно подразделения этой кафедры высказали мнение: попечитель Киевского учебного округа г. Витте (ч. I, стр. 436) и член ученого комитета г. Шнейдер (ч. II, стр. 97). Оба они отвергают необходимость вводить Византийское право в кафедру Римского права, на том основании, что наши университетские слушатели большей частью не имеют в древне-Греческом языке достаточных сведений для того, чтобы, изучая Византийское право, как отдельную науку, обращаться к ее источникам, без чего всякое основательное знание, по их мнению, невозможно. Руководствуясь этим мотивом, г. Витте предлагает излагать ход развития Византийского права в лекциях истории иностранных законодательств с большей против других законодательств подробностью, а г. Шнейдер — предоставить изучение Византийского права частным занятиям каждого учащегося.

Выше мы уже высказали наше мнение о том, что недостаток знания иностранных языков в университетских слушателях не может еще служить безусловным препятствием для изучения права; а потому и теперь мы предлагаем удержать кафедру Римского права в том ее составе (т. е. со всеми тремя подразделениями), какой она имеет по проекту, именно:

Римское право:
а) История Римского права.
б) Догматика Римского гражданского права.
в) Византийское право:
5) *Государственное право.*
а) Общее государственное право.
б) Государственное право важнейших держав.
в) Русское государственное право: законы основные, государственные учреждения и законы о состояниях.

На эту кафедру проекта сделано 4 замечания, из которых три относятся к первому ее подразделению и одно — ко второму.

Г. профессор Спасович указывает на неопределенность названия «общее государственное право» (ч. I, стр. 184), которое г. профессор Ивановский предлагает заменить названием «теория государственного права» (ч. I, стр. 70), а г. профессор Утин (ч. I, стр. 132) под общим государственным правом здесь разумеет «историю философских учений о государстве, с чем, как нам кажется, нельзя согласиться, потому что под *общим* государственным правом составители проекта

разумели, вероятно, философскую науку о государственном праве, которую Германские ученые обыкновенно называют «*allgemeines Staatsrecht*». Наука эта излагает в системе те общие философские начала о государственном праве, которые выработались и выяснились мыслителями по настоящее время и которые могут быть применимы к государству вообще. В этом отношении, слово «*allgemeines Staats recht*» как бы противопоставляется слову «*besonderes Staats recht*», как государственному праву известного, определенного государства. Теория государственного права, по нашему мнению, может иметь свою историю, как имеет ее всякая философская наука о праве. *Совет Московского университета* предлагает для государственного права важнейших иностранных держав[1] учредить особую кафедру, по примеру существующей в настоящее время такой кафедры в Московском университете (ч. I, стр. 245–246), к чему мы не видим достаточного основания, тем более, что по силе 2 п. 26 ст. исправленной редакции проекта, факультету всегда будет предоставлено право поручать преподавание известного предмета, входящего в состав той или другой кафедры, отдельному лицу, не учреждая для того особой кафедры. Сверх того, при том составе кафедры государственного права, который она имеет по проекту, представляется возможным сравнительный метод изложения этой науки, столь желательной в настоящее время по своей существенной пользе, тогда как этот метод, при отделении государственного права важнейших иностранных государств в особую самостоятельную кафедру, окажется почти невозможным или во всяком случае излишним.

Таким образом, на основании всех вышеприведенных мнений и соображений, мы предлагаем дать этой кафедре проекта следующее название:

Государственное право:

а) Теория государственного права.

б) Государственное право важнейших иностранных *государств.*

в) Русское государственное право.

6. *Гражданское право:*

а) Имущественное право.

б) Семейственное право.

в) Межевые законы.

---

[1] Мы предлагаем в замену слова «держав», которое употреблено в проекте, слово «государств», потому что это последнее в настоящем случае определительнее.

Совет Московского университета (ч. I, стр. 246) и г. профессор Лешков (ч. II, стр. 395) предлагают назвать эту кафедру *Русским* гражданским правом.

Нам кажется, что относительно названия этой кафедры необходимо удержать редакцию ее по проекту, так как ею выражается мысль — не ограничивать преподавания гражданского права одним Русским гражданским правом[1].

На этом основании, мы полагаем настоящую кафедру назвать так:

Гражданское право.

7. *Гражданское судоустройство и судопроизводство.*

Относительно этой кафедры только *совет Московского университета* сделал замечания, предлагая назвать ее кафедрой *Русского* гражданского судопроизводства и судоустройства (ч. I, стр. 246); но мы не можем согласиться с этим по той же причине, по которой не можем назвать кафедру гражданского права — кафедрой *Русского* гражданского права.

По причине той тесной связи, которая существует между гражданским правом и гражданским судопроизводством, нет основания, как нам кажется, учреждать для сего последнего особую кафедру, тем более, что, по силе пункта 2 ст. 26 исправленной редакции проекта, факультету предоставляется право назначать отдельных преподавателей для известных наук или частей их, не учреждая для того особых кафедр.

Вследствие этих соображений, мы считаем необходимым соединить с кафедрой гражданского права гражданское судоустройство и судопроизводство (составляющее по пункту 7 ст. 14 проекта самостоятельную кафедру) и дополненную редакцию 6 пун. ст. 14 пр. выразить так:

«Гражданское право и гражданское судоустройство и судопроизводство».

Затем пункт 7 ст. 14 проекта исключается.

8. *Уголовное и полицейское право:*

а) Уголовное право.

б) Полицейское право.

в) Уголовное судопроизводство.

---

[1] Совет Московского университета, предлагая назвать гражданское право — *Русским* гражданским правом, не держится того же относительно уголовного права, и называя это последнее, как отдельную кафедру, «уголовным правом», подразделяет его на теорию уголовного права и на Русское уголовное право (ч. I, стр. 246).

На эту кафедру проекта сделано шесть замечаний[1], из них: во-1-х, все согласны в том, что полицейское право должно быть устранено из кафедры уголовного права, во-2-х, три мнения в пользу того, чтобы уголовное судопроизводство составляло отдельную от уголовного права кафедру[2].

1) Г. попечитель С.-Петербургского учебного округа Делянов, указывая на неправильное совмещение полицейского права в одну кафедру с правом уголовным, замечает, что «едва ли можно найти какое-либо научное к этому основание», а г. профессор Андреевский, мотивируя необходимость отделения полицейского права от уголовного, говорит, что полицейское право имеет мало общего с уголовным, «так как теория каждого из этих прав черпает свои начала не из одного общего источника, но их различных. Уголовное право есть наука о преступлениях и наказаниях, а полицейское право, или как оно у нас обыкновенно называется, наука о законах государственного благоустройства и благочиния, есть наука о безопасности и благосостоянии граждан». Так как «опасности для граждан могут быть двоякие: или зависящие от злой воли человека, или вовсе независящие от воли человека», и как первые составляют предмет предупредительной полиции, то, вероятно, продолжает г. профессор Андреевский, «составители проекта хотели сказать уголовное право, с присоединением к нему законов предупредительной полиции, на том же основании, как в общем уставе Российских университетов 1835 г. сказано: законы уголовные и полицейские». Такое существенное различие между полицейским и уголовным правом, наглядно выставленное г. профессором Андреевским, ясно доказывает, по нашему мнению, необходимость исключения полицейского права из кафедры права уголовного.

2) *Совет Московского университета* полагает необходимым учредить особую кафедру для уголовного судопроизводства, по причине обширности этого предмета и потому еще, что в проекте для гражданского судопроизводства назначена отдельная кафедра; а *совет Одесского лицея* замечает, что «одной кафедры для *уголовного права* мало, тем более, что самый проект назначает две для гражданского:

---

[1] Мнение совета Московского университета (ч. I, стр. 246); совета Одесского лицея (ч. II, стр. 53); г. члена ученого комитета Шнейдера (ч. II, стр. 97); г. профес. Спасовича (ч. I, стр. 184); г. попечителя С.-Петербургского учебного округа Делянова (ч. I, стр. 223) и г. профес. Андреевского (ч. I, стр. 139–140).

[2] Мнения совета Московского университета, совета Одесского лицея и г. Шнейдера.

уголовный процесс и практические занятия непременно требуют особой кафедры».

Эти мотивы, как нам кажется, не могут служить достаточным основанием для учреждения самостоятельной кафедры по уголовному судопроизводству, тем более, что, на основании 2 пун. 26 ст. исправл. редакц. пр., факультету предоставляется право назначать отдельных преподавателей для известных наук или частей их, не учреждая для того особых кафедр, и та тесная связь, которая существует между гражданским правом и гражданским судопроизводством, соединяет также уголовное судопроизводство с уголовным правом в одно целое.

Руководствуясь всеми этими замечаниями и соображениями, мы предлагаем пун. 8 ст. 14 проекта поименовать так:

«Уголовное право и уголовное судоустройство и судопроизводство».

9) *Хозяйственная политика и законы благоустройства.*

Неопределенность такого названия этой кафедры вызвала со стороны критиков проекта ряд замечаний, из которых замечание г. профессора Андреевского вполне разрешает настоящий вопрос. Разделяя полицейское право на учение о безопасности и учение о благосостоянии (о чем сказано нами выше) и указывая составные части того и другого, г. профессор Андреевский объясняет, что теория второй части законов благоустройства, как «философское учение о правительственных мерах для доставления народу материального благосостояния, именно о заботах относительно развития земледельческой, мануфактурно-ремесленной и торговой промышленности, и составляет хозяйственную политику, которая в проекте возведена на степень самостоятельной кафедры и таким образом оторвана от других частей, вместе с которыми должна составлять (как это было и до сих пор) самостоятельную кафедру полицейского права или законов государственного благоустройства и благочиния».

На основании этого замечания г. профессора Андреевского могут быть объяснены прочие замечания на 9 пун. 14 ст. проекта. Так, по мнению г. Шнейдера (ч. II, стр. 97) хозяйственная политика, непосредственно основанная на началах политической экономии, должна быть соединена с сей последней и отнесена в юридический факультет. *Законы* же *благоустройства* следует отнести к полицейскому праву, которое, по его мнению, должно составлять отдельную кафедру. Г. Греч (ч. II, стр. 129) предлагает законы благоустройства назвать *законами полицейскими*, так как это, по его мнению, было бы определительнее;

относительно хозяйственной политики он делает такой вопрос: «чем она отличается от политической экономии, преподаваемой в факультете историко-филологическом»? Г. профессор Лешков желает изменить название 9 пунк. 14 ст. проекта в «общественное право или законы благоустройства» (ч. II, стр. 395), а совет Московского университета дает этой кафедре название: «законы благоустройства и благочиния» (ч. I, стр. 246).

С замечанием г. Шнейдера мы не можем согласиться в том отношении, что хозяйственную политику следует соединить с политической экономией: так как, по нашему мнению, в этой последней науке первая разумеется сама собой, как одна из составных частей политической экономии; в преподавании же полицейского права хозяйственная политика занимает самостоятельное место, потому что здесь она не заключает в себе голых философских начал по отношению к народному хозяйству, но в применении к тем положительным законам, которые основаны на ее философских началах, поставленных в связи с потребностями народа данного государства и целым законодательством страны.

То, что мы сейчас заметили о сродстве хозяйственной политики, как с политической экономией, так и с полицейским правом, может объяснить и вопрос г. Греча: чем отличается хозяйственная политика от политической экономии? Второе его замечание, что определительнее было бы «законы благоустройства» назвать *законами полицейскими,* также не может быть нами принято, так как законы благоустройства *принадлежат* к полицейским законам и составляют *часть* сих последних. Желание г. профессора Лешкова — назвать 9 пун. 14 ст. проекта «общественное право или законы благоустройства» вводит в юридический факультет не целую науку полицейского права, а только часть ее, так как под законами благоустройства разумеется только учение о благосостоянии, следовательно, учение о безопасности (законы благочиния) в нее вовсе не включено. Наконец, что касается до предложения совета Московского университета назвать 9 пун. 14 ст. проекта кафедрой *законов благоустройства и благочиния,* — наименование, которое имела эта кафедра в университетском уставе 1835 года, то его можно бы было принять; но тогда, для сохранения последовательности, и в некоторых других пунктах 14 ст. проекта пришлось бы употреблять слово «законы» вместо «право», как, например, государственные, гражданские, уголовные законы и т. д.

По всем этим соображениям, мы полагаем 9 п. 14 ст. проекта назвать так:

Полицейское право:

а) Учение о безопасности (законы благочиния).

б) Учение о благосостоянии (законы благоустройства).

10) *Наука и законы о финансах*:

а) Законы о финансах.

б) Законы о государственных повинностях.

Совет Московского университета предлагает назвать эту кафедру *наукой о финансах* (ч. I, стр. 246); г. профессор Лешков — финансовым правом (ч. II, стр. 395); г. Шнейдер — отменить подразделение, так как, по справедливому его замечанию, такое подразделение «не только не логично, но и вообще не научно» (ч. II, стр. 97).

Что касается до нашего мнения, то мы предлагаем назвать эту кафедру проекта *финансовым правом*, подразделив его на 1) *теорию финансов* и на 2) *Русское финансовое право*: так как название «наука о финансах», предлагаемое советом Московского университета, не заключает в себе той полноты понятия, какая соединяется с понятием «финансовое право». Наука о финансах есть философия финансового права, которое в отношении к данному государству или народу (как это имеет в виду проект) имеет догматическую и историческую части, для изложения финансовых законов этого народа и ученой их обработки у него. С предложением г. Шнейдера — уничтожить только подразделения этой кафедры проекта (следовательно, удержать однако ее название) — мы согласиться не можем, потому что для полного изложения предмета недостаточно только философского и догматического метода, но необходим и метод исторический. Вот почему название *финансовое право*, как такое название, которое дает более полное понятие о предмете, мы предпочитаем наименованию *наука и законы о финансах.*

Таким образом настоящую кафедру проекта мы полагаем назвать и подразделить так:

Финансовое право:

а) Теория финансов.

б) Русское финансовое право.

11) *Международное право и дипломация.*

Профессор Лешков называет это право *народным правом* (ч. II, стр. 395); но нам кажется, что такое название ни сколько не указывает на существо того предмета, который хотят им обозначить, и своей неопределенностью может дать повод к неточному уразумению этого предмета, тогда как название *международное право* само собой

указывает на то, что это есть право, имеющее силу и действие между различными народами или государствами[1].

На этом основании, мы удерживаем редакцию этой кафедры по проекту и полагаем пун. 111 ст. 14 проекта назвать:

Международное право и дипломация.

К 14 ст. проекта прибавлены два примечания, из которых в первом сказано:

Торговое право преподается или отдельно или в связи с законами гражданскими и законами благоустройства.

Относительно этого примечания г. Шнейдер высказал мнение, что «торговое право необходимо должно быть преподаваемо, как отдельный предмет» (ч. II, стр. 98).

Мы не можем согласиться с этим мнением. Мы полагаем, что торговое право не есть самостоятельный предмет, потому что теория его входит в состав гражданского права; но как особенности торговых законов довольно обширны, то преподавание этого предмета полезно поручить отдельному лицу, не вводя однако особенной кафедры для торгового права.

На основании этого соображения, мы предлагаем изменить редакцию 1-го примеч. к 14 ст. проекта и выразить ее так:

Для преподавания торгового права определяется отдельный преподаватель.

Во втором примечании к 14 ст. проекта сказано:

Юридическая практика входит в состав вышеупомянутых кафедр по принадлежности, но может быть поручаема и отдельному преподавателю.

Относительно этого примечания высказал мнение попечитель Киевского учебного округа г. Витте (ч. I, стр. 436–7), который отрицает необходимость вводить в юридический факультет преподавание юридической критики на том основании, что она не составляет задачи юридического факультета и есть плод сознательной деятельности юриста в сфере судебной. «Задача юридического факультета, говорит г. Витте, быть представителем юридической науки, вселить в слушателях любовь и уважение к ней, и тем оградить будущих юристов-практиков от пагубных сетей, которыми приказная рутина так легко опутывает судей, не имеющих при себе единственного действительного противоядия в основательном теоретическом образовании».

---

[1] Посему это право можно бы было также назвать *междугосударственным.*

Мы вполне разделяем взгляд г. Витте на этот предмет; мы думаем, что было бы хорошо, если бы преподаватели гражданского и уголовного права и судопроизводства могли ознакомить своих слушателей с практической стороной предмета; но это нужно только *предоставить* им, а не делать для них обязательным; вводить же особого преподавателя для юридической практики нам кажется мало обещающей роскошью, на которую может решиться факультет, если будет располагать лишними денежными средствами: так как практический преподаватель станет ограничиваться передачей существующих форм и обрядов делопроизводства, и условие этой передачи слушателями будет большей частью страдательное, между тем как юрист, приобретший в университете теоретические начала, будет в состоянии усвоить себе юридическую практику собственной самостоятельной деятельностью на поприще судебном в весьма короткое время.

На этом основании, мы предлагаем следующую редакцию 2-го примеч. к 14 ст. проекта:

Юридическая практика может быть поручаема отдельному преподавателю.

В ст. 17 проекта между прочим сказано:

Профессор православного богословия преподает и церковное законоведение студентам юридического факультета.

Прежде всего нам кажется необходимым выяснить понятие о церковном праве, так как в некоторых из замечаний, относящихся к этой части ст. 14 проекта, оно смешивается с понятием о каноническом праве. Различие церковного права от канонического выяснено в замечании г. профессора Андреевского (ч. I, ст. 142), в котором каждое из этих прав получает характер самостоятельной науки, в том виде, как она понимается современными германскими юристами. Мы согласны с г. профессором Андреевским, который определяет церковное и каноническое право так: «церковное право есть систематическое учение о тех положительных законах, истекающих от верховной государственной власти, которыми определяются права и обязанности граждан, как членов той или другой церкви, того или другого исповедания, допускаемого в государстве; каноническое же право есть систематическое учение о законах, истекающих от церковной власти того или другого исповедания, по принадлежности, о внутренних делах церкви и об отношении исповедующих религию к церкви».

В замечаниях на проект мы находим ряд мнений, в которых высказывается мысль, что церковное право должно составлять

самостоятельную кафедру[1], и только преосвященный Макарий, епископ Харьковский, руководствуясь статьей 17-ой проекта и видя возможность сделать лекции профессора богословия (когда он не будет иметь себе в помощь одного доцента) обширными, основательными, профессорскими, если ему предоставить право излагать не полный курс, а только главные и основные истины поручаемых его преподаванию наук[2], замечает: *«о церковном законоведении* не говорим: там легко сделать выбор предметов и сократить сообразно с целью преподавания этой науки в университетах» (ч. I, стр. 457–8).

Мы, напротив, думаем, что как для юриста необходимо полное изучение гражданского, уголовного, государственного права и др., а не отрывочное знание известных частей того или другого, так и церковное право юрист необходимо должен изучить в полном его составе, а не в извлечениях, как это предлагает преосвященный Макарий.

Мотивируя необходимость учреждения в юридическом факультете особой кафедры для церковного права, совет Московского университета, совет Харьковского университета[3] и г. профессор Андреевский указывают главным образом на юридический характер церковного законодательства и на важность церковного права для историко-юридической и политических наук, и потому непременным условием для успешного преподавания церковного права в университете ставят необходимость иметь на этой кафедре профессора-юриста[4]; тогда как

---

1 Мнения: г. профессора Андреевского, совета Московского университета, попечителя Харьковского университета, попечителя Харьковского учебного округа г. Левшина, г. Павловского, автора статьи «О преподавании богословских наук в Русских университетах», и г. профессора Лешкова (ч. I, стр. 142, 246, 289; 375–6; ч. II, стр. 66, 89, 395; еще г. Греча (ч. II, стр. 129–130).

2 По 17 ст. проекта на профессора православного богословия возлагается преподавание: догматического и нравственного *богословия,* церковной истории и церковного законоведения.

3 Советы Московского и Харьковского университетов предлагают учредить в юридическом факультете кафедру *канонического* права (в обширном смысле), в состав которого, таким образом, входит и церковное право. По нашему мнению, эти две науки не должны быть смешиваемы, так как они почерпают свое содержание из различных источников. Источником для церковного права служит верховная государственная власть, источником же канонического права — власть церковная. Поэтому преподавание последнего предмета, как нам кажется (см. ниже), может быть поручено священнослужителю.

4 Эта последняя мысль высказана не советом Харьковского университета, а попечителем Харьковского учебного округа г. Левшиным, в его замечании на мнение совета Харьковского университета.

гг. Павловский и автор статьи «О преподавании богословских наук в Русских университетах» полагают вверить преподавание церковного права священнослужителю, причем автор вышеупомянутой статьи, замечая, что Московский университет признал необходимым для юридического факультета учредить особую кафедру канонического права, которое требует преподавателя со специальным юридическим приготовлением, говорит: «да, каноническое право (мы сказали бы *церковное законоведение*; этот термин гораздо точнее обозначает широкое содержание науки) есть предмет не только богословский, но и юридический, однако, *по существенному своему элементу, оно есть предмет богословский*. Потому *преподаватель его непременно должен иметь специальное богословское образование* с некоторым юридическим приготовлением, главным образом, по части Греко-Римского права».

Нам кажется, что преподавателем церковного права *непременно* должен быть ученый юрист, для того, чтобы в разработку церковного права, предмета важного и необходимого для юриста, внести юридический метод исследования науки. Требовать специально-юридического образования от наших духовных невозможно; *некоторое же юридическое приготовление,* о котором говорит автор вышеупомянутой статьи, не только не может удовлетворять вышесказанной нами цели, но еще более повредит существу преподавания.

Таким образом нам кажется необходимым учреждение в юридическом факультете особой кафедры *церковного права,* преподавание которого должно быть поручаемо профессору-юристу и обнимать собой постановления Русского законодательства (светского), относительно всех вероисповеданий в государстве.

Что касается до канонического права, то его мы полагали бы ввести для слушателей православного исповедания и поручить преподавание этого предмета профессору православного богословия. Поэтому окончание 17 ст. проекта мы полагаем изложить так:

«Профессор православного богословия преподает и *каноническое право православной церкви слушателям юридического факультета, православного исповедания*».

Сверх того, еще следующие замечания на проект относятся к рассматриваемому нами предмету:

1) *Совет Московского университета* (ч. I, стр. 246) и попечитель Киевского учебного округа г. Витте (ч. I, стр. 437) указывают на необходимость преподавания в юридическом факультете судебной медицины и медицинской полиции, а г. Шнейдер — на преподавание судебной медицины (ч. II, стр. 98). Г. Витте замечает, что курсы судебной

медицины и медицинской полиции должны быть преподаны «в тех размерах, в которых врачебная наука, в применении к судопроизводству и к государственному благоустройству, нужна юристу и доступна слушателю, не посвященному в тайны естествоведения».

Мы со своей стороны заметим, что знание судебной медицины оказывается необходимым для юриста при производстве уголовных следствий: потому что в этих случаях законом возлагается на следователя-юриста обязанность предлагать вопросы врачу, находящемуся при следствии, относительно предмета этого следствия. Чтобы эти вопросы были правильны, они должны быть предлагаемы лицом, знающим судебную медицину. Сверх того, знанием судебной медицины следователю-юристу доставляется возможность в достаточной степени контролировать правильность ответов врача на те вопросы, которые первый предлагает сему последнему относительно предмета следствия. На таком же основании, знание медицинской полиции делается необходимым для юриста, как скоро ему приходится применять на практике те многообразные начала полицейского права, которые предписываются наукой и законодательством для обширной полицейской деятельности.

На этом основании и согласно с вышеприведенными мнениями, мы предлагаем ввести в юридический факультет преподавание *судебной медицины и медицинской полиции.*

Примечание. Это преподавание тем более необходимо для С.-Петербургского университета, что в нем нет медицинского факультета.

2) Десятой кафедрой историко-филологического факультета по проекту поставлена: *политическая экономия и статистика* (см. 12 ст. 10 пун. проекта).

На эту кафедру последовал ряд замечаний, в которых указывается необходимость иметь в юридическом факультете (а не в историко-филологическом, как это сделано в проекте) самостоятельную кафедру политической экономии[1].

На основании этих замечаний, мы считаем необходимым ввести в юридический факультет особую кафедру *политической экономии*, а из историко-филологического факультета эту кафедру исключить (см. ст. 12 пун. 10 проекта).

---

[1] Мнения: гг. Ивановского, Утина, Андреевского, Спасовича, Тулова, Шнейдера и совета Казанского университета (ч. I, стр. 70, 131, 132, 141, 142, 184, 445, 389; ч. II, стр. 97).

Впрочем, слушание лекций по предмету политической экономии должно быть предоставлено студентам историко-филологического факультета.

Что касается до статистики, то мы вовсе исключаем ее из перечня наук юридического факультета, так как статистика не есть самостоятельная наука, а только известный метод изучения фактов, применимый ко всем наукам вообще, как это справедливо высказал профессор Спасович (ч. I, стр. 184), а также это было заявлено и в заседании ученого комитета 11 сего сентября гг. Ивановским, Андреевским, Спасовичем и Калиновским, по поводу предложения г. Георгиевского внести вместе с политической экономией и статистику в число предметов юридического факультета.

3) Член ученого комитета г. Шнейдер предлагает, в виде примечания к ст. 14 проекта, постановить, «что отдельные части Русского права должны быть излагаемы подлежащими преподавателями не только догматически, но и исторически» (ч. II, стр. 98).

Нам кажется излишним вносить в университетский устав такое примечание, так как само собой разумеется, что каждую юридическую науку в настоящее время можно преподавать только при соединении трех методов изложения: философского, догматического и исторического.

На основании всего вышеизложенного, мы полагаем, что ст. 14 проекта должна иметь следующую редакцию:

В юридическом факультете полагаются следующие кафедры и науки:

1) Энциклопедия *правоведения*:

а) Энциклопедия юридических и политических наук.

б) История философии права.

2) История *важнейших* иностранных законодательств древних и новых.

3) История Русского права.

4) История Славянских законодательств.

5) Римское право:

а) История Римского права.

б) Догматика Римского гражданского права.

в) Византийское право.

6) Государственное право:

а) *Теория государственного права.*

б) Государственное право важнейших *иностранных государств.*

в) Русское государственное право.

7) Гражданское право и гражданское судоустройство и судопроизводство.

8) Уголовное право и уголовное судоустройство и судопроизводство.

9) *Полицейское право:*

а) *Учение о безопасности* (*законы благочиния*).

б) *Законы о благосостоянии* (*законы благоустройства*).

10) *Финансовое право:*

а) *Теория финансов.*

б) *Русское финансовое право.*

11) Международное право.

12) Церковное право.

13) Политическая экономия.

Примечание 1. Для преподавания торгового права, а также для преподавания судебной медицины и медицинской полиции, определяются отдельные преподаватели.

Примечание 2. Юридическая практика может быть поручаема отдельному преподавателю.

Примечание 3. Профессор православного богословия преподает каноническое право православной церкви слушателям юридического факультета, православного вероисповедания.

Затем: а) Примечания 1 и 2 к § 14 и пункт 10 § 12 проекта исключаются. б) Конец § 17 проекта, начиная со слов: «профессор православного богословия»... изменяется и получает такую редакцию, какую он имеет здесь в примечании 3.

***ШНЕЙДЕР В. В.**, бывший профессор юридического факультета Санкт-Петербургского университета*

О составе юридического факультета[1]

I. Приступая к своду различных мнений о составе юридического факультета, я прежде всего нахожу нелишним обратить внимание на то,

[1] Публикуется по: *Шнейдер В. В.* О составе юридического факультета // Журналы заседаний Ученого комитета Главного правления училищ по проекту Общего устава императорских российских университетов. Приложение к журналу № 12. СПб., 1862. С. 450–465.

что проект, допуская разделение факультетов на отделения, сам не обозначает их, а предоставляет это усмотрению каждого университета (§ 9). Не говоря уже о том, что предмет такой важности, как разделение факультетов на отделения, по справедливому замечанию г. Гаевского (I, 57), Левшина (I, 374) и других, не может быть предоставлен усмотрению одних университетов, необозначение в самом проекте отделений отнимает ныне, при обсуждении его, возможность, по крайней мере относительно юридического факультета, определить в точности все долженствующие войти в состав его кафедры. Отсюда открывается необходимость: или ввести в самый проект разделение на отделения, или же, при исчислении факультетских предметов, пояснить, что впоследствии, при образовании отделений, могут быть учреждены и другие, не положенные по уставу кафедры[1].

После сего предварительного замечания, обращаюсь к рассмотрению 14 ст. проекта, определяющей состав юридического факультета, и к оценке высказанных по этой статье различных мнений, с тем, чтобы вывести из них заключение о том, какие предметы преподавания необходимы в означенном факультете, будет ли он разделен на отделения или нет.

II. В п. 1 и 2 § 14 сказано:

1) *Энциклопедия законоведения:*

а) *Энциклопедия юридических и политических наук.*

б) *История философии права.*

2) *История законодательств древних и новых.*

Выражение «*энциклопедия законоведения*, сохраняемое только советом Московского университета (I, 245), необходимо заменить названием: «*энциклопедия права*» (совет университета св. Владимира I, 25) или «*правоведения*» (совет Харьковского университета I, 288 и 289) или «*юридическая энциклопедия*», потому что предмет этой кафедры составляет не одно только законоведение, а вообще правоведение.

Советы Московского и Харьковского университетов (I, 245 и 288) принимают вышеозначенное подразделение этой кафедры, с тем лишь различием, что первый отдел назван советом Московского

---

[1] Вероятно, как полагает и г. Ивановский (I, 70), юридический факультет будет разделен на два отделения: юридическое и административное. При этом случае замечу, что в Тюбингенском университете существует, независимо от юридического факультета, самостоятельный *административный* факультет (Staatswirthschaftliche Facultät), составляющий особое преимущество это университета перед другими в Германии (см. *Klüpfel,* Geschichte der Universität Tübingen, 1849, стр. 458–478).

университета «юридической *энциклопедией*», совет же университета св. Владимира (I, 27) предлагает первые две кафедры § 14 обозначить следующим образом:

1) Энциклопедия права и история законодательств древних и новых.

2) История и система философии права; в пояснение же такого изменения приводит следующие соображения: «1) Кафедра энциклопедии законоведения разделена в проекте на энциклопедию юридических и политических наук и историю философии права. Имея в виду, что энциклопедия права обыкновенно излагается студентам 1-го курса, юридический факультет находит более согласным с целью преподавания и развитием слушателей, соединить эту науку с историей иностранных законодательств древних и новых. Эта последняя наука будет доступнее для слушателей и даст им более твердые основания для дальнейшего изучения права, нежели история философии права. 2) История философии права сама по себе есть только одна часть философской науки о праве. Другая часть ее — система философии права — столько же важна, сколько история. О преподавании системы философии права ничего не сказано в проекте. Энциклопедия права не может заменить этой науки, потому что, имея перед собой слушателей, совершенно незнакомых с юридическими науками, ограничивается только общими понятиями о праве и науке его. Но преподавание одной истории философии права, без системы ее, будет не полезно и во многих отношениях неудобно. Поэтому юридический факультет считает необходимым прибавить к истории философии права и систему ее, назначив для этого особую кафедру. История и система философии права с большей пользой может быть преподаваема студентам последнего курса, уже знакомым с положительными отделами большей части юридических наук».

Желание совета университета св. Владимира, чтобы сверх истории философии права преподавалась и самая система, т. е. так называемое естественное право, по различным причинам, кажется, останется, пока только *pium desiderium*. Впрочем, если история философии права будет излагаема в последнем курсе, как это совершенно справедливо требуется советом, то студенту уже не трудно будет самому извлечь себе из этих лекций систему, которая сохранит его от многих важных заблуждений. Соединение же, по мнению того же совета, второй поименованной в проекте кафедры с юридической энциклопедией, весьма рационально: ибо в университете может быть читан, конечно, один лишь обзор и то весьма краткий, истории важнейших древних и новых

законодательств, в том виде, как мы находим его например в сочинении Неволина и в новейших руководствах энциклопедии Аренса и Варнкенига. Но что для этого предмета отнюдь не следует назначать особой кафедры, об этом я высказал уже подробно мнение (II, 96) и с ним соглашается в сущности и г. Утин, замечая (I, 132, п. 3), что «вторую в порядке кафедру лучше назвать историей главных или важнейших иностранных законодательств древних и новых, потому что кафедра эта *посвящена исторической части энциклопедии,* и, по обширности предмета, может быть только *историческим обозрением* главнейших законодательств».

На основании всех вышеизложенных соображений, я полагал бы первой кафедрой в юридическом факультете назначить энциклопедию правоведения, с разделением ее на три отдела:

1) Общая часть.
2) Обзор истории важнейших иностранных законодательств, и
3) История философии права.

III. *Третья* кафедра по проекту назначена для «*истории Русского права и других Славянских законодательств и обзора местных законов в России*».

Здесь прежде всего замечу (II, 97) в словах «Русского права и других Славянских законодательств» неправильное соединение двух совершенно различных понятий: *права* и *законодательства.*

По мнению г. Андреевского (I, 141), «нельзя сделать предметом одной кафедры такие громадные вопросы, а необходимо разделить эту кафедру на две: истории Русского права, преподаватель которой, по самой необходимости (?), будет делать и обзор местных законов, а история Славянских законодательств должна составить особую самостоятельную кафедру; иначе эта важная часть — история Славянских законодательств, никогда не получит самостоятельной разработки; в случае соединения ее с историей Русского права, преподаватель принужден будет все свое внимание сосредоточить на истории Русского права и не будет иметь возможности подвергнуть самостоятельному анализу историю Славянских законодательств».

Соглашаясь с г. Андреевским на счет отделения истории Славянских законодательств от необходимой для истории Русского права кафедры, я полагал бы отделить от нее и обзор местных законов[1], назначив для последних самостоятельную кафедру, с тем, конечно, чтобы

[1] Г. Спасович (I, 184) также возражает против присоединения местных законов к истории Русского права.

преподавание их ограничивалось одним лишь обозрением, так как подробное изложение их, не составляя необходимого условия для образования Русского юриста вообще, в то же время, по обширности предмета, потребовало бы со стороны учащихся слишком продолжительных занятий, в ущерб занятиям их по другим более важным отделам правоведения. Но, с другой стороны, признавая, что в тех местностях, где действуют особые законодательства, нельзя обойтись без основательного знакомства с ними и что сие последнее, относительно некоторых из них, получивших наибольшее развитие, не может быть приобретено на лекциях, назначенных для одного лишь обозрения всех действующих в России местных законов, я полагал бы весьма полезным, в местных или смежных с ними университетах учредить, по принадлежности, особые кафедры для вышеозначенных законодательств. Мысль эту сознает и самый проект относительно Дерптского университета, сохраняя в нем существующую кафедру местного права Остзейского края (I, 34, к § 14). На том же основании следовало бы открыть в Харьковском или Киевском университете кафедру для местных законов, действующих в Черниговской и Полтавской губерниях, в Одессе — кафедры для законов Бессарабской области и Кавказского и Закавказского края.

Что же касается *истории Русского права,* то необходимо пояснить в проекте: 1) что каждый преподаватель отдельной части сего права должен излагать ее не только догматически, но и исторически, каковой способ преподавания ныне общеупотребителен в германских университетах и особенно у нас принесет существенную пользу, и 2) что если за сим для истории Русского права учреждается еще особая кафедра, то цель ее должна состоять в возможно полном изложении *внешней*, при одном лишь обозрении *внутренней* истории права.

Наконец, что касается *истории Славянских законодательств,* то, по моему мнению, при всей пользе, которую может принести для науки Русского права изучение сего предмета, для него не должна быть учреждаема отдельная кафедра, на том же основании, как, например, и в университетах многочисленных стран, населенных Германским племенем, не полагается кафедр для истории всех *Германских* законодательств. В частности, относительно истории Славянских законодательств, нельзя не принять в соображение, что из них, по влиянию на развитие Русского права, особенно важным для Русского юриста представляется одно только Литовское, с историей которого студент будет иметь случай познакомиться на лекциях местных законов, и именно Черниговской и Полтавской губерний, особенно если для сих

последних законов будет основана, как мною изложено выше, самостоятельная кафедра в одном из наших южных университетов. Против же выраженного г. Андреевским опасения (I, 141), что история Славянских законодательств, без образования отдельной для нее кафедры, не получит самостоятельной разработки, замечу лишь, вообще, что университетское преподавание не есть единственное средство для того, чтобы вызвать самостоятельную разработку той или другой науки.

IV. *Четвертая* кафедра — «*Римское право*» разделена в проекте на три отделения:

а) *История Римского права.*

б) *Догматика Римского гражданского права,* и

в) *Византийское право.*

По моему мнению (II, 97), преподавание Римского права следовало бы подразделить на изложение: а) внешней истории Римского права и б) догматики и внутренней истории Римского гражданского права. Что касается Византийского права, то, по замечанию г. Витте (I, 436), с которым и я согласен (II, 97), предмет этот: при незнакомстве наших студентов с греческим языком, не должен быть включен, как самостоятельная наука, в курс юридического факультета, но лучше излагать ход развития Византийского права на лекциях истории иностранных законодательств (отнесенной к энциклопедии правоведения) с большей против других подробностью, в виду значительного влияния, которое это право имело на некоторые отрасли нашего отечественного законодательства. К сему присовокупляю еще со своей стороны, что студенты будут иметь случай познакомиться с настоящим предметом и на лекциях местных законов, действующих в Бессарабской области.

V. *Пятая* кафедра — *государственного права* имеет по проекту три подразделения:

а) Общегосударственное право.

б) Государственное право важнейших держав.

в) Русское государственное право: законы основные, государственные учреждения и законы о состояниях.

Против введения этих предметов в юридический факультет по части государственного права никто не возражает; только совет Московского университета (I, 245) полагает для государственного права важнейших *иностранных* держав назначить особую кафедру, а гг. Ивановский (I, 70), Утин (I, 132) и Спасович (I, 184) не одобряют выражения: «обще государственное право», с предложением первым из них названия: «теория государственного права». Кроме того г. Утин (там

же), вместо «государственные учреждения», считает более правильным сказать: «государственные *и губернские* учреждения».

Я же со своей стороны полагал бы сократить начертанное в проекте подразделение государственного права, с тем только, чтобы вторая часть его была названа государственным правом важнейших *иностранных* держав; что же касается названия «общее государственное право», то и оно может быть удержано, если вспомним, что один из знаменитейших писателей по этому предмету, прежде Мюнхенский, ныне Гейдельбергский профессор Блунчли, известному своему сочинению, появившемуся в 1857 г. уже вторым изданием, дал заглавие: «*Allgemeines Staatsrecht*». Наконец исчисление в уставе отдельных частей Русского государственного права, по моему мнению лишнее, а исчисление, сделанное в проекте, — неполно, ибо пропущены законы о службе гражданской.

VI. *Гражданское право* (6 кафедра в проекте) разделена на:

а) Имущественное право.

б) Семейственное право.

в) Межевые законы.

Поименованные в 3-м пункте законы, по самому содержанию их, кажется, приличнее отнести к кафедре гражданского судопроизводства, как это определено в уставе 1835 г., а остающееся засим подразделение гражданского права на имущественное и семейственное следовало бы отменить, потому что разделение это не единственно употребительное и вообще не представляется никакой необходимости в обозначении составных частей гражданского права. Наконец, против предложения совета Московского университета (I, 246) назвать настоящую кафедру кафедрой *Русского* гражданского права, замечу, что прибавление слова: «Русское» может стеснить тех, кои пожелали бы излагать и теорию гражданского права. То же самое замечание относится и к следующей по проекту кафедре *гражданского судоустройства*, к которой, как выше сказано, должны быть присоединены и межевые законы.

VII. В 8 и 9 пунктах § 14 проекта исчислены следующие предметы:

8) *Уголовное и полицейское право:*

а) *Уголовное право.*

б) *Полицейское право.*

в) *Уголовное судопроизводство.*

9) *Хозяйственная политика и законы благоустройства.*

Против такого смешения самых разнородных предметов возражают гг. Спасович (I, 184), Делянов (I, 223), совет Московского университета (I, 246), Греч (II, 129), составитель сего свода (II, 97) и всех

подробнее г. Андреевский (I, 139), между тем как советы университетов св. Владимира (I, 27), Харьковского (I, 289) и Казанского (I, 389), не обращая на это обстоятельство никакого внимания, соглашаются вполне с проектом.

Г. Андреевский совершенно справедливо говорит (I, 140): «уголовное право есть наука о преступлениях и наказаниях, а полицейское право, или, как оно у нас обыкновенно называется, науки о законах государственного благоустройства и благочиния, есть наука о безопасности и благосостоянии граждан. Опасности для граждан могут быть двояки: или зависящие от злой воли человека, или вовсе не зависящие от воли человека; меры предупреждения и удаления первого рода опасностей рассматриваются в учении о предупреждении и пресечении преступлений, что до сих пор (уставом 1835) было связано с кафедрой уголовного права; учение об удалении и предупреждении опасностей второго рода, т. е. о законах благочиния, составляет первую часть полицейского права — *полицию безопасности,* которая и заключает в себе учение: о достаточном количестве народонаселения (популяционистика), о предупреждении и излечении болезней (медицинская полиция), об обеспечении народного продовольствия и об общественном призрении бедных. Вторая часть полицейского права — *полиция благосостояния,* заключающая в себе учение о законах государственного благоустройства, разделяется в свою очередь на две части: 1) учение о правительственных мерах для доставления народу духовного благосостояния, именно о заботах для доставления народу развития религиозного, нравственного, эстетического и умственного; 2) учение о правительственных мерах для доставления народу материального благосостояния, именно о заботах относительно развития земледельческой, мануфактурно-ремесленной и торговой промышленности; теория этой частицы составляет хозяйственную политику, которая в проекте возведена на степень самостоятельной кафедры и таким образом оторвана от других частей, вместе с которыми должна составлять (как это было и до сих пор) самостоятельную кафедру полицейского права, или законов государственного благоустройства и благочиния».

Засим г. Андреевский в ст. 14 проекта, в п. 8, полагает поставить:

8) Уголовное право:

а) Общая и особенная часть уголовного права.

б) Уголовное судопроизводство.

а в пункте 9:

9) Полицейское право:

а) Учение о безопасности (законы благочиния).

б) Учение о благосостоянии (законы благоустройства).

Соглашаясь вполне с мнением г. Андреевского относительно совершенного отделения уголовного права от полицейского, я полагал бы однако: 1) согласно с советами Московского университета (I, 246) и Ришельевского лицея (II, 54) и прежде уже высказанным мною мнением (II, 95), по примеру гражданского судопроизводства, назначить самостоятельную кафедру и для уголовного судопроизводства, назвав ее: *уголовным судоустройством и судопроизводством;* 2) разделить уголовное право, отчасти также по мнению совета Московского университета, на теорию и историю уголовного права и Русское уголовное право и 3) кафедру полицейского права оставить без всяких подразделений.

Таким образом, по моему мнению, п. 8 и 9 должны быть изложены в следующем виде:

8) Уголовное право:

а) Теория и история уголовного права.

б) Русское уголовное право.

9) Уголовное судоустройство и судопроизводство.

10) Полицейское право.

VIII. 10-я кафедра названа в проекте *«наука и законы о финансах»* и разделена на: а) *законы о финансах* и б) *законы о государственных повинностях.* Против такого совершенно ненаучного разделения сделано мною возражение (II, 97); вообще же я того мнения, что в уставе лучше обойтись без всякого разделения этой кафедры, дав ей только более правильное название: «*наука о финансах и финансовое право*», а не просто «наука о финансах», как предлагает совет Московского университета (I, 246).

IX. В примечании 1 к § 14 проекта сказано: «торговое право преподается или отдельно или в связи с законами гражданскими и законами благоустройства». Мне кажется (II, 98), что для столь обширного предмета необходимо назначить особую кафедру.

X. В примечании 2 к тому же § *юридическая практика* отнесена к составу исчисленных в нем кафедр, но вместе с тем предоставляется ее поручить и отдельному преподавателю.

Против этого весьма справедливо замечает г. Витте (I, 436), что «юридическую практику не следует включать в состав факультетского курса, так как она не может быть предметом ни преподавания, ни изучения в стенах университета. Она есть плод сознательной деятельности юриста в сфере судебной, и потому обучение юридической практике в университетах столько же несбыточно, сколько преподавание

искусства вести внутреннюю или внешнюю политику какого-нибудь государства. Призвание юридического факультета — быть истинным представителем юридической науки, вселить в слушателях любовь и уважение к ней, и тем оградить будущих юристов-практиков от пагубных сетей, которыми приказная рутина так легко опутывает судей, не имеющих при себе единственного действительного противоядия в основательном теоретическом образовании. Потому юридический факультет не должен принимать на себя обязанности, которой он не в состоянии выполнить, и осуществление которой отнюдь не его задача».

С этим, кажется, нельзя не согласиться и посему юридическую практику следовало бы исключить из предметов преподавания в юридическом факультете. Вместо этой практики, по моему мнению, гораздо полезнее ввести по части Русских гражданских и уголовных законов *экзегетические лекции*, которые я считаю даже необходимыми, по важности их как для образования Русского юриста, так и вообще для ученой разработки тех законов. К этим лекциям, с большей пользой для юридического образования, можно было бы присоединить и экзегетические лекции по части Римского права.

XI. В § 17 проекта сказано: «профессор православного богословия преподает и церковное законоведение студентам юридического факультета», а между тем последний предмет не включен в § 14, где перечисляются все кафедры юридического факультета. На это обратили внимание советы Московского и Харьковского университетов (I, 246 и 259), гг. Андреевский (I, 142), Левшин (I, 375), Греч (II, 129) и составитель сего свода (II, 98). Советы Московского и Харьковского университетов и г. Греч полагают: включить в этот факультет кафедру «канонического права», замечая — первый (I, 246): что оно, «как предмет не только богословский, но и юридический, при том весьма важный для историко-юридических и политических наук, требует особого преподавателя, со специальным юридическим приготовлением», а второй, т. е. совет Харьковского университета (I, 289), что «кафедра эта существенно необходима, потому что церковное право считается одной из составных частей правоведения и от того должно быть излагаемо с юридической точки зрения и, для полноты предмета, обнимать не только постановления православной церкви, но и законы Римско-Католической и Лютеранской церквей. Г. Левшин (I, 375) говорит: что если *церковное право* «должно быть преподаваемо в виде отдельной юридической науки, обнимающей постановления, относящиеся до православной церкви и других христианских исповеданий, то для преподавания такой науки должно быть избираемо лицо, которое

получило бы университетское юридическое образование...» Г. же Андреевский, останавливаясь на выражении проекта в § 17: «*церковное законоведение*», замечает: во-1-х, что это название должно быть разъяснено, так как ни в одном из Русских университетов до сих пор точно не определялось. Существует различие между *церковным* и *каноническим* правом. *Церковное право* есть систематическое учение о тех положительных законах, истекающих от верховной государственной власти, которыми определяются права и обязанности граждан, как членов той или другой церкви, того или другого исповедания, допускаемого в государстве; *каноническое* же *право* есть систематическое учение о законах, истекающих от церковной власти того или другого исповедания, по принадлежности, о внутренних делах и об отношениях исповедующих религию к церкви; эти два понятия часто смешиваются; и во-2-х, что, без сомнения, в юридическом факультете должны быть преподаваемы как каноническое право, так и церковное. Профессору православного богословия может быть вверено преподавание только канонического права и только православной церкви, а церковное право должно быть преподаваемо профессором-юристом, на том же основании, как преподаются и другие юридические науки».

Итак, по мнению г. Андреевского, в каждом университете должны быть учреждены две отдельные кафедры: одна для церковного, а другая для канонического права. С этим однако едва ли можно согласиться, если внимательно сообразить то, что обыкновенно понимается в системе юридических наук под названием *церковного права. К* составу сего последнего знаменитейшие писатели по этой части[1] относят, сверх других, не подходящих под вышеприведенные определения г. Андреевского[2], и все предметы, распределенные им между правами церковным и каноническим. Не лучше ли и нам после этого довольствоваться для каждого из наших университетов одной кафедрой «*церковного права,* с тем, чтобы оно преподавалось профессором-юристом православного исповедания и в таком случае было предметом обязательным только для лиц того же исповедания?

XII. Кафедра *политической экономии* отнесена по проекту к историко-филологическому, а не к юридическому факультету, и при том

---

[1] Например, *C. F. Eichhorn,* Grundsätze des Kirchenrechts; *F. Walter,* Lehrbuch des Kirchenrechts (12. Auflage, Bonn 1856); *A.L. Richter,* Lehrbuch des Kirchenrechts.

[2] Не подходят например, законы, определяющие отношения той или другой церкви к государству; отношения ее к другим церквям; взаимные отношения членов ее между собой и др.

соединена со статистикой (§ 14, п. 10). Против этого возражают совет Казанского университета (I, 389), гг. Ивановский (I, 70), Утин (I, 131), Андреевский (I, 141), Спасович (I, 184), Тулов (I, 445) и составитель сей записки (II, 96 и 97). Все согласны в том, что политическую экономию следует перенести в юридический факультет. В сем отношении справедливо замечает г. Утин (I, 132), что «в настоящее время, когда юридический факультет везде получает все более и более значение факультета, сосредоточивающего в себе все отрасли общественной науки, и политической экономии приличнее стоять рядом с гражданским или финансовым правом, чем со Славянской филологией или археологией и историей искусств», и г. Андреевский (I, 141), что «политико-юридические науки почерпают в политической экономии свои путеводные начала: нельзя понять ни гражданского, ни полицейского, ни финансового, ни государственного права, не узнав предварительно политической экономии: отсюда же видно, что нельзя быть экономистом без основательных познаний в историко-юридических науках. Потому не нужно долго анализировать отношение между политической экономией и политико-юридическими науками, чтобы убедиться, что кафедре политической экономии законное место может принадлежать только в юридическом факультете».

Но, соглашаясь на счет принадлежности этой кафедры к юридическому факультету, не все однако выражаются ясно относительно статистики. Совет Казанского университета (I, 389) и г. Тулов (I, 445) оставляют ее в связи с политической экономией, г. Спасович (I, 184) спрашивает: «почему последняя соединена со статистикой — предметом, который едва ли может считаться самостоятельной наукой и есть не более как особый метод изучения фактов, применимый ко всем вообще наукам», а г. Ивановский (I, 70) полагает статистику и географию (для которой назначена в историко-филологическом факультете особая кафедра, § 11, п. 9), как предметы сродные, соединить в одну кафедру; другую же оставить для одной политической экономии и обе эти кафедры отнести к юридическому факультету, в особенности в предположении, что нынешнее административное отделение будет сохранено».

Из всех приведенных мнений видно, что политическая экономия должна быть отнесена к юридическому факультету. Что же касается статистики, то преподавание ее в том смысле, как она обыкновенно понимается по отношению к политико-юридическим наукам[1], по моему

[1] Ср. *Fr. Bülau,* Enciklopädie der Staatswissenschaften. Leipzig, 1856, стр. 250–267.

мнению, отнюдь не лишнее в юридическом факультете, и посему я полагал бы или оставить ее присоединенной к кафедре политической экономии, или учредить для нее, т. е. статистики, самостоятельную кафедру, независимо от географии, которая, как мне кажется, вовсе не должна входить в курс юридического факультета.

XIII. Наконец совет Московского университета (I, 246), г. Витте (I, 437) и составитель настоящей записки (II, 98) указывают на необходимость введения в юридический факультет преподавания и *судебной медицины,* которую первые два соединяют с медицинской полицией. Г. Витте говорит: «так как в С.-Петербургском университете нет медицинского факультета, на котором юристы могли бы слушать судебную медицину и медицинскую полицию, то я полагал бы нужным для слушателей юридического факультета открыть при здешнем университете особые курсы этих наук в тех размерах, в которых врачебная наука, в применении к судопроизводству и к государственному благоустройству, нужна юристу и доступна слушателю, не посвященному в тайны естествоведения. В университетах же, где есть медицинские факультеты, я полагал бы полезным, сверх кафедр судебной медицины и медицинской полиции для медиков, открыть особые курсы этих наук для юристов в вышеупомянутом объеме.

Выше приведено мною весьма справедливое мнение г. Андреевского относительно частей, долженствующих войти в состав кафедры полицейского права; в числе их упомянуто и о медицинской полиции. Согласно с сим предмет этот уже не следует присоединять к кафедре судебной медицины. Кроме того, принимая во внимание, что судебная медицина, равно необходимая как для юриста, так и для медика, должна быть преподаваема первому совершенно иначе, чем последнему, по незнакомству одного с медициной, а другого с правоведением, я полагал бы учредить в юридическом факультете, собственно для юристов, самостоятельную кафедру по этому предмету, независимо от таковой же кафедры, полагаемой по § 15 проекта в медицинском факультете.

XIV. На основании всего вышеизложенного, я полагал бы § 14 проекта изложить следующим образом:

§ 14. В юридическом факультете преподаются следующие предметы:

1) Энциклопедия правоведения:

а) Общая часть.

б) Обзор истории важнейших иностранных законодательств.

в) История философии права.

2) Римское право:
а) Внешняя история Римского права.
б) Догматика и внутренняя история Римского права.
3) История Русского права.
4) Обзор местных законов Российской Империи.
5) Государственное право:
а) Общее государственное право.
б) Государственное право важнейших иностранных держав.
в) Русское государственное право.
6) Гражданское право.
7) Гражданское судоустройство и судопроизводство.
8) Уголовное право:
а) Теория и история уголовного права.
б) Русское уголовное право.
9) Уголовное судоустройство и судопроизводство.
10) Полицейское право.
11) Торговое право.
12) Наука о финансах и финансовое право.
13) Международное право и дипломация.
14) Церковное право.
15) Политическая экономия и статистика.
16) Судебная медицина.

Примечания: 1) История Византийского права излагается на лекциях истории иностранных законодательств с большей против других подробностью.

2) Каждая отдельная часть действующего в России права излагается подлежащими преподавателями не только догматически, но и исторически; по кафедре же истории Русского права обращается особое внимание на внешнюю его историю.

3) Сверх поименованной в п. 4 кафедры, учреждаются: в университетах Харьковском и св. Владимира — отдельная кафедра для местных законов Черниговской и Полтавской губерний, а в Одесском — такая же кафедра для местных законов Бессарабской области и Кавказского и Закавказского края.

4) По части Римского права и Русских гражданских и уголовных законов назначаются особые экзегетические лекции.

5) Кафедра церковного права поручается лицу, принадлежащему к православному исповеданию и получившему юридическое образование. Предмет этот обязателен только для слушателей означенного исповедания.

6) Кафедра судебной медицины учреждается в юридическом факультете, независимо от кафедры по тому же предмету, входящей в состав факультета медицинского.

***УТИН Б. И.**, бывший профессор юридического факультета Санкт-Петербургского университета*

О значении кафедры истории иностранных законодательств для Русских университетов[1]

В 1859 году, с разрешения бывшего г. министра народного просвещения Ковалевского, учреждена была в С.-Петербургском университете кафедра истории иностранных законодательств. Кафедру эту комиссия, составлявшая проект общего устава Российских университетов, включила в число штатных кафедр юридического факультета. В замечаниях на проект, совет Московского и совет Харьковского университета, коснувшись состава юридического факультета, одинаково высказались в пользу такой кафедры. Из критиков проекта только член ученого комитета, бывший профессор Римского права в С.-Петербургском университете, действительный статский советник Шнейдер, высказался против учреждения особой самостоятельной кафедры истории иностранных законодательств, и самую мысль об учреждении ее он назвал поверхностной. Хотя это мнение является совершенно одиноким в замечаниях на проект, и потому едва ли требовало бы обширного обсуждения; но так как в означенном мнении — приводимом ниже во всей его полноте — повторены, как нам это известно из подлинного дела, главные доводы, высказанные некоторыми противниками этой кафедры, при самом учреждении ее, в юридическом факультете и отчасти в Совете С.-Петербургского университета, то мнение это заслуживает подробного разбора. Имев честь занимать эту учрежденную впервые в С.-Петербургском университете кафедру истории иностранных

[1] Публикуется по: *Утин Б. И.* О значении кафедры истории иностранных законодательств для Русских университетов // Журналы заседаний Ученого комитета Главного правления училищ по проекту Общего устава императорских российских университетов. Приложение к журналу № 12. СПб., 1862. С. 466–480.

законодательств, считаю полезным, согласно выраженному г. председателем желанию, точнее мотивировать значение ее для нашего юридического образования.

Необходимость особой кафедры истории иностранных законодательств обусловливается прежде всего самыми потребностями юридического образования в России. Это образование имело и будет иметь преимущественно теоретический характер. Только благодаря этому теоретическому характеру образования, юридические факультеты наши будут оказывать, как до сих пор оказывали, свое благотворное влияние на общественную среду. Век нашей легальной юриспруденции, юриспруденции указов, век Горюшкиных старых и новых, безвозвратно прошел. И чем более будет возвышаться наш юридический быт, тем более он будет чувствовать нужду не в одних только дельцах и не в одном усвоении канцелярских форм и обрядов, но и в юристах, соединяющих знание отечественного законодательства с хорошим общим юридическим образованием. Только из них выходят со временем дельные судьи и адвокаты, способные слуги государству. Судебные реформы, уничтожая пропасть, до сих пор существовавшую между требованиями науки права и судебной сферой, придадут еще большую цену нашему научному юридическому образованию, если только обстоятельства позволят ему сколько-нибудь окрепнуть. Благодаря этому теоретическому направлению, которому следовало, особенно в последнее время, наше юридическое образование, студенты в университетах знакомились не только с фактическим содержанием нашего законодательства, но и с теми формами, понятиями и явлениями юридического быта, которые успели выработаться у других, более образованных народов. И до сих пор, по крайней мере в последние годы, студенты наших университетов знакомились в юридических аудиториях с теми началами публичного и независимого суда, которые провозглашены теперь правительством. Но эти начала, как не имевшие своей опоры в окружающей действительности, хотя принимались, как требования лучшего, с большим интересом, однако же лишены были той жизненной наглядности, которую они приобретут теперь. Таким образом, улучшение нашего юридического быта придаст еще большее значение научной деятельности юридических факультетов.

При теоретическом направлении нашего юридического образования, весьма естественно получают у нас особую важность все те отрасли науки, которые, не имея в виду лишь действующего законодательства, преследуют одну общеобразовательную цель. К числу таких отраслей юридической науки относятся, между прочим, энциклопедия

права и истории иностранных законодательств. Энциклопедия права имеет своей задачей развить элементарные понятия о праве, показать, как оно коренится в общежительной природе человека, охарактеризовать его основные черты, показать отношение права к нравственности, определить его источники, остановиться при этом в особенности на учении о законе и, рассмотрев в отдельности те отрасли права и законодательства, из которых слагается юридическая система известного народа, исследовать все те жизненные условия, которые имеют благотворное или вредное влияние на юридическое развитие. Вместе с тем, энциклопедия обязана показать и самые способы или методы изучения права. Это одна часть энциклопедии. Другая, гораздо обширнейшая часть ее, имеет своим предметом историю философии права и должна показать постепенное развитие тех теоретических воззрений на право и на государство, которые заключаются в философских системах древнего и нового мира. Это вторая часть энциклопедии. Но чтобы учение о праве получило окончательную полноту, — полноту, требуемую высшим университетским образованием, — энциклопедия должна бы включить в свой состав еще одну весьма важную и обширную науку, которая имеет своей задачей исследовать постепенное развитие начал права в действительности, в истории. Это и составляет задачу истории иностранных законодательств, которая, по обширности своей, должна быть выделена из энциклопедии, имеющей уже в истории философских систем права до того обширную область, что овладение ею возможно только при полном сосредоточении на ней всех сил преподавателя. В соединении с энциклопедией и в особенности с входящей в состав ее историей философии права, история законодательств не может быть излагаема с какой-нибудь пользой для университетского образования. Конечно, в учебниках энциклопедии все указанные теперь отрасли науки права соединяются, в сжатом виде, вместе; но те требования, которые имеет в виду учебник, совершенно неудовлетворительны для объема университетского преподавания. Такое соединение имело бы только результатом крайне поверхностное изложение как истории философии права, так и истории законодательств. Вместо курса, достойного называться университетским, существовали бы, рядом с элементарными понятиями о праве, входящими в состав 1-й части энциклопедии, только отрывки из истории философии права и отрывки из истории законодательств. Между тем ничто не приносит такого вреда, как именно отрывочность философских понятий. Вырывая из той и другой науки только отдельные явления, профессор, разумеется, не дал бы никакого серьезного понятия и об

истории законодательства. Но особенно вредно было бы нарушение того естественного и постепенного развития философских идей о праве и о государстве, которое существовало в действительности и о котором профессор, имеющий еще перед собой изложение целой, хотя бы и до крайности сокращенной истории законодательств, не мог бы дать никакого серьезного понятия. Жертвовать же совершенно, в пользу истории философии права, историей законодательств также нельзя, потому что тогда в умах слушателей останутся одни крайне отвлеченные и идеальные понятия о праве и государстве. Такие понятия, не имея своего дополнения в конкретных, действительных институтах права, выставляемых в таком богатстве и разнообразии законодательствами исторических народов, по необходимости должны были остаться совершенно бесплодными. История законодательств, между прочим и потому в особенности важна, что служит конкретным и реальным подтверждением самых существенных, самых коренных признаков права. Энциклопедия, выходя из идеи права, учит, например, что право не есть что-либо случайное и произвольное, но коренится в требованиях человеческой природы, а история законодательств, хотя другим путем, необходимо приводит к убеждению в *универсальности* основных юридических понятий и учреждений у всех исторических народов. Энциклопедия учит, что право в то же время есть произведение *национальности* и всех тех экономических и нравственных условий, в которые поставлена народная жизнь, а история законодательств показывает, какой мощный отпечаток все эти условия наложили на юридический быт исторических народов. Наконец *органическая природа* всех институтов права, составляющих юридическую систему народа, предполагает необходимую зависимость и соответствие между ними, а это опять находит полное свое подтверждение в истории законодательств.

Ограничить юридическое образование одним каким-либо положительным законодательством также нельзя. Натуралист, изучающий то или другое царство природы, не может ограничиваться одним каким-либо родом или видом существ, а должен иметь понятие обо всех родах и видах явлений, принадлежащих к изучаемому царству. Такое ограничение возможно уже только впоследствии, при избрании известной специальности для самостоятельной ученой разработки. Точно так же и юрист во время университетского курса не может оставаться при знакомстве с одним каким-либо иностранным законодательством. Так Римское право имеет у нас не практическое, как в Германии, а одно общеобразовательное значение. И, без всякого сомнения, кафедра, посвященная специально Римскому праву, у нас,

как везде, представляется одной из самых важных. Но, с другой точки зрения, само Римское право является лишь звеном в целой истории законодательств и, как оно ни важно, но не могло бы вознаградить за совершенное незнакомство с теми законодательствами, которые ему предшествовали, и с теми, которые, проникшись духом его, следовали за ним и имели самостоятельное историческое развитие. По всем этим основаниям, лишь обозрение всеобщей истории законодательств может дать нам понятие о существе юридических учреждений.

Эту истину, между прочим, чувствовал у нас Неволин в своей энциклопедии законоведения. Хотя этот труд его не может служить для нас в настоящее время авторитетом, но важно во всяком случае то обстоятельство, что Неволин посвятил целый второй том своего обширного сочинения именно истории иностранных, или, как он назвал их, положительных законодательств. К сожалению, Неволин сосредоточился преимущественно на обозрении древних законодательств — обстоятельства времени, как уверяют, были тому причиной — и изложил историю юридического развития в Германии, Франции и Англии, так же сжато, как он изложил подробно законодательство Китая, Индии и других восточных и не восточных народов древнего мира.

Впрочем, если мысль о необходимости для наших университетов особой кафедры иностранных законодательств яснее сознана только в последнее время, то она вообще не нова в России. В университетском уставе 1804 г., столь замечательном по духу своему и направлению, назван в отделении нравственных и политических наук, соответствовавшем юридическому факультету, *профессор прав знатнейших как древних, так и нынешних народов.* Кафедра его названа особо от кафедры прав естественного, политического и народного, совмещавшей в себе тогдашнюю философию права и тогдашнее государственное право. В уставе 1835 г. мы уже не находим кафедры прав древних и новых народов. Не зная мотивов, которыми руководствовались редакторы этого устава, трудно, конечно, вполне достоверно сказать, почему эта важная кафедра была исключена из состава юридических факультетов. Здесь возможны одни только предположения; но, принимая в соображения обстоятельства тогдашнего времени, вероятнее других кажется то предположение, что в 1835 г. изучение Русского законодательства представлялось почти исключительной задачей юридических факультетов. Само собой разумеется, что изучение отечественного законодательства всегда и во всякое время должно стоять на главном плане, но, независимо от этого, не следует упускать из виду, что в 1830 г. издано было «Полное собрание законов», а в 1832 г. появился «Свод законов».

Огромный законодательный успех, который заключался в этом факте, весьма естественно должен был повести к мысли о необходимости для юридических факультетов прежде всего заняться изучением и разработкой отечественного права. Эта разработка действительно началась, но оставалась очень долгое время исключительно в области древнего Русского права. Покровительство, оказываемое в министерство графа Уварова историческому направлению в изучении Русского права, хотя привело у нас главным образом только к исследованиям древне-Русского права, было в согласии и с господствовавшей в то время исторической школой права в Германии, в которой посылаемые за границу Русские юристы поручались руководству главы этой школы, Савиньи. Одним же из главных требований этой школы было историческое исследование действующего права, в котором она всегда видела органическое явление.

Здесь не место изображать заслуги и грехи этой школы, ее сосредоточение преимущественно на Римском, как на действующем в Германии праве, и ее постепенную смену на самой родине другим, более многосторонним и плодотворным направлением. Здесь достаточно только заметить, что чересчур исключительное следование ее методу не могло бы привести у нас ни в каком случае к результатам, подобным тем, которые эта школа имела на родине, даже если бы ее метод пустил у нас более глубокие корни. Действительно, в обще-юридическом образовании запада, в его предшествующих юридических школах, в его философии и наконец в том духовном родстве, которое замечается в государственном и юридическом развитии всех западно-Европейских народов, заключалась для западного юриста та охрана против односторонностей школы Савиньи, которой не существовало для Русского юриста. Благодаря всем этим обстоятельствам, из исторической школы в Германии вышли не только целые библиотеки историй и систем Римского права, как действующего в Германии, но и весьма замечательные труды по истории права всех других Европейских народов. (Так, наприм., история Немецкого права Эйхгорна, история Английского права Филипса, история Французского права Варнкёнига, история Шведского права Розенвинге и т. д.). У нас, напротив, сосредоточение на исторических исследованиях отечественного законодательства, при слабости обще-юридического образования, необходимо должно было повести к бедности в юридических идеях, которых, конечно, не могли дать ни древние источники Русского законодательства, ни древне-Русские государственные учреждения. Как бы то ни было, у нас, благодаря уставу 1835 г., упустили из виду иностранные законодательства и знакомство

с ними в университетах ограничивалось или обозрением в энциклопедии законодательств Китая и Индии, или же преимущественно только Немецкими исследованиями о древне-Германских и Скандинавских законах, необходимых нам при изучении Варяжского вопроса и Русской правды, — область, в которой мы подвизались с особенной любовью, хотя и не всегда с соответствующим любви успехом.

Между тем исследования в истории законодательств делали значительные успехи на западе. И если профессор знатнейших прав древних и новых народов мог в 1804 г. иметь в своем распоряжении главным образом только «Дух законов» Монтескье, почерпнутый из всех известных в 18-м веке памятников законодательства, то в том самом 1835 г., в котором издан устав, исключивший иностранные законодательства из круга университетского преподавания, появился последний том классического сочинения Ганса, о наследстве в его всемирно-историческом значении, — труд, положивший такое прочное основание сравнительному изучению законодательств. Еще гораздо прежде начала выходить громадная, хотя и в высшей степени не критическая история законодательства (*Histoire de la législation*) маркиза Пасторе. С конца тридцатых и начала сороковых годов начали появляться труды Лабуле, занявшего после Лерминье кафедру сравнительного законодательства в Парижском *Collège de France*. С того времени обозрения истории законодательств стали занимать все больше места в юридических энциклопедиях и этой истории стали посвящаться обширные отделы, как например, в энциклопедиях Эшбаха (*Introduction à l'étude du droit*), Варикёнига, Аренса, Пютера. В этом отношении особенно замечательна энциклопедия Пютера, появившаяся в 1846 г., так как в ней обозрение истории законодательств стоит на главном плане, и она была бы еще более замечательна, если бы не страдала формализмом и терминологией Гегелевской школы. Из других энциклопедий права важна в этом же отношении энциклопедия Варнкёнига, по обилию содержащихся в ней указаний на источники и литературу древних и новых законодательств. Но гораздо решительнее, чем в своей энциклопедии, Варнкёниг доказывает возможность и необходимость сравнительной истории законодательств, как особой науки, в одной критической статье, написанной по поводу сочинений *Pouhaër*'а и Гобино, в 1856 г., три года спустя после выхода его энциклопедии. Статья эта помещена в том самом, специально посвященном иностранным законодательствам, журнале (*Zeitschrift für Gesetzgebung und Rechtswissenschaft des Auslandes*), который почти в течение 30 лет следил за всеми изменениями в законодательстве Европейских государств. И если мы

в этом беглом обозрении сочинений и материалов, посвященных или всеобщей истории законодательств, или специально-сравнительному их изучению, упомянем еще о чисто научных трудах Унгера, Фаольграфа, Мейера, Амарино, громадном труде по сравнительному изучению новейших гражданских кодексов, *Saint-Joseph*'а, то убедимся, что существует целая наука, которая хотя стоит в близкой связи с энциклопедией права, но в интересе как энциклопедии, так и собственном этой науки, должна иметь особого представителя в университете. Существование такой кафедры истории иностранных законодательств в юридическом факультете не освободит, конечно, профессора гражданского, или уголовного, или государственного права от обязанности пользоваться сравнительным методом, который есть последнее слово науки. Но странно было бы думать, что ссылки, которые делаются этими отдельными профессорами на иностранные учреждения, могут заменить особую кафедру истории иностранных законодательств. Такое мнение может возникнуть только вследствие смешения сравнительного метода, которым в настоящее время должно пользоваться всякое юридическое преподавание, и самостоятельной кафедры истории иностранных законодательств, для которой этот сравнительный метод, разумеется, еще более обязателен, чем для всех других наук права. Только то знание имеет цену, которое является в связи и представляет какое-нибудь единство. Поэтому без кафедры, посвященной специально иностранным законодательствам, отдельные сведения, сообщаемые другими профессорами об иностранных учреждениях, имели бы совершенно отрывочный и случайный характер. Кроме того, сравнение законодательств хотя весьма важно для такой кафедры, но не есть единственная ее цель, так как она должна прежде всего познакомить с самым историческим ходом развития важнейших законодательств.

Рассмотрим теперь те возражения, которые делаются против особой кафедры истории иностранных законодательств. Г. Шнейдер делает по поводу этой кафедры следующее замечание на проект: «Если историю важнейших законодательств хотят проходить только в самом кратком виде, то всего лучше отнести ее к лекциям энциклопедии. Если же она должна быть излагаема подробно, например так, как маркиз Пасторе в своей *Histoire de la législation*, 1817–1837, в 11 томах изложил законодательства одной части древних народов, то потребовалось бы по крайней мере 10-летнее преподавание, чтобы дойти только до истории

законодательств новейших народов, для изложения которой, при более обильных против древних веков источниках, понадобилось бы от 20 до 30 лет». Это мнение с самого начала впадает в крайности: или история иностранных законодательств должна читаться в самом кратком виде, или же она должна читаться с такой подробностью, с какой излагал ее Пасторе в своем сочинении, не говоря уже о том, что вообще крайне странно ссылаться на Пасторе, следует заметить, что существует еще третья весьма существенная возможность, которую упустил из виду почтенный критик. А именно: история иностранных законодательств должна читаться ни в самом кратком виде, ни с совершенно излишней подробностью или вернее мелочностью Пасторе, а в том объеме, в котором читаются обыкновенно все науки в университете. Справедливо то, что как нельзя обязывать профессора всеобщей истории, чтобы он в своем курсе прошел всю историю от сотворения мира до наших дней, то точно также нельзя требовать и от профессора истории иностранных законодательств, чтобы он в своем курсе прошел все законодательства всех времен и народов. Поэтому и совет Московского университета, и мы сами в замечаниях наших на проект одинаково предложили точнее обозначить задачу этой кафедры названием ее истории *важнейших* законодательств. Кроме того, по убеждению нашему, которому мы и старались следовать при преподавании этой науки в С.-Петербургском университете, профессор истории законодательств должен читать два курса. Один общий, в котором было бы представлено обозрение самого хода развития и преемственности различных законодательств, с указанием на те именно стороны каждого законодательства, которые представляются особенно важными с общеисторической точки зрения. Этому курсу должно предшествовать довольно пространное введение, в котором должны быть указаны и критически разобраны литературные пособия при изучении истории законодательств вообще и некоторых законодательств в особенности. Другой курс должен быть более специальный, должен ограничиваться одним каким-либо родом учреждений и в нем-то главным образом должно быть сделано употребление из сравнительного метода.

Возвращаясь к мнению г. Шнейдера, нельзя поистине не удивляться ссылке его на сочинение маркиза Пасторе. Боже избави профессора истории иностранных законодательств когда-нибудь следовать в лекциях маркизу Пасторе! Он бы загубил и себя и своих слушателей, хотя последняя опасность меньше первой, так как в таком случае его аудитория была бы наверное пуста. Выше уже было замечено, что сочинение Пасторе *Histoire de la législation* совершенно не критическое. Чтобы

убедиться в этом, достаточно вкратце обозначить его содержание. Первый том его посвящен законодательству Ассирян, Вавилонян, Сирийцев и Финикиян, т. е. именно тем народам, с которых не следует начинать, и которые имеют интерес для изучающих библейскую историю, но не иностранные законодательства. 2-й том весь посвящен законодательству Египтян. Некоторые сведения, встречающиеся у Геродота и Диодора, о законах Египтян, могут конечно послужить материалом, при обзоре восточных законодательств, для двух–трех лекций, но не больше. Тома 3 и 4 посвящены законодательству Еврейского народа, но, имея в распоряжении такое сочинение, как например Сальвадора *Histoire des Institutions de Moïse*, едва ли будет какая польза обращаться к Пасторе. В 5-м томе около 200 страниц посвящены устройству и законам острова Крита, хотя, конечно, если в введении к законодательству Греции касаться острова Крита, то несколько страниц, посвященных ему Аристотелем в «Политике», будут совершенно достаточным источником. В 5-м же томе начинается изложение устройства и законов Спарты, причем, как и везде, предшествует длинное повествование о временах совершенно баснословных. В 6-м и 7-м томе продолжается изложение Спартанских и Афинских законов и, из всего сочинения, эти два тома могут быть названы еще сколько-нибудь пригодным материалом. 8-й том посвящен государственному устройству и законам отдельных Греческих племен Пелопонеса. Здесь под громким названием *législatin des Argiens*, *Corinthiens*, *Arcadiens etc.* распускается в огромном разглагольствовании какое-нибудь отдельное, отрывочное сведение, которое встречается у какого-нибудь Греческого писателя, все равно, поэт ли это, историк или философ и относится ли самое сведение к мифологии, религии или политическому быту. 9-й том трактует о *législation des îles connues sous le nom de Cyclades*. В этом же томе автор переходит к изложению законодательства Греческих государств в малой Азии и затем Персидской монархии. Обращение после Греции снова на восток служит остаточным образчиком системы автора. 10-й том посвящен законам Карфагена и тех Греческих колоний, которые учредились в Италии. Наконец 11-й и последний том посвящен законам Сицилии в древнейшее время и Этрусков. Очевидно, что юридического очень мало во всей этой пресловутой *Histoire de la législation*, и для нас совершенно не понятно, как г. Шнейдер, бывший сам профессором не Римских древностей, а Римского права, мог сослаться на нее и, значит, придавать ей очень серьезное значение. В каждой науке есть громадные труды, предпринятые по совершенно ложному плану, служащие памятниками ложной и бесплодной эрудиции, но на них никто

не ссылается. Эта мнимая история законодательства могла бы иметь много, что значение археологии законодательства, если бы труды, подобные Германским юридическим древностям Якова Гримма, не приучили нас к совершенно другим требованиям, чем те, которым удовлетворяет Пасторе. Эта *Histoire de la législation* своего рода Телемахида, хотя она и потребовала от автора такого же 20-летнего труда, какого стоил Монтескье его относительно не объемистый дух законов. Что сказал бы профессор Римского права, если бы стали доказывать невозможность особой кафедры Римского права на том основании, что изложение системы этого права, с кафедры, с той подробностью, с какой она изложена в 45 томах Глюкова *Pandecten Commentar* совершенно невозможно. Разница была бы только та, что огромное сочинение Глюка и его продолжателей имеет научное достоинство и обращаться к нему иногда приходится, между тем, как история законодательств Пасторе лишена этого достоинства. Не удивительно поэтому, например, что Эмерико Амари, в своей *Critica di una scienza delle legislazioni comparate*, вышедшей в 1854, сочинение, в котором делается попытка установить метод и объем науки сравнительного законодательства и в котором автор не пропускает решительно ни одного ученого труда, имевшего какое-нибудь, хотя и отдаленное, отношение к истории законодательств, — обошел Пасторе совершенным молчанием, как будто его сочинения не существовало для науки.

Приведем еще последние возражения против особой кафедры истории иностранных законодательств: «К этому присоединяется, говорит г. Шнейдер, еще важный вопрос: имеют ли студенты те обширные познания в языках и истории, кои необходимы для изучения самых источников, так как без обращения к сим последним всякое учение было бы только призраком и значило бы не более, как *jurare in verba magistri*? Далее спрашивается: нашлись ли бы самые профессора с такими познаниями? Едва ли даже в каком-либо Германском университете. Наконец изучение подобного предмета в сущности не принесет учащимся никакой действительной пользы, а напротив того повредит им, ибо отнимет много драгоценного времени, которое они должны бы были посвятить другим немалочисленным необходимым предметам юридического образования».

Самая система возражений здесь та же, что и прежде. Она состоит в том, чтобы выставить невозможные или по крайней мере преувеличенные требования и вывести затем, что уже очень не трудно, невозможность их выполнения. Не задаваясь подобными требованиями, заметим, что именно потому, что в студентах нельзя предполагать таких

обширных сведений в языках и истории, чтобы они сами изучали историю иностранных законодательств по источникам, и должна существовать в университете особая кафедра для обозрения важнейших законодательств. Относительно источников мы позволим себе также заметить, что не только по истории иностранных законодательств, но даже специально по Римскому праву, где обращение к источникам весьма возможно и крайне желательно для юриста, — студенты у нас почти исключительно руководствуются лекциями профессора. По крайней мере предполагать, что у студентов Русских университетов имеется *Corpus juris*, было бы, как нам достоверно известно из опыта, слишком смелой гипотезой. Между тем редкий студент юрист не только в Германии, но даже в Дерптском университете, не считает своей обязанностью, в течение первых же семестров, приобрести *Corpus juris* и более или менее с ним справляться. Очевидно, что наше университетское преподавание поставлено и в ученом отношении в другие, менее выгодные условия, чем те, которые существуют в Германии, и мерить все на ее аршин нам не приходится. Поэтому и те условия, которые ставились бы в Германии для профессора иностранных законодательств, оказались бы у нас, по крайней мере в настоящее время, слишком недосягаемыми. Но то же самое должно сказать и о замещении всех других кафедр, не исключая в особенности и кафедры Римского права, так что и в этом отношении кафедра истории иностранных законодательств не находится в чересчур исключительном положении, хотя справедливо то, что, по обширности своего объема, богатству исторического материала и совершенному недостатку, даже в Европейских литературах, полных руководств и курсов по этой части, кафедра эта всегда будет одной из самых трудных на юридическом факультете. Вопрос, почему эта кафедра, существующая во Франции, не существует в Немецких университетах, объясняется тем, что в Германии, уже вследствие особенностей ее юридического быта и приноровления ее факультетов к требованиям этого быта, и без особой кафедры иностранных законодательств приобретается знакомство со многими законодательствами, но только другим путем. Возьмем для примера юридический факультет любого Прусского университета. В нем, кроме общеобразовательных юридических предметов, читается в весьма обширном объеме Римское право, читается история Германского права, обще-Германское частное право, гражданское Прусское право, гражданское Французское право (вследствие действия его в Прирейнских провинциях), читаются сравнительные курсы, как по гражданскому, так и уголовному праву, других Немецких законодательств; в редком

из Немецких университетов, по крайней мере в последнее время, не назначаются еще особые, большей частью публичные курсы для знакомства с Английским государственным устройством и Английскими учреждениями (так по крайней мере в Берлине и Гейдельберге). Очевидно в таком случае, что, не смотря на всю специальность факультетских предметов, студент, вследствие многочисленности и разнообразия их, приобретает довольно обширный кругозор.

Наконец, позволю себе высказать еще то мнение, что особая кафедра иностранных законодательств у нас крайне необходима именно в настоящее время. По всем частям государственной жизни и законодательства совершаются реформы. Судебная реформа необходимо, раньше или позже, повлечет за собой пересмотр действующего гражданского и уголовного законодательства. При каждой такой реформе, самый первый вопрос, с которым постоянно приходится встречаться, это тот: какое законодательства начало действует в этом отношении в других более цивилизованных странах? Мы находимся в необходимости многое еще заимствовать и согласовать с требованиями нашего быта. Будем же, по крайней мере, знать, как исторически образовались и какое значение имеют на родной их почве те начала законодательства, воспользоваться которыми мы считаем полезным при служении нашей родине. Правильному же знакомству с этими началами должна именно служить история иностранных законодательств.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО УНИВЕРСИТЕТСКОЙ РЕФОРМЫ

1863 год

18 июня
Именной указ, данный Правительствующему Сенату[1]

Признав необходимым изменить, сообразно современным потребностям, действующие в настоящее время в Императорских Университетах Наших Устав и штаты, Мы возложили на Министра Народного Просвещения представить Нам свои по сему предмету предположения. Ныне, по рассмотрении в Государственном Совете составленных вследствие сего проектов Устава и штатов, утвердив оные и препровождая в Правительствующий Сенат, повелеваем:

1. Устав сей и штаты теперь же ввести в действие в Университетах: С.-Петербургском, Московском, Харьковском, Казанском и Св. Владимира в Киеве; — и

2. Отпуск сумм на содержание означенных Университетом в увеличенном, против прежнего, размере, начать постепенно с 1-го сентября нынешнего года, обращая на особо указанных Нами Министрам Финансов и Народного Просвещения основаниях дополнительные по ассигнованию суммы первоначально на ныне существующий в означенных Университетах личный состав профессоров и преподавателей, а потом уже на прочие, Уставом и штатами указываемые потребности.

Правительствующий Сенат не оставит сделать к исполнению сего надлежащее распоряжение.

---

[1] Публикуется по: 2-ПСЗРИ. Том 38. № 39752. С. 621–622.

1863 год

18 июня
Высочайше утвержденный
Общий устав
Императорских Российских университетов[1]

Гл. I. Общие положения

§ 1. Каждый Университет состоит из факультетов как составных частей одного целого.

§ 2. Факультеты, входящие в состав университетов, суть: историко-филологический, физико-математический, юридический и медицинский.

Примечание. В С.-Петербургском Университете полагается факультет восточных языков, но нет факультета медицинского.

§ 3. Каждый Университет под главным начальством Министра Народного Просвещения вверяется Попечителю учебного округа.

§ 4. Ближайшее управление Университетом принадлежит Ректору.

§ 5. Составные части университетского управления сверх факультетов суть: 1) Университетский Совет; 2) Правление Университета; 3) Университетский суд; 4) Проректор или Инспектор.

Гл. II. О факультетах

Отд. I. Личный состав

§ 6. Каждый факультет состоит из декана, профессоров ординарных и экстраординарных, доцентов и лекторов по штату. Сверх того Университетам предоставляется иметь приват-доцентов в неограниченном числе.

§ 7. Факультеты по усмотрению Университетского Совета и с утверждения Министра Народного Просвещения могут быть разделяемы на отделения.

§ 8. Деканы избираются в собраниях своих факультетов на три года из ординарных профессоров, а если таких в факультете менее трех,

[1] Публикуется по: Там же. С. 622–638.

то и из экстраординарных и утверждаются Министром Народного Просвещения.

Примечание 1. Выбор деканов факультетами производится в присутствии Университетского Совета; если выбор не состоится, то они баллотируются Советом.

Примечание 2. Порядок определения прочих преподавателей излагается ниже, в главе седьмой.

§ 9. Каждый факультет имеет свои собрания, созываемые деканом по мере надобности.

§ 10. Факультетское собрание состоит под председательством декана из всех ординарных и экстраординарных профессоров факультета, между которыми один исправляет должность секретаря. Прочие члены факультета также могут быть приглашаемы в его собрания, но с присвоением в них голоса: доцентам — только по выслуге двух лет в этом звании, а остальным преподавателям единственно: а) при решении вопросов, касающихся преподаваемой ими науки, и б) при испытаниях из оной на ученую степень кандидата или на звание действительного студента.

§ 11. В отсутствие декана в факультетском собрании председательствует старший в профессорском звании из наличных членов факультета.

Отд. II. Состав и распределение преподавания

§ 12. Науки, входящие в состав университетского преподавания, распределяются по факультетам и кафедрам в нижеследующем порядке.

§ 13. В историко-филологическом факультете полагаются следующие кафедры при 12 профессорах и 7 доцентах: 1) Философия: а) логика, б) психология, в) история философии. 2) Греческая словесность: а) греческий язык и толкование авторов, б) история греческой литературы, в) греческие древности. 3) Римская словесность: а) латинский язык и толкование авторов, б) история римской литературы, в) римские древности. 4) Сравнительная грамматика индо-европейских языков. 5) История русского языка и русской литературы. 6) История всеобщей литературы. 7) Славянская филология: а) славянские наречия, б) история славянских литератур, в) славянские древности. 8) Всеобщая история. 9) Русская история. 10) Церковная история. 11) Теория и история искусств.

§ 14. В физико-математическом факультете полагаются следующие кафедры при 16 профессорах и 3 доцентах: 1) Чистая математика.

2) Механика: а) аналитическая, б) практическая. 3) Астрономия и геодезия. 4) Физика. 5) Химия: а) опытная, б) теоретическая. 6) Минералогия. 7) Физическая география. 8) Геогнозия и палеонтология. 9) Ботаника: а) морфология и систематика растений, б) анатомия и физиология растений. 10) Зоология: а) сравнительная анатомия и систематика животных, б) анатомия человека и физиология животных. 11) Техническая химия. 12) Агрономическая химия.

Примечание. Агрономическая химия и техническая химия могут быть заменяемы агрономией и технологией.

§ 15. В юридическом факультете полагаются следующие кафедры при 13 профессорах и 8 доцентах: 1) Энциклопедия права: а) энциклопедия юридических и политических наук, б) история философии права. 2) История важнейших иностранных законодательств древних и новых. 3) История русского права. 4) История славянских законодательств. 5) Римское право: а) история римского права, б) догматика римского гражданского права, в) византийское право. 6) Государственное право: а) теория государственного права, б) государственное право важнейших иностранных государств, в) русское государственное право. 7) Гражданское право и гражданское судоустройство и судопроизводство. 8) Уголовное право и уголовное судоустройство и судопроизводство. 9) Полицейское право: а) учение о безопасности (законы благочиния), б) учение о благосостоянии (законы благоустройства). 10) Финансовое право: а) теория финансов, б) русское финансовое право. 11) Международное право. 12) Политическая экономия и статистика. 13) Церковное законоведение.

§ 16. В медицинском факультете полагаются следующие кафедры при 16 профессорах и 17 доцентах, считая в числе последних двух прозекторов: 1) Медицинская химия и физика: а) физиологическая химия, б) патологическая химия, в) упражнения в лаборатории, г) прикладная физика. 2) Анатомия здорового человека. 3) Эмбриология, гистология и сравнительная анатомия. 4) Физиология: а) систематическая, б) экспериментальная. 5) Фармакогнозия и фармация. 6) Общая патология: а) систематическая, б) экспериментальная. 7) Общая терапия и врачебная диагностика. При ней: история медицины и энциклопедия. 8) Специальная патология и терапия. При ней: а) систематическое и клиническое изложение учения о нервных и душевных болезнях, б) систематическое и клиническое изложение учения о накожных сыпях. 9) Патологическая анатомия: а) систематическое изложение, б) патологические вскрытия. 10) Теоретическая хирургия. При ней: а) офтальмология с клиникой, б) учение

о сифилитических болезнях и о болезнях мочевых и половых органов с клиникой. 11) Фармакология теоретическая и экспериментальная. При ней: а) рецептура, б) учение о минеральных водах. 12) Хирургическая факультетская клиника. При ней: а) оперативная хирургия, б) прикладная анатомия, в) учение о повязках и машинах, г) упражнение в операциях на трупе. 13) Терапевтическая факультетская клиника. 14) Акушерство и женские болезни с клиникой. При ней: детские болезни с клиникой. 15) Судебная медицина с токсикологией, гигиена и медицинская полиция. При ней: а) госпитальное судебно-медицинское отделение, б) судебно-медицинские вскрытия, в) учение об эпизоотических болезнях и ветеринарная полиция. 16) Госпитальная терапевтическая клиника. 17) Госпитальная хирургическая клиника. Кроме того, состоят: при кафедрах: а) медицинской химии и б) фармации — по одному лаборанту; при факультетских и госпитальных клиниках — по два ординатора; при акушерской клинике — повивальная бабка.

§ 17. В факультете восточных языков С.-Петербургского университета полагаются следующие кафедры при 9 профессорах, 8 доцентах и 4 лекторах: 1) Арабская словесность: а) арабский язык и толкование авторов, б) история арабской литературы. 2) Персидская словесность: а) персидский язык и толкование авторов, б) история персидской литературы. 3) Турецко-татарская словесность: а) обозрение турецких наречий и их литератур, б) османское наречие и история его литературы. 4) Китайская и маньчжурская словесность: а) китайский язык и толкование авторов, б) история китайской литературы, в) маньчжурский язык и история маньчжурской литературы. 5) Монгольская и калмыцкая словесность: а) монгольский язык, б) история монгольской литературы, в) калмыцкое и бурятское наречия. 6) Еврейская, сирийская и халдейская словесность: а) еврейский, сирийский и халдейский языки, б) история литератур этих языков. 7) Армянская и грузинская словесность: а) армянский язык, б) история армянской литературы, в) грузинский язык, г) история грузинской литературы. 8) Санскритская словесность: а) санскритский язык, б) зенд, в) история санскритской литературы. 9) История Востока: а) история семитических народов, б) история северо-восточной Азии, в) история арийских народов Азии.

§ 18. Для студентов православного исповедания всех факультетов состоит при каждом Университете особая кафедра богословия.

§ 19. Для новейших иностранных языков: 1) немецкого, 2) французского, 3) английского и 4) итальянского, во всех университетах

и сверх того для практического преподавания восточных языков в С.-Петербургском университете, полагаются особые лекторы.

§ 20. Кафедры распределяются между профессорами ординарными и экстраординарными, но могут быть поручаемы и доцентам не более, однако же, как на три года.

§ 21. Число профессоров и доцентов, в штате определенное, может быть увеличиваемо по мере надобности и средств Университета.

Отд. III. Предметы ведомства

§ 22. Ближайшее наблюдение за преподаванием факультетских предметов принадлежит деканам.

§ 23. Предметы занятий факультетских собраний суть: А) Предоставляемые на утверждение собственною властью: 1) меры к усилению учебной деятельности студентов; 2) программы на конкурсы для занятия вакантных кафедр; 3) одобрение сочинений, издаваемых Университетом; 4) программы преподавания. Б) Представляемые на рассмотрение и утверждение Совета: 1) избрание декана и секретаря факультета; 2) принятие мер к временному и постоянному замещению открывшихся по факультету профессорских и других преподавательских вакансий; 3) распределение предметов и порядок их преподавания; 4) предположения о разделении факультета на отделения, соединении и разделении кафедр и замене одних из них другими и определение, которые из предметов преподавания должны быть обязательными для студентов; 5) выбор лиц для оставления при Университете в качестве стипендиатов; 6) избрание лиц, предназначаемых к посылке за границу для приготовления к профессорскому званию; 7) одобренные или не одобренные диссертации на ученые степени; 8) избрание задач, назначаемых для соискания премий от Университета за общие ученые труды, также и ежегодных задач, предлагаемых на решение студентам, и суждение о представляемых на оные решениях; 9) назначение стипендий и присуждение медалей студентам; 10) распределение сумм, назначенных по штату на учебные пособия по факультетам; 11) дела, предлагаемые Советом для предварительного обсуждения в факультете.

§ 24. Факультетское собрание не приступает к рассмотрению и решению дел, если в заседании не находится по крайней мере двух третей наличных членов.

§ 25. Каждому члену факультета предоставляется право представлять в собрание оного предложения касательно ученых и учебных предметов.

Гл. III. О Попечителе

§ 26. 1) Попечитель учебного округа принимает все нужные, по его усмотрению, меры, чтобы принадлежащие к Университету места и лица исполняли свои обязанности, и в случаях чрезвычайных уполномочивается действовать всеми способами, хотя бы они и превышали его власть, с обязанностью только о подобных случаях доводить до сведения Министра. 2) Попечитель делает Совету, когда признает это нужным, предложения, как по делам Университета, так и по делам учебного округа. 3) Попечитель разрешает в определенных Уставом пределах представления по делам, превышающим власть Университета, или входит по таким делам с представлениями к Министру Народного Просвещения.

Гл. IV. О Ректоре

§ 27. Ректор избирается Советом на четыре года из ординарных профессоров Университета и утверждается в сем звании Высочайшим приказом.

§ 28. Ректор, имея ближайшее попечение о благоустройстве Университета, наблюдает: 1) чтобы принадлежащие к нему места и лица исполняли свои обязанности и 2) чтобы университетское преподавание шло правильно и в надлежащей полноте, сообразно программам, которые будут утверждаемы факультетами.

§ 29. Ректор в случаях важных и не терпящих отлагательства принимает все нужные меры, хотя бы они и превышали предоставленные ему права, с доведением только о них немедленно до сведения как Совета или правления Университета по принадлежности, так и Попечителя.

§ 30. Ректор входит с представлениями к Попечителю округа, а с посторонними властями и ведомствами сносится сообщениями, хранит большую университетскую печать и вскрывает бумаги, поступающие в Университет. Правитель и секретари канцелярии Университета непосредственно подчинены Ректору.

§ 31. Ректор назначает, открывает и закрывает заседания Университетского Совета и правления и председательствует в них.

§ 32. Ректор дает преподавателям отпуски на вакационное время или на сроки до 29 дней собственной властью, а на более продолжительные сроки — с разрешения Попечителя. Прочим лицам, состоящим на службе при Университете, Ректор также дает отпуски на 29 дней собственной властью, а свыше этого срока — с разрешения Попечителя.

§ 33. Ректор принимает просьбы о приеме в студенты или о допущении посторонних лиц к слушанию лекций, о переходе студентов из одного факультета в другой или об увольнении их из Университета и дает на основании правил, составленных Советом и утвержденных попечителем, разрешения по всем этим делам, доводя о том до сведения Совета.

§ 34. Зависящим от него чиновникам, а также студентам и посторонним слушателям Ректор вправе делать замечания и выговоры; о неисправности или неправильных действиях преподавателей он сообщает, по усмотрению, Университетскому Совету или факультетскому собранию, а в случаях важных доводит до сведения Попечителя. Ректору же предоставляется ходатайствовать через Попечителя о награждении отличных из преподавателей и других лиц, служащих при Университете.

§ 35. Ректор вместе с одним из деканов по принадлежности подписывает дипломы, выдаваемые от Университета. Дипломы эти скрепляются предварительно секретарем по студентским делам.

§ 36. В случае болезни или отлучки Ректора должность его исправляет Проректор, а где сего последнего нет, один из деканов по предварительному избранию Совета и утверждению Министра.

Гл. V. О Совете, Правлении, Суде и Канцелярии Университета

Отд. I. Об Университетском Совете

§ 37. Университетский Совет составляют под председательством Ректора все ординарные и экстраординарные профессора Университета. Ректор может приглашать в собрание Совета доцентов и прочих преподавателей; но они имеют совещательный голос только тогда, когда Совет признает нужным потребовать от них объяснений или мнений по каким-либо отдельным вопросам.

§ 38. Обыкновенные собрания Совета должны происходить непременно однажды в месяц, а чрезвычайные — по мере надобности или по желанию, заявленному письменно не менее как десятью членами Совета. В последнем случае собрание Совета должно быть созвано не позже трех дней после сделанного членами заявления. Перед каждым заседанием Совета к членам оного рассылаются от имени ректора повестки с обозначением в них предметов, подлежащих обсуждению в том заседании.

§ 39. Все члены Совета обязаны присутствовать в его заседаниях. В случае невозможности к тому они извещают ректора о причинах своего отсутствия, о чем и вносится в журнал.

§ 40. Не явившиеся из наличных членов в заседание теряют право голоса по делам, в этом заседании решенным. Из сего исключаются дела об избрании служащих при Университете, решаемые баллотированием; не явившийся к последнему может передать свой шар одному из присутствующих членов, письменно известить Ректора о такой передаче перед началом баллотирования с тем, однако ж, чтобы уполномоченный мог располагать по доверенности не более как одним шаром.

§ 41. Совет не приступает к рассмотрению и решению дел, если в заседании не находится, по крайней мере, двух третей наличных членов. Во время вакаций он может иметь чрезвычайные собрания по делам, не терпящим отсрочки; но баллотировки на должности в это время производимы быть не могут.

§ 42. Предметы занятий Совета суть: А) Предоставляемые утверждению Совета: 1) распределение предметов и порядок их преподавания во всех факультетах; 2) присуждение медалей и назначение стипендий студентам; 3) присуждение премий за ученые труды на задачи, предлагаемые на решение ученых от имени Университета; 4) утверждение в ученых степенях и в звании действительного студента; 5) распределение сумм, назначенных по штату на учебные пособия по факультетам; 6) оставление при Университете стипендиатов для приготовления к профессорскому званию; 7) распоряжения по изданию ученых сочинений от имени Университета; 8) решения по программам на конкурсы для занятия вакантных кафедр; 9) рассмотрение финансовой сметы Университета, а равно рассмотрение и утверждение ежегодной сметы доходов и расходов специальных средств, составляющих его собственность; 10) утверждение постановлений Университетского суда в подлежащих случаях. Б) Представляемые на утверждение попечителя: 1) меры и средства, ведущие к усилению ученой деятельности Университета; 2) избрание доцентов, лекторов, лаборантов, хранителей кабинетов и музеев и помощников прозекторов и проректора или инспектора; 3) допущение приват-доцентов к чтению лекций; 4) избрание почетных членов, библиотекаря и его помощников, бухгалтера Правления, казначея, архитектора, экзекутора, архивариуса и секретарей Совета, Правления и по студенческим делам и прочих поименованных в штате лиц; 5) избрание судей и кандидатов в университетские судьи; 6) увольнение и удаление всех вышеозначенных должностных

лиц; 7) инструкция для действий Проректора или Инспектора; 8) правила: а) о порядке взимания, распределения и употреблении суммы, собираемой за слушание лекций; б) о приеме студентов в Университет; в) о допущении посторонних лиц к слушанию лекций и о взимании за сии лекции платы согласно примечанию к § 105-му; г) об обязанностях учащихся и порядке в Университете; д) о взысканиях за нарушение этих обязанностей и порядка и е) о делопроизводстве в Университетском суде. В) Представляемые через Попечителя на утверждение Министра: 1) избрание Ректора, деканов, Проректора или Инспектора и профессоров; 2) увольнение и удаление из Университета деканов, Проректора или Инспектора и профессоров; 3) разделение факультетов на отделения, соединение и разделение кафедр и замена одних из них другими и определение, которые из преподаваемых предметов должны быть обязательными для студентов; 4) отправление молодых людей за границу для приготовления к занятию кафедр; 5) предположения об учреждении ученых обществ; 6) составление правил о сроке и порядке производства испытаний на ученые степени и звание.

§ 43. К предметам занятий Совета относятся также обсуждения предложений Попечителя, касающихся как Университета, так и учебного округа.

§ 44. Председатель открывает и закрывает заседания и наблюдает за сохранением в них порядка; он же по надлежащем обсуждении дела распоряжается собиранием голосов, начиная с младших членов Совета.

§ 45. Дела в Совете решаются по большинству голосов; при равенстве их перевес дает голос председателя.

Примечание. В делах Совета, восходящих на утверждение высшего начальства, прилагается и мнение меньшинства членов.

§ 46. Баллотирование, или закрытая подача голосов, употребляется: 1) при избрании всех тех лиц, которых выбор предоставлен Совету; 2) при оставлении преподавателей в Университете по выслуге определенных сроков; 3) при суждении об отправлении молодых людей за границу для приготовления к занятию кафедр и 4) при всех вопросах, решения которых баллотировкой потребуют, по крайней мере, десять членов Совета.

§ 47. Совет представляет все свои протоколы попечителю, прилагая при этом особое заключение о том, в каком объеме протокол может быть напечатан вполне или в извлечении. По делам, кои Устав предоставляет утверждению Попечителя, Совет печатает свои протоколы не прежде, как по сем утверждении их.

§ 48. По истечении года Совет составляет полный отчет о главнейших действиях и распоряжениях по Университету. Отчет этот представляется через Попечителя Министру Народного Просвещения и печатается во всеобщее сведение.

§ 49. Совет назначает ежегодно день для торжественного собрания Университета, в котором сверх чтения и извлечения из отчета раздаются медали, объявляются почетные отзывы студентам за представленные ими рассуждения и предоставляется произносить речи.

Отд. II. О Правлении Университета

§ 50. Правление под председательством Ректора составляют: деканы всех факультетов и Проректор. Инспектор, в тех университетах, где он заменяет Проректора (п. 63), участвует в заседаниях правления с правом голоса только по делам студенческим.

Примечание. В составе Правления Московского университета полагается сверх того советник по хозяйственной части, избираемый и утверждаемый Попечителем учебного округа из посторонних лиц.

§ 51. Предметы занятий правления суть: а) Предоставляемые утверждению Правления: 1) производство в границах сметного на каждый предмет назначения сверхштатного на один предмет расхода, не свыше 300 руб. сер.; 2) заключение контрактов на подряды и поставки до 5 000 руб.; 3) разбирательства по студенческим делам и взыскание с виновных в случаях, определенных университетскими правилами; 4) предание виновных университетскому суду в надлежащих случаях. б) Представляется на утверждение Совета: Смета ежегодных доходов и расходов специальных средств Университета. в) Представляемые на утверждение Попечителя: 1) назначение пособий бедным студентам; 2) ходатайство правления об освобождении от платы за учение достойных, но бедных студентов, об отсрочке или об уменьшении оной; 3) разрешение из специальных средств Университета сверхштатных расходов на один предмет свыше 300 руб. сер. в год; 4) заключение контрактов на подряды и поставки свыше 5 000 руб.; 5) предположения, касающиеся улучшений по хозяйственной части. г) Представляемые через Попечителя на утверждение Министра: 1) заключение контрактов на подряды и поставки свыше 7 000 руб.; 2) разрешение из специальных средств Университета сверхштатных расходов на один предмет свыше 1000 р. в год.

§ 52. Правление получает сумму, определенную на содержание Университета, в сроки, назначенные по ежегодному расписанию, а

также принимает деньги, вносимые за слушание лекций, и другие доходы Университета; отвечает за целость сих сумм; распоряжается ими, согласно со штатом и сметой; выдает стипендии и пособия; заключает условия на подряды; и производит выдачи, наблюдая, в отношении как расходования сумм, так и отчетности в оных порядок, предписанный общими законами и особыми распоряжениями Министра Народного просвещения.

§ 53. Правление имеет в главном своем заведовании университетскую собственность; наблюдает за благочинием и порядком в зданиях Университета, за содержанием их в чистоте и исправности и за предохранением их от порчи и пожара.

§ 54. Правление имеет заседания, по крайней мере, один раз в неделю и ежемесячно сообщает Совету и представляет Попечителю краткую ведомость о состоянии наличных сумм Университета.

§ 55. Казначей, архитектор, экзекутор и его помощник (в Московском университете) состоят в ведении Правления.

Отд. III. Об Университетском суде

§ 56. Совет избирает ежегодно из профессоров трех судей и на случай болезни или отсутствия которого-либо из них — трех кандидатов. Избранные утверждаются в должности Попечителем Учебного округа. По крайней мере один из судей и один из кандидатов должны принадлежать к юридическому факультету.

§ 57. В Суде председательствует тот из членов его, который принадлежит к юридическому факультету, а если их в числе судей более одного, то тот, который получил при баллотировании более голосов. Из остальных судей один, по предложению председателя, исправляет обязанности секретаря.

§ 58. Ведению Университетского суда подлежат передаваемые ему из правления дела касательно студентов: 1) о нарушении ими в зданиях и учреждениях Университета порядка, особыми правилами каждого из них установленного; 2) о столкновениях между студентами, с одной стороны, и преподавателями и должностными лицами университетскими — с другой, хотя бы они произошли и вне зданий и учреждений Университета.

§ 59. Правила о взысканиях, налагаемых на студентов Проректором или Инспектором, Ректором, Правлением и Судом, а также о порядке делопроизводства в Университетском суде составляются каждым Университетом и утверждаются Попечителем (§ 42, Б, пункт 8).

Отд. IV. О Канцелярии Университета

§ 60. Канцелярия Университета состоит под управлением секретаря Совета из чиновников по штату и служащих по найму. Штатными чиновниками считаются: 1) секретарь правления; 2) секретарь по студенческим делам; 3) бухгалтер правления; 4) архивариус.

§ 61. Секретари Совета и по студенческим делам, а равно секретарь и бухгалтер правления и помощники секретарей избираются Советом и утверждаются Попечителем учебного округа.

§ 62. Служащих по найму определяет и увольняет Ректор.

Гл. VI. О Проректоре или Инспекторе

§ 63. Ближайшее в Университете наблюдение за исполнением правил, установленных для студентов и других слушателей, возлагается на особое лицо, избираемое Советом из среды своих членов или из сторонних чиновников. В первом случае оно называется проректором, во втором — инспектором.

§ 64. Проректор избирается на три года из профессоров и утверждается Министром Народного Просвещения.

§ 65. Инспектор избирается единственно из лиц, окончивших полный университетский курс, и утверждается бессрочно также Министром.

§ 66. Как Проректор, так и Инспектор действуют по данной им от Совета инструкции, утвержденной Попечителем и основанной на подлежащих параграфах сего Устава. При безотлагательной же спешности дела они распоряжаются с разрешения Ректора, который потом доводит все дело до сведения Университетского Совета. Проректор и Инспектор обязаны принимать жалобы и просьбы студентов в пределах своей власти и давать им в случае их основательности надлежащий ход или же прекращать дело, ограничиваясь в случае надобности замечанием или выговором провинившимся.

§ 67. В помощь Проректору и Инспектору для наблюдения за порядком назначается несколько помощников, а для делопроизводства — секретарь по студенческим делам (п. 60). Лица эти избираются Советом и утверждаются Попечителем Учебного округа.

Гл. VII. О преподавателях и лицах, состоящих при учебно-вспомогательных учреждениях Университета

§ 68. Никто не может быть ординарным или экстраординарным профессором, не имея степени доктора по разряду наук, соответствующих

его кафедре. Для получения звания доцента надлежит иметь, по крайней мере, степень магистра; приват-доцентами же могут быть и кандидаты, представившие диссертацию (*pro venia legendi*) по тому отделению факультета, в котором они намерены преподавать, и защитившие ее публично в присутствии факультета. Лекторы языков определяются по предварительном удостоверении Совета в их сведениях и способностях к преподаванию.

Примечание. Прозекторы по медицинскому факультету, достигая сих званий, на основании общих постановлений по медицинской части, также астрономы-наблюдатели по физико-математическому факультету пользуются правами доцентов.

§ 69. Ищущие звание профессора, доцента или приват-доцента, но неизвестные факультету своими преподавательскими способностями, сверх условий, изложенных в § 68, должны прочесть публично, в присутствии факультета, две пробные лекции: одну — на тему по собственному избранию, а другую — по назначению факультетского собрания.

§ 70. По открытии вакансии штатного преподавателя каждый член факультета по принадлежности вакантного места может предложить кандидата. Все предложенные баллотируются в факультетском собрании. О результате баллотирования факультет доносит Совету с приложением списка баллотированных. Все вообще предложенные кандидаты вносятся в особую, для этой цели назначенную книгу и в первом заседании Совета снова подвергаются баллотированию в том порядке, как они записаны. Кандидат, который получит большее число избирательных шаров, составляющих притом абсолютное большинство, т. е. более половины закрытых голосов, участвовавших в баллотировании членов Совета, считается избранным.

Примечание 1. Если никто из кандидатов не получит абсолютного большинства при первом баллотировании, то сие последнее повторяется между кандидатами, получившими сравнительно с прочими более избирательных голосов.

Примечание 2. Вторичное баллотирование допускается и при равенстве голосов.

§ 71. Если никто из предложенных кандидатов не будет избран в Совете абсолютным большинством голосов или если Совет не имеет вовсе в виду кандидата, достойного занять открывшееся место преподавателя, то объявляется конкурс по программе, особо на сей предмет составляемой факультетом и утверждаемой Советом.

§ 72. Профессора по избранию Совета утверждаются Министром, а доценты и лекторы — Попечителем Учебного округа. В тех случаях,

когда вакантная в Университете кафедра не будет замещена в течение года избранным от Университетского Совета кандидатом, Министр может назначать в профессора по своему избранию лиц, удовлетворяющих требуемым от профессора условиям. Сверх сего от Министра зависит назначать во всякое время сверхштатных профессоров из лиц, отличных ученостью, даром преподавания и удовлетворяющих прочим условиям, требуемым от профессора, испрашивая каждый раз порядком, установленным в Высочайше утвержденных 22-го мая 1862 года правилах о составлении, рассмотрении и утверждении смет, разрешение на производство необходимого для такого сверхштатного профессора содержания.

§ 73. Лица, ищущие звания приват-доцента и выполнившие удовлетворительно требования, изложенные в §§ 68 и 69, допускаются Советом Университета, с утверждения Попечителя, к чтению в Университете курса по избранным ими наукам в качестве приват-доцентов.

§ 74. Приват-доцентам не полагается определенного штатом содержания; но Советы Университетов могут, по представлениям факультетов, выдавать им из специальных средств Университета соразмерное их трудам вознаграждение.

§ 75. Приват-доцентам разрешается, каждому по своему факультету: а) выбор предметов для их чтений по утвержденным программам (в § 23, лит. А, п. 4); б) пользование кабинетами, лабораториями, клиниками и другими учебными пособиями, по соглашению с лицами, оными заведующими; в) участие в испытаниях лиц, ищущих ученой степени кандидата или звание действительного студента, и г) право на зачисление времени преподавательской их должности в случае поступления их на действительную службу и одобрительного засвидетельствования Университета и Попечителя в выслугу срока на пенсию.

§ 76. Лица, состоящие при учебно-вспомогательных учреждениях Университета, как-то: библиотекарь и его помощники, помощники прозекторов, хранители кабинетов и музеев, лаборанты, провизоры и их помощники, избираются Советом и утверждаются Попечителем Учебного округа.

§ 77. Просьбы об увольнении от службы профессоров и доцентов, а также лиц, поименованных в предыдущем параграфе, вносятся в Совет Ректором. По сдаче просителями порученных им частей они увольняются тем же порядком, каким определяются на должность.

Примечание. От приват-доцентов как не состоящих в действительной службе требуется в случае прекращения ими лекций только простое заявление о том Ректору.

§ 78. Профессора и прочие преподаватели, а также и все другие лица, пользующиеся, в силу § 145, относительно пенсий правами учебной службы, оставляются в оной по выслуге срока на полную пенсию не иначе, как по новому избранию в Совете. Это новое избрание имеет силу в течение пяти лет, по окончании коих для дальнейшего продолжения службы профессора и все прочие вышеупомянутые лица подвергаются опять новому избранию тоже не более, как на пять лет и т.д. Каждое из таких избраний считается состоявшимся, если в пользу избираемого подано не менее двух третей голосов. В противном случае занимаемое баллотируемым место объявляется вакантным.

§ 79. Профессора и прочие преподаватели, уволенные из Университета с пенсией, имеют право с разрешения Совета и Попечителя пользоваться университетскими пособиями и читать лекции.

§ 80. Профессор по выслуге двадцати пяти лет в должности штатного преподавателя в Университете удостаивается звания Заслуженного профессора.

§ 81. Совет, в случае нерадения профессоров и прочих преподавателей, а также других лиц, служащих в Университете, и при безуспешности сделанных им от его имени замечаний, обязан представлять об удалении их от должностей, не иначе, однако, как по приговору, утвержденному по крайней мере двумя третями закрытых голосов.

§ 82. Штатные преподаватели обязаны: давать подробный отчет о своем преподавании факультетским собраниям, исполнять находящиеся в связи с их учеными занятиями поручения факультета и Совета и принимать участие в испытаниях кандидатов на разные учительские места, также домашних учителей и учительниц.

Примечание. Обязанности приват-доцентов определяются добровольным их соглашением с факультетскими собраниями, которое утверждается Попечителем округа.

§ 83. Штатные преподаватели должны употреблять на изложение своего предмета столько часов в неделю, сколько на основании представленных ими соображений и по рассмотрении всех обстоятельств назначит им факультет с утверждения Совета.

§ 84. Один преподаватель не может занимать двух кафедр, кроме крайних случаев, но и то не долее, как на один год. За вторую кафедру из присвоенного ей оклада он получает в таком случае по усмотрению Совета с разрешения попечителя вознаграждение в размере, не превышающем половинного оклада жалованья.

Гл. VIII. Об учащихся

Отд. I. О приеме в Университет

§ 85. В студенты Университета принимаются молодые люди, достигшие 17-летнего возраста и притом окончившие с успехом полный гимназический курс или удовлетворительно выдержавшие в одной из гимназий полное в этом курсе испытание и получившие в том установленный аттестат или свидетельство. При этом Совету Университета предоставляется в тех случаях, когда независимо от выданного из гимназии аттестата или свидетельства он признает нужным поверить степень знаний желающих поступить в студенты, подвергать их новому испытанию на основании особых правил, составленных Советом Университета и утвержденных Попечителем Учебного округа.

§ 86. Воспитанники высших и средних учебных заведений разных ведомств, с успехом окончившие общий курс учения в них, если сей последний признан будет со стороны Министерства Народного Просвещения соответствующим курсу гимназическому, равным образом имеют право поступать в студенты Университета на основаниях, изложенных в предыдущем параграфе. Те же из них, которые не обучались каким-либо предметам, входящим в гимназический курс, обязаны выдержать из сих предметов предварительное испытание в гимназии.

§ 87. Прием студентов бывает один раз в году, перед начатием академического года.

§ 88. Принятые в число студентов пользуются всеми правами окончивших курс в гимназии, хотя бы до того в них не обучались.

§ 89. Прием в Университет студентов, переходящих из других Университетов Империи, производится на основании правил, утверждаемых в каждом Университете Попечителем.

§ 90. Сверх студентов допускаются к слушанию лекций и посторонние лица по правилам, составленным Советом каждого Университета и утвержденным Попечителем.

Отд. II. О сроке учебного курса, испытаниях и поощрительных мерах к учению

§ 91. Полный курс университетского преподавания распределяется по медицинскому факультету — на пять академических лет, а по прочим факультетам — на четыре года.

§ 92. Академический год продолжается от 15-го августа до 1-го июня.

§ 93. Для приобретения ученой степени или звания и соединенных с ними прав студенты подвергаются испытаниям на основании § 110–118 настоящего Устава и особого по сему предмету Положения. Испытания эти относительно срока и порядка их производства распределяются по усмотрению Университетских советов.

§ 94. Студенты, окончившие полные испытания с отличным успехом, удостаиваются по представлении ими диссертации и по одобрении оной факультетом степени кандидата. Студенты же, оказавшие на испытаниях только успехи удовлетворительные или, хотя и оказавшие отличные успехи, но представившие диссертации, не заслужившие одобрения, получают звание действительного студента.

Примечание. Студенты, удостоенные медали или почетного отзыва (§ 96), получают степень кандидата без представления диссертаций.

§ 95. Студенты, оставляющие Университет до выдержания ими окончательного на ученую степень испытания, могут подвергаться оному из отдельных предметов и получают свидетельство об успехах, оказанных ими в сих собственных предметах.

§ 96. Для поощрения студентов к ученым занятиям факультетами ежегодно предлагаются задачи с назначением за удовлетворительные по оным сочинения, смотря по достоинству их, медали золотой или серебряной или почетного отзыва.

Примечание. Число задач и медалей зависит от усмотрения Совета.

§ 97. Сочинения, удостоенные золотой медали, печатаются по определению Совета на счет Университета.

§ 98. С тою же целью поощрения студентов к занятиям науками недостаточным из них, с успехом занимающимся науками, могут быть назначаемы по представлению факультетов и с утверждения Совета Университета единовременные из университетских сумм пособия и стипендии в таких размерах и на такие сроки, как Совет это найдет возможным. В случае слабых успехов студента или неодобрительного его поведения выдача стипендий прекращается.

§ 99. Каждому Университету предоставляется установлять над занятиями студентов тот способ контроля, который Советом Университета с утверждения Попечителя по педагогическим соображениям и местным условиям признан будет наиболее удобными и действительным.

Отд. III. Обязанности учащихся

§ 100. Студенты и посторонние слушатели обязаны повиноваться университетскому начальству и соблюдать в зданиях и учреждениях

Университета порядок, установленный особыми для учащихся правилами. Каждому Университету предоставляется составлять и представлять на утверждение Попечителя сии правила с обозначением в них как действий запрещаемых, так и соответствующих оным взысканий. При поступлении в Университет каждый студент и посторонний слушатель обязываются подпиской в соблюдении означенных правил.

§ 101. Посторонним лицам за нарушение университетских правил может быть воспрещен по распоряжению Проректора или Инспектора дальнейший вход в Университет. Недовольные их распоряжением могут жаловаться правлению. В случае важных беспорядков, причиненных в Университете кем-нибудь из посторонних лиц, воспрещение Советом входа такому лицу в Университет может быть опубликовано в ведомостях.

§ 102. Если нарушение студентом университетских правил сопровождалось каким-либо уголовным преступлением, то по исключении виновного Университетским судом из числа студентов он отсылается с препровождением копии с университетского приговора к обыкновенному уголовному суду для поступления с ним по законам.

§ 103. Вне зданий и учреждений Университета студенты подлежат полицейским установлениям на общем основании.

§ 104. В случае задержания студентов вне Университета за преступления и проступки, подлежащие уголовному суду, полиция обязана немедленно уведомить о том университетское начальство.

Примечание. До введения в действие нового порядка судопроизводства, которым отменяются депутаты от сословий или ведомств, в подобных случаях наряжается к следствию депутат от Университета; должность такого депутата исправляет Проректор или кто-либо из лиц, служащих в Университете по назначению Ректора.

Отд. IV. О плате за слушание лекций

§ 105. С каждого студента взимается за слушание лекций: в столичных университетах — по пятидесяти, а в прочих — по сорока руб. в год.

Примечание. Посторонние лица, допускаемые к слушанию лекций на основании § 90, вносят в пользу профессора или преподавателя посещаемых ими лекций установленную Советом и утвержденную Попечителем плату.

§ 106. Плата за слушание лекций вносится вперед пополугодно. Не внесшие оной в течение двух месяцев с начала полугодия увольняются из Университета, но могут быть снова приняты по вносе платы за все полугодие. Переходящие из одного Университета в другой

освобождаются в сем последнем от платы за то полугодие, за которое внесена уже ими плата в первом.

§ 107. Для облегчения недостаточных студентов университетам предоставляется: или давать отсрочки во вносе платы, или уменьшать ее до половины, или и совершенно освобождать от оной. Освобождение имеет силу в течение одного года, но может быть возобновляемо. Университет удостаивает студента той или другой из исчисленных льгот не иначе, как на основании свидетельства о бедности и вследствие удовлетворительных занятий науками; причем относительно вновь поступающих в Университет берется во внимание аттестат или свидетельство гимназии.

Примечание. Форма свидетельства о бедности устанавливается Министерством Народного Просвещения и, по приноровлении ее к местным обстоятельствам каждого Университета, сообщается тем местам и лицам, от коих зависит выдача этих свидетельств.

§ 108. Без представления свидетельства о бедности освобождаются от вноса платы за учение: а) пансионеры ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА и Особ Высочайшей фамилии; б) стипендиаты Университета и в) стипендиаты частных лиц и обществ, если выбор сих стипендиатов предоставлен Университету.

§ 109. Сумма за слушание лекций, взимаемая со студентов, а равно и прочие специальные средства университетов составляют их неотъемлемую собственность и предназначаются для таких по университетам расходов, кои имеют предметом преимущественно развитие их ученой деятельности. Сообразно с сим специальные средства Университетов употребляются: а) на учреждение специальных курсов; б) на напечатание с разрешения Совета сочинений ученого содержания, удостоенных к тому факультетами; в) на премии и награды за решение задач, предлагаемых от Университета; г) на медали, выдаваемые студентам за сочинения на задачи, предлагаемые факультетами; д) на вознаграждение профессоров и прочих преподавателей по правилам, составленным Советом и утвержденным Попечителем Учебного округа; е) на учреждение стипендий и на пособия наиболее даровитым студентам; ж) на жалованье и плату сверх штатного положения; з) на ученые путешествия и командировки; и) на непредвиденные расходы.

Гл. IX. Об ученых степенях и почетных членах

§ 110. Советы Университетов по представлениям факультетов и на основании их удостоения имеют право утверждать в звании

действительного студента и в ученых степенях, которые во всех факультетах, кроме медицинского, суть: кандидат, магистр и доктор.

Примечание. Ученые степени и звания по медицинскому факультету приобретаются на основании общих по медицинской части постановлений.

§ 111. Звание действительного студента приобретается по испытанию, а степень кандидата — по испытанию и по диссертации, одобренной факультетом. От ищущего степени магистра требуется сверх нового устного испытания публичное защищение диссертации. Магистры удостаиваются степени доктора только по представлению и публичному защищению ими диссертации.

§ 112. Испытание на звание действительного студента и на степень кандидата обнимает все предметы, определенные для обучающихся в Университете студентов того отделения факультета, по которому испытуемый ищет упомянутых звания или степени, считая в числе предметов испытания для принадлежащих к православному исповеданию и богословие. Ищущий степени магистра подвергается испытанию только в некоторых из сих предметов по особому о производстве испытаний на ученые степени Положению.

§ 113. Ученые степени приобретаются в порядке их постепенности и в установленные сроки: кандидат через год может искать степени магистра, а магистр — через год степени доктора.

Примечание. Университетам предоставляется, однако, право: а) знаменитых ученых, приобретших всеобщую известность своими учеными трудами, возводить в высшую ученую степень прямо и без испытания и б) ученых, имеющих степень доктора от иностранных университетов, допускать по усмотрению факультета к испытанию прямо на степень магистра.

§ 114. Ученые степени могут быть приобретаемы как русскими подданными, так и иностранцами.

§ 115. Слушатели университетских лекций и посторонние лица допускаются к испытанию только на ученую степень кандидата и не иначе, как по представлении свидетельства о выдержанном ими испытании из предметов полного гимназического курса.

§ 116. Испытания на ученые степени и звание производятся в определенные каждым факультетом сроки: на звание действительного студента и на степень кандидата — в комиссиях, состоящих под председательством деканов, из членов факультета по назначению оного, а на степень магистра — в полном собрании факультета.

§ 117. Подробные правила испытаний на звание действительного студента и на ученые степени определяются особым Положением, утвержденным Министром Народного Просвещения.

§ 118. Сверх того Университеты имеют право возводить в звание почетных членов лиц, известных покровительством наукам или прославившихся своими дарованиями и заслугами, и выдавать им дипломы на сие звание с утверждения Попечителя.

Гл. X. О средствах для развития ученой деятельности Университетов

§ 119. Университетам предоставляется с разрешения Министра Народного Просвещения учреждать для усовершенствования совокупными усилиями какой-либо определенной части наук и для совещания о способах к возвышению их уровня в Университетах ученые общества, а также предлагать с утверждения Университетского Совета ежегодно к решению задачи, предметом коих должны быть новые вопросы, относящиеся к той или другой науке, и выдавать за решение сих задач установленные премии.

§ 120. Уставы ученых обществ и правила, определяющие порядок назначения задач и выдачи премий за решение их, утверждаются Министром Народного Просвещения.

Гл. XI. Учебно-вспомогательные учреждения

§ 121. Число и состав состоящих при университетах учебных пособий, заведений и собраний определяются штатом; но они могут быть по представлению Совета и с разрешения Министра Народного Просвещения увеличиваемы в мере надобности и средств. К пособиям и заведениям сим принадлежат: 1) библиотека; 2) астрономическая обсерватория с собранием астрономических таблиц, эфемерид, или месяцесловов, и т.д.; 3) кабинет практической механики; 4) физический кабинет и физическая лаборатория, вполне доступные для преподавателя прикладной физики в медицинском факультете и пополняемые по этой части, согласно указаниям сего преподавателя; 5) химический кабинет и лаборатория, с отдельными рабочими комнатами для каждого преподавателя и с особым отделением для работ по части физиологической и патологической химии, токсикологии и практических упражнений студентов как математического, так и медицинского факультетов; 6) минералогический кабинет и лаборатория; 7) кабинет по

физической географии; 8) метеорологическая обсерватория; 9) геологический и палеонтологический кабинет; 10) ботанический сад с оранжереями и теплицами;11) ботанический кабинет с рабочими комнатами для практических занятий студентов; 12) зоологический кабинет и лаборатория для препарирования и набивания животных; 13) зоотомический кабинет и лаборатория; 14) физиологический кабинет. При нем: собрание инструментов и аппаратов для производства вивисекций и других опытов как собственно по кафедре физиологии, так и по кафедре общей патологии; 15) кабинет и лаборатория для преподавания технической химии; 16) кабинет и лаборатория для преподавания агрономической химии; 17) музей физиологической анатомии. При нем: амфитеатр, рабочие комнаты с особыми применениями для микроскопических занятий, производства инъекций и т.п.; собрание анатомических инструментов и склад для трупов. *Примечание*. Такое же учреждение, хотя и в меньших размерах, за исключением, впрочем, музея, имеющего тот же объем, должно быть сделано совместно и для кафедр патологической анатомии и судебной медицины; 18) собрание препаратов по наукам, входящим в состав кафедры гистологии, с достаточным количеством микроскопов; 19) при кафедре фармации — рабочая комната с медикаментами и необходимыми для приготовления лекарств посудой и инструментами; 20) собрание средств, необходимых для производства опытов по кафедре фармакологии; 21) хирургический кабинет с полным собранием хирургических, офтальмологических инструментов, машин и повязок и необходимыми анатомическими инструментами; 22) кабинет акушерства, женских и детских болезней с принадлежащими к нему инструментами и аппаратами; 23) госпитальное отделение для исследования разных судебно-медицинских случаев при кафедре судебной медицины; 24) клиники: 1) факультетские: а) терапевтическая, б) хирургическая и в) акушерства, женских и детских болезней с оспопрививательным отделением; 2) госпитальные: а) терапевтическая, б) хирургическая. *Примечание*. Сверх факультетских и госпитальных клиник могут быть учреждаемы на специальные средства Университета особые клиники: а) нервных и душевных болезней, б) накожных сыпей, в) офтальмологическая, г) сифилитическая и болезней мочевых и половых органов и д) детских болезней. Первые две составляют отделение терапевтической, а вторые две — хирургической факультетской или госпитальной клиник; детская клиника сливается с акушерской; 25) музей древностей и художеств (слепков и копий с произведений древнего и нового искусства) при кафедре теории и истории искусств; 26) собрание монет и медалей.

§ 122. Библиотека состоит в заведовании библиотекаря и его помощников, число коих зависит от объема библиотеки. Прочие учреждения находятся в ведении: или преподавателей, к кафедрам которых они принадлежат, или особо назначенных для того лиц, зависящих от сих преподавателей.

Гл XII. Права и преимущества Университетов

Отд. I. Права, собственно Университетам принадлежащие

§ 123. Все университеты состоят под особым покровительством ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА и носят имя ИМПЕРАТОРСКИХ.

§ 124. Университеты имеют собственные печати, большую и малую, с изображением Государственного герба и с надписью: ИМПЕРАТОРСКОГО такого-то Университета.

§ 125. Университеты входят с представлениями только к Попечителю, со всеми же прочими местами и лицами сообщаются отношениями.

§ 126. Университеты свободны от платежа весовых денег за отправляемые по делам их письма и посылки, когда последние весом не более пуда.

§ 127. Университеты свободны от употребления гербовой бумаги и от платежа крепостных и иных пошлин по совершаемым от имени их актам и вообще по всем касающимся до них делам.

§ 128. Университеты имеют свою собственную цензуру для тезисов, рассуждений и иных учено-литературного содержания сочинений и сборников, ими издаваемых.

§ 129. Университетам предоставляется право свободно и беспошлинно выписывать из-за границы всякого рода учебные пособия. Кипы и ящики с сими вещами, адресованные в Университеты, в пограничных таможнях не вскрываются, а только пломбируются и потом свидетельствуются в Университетах в присутствии таможенного или полицейского чиновника.

§ 130. Книги, рукописи и повременные издания, получаемые университетами из чужих краев, не подлежат рассмотрению цензуры.

§ 131. Университетские здания освобождаются на основаниях, изложенных в существующих постановлениях, от квартирной повинности как постоем, так и деньгами, а равно и от денежных в пользу

города сборов. Правило сие не распространяется на те из принадлежащих Университету зданий, которые приносят доход посредством отдачи их внаем.

§ 132. Университеты могут издавать периодические труды ученого содержания и иметь собственные типографии и книжные лавки на общем основании.

§ 133. Университетам, при коих состоит медицинский факультет, позволяется содержать свои аптеки.

§ 134. Если преподаватель и вообще чиновник Университета умрет на службе, не оставив наследников и не сделав о своем имуществе надлежащего распоряжения, то Университет обязан сообщить о том местному Губернскому Правлению, для вызова родственников покойного, и буде, в постановленный законами срок, наследников не окажется, то оставшееся после умершего имущество обращается в собственность Университета.

§ 135. Университетам предоставляется приобретать на праве полной собственности движимые и недвижимые имущества.

Отд. II. Преимущества лиц, принадлежащих к Университету

§ 136. Служащие при Университетах, считаясь доколе состоят в своих должностях в присвоенных им по штатам классах, пользуются вообще преимуществами, означенными в Своде Зак. (изд. 1857 г.) Т. III Уст. о служ. по опред. от Правительства.

§ 137. Профессора, доценты, прозекторы и их помощники, лекторы, астрономы-наблюдатели, библиотекарь и его помощники, помощники Проректора и лаборанты производятся двумя чинами выше присвоенного их должностям класса.

§ 138. Приват-доценты не считаются в государственной службе, но, доколе остаются в должностях, пользуются преимуществами классных чиновников.

§ 139. Если преподаватель или чиновник Университета будет арестован не по участию или подозрению в уголовном преступлении, то немедленно препровождается с заявлением проступка его к Ректору; в противном же случае Университет уведомляется о задержании виновного.

Примечание. До введения в действие нового порядка судопроизводства при следствии наряжается депутат со стороны Университета.

§ 140. Приглашаемые из чужих краев преподаватели имеют право при первом въезде в государство привозить с собою или выписывать

после того в течение года разные вещи и пожитки беспошлинно на сумму пошлины девятисот рублей. В сию сумму не включаются пошлины с таких привезенных самими преподавателями вещей, которые подлежат беспошлинному при въезжающих из-за границы пассажирах пропуску, равно как с учебных пособий, состоящих в книгах, инструментах, географических картах и проч., которые без всякого ограничения позволяется привозить из-за границы как вызываемым в Университеты ученым иностранцам, так и возвращающимся в отечество русским преподавателям университетов и вообще путешествующим в чужих краях на счет Правительства воспитанникам университетов.

§ 141. Преподаватели из иностранцев по увольнении от университетов имеют право выезжать во всякое время за границу без платежа пошлин за вывозимое ими собственное имущество.

§ 142. Удостоенные ученых степеней утверждаются в случае вступления в гражданскую службу в следующих классах: доктор — в VIII, магистр — в IX, кандидат — в X. Действительные студенты получают на том же основании XII класс.

Примечание. Ученые степени и звания по медицинской и фармацевтической части подчиняются общим по сим частям постановлениям.

§ 143. Права кандидатов и действительных студентов на поступление в военную службу и на производство их потом в офицеры определяются существующими по военному ведомству правилами.

§ 144. Происходящие из податного состояния лица, приобретшие ученые степени, пользуются на основании ст. 577, п. 1, и ст. 583, п. 1, Законов о состояниях (Свод Зак. 1857 г. Т. IX) правами личного и потомственного почетного гражданства, хотя бы они и не поступили на государственную службу.

Отд. III. О пенсиях и пособиях за службу при Университете

§ 145. Профессора, доценты, лекторы, астрономы-наблюдатели, прозекторы, их помощники, лаборанты, помощники проректора, библиотекари и их помощники, хранители кабинетов и музеев, или консерваторы, пользуются относительно пенсий и единовременных пособий правами, изложенными в ст. 467–529 Уст. о пенсиях и единовр. пособиях (Свод Зак. 1857 г. Т. III).

Примечание 1. Служба приват-доцентов в случае поступления их в одну из показанных здесь должностей причитается при исчислении срока выслуги пенсии к сей последней должности.

Примечание 2. Пенсии профессорам и преподавателям университетов, равно как и единовременные пособия не выслужившим еще сроков к пенсиям, производятся в прежнем размере, т. е. с принятием в основание расчета пенсии и единовременного пособия того жалованья, которое получалось по правилам, существовавшим до утверждения настоящего Устава.

§ 146. Ординаторы, провизоры и фельдшера при клиниках, врачи и фельдшеры при больницах для студентов, аптекарские ученики и повивальные бабки при акушерских клиниках пользуются правами на пенсии и единовременные пособия, изложенные в ст. 755–792-й Уст. о пенсиях и единовр. пособиях (Свод Зак. 1857 г. Т. III).

§ 147. Все прочие за тем лица, состоящие на службе при университетах, получают пенсии и единовременные пособия по правилам, изложенным в ст. 1–243-й Свода Зак. того же Тома и Устава.

Список вышедших в издательстве «Зерцало»
книг с аннотациями можно посмотреть на сайте:
http://www.zertsalobooks.ru

Университетская реформа 1863 года в России

Корректор — *Т.В. Кочемасова*
Верстка — *А.В. Плотников*

Издательство «Зерцало»
Подписано в печать 26.09.2011.
Формат 60×90/16. Усл. печ. л. 30,0.
Тираж 500 экз. Заказ №

Отпечатано в ППП «Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6